РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ТРУДЫ Отделения историко-филологических наук

2022

Том 12

Ответственный редактор
академик РАН В.А. ТИШКОВ

МОСКВА, 2023

УДК 94 (082)
ББК 63я 43
Т78

Издание основано в 2003 году

Редакционная коллегия:
В.Л. Кляус, Н.А. Макаров, А.М. Молдован, Е.И. Пивовар,
Н.В. Тарасова (составитель), В.А. Тишков (ответственный редактор)

Рецензенты:
доктор исторических наук, член-корреспондент РАН Ю.М. Батурин
доктор филологических наук, член-корреспондент РАН А.А. Пичхадзе

Научно-организационная подготовка А.А. Сарибегян

Т78 Труды Отделения историко-филологических наук РАН / Отд-ние ист.-филол. наук РАН. – М.: РАН, 2023.
2022. Том 12 / отв. ред. В.А. Тишков; [сост. Н.В. Тарасова]. – 2023. – 364 с.

ISBN 978–5-907645–32–5

В двенадцатом томе ежегодного издания «Труды Отделения историко-филологических наук РАН» традиционно публикуются материалы научных сессий Общих собраний ОИФН РАН. Первая часть включает статьи участников научной сессии «Пётр Первый и его эпоха в истории и культуре России» (31 марта 2022 г.), в которых освещены различные внутригосударственные и внешнеполитические аспекты деятельности Петра I, представлено осмысление и изучение их роли в отечественной истории и культуре. Авторы второй части основное внимание сосредоточили на первых десятилетиях существования СССР, определивших сложную и противоречивую судьбу государства в его семидесятилетней истории (научная сессия «100-летие СССР в современном научном осмыслении», 7 декабря 2022 г.). В третьей части опубликованы статьи представителей различных направлений гуманитарного знания по ряду актуальных вопросов исторической и филологической науки.

Для историков, филологов, широкого круга читателей.

ISBN 978–5-907645–32–5

УДК 94 (082)
ББК 63я 43

© Отделение историко-филологических наук РАН, 2023
© Тарасова Н.В., составление, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Тишков В.А. Предисловие к 12-му тому «Трудов Отделения историко-филологических наук РАН» 5

Часть 1

Научная сессия Общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН «Петр Первый и его эпоха в истории и культуре России» (31 марта 2022 г.)

Агеева О.Г. Пётр I и юридическое признание императорского статуса в России 8
Анисимов Е.В. Пётр Великий как европейский монарх 23
Петров А.Ю. К вопросу о становлении российского дальневосточного и тихоокеанского фронтира в эпоху Петра Первого 28
Басаргина Е.Ю. Европейские советники Петра I и создание научного учреждения в России 40
Бухаркин П.Е. Письма Петра I как факт русской культуры 54
Занин С.В. Общественная мысль России от Петра I до Екатерины II: степень изученности и новые источники 67
Базарова Т.А., Димитров Д.В., Проскурякова М.Е., Сиренов А.В. Автографы Петра I: чтение технологиями искусственного интеллекта 79
Воронцова Г.Н., Акимова А.С. Новое издание романа А.Н. Толстого «Пётр Первый»: проблемы текста и научного комментария 92

Часть 2

Научная сессия Общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН «100-летие СССР в современном научном осмыслении» (7 декабря 2022 г.)

Чубарьян А.О. Столетие образования СССР: научная дискуссия историков стран СНГ 112
Шубин А.В. Проблема устойчивости СССР 116
Аманжолова Д.А. Актуальные вопросы изучения советской этнонациональной политики 125
Суржикова Н.В., Лебеденко Е.Ю. Память о Гражданской войне: казус И.П. Волкова 141
Алпатов В.М. Языковая политика в СССР и России 158
Полонский В.В., Московская Д.С. От Союза ССР к Союзу писателей: становление раннесоветских литературных институций в культурно-политическом контексте 1920–1930-х гг. 167
Корниенко Н.В. История советской литературы в свете текстологии 177
Головнёв И.А. Киноатлас СССР: проект и процесс (1920–1930-е гг.) 193

Часть 3

Актуальные вопросы гуманитарных наук

Кузнецов В.Д. Фанагория: античная цивилизация на юге России 207
Зайцев И.В. О булгарских шейхах – подлинных и мнимых. Казанский шейх Мухаммед-Амин ал-Булгари (ум. около 902/1496–97 гг.) в Тебризе 228
Усачёв А.С. Состав соборных старцев русских монастырей XVI века: региональная специфика 234
Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Ещё раз о проекте создания Исторического музея в Ленинграде (1939–1941 гг.) 270
Бондаренко Д.М. Историческая память, нациестроительство и неотрадиционализм в постколониальной Африке южнее Сахары 286
Козлов В.П. Историческая документология: объект, предмет и задачи дисциплины 302
Добровольская М.В. Биоархеологические материалы в современной археологии: методические основы исследования и историческое содержание новых данных 323
Татевосов С.Г. Скалярность в семантике естественных языков 336
Савинов Д.М. Актуальные вопросы совершенствования графики и орфографии языков Российской Федерации 348

Список сокращений 359

Сведения об авторах 361

Предисловие к 12-му тому «Трудов Отделения историко-филологических наук РАН»

В.А. Тишков
академик РАН, ответственный редактор издания

Двенадцатый том научных трудов Отделения историко-филологических наук (ОИФН) Российской академии наук продолжает традицию публикаций докладов, которые были сделаны на научных сессиях Общих собраний и заседаниях Бюро ОИФН. В томе публикуются также научные работы, которые представили члены отделения и другие учёные.

В 2022 году прошли две научные сессии, посвящённые таким памятным датам отечественной истории, как 350-летие со дня рождения Петра I и 100-летие образования Союза Советских Социалистических Республик (СССР).

Первый раздел трудов содержит материалы научной сессии по теме «Пётр Первый и его эпоха в истории и культуре России». Годы правления Петра Великого составили выдающийся этап в истории и культуре России. Последний царь Московский и первый император Всероссийский совершил так много деяний на благо России, что даже самый краткий их перечень потрясает величием замыслов и свершений короткой жизни самодержца-реформатора. Пётр добился свободного доступа к Балтийскому морю, основав Петербург, создал сильный флот и новую армию. Он положил начало процессу юридического признания зарубежными государствами статуса имперской формы страны, инициировал новые территориальные приобретения, положив начало становлению российского дальневосточного и тихоокеанского фронтира. Первый российский император был создателем научных учреждений, включая Российскую академию наук и матерь российских музеев – Кунсткамеру.

Пётр I был знаком с опытом устройства и развития других государств и желал переустроить Россию на европейский лад, окружив себя европейскими советниками и во многом копируя Европу – от архитектуры до манеры одежды и церемониала. Но Пётр, будучи европейским монархом и признанным таковым, оставался в своей глубинной основе русским царём, повелителем своего народа. Именно при Петре I утверждаются понятия «Отечество», «Отчизна», которые стали всё чаще употребляться вместе со словом «народ» как наиболее близким синонимом «нации». Тогда же, вместе с этими словами, появляются такие категории, как слава, гордость, служение народу и Отчизне. В акте 1721 г., пожаловавшем Петру I титул императора Всея Руси, члены Сената и Священного Синода просили государя возложить на себя титул «Отец Отечества», поскольку он много сделал для него во время своего «государствования», когда «государство всех россиян и российский народ стали сильными и уважаемыми». Титул «Отец Отечества» устанавливал новое значение роли царя как духовного отца своей паствы. Это изменение было значимым, и новые концепты российского народа как гражданского сообще-

ства начали проникать в умы людей, которых до этого чаще всего считали чьими-то «презренными рабами».

Пётр жестоко эксплуатировал своих подданных, но в то же самое время ушёл от московских пыточных казематов, перенеся столицу в новый космополитичный город. Он ввёл новые принципы управления государством на основе определённых правил и закона, поощрял инициативу, возвращал полные имена вместо кличек, стремясь тем самым вызвать у россиян чувство собственного достоинства. И Пётр I преуспел в этом покорении безличностной стихии. Не случайно при погребении императора прозвучали слова Феофана Прокоповича, обращённые к соотечественникам: «До чего мы дожили, о Россиане? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем... Не весма же, Россиане, изнемогаим от печали и жалости». В своей совокупности статьи первого раздела 12-го тома «Трудов ОИФН» содержат значимые для понимания данной эпохи материалы.

Второй раздел издания включает статьи об историческом опыте становления и существования СССР как крупнейшего государства мира, который за 74 года своего существования оказал мощное влияние на ход мировой истории, и историческим преемником которого является нынешняя Российская Федерация (Россия). В чём загадка устойчивости, смысла существования и столь скорого распада? Один из ответов на первый вопрос – это программа и действия большевиков в области этнонациональной политики в условиях огромного полиэтничного и многоконфессионального государства. Объявив защиту «ранее угнетённых наций» и интернациональную солидарность трудящихся, используя «красный террор» против «чуждых элементов», советская власть смогла обеспечить контроль и сохранение государства фактически в пределах бывшей империи. Далее были десятилетия тоталитарного и авторитарного правления при сильных скрепляющих механизмах в лице компартии, системы воспитания и образования, единой идеологии и спецслужб.

Не обеспечив должный уровень жизни и свобод, тем не менее советский строй принёс многие завоевания для народа и удовлетворения среди граждан страны. Бесспорными были достижения в области культуры и науки, сохранении этнокультурного многообразия и внутренней автономии т. н. национально-территориальных образований. Именно ослабление скрепляющих государство механизмов, кризис верхов в форме борьбы за Кремль главных политических фигур, а также внешнее разрушительное воздействие в форме поддержки этнического сепаратизма, всё это стало набором факторов разрушения советского государства. Научные дискуссии вокруг оценок противоречивого опыта СССР и причин распада продолжаются в науке до сих пор. Авторы статей данного раздела вносят существенный вклад в современное осмысление данной темы.

В третьем разделе научных трудов ОИФН содержатся статьи на разные темы самых разных поддисциплин истории и филологии. Здесь публикуется детальный научный срез археологического изучения античной цивилизации на юге России на примере комплекса памятников древней Фанагории. Рассматривается история одного из раннесредневековых государств – Волжской Булгарии, где утверждался ислам на территории нашей страны.

Ещё одна статья освещает историю соборных старцев русских монастырей XVI века. Публикуются статьи по истории науки: проблемах документологии, проекте создания Исторического музея в Ленинграде перед Великой Отечественной войной, истоках биоархеологического направления. Интерес отечественных историков и антропологов вызывает опыт национального государство-строительства в условиях постколониальных стран с традиционными социальными структурами. В постколониальных странах, особенно в странах Африки, апелляция к памяти раннегосударственных образований и к традиционным социальным структурам для конструирования национальной идентичности имеет большое значение в связи с неудачными попытками копировать европейские модели политического устройства. Поэтому имеет место обращение к «неотрадиционализму» как основе сплачивания граждан вместо тривиальной демократии с её принципом «один человек – один голос», и получившие большинство забирают всю власть. Культурная сложность и риски трайбализма (этнического сепаратизма или доминирования) мотивируют в условиях многослойных постколониальных обществ конструирование наций на основе межэтнического согласия и традиционных социальных структур.

Филологическая тематика представлена статьями о совершенствовании графики и орфографии языков Российской Федерации, а также статьёй о скалярности в языковой семантике. Последняя тема достаточно новая в научной повестке, и речь в данном случае идёт о том, что существуют некие неотъемлемые сущностные свойства оценочной семантики («хороший», «плохой», «совершенный», «абсолютный» и т. п.). В обычном языке это явление во многом усиливает, интенсифицирует значения слов, а изучение этого явления носит во многом сложный и даже интуитивный характер. Для более точного понимания этой проблемы отсылаем к публикации в данном коллективном сборнике научных статей.

В целом предлагаемое читателю издание научных трудов под грифом Отделения историко-филологических наук РАН отличается высоким профессиональным уровнем, новаторскими подходами и заслуживает внимания самой широкой читательской аудитории из числа прежде всего представителей гуманитарной науки.

ЧАСТЬ 1

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН «ПЁТР ПЕРВЫЙ И ЕГО ЭПОХА В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ» (31 марта 2022 г.)

Пётр I и юридическое признание императорского статуса в России

О.Г. Агеева

Аннотация. *Статья посвящена истории юридического признания императорского титула русских монархов. В ней рассматриваются история именования Русского государства в XVI-XVII веках, включая прецеденты дачи императорского ранга. В статье изучено в деталях официальное объявление императорского титула Петра I в 1721 году во время празднования Ништадтского мирного договора и процесс юридического признания имперского статуса России в 1720-х – 1760-х гг.*

Ключевые слова: *Россия, Императорский титул, юридическое признание, XVIII век.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.001

Одним из событий политической жизни России времени петровских реформ было юридическое закрепление за страной статуса империи, что в эпоху монархических государств было равно признанию императорского титула русского монарха в международных официально признанных соглашениях [*Некрасов*, 1972: 381]. Вопрос об этом приобрёл особую актуальность в конце 1690-х – начале 1700-х гг., когда Россия присоединилась к европейскому сообществу и превратила свою дипломатию в общеевропейскую, учредив постоянные дипломатические представительства во всех ведущих странах Запада, а также Османской империи (ранее Московия имела своих представителей только в Швеции и Речи Посполитой) [*Похлебкин*, 1992: 202]. Налаживание контактов на регулярной основе потребовало точно зафиксировать в международных документах европейских стран имперский титул правителя России. Эту проблему Пётр I старался решить в течение более, чем двадцати лет.

Государства имперского типа исторически имели различный набор признаков, однако среди них выделялись главные, общие для всех свойства. Таковыми являлись огромная территория, сложный полиэтничный и поликон-

фессиональный состав населения. И следует сказать, что страну именно с такими характеристиками унаследовал от своих предшественников на троне Пётр I. В XVI-XVII вв. территория Российского царства увеличилась более чем в 15 раз и простиралась от Белого моря до Каспийского, от западных границ до Тихого океана. Подданными царя были около 15 млн человек разных национальностей и религий [*Муравьёв, Самаркин*, 1973: 126–127, 138]. Среди них православные составляли 84.5 %, остальные 15,5 % были протестантами, мусульманами, буддистами и язычниками [*Кабузан*, 2008: 16–18]. Другими признаками имперского статуса страны считались военная и экономическая мощь. Их Россия обрела в ходе петровских преобразований, что наглядно показали войны 1690-х – начала 1720-х гг. Однако перечисленные имперские характеристики в соответствии с менталитетом той эпохи не играли решающей роли в признании страны государством-империей. Обращение к мемуаристике и сочинениям иностранцев о России начала XVIII в., посольским депешам, проповедям русских иерархов – Стефана Яворского, Феофана Прокоповича и других, показывает, что упоминание в них большой территории и полиэтничности России встречается крайне редко и в основном как обычная характеристика, а не признак Русского государства как империи. Исключения были крайне редки. К примеру, в сочинении английского посланника Ч. Уитворта о России, написанном, вероятно, в 1710 г., после употребления термина империя помещено описание обширного пространства страны [*Уитворт*, 1988: 58]. В целом же вопрос имперского ранга России в соответствии с политическим менталитетом той эпохи рассматривался исключительно в политической плоскости, которую подкрепляло международное право, фиксировавшее титул монарха в международных актах и соглашениях [*Некрасов*, 1972: 381]. Это определило длительное время утверждения России в статусе империи и способы, к которым прибегало русское правительство. Ключевым среди них стал приуроченный к празднованию победы России над Швецией акт поднесения 22 октября 1721 г. Петру I титула императора, что позволило требовать от ведущих стран Европы закреплённого юридически признания страны империей.

Действия русских властей, русской дипломатии осложняло то, что признание имперского титула русских монархов было сопряжено с ломкой взглядов европейского сообщества на собственное политическое устройство. По представлениям XVI-XVII вв. каждая европейская страна занимала своё определённое место в уже сложившейся иерархии западных государств. Пальму первенства в ней имела Священная Римская империя, связывавшая воедино сложными отношениями немецкие княжества и города, королевства Венгрии, Богемии (Чехии) и др. Ступенью ниже империи в определённом порядке стояли независимые королевства – Франция, Испания, Англия, Дания и другие. При этом главенство между собой оспаривали Франция и Испания. Далее шли Венецианская республика, Соединенные штаты Нидерландов и т. д. Особняком стоял Ватикан. Эти представления с XVI в. зафиксировались в документах внешнеполитических ведомств отдельных стран для решения вопросов приоритета, например, при папском дворе (при этом сам папа ставил себя выше императора, далее помещал его наследника римского короля, а уже затем королей, герцогов и др.). Общей

юридической договорённости европейских стран об их политических номинациях не было, но была цепкая традиция межгосударственных отношений, благодаря которой исторически сложившиеся связи представляли собой своеобразное международное местничество. Оно было закреплено в прописанных в международных договорах титулах, инсигниях, церемониалах общения европейских правителей и дипломатическом этикете, например, в порядке карет в кортеже, месте за столом переговоров, порядке подписи (альтернате) и др. [*Сатоу*, 1961: 33–35]. Нарушение правил вызывало международные конфликты [*Левашов*, 1792].

Остается добавить, что по представлениям эпохи, помимо одной христианской империи европейского мира, существовали нехристианские империи на Востоке – Турция, Китай, Персия и другие, но это был мир восточных варваров, который не соотносился с европейским сообществом [*Фроловский*, 1972: 396; Русский посол в Стамбуле, 1985: 46, 48, 55; и др.].

Ситуация с титулом России к началу XVIII в. имела свою долгую предысторию. В допетровское время статус Московского государства, стремительно укреплявшегося на востоке Европы с конца XV в., не был устойчивым. В эпоху локальной дипломатии, когда внешние связи определяло отправление разовых дипломатических посольств, при сношениях с Московией в зависимости от политической конъюнктуры представлялось возможным давать её главам разные титулы. Поэтому русских князей, великих князей Московских и царей в дипломатических документах именовали, не считаясь с принятой в России титулатурой, князьями, великими князьями, великими герцогами, королями (rex), цесарями, императорами. Эта вариативность была допустима, так как определялась текущим политическим моментом в отношениях какой-либо иной страны с Россией и не оказывала влияния на сношения с другими государствами. Что касается титула «император» с его синонимами «цесарь» и «кайзер», то к ним прибегали с XVI в., когда появлялась заинтересованность в торгово-экономической или военной поддержке русских правителей.

Многочисленные примеры такого рода, зафиксированные в дипломатических актах, привёл в рукописи своего сочинения «Историческое показание о Российском императорском титуле» 1803 г. Н.Н. Бантыш-Каменский. Среди них были прецеденты, относившиеся к сношениям с Англией (титул давали в грамотах к русским монархам королева Мария и её супруг Филипп, королева Елизавета, короли Яков I, Карл I и Карл II – Emperior of all Russia, Imperatori totius Russia, Lord Emperourand grand Duke), с Голландией (штатгальтер принц Оранский в 1614 и других годах – Al ler Russenn Kaizer), Данией (короли Фридерик II и Христиан IV – Kayser alles Russen, Kayser und Gros Furst), Францией (Людовик XIII – Empereur der Russiss, le Grand senieur Empereur et grand Duc… Empereur de Cazan, empereur d'Astrachan) и другими странами [РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–6 об.]. Однако в целом официальная Европа к концу XVII в., постепенно повышая статус русских правителей, была склонна приравнивать титул русских царей к королевскому и не считала за правило редкие обращения к русским правителям как к императорам.

Именование глав Московского государства императорами-кайзерами было обычным и среди представителей европейской интеллектуальной эли-

ты. С XVI ст. такой титул присутствует на картах Московии. К примеру, на карте А. Дженкинсона 1562 г. под портретом царя Ивана Васильевича стоит подпись «Magnus Imperator Russie, Dux Moscovie» («великий император России, князь Московский»). Именование русских царей императорами присутствует и в бумагах европейской научной элиты, например, фламандский картограф Г. Меркатор в письмах 1580 г. к английскому географу Р. Гаклюйту называет русского монарха «le grand emperior de Moscovie» [*Борисовская*, 1992: 32–33; *Чарыков*, 1878–1881: 6].

Аналогичной была ситуация с использованием имперского титула в правление царя Петра Алексеевича до 1721 г. Именно так к царям Петру Алексеевичу и Ивану Алексеевичу обращался в грамотах 1687 и 1688 гг. испанский король Карл II (…Czares y grandes Duckes… Emperadores…) [РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 5]. Императорским величеством (Your Imperial Majesty) именовался Пётр I в грамотах английской королевы Анны Стюарт. В 1710 г. во время извинительной аудиенции в Кремле английского посла Ч. Уитворта вице-канцлер П.П. Шафиров показывал Юлю копии речи Уитворта, в ней, как отметил Ю. Юль, тот «всюду даёт царю титул имперского (Keizerlige) величества» (и, действительно, этот титул давался в грамоте 22 раза). При этом вице-канцлер Шафиров «беспристрастно повторил это, разумеется, с целью намекнуть, что и другие коронованные особы должны бы давать царю тот же (титул)». [*Юль*, 2001: 134–135; *Кротов*, 2017: 180–182].

Обращение к Петру как императору практиковалось при личном общении во время поездок царя в Европу. Так, во время его пребывания в 1698 г. в Англии австрийский резидент Гофман сообщал своему двору, что русского монарха все «называют здесь императором России», а после посещения царём парламента кто-то пустил шутку, что видел «короля на троне и императора на крыше» – Пётр через слуховое окно наблюдал, как английский король Вильгельм III утверждал билль о поземельном налоге [*Андреев*, 1947: 81]. Императором именовали Петра I представители научных и художественных сообществ Западной Европы. В переписке с царём-преобразователем десятки раз называл его императором («Mon Impereur») служивший в России блистательный французский архитектор Ж.Б.А. Леблон и др. [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 696]. Однако этот взгляд среди европейцев разделяли далеко не все. Очевидным это стало как раз в конце XVII – начале XVIII в., когда в межгосударственных отношениях России и Европы наступил новый период более тесного общения. Уже упомянутый посланник союзника России датского короля Ю. Юль, аккредитованный при русском дворе в 1709–1711 гг., писал в своём дневнике в 1710 г., что «вследствие счастия и успехов, выпавших в настоящей войне на долю (России), высокомерие (русских) возросло до такой степени, что они стремятся переделать слово “царь” в “Keiser” или “Caeser”». Среди этих «высокомерных» русских Юль отметил П.П. Шафирова и царского посланника при имперском и датском дворах барона И.Х. Урбиха, то есть указал на царских дипломатов, которые первыми поняли значение высшей государственной номинации для России. Что касается доводов Юля, то они носили в основном лингвистический и исторический характер. Посланник полагал, что слово «царь»,

написанное латинскими буквами, не есть сокращенное «цесарь» – «кайзер», так как «czar» есть неправильное написание, а правильно – «tzar», что после падения римской империи звание «кайзер» оставлено только Германии, и «царь» не более, чем «король», и т. д. [*Юль*, 2001: 135–137].

Трактовка Юлем термина «царь» как отличного от «цесарь» примечательна, так как зачеркивает распространённые в России и существовавшие ранее в Европе взгляды на их равенство. О последнем, в частности, свидетельствует довод папских секретарей в 1673 г. о том, что папа не может дать грамоту с титулом «царь» великому князю московскому Алексея Михайловичу, так как «царь и цесарь все ра́вно» [*Бантыш-Каменский*, 1896. Ч. 2: 238].

Что касается самого Петра I, который, по выражению иностранного дипломата, «не без тайного удовольствия внимал этому титулу» [*Юль*, 2001: 137], то воспитанный в традициях Московского царства он разделял сложившееся в XVI-XVII вв. представление о том, что как наследник своих предшественников, русских монархов, он уже со времён Древнерусского государства является цесарем (в сокращённом варианте – царём) и преемником византийских императоров. В силу этого в записке о русском гербе, датируемой приблизительно 1712–1718 гг., Пётр своею рукою написал: «/Сей герб/ Сие имеет свое оттуду, когда Владимир монарх *расийскую свою империю* разделил. 12 сынам своим, из которых Владимирския князи возимели себе сей герб С. Егория, но потом Ц. Иван Ва., когда монархию от деда его собранную паки утвердил и короновался, тогда орла за герб *империи росиской* принял, а княжской герб в груди оного поставих» [Курсив мой. – *О.А.*] [*Белавенец*, 1915: 68–69].

В официальных указах и грамотах Петра с 1700-х гг. в титуле, который писался по-разному, могла использоваться формула «царь и самодержец всероссийский…», на немецком – «Zaar und Selbsthalter aller Reussen…», на латинском «szar et autocrator totius Rossia», в 1710 г. титул «Божиею милостию мы, Петр Первый, царь и император всероссийский и прочая» использован в грамоте к магистрату Гданьска от 22 ноября 1710 г. и т. д. Именование Петра цесарем-императором также имело место в медальерном искусстве, надписях на гравюрах и пр. [*Гузевич, Гузевич*, 2021: 125–127, 131–135].

В 1700-х гг. оно проявилось в печатных изданиях. В 1705 г. в заголовке книги «Символы и эмблемата», изданной И.Ф. Копиевским и Я. Тессингом, присутствует указание, что она издана благоповелением «…императора Московского, Великого Государя Царя и Великого Князя». В словаре И.Ф. Копиевского 1718 г. «Вокабулы или речи на словенском, немецком и латинском языках» было отредактировано в духе времени объяснение слов «Imperator, Coesar, Augusrtus», которые переводились как «кесарь, царь», а «Rex» как король. В более раннем издании 1700 г., как и более позднем 1732 г., слово «Rex» переводилось как «король» и «царь» [*Гузевич, Гузевич*, 2021: 129, 130, 135; Символы и эмблемы, 2014: 1; *Копиевский*, 1718: 88]. К этому же времени относятся шаги по закреплению имперского статуса и в других областях. В 1700-х гг. русские должностные лица начали получать графские и княжеские титулы Священной Римской империи. В 1701 г. первым русским

имперским графом становится Ф.А. Головин, в 1705 г. русским имперским князем А.Д. Меншиков [*Шепелев*, 1991: 54–55].

Но особую активность русские правящие круги начинают проявлять после разгрома шведской армии при Полтаве в 1709 г. Обращаясь к имперской государственной атрибутике, Пётр присваивает наименование Сената высшему правительственному органу (1711) и несколько ранее чинам, возглавлявшим Посольскую канцелярию, наименования государственного канцлера и вице-канцлера (1709). Последнее не остаётся незамеченным датским посланником, который пишет, что «царские министры» «добились у царя титулов имперского великого канцлера и имперского вице-канцлера», «рассчитывая чрез то пользоваться большим почётом и уважением». «Как в России, так и за границей находятся люди, – писал Ю. Юль, – которые (искали) – и в особенности теперь, после Полтавской победы, ищут – понравиться царскому двору императорским титулом, побуждая в то же время царя добиваться ото всех коронованных особ Европы «признания /за ним/ этого титула» [*Юль*, 2001: 137].

Важной вехой в отстаивании прав России на звание империи стала публикация на русском и немецком языках грамоты 1514 г. императора Максимилиана I. Грамота, найденная в архиве Посольской канцелярии, была напечатана указом Петра I в мае 1718 г. тиражом в 310 экз. В её тексте великий князь Василий III неоднократно именовался «божиею милостию цесарем и обладателем всероссийским и великим князем», «великим государем цесарем и обладателем всероссийским». Это позволило указать в предисловии к публикации, что цесарское «высокое достоинство за толко уже лет всероссийским монархам надлежит» [Грамота Максимилиана I, 1718: 1–5; *Пекарский*, 1862. Т. 2. № 338: 429; *Быкова, Гуревич*, 1955: № 298]. По свидетельству ганноверского резидента Х.-Ф. Вебера, царь велел показывать грамоту Максимилиана I «в подлиннике всем и каждому». Сам Вебер не только ознакомился с документом, но также счёл нужным скопировать его и поместить в своих записках о России [*Вебер*, 1872. № 9: 1652]. Документ имел исключительное значение, так как, по представлениям той эпохи, титул, присвоенный в международном документе императором Священной Римской империи, являлся юридическим основанием для его употребления другими государствами. Сам царь говорил, что этот документ «даёт ему бесспорное право (dutes Recht) на титул» [*Фроловский*, 1972: 391].

Самым серьёзным образом отнеслись к этой публикации власти Священной Римской империи. В венских архивах были осуществлены поиски следов подписания грамоты, и таковых тогда не обнаружили; также специалистами было проведено археографическое изучение документа и выявлен ряд несуразностей в языке и форме (текст был написан по-немецки, а не на латыни и др.). Всё это позволило в начале XVIII в. усомниться в подлинности грамоты, но в дальнейшем в XIX в. на основании изучения документов тех же венских архивов архивист и историк И. Фидлер сделал вывод, что грамота не являлась подделкой, но писалась под влиянием требований Москвы и поэтому получила «ради успеха переговоров с Россией несколько неожиданный и необычный текст и характер» [*Фроловский*, 1972: 391–392].

Приведённые факты показывают, что Пётр I и его окружение в первые десятилетия XVIII в. стремились добиться признания за русским монархом цесарско-императорского титула, что должно было определить и политический статус страны. Однако при этом русской правящей верхушке стало ясно, что европейские правящие дома не стремятся менять своё отношение к восточному соседу, и требуются какие-то особые действия. Такой была ситуация к 1721 г., когда состоялось публичное поднесение Петру I титула императора Всероссийского.

Источниками, проливающими свет на историю этого акта, являются реляция от 1 ноября 1721 г. («Что прежде при отправлении... в 22 день октября сего 1721 году торжества явилось»), опубликованные отдельно речи канцлера Г.И. Головкина и Феодосия Яновского, в которых изложена официальная версия события. Дополнительную информацию содержат «Протоколы заседаний Святейшего Синода», приговор Сената о поднесении Петру I титула императора и описания события свидетелями-современниками, французским консулом де Лави и голштинским дипломатом Ф.В. Берхгольцем [Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. № 3840; Речь от господина канцлера графа Головкина, 1721; *Быкова, Гуревич*, 1955. № 618, 619, 625, 632, 655; Описание документов и дел Правительствующего Синода, 1868. Т. I. Прил. XLII: CCCCLII-CCCCLIX; *Филиппов*, 1911: 50–52; Сборник императорского Русского исторического общества, 1884. Т. 40: 305–306; *Берхгольц*, 2000. Ч. 1: 225–227].

Указанные документы содержат описание истории объявления Петра I императором и дают сведения о том, кто был инициатором этого акта и как он готовился. После заключения 30 августа Ништадтского мирного договора и получения 24 сентября известия о его ратификации Швецией была назначена дата начала основного торжества – 22 октября 1721 г. Протоколы Святейшего Синода показывают, что за четыре дня до него, 18 октября, состоялось заседание Синода, на котором его члены «имели секретное рассуждение». За многочисленные «дела», «труды» и «руковождения» его величества, которые привели к заключению «вечного мира» с «короною Свейскою», они решили поощрить монарха и «изобрести приличное», то есть благодарение, «от общего всех подданных лица». Тогда и прозвучала идея «молить царя» принять титул Императора Всероссийского и звания Отца Отечества и Петра Первого. Идея была одобрена, и члены Синода «рассудили» сообщить «секретно» об этом государственном деле Сенату, то есть светской власти. 19 октября это сделал вице-президент Синода Феофан Прокопович, после чего 20, 21 и утром 22 октября прошли совместные заседания Сената и Синода в аудиенц-камере, то есть в парадном тронном зале Петербурга, находившемся в здании «мазанковых коллегий» на Троицкой площади [Описание документов… 1868. Т. I. Прил. XLII: CCCCLII-CCCCLIII].

По данным реляции от 1 ноября 1721 г., по совместному решению Сената и Синода 20 октября к Петру I с письменным приговором Сената был отправлен князь А.Д. Меншиков. Так как изначально Пётр отнесся резко отрицательно к инициативе своих соратников, то потребовались дополнительные переговоры царя с другими сенаторами и обоими вице-президентами Синода – архиепископами Новгородским Феодосием Яновским и Псков-

ским Феофаном Прокоповичем. При этом царь «долго отрекался» принять титул и приводил этому многие «резоны». Однако «важные представления» сенаторов и архиереев взяли верх, и Пётр «склонился на то» [Полное собрание законов… 1830. Т. 6. № 3840]. «Резонами» царя, очевидно, было то, что, по его представлениям, он и его предшественники на троне уже со времени Древнерусского государства носили имперский титул («расийская» империя Владимира монарха), являлись императорами-цесарями, и сейчас ставить вопрос о принятии титула означало отказывать им в этом. Да и сам Пётр поставил бы себя в двусмысленную ситуацию, так как своими действиями и словами ранее неоднократно показывал европейским государствам и их дипломатическим представителям, что является императором.

Ещё одним вопросом, который обсуждался на заседаниях Синода и Сената, была форма поднесения титула. Никакой новой, на сей раз имперской коронации, не предполагалось. Церемония была краткой, но её детали тщательно продумывались. К примеру, в протоколах имеются три варианта речи-прошения к царю. Её автором считается вице-канцлер П.П. Шафиров, так как в тексте обращения использованы выражения и обороты из его сочинения 1716 г. (опубликовано в 1717 г.) «Разсуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первыи, царь и повелитель всероссийский… против короля Карола 12 шведского 1700 году имел» [*Быкова, Гуревич*, 1955. № 259]. Один из вариантов речи имел поправки от Сената (сенатская), другой редактировался Синодом (архиерейская), третий – синодская речь, был исправлен вице-президентом Феодосием Яновским. Существенное отличие имела речь от Синода – в ней было зафиксировано возглашение «Виват Отец Отечества, Петр Великий и Император Всероссийский!» [Описание документов… 1868. Т. I. Прил. XLII: CCCCLV].

Протокольные записи совместных заседаний Сената и Синода показывают, что первоначально было принято решение, что речь-прошение будет произносить представитель духовной власти новгородский архиепископ Феодосий Яновский. Так обстояло накануне церемонии 21 октября. Однако на следующий день, 22 числа утром, перед выходом в Троицкий собор состоялось ещё одно летучее заседание, и, вероятно, на нём было решено, что роль «просителя» от народа будет исполнять лицо светское – глава Коллегии иностранных дел граф Г.И. Головкин. Возможно, что свою роль в этом сыграла позиция Петра I, ставившего светскую власть выше церковной [Описание документов… 1868. Т. I. Прил. XLII: CCCCLV; Полное собрание законов… 1830. Т. 6. № 3840].

22 октября началось грандиозное празднество Ништадтского мира, длившееся несколько дней в Петербурге, а затем продолженное в Москве. Для участия в нём в новую столицу съехались высшие военные и гражданские чины, всего около 1000 человек (таким было число участников праздничного пира), прибыли части 27-ми полков армии-победительницы, в Неву к Троицкой площади подошло 125 галер Балтийского флота [*Берхгольц*, 2000. Ч. 1: 226; Полное собрание законов… 1830. Т. 6. № 3840]. Ключевым событием первого дня стало торжественное действо в центральном Свято-Троицком соборе Петербурга. Здесь в присутствии царя и лиц правящей фамилии, высших военных и статских чинов, дипломатического корпуса прези-

дентом Святейшего Синода Стефаном Яворским была отслужена литургия, затем зачитана ратификационная грамота о мире, и вице-президентом Синода Феофаном Прокоповичем произнесена проповедь, которую завершали слова о «великих делах» царя, особенно во время «войны со шведской короною», благодаря которым ему «по достоинству иметь подобает» «имя Отца Отечества, Императора и Великого». Эта последняя фраза стала прологом к состоявшейся далее церемонии объявления царя Петра Алексеевича Великим, Петром Первым и императором Всероссийским. Приуроченный к мирным торжествам, этот акт по-своему подвёл общий итог Северной войны и делал заявку на юридическое оформление нового реального политического веса России в Европе.

Церемония, разработанная для поднесения титула и званий Петру I, включала несколько действий. В соборе «при народном собрании» «купнособранные» Сенат и Синод подступили к царю, и «одной от всех персоной» (ею был канцлер граф Г.И. Головкин) была зачитана речь-прошение. В ней прозвучали знаменитые слова о том, что подданные царя его «неусыпными трудами», «славными и мужественными воинскими и политическими делами» «из тьмы неведения на феатр славы всего света и, тако рещи, из небытия в бытие произведены и во общество просвещенных народов присовокуплены». В конце речи Головкин «в знак признания… всему нашему Отечеству показанных благодеяний» молил монарха принять именем всего Всероссийского государства и всех чинов народа титул Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского.

Последовавшая ответная речь царя из трёх фраз-положений означала согласие на принятие титула и званий. Пётр говорил, что благодарит верных подданных и по их прошению «то приемлет». Далее призвал благодарить за достигнутый «славный и полезный» мир Бога и, несмотря на его получение, «содержать в добром порядке» войско («военную экзерцицию»), то есть поддерживать обороноспособность страны. При этом он сослался на печальный пример Греции. А в заключение монарх-победитель наметил будущие дела – советовал начатые в государстве «распорядки» «в совершенство привести» и получить выгоды от «отворения» купечества с чужестранными землями. Указал он и цель этих действий – чтобы народ мог иметь «облегчение» [Полное собрание законов… 1830. Т. 6. № 3840].

После обмена краткими речами все присутствующие в храме три раза под пушечный и беглый ружейный салют и «трубный глас» (звуки труб и литавр) возгласили «Виват Петр Великий, Отец Отечества, Император Всероссийский!». Этот церемониальный элемент являлся обычной частью как русских, так и европейских коронаций, фиксировавших принятие обществом нового статуса коронуемого. Сценарий таких торжеств обычно включал и последовавший далее в Троицком соборе молебен, который сопровождал второй пушечный и ружейный салют, и молитву с коленопреклонением, которые отправлял президент Синода Стефан Яворский. Наконец, третья пальба в честь Петра из пушек и ружей от стоявших на площади в параде войск и крики толпы «Виват!» последовали при выходе монарха и его императорской фамилии из собора [Описание докумен-

тов… 1868. Т. I. Прил. XLII: CCCCLV; Полное собрание законов… 1830. Т. 6. № 3840].

На этом утренняя церковно-политическая часть торжеств была окончена, и началась завершившаяся за полночь часть светская. В Здании мазанковых коллегий в помещении Сената прошли поздравления императорской фамилии от герцога голштинского и дипломатического корпуса, объявление пожалований и награждений, пиршество и бал, а в вечернее время на Троицкой площади был сожжён грандиозный фейерверк с декорацией храма двуликого Януса, во время которого в знак мира закрывались ворота войны, и два рыцаря, изображавшие Россию и Швецию, подавали в знак примирения друг другу руки. Здесь же на площади было устроено угощение народа жареными быками и вином из двух фонтанов. В следующие дни празднество продолжилось уличным маскарадом и иллюминацией города в темное время суток. Зимой торжество было перенесено в первопрестольную столицу Москву.

После церемонии 22 октября указом от 11 ноября 1721 г. менялась на имперскую титулатура лиц высочайшей фамилии. Традиционный титул «великий государь, царь, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец» был заменён на – «Мы, Петр Первый, император и самодержец Всероссийский», титул «государыня царица и великая княгиня» на «её величество императрица» и т. д. Затем в области государственной символики в гербе на месте царской короны над двуглавым орлом появилась корона имперская (два полушария с дугой по центру), во время коронации 1724 г. в регалиях были заменены на новые корона, коронационное платье, позже введён государственный меч и др. Изменились церемониалы государственных торжеств, и, прежде всего, коронаций [Полное собрание законов… 1830. Т. 6. № 3869; РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 178; Описание коронации императрицы Екатерины Алексеевны, 1724: 7, 8, 12, 13, 25].

Однако вернёмся в Петербург 20-х чисел октября 1721 г. В обстановке всеобщего веселия 24 числа расширенная Иностранная коллегия провела заседание, на котором было принято решение разослать по всем русским миссиям за границей рескрипт о заключённом в Нейштадте мире и новом титуле русского монарха и обязать находящихся при иностранных дворах русских министров содействовать всеми способами признанию титула. На следующий день в кофейном доме на Троицкой площади члены коллегии доложили Петру I о своём решении и представили на одобрение текст рескрипта. 26 октября документ был отправлен в заграничные посольства – к цесарскому двору в Вену, во Францию, Голландию, Пруссию, Польшу, Данию, Венецию, Мекленбург, Гамбург и Гданьск. Так началась борьба русской дипломатии за высшую имперскую номинацию России, которая продолжалась несколько десятков лет [РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.-11; *Агеева*, 2006: 142–143].

При этом в первые же годы стало ясно, что не испытывают затруднений с признанием титула республики и многие небольшие государства–княжества. В день поднесения титула Петру I признал поздравлением имперское достоинство лиц высочайшей фамилии находившийся в Петербурге герцог Голштинский. Карл-Фридрих рассчитывал на брак с дочерью Петра Вели-

кого и был заинтересован в укреплении положения России, хотя при заключении мира его интересы как претендента на шведский престол учтены не были [*Берхгольц*, 2000. Ч. 1: 227]. В декабре 1721 г. императорский статус, принятый Петром I, признала Венецианская республика, в мае 1722 г. без предварительных переговоров и условий – Женевская республика [*Бантыш-Каменский*, 1896. Ч. 2: 221, 223], затем герцоги пармский (1723), брауншвейгский (1724), гессен-кассельский ландграф (1724) и другие владетельные особы [РГАДА. Ф. 166, Оп. 1. Д. 1: 69 об., 70 об., 55; *Бантыш-Каменский*, 1896. Ч. 2: 64]. Среди государств, отказавшихся дать Петру титул императора, были, к примеру, курфюрсты Ганновера и Саксонии, которые ссылались на необходимость принятия такого решения сначала императором и имперским союзом [Фроловский, 1972: с. 397].

Иначе обстояло с крупными европейскими государствами и, прежде всего, Священной Римской империей. В Вене император Карл VI при объявлении русским резидентом Л. Ланчинским о заключённом в Ништадте мире сообщил, что «сорадуется о сем счастливом суксессе». Но иначе он повёл себя на другой аудиенции при объявлении о принятии Петром I императорского титула. Когда Ланчинский читал предписанную ему речь и по указу «примечал… какую мину его величество показать изволит», но «ничего переменного» не усмотрел: его величество «изволил стоять при столе неподвижно… речь спокойно выслушал и потом изволил мне ответствовать, но толь невнятно и толь скоро, что я ни слова, ни в какую силу не выразумел». Обращение Ланчинского за ответом к имперскому вице-канцлеру также ничего не дало, тот извинялся, что «не имел времени говорить с цесарем», а другие министры отмалчивались. В разговорах же министров между собой, как выяснил Ланчинский, единства не было, кто-то полагал, что при признании титула первенство всё равно останется за Римским императором, кто-то опасался, что вслед за русским монархом императорский титул потребуют и другие короли, и тем самым отличие Римской империи будет уничтожено. Своё отношение Вена выразила только в двух грамотах императора Карла VI к Петру I конца 1721 г., в которых был прописан старый титул [*Соловьёв*, 1993. Кн. IX, Т. 17–18: 312–313]. Таким образом, признание нового титула империей было отложено на будущее, также обстояло и в имперском собрании, во Франции, Дании и других ведущих странах. Исключением стали Пруссия, Голландия и Швеция, они признали имперский титул Петра I при его жизни.

По форме признание титула сопровождалось аудиенциями, на которых русские дипломаты сообщали о церемонии 22 октября, переговорами, иногда визитами и аудиенциями в европейских столицах с объявлением решения о признании нового ранга русского монарха, последующим отправлением поздравительных грамот с императорским титулом к русскому двору или их подачей на аудиенциях в Петербурге. Частью процедуры признания стало получение европейскими властями по их же требованию заверений (реверса) о сохранении после признания титула прежнего равенства церемониалов между дворами, что не являлось камнем преткновения для русской стороны [РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 82 об.]. При этих действиях в той или иной форме от русской стороны звучало, что признание император-

ского титула русских монархов – это только жест вежливости, так как титул уже давно им принадлежит.

Различия стран при признании титула появлялись в особых требованиях к России и обстоятельствах, которые часто превращали принятие титула в своеобразный торг. Так, на признание титула Пруссией в 1721–1722 гг. оказал влияние тот факт, что русский царь одним из первых европейских монархов признал принятие в 1700–1701 гг. бранденбургским курфюрстом титула прусского короля [РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 12 об., 79–83 об.; *Бантыш-Каменский*, 1902. Ч. 4: 27–28, 44–45]. При этом Берлин опасался раздосадованной Вены, в связи с чем прусский представитель в Петербурге Мардефельд объяснял, что титул был признан прусским королем, но не бранденбургским курфюрстом [*Фроловский*, 1972: 396].

Голландия, сначала сделав объявление в апреле 1722 г. во время визита делегации в дом русского посла Б.И. Куракина в Гааге, завершила признание титула в мае на аудиенции голландского резидента Девильде в России. При этом России было выставлено условие заплатить за пять сожжённых в 1713 г. в ходе боевых действий под Гельсингфорсом голландских купеческих кораблей [*Агеева*, 2014: 56–60].

Территориальный и материальный интерес присутствовал в тройном признании титула Швецией. После длительных переговоров в декабре 1723 г. на аудиенции состоялась подача поздравительной грамоты с титулом Петру I. Однако в дальнейшем в имперском достоинстве было отказано молодому императору Петру II. Когда русская сторона подняла об этом вопрос, выяснилось, что шведы ратовали за возврат Выборга или иных финских земель, указывали на то, что при преемниках императора-преобразователя «ни порядочное правление, ни морская и сухопутная в России сила сего чинить ныне не дозволяет», а ранее титул был дан одному Петру I, просили заплатить их долг Голландии, сделать обещанные разного рода (по 4000–1000 червонных) выплаты шведским министрам, и «подарки» им были посланы, и др. В августе 1729 г. вопрос был решён ратификацией декларации-реверса. Затем последовал уже второй отказ в титуле вступившей на престол Анне Иоанновне, новые переговоры и выдача реверса о равенстве церемониалов, а также перевод в Стокгольм по случаю сейма «на раздачу разным персонам» 10 тысяч рублей и др. После этого вопрос о даче императорского титула уже не обсуждался, но писался в грамотах русским правителям и правительницам [*Бантыш-Каменский*, 1902. Ч. 4: 222–223, 226–227; РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 103–112 об].

При Анне Иоанновне в 1732 г. её императорский титул был признан Датским королевством, что предопределило заключение в мае в Копенгагене трактата о дружбе [*Бантыш-Каменский*, 1894. Ч. 1: 267–269]. Получение титула от Польши оказалось связано с борьбой за престол саксонского курфюрста Фридриха Августа (и будущего польского короля Августа III), который в августе 1733 г. заключил трактат с Россией о содействии его возведению на польский престол. Трактат включал пункт о признании императорского титула в случае избрания курфюрста королем [*Бантыш-Каменский*, 1897. Ч. 3: 230–232] и содержал положение о содействии признания титула Республикой Польской. Однако последнее произошло в 1764 г. [*Некрасов*, 1972: 388].

В сношениях с Великобританией после длительного использования на практике титула в грамотах его юридическое закрепление последовало только при императоре Иоанне VI Антоновиче в апреле 1741 г. во время заключения трактата о мире, дружбе и оборонительном союзе. В трактат был вписан пункт об императорском титуле. Елизавета Петровна, не признавшая договора принца Иоанна, в декабре 1742 г. возобновила оборонительный союзный трактат с Великобританией, в котором также имелся артикул о титуле. В январе 1743 г. документ был ратифицирован английским королем Георгом II [*Бантыш-Каменский*, 1894. Ч. 1: 143–144].

При Иоанне IV Антоновиче в ноябре 1741 г. было получено сообщение о намерении признать императорский титул королём Неаполя и Сицилии Карлом VII. Это признание состоялось внесением имперского титула в его грамоту от 25 февраля 1744 г. к Елизавете Петровне [*Бантыш-Каменский*, 1896. Ч. 2: 230].

Столь важное для Петербурга признание императорского ранга России Священной Римской империей состоялось в первые годы правления дочери Петра Великого. В начале 1742 г. дочь императора Карла VI австрийская эрцгерцогиня и венгеро-богемская королева Мария-Терезия и её супруг герцог Тосканский (будущий император Франц I), находясь в состоянии войны за австрийское наследство, проиграли выборы императора своему противнику, ставленнику Франции баварскому курфюрсту Карлу Альбрехту. В этой ситуации они, остро нуждаясь в международной поддержке, в конце января к русскому двору отправили грамоту с императорским титулом Елизаветы Петровны, а его окончательное признание было оформлено летом того же года после получения австрийской стороной реверса о сохранении прежнего церемониала. 4 января 1744 г. имперское достоинство правителей России признал римский император Карл VII. Произошло это после того, как его полномочный министр барон Нейгауз 16 месяцев не получал аккредитации в Петербурге из-за споров о титуле (вступив на престол, Елизавета Петровна велела не принимать грамоты иностранных дворов без полного императорского титула). В 1745 г. усилиями русского дипломата Г.К. Кейзерлинга титул был признан имперским собранием в Регенсбурге всеми курфюрстами, князьями, городами и чинами Священной Римской империи [*Бантыш-Каменский*, 1894, Ч. 1: 62–66].

В феврале 1745 г. в Петербурге грамоту с полным императорским титулом подал французский полномочный министр д'Алльон (подписана 1 августа 1744 г.). Париж в это время стремился заключить союз с Россией или не допустить отправки её войск против Франции. Цель достигнута не была, так как в 1747 г. русский корпус вступил в войну на стороне противников французской короны [*Бантыш-Каменский*, 1902. Ч. 4: 105–106]. В 1759 г. новый испанский король Карл III, ранее правивший в Неаполе, послал Елизавете Петровне грамоту с императорским титулом, и в августе 1761 г. подтвердил признание высшего статуса России в верительной грамоте полномочного министра маркиза д'Альмодавара [*Бантыш-Каменский*, 1894. Ч. 1: 170].

При Елизавете Петровне окончательно признала российский императорский титул Турция. При правлении Петра I вопрос можно было решить,

«употребив» около 7000 червонных, но на это не решился русский резидент в Стамбуле И.И. Неплюев. В 1739 г. соглашение о титуле было вписано в Белградский мирный договор (12-й артикул), затем в конвенцию 1741 г., заключенную при императоре Иоанне VI Антоновиче, и, наконец, в новую «возобновительную» конвенцию дочери Петра Елизаветы Петровны от 30 марта 1747 г. [РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 114–115].

Таким образом, юридическое признание зарубежными государствами имперского статуса оказалось делом нескольких десятилетий. Начало ему было положено Петром Великим при праздновании Ништадтского мира, а завершение пришлось на 1760-е гг. Утвердив за собой на юридическом уровне высшее государственное звание, Россия вошла в число великих держав Запада и стала второй империей христианского мира.

ЛИТЕРАТУРА

РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1: Историческое показание о Российском императорском титуле. Н.Н. Бантыш-Каменский. 1803.

РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 178: Копия с доклада синодского о принадлежности императорского титула государю и государской всей фамилии. 1721.

РГАДА. Ф. 198. Д. 696: Письма, донесения, мемориалы архитектора Леблона.

Агеева О.Г. Европеизация русского двора, 1700–1796 гг. – М., 2006.

Агеева О.Г. Императорский титул России и Голландия в трудах Н.Н. Бантыш-Каменского // Россия – Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве: Материалы V Международного Петровского конгресса, Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 г. – СПб., 2014.

Андреев А.И. Пётр I в Англии в 1698 г. // Петр Великий: Сб. ст. – М.; Л., 1947.

Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год): В 4 ч. – М., 1894. Ч. 1; 1896. Ч. 2; 1897. Ч. 3; 1902. Ч. 4.

Белавенец П.И. Изменение Российского государственного герба в имперский период // Вестник имп. Общества ревнителей истории. – Пг., 1915. Вып. 2.

Берхгольц Ф.–В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца, 1721–1725. Ч. 1. Ч. 2 // Неистовый реформатор. – М., 2000.

Борисовская Н.А. Карты и планы XV-XVII вв. – М., 1992.

Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий гражданской печати, 1708 – январь 1725. – М.; Л., 1955.

Вебер Х.Ф. Записки о России // Русский архив. 1872. № 6, 7, 9.

Грамота Максимилиана I к великому князю Василию III 1514 г. – СПб., 1718.

Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Парадигма Герберштейна, или от царя к императору: пролог ко второму путешествию Петра I. – СПб., 2021.

Кабузан В.М. Распространение православия и других конфессий в России в XVIII – начале XX в. (1719–1917). – М., 2008.

Копиевский И.Ф. Вокабулы или речи на словенском, немецком и латинском языках. – СПб., 1718.

Кротов П.А. Признание императорского титула Петра I Великобританией в контексте международно-правового оформления великодержавного положения России // Сборник в честь В.К. Зиборова. Опыты по источниковедению. Вып. 5. – СПб., 2017.

Левашов П.А. О первенстве и председательстве европейских государей, их послов и министров. – СПб., 1792.

Муравьёв А.В., Самаркин В.В. Историческая география эпохи феодализма: Западная Европа и Россия в V-XVII вв.: Учеб. пос. – М., 1973.

Некрасов Г.А. Международное признание российского великодержавия в XVIII в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. – М., 1972.

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода: В 50 т. – СПб., 1868–1914. 1868. Т. 1.

Описание коронации её величества императрицы Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве 7 майя 1724 году. – СПб., 1724.

Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом: В 2 т. – СПб., 1862. Т. 1, Т. 2.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – СПб., 1830. Т. 6. № 3840.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах: Справочник. – М., 1992. Вып. 1: Ведомства внешней политики и их руководители.

Речь, какова от Сената именем всех чинов государства Российского его императорскому величеству в церкви Святой Троицы от господина канцлера графа Головкина говорена в 22 день октября 1721 году. – СПб., 1721.

Русский посол в Стамбуле: Пётр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. – М., 1985.

Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. – М., 1961.

Сборник императорского Русского исторического общества: В 148 т. – СПб., 1867–1916. 1884. Т. 40.

Символы и эмблемы: Symbola et Emblemata. Факс. изд. – Минск, 2014.

Соловьёв С.М. Сочинения: В 18 т. – М., 1988–1995. 1993. Кн. IX. Т. 17–18.

Уитворт Ч. Россия в начале XVIII века. Сочинение. – М.; Л., 1988.

Филиппов А.Н. Правительствующий Сенат при Петре Великом и его ближайших преемниках (1711–1741 гг.). – СПб., 1911.

Фроловский А.В. Страница истории русско-австрийских дипломатических отношений XVIII в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. – М., 1972.

Чарыков Н. Предисловие // Космография 1670. – СПб., 1878–1881.

Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. – Л., 1991.

Юль Ю. Записки Юста Юля датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. – М., 2001.

Пётр Великий как европейский монарх

Е.В. Анисимов

Аннотация. *Стремительные преобразования Петра стали следствием освоения им западноевропейских философских начал эпохи господства картезианства, а также неприятия царём политики и образа жизни современной ему России, несшей угрозу его политическому и физическому существованию. Он был воодушевлён идеей преобразования России, стремился экспортировать в страну идеи, принципы устройства различных институций, вызвать в Россию иностранных специалистов. Взяв за образцы многие западноевропейские институции, он отвергал лежавшие в основе их принципы парламентаризма и самоуправления, полагая, что только просвещённая самодержавная власть может быть в России источником прогресса. Стремясь преобразить страну, он отказался от византийского наследства – идеологической основы прежних правителей, повернулся к первоисточнику европейских империй – императорскому Риму, что привело к провозглашению России империей и к смене внешнеполитических идеологем, что сделало политику России активно имперской, завоевательной.*

Ключевые слова: *Пётр Великий, реформы, картезианство, самодержавие, империя.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.002

Так сложилось, что в юные годы Петра, омрачённые стрелецкими бунтами, симпатия к западноевропейской цивилизации родилась у Петра как противопоставление традиционному и тогда враждебному ему миру Кремля, Москвы, дедовской России. Его безмерным увлечением военными играми, а потом кораблестроением, плаванием на судах привело его к знакомству, а потом и дружбе с иностранцами, жившими в Немецкой слободе [*Богословский*, 2005, Т. 1: 100–105]. Эти увлечения и это общение, как и живой интерес царя к образу жизни обитателей Немецкой слободы, стали фундаментом нового мировоззрения Петра. Постепенно его втянула в себя, по сути, протестантская модель жизни, основанная на идее активности, предприимчивости, прагматизма, личного успеха, а главное – на идее вечной учёбы и самоотверженного труда как единственного источника достойного существования человека. Тогда же у Петра оформилась идея преобразовать Россию, родилось желание сделать русских такими же деятельными, прагматичными, какими были, по его мнению, голландцы и англичане. Словом, он стремился раскрыть потенциальные способности русского народа во имя его же блага. Пётр стал основателем просвещённого патриотизма, он внедрил в сознание русских людей представление об огромных возможностях России и русского человека, если он будет правильно учиться и трудиться под его, царя, руководством. В 1714 г. при спуске нового корабля Пётр произнёс замечательную речь, известную нам из нескольких источников. Тогда он говорил: «Поляки, как и немцы, были погружены во мрак, в коем и мы оставались до сего времени, однако, благодаря неустанным попечениям

их правителей, у них открылись глаза, и они овладели, наконец, теми науками и искусствами, коими прежде Греция похвалялась, как единственная оных обладательница. Теперь пришёл наш черёд и вам надлежит с открытой душой поддержать мои начинания и соединить прилежание со слепой ко мне доверенностью и проникновением в то, что есть добро и зло. Самое лучшее понятие о сём перемещении наук даёт сравнение с обращением крови в человеческом теле. Я предчувствую, что они когда-нибудь оставят Англию, Францию и Германию и на несколько веков обоснуются в нашем Отечестве… Настоятельно советую всем следовать сему латинскому правилу “Ora et labora”, что означает “Труд и молитва”. И если вы укрепитесь в сём поучении, тогда явится надежда на то, что сим когда-нибудь устыдите самые цивилизованные народы и вознесёте славу русского имени на вершину величия» [*Вебер*, 2011: 21–24]. Пётр во всём подавал пример своим подданным, указывая как им нужно трудиться и отдыхать (правда, последнее занятие при Петре сводилось порой к безобразным пьянкам – впрочем также распространённым и в любимой царем Голландии). Тем не менее, слова «труд», «работа» не сходили с его языка всю его жизнь. Пётр всегда был занят, даже в свободное время. Как записывали секретари в поденных журналах «…государь изволил гулять по работам» [Повседневные записки... 2000: 170, 235] – так назывался его отдых, когда царь был в строившемся Петербурге или в пригородах….

Одним из ключевых документов петровской эпохи, декларировавший общие принципы новой политики, политики реформ стал манифест 16 апреля 1702 г. о приглашении иностранцев в Россию. Им был обозначен подлинный прорыв в отношениях с Западом. В этом манифесте воспроизведён весь набор идеологем петровского реформаторского курса, в значительной мере скопированных с популярных в Западной Европе идеологических стереотипов. Пётр утверждал, что для достижения блага подданных России, расцвета коммерции – тогдашней основы экономики, – во имя создания мощной армии и флота, России настоятельно необходимо просвещение, «вящее обучением народа». Только так русский народ может сравняться «со всеми иными христианскими и во нравех обученными народами» [Письма и бумаги… Т. 2: 50–51.]. Для исполнения целей модернизации России он признал, что России остро нужна западная помощь и для этого Россия открывает ворота иностранцам: «И для этой пользы государства объявляем о приглашении иноземцев, не только искусных в воинском деле, но и ко всем иным добрым и к приращению государства» делам [Там же]. Для этого Пётр, во-первых, открыл страну для свободного въезда в неё иностранцев, объявил, что «мы старую обыкность, по которому выезд сюда иноземцам не вовсе свободен был, отставили». Во-вторых, Пётр пошёл на невиданную для России уступку: декларировал для иностранцев свободу вероисповедания, заявил, что «принуждения над совестми человеческими себе не восприемлем» [Там же]. Для страны, в которой за 15 лет до этого сжигали еретиков, это было необычайно.

Манифест этот имел поистине революционный характер. Никогда раньше Пётр так ясно и последовательно не формулировал идеологию своего реформаторства, носившего отчётливый характер вестернизации, ориента-

ции на западноевропейские институции и этику. Устойчивым традиционным идеям культурного и религиозного изоляционизма, характерного для допетровской России, в этом манифесте наносился сокрушительный удар. Следствием манифеста стало быстрое налаживание связей с Западной Европой в самых разных сферах жизни. Начался невиданный ранее перенос разнообразных знаний, навыков, даже терминологии, лавинообразным стал приезд специалистов самых разных профессий. Одновременно десятки молодых русских людей (порой поневоле) поехали на учёбу в европейские страны. Коренным образом менялся имидж России в Западной Европе. При Петре Россия стремительно входила в ойкумену Европы.

Ведущая роль в этом процессе принадлежала самому Петру. Во время Великого посольства в 1697–1698 гг. его принимали в разных королевских домах Европы. Это были своеобразные смотрины, в которые он показал себя государём, ценившим и разделявших общепринятые в Европе ценности. Русский экстравагантный царь был признан своим, европейцем, что ему позже позволило начать настоящую династическую интервенцию, соединившую династию Романовых кровным родством с древнейшими королевскими и княжескими родами Европы [*Болотина*, 2022: 40–51].

Важно отметить, что у Петра, как государственного деятеля и политика, образовался в Европе колоссальный авторитет, основанный не только на мощи русской армии и флота, а на его славе просвещённого правителя, ценившего, любившего и знавшего многие науки, искусства, ремесла и активно внедрявшего их на своей родине. Многие нанятые им специалисты, вроде скульптора Б.К. Растрелли, архитектора Ж.Б.А. Леблона, математика Л. Эйлера, заручившись только словом Петра, смело ехали в Россию, в эту для европейцев ещё дикую страну, и делали там головокружительную карьеру, живя во вполне европеизированном городе Петербурге. Россия действительно тогда была страной возможностей. Для приехавших учёных открывались безбрежные просторы неисследованных земель, очевидный шанс проявить себя в самых разных отраслях науки и практики [*Ржеуцкий, Гузевич*, 2018: 78–98]. Одновременным условием работы иностранных специалистов Пётр ставил обязательное обучение ими русских учеников.

Благодаря петровской модернизации произошло резкое повышение самооценки русских людей, возникло представление о равенстве русских с европейскими народами. Ярче других эту мысль выразил русский дипломат Иван Неплюев. После смерти царя он писал: «Сей монарх Отечество наше привёл в сравнение с прочими, **научил узнавать нас, что и мы люди»** [*Соловьёв*: 536–537]. Пётр не чувствовал себя в Европе чужим. Известно его уважение к обычаям, привычкам и правилам жизни в западноевропейских странах, которые он стремился перенести в Россию. Через всю жизнь он пронёс неизгладимую любовь к Голландии, пристрастие ко всему голландскому, начиная с языка и кончая селёдкой и сыром. Всегда он признавался и в своей любви к Англии, называя этот остров «лучшим, красивейшим и счастливейшим из всего света» [*Гизен*, 1787: 67].

Активно и во множестве копируя военные, государственные, культурные институции Европы, он не был при этом слепым подражателем европейских порядков. Познакомившись с устройством любимых им стран – Гол-

ландии и Англии, – он пришёл к выводу, что политические институты, работавшие в этих странах на основе парламентаризма и самоуправления, для России совершенно не подходят, что главным движителем прогресса в России может быть только просвещённая самодержавная воля. Более того, он проводил такую модернизацию, которая лишь способствовала усилению традиционной российской государственности с её самодержавием, как и социального строя, в основе которого лежало крепостное право. Достигалось это посредством переноса на русскую почву западноевропейских (преимущественно шведских) бюрократических институтов, основанных на учении камерализма, но при полном отторжении начал западноевропейской политической культуры. В этом руководствовался своим знанием народа. Очень правдоподобен анекдот, записанный его токарем А. Нартовым: «Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами, как невольниками. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Сии указы содержат в себе добро, а не вред государству. Аглинская вольность здесь не у места, как к стене горох. Надлежит знать народ, как оным управлять… Тот свободен, кто не творит зло и послушен добру» [*Нартов*, 1891: 82]. Естественно, что эти критерии определял сам самодержец, а его воля являлась единственным источником права [*Анисимов*, 2005: 200–207].

Далее. Важнейшая реформа внешней политики выразилась в кардинальной смене идеологем и ярче всего проявилась в репрезентационном ракурсе, в частности, в принятии титула император, в отказе от «шапки Мономаха» и других атрибутов традиционной власти. Эту же цель преследовал и перенос столицы – резиденции из Москвы в новопостроенный Санкт-Петербург. Пётр демонстративно отказался от византийского наследия, признав Византию государством-неудачником, позволившим ослабить себя миролюбием. Проявляя очевидное стремление к более высокому статусу, он хотел быть не царём в «золотоордынском» смысле и не мирным (как ему казалось) византийским «кесарем», а «прямым» императором, подобным воинственным римским императорам эпохи расцвета Римской империи. Неслучайно Петра в проповедях сравнивали с Августом, а римскими аллюзиями пронизана вся культура петровского государства [*Вилинбахов*, 1984]. К концу своего царствования он добился, кажется, невозможного – Россия вошла в круг великих империй Европы. При этом политическим руководством России были сформулированы типично имперские начала политики, основанной на культе имперской силы, экспансии как высшей политической цели и на безусловной гегемонии над соседями. С гордостью вице-канцлер России Пётр Шафиров восклицал: «И могу сказать, что никого так не боятся, как нас» [*Шафиров*, 1987. Т. 1: 549]. Полемизируя с воображаемыми собеседниками, которые якобы убеждали Россию вернуть шведам никогда не принадлежавшие России земли, Шафиров жёстко отвечал, что если вернуть эти земли, то тем самым Россия покажет свою слабость. Ибо раньше «так глубоко им досадя, паки себя обнажим, то, подумай, оставят ли они нас в покое», если перестанут бояться русского оружия [Там же].

Имперское воображение вело Петра по пути, которым шли главнейшие европейские империи: в 1722 г., после только что закончившейся тяжелейшей Северной войны, начался Персидский поход с целью завоевания се-

верных и западных провинций Персии. Оккупированные в 1722–1724 гг. русскими войсками Мазендаран, Гилянь и Азербайджан должны были стать базой для дальнейшего похода в Индию. Более того, Петром было задумано строительства нового Петербурга в устье Куры, которому, по его мысли, предстояло стать новым центром торговли в Азии. Одновременно по его воле в 1724 г. была подготовлена экспедиция для присоединения к России Мадагаскара, а в 1725 г. начался поиск Витусом Берингом северного пути в Индию [*Анисимов*, 2022: 312–321].

Словом, всего лишь за 20 лет Россия преобразилась неузнаваемо, она стала модернизированным государством, ведущей европейской державой, могучей империей, а Пётр – «прямым» европейским монархом…

ЛИТЕРАТУРА

Анисимов Е.В. Самодержавие XVIII века: право править без права // Нестор № 7. Технология власти. Источники, исследования, историография / Ред. Лукоянов И.В., Эрлих С.Е. – СПб., 2005. – С. 200–207.

Анисимов Е.В. Движение империи Петра Великого на Восток // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. – С. 312–321.

Богословский М.М. Пётр Великий. Материалы к биографии. Детство. Юность. Азовские походы. Т. 1. – М.: Наука, 2005.

Болотина Н.Ю. Династические проекты Петра Великого: замыслы и реализация // Пётр I: у истоков Российской империи. Материалы Малого Северного Петровского конгресса. Архангельск, 20–23 апреля 2022 г. – Архангельск, 2022. – С. 40–51.

Вебер Ф.Х. Преображённая Россия. Новые записки о нынешнем состоянии Московии / Перев. и комм. Д.В. Соловьёва. – СПб.: Искусство-СПб., 2011.

Вилинбахов Г.В. Основание Петербурга и имперская эмблематика // Семиотика города и городская культура, Петербург. / Труды по знаковым системам. XVIII. – Тарту, 1984.

Гизен Г. Журнал государя Петра I с 1695 по 1709 // Собрание разных записок и сочинений… изданных Федором Туманским. Ч. 3. – СПб., 1787.

Нартов А.К. Рассказы Нартова о Петре Великом. Подг. Л.Н. Майков. – СПб., 1891.

Письма и бумаги Петра Великого (1702–1703 гг.). Т. 2. – СПб., 1889.

Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публикация С.Р. Долговой и Т.А. Лаптевой // Российский архив. – М., 2000.

Ржеуцкий В.С., Гузевич Д.Ю. Вербовка иностранных специалистов – выходцев из Франции и франкоязычной Швейцарии в эпоху Петра I // Quaestio Rossica. 2018. Vol. 6. № 1.

Соловьёв С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Книга IX. История России с древнейших времен. Тт. 17–18. – М.: Мысль.

Шафиров П.П. Рассуждения о причинах Свейской войны // Россию поднял на дыбы… / Сост., предисловие, комм. Н.И. Павленко. – М.: Молодая гвардия, 1987.

К вопросу о становлении российского дальневосточного и тихоокеанского фронтира в эпоху Петра Первого[1]

А.Ю. Петров

Аннотация. *В статье рассматривается становление отечественного дальневосточного и тихоокеанского фронтира в конце XVII – первой четверти XVIII в. Приводятся основные историографические концепции фронтира. В центре нашего внимания находится анализ экспедиций на север Тихого океана под руководством И.М. Евреинова, Ф.Ф. Лужина, И.П. Козыревского. Анализируются причины и результаты Первой Камчатской экспедиции, которая была организована по личному указу Петра I. Актуальность темы определяется растущим вниманием учёных и широкой общественности к истории Азиатско-Тихоокеанского региона. Методология, применяемая при написании статьи, опирается на достижения современной исторической науки. Основные результаты исследования связаны с выявлением особенностей формирования интереса российского правительства к восточным рубежам империи.*

Ключевые слова: *Пётр Первый, фронтир, Тихий океан, Америка, экспедиции, Российская империя.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.003

Статья подготовлена на основе доклада «Петровская эпоха и освоение северной части Тихого океана», который был прочитан 31 марта 2022 г. на Научной сессии Общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН «Пётр Первый и его эпоха в истории и культуре России». В ней учтены результаты дискуссии, последовавшей после заслушивания доклада. Помимо этого, мы опираемся на основные положения монографии «Петровская эпоха и освоение северной части Тихого океана» [*Петров*, 2022] и статьи об экспедициях в петровскую эпоху [*Петров*, *Ермолаев*, *Коскина*, 2021: 267-268]. По сравнению с ними, в данной публикации дополнительно вводятся в научный оборот новые архивные источники, акцентируется внимание на противостоянии держав на тихоокеанском севере. Больший акцент сделан на проблеме понимания фронтира: мы постараемся показать основные достижения российских первопроходцев в петровскую эпоху сквозь призму данного концепта. В статье показываются ключевые историографические позиции по наиболее дискуссионным вопросам, отмечается значение Петра Первого в подготовке и осуществлении экспедиций.

В специальных публикациях мы уже рассматривали различные историографические аспекты освоения дальневосточных рубежей Российской империи и открытия Америки [*Петров*, 2018: 12-29]. Здесь отметим, что, по нашему мнению, наибольший вклад в изучение истории освоения севера Тихого океана внесли В.Н. Берх, Н.Н. Болховитинов, А.В. Ефимов, Ф. Гол-

[1] Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00043, https://rscf.ru/project/22-18-00043/ в Институте всеобщей истории РАН.

дер и В. Вилар, труды которых отличаются глубоким и разносторонним использованием архивных материалов [*Берх*, 1823; *Болховитинов*, 1991; *Ефимов*, 1971; *Golder*, 1914; *Vilar*, 1966]. Что касается специальных вопросов, поднимаемых в данной статье, то можно отметить, что в исторической науке сложились различные оценки экспедиций Лужина, Евреинова, Козыревского и др. Учёные задавались вопросами, каких результатов ждал Пётр Первый от экспедиций: найти пролив между Азией и Америкой, установить торговые отношения с граничащими с Россией странами или исследовать Курильские острова.

В последние годы мы наблюдаем рост интереса к изучению истории границ Российской империи во время правления Петра Первого. Это не случайно, ведь, начиная с петровской эпохи, можно говорить о новом осознании российской границы. Достаточно расплывчатое прежнее понимание пределов Российского государства на востоке страны уступает место необходимости чёткого определения и фиксации российских границ в международных договорах. Однако в начале XVIII в. сами границы российских территорий ещё находились в процессе формирования. Исходя из этого, мы можем опираться на концепт «фронтира» как «подвижной границы», т. е. имеющий более широкое значение, чем просто «граница». Политическое и географическое наполнение этого концепта обозначает часть страны, граничащую с другим государством. Концепт «фронтир» получил новое толкование в английской историографии после работ Ф. Дж. Тернера в конце XIX – начале XX в. [*Terner*, 1962; *Terner*, 1932; *Terner*, 1958], и мы полагаем, что его использование в контексте российских территорий на севере Тихого океана вполне оправдано.

Пётр Первый, оценив международную обстановку, определил потенциал расширения России на восток. Наблюдая, как во всём мире продолжается раздел территорий, он понимал, что дальнейшее продвижение достигнет своего предела в Новом свете, и по этой причине решил предпринять опережающие действия. Было ясно, что западноевропейские державы будут и дальше наращивать своё присутствие на севере Тихого океана, и, следовательно, необходимо было как можно скорее закрепить за Россией её восточные рубежи и двигаться дальше.

Пётр Первый ещё во время Великого посольства обсуждал с западными географами мысль о том, что открытие и заселение Северной Америки европейскими странами началось как с восточного побережья, так и с западного, но активизация колониальных устремлений предполагалась с востока на запад и с запада на северо-запад. При этом северо-западные территории континента в XVIII в. становились фронтиром практически в том же смысле, как понимали его русские, осваивающие Дальний Восток и Алеутские острова. Так же, как и в Америке, когда вслед за следопытами и пионерами приходили фермеры и представители государственных органов, так и на территории, входящие в зону интересов России, приходили казаки (военизированные подразделения) и поморы (крестьяне и охотники на морского зверя). Формирование фронтира завершалось утверждением органов государственной власти, которая состояла уже из представителей других регионов России, направляемых, как правило, из столицы.

В России восточное направление является наименее изученным в политике Петра Первого. Помимо того, что оно было связано с выходом к Тихому океану, его можно считать также частью внутренней политики: оно затрагивало отдалённые и неосвоенные окраины Российской империи, было ориентировано на освоение Сибири. Это направление сопрягалось с осторожной дипломатией, проходило, как правило, мирным путём, а его результаты имели для России далекоидущие внутренние и внешнеполитические последствия.

Контакты голландского географа Н. Витсена и Петра Первого показали, что уже в конце XVII в. в России проявился интерес к заокеанским землям, находящимся восточнее Камчатки. Между тем к началу XVIII в. эти территории всё ещё оставались неосвоенными. В процессе продвижения русских промышленников (охотников на пушного зверя) на ближайшие к Камчатке острова становилось ясно, что к югу от них существует богатый «мягкой рухлядью» регион [*Юркин*, 2010: 455-480].

Среди всех экспедиций, состоявшихся в петровскую эпоху, хотелось бы выделить следующие. В 1697-1699 гг. крестьянин из Великого Устюга Владимир Атласов, служивший приказчиком в Анадырском остроге, произвёл первое этнографическое и географическое описание Камчатки, которая стала российским фронтиром. Его поход стал возможным вследствие распоряжения главы Сибирского приказа А.А. Виниуса по указанию Петра Первого собрать сведения о «новых народах и землях» на востоке страны.

В ходе экспедиции Атласов прошёл по землям, где на реке Олюторе проживали коряки, а далее – по западному побережью полуострова. В 1697 г. против Атласова возник заговор, в котором участвовали русские и юкагиры, однако он был подавлен. Чуть позже коряки и ительмены были покорены и стали платить ясак. С походом В.В. Атласова связывают появление новых этнонимов и топонимов, таких как «камчадалы» и «Камчадалия». Последнее позднее вошло в употребление как знакомое всем сегодня название – «Камчатка» [*Полевой*, 1985: 254].

В 1700-1701 гг. Атласов, по указанию Виниуса, начал записывать в Якутске свои «скаски», которые включали подробные географические и этнографические описания полуострова Камчатка[2]. Текст наиболее информативной «скаски» в середине 1701 г. выслали Н. Витсену, который использовал его во время работы над собственными картами [*Оглоблин*, 1891. Кн. 3: 1].

С Атласовым в Якутск прибыл японец Денбей, который передал ему ценные сведения о Японии[3]. Затем они направились в Москву, где Атласову был присвоен чин Казацкого головы и выдано денежное вознаграждение, а Денбею было предложено служить переводчиком в Артиллерийском приказе.

Вскоре Атласова снова направили на Камчатку. За свои заслуги он получил разрешение закупить товары в Сибири за счёт казны на сумму 100

[2] Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00043, https://rscf.ru/project/22-18-00043/ в Институте всеобщей истории РАН.

[3] Любопытные наблюдения Атласова о жизни коренных народов на Камчатке можно найти в портфелях Миллера. Подробнее, см: РГАДА. Ф. Портфели Г.Ф. Миллера. Портфель 511. II. Тетр. 6. Л. 7-87.

рублей. Однако, прибыв на Енисей, Атласов силой отобрал товары у одного купца, за что был обвинён в разбое и заключён под стражу в Якутске. Освобождённый в 1706 г., он снова отправился на Камчатку и имел там широкие полномочия по наказанию казаков и усмирению местного населения.

В 1696-1697 гг. большие усилия по описанию и картографированию Западной Сибири предпринял С.У. Ремезов. Картографическое наследство Ремезова состоит из трёх рукописных атласов Сибири, известных как «Чертёжная», «Служебная» и «Хорографическая» книги Сибири, а также ряда чертежей. Местность вдоль речных дорог отображена с особой тщательностью, тогда как другие участки изображаемого картографируемого района весьма бедны содержанием и приводятся подчас условно. В работах Ремезова можно найти чертежи и рисунки Камчатки[4]. В 1700 г., опираясь на сведения, полученные Атласовым, Ремезов, заручившись поддержкой воеводы из Тобольска, составил подробный географический план Камчатки, который изобразил в форме полуострова.

В 1960-е годы в историографии утвердилась точка зрения, что для начала XVIII в. чертежи Ремезова были «вчерашним днём в развитии картографии» [История Сибири… 1968. Т. 2: 167]. Его карты порой не имели под собой математической основы, на них часто фиксировались мифические сведения, а расстояния между объектами были приблизительны. Помимо этого, из-за многочисленных названий его карты были порой трудны для понимания. Всё это делало их малопригодными для государственных структур и участников экспедиций. Несмотря на это, уже на протяжении многих лет карты Ремезова представляют большой интерес для историков, этнографов, географов, филологов и топонимистов, так как содержат ценную информацию о Сибири и Дальнем Востоке.

В 1711 г. служилый человек Пётр Ильич Попов вместе со своим отрядом, в состав которого входил анадырский промышленник Егор Толдин, крещёный юкагир Иван Васильев, отправился к чукчам для сбора ясака. Попов сообщил в отчёте, что чукчи обладали сведениями о Большой земле, а также указали на остров, находящийся в восточном направлении от Камчатки. Епископ Григорий в своей работе по истории православия на Аляске пишет, что Пётр Первый, получив отчёт, воспринял эту информацию серьёзно, и это стало катализатором его решения о подготовке полномасштабного изучения Тихоокеанского региона со стороны России [*Bishop Gregory (Afonsky)*, 1977: 2].

Уже в начале XVIII в. Пётр Первый отметил малую практическую значимость чертежей «изографов». Для освоения Дальнего Востока и территорий на севере Тихого океана требовались точные карты, составленные профессиональными геодезистами с соответствующим образованием и знаниями. Так, в Сибирь направляют несколько отрядов геодезистов, среди которых, например, были Иван Захаров, Пётр Чичагов и Пётр Молчанов. Они должны были изучить восточные рубежи Российской империи. Их деятельность связана с развитием фронтира и попытками включения в него островов к юго-востоку от Камчатки.

[4] Документы С.У. Ремезова // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Эрмитажное собрание. Д. 237.

Сведения о них были весьма туманны. Между тем уже в середине XVII в. в России появляется интерес к островам Курильской гряды. Некоторые исследователи считают, что Федот Попов открыл их в 1649 г. (И.И. Огрызко), другие полагают, что это произошло во время правления Петра Первого (Б.П. Полевой) [*Огрызко*, 1953: 167-207; *Полевой*, 1985: 261].

Можно предположить, что начальные сведения о Курильских островах появились в России в середине XVII в. Примерно в то же время стало известно о «долгополых» айнах и острове Алаиде (остров Атласова), который был замечен во время камчатской экспедиции В.В. Атласова [*Оглоблин*, 1891. Кн. 3: 1-18].

Первая документально подтверждённая русская высадка на острова Курильской гряды связана с мятежом камчатских казаков в 1707-1711 гг. Им было известно, что Пётр Первый проявил интерес к освоению и присоединению новых земель, которые могли быть использованы для добычи пушнины. Убив камчатских приказных, казаки во главе с Даниилом Анциферовым и Иваном Козыревским отправились в плавание. Они прекрасно осознавали, что их за это преступление ждёт суровая расправа. При этом казаки помнили, что за восстановление царской власти и покорение народов в верховьях Амура царь Алексей Михайлович простил убийство воеводы Леонтия Обухова. Они верили, что смогут добиться помилования за присоединение Курильских островов, а если соберут ясак, то могут ещё и заслужить поощрение от царя.

Претерпев всевозможные лишения, в 1711 г. казаки достигли острова Шумшу, предположительно став первыми русскими, ступившими на него. Оттуда они перебрались на остров Парамушир. По возвращении на Камчатку путешественники стали собираться во второй поход, под предводительством Ивана Козыревского.

Целью второго плавания было нахождение пути из Камчатки в Японию [*Полевой*, 1982: 20-21]. Этому предшествовало спасение в 1711 г. японцев, судно которых потерпело крушение на побережье Камчатки в результате тайфуна [*Дивин*, 1971: 25-27]. От японцев, которых обучили русскому языку, удалось узнать о месторасположении Японии.

Иван Козыревский показал себя способным исследователем и организатором. Он собрал ценную информацию об истории, географии и этнографии Курильских островов. Исторические и этнографические сведения были основаны на рассказах Шатаная, итурупского айна, которого путешественники встретили в Парамушире. Однако японский учёный Мураяма Ситиро полагает, что Козыревский составлял свои отчёты, используя рассказы японца Санимы-Санемона [*Murayama*, 1971: 553]. В 1970-е гг. между отечественными и японскими историками даже разгорелась полемика по этому вопросу.

Козыревский был первым, кто пронумеровал острова Курильской гряды. Он начал описание с мыса Лопатка. Оттуда он в короткий срок смог добраться на байдарках до первого обитаемого острова Шумшу. Остров Алаид был пропущён Козыревским, поскольку тот был уверен, что курильцы там не жили, а только занимались промыслом. Козыревский подсчитал, что от Шумшу до Парамушира 4 версты. В своём описании он уделил Параму-

ширу много внимания, писал, что его жители, айны, изготавливали холсты из крапивы и торговали ими с соседями в обмен на бумажные и шёлковые ткани, изделия из металла (оружие и котлы) и деревянную посуду. Остров Мушю (Онекотан) был в 12 часах плавания на байдарках от второго острова. Третий остров славился обилием каланов и других пушных зверей в прибрежных водах. На нём был действующий вулкан. Язык, на котором изъяснялись его жители, был знаком на всех Курилах. Жители Мушю вступали в браки с жителями других поселений. После четвертого – пятый остров Курильской гряды – Шиашкотан или «Сияскотан» – оказался малонаселён, но на нём каждый год проводилась ярмарка. Острова «Икарма» (Экарма), «Машауч» (Чиринкотан) и Игакту не были заселены. Следующие острова Козыревский лишь перечислил, дав им минимальную характеристику: «Шококи» (вероятно, имеется в виду Райкоке), «Матою» (Матуа), «Шашово» (Расшуа), «Ушишир», «Китой» (Кетой), «Шимусир» (Симусшир), Итуруп и Уруп. Поскольку рассказчик Шитанай был уроженцем Итурупа, он подробнее поделился сведениями о своей родине. Он рассказал, что на Итурупе много лесов, где водятся звери, в том числе и медведи. Кроме того, остров привлекателен для мореплавателей благодаря большому количеству удобных бухт для кораблей различных типов. По словам Шитаная, жители Итурупа не состояли ни в чьём подданстве. Остров Кунашир славился обширной внутренней и внешней торговлей. Согласно Козыревскому, пятнадцатым островом был «Матмай» (Хоккайдо).

В октябре 1714 г. анадырский приказчик Татаринов писал Ельчину о том, что по приказу великого государя *«с Камчатки, с Большей реки, для проведывания Апонского государства за перелевы от Камчацкого Носу на острова»* путешествовал Козыревский с командой в составе пятидесяти пяти человек. Им удалось нанести на карту оставшиеся острова вплоть до Матманского [Исследования русских на Тихом океане… 1981. Т. 1: 25-27].

В 1715 г. Ельчин отправил донесение Петру Первому, в котором изложил обстоятельства похода Козыревского. Он обозначил особенности мореплавания и расстояние, которое удалось преодолеть путешественникам. Также он отметил активную торговлю японцев «из Матманского города» одеждой, оружием и различными медными и железными изделиями[5].

Козыревский в своих донесениях впервые дал подробные сведения о народах, населяющих Курилы и Японию, раскрыл возможность экспедиций из Иркутска в Якутск, а далее – из Камчатки на север Тихого океана. Маршруты Козыревского дорабатывались и наносились на чертежи во время последующих походов казачьих отрядов. Морское судоходство продолжило развиваться, но на данном этапе пока было неизвестно, есть ли морской путь, связывающий Камчатку с Чукоткой. Это был фронтир, объединяющий восточные окраины государства и новые территории на тихоокеанском севере.

В 1713 г. Фёдор Степанович Салтыков, который в 1711 г. был отправлен в Англию для изучения кораблестроения и приобретения судов, послал Петру Первому донесение, в котором предлагал выйти в Тихий океан по рекам Си-

[5] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 43. Л. 375–376.

бири. По его замыслу, корабли должны были пройти по Амуру и Енисею и затем направиться на юг для торговли с империей Цин [Пропозиции Фёдора Салтыкова… 1891. XXVII. 3: 28-29].

Однако энтузиазм Салтыкова в освоении востока был не единственной причиной интереса к этому региону. По всей видимости, он располагал сведениями о планах Англии активизировать свою деятельность на севере Тихого океана.

Для выяснения вопросов, связанных с навигацией в Охотском море, в 1713 г. царь приказал якутскому полковнику Якову Агеевичу Ельчину готовить экспедицию. Спустя год тот отправил «наказную память» Козьме Соколову, пятидесятнику М. Кривоносову и мореходу Якову Невейцыну о подготовке экспедиции на Камчатку. Маршрут плавания должен был пролегать по рекам из Якутска до Охотского острога, а оттуда на Камчатку [Наказная память якутского воеводы… 1885. Кн. 2: 37-40].

По прибытии в Охотск К. Соколов начал постройку ладьи, названной «Восток». В мае 1716 г. она была спущена на воду. Вплоть до этого времени Россия использовала на Дальнем Востоке в основном каботажные суда, которые ходили вдоль береговой линии и не были пригодны для дальних океанских плаваний. Однако «Восток» был предназначен для совершения прямого плавания через Охотское море в Большерецк. В июне того же года русская экспедиция в составе двадцати семи человек под руководством К. Соколова и Н. Трески отплыла из Охотска, прошла через Охотское море и у западного берега Камчатки высадилась на берег реки Тигиль.

Перезимовав на Камчатке, в 1717 г. команда судна «Восток» отправилась обратно. Несмотря на трудное пятинедельное путешествие, экспедиция добралась до Охотска, а затем направилась в Якутск, где Соколов представил отчёт о своём плавании. Главным результатом этой экспедиции было открытие пути из Охотска на Камчатку [*Алексеев*, 1958: 28-32]. А.В. Ефимов считал, что участники экспедиции Ельчина – Н.М. Треска и Я.В. Невейцын – первыми открыли этот морской путь [*Ефимов*, 1971: 146-147]. Полевой полагал, что успех этого плавания подтолкнул Петра Первого к реализации планов по поиску берегов Америки [*Полевой*, 1985: 282]. Так, эпоха развития сухопутного фронтира пришла к завершению, сменившись эрой интенсивного освоения Тихого океана. Это развитие было активизировано походами Козыревского и плаванием на ладье «Восток».

Изучаемый нами период интересен как с точки зрения появления идей и планов по дальнейшему продвижению за океан, так и в контексте формирования политики в отношении восточных окраин России. Согласно архивным документам и опубликованным источникам, мы можем обозначить этот период как экспедиционно-исследовательский. По причине того, что Пётр Первый всё же не полностью доверял имеющимся сведениям, он пока не решался отдавать приказ о масштабной океанской экспедиции. С целью выяснения необходимых географических данных царский двор задумал послать геодезистов для сбора дополнительной информации, необходимой для подготовки полномасштабного морского плавания. Их миссия должна была осуществляться с участием и поддержкой местных властей.

Российское правительство было заинтересовано в освоении тихоокеанских рубежей по следующим причинам: потенциальная экономическая выгода, развитие торговых отношений, желание расширить территорию, научные исследования и возможность укрепления своих позиций в Тихом океане. В европейских странах также наблюдался растущий интерес к восточным берегам России. Подтверждением тому может служить запрос Парижской академии наук российскому государю в 1716 г. В Западной Европе предлагали послать свою экспедицию с тем, чтобы получить точные сведения о географическом положении Азии и Северной Америки, но получили отказ Петра. Однако царь пообещал поделиться с Европой результатами российской экспедиции [*Ваксель*, 1940: 23].

В 1719 г. Пётр Первый направляет двух геодезистов – Фёдора Федоровича Лужина и Ивана Михайловича Евреинова – для изучения территорий на севере Тихого океана. Им удалось исследовать Курильские острова. По всей видимости, эта экспедиция должна была также провести разведку возможных полезных ископаемых и найти путь в Японию. Пётр Первый благосклонно выслушал доклад геодезистов. Он принял от Евреинова карту с изображением Курильских островов, на которой была отмечена северная часть гряды. Для царя было важно, что эта карта была составлена при помощи специальных чертёжных и геодезических инструментов на основе математических расчётов [*Евтеев*, 1950: 39-91]. С конца XVII в. Пётр Первый всё более склонялся к мысли о существовании морского пролива, разделяющего Америку и Азию, но, несмотря на сведения, полученные им в результате плаваний, всё ещё сомневался, что этот вопрос окончательно решён.

В 1720 г. для изучения географии и быта народов Сибири была организована экспедиция под руководством Д. Мессершмидта. В результате этой экспедиции удалось получить большой объём исторических и этнографических данных, которые легли в основу дальнейшего изучения Сибири и Дальнего Востока.

Изучение Азиатско-Тихоокеанского региона было тесно связано с распространением в нём христианства. На новые территории была перенесена русская историко-культурная идентичность, установлены нормы и правила Русской православной церкви. Представители государственных структур стали инициаторами обязательного и постоянного участия иереев Русской православной церкви в экспедициях по изучению Азиатско-Тихоокеанского региона. До этого священнослужители входили в состав более ранних экспедиций – походов Ермака, плаваний С.И. Дежнева, К. Соколова, экспедиций Ельчина и др., – по инициативе самих участников.

С плавания Витуса Беринга начинается новая эпоха российских географических открытий на севере Тихого океана и последующего исследования Америки. В наших работах мы уже достаточно подробно рассмотрели подготовку и ход Первой Камчатской экспедиции [*Петров*, 2018: 12-29]. Здесь хотелось бы остановиться на особенностях реализации замыслов Петра Первого по организации экспедиции Витуса Беринга.

6 января 1725 г. Пётр Первый лично составил инструкцию В. Берингу, в которой отметил цели и задачи Первой Камчатской экспедиции. Эта инструкция была секретной, и её вручили Берингу только в день его отъезда

в Сибирь. Власти опасались, что текст данного документа станет известен иностранцам, в особенности испанцам, собиравшим данные об экспедиции Беринга[6]. Оригинал инструкции Петра Первого ещё до сих не найден в архивах. Основные пункты этого документа, по мнению историка из США Х. Бэнкрофта, были согласованы с П.М. Апраксиным [*Bancroft*, 1886: 35-37, 44-45]. Вместе с инструкцией Беринг получил указания Адмиралтейств-коллегии, касающиеся организационных вопросов. Ему было поручено набрать участников экспедиции и обеспечить материальное оснащение плавания. Следовало найти штурманов, знакомых с особенностями навигации к северу от Японии. Это представлялось сложной задачей, и коллегия предполагала найти их в Голландии [*Bancroft*, 1886]. В дальнейшем в своих докладах В. Беринг использовал формулировки, взятые из инструкции в Адмиралтейств-коллегию. Позднее инструкция вошла в Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Поскольку документ имеет большое значение, мы приводим его текст в том виде, в котором он опубликован в ПСЗРИ.

«1. Надлежит на Камчатке, или в другом там месте, сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах[7] возле земли, которая идёт на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3. И для того искать, где оная сошлася с Америкой, и чтоб доехать до какого города европейских владений; или ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него, как оной... называют, и взять на письме, и самим побывать на берегу, и взять подлинную ведомость, и, поставя на карту, приезжать сюды»[8].

Витус Беринг должен был действовать в соответствии с указаниями, данными в инструкции. Сама записка была трудна к пониманию из-за её краткости. По всей видимости, Витус Беринг не получил подробных разъяснений от Адмиралтейств-коллегии и Сената. Подобные разъяснительные документы, как правило, включают десятки, а иногда и сотни страниц. В них даются подробные описания, как капитану следует действовать в тех или иных ситуациях. Инструкцию без подробных разъяснений, с одной стороны, можно объяснить внутриполитической ситуацией после ухода Петра Первого, а с другой – отсутствием конкретных пояснений по поводу того, кто в Адмиралтействе и Сенате будет выполнять императорские указы. Хотя даже при жизни Петра Первого почти вся информация, относящаяся к экспедиции в северную часть Тихого океана, держалась в секрете. И, если судить по документам Адмиралтейств-

[6] Данный факт подтверждается документами, выявленными автором в испанских архивах. См., например: Письмо 27 июля 1773 г. Букарели (Вице-король Мексики) Арильяге (испанскому губернатору Верхней Калифорнии) Archivo General de Indias. Sevilla A.G.I. // Estado 20 (1), переписка испанских властей о русских экспедициях на север Тихого океана: Archivo Histórico Nacional. Madrid A.H.N. // Estado 4289.

[7] В тексте инструкции, который опубликован в ПСЗРИ, слово «плыть» отсутствует. В дальнейших публикациях изучаемого документа это слово вставлено по смыслу.

[8] ПСЗРИ. Соб. 1-е. Т. VII. № 4649. С. 413. В ПСЗРИ инструкция датирована 5 февраля 1725 года. Однако Пётр I написал её 6 января, а 5 февраля уже после смерти императора её получил Беринг. Подробнее см.: Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. Сборник документов. Т. 1. М., 1984. С. 35-36, 285.

коллегии, выявленным в РГАВМФ[9], вероятность того, что в будущем документы, детализирующие эту инструкцию, могут быть найдены, очень мала.

Беринг также получил рекомендательные письма, которые, как и инструкция, носили очень общий характер. На Беринга возлагалась большая ответственность за принятие решений, касающихся открытия, определения границ империи и их защиты от возможных притязаний со стороны других стран.

В соответствии с инструкцией Беринг должен был построить один или два бота. Их предполагалось заложить на тихоокеанском берегу Камчатки, где уже существовали русские поселения, что значительно упрощало задачу. Между тем географические знания о близлежащих территориях были ограничены, поэтому Берингу требовалось время, чтобы собрать и обработать географическую и этнографическую информацию о севере Тихого океана.

В соответствии со вторым пунктом инструкции Берингу следовало плыть строго на север. Третий пункт документа часто цитируют во многих научных и научно-популярных работах. Прямому пониманию подлежат слова: 1) найти место, где земля, идущая «на норд» сошлась с Америкой; 2) узнать о новой земле, добравшись до европейских владений или повстречав европейский корабль; 3) высадиться на землю, до которой можно добраться, исследовать её, нанести эти территории на карту и т. д.; 4) вернуться в Санкт-Петербург. Двояко можно понять следующее: во-первых, место, где земля «сошлась» с Америкой можно трактовать либо как место, где неизвестная земля соединяется с Америкой сухопутным перешейком, либо как место, где она максимально приближена к американскому материку. При этом вопрос о наличии пролива между Америкой и этой неизвестной землей инструкция не снимает, в ней нет точного указания на то, есть ли такой пролив или нет. Во-вторых, непонятно также, какие именно европейские владения имеются в виду. Если речь идёт об испанских поселениях, то необходимо было бы плыть вдоль западного побережья Америки к Калифорнии или Мексике. Если же Пётр Первый подразумевал британские или французские территории, то следовало бы проходить через Северный Ледовитый океан в обход Северной Америки к восточному побережью Америки, где располагались колонии Англии и Франции.

Чириков в феврале 1733 г. писал в Адмиралтейств-коллегию, что, по его мнению, по инструкции императора, следовало дойти до испанской Мексики [Экспедиция Беринга. Сборник документов, 1941: 206]. Чириков хорошо знал о территориальных притязаниях Испании и должен был выбирать план действий в соответствии с ситуацией на месте. Он понимал, что если бы российские поданные попытались закрепиться на новых территориях, то это привело бы к борьбе за колонии уже в первой половине XVII в.

Таким образом, Первая Камчатская экспедиция стала кульминацией начального этапа в продвижении отечественного фронтира на севере Тихого океана. Результаты плаваний Козыревского, Лужина и Евреинова

[9] В основном документы по экспедиции В. Беринга находятся в специальном фонде. См. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 216 (Канцелярия капитан-командора В.И. Беринга, капитана А.И. Чирикова и капитана I ранга П.К. Креницына (1725–?).

были использованы В. Берингом. Наполнение фронтира складывалось благодаря участию многих регионов России в экспедициях: от снаряжения и доставки продовольствия до личного участия, от матросов и членов плавания до чиновников различного уровня вплоть до губернаторов. Экспедиция В. Беринга была разработана и осуществлена за счёт внутренних ресурсов. Бот «Святой Гавриил» был построен отечественными мастерами и мог соперничать с аналогичными судами такого класса Англии и Голландии. Экспедиция показала пути распространения российской идентичности, которая позднее была привнесена в Русскую Америку. Плавание Беринга сыграло важную роль в последующем установлении границ в северной части Тихого океана, в том числе между Россией, Англией и США.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.И. Охотск – колыбель русского Тихоокеанского флота. – Хабаровск, 1958.

Берх В.Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов или Подвиги российскаго купечества. С присовокуплением исторического известия о меховой торговле. – СПб., 1823.

Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку, 1732-1799. – М., 1991.

Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга / пер. с рукописи на нем. яз. Ю.И. Бронштейна; под ред. и с предисл. А.И. Андреева. – Л.; М., 1940.

Дивин В.А. Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке. – М., 1971.

Евтеев О.А. Первые русские геодезисты на Тихом океане. – М., 1950.

Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. – М, 1971.

Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в. Сер.: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док. / Ред. А.Л. Нарочницкий. Т. 1. – М., 1981.

История Сибири с древнейших времён до наших дней: в пяти томах. Т. 2. – Л., 1968.

Наказная память якутского воеводы полковника Я.А. Ельчина служилому человеку К. Соколову, кормщику Я. Невейцыну, пятидесятнику М. Кривоносову о поиске морского пути на Камчатку и описании открытых земель. 3 июля 1714 г. // Памятники Сибирской истории XVIII в.: в 2 кн. Кн. 2. – СПб., 1885.

Оглоблин Н.Н. Две «скаски» Вл. Атласова об открытии Камчатки. Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1891. Кн. 3. Отд. 1.

Огрызко И.И. Открытие Курильских островов. Учёные записки Ленинградского университета. № 157, факультет народов севера, 1953. Вып. 2.

Петров А.Ю. Витус Беринг: у истоков историко-культурного наследия Русской Америки // Вопросы истории. 2018. № 7.

Петров А.Ю. Петровская эпоха и освоение северной части Тихого океана. – Рязань, 2022.

Петров А.Ю., Ермолаев А.Н., Коскина М.М. Пётр I и рост интереса России к освоению Тихого океана, 1711-1722 // Quaestio Rossica. Т. 9. 2021. № 1.

Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов: Из истории русских географических открытий на Тихом океане в XVIII в. – Южно-Сахалинск, 1982.

Полевой Б.П. Русские географические открытия на Дальнем Востоке с 30-х гг. XVII в. до 60-х гг. XIX в. // Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. – Л., 1985.

Пропозиции Фёдора Салтыкова: Рукопись из собрания П.Н. Тиханова. XXVII. 3. – СПб., 1891.

Экспедиция Беринга. Сборник документов / Подготовил к печати А.А. Покровский. – М., 1941.

Юркин И.Н. «Сие есть великая тайна…» (письмо Николая Витсена о «вольной» торговле и новых землях) //Архив истории науки и техники. Вып. 4 (13). – М., 2010.

Bancroft H. History of Alaska. 1730-1885. San Francisco, 1886.

Bishop Gregory (Afonsky) A History of the Orthodox Church in Alaska (1794-1917). Saint Herman Theological Seminary, Kodiak, Alaska, 1977.

Golder F.A. Russian Expansion on the Pacific. 1641-1850. Cleveland, 1914.

Murayama S. Kita Chishima Ainugo. Tokyo, 1971.

Terner F. The significance of sections in American history. N. Y., 1932.

Terner F. The frontier in American history. N. Y., 1962.

Terner F. The United States. 1830-1850. The nation and its sections. N. Y., 1958.

Vilar E. V. Los Rusos en América. Sevilla, 1966.

Европейские советники Петра I и создание научного учреждения в России

Е.Ю. Басаргина

Аннотация. *В статье в контексте международных научных связей Петра Великого рассматривается предыстория Российской академии наук. Автор показывает, что консультантами в деле её создания выступали такие великие европейские учёные, как секретарь Парижской академии наук Б. Фонтенель, президент Бранденбургского научного общества Г.В. Лейбниц, ученик и последователь Лейбница Х. Вольф. Приводятся доказательства в пользу того, что создание отечественной Академии наук в известной мере оказалось несовершенной реализацией предложенного Лейбницем проекта высшей научной коллегии со статусом министерства.*

Ключевые слова: *Пётр Великий, Российская академия наук, интернациональная «республика учёных», новаторство петровского академического проекта.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.004

Первое научное учреждение в нашей стране, Российская академия наук – самое прочное из всех нововведений Петра Великого и единственная из созданных им институций, которая, по крайней мере, сохранила своё наименование. Вот уже без малого 300 лет Академия наук осуществляет роль, предписанную ей указом великого основателя.

Академия ведёт свою официальную историю от 28 января (8 февраля) 1724 г., когда Пётр I «указал учинить Академию» и определил средства на её содержание. Неделей ранее, 22 января, на заседании Сената в присутствии императора был обсуждён составленный лейб-медиком Петра I Л.Л. Блюментростом проект положения об Академии наук, причём Пётр собственноручно внёс в него некоторые поправки.

Историки науки отмечают новаторство петровского проекта, где в одном учреждении были соединены академия, университет и гимназия. В проекте разъяснялось, почему они создавались одновременно, а не так, как это было сделано в других странах, где сначала возникал университет, а потом появлялась академия. В европейских государствах было «множество учёных людей», а тогдашняя Россия была лишена такой роскоши; даже для создания самостоятельного университета в стране не было подготовленных студентов, из-за того, что «прямых школ, гимназиев и семинариев нет». Симбиоз Академии и Университета был выгоден и в финансовом отношении, экономил государственные средства. Выписанных из-за границы «самолутчих людей» следовало использовать в полную силу, чтобы они могли и «науки производить и совершить», и «младых людей публично обучали», причём одно «здание с малыми убытками тоеж бы с великою пользою чинило» [Уставы, 2009: 48-49; *Копелевич*, 1977: 54-64].

Исследователи начальной истории Академии наук обнаруживают в петровском проекте следы заимствований из программных документов евро-

пейских научных обществ и академий [*Копелевич*, 1977: 32-54; *Смагина*, *Соколова*, 2016: 409-422; *Смагина*, 2017: 9-21]. При этом они единодушны в том, что Проект не имеет прямых аналогов в европейской практике и несёт отпечаток размышлений Петра о судьбе науки в России. Последнее обстоятельство тем более важно, что Пётр не оставил ни одного собственноручного документа, где бы он разъяснял, какое именно учреждение он намеревался создать. Таким образом, вопрос об источниках петровского проекта по сей день остаётся открытым, и поиски новых свидетельств, позволяющих пролить дополнительный свет на происхождение проекта, вполне оправданны.

Идею возникновения Академии наук связывают, прежде всего, с опытом, приобретённым Петром I во время его путешествий в Европу. Первое продолжительное заграничное путешествие молодого царя, известное как «Великое посольство», состоялось в 1697-1698 гг. Вторая дипломатическая поездка прошла в 1716-1717 гг. и была сопряжена с заботами Северной войны. В 1711-1713 гг. во время военных операций Пётр побывал в ряде городов Северной Германии и Дании. На познавательное значение путешествий Петра I намекала медаль, выбитая в его честь в 1717 г. на Парижском монетном дворе, с надписью на реверсе: «vires acquirit eundo» (шествуя, <он> приобретает силы). Ещё во время своего первого путешествия царь пользовался сургучной печатью с надписью: «Я ученик и ищу себе учителей».

Во время первой поездки Пётр стремился больше узнать о европейской науке, встречался с ведущими учёными того времени – А. ван Левенгуком, Д. Флемстидом, Э. Галлеем, И. Ньютоном, посещал лекции по астрономии и анатомии, бывал на заседаниях научных обществ, рассматривал частные коллекции. По возвращении домой он тотчас приступил к масштабным преобразованиям в области культуры. Европейцы были воодушевлены реформаторской деятельностью Петра и поддерживали его цивилизаторские устремления. Так, в 1714 г. Лондонское Королевское общество приветствовало намерение Петра «продвигать искусства и науки в своих владениях» (Artes et Scientias in Regnis suis quam maxime promovere) [Пётр Великий и основание Петербургской академии наук, 2022: 15][2].

В 1717 г. Пётр сам стал академиком [*Княжецкая*, 1974: 260-273; *Мезин*, 2015: 205-211; Пётр Великий…, 2022: 16-25]. Во время своего визита во Францию он присутствовал на заседании Парижской академии наук, устроенном в его честь 19 июня. Академия тогда «похвасталась всем, что имела самого нового и любопытного по части опытов и машин» [*Fontenelle*, 1725: 118]. Государь на всё «смотрел прилежно, делал свои примечания и желал,

[1] Благодаря биохронике Петра Великого – Itinera Petri, составленной Е.В. Анисимовым, появилась возможность день за днём проследить весь жизненный путь Петра и шаг за шагом – его европейские путешествия [*Анисимов*, 2021].

Как известно, Пётр I не получил никакого систематического образования, и его общие воззрения на просвещение и науку сформировались под множественным влиянием его советников как внутри страны, так и за её пределами. По словам Феофана Прокоповича, «академии были ему грады и страны, республики и монархии и дома царские, в которых гостем бывал; учители были ему, хотя и сами про то не ведали, и к нему приходящие послы, и гости, и его, его угощяющии, потентаты и управители» [*Феофан Прокопович*, 1961: 141].

[2] Это слова из письма от 25 июля 1714 г. президента общества Исаака Ньютона к светлейшему князю А.Д. Меншикову (1673-1729) с извещением о его избрании в члены общества.

чтобы члены сего славного собрания сели, дабы мог он видеть порядок их заседания» [Журнал ежедневный пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича, 1741: 410].

Парижская академия наук так понравилась Петру, что он пожелал стать её членом. Сначала академия отказалась выполнить царский каприз, оправдываясь слишком высоким положением кандидата. Но избрание всё же состоялось, что являлось «прецедентом хотя необычным, но достопамятным» (insolito quidem sed memorabili exemplo) [*Goldbach*, 1728: Praefatio]. 22 декабря 1717 г. Пётр I был признан особым академиком, его имя было поставлено «во главе» (à la tete) списка академиков [Петр Великий… 2022: 20]. Об этом событии постоянный секретарь академии, знаменитый Бернар Ле Бовье де Фонтенель (Bernard le Bovier de Fontenelle, 1657-1757), позже напишет, что Академия отметила Петра как «академика-монарха и императора, который внедрил науки и искусства в своих обширных владениях» (d'académicien roi et empereur, qui a établi les sciences et les arts dans les vastes états de sa domination) [*Fontenelle*, 1725: 105].

Пётр выразил благодарность за избрание в особой грамоте, датированной 11 февраля 1721 г.: «Объявляем Королевской Французской Академии наук милостивое Наше поздравление. Нам неинако как зело приятно быть могло что вы Нас членом в свою компанию избрали» [Пётр Великий… 2022: 22].

Избрание в члены Парижской академии наук предполагало выполнение определённых обязанностей; академики должны были публиковать свои труды в изданиях Академии или докладывать ей о своих работах. Академик-монарх не желал отставать от других и в качестве своего вклада обещал сообщать об исследованиях, которые будут вестись на территории России: «Мы ничего болше нежелаем, как чтоб чрез прилежность, которую Мы прилагать будем науки в лутчей цвет привесть, себя яко достойного вашей компании члена показать» [Пётр Великий… 2022: 23]. В 1721 г. библиотекарь Петра Иоганн Даниэль Шумахер привёз в Париж впечатляющие результаты первых научных исследований, проведённых в Сибири и на Каспийском море.

На примере Парижской академии наук Пётр убедился в том, что науки важны не только сами по себе, одновременно они являются непременным атрибутом цивилизованного государства и повышают престиж монарха.

Впоследствии Пётр позаимствовал некоторые элементы организации Парижской академии наук для своей академии. В петровском проекте прямо говорится: «И понеже сие учреждение такой Академии, которая в Париже обретается, подобна есть, <…> того для я надеюсь, что сие здание удобнейше Академиею названо быть может» [Уставы, 2009: 49].

Первые академики Петербургской академии тоже заметили, что она многое заимствовала из деятельности Парижской академии наук. В Предисловии к первому тому «Комментариев Петербургской академии наук» секретарь Христиан Гольдбах обратил внимание на то, что по окончании войны со шведами, как только смолкли пушки, Пётр «посчитал самым важным подражать славной академии галлов» (multo magis imitandam putavit illustrem Gallorum Academiam) и, несмотря на неизбежные трудно-

сти, сопряжённые с этим трудом, не отказался от своего замысла и преодолел все препятствия [*Goldbach*, 1728: Praefatio].

Академии наук в Париже и в Петербурге сближало то, что они были построены по типу государственного учреждения и финансировались из казны.[3] Главное же их отличие состояло в том, что в Европе академии возникали как организационная форма действующей науки, а в России сначала была создана академия, и только потом появилась настоящая наука.

Подробная оценка деятельности русского царя в области культуры и научного освоения подвластной ему империи содержится в «Похвальном слове», прочитанном Фонтенелем в память Петра [*Fontenelle*, 1725: 105-128; *Радовский*, 1960: 119-123; *Мезин*, 2015: 261-276]. В русле сложившейся к тому времени европейской традиции противопоставления России, преобразованной и допетровской, Фонтенель рассказал о реформах Петра, которые позволили создать в России «новый народ».[4]

В обновлении России и создании «нового народа» одинаково важны были военные победы, создание флота и новых путей сообщения, приглашение иностранных специалистов, размах изучения природных богатств России, расширение горнозаводского дела, картографические работы, а также церковная реформа и борьба с суевериями, новая архитектура, распространение образования, расширение переводческой деятельности, создание музея и библиотеки.

Особо Фонтенель отметил отношения Петра с «преславным господином Лейбницем»; царь «дал ему почётную должность и значительную пенсию, хотя иностранному учёному было бы достаточно чести подавать советы» [*Fontenelle*, 1725: 127; *Мезин*, 2015: 275].

Готфрид Вильгельм Лейбниц (Gottfried Wilhelm Leibniz, 1646-1716) – универсальный гений, объявший разные области знания, от математики до лингвистики, и на целое столетие определивший развитие европейской мысли. Как говорили о нём современники, он сам представлял собой целую академию. Воодушевлённый идеей создания «федерации учёных обществ» германский учёный в 1700 г. стал отцом-основателем и президентом Бран-

[3] Основанная в 1666 г. Людовиком XIV Парижская Академия пользовалась устойчивой государственной финансовой поддержкой и многими привилегиями. Король объявил себя протектором Академии. Академики собирались в помещениях королевского дворца в Лувре, пользовались королевской библиотекой и ботаническим садом. Чтение сочинения в академическом собрании избавляло его от цензуры. В Парижской академии только 20 штатных академиков получали небольшое академическое жалование. Всего в Академии были предусмотрены четыре категории членов: почётные, штатные (состоящие на жаловании, или «пенсионеры»), нештатные («ассосье»), и элевы, (ученики). В Петербургской академии весь штат целиком находился на государственном довольствии. Таким образом, по словам современного историка науки, в Петербурге был сделан «следующий шаг к превращению научной деятельности в профессию, в особый вид государственной службы» [*Копелевич*, 1974: 93-130].

[4] В ходе переписки с царём президент Парижской академии наук аббат Биньон и секретарь академии Фонтенель ставили деяния Петра в области просвещения выше его ратных подвигов и внушали царю мысль о том, что он сделал из своих подданных «совершенно новых людей, более счастливых, более достойных повиноваться Вам», просветил их знаниями и покорил науками [Пётр Великий… 2022: 22]. Так создавался миф, будто Пётр в одночасье создал новый народ. Тот же пафос новаторства звучал при поднесении Петру титула императора всероссийского и наименования Великого и Отца Отечества». В 1721 г. Сенат провозглашал: «Мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света, и тако рещи, из небытия в бытие произведены, и во общество политичных народов присовокуплены» [ПСЗ. Т. 6: 445]. Ту же мысль повторил Антиох Кантемир во второй сатире «На зависть и гордость дворян злонравных», вспоминая «указы Петровы, Коими стали мы вдруг народ уж новый».

денбургского научного общества (позднее – Берлинская Академия наук) и задумал покрыть всю Европу целой сетью научных центров, создать международную «республику учёных». Лейбниц строил планы создания академии в Вене и Дрездене, но при его жизни этим проектам не суждено было осуществиться.

Лейбниц оказал существенное влияние на проекты Петра в области просвещения и организации науки в России[5]. Преисполненный миссионерским энтузиазмом распространить европейскую культуру по всему свету, он мечтал перенести на русскую почву блага европейской цивилизации и оказывать воздействие на ход научного развития страны. Большие надежды при этом Лейбниц возлагал на русского царя. Когда в Европе во время Великого посольства распространились известия о выдающихся качествах Петра как государя, учёный установил с ним контакты и завёл интенсивную переписку с его доверенными лицами. В течение двадцати лет в письмах и записках к Петру и при личных встречах (пять раз, в 1711, 1712 и 1716) он наставлял русского царя, какими путями следует внедрять в России образование и науку.

Письма и проекты Лейбница пронизывает вера в просветительские возможности Петра I как правителя государства. Подтверждением тому являются его слова, обращённые к Петру в письме 1712 г., которое одновременно является квинтэссенцией взглядов учёного на высшее предназначение науки и её общечеловеческой значимости: «…за нечто высшее я почитаю искусства и науки, ибо через них непрестанно возрастает слава Божия и благо всего рода человеческого <…> именно искусства и науки суть истинное сокровище людского племени, в коем искусство выказывает превосходство свое над природой, а просвещенные народы свое отличие от варваров. <…> Вот почему с юных лет я любил науки и прилежал к ним. <…> Не было до сих пор на моем пути только сиятельного государя, который соизволил бы оказать должное покровительство моему предмету: именно такого покровителя, смею надеяться, ныне обрел я в лице Вашего Царского Величества, имеющего и власть, и желание без затруднений, с наименьшими усилиями и затратами осуществить в Его великом царстве наилучшие к достижению сего меры» [Сборник писем и мемориалов Лейбница, 1873: 207; Гуманистическая наука по Лейбницу и назначение академий, 2010: 52-53].

Лейбниц хотел найти в России новый неисчерпаемый источник естественнонаучных и других исследований. Он ставил задачи организации в России системы магнитных и астрономических наблюдений, проведения лингвистических изысканий, настаивал на необходимости экспедиций в Сибирь для выяснения вопроса о границе между Азией и Америкой, считал полезным сбор всех растений, животных и минералов, которые встречаются в России и в сопредельных с ней странах.

История первых научных исследований в России подтверждает, что Пётр придерживался программы, во многом отвечавшей пожеланиям Лейбница. Совет Лейбница приступить к изысканию удобного прохода из Арктики в Тихий океан имел своим следствием снаряжение Петром Камчатской экс-

[5] Широкая деятельность Лейбница по внедрению в России просвещения хорошо изучена [*Posselt*, 1843; *Герье*, 1871; *Guerrier*, 1873: 1-196; *Анри*, 1918: 1329-1331; *Richter*, 1946; *Benz*, 1947: 1-88].

педиции. Многое из того, что наметил Лейбниц, было исполнено Петром и его преемниками.

Лейбниц смотрел на Россию не только как на объект исследований, ему удалось заинтересовать российского монарха своими идеями, касавшимися законодательной реформы, преобразования государственного управления и суда, реформы образования.

1 ноября 1712 г. Лейбниц получил от Петра чин тайного советника юстиции, «чтобы науки и искусства в нашем государстве вящий цвет приобрели»[6]. Также предполагалось участие философа в законодательной реформе. Патент на чин – едва ли не единственный документ, где Пётр напрямую обращается к Лейбницу [*Герье*, 1871: 159-160].

«Мне приходится быть издали в некотором роде Солоном России», – так оценивал Лейбниц свою роль в истории российского просвещения. Герцог Антон Ульрих Брауншвейг-Вольфенбюттельский, покровитель наук и искусств, советовал ему быть осторожнее с русскими и их правовой системой, а то как бы вместо Солона не оказаться апостолом Андреем, который, по славянскому преданию, явился крестить Киевскую Русь и в результате закончил свою жизнь на кресте[7]. На это Лейбниц отвечал, что будет доволен крестом, если тот будет усыпан алмазами (намекая на высший российский орден) [*Герье*, 1871: 160-161].

Прямых документальных свидетельств о разговорах Лейбница с Петром не сохранилось, но косвенные данные позволяют говорить о влиянии на Петра даже теоретических воззрений Лейбница. Так, например, Пётр позаимствовал у него идею культурного круговорота, *translatio studii*[8]. Лейбниц высказал мысль о миграции знания по миру в письме к Петру от 16 января 1712 г.: «Похоже, что провидению было угодно, чтобы наука обошла кругом весь земной шар (Es scheinet es sey die Schickung Gottes, dass die Wissenschaft den Kreis der Erden umbwandern) и вступила ныне в Скифию, и орудием её на сей раз избраны Вы, Ваше Величество. Ибо Вам сподручно взять всё лучшее из Европы и из Азии, и мудрыми приказами улучшить то, что достигнуто в обеих частях света» [Сборник писем и мемориалов Лейбница, 1873: 207].

Пётр повторил мысль Лейбница в своей речи при спуске нового корабля в 1714 г., развив её и придав ей барочное оформление [*Николаев*, 1996: 11-12; *Позднев*, 2021: 290-307]. «Коловращение наук» на земле царь уподобил циркуляции крови в человеческом теле[9]. «Я предчувствую, – говорил царь, – что науки когда-нибудь оставят Англию, Францию и Германию и на несколько веков обоснуются в нашем Отечестве, дабы в конце концов снова возвратиться в Грецию» [*Голиков*, 1788: 373-374].

[6] Лейбниц состоял советником при многих дворах (Версаль, Ганновер, Брауншвейг, Дрезден, Берлин, Вена).

[7] Апостол Андрей принял смерть не на Руси, которой тогда еще не было, а в Греции.

[8] Справедливости ради заметим, что представление о том, что науки, зародившись в Греции, совершают кругосветное путешествие, переходят из одной страны в другую и затем возвращаются в исходный пункт, не претендовало на оригинальность и не было чуждо допетровской культуре. В 1705 г. эта мысль прозвучала по поводу мер для распространения просвещения в России: «Музы, богини свободных наук, нашли новый Геликон в московских пределах и стали там смягчать грубые нравы» [*Пекарский*, 1862: 135-136].

[9] О теории кровообращения Уильяма Гарвея (William Harvey, 1578-1657), сравнительно новом открытии, Пётр мог узнать в Лейдене во время своего первого европейского путешествия.

Целью усилий Лейбница был план превратить Россию в страну с европейской цивилизацией и образованием, избежав при этом европейских ошибок. Лейбница воодушевляла мысль, что в будущем Россия сможет стать источником нового света, который укажет путь всей Европе. Даже в невежестве России он находил преимущества: «Поскольку умы в русских землях являют собой еще tabula rasa и подобны невспаханному полю, то можно будет избежать того повреждения наук, что укоренилось в Европе, причём столь глубоко, что избавиться от этого нелегко. А русские могли бы вынести для себя пользу из чужих ошибок и, при хорошем устроении наук, засиять добрым примером для всей остальной Европы <…>, ибо тогда не только северные земли стали бы лучше, но и в наших землях воссиял бы новый свет» [Сборник писем и мемориалов… 1873: 175].

Впервые Лейбниц составил программу культурного обновления России в 1697 г., когда «Великое посольство» Петра проезжало через Ганноверские владения. Для передачи Петру он подготовил записку о способах распространения науки и просвещения в России [Сборник писем и мемориалов… 1873: 14-19]. Многое из того, что предлагал Лейбниц, Пётр уже делал сам, и выполняло посольство: привлечение на русскую службу толковых иностранных специалистов, приобретение полезных книг, редких музейных предметов, научных приборов и инструментов, отправка русских подданных за границу, обучение народа у себя в стране, описание её разных частей.

Принципиально новым было предложение Лейбница «основать главное учреждение для науки и художеств» (un établissement général pour les sciences et arts), на которое возлагалась практическое выполнение этого обширного плана. Ключевыми фигурами в новом учреждении должны были стать люди высокообразованные, благородные и бескорыстные, те, кто ценит славу больше барыша, усердные и деятельные, с широкими научными связями [Сборник писем и мемориалов… 1873: 16; Oeuvres de Leibniz, 1969: 432-433].

Тогда же, в 1697 г., Лейбниц составил меморандум, где вновь изложил, как можно в короткий срок и с малыми затратами привнести в страну европейские науки и нравы [Oeuvres de Leibniz, 1969: 404-415; Гуманистическая наука по Лейбницу… 2010: 45-49]. По многим пунктам Меморандум повторял содержание Записки. Лейбниц вновь советовал царю учредить «верховный коллегиум (ein eignes obristes collegium, ober-collegium), который бы не зависел ни от кого, кроме Его Царского Величества», и целью имел «приумножение и процветание государевой страны и народа, в частности, посредством создания новых заведений, с помощью которых будет производиться управление науками, мануфактурами и всем, что к ним относится» [Oeuvres de Leibniz, 1969: 413; Гуманистическая наука по Лейбницу… 2010: 48]. Таким образом, функции будущего коллегиума охватывали научное и учебное дело, а также техническое оснащение производства.

Неизвестно, дошли ли до царя записка и меморандум Лейбница, но учёный не оставлял попыток сблизиться с царём и влиятельными государственными деятелями.

В 1708 г. Лейбниц составил для представления царю записку о введении в России просвещения, где обозначены этапы этого процесса: во-первых,

импорт европейского знания, translatio studii (для этого предназначены музеи, библиотеки, лаборатории, обсерватории, где будут действовать способные иностранные специалисты), во-вторых, распространение знания с учётом местных условий и дальнейшее возделывание науки. Для выполнения второй задачи надлежало создать влиятельный коллегиум с широкими полномочиями (eine fundation eines eigen ansehnlichen wohl autorisirten Collegii dazu erfordert werde). Круг обязанностей коллегиума был расширен по сравнению с проектом 1697 г. Под его юрисдикцию попадали высшие и низшие учебные заведения, назначение учёных (Amt der gelehrten), книжное дело, типографии, переводы, цензура книг, а также художники и ремесленники [Сборник писем и мемориалов… 1873: 98; Oeuvres de Leibniz, 1969: 476-477; Пётр Великий… 2022: 29].

В письмах и записках, предшествовавших личной встрече Лейбница с Петром в Торгау в 1711 г., Лейбниц повторял мысль о том, что после Полтавской победы для царя настало время подумать о науке и отдаться заботам о распространении просвещения в своей стране. Обращаясь к Петру через герцога Антона Ульриха, Лейбниц вызывался, если потребуется, выполнить поручение царя приискивать для него годных людей, приобретать книги, музеи и изобретения и был готов составить план общего устройства научной части в России. Он предлагал своё содействие в учреждении высшего коллегиума (Obercollegium), который издавал бы полезные предписания, мог бы дать хорошее устройство воспитанию юношества, приискивать годных учителей, составлять учебники [Герье, 1871: 117; Сборник писем и мемориалов… 1873: 173].

В том же 1711 г. Лейбниц подготовил для Петра записку и доклад, который, по-видимому, был ему передан. Лейбниц вновь советовал учредить особый коллегиум (ein eignes Collegium) с привилегиями и предлагал царю свои услуги в этом деле. Предполагалось, что коллегиум разработает стройную систему народного образования, организует научные наблюдения и исследования, подготовит свод наиболее важных знаний, сделанных в Европе и Китае. Лейбниц был уверен, что всё это, в конце концов, приведёт русское государство в цветущее состояние [Сборник писем и мемориалов… 1873: 178].

В другой записке, составленной для той же встречи в Торгау, функции этого государственного органа стали ещё шире: от имени царя collegium руководит всем учебным и книжным делом, ремеслом, ведает медициной и аптеками, соляными и горными промыслами, изобретениями и мануфактурами, новыми культурами в сельском хозяйстве и отраслями торговли. Все подданные под страхом наказания обязывались содействовать коллегиуму в исполнении его задач. Президент и члены коллегиума должны занимать высокое положение в обществе. Хотя коллегиум наделялся огромными полномочиями, он не требовал больших затрат из царской казны. Лейбниц изобрёл несколько источников финансирования за счёт разных привилегий. По примеру Берлинской академии наук, которая в основном существовала благодаря привилегии на издание календарей, коллегиум в России мог бы воспользоваться отчислениями от таможенных сборов или привилегиями в издательском деле. Лейбниц не считал зазорным разрешить коллегиуму

устраивать ломбарды, банки, вдовьи и сиротские кассы и даже получать барыш от лотерей [Сборник писем и мемориалов… 1873: 180-182].

В проекте, переданном Петру в 1712 г. в Грейфсвальде, Лейбниц предлагал основать университеты в Москве, Астрахани, Киеве и Петербурге. Для заботы о внедрении, распространении и процветании всех добрых знаний в государстве в целом Лейбниц считал полезным создать «нечто вроде особого совета» (conseil particulier), от которого должны зависеть университеты и научные общества (les académies et les societés savantes), школы, типографии, книжные лавки и т. д. [Сборник писем и мемориалов… 1873: 218-219].

Ко времени последней встречи Лейбница с Петром в июне 1716 г. в Пирмонте относятся «Записка о коллегиях» и «Черновая записка Лейбница о введении образования и наук в Россию», которые являются своего рода завещанием учёного, логическим завершением его грандиозного культурного проекта.

Содержание «Черновой записки Лейбница о введении образования и наук в Россию» (другое её название – «Набросок меморандума об усовершенствовании искусств и наук в Российской империи») находится в русле тех идей, что были высказаны учёным прежде. В записке представлен подробный план культурного развития России по трём основным направлениям. «Улучшение искусств и науки в большой Империи охватывает следующее: 1) приобретение всего полезного для этой цели; 2) обучение людей тому, что уже науке известно; 3) разыскание новых знаний» [Сборник писем и мемориалов… 1873: 348-360; Гуманистическая наука по Лейбницу… 2010: 61-72].

Под первым пунктом Лейбниц понимал приобретение пособий, приборов и инструментов, комплектование библиотек, устройство музеев и разнообразных коллекций, создание ботанических садов, минеральных кабинетов и т. д.

Вторая задача состояла в том, чтобы привить знание людям. Выполнению этой цели служит правильно выстроенная система образования (низшие, прикладные и высшие школы) и устройство университетов, организация издательского дела, подготовка обобщающих научных трудов. Для университетов, или академий, Лейбниц наметил главные центры России, они должны были располагаться в Москве, Киеве, Астрахани.

Очень важной частью Записки Лейбница является третий пункт, посвящённый развитию науки как таковой. Для начала, считал Лейбниц, будет полезно упорядочить имеющиеся знания и заняться переводами научной литературы, составлением рефератов, словарей, систем, сводок, хрестоматий, наставлений по отдельным областям знания, а также малых, средних и универсальной энциклопедий по всем наукам. Наконец, необходимо принять меры для новых открытий, а для этого снаряжать экспедиции, проводить магнитные наблюдения, необходимые для определения долгот на море.

«Записка о коллегиях» сохранилась в экземпляре, написанном неизвестной рукой, и её принадлежность Лейбницу некоторыми исследователями оспаривается [Сборник писем и мемориалов… 1873: 364-369]. Автор убеждён в том, что учреждение коллегий являлось лучшим способом государственного устройства, подобно тому, как при слаженной работе часового

механизма одно колесико приводится в движение другим. Если в государственном механизме всё так же устроено гармонично и приведено в точный порядок, то одна коллегия будет двигать другую. Тогда «стрелка разума непременно будет показывать стране счастливые часы» [Сборник писем и мемориалов… 1873: 365].

В числе девяти коллегий, являвшихся «главными колесами государственного механизма» в России, автор рекомендовал учредить учёную коллегию (ein Gelehrt-Collegium). Эта коллегия должна состоять из образованных людей, представителей разных наук, на которых возлагался надзор за образованием юношества и испытание молодых людей перед их отправкой на обучение за границу. Первейшая обязанность членов коллегии состояла в том, чтобы изложить свою науку согласно лучшей методе и постоянно приобретать всё новые и новые знания. Хотя исследовательская работа стояла на первом месте, подробно о ней не говорится, зато во всех деталях расписаны предметы обучения в университете, который по немецкой традиции назван здесь академией [Сборник писем и мемориалов… 1873: 366-369][10].

Таким образом, через меморандумы и записки Лейбница путевой нитью проходит мысль о центральном руководящем органе, или учёном коллегиуме, которому поручалось управление научной и учебной частью в стране. Русскому царю импонировала мысль Лейбница сосредоточить в одном учреждении все виды деятельности, имевшие отношение к наукам, образованию и художествам. Однако в полном виде проект Лейбница был осуществлен только в начале XIX века, когда возникло Министерство народного просвещения, и в подчинение министерства поступила Академия наук. В первой же четверти XVIII века ещё предстояло создать школы и сословие учёных. Вот этой созидательной, а не управленческой работой и занялась Академия наук, которая не получила официального статуса коллегии, но по сути дела являлась таковой.

Академия вобрала в себе практически все те функции, что Лейбниц уготовил для высшего учёного коллегиума: приращение науки, устройство университета и гимназии, комплектование Библиотеки и содержание музейных коллекций, экспертиза разных изобретений и содействие в техническом оснащении производств; прямое подчинение царю, независимость от других учреждений, как светских, так и духовных. Иными словами, петровский проект Академии наук стал откликом на предложенную Лейбницем программу научного строительства и претворял её в жизнь с учётом российской действительности.

В петровском проекте дано объяснение общему замыслу Академии: «И понеже сие учреждение такой Академии, которая в Париже обретается, подобна есть (кроме сего розличия и авантажа, что сия Академия и то чинит, которое университету или коллегии чинить надлежит), того для я надеюсь, что сие здание удобнейше Академиею названо быть имеет». Иными слова-

[10] Одним из авторов коллегиальной реформы в России был знаток шведских «коллегий и прав» Генрих фон Фик (1679-1750), который в контексте общей реформы поставил вопрос об устройстве школ – «академий». В 1718 г. на представленном им государю докладе Пётр написал резолюцию: «Сделать академию, а ныне приискать из русских людей, кто учен и к тому склонность имеет», но дело остановилось за недостатком учителей [*Пекарский*, 1870: XXIV].

ми, Пётр наделил Академию (само слово должно было ласкать его слух как монарха-академика) не свойственными ей функциями, наказав ей быть ещё и университетом и коллегией. Таким образом, мысли Лейбница Пётр применил не к государству, как намечал Лейбниц, а к академии наук.

Содержавшиеся в петровском проекте общие представления «о пользе и намерении» Академии наук и перечисление её обязанностей имеют четкие параллели с рассмотренными выше пунктами записки Лейбница 1716 г. «Об улучшении наук и художеств в России».

Согласно петровскому проекту академикам надлежало «всё, что в науках уже учинено, розыскивать» и составлять экстракты из сочинений «добрых авторов» и готовить их для издания. Главной обязанностью академика было дальше развивать свою науку, исследовать в ней то, что необходимо к её «изсправлению или приращению»; кроме того, им надлежало «изготовить» для учебных нужд «систем или курс в науки своей» [Уставы, 2009: 50-52]. В целом обязанности Академии наук состояли в следующем: «1) Дабы науки размножены и в лутчее состояние приведены были. 2) Все издания сискиваны и апробованы. 3) От оной (т. е. Академии) системы учащимся младым людем изготовлены были. Но сие служит токмо к произведению в лутчее состояние наук» [Уставы, 2009: 53].

Примечательны параграфы, посвящённые «системам». Они отсылают нас к соответствующему пассажу в Записке Лейбница, где говорится о важности составления систем, которые должны вобрать в себя все имеющиеся сведения по каждой области науки. Таким образом, «для создания каждой системы потребуется привлечь людей, которые дошли в знании предмета почти до совершенства и которые наряду с большой ученостью наделены усердием и честностью» [Сборник писем и мемориалов… 1873: 356; Гуманистическая наука по Лейбницу… 2010: 68].

Понятие «систем», или «система», восходит к эпохе зарождения нового естествознания и утверждения эксперимента как главного способа познания. Тогда учёные верили в то, что с помощью нового экспериментального метода они смогут познать природу во всей её полноте и разнообразии взаимосвязей и будут в силах описать «системы» всех явлений природы.

Из Записки Лейбница требование, чтобы каждый академик написал систему, или курс той науки, которой он занимается, да ещё с элементом новизны, вошло в Петровский проект и в извлечение из него, предназначенное для европейских учёных, а потом прописывалось в контракте при приёме учёных на академическую службу [Пётр Великий… 2022: 58-59].

Некоторые из первых академиков, истолковав слово «системы» как монографии, взялись за дело. Л. Эйлер принялся за свою двухтомную «Механику», правовед И. С. Бекенштейн написал книгу по геральдике. Подчиняясь требованию писать «системы», Д. Бернулли приступил к созданию своего фундаментального труда «Гидродинамика», который он написал в России, а издал в Страсбурге уже после отъезда из России. В предисловии Бернулли рассказал, что побудило его взяться за свой труд: «Повод для написания этой книги дало постановление академии, в котором первых профессоров, собравшихся для её создания, обязали и затем определённо побуждали, чтобы они писали рассуждения на какую-нибудь

полезную и, насколько возможно, новую тему» [*Bernoulli*, 1738: Praefatio, *Бернулли*, 1959: 9]. Иными словами, следы влияния Лейбница обнаруживаются даже в отдельных мелочах, содержание которых порой не было ясно исполнителям воли императора.

Знакомство с материалами Лейбница позволяет сделать вывод о том, что Лейбниц всерьёз не думал о возможности в обозримом будущем создать в России научное общество (академию наук). О научном обществе встречаются лишь отдельные упоминания. Так, в 1709 г. Лейбниц мимоходом писал И. К. Урбиху о том, что если русский царь имеет в виду основать общество науки и художеств (une société de sciences et arts) и хочет дать ей нужный авторитет и средства, то он, Лейбниц, как член всех академий и президент Берлинской академии наук, готов принять на себя руководство этим великим делом и предпочтёт его всякому другому занятию [Сборник писем и мемориалов… 1873: 120-121]. В проекте 1712 г. говорится об академиях, но под словом «академия» Лейбниц имел в виду университеты или дворянские высшие школы; научные общества упомянуты здесь в контексте деятельности особого совета, которому они должны подчиняться [Сборник писем и мемориалов… 1873: 218]. В 1716 г. Лейбниц советовал открыть научные общества (Societäten der Wissenschaften) из подходящих и склонных к тому людей, и эти общества, наряду со школами, университетами и академиями для юношества, могли служить распространению наук и искусств [Сборник писем и мемориалов… 1873: 351; Гуманистическая наука по Лейбницу… 2010: 63].

Как бы то ни было, Академия наук стала созидательницей отечественной науки и родоначальницы светской школы в стране; в течение первого столетия именно в ней было сосредоточено почти всё научное знание. В этом смысле она являлась подлинной высшей учёной коллегией, а Лейбниц был крёстным отцом отечественной науки. «Его имя будет незабвенно в истории внедрения науки в Московии и неотделимо от имени царя. Это редкая честь для современного мудреца – стать законодателем варваров», – так оценивал союз монарха и философа Фонтенель. Он уподобляет Лейбница древним музыкантам Орфею и Амфиону, чей талант приводил в движение камни и возводил города [*Fontenelle*, 1716: 124].

Если Лейбниц развивал стратегию культурного строительства в России и открыл перед Петром перспективы институционализации науки и образования в стране, то его ученик Христиан Вольф (Christian von Wolff; 1679-1754) занялся практическим осуществлением этого проекта. В 1715 г. Пётр предложил Вольфу службу в России в качестве своего советника в практических вопросах физики и математики. Тот отказался, но русское правительство не оставляло попыток уговорить его приехать в Петербург. Учёный высказывал сомнения в целесообразности создания в России Академии наук и советовал открыть прежде университет, питомцы которого со временем составят Академию [*Wolff*, 1860: 18-20; Пётр Великий, 2022: 42-43]. Вместе с тем, Вольф не раз выражал своё восхищение Петром и его действиями по насаждению в стране наук, сравнивал его с Александром Великим, себе же, само собой разумеется, предназначал роль Аристотеля при Петре. Вольфу сулили должности президента и вице-президента Академии наук. В ответ

он выставлял заведомо невыполнимые требования и в Петербургскую академию так и не приехал, ограничившись участием в подборе для неё достойных кандидатов[11]. В знак благодарности Академия приняла Христиана Вольфа в число своих первых почётных членов.

Так, благодаря контактам с ведущими интеллектуалами Европы, Россия признала приоритет и ценность науки. Прошло совсем немного времени, и Академия наук стала точкой роста просвещения в стране, той вершиной, откуда знание исходило и распространялось, охватывая всё более широкие круги. Более того, с самого начала чётко обозначилась особенность нашей академии, отличающая её от аналогичных учреждений в мире: она являлась одновременно сообществом учёных и приданных этому сообществу институций (Кунсткамера, Библиотека, разнообразные художественные мастерские и т. д.).

ЛИТЕРАТУРА

Анисимов Е.В. Itinera Petri: Биохроника Петра Великого (1672-1725). https://spb.hse.ru/humart/history/peter/ (14.04.2022).

Анри В.А. Роль Лейбница в создании научных школ в России // Успехи физических наук. 1918. Т. 169.

Бернулли Д. Гидродинамика, или Записки о силах и движениях жидкостей. – Л., 1959.

Герье В.И. Отношения Лейбница к России и Петру Великому, по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. – СПб., 1871.

Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 4. – М., 1788.

Гуманистическая наука по Лейбницу и назначение академий. – Москва; Неаполь, 2010.

Журнал ежедневный пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича. – СПб., 1741. Т. 2.

Княжецкая Е.А. Начало русско-французских научных связей // Французский ежегодник. – М., (1972) 1974.

Копелевич Ю. Х. Возникновение научных академий. – Л., 1974.

Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. – Л., 1977.

Мезин С.А. Пётр I во Франции. – СПб., 2015.

Николаев С.И. Литературная культура Петровской эпохи. – СПб., 1996.

Пекарский П.П. История Императорской Академии Наук в Петербурге. Т. 1. – СПб., 1870.

Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. – СПб., 1862.

Пётр Великий и основание Петербургской академии наук. – СПб., 2022. Ч. 1.

Позднев М.М. Круговорот наук в Европе, или «Греческий проект» Петра Великого // Philologia Classica 2021. Т. 16. № 2.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). 1-е собр. – СПб., 1830. Т. 6.

[11] Его стараниями в Петербург приехали многообещающие учёные – физики Х. Мартини и Г.Б. Бюльфингер, математики братья Даниил и Николай Бернулли, механик И.Г. Лейтман, анатом И.Г. Дюверную.

Радовский М. И. Французский учёный об успехах науки в России начала XVIII в. // Вестник АН СССР. 1960. № 6.

Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / издал В.И. Герье. – СПб., 1873.

Смагина Г.И. Организационная модель Петербургской Академии наук как синтез Европейского опыта начала XVIII века в российских условиях // Проблемы деятельности учёного и научных коллективов. – СПб., 2017.

Смагина Г.И., Соколова И.Б. Первый Регламент Петербургской Академии наук // Академия наук в контексте историко-научных исследований в XVIII – первой половине XX в. Исторические очерки. – СПб., 2016.

Уставы Российской академии наук. 1724-2009. – М., 2009.

Феофан Прокопович. Слово на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великаго… // *Феофан Прокопович.* Сочинения. – М.; Л., 1961.

Benz E. Leibniz und Peter der Grosse. Der Beitrag Leibnizens zur russischen Kultur-, Religions- und Wirtschaftspolitik seiner Zeit. Berlin, 1947.

Bernoulli D. Hydrodynamica, sive de viribus et motibus fluidorum commentarii: Opus academicum ab auctore, dum Petropoli ageret congestum. Argentorati [Strassburg], 1738.

Fontenelle B. Éloge de M. Leibnitz // Histoire de l'Academie Royale des Sciences (1716). 1718.

Fontenelle B. Éloge du Czar Pierre I // Histoire de l'Academie Royale des Sciences (1725). 1727.

Goldbach Ch. Praefatio // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. 1728. T. 1 (1726).

Guerrier W. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen. St. Petersburg; Leipzig, 1873.

Oeuvres de Leibniz publiées pour la première fois d'après les manuscrits originaux, avec notes et introductions par A. Foucher de Careil. T. 7: Leibniz et les academies. Leibniz et Pierre le Grand. Hildesheim; New York, 1969 (Nachdruck der Ausgabe Paris, 1875).

Posselt M.C. Peter der Grosse und Leibnitz. Dorpat; Moskau, 1843.

Richter L. Leibniz und sein Russlandbild. Berlin, 1946.

Wolff Ch. Briefe aus den Jahren 1719-1753. SPb., 1860.

Письма Петра Первого как факт русской культуры

П.Е. Бухаркин

Аннотация. *В статье рассматриваются письма Петра Первого как явление словесной культуры конца XVII – первой трети XVIII века и даётся общая характеристика петровского эпистолярия. Основное внимание уделяется таким особенностям писем Петра как игровое начало и связанная с ним стихия смеха, языковая однородность и доминирующие формы обращения к адресатам. Все эти стилистические черты анализируются в аспекте «стиля как поведения», что позволяет лучше увидеть некоторые важнейшие для Петра цели его преобразований.*

Ключевые слова: *вестернизация, смех, игровое начало, русский литературный язык, гражданский шрифт, иностранные языки, личные местоимения.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.005

I. Пётр Первый писать умел и любил. Любил не просто составлять письма и бумаги, диктуя их услужливым секретарям; царя увлекал сам процесс писания. Недаром очень большое количество разного рода текстов были написаны им собственноручно. А если присоединить к этому продиктованные бумаги, то объём созданной Петром I словесной продукции станет поистине огромным. Кстати сказать, до настоящего времени далеко не всё так или иначе запечатлённое им в слове (написанное или продиктованное) введено в научный оборот; задуманное ещё в 1880-е годы издание «Писем и бумаг императора Петра Великого» по-прежнему далеко до своего завершения.

Конечно, если иметь в виду письма Петра, которые и являются предметом нашего рассмотрения, то необходимо сказать, что к ним часто обращались, причём, для решения различных задач. Однако в них видели преимущественно бытовой факт русской культуры, т. е. материал для изучения жизни и нравов царского двора, исследования политической истории (как внутренней, так и внешней) и взаимоотношений монарха с его окружением, лучшего понимания человеческого облика Петра. Как явление словесности эпистолярное наследство Петра не привлекало к себе внимания.

В этом отношении письма разделили судьбу других сочинений императора. При постоянном и серьёзном интересе к Петру как культурному политику, в частности, очень много сделавшему и в сфере политики языковой, он как субъект речевой деятельности интереса к себе не вызывал. Это, между прочим, очень заметно при обращении к работам по истории русского языка начала XVIII столетия: в них неизменно отмечается колоссальный личный вклад царя в происходившие там процессы, многие из которых были им непосредственно инициированы. Так было, в первую очередь, с реформой алфавита: широко известно, что Пётр принимал в ней непосредственное участие, и сам в 1708-1710 годах неоднократно держал корректуру предполагаемых образцов нового гражданского шрифта [*Бурыкин*, 2001: 17-22; *Бурыкин*, 2001а: 272-275]. В неменьшей степени это касается и переводной литературы, Пётр постоянно контролировал переводимые книги, во многом

именно он определял и выбор произведений для перевода. Здесь уместно будет привести выразительные слова С.И. Николаева: «Словосочетание «переводная литература Петровской эпохи» справедливо ещё и потому, что на любом этапе становления заметно непосредственное участие царя: Пётр формировал репертуар переводов, заказывал переводы… следил за ходом работы переводчиков… он следил за языком переводов, их стилем, заставлял переделывать работу… Наконец, он и сам не гнушался трудом переводчика» [*Николаев*, 1996: 13]. Но вот как раз последнее – личный вклад Петра в историю словесности – почти полностью игнорируется. Культурный политик заслонил пишущего человека. «Пётр I не был литератором ни по профессии, ни по призванию, он не был пишущим и сочиняющим просвещённым властелином, каким в Германии стал Фридрих II, в России Екатерина II. Не был Пётр и меценатствующим покровителем наук и искусств, каких во множестве знает европейская история и какими уже в некоторой степени были и его отец, и его старший брат» [*Серман*, 1975: 5]. Давняя эта характеристика во многом соответствует современным представлениям о культурном облике царя, о нём как о литераторе, вернее сказать – как о нелитераторе.

Надо сказать, что подобный взгляд на место Петра в истории русского слова во многом справедлив. То, что писал Петр, лишь с очень большой натяжкой может быть названо литературой – в том понимании её границ, какое было свойственно его эпохе[1]. Ведь царь не создавал ни пьес, ни торжественных проповедей, ни силлабических виршей разных типов. Его сочинения имели иной, более сиюминутный и практический характер. Это можно сказать и о тех переводах, которые он инициировал и в работе над которыми принимал непосредственное участие. То, что он писал сам (своей рукой или диктуя), определялось либо непосредственными государственными нуждами, либо военными обстоятельствами. И тем не менее, его сочинения оказываются крайне значимыми для понимания многих важнейших культурных и языковых интенций петровского времени, важными именно своими особенностями как словесных текстов. К письмам Петра это относится в первую очередь.

II. Эпистолярное наследие Петра огромно, из всех речевых жанров к письмам он обращался наиболее часто. Точное число написанных им писем неизвестно, – и вряд ли когда-нибудь ситуация с их количеством полностью прояснится. Однако представить размах его эпистолярных трудов, даже основываясь на далеко не полных фактах, которыми мы располагаем, не так уж и трудно. Так, материалы 14 томов «Писем и бумаг императора Петра Великого», охватывающие период с 1688 до 1714 года, включают в себя 6891 номер[2]. Конечно, среди них есть и «Заметки из записной книжки», и бумаги, которые письмами в точном смысле трудно назвать, и сугубо офи-

[1] Понятие литературности, свойственное петровской эпохе, рассматривается в уже упоминавшейся книге С.И. Николаева. На первых же её страницах исследователь обращает особое внимание на данную проблему [*Николаев*, 1996: 4-9].

[2] Для сравнения можно указать на то, что от отца Петра, царя Алексея Михайловича, заметим, выдающегося эпистолографа своей эпохи, в период между 1646 и 1662 годами дошло всего 34 письма [Собрание писем… 1856]. Возможно, писал он значительно больше, и остальные просто не сохранились, но даже при такой оговорке, количественные различия впечатляют.

циальные послания, в которых нет ничего личного, но, тем не менее, повторю, объём его эпистолярного архива очень велик. Царь обращался к этому жанру постоянно, со свойственной ему настойчивостью и неутомимостью. Вполне естественно, что содержащаяся в петровском эпистолярии информация колоссальна по своему объёму и крайне разнообразна. Она касается едва ли не всех сторон жизни той эпохи и поэтому очень многое может в ней прояснить. Конечно, в первую очередь она содержит огромный материал для осмысления личности Петра – поражающей своей сложностью и противоречивостью, дающей основания для совершенно противоположных трактовок и, одновременно с этим, не поддающейся любой упрощающей её интерпретации. Но кроме того, переписка Петра даёт не меньшие основания для осмысления исторической его роли и его конечных целей. Ведь речевое поведение человека, которое, пожалуй, с наибольшей полнотой отражается прежде всего в письмах, позволяет судить о нём как об историческом деятеле – словесные тексты в историческом пространстве являются действием, и не только своим прямым значением, но и возникающей вокруг них стилистической атмосферой.

Едва ли не первым на это указал Г.О. Винокур в своей замечательной, но как-то ускользнувшей от внимания историко-филологического сообщества книге «Биография и культура» [*Винокур*, 1927]. В ней он, между прочим, писал: «Интонация и тембр голоса, акцент и порядок слов, синтаксическая конструкция и лексическое своеобразие, тематические пристрастия и характерные приёмы сюжетосложения, весь вообще стилистический уклад речи, т. е. всё то, что отличает именно этого говорящего среди прочих – ведь это и суть те факты, в которых мы усматриваем следы индивидуальной жизненной манеры и которые позволяют нам смотреть на слово не только как на знак идеи, но ещё и как на поступок в истории личной жизни» [*Винокур*, 1927: 80-81]. А если перед нами такая крупная историческая фигура как Пётр Первый, то в его слове можно (и должно) увидеть не просто поступок в истории личной жизни, но и важнейшее историческое событие. В случае с Петром это тем более оправдано тем, что историческое движение своей эпохи определял, в первую голову, именно он, недаром она и заслужила наименование петровской эпохи. Рассматривая письма царя под этим углом зрения, в аспекте «стиля как поведения» (как назвал Д.С. Лихачёв подобный подход к анализу теста [*Лихачёв*, 1974]), следует прежде всего остановиться на трёх моментах.

Во-первых, письма Петра демонстрируют тот процесс культурного раскрепощения личности, который был столь мощным на переломе от XVII столетия к XVIII. Процесс этот был при этом достаточно резким, о чём свидетельствуют ранние письма совсем ещё молодого царя, в особенности – его письма к матери, Наталии Кирилловне. Первое из таких писем, написанное семнадцатилетним (без малого) юношей из Переяславля 20 апреля 1689 года, носит ещё абсолютно формульный характер: «Возлюбленейшей і паче живота телесного дражайщей матушьке, гасударыни царице і великой княгине Наталиі Кириловнѣ, сынишъка, в работе пребывающей, Петрушъка благосъловения прошу, а о твоем здравиі слышеть желаю» [Письма и бумаги… 1887: 11]. Ничего личного тут нет, лишь повторение привычных

стилистических стереотипов. А уже через пять лет Петр пишет той же Наталии Кирилловне в совсем иной манере: «Радость моя! По письму твоему ей-ей зело опечалилися, потому тебе печаль, а мне какая радость. Пожалуй, зделай меня беднова без печали темъ: сама не печался, а істина не заживусь» [Письма и бумаги… 1887: 16]. В этих строках уже явственно проявляется индивидуальное начало; не привычные стереотипы нанизывает друг на друга автор, он хочет найти слова, выражающие именно его отношение и именно к этому человеку. Не безличный сын пишет к такой же обезличенной матери, как было в первом письме (и в ряде следующих за ним: от 8 июля 1689 г., от 19 ноября 1691 г.), а юный Пётр Алексеевич пишет своей матери (а не некоей матери вообще), матери, для него сердечно любимой, за которую он переживает, но подчиняться которой он не собирается. Более того, синтаксис также индивидуализируются: Пётр явно предпочитает краткие конструкции, не всегда плавно переходящие друг в друга, причём некоторая обрывистость изложения не мешает его ясности. Репрезентативно в этом отношении второе предложение: «По письму твоему ей-ей зело опечалилися, потому тебе печаль, а мне какая радость». Три составляющие его части в своём соединении выражают очень многое: и впечатление сына от материнского письма, и чувства матери, беспокоящейся о сыне, и его радость от своей поездки – первой поездке к морю (письмо это написано из путешествия в Архангельск в августе 1693 года). За пять лет Пётр сделал огромный шаг в обретении внутренней свободы в отношениях со словом. А значит – внутренней свободы вообще.

Конечно, приведённые примеры характеризуют, казалось бы, одного человека – Петра, и свидетельствуют в первую очередь о развитии его конкретной личности. Но одновременно с этим они имеют и более общее культурное значение, далеко выходящее за пределы формирования и развития отдельного человеческого характера, раскрывая процесс индивидуализации культуры, а значит – и её гуманизации, пусть и очень относительной и неявной: без осознания человеком самого себя как неповторимого явления бытия (а это и есть индивидуализация культуры) гуманизация невозможна, после же такого осознания она вряд ли остановима. Правда, необходимо отметь, что в случае с письмами царя подобная индивидуализация касается не просто социальной элиты, а персоны, занимающей в обществе совершенно исключительное положение. Но это, всё же не отменяет полностью только что сказанного, скорее – его ограничивает и уточняет.

III. Индивидуализация речевой деятельности, о которой свидетельствует петровская переписка, соответствовала исторической обстановке; эпоха конца XVII – начала XVIII века выдвинула множество ярких и своеобычных фигур. Но найти адекватное их своеобразию воплощение в авторитетном, т. е. литературном, слове им было весьма затруднительно. Этому препятствовал риторический характер словесной деятельности, его рефлективный традиционализм[3]. Он требовал не выражения своего непосредственного отношения к предмету описания, а использования для этого уже готовых

[3] Понятие рефлективного традиционализма было введено и описано С.С. Аверинцевым [*Аверинцев*, 1996]. Глубокая характеристика риторической культуры была представлена в работах А.В. Михайлова, давшего наиболее содержательное определение риторическому слову [*Михайлов*, 1997: 116-118].

слов. Авторы риторической эпохи следовали за интенциями, накопленными словами в ходе их функционирования, руководствовались эксплицированными в риторических трактатах и поэтиках правилами и даже активно пользовались «чужими» словами – чужими в самом прямом смысле, т. е. принадлежащими другим писателям, и нередко большими фрагментами, заимствованными у них. Это вовсе не исключало оригинальности: взятые из словесной культуры, а не придуманные ими самими слова – т. е. стилистические формулы и поэтические образы, композиционные принципы, содержательные комплексы и т. п. – они пропускали через самих себя, общее они использовали (в меру собственного таланта) каждый по-своему. И всё же свобода самовыражения в слове была риторической культурой ограничена. Письма же (как и другие документальные, а если воспользоваться терминологией формалистов, окололитературные жанры) предоставляли для этого бóльшие возможности[4]. Впрочем, и они были небезграничными. Расширению этих возможностей способствовало игровое начало, в крайне значительной степени присущее эпистолярию Петра.

Игра была неотъемлемой частью жизни царя вообще, она многое определяла в его жизни, колеблясь от безобидных мимолетных шуток до таких институализированных и многолетних начинаний как Всешутейший собор[5]. И в письмах игровое это начало принимает разные формы. Прежде всего – как и в жизни – Петр разыгрывает в них различные роли, наделяя и своих корреспондентов соответствующими ролями. Пожалуй, с наибольшей отчётливостью это проступает в ранней переписке с князем Фёдором Юрьевичем Ромодановским. В некоторых случаях демонстративная маскарадность петровских писем напрямую связана с Всешутейшим собором, например, в письмах от 10 и 19 июня 1695 года [Письма и бумаги… 1887: 31-32], или другими предприятиями мужающего Петра, которые имели характер игры, хотя и не лишенной серьезности, такими, как военные занятия с потешными полками (письмо от 19 мая 1695 г. [Письма и бумаги… 1887: 29-30]. Ролевая позиционированность в них в главных своих чертах отвечает регламенту, определяющему пространство игры, её направленность и основные принципы, и соответствует тем предметам, о которых идёт в письмах речь. То же самое можно сказать и о письме А.Ю. Кревету от 21/22 мая 1695 года; оно заканчивается следующими словами «Его пресветлейшества генералисимуса князь Федора Юрьевича бомбадир Piter» [Письма и бумаги… 1887: 31].

Игровое начало сохраняется, хотя и в сильно редуцированном виде, и в письмах, обращённых к совершенно другим плоскостям жизни. Таковы, в частности, письма к Ф.Ю. Ромодановскому от 3 марта 1699 года и от 25 сентября 1700 года. В первом из них, писанном из Воронежа, речь идёт о вещах

---

[4] На тот факт, что письма, занимая особое место в литературной культуре, предоставляют авторам бóльшую свободу, нежели признаваемые эпохой в качестве литературы тексты, неоднократно указывали различные исследователи, начиная со знаменитых статей Ю.Н. Тынянова «Литературный факт» и «О литературной эволюции» [*Тынянов*, 1929: 5-47]. Оставляя в стороне русских продолжателей Тынянова, [см.: *Duchene*, 1971; *Deugnot*, 1974]. Письмо как литературный жанр до сих пор полнее всего описано в монографии [*Skwarczynska*, 1937].

[5] Всешутейшему собору посвящена весьма обширная литература. [См, например: *Семевский*, 1884; *Панченко*, 1984: 112-137; *Живов*, 2002; *Zitser*, 2004].

более чем серьёзных – о стрельцах, пытках. Но начинается оно с ролевого обращения «Min Her Kenich» и заканчивается следующим образом «Вашъ нижайши поданны Piter schip timerman» [Письма и бумаги… 1887: 276). Второе написано уже в ходе несчастной Нарвской кампании 1700 года и посвящено занятию ряда городков (Ям, Сыренец, Капорцы). Но и в нём сохраняются отзвуки той же игры – и в обращении «Min Her alegenade Kenich» и в зачине письма: «По указу вашему государскому, мы, при помощі Божіи, третьего дни сюды пришли в полудни» [Письма и бумаги… 1887: 390]. И здесь Пётр продолжает выступать в роли подчиненённого, выполняющего приказ. Подобная карнавальность присутствует (хотя и в менее регулярном, скорее, спорадическом, виде) и в «серьёзных», условно говоря, письмах другим адресатам. Так, письмо Ф.А. Головину от 2 марта (из Воронежа) обращено к предельно важным предметам: покупке пушек, подготовке к Северной войне, дипломатическим делам. Но открывается оно обращением «Min Her Admiral en erst Admiraliteic», а заканчивается подписью «Knecht Piter» [Письма и бумаги… 1887: 338-339]; и в нём Пётр разыгрывает своего рода спектакль, представляясь кнехтом, т. е. простым солдатом, пишущим высокому начальству.

IV. Только лишь ролевыми превращениями игровая стихия писем Петра не исчерпывается. Она выступает и в других, менее определённых видах, например – в обращении «Меінъ герценкинъ», появляющемся в некоторых письмах А.Д. Меншикову, или – в общей атмосфере писем к тому же Меншикову. Элементы игры вносят в переписку царя крайне ощутимое смеховое начало; причём спектр смеха в ней весьма широк. Такая смеховая атмосфера уже сама по себе усиливала эстетическое начало в письмах Петра. Тут стоит заметить, что для частной переписки смех и связанная с ним игра вообще нередко оказывается мощным катализатором литературности; можно вспомнить такие крайне далёкие от петровского эпистолярия явления как письма Д.И. Фонвизина или Н.А. Львова (если иметь в виду XVIII столетие) или же письма арзамасцев. Причём, в отличие от всех них Пётр никаких эстетических целей в письмах, естественно, не преследовал – их словесная выразительность его вряд ли интересовала. И тем не менее игровые/смеховые обертоны сами по себе вносили в них некоторый эстетический элемент. Одним из наиболее выразительных примеров тому может служить письмо к А.В. Кикину от 3 июня 1707 года [Письма и бумаги… 1912: 3-4]; необходимо заметить, что смеховая стихия этого текста во многом обусловлена отчётливой проекций письма на Всешутейший собор.

Не только внесением эстетического элемента интересно присутствие смеха/игры в письмах царя. Оно позволяет лучше увидеть конечную направленность преобразовательской его деятельности, её самые отдалённые цели, скорее всего, неясные и Петру. Как известно, смех как форма освобождения от жёсткости предписываемого ритуалами и конвенциями поведения, вообще постоянно использовался Петром в его начинаниях по трансформации русской жизни. Смех этот приобретал весьма различный характер, нередко преследуя цели дискредитации того, что Петр хотел разрушить. Однако в письмах царя он имеет, скорее, иную направленность: в его речевом поведении смех усиливал индивидуализацию письменной

речи, т. е. определённую свободу самовыражения, которая в какой-то мере заложена в самой природе частного письма. И которая так соответствовала, несмотря на стремление всё подчинить тотальному контролю государства, внутренним целям петровских преобразований, состоящим в кардинальной и органичной вестернизации отечественной жизни. Вестернизации, невозможной без мощного усиления индивидуализированности человека. Вероятнее всего, Пётр это в рациональном поле собственного сознания не понимал, но, ведомый «тёмным чувством» (Пушкин) присущей ему в такой огромной степени исторической интуиции, этому отчасти соответствовал в своей переписке, тем самым невольно призывая и других следовать за собой. Призывал к этому он не прямыми декларациями своих намерений, которые он сам и не осознавал до конца, а именно стилистической атмосферой – свободой самовыражения, соединением в пределах одного эпистолярного текста совсем различных тем и речевых образов; тут можно указать на письмо Меншикову от 4 июля 1704 года из Дерпта [Письма и бумаги… 1893: 94-95].

Безусловно, эти «другие», которых Пётр как бы призывал следовать за собой в развитии собственной индивидуализированности, ограничивались узким кругом наиболее приближённых к нему лиц, что во многом сводит на нет конкретные социальные результаты подобных установок. И всё же смысл той трансформации, которую Пётр производил в русском обществе, они помогают увидеть полнее, чем это возможно без учёта писем Преобразователя.

V. Второй особенностью писем Петра Первого, которая при их рассмотрении в аспекте «стиля как поведения» приобретает несомненно важное значение для характеристики его интенций (а значит – и культуры той эпохи), является их языковая фактура. Имею здесь в виду в первую очередь её однородность, замкнутость в пределах русского языка. Конечно, замкнутость эта весьма относительная, в пределах одного текста часто встречаются выражения на иностранных (преимущественно – голландском) языках. Однако, в абсолютном большинстве случаев, мультилингвизмом это назвать всё же трудно. Как правило, иностранные вкрапления в них ограничены двумя позициями – обращением и подписью. Среди обращений безусловно доминирует Min Her, так Пётр называет очень многих, и – в разных ситуациях: А.Д. Меншикова, Б.П. Шереметьева, П.М Апраксина, Т.Н. Стрешнева, А.Ю. Кревета и других. Встречаются также Her General (А.И. Репнин), Min Her General (П.И. Гордон), Her Kamarat П.С. Глебовский), Siir/Sire (Ф.Ю. Ромодановский), Min Her Grotvater (А.В. Кикин), и уже приводимые выше Min Her Kenich, Min Her alegenade Kenich (тот же Ромодановский) , Min Her Admiraliteic Her (Ф.М. Апраксин) и т. п. Подпись же остаётся обычно той же самой – Piter, с очень нечастыми уточнениями, как, например, в письме А.А. Винусу от 19 мая 1695 года с его концовкой «Bombardir Piter» [Письма и бумаги… 1887: 31]. Следует отметить, что иностранные обращения, так же как и подпись, написаны латиницей; лишь изредка для их передачи августейший автор использует кириллический алфавит; так в письме к Меншикову от 4 июля 1704 года от адресуется к нему «Мейн либсте камератъ» [Письма и бумаги… 1893: 94].

Ничего похожего на макаронический стиль писем Стефана Яворского или же св. Димитрия Ростовского в переписке царя обнаружить нельзя. Для украинских барочных интеллектуалов многоязычие было, во-первых, способом их существования в культурном пространстве. Пользуясь в своих интимных письмах разными языками (церковнославянским, латынью, польским, разговорным украинским) они демонстрировали свой христианский космополитизм, свою принадлежность не одной, а сразу же нескольким ветвям христианской культуры; они во многом под влиянием тех условий, в которых происходило их культурное становление, склонны были считать себя гражданами Небесного Града, а не какой-либо одной страны. Во-вторых, полилингвизм служил и Стефану, и Димитрию (как и многим другим, подобным им, украинским учёным монахам) важнейшим стилистическим средством, придающим их эпистолярным опытам необходимое остроумие (acumen), которое и делало их авторитетными, высокими, т. е. литературными, текстами и обеспечивало сложность и многоуровневость их семантического поля. Ничего подобного Петра не занимало. Литературный статус собственных писем царя не интересовал, в них он стремился к предельной ясности, а не многозначности, и гражданином мира (при всем восхищении западным образом жизни) он себя не чувствовал. Языковая фактура его писем как раз и помогает яснее увидеть его устремления, скорее всего, ему самому далеко неясные; письма его написаны на русском языке, ориентированном, в первую очередь, на разговорную практику. Язык писем царя полностью соответствовал тем установкам, которые он декларировал, например, в своих указаниях Игнатию Рудаковскому, переводчику при русском посольстве в Варшаве: «В реляциях твоих употребляешь ты зело много польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно; того ради впредь тебе реляции свои к нам писать все росссийским языком, не употребляя иностранных слов и терминов» [*Виноградов*, 1982: 69]. Собственно говоря, эти же идеи определяли и реформу алфавита, и требования, предъявляемые Петром к языку переводов: во всех случаях речь шла о формировании нового русского языка. «Новая культура должна была создать для себя новый язык, отличный от традиционного» – писал по этому поводу В.М. Живов [*Живов*, 1996: 73]. Язык, отчасти противопоставленный церковнославянскому, воспринимаемый как язык европеизированный, который не уступает языку других «политичных» народов. Однако остающийся всё же русским языком: не переход на чужой язык, но внутреннее преобразование своего – вот к чему стремился Пётр как языковой политик. Поэтому он и не вводит латинский алфавит, а трансформирует кириллицу в сторону её максимального сближения с латинской антиквой.

Те же тенденции определяют и язык писем Петра; он пользуется русским языком, избегая при этом не только прямого перенесения иностранных слов в их «родном» написании, но и заимствований. Конечно же, это ему не вполне удаётся, и в языке его писем таких заимствований немало. И все же их значительно меньше, чем вообще в языке эпохи, названной его именем[6]. Во многом это обуславливается содержанием пе-

[6] Языку петровской эпохи посвящено множество работ (см., в частности, две из них [*Виноградов*, 1982; *Живов*, 1996]).

тровской переписки, наполненной прежде всего деловыми проблемами и конкретными поручениями. Русский язык того времени был в бóльшей степени способен выражать подобные темы, нежели в случае с интеллектуальными ухищрениями Стефана или Димитрия, макаронический стиль которых отчасти был вынужденным. И все же в контексте культурно-языкового движения конца XVII – первой половины XVIII века совпадение языковой политики Петра и языка его собственных писем представляется фактом немалой значимости. Оно позволяет в чём-то яснее представить петровское понимание проводимой им вестернизации: не заимствовать отдельные элементы западной культуры, не механически вводить их в жизнь страны, а преобразовать саму эту страну, по возможности приближая её к миру «политичных» народов.

VI. Как показывает переписка Петра при её рассмотрении в аспекте «стиля как поведения», конечной целью Петра оказывалась внутренняя вестернизация. Не усвоение разрозненных деталей быта, технологических достижений или военного искусства, но переустройство русской жизни с ориентацией на внутреннюю форму жизни западноевропейской – вот к чему Пётр Алексеевич, повторю уже не в первый раз – вероятно бессознательно – но стремился, чувствуя, благодаря дару исторической интуиции, что без этого европеизация к желаемым ему результатам не приведёт. Важнейшей особенностью этой внутренней формы глубоко меняющейся в его эпоху европейской жизни была индивидуализация личности, некоторое её раскрепощение, обретение человеком определённой доли свободы, что и наделяло его исторической ответственностью. Разумеется, данные процессы были весьма относительны, и эмансипация человека была предельно ограничена самым узким социальным кругом. Но тем не менее Пётр это движение ощутил и, как показывает игровое/смеховое начало его писем, пытался как-то инкорпорировать в русскую жизнь. Причём такая эмансипация человека в каких-то пределах оказалась связанной в его сознании с другой капитальной идеей, как раз зарождающей в Западной Европе – идеей прав другого человека, уважения к нему. На это указывает следующая важная стилистическая особенность его писем. Она связана с формами обращения, которые царь использовал в своих письмах.

Адресуясь к своим корреспондентам, Пётр, естественно, пользовался личным местоимением 2 лица, употребляя как множественное, так и единственное его число, т. е. и *вы*, и *ты*. Надо заметить, что как раз в эту эпоху и начинается распространение в русском языке множественного числа этого личного местоимения [*Черных*, 1948; *Глинкина*, 1984; *Ковалевская*, 2012: 149-150][7]. Нельзя сказать, чтобы Пётр совершенно ясно отличал *вы* от *ты* и употреблял их в строгом разграничении, однако тенденция к осмыслению их семантики достаточно отчетливо прослеживается в его переписке. В самом общем виде она соответствует теоретическому осмыслению различия этих двух форм, которое можно обнаружить в метаязыковых сочинениях первой половины XVIII столетия.

[7] Выражаю глубокую благодарность Д.Н. Чердакову, указавшему мне на эти работы.

М.Г. Шарихина (которой я, пользуясь приятной возможностью, выражаю свою самую искреннюю признательность) обратила моё внимание на ту характеристику множественного и единственного числа личного местоимения 2 лица, которая дана И.С. Горлицким в его «Грамматике французской о согласии или сочинении девяти частех слова»[8]: «Ради показанія вяшшія чести должно употреблять втораго лица множественнаго, а не единственнаго, хотя въ россійско(м) и можно рещи тако. Пишешь ли или Пишете ли мой Г(оспо)д(и)нъ, Г(ос)у)д(а)рь, Г(ос)п(о)жа, обаче у фра(н)цузовъ всегда чре(з) мѣстоименіе вы vous. Наприкла(д): Ecrivez-vous Monsieur Пишешъ ли мой Г(оспо)д(и)нъ. Vous ecrivez вы пишете, ты пишешь ... Употреблять возможно и втораго лица единственнаго, но въ ту пору, егда кто кому съ великия любве, или братерства, или надежды, или обходителства, или гнева поругателнаго, или уничижения ради, или вещи какой несмысленной или неодушевленной говорит. Наприклад: tu crois ты веришь, pense-tu думаешь ли ты? ... tu es un fripon ты вор. Mon ami veus tu que j›aille avec toi me promener au jardin Мой другъ хочешь ли ты, чтобъ я пошел с тобою погулять въ огороды» [БАН, П I Б № 106: л. 28-28 об.].

Распределение форм множественного и единственного числа личного местоимения 2 лица в письмах Петра в целом полностью соответствует этой характеристике (хотя, как было указано, Пётр и смешивал нередко эти формы). Причём «показаніе вяшшія чести» было для Петра связано в первую очередь с деловыми моментами, что обычно означало, учитывая общую направленность его переписки, государственные дела. Когда он писал о чём-то важном и значимом, он обычно использовал обращение на *вы*. А вот в личных, интимных по своему содержанию письмах, где он писал «съ великия любве, или братерства, или надежды, или обходителства», возниикало *ты*. Обычно местоименные формы распределяются, так сказать, по адресатам: к одним Петр обращается на *ты* (например, к Екатерине), к другим (большинство его сподвижников) – на *вы*. Впрочем, возникает и их смешение. В ряде случаев это обнаруживается в письмах к А.Д. Меншикову: в целом, они отмечены сознательным отношением автора к использованию *ты* и *вы* – личные письма к нему явно преобладает *ты*, а в письмах более официальных доминирует *вы*. Но иногда встречаются письма и иного рода, например – от 23 января 1705 года из Преображенского. В его первой части Пётр использует форму *вы*: «письмо ваше», «доброе ваше там состояние», «такожде пишите». Однако немало в тексте и обращений на *ты*; в одном месте это можно объяснить глубоким эмоциональным волнением автора. Пётр пишет: «Еще вас о едином прошу: ни для чего, толко для Бога и души моей, держи свой пароль». По мнению комментаторов, речь тут идёт о деле не просто интимного свойства, но и крайне деликатном – об обещании Меншикова жениться на Дарье Арсеньевой, а Петра – на Екатерине Алексеевне, будущей императрице. Но тут же царь снова переходит на *вы*, заканчивая эту

[8] Деятельность И.С. Горлицкого в целом освещалась в общих статьях энциклопедического порядка [*Николаев*, *Осипов*, 1988; *Смирнова*, 2013]. О «Грамматике французской…» см. [*Власов*, *Московкин*, 2017; *Карева*, *Шарихина*, 2022].

часть письма следующими словами: «Впрочем, предав вас в сохранение Божие, пребываю ваш камарат», причём только что, поручая Меншикову передать поклон польскому королю, он использует единственное число: «Королевскому величеству от мене (и протчим) должный поклон отдай и возвести ему…» [Письма и бумаги… 1893: 540, 1058]. Какими-либо содержательными моментами такие переходы объяснить затруднительно. Это письмо, как и некоторые другие, свидетельствует о непоследовательности Петра в употреблении личного местоимения 2 лица.

Однако общей тенденции подобные случаи не отменяют: существуя в социуме как историческая фигура, Пётр обычно использовал в своих обращениях личное местоимение 2 лица множественного числа, т. е. ту форму, которую использвали его корреспонденты, адресуясь к нему. Учитывая сказанное выше, вполне можно предположить, что за этим стояло своего рода уважение к другому, признание за ним, конечно же, исключительно в сфере умозрительных идей, а не политической реальности, таких же прав, как и за собой. Это, кстати, находит некоторое подтверждение в очень частом наименовании Петром своих адресатов «Господином». В некоторых письмах «Господин» просто соединяется с фамилией: Господин Иванов, Долгоруков, Курбатов, Стрешнев и т. д. (соответственно, в письмах к А.И. Иванову, Ю.В. Догорукову, А.А. Курбатову, Т.Н. Стрешневу). В других – обращение «Господин» соединяется с чином: «Господин фелтъмаршал/фельтмаршал» (к Б.П. Шереметьеву), «Господин генерал» (к А.И. Репнину). «Господин виц-адмирал» (к К.И. Крюйсу) и т. п. Тут стоит отметить, что и в некоторых письмах к Петру используется это обращение; в частности, «Господин капитан» называет царя Меншиков, обыгрывая ролевую игру Петра в капитана Бомдардирской роты Преображеского полка (например, письма от 14 и 19 декабря 1705 года). Адресант и адресат в своих обращениях друг к другу пользуются одними и теми же этикетными формулами.

VII. Обращение на вы, как свидетельствует «Грамматика французская…» Горлицкого, означало уважение к своему собеседнику. Более того, пример той же «Грамматики …» показывает, что источником этого уважения являлась западноевропейская культура. Поэтому и в местоименных формах, используемых Петром в письмах, и в обращении «Господин» можно видеть то же самое, о чём в других ракурсах говорило и смеховое начало его переписки и её языковая однородность: Пётр в своей вестернизации хотел преобразить страну внутренне, введя её в пространство западноевропейской культуры с её иным по сравнению с Московской Русью отношением к человеку – если и не как к равному в политическом смысле (до знаменитого лозунга о политическом равенстве должно будет пройти чуть менее столетия), то, во всяком случае – как к заслуживающему уважения. В конце концов, и «Habeas corpus», и «Билль о правах» уже существовали – и в той стране, которой Пётр восхищался и с сувереном которой (как раз и выдавшим «Биль о правах») он немало общался[9]. Это относится, конечно же, не к эмпирической реаль-

[9] О восприятии Петром Англии и о его пребывании там в январе-апреле 1698 года см.: [*Кросс*, 2013: 30-59].

ности – в ней Пётр, как известно, был груб и нетерпим, никаких прав за другими людьми он не признавал и в своей политической практике признавать не собирался. Но в мире тех идей, на которые он так или иначе с разной степенью осознанности ориентировался, дело обстояло иначе. Речь тут идёт не о том, что было вокруг Петра, а о другом – к чему вели его реформы в их далекой перспективе. Они пробуждали и постепенно вводили в русское самосознание понятие внутренней свободы человека и его прав, борьба за которые так дорого обходилась последующим поколениям российских интеллектуалов, но без которой не было бы той истории русской культуры, которую мы имеем.

К этому выводу – разумеется, гипотетическому, и который автору данной статьи «указывает знание, совесть и время» [Максимов, 1981 :4] – подводит изучение писем Петра Первого в аспекте «стиля как поведения».

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М., 1996.

БАН. [И. С. Горлицкий]. Грамматика французского языка, в девяти частях. Беловая копия. 1724 г. Ркп. БАН, П I Б № 106. 102 л.

Бурыкин А.А. Азбука и правописание // Три века Санкт-Петербурга. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. Кн. 1. – СПб., 2001. – С. 17-22.

Бурыкин А.А. Гражданский шрифт // Три века Санкт-Петербурга. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. Кн. 1. – СПб., 2001а. – С. 272-275.

Власов С.В., Московкин Л.В. Из истории Императорской Академии наук: профессиональная деятельность переводчика И. С. Горлицкого // Литературная культура России XVIII в. Вып. 7. – СПб., 2017. – С. 23-34.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. Изд. 3. – М., 1982.

Винокур Г.О. Биография и культура. – М., 1927.

Глинкина Л.А. Речевой этикет: «ты» и «вы» // Русская речь. 1984. № 2. – С. 62-68.

Живов В.М. Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М. 2002. – С. 402-423.

Живов В.М. Язык и культура в России XVIII. – М., 1996.

Карева Н.В., Шарихина М.Г. «Грамматика французская о согласии или сочинении девяти частех слова» И.С. Горлицкого (1724): прагматика, источники и языковые особенности // Acta Linguistica Petropolitana. 2022. Vol. 18.3. P. 130-152.

Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка // Ковалевская Е.Г. Избранное. 1963-1999. – Спб.; Ставрополь, 2012.

Кросс Э. Английский Петр: Петр Великий глазами британцев XVII-XX веков. – СПб., 2013.

Лихачёв Д.С. Стиль как поведение (к вопросу о стиле произведений Ивана Грозного) // Современные проблемы литературоведения и языкознания: к 70-летию акад. М.Б. Храпченко. – М., 1974. – С. 191-199.

Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. – Л., 1981.

Михайлов А.В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи //Михайлов А.В. Языки культуры. – М., 1997.

Николаев С.И. Литературная культура петровской эпохи. – СПб., 1996.

Николаев С.И., Осипов В.И. Горлицкий (Горлецкий) Иван Семенович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. – Л., 1988. – С. 220-221.

Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. – Л., 1984. – С. 112-137.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. – СПб., 1887.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 3. – СПб., 1893.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 6. – СПб., 1912.

Семевский М.И. Слово и дело! 1700-1725. Изд. 2-ое пересмотр. и испр. – СПб., 1884.

Серман И.З. Литературно-эстетические интересы и литературная политика Петра I // XVIII век. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. – Л., 1974. – С. 5-49.

Смирнова А.С. Академический переводчик Иван Семенович Горлецкий // Филологическое наследие М.В. Ломоносова. – СПб., 2013. – С. 235-252.

Собрание писем царя Алексея Михайловича. – М., 1856.

Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. – Л., 1929.

Черных П.Я. Заметки об употреблении «вы» вместо «ты» в качестве формы вежливости в русском литературном языке XVIII – XIX веков // Уч. зап. Московского гос. университета. 1948. Вып. 137. Кн. 2. – С. 89-108.

Deugnot B. Débats autour du genre épistollaire: réalité et écriture // Revue d'histoire littéraire de la France. 1974. № 2. P. 195-202.

Duchene R. Réalité vécue et réussite littéraire: le statut particulier de lettre // Revue d'histoire littéraire de la France. 1971. № 2. P. 177-194.

Skwarczynska St. Teoria listu. Lwów, 1937.

Zitser E. The transfigured Kingdom: sacred parody and charismatic authority at the court of Peter the great. Ithaca, 2004.

Общественная мысль России от Петра I до Екатерины II: степень изученности и новые источники

С.В. Занин

Аннотация. *Рассмотрены основные подходы к изучению общественной мысли в России времени Петра Великого и Екатерины II, развитые в современной историографии, указан ряд источников, прежде всего переводы сочинений неостоиков (Слейдан, Липсий), ранее не привлекавших внимания исследователей. Установлено, что в эпоху Петра Великого существовали два конкурирующих между собой политических дискурса (абсолютистский и неостоический с его идеей «смешанного правления»). Непосредственным продолжением первого из них во второй половине XVIII века в России стал дискурс Екатерины II. На новом этапе развития российской общественной мысли в качестве альтернативы официальному формируется дискурс политических прожектеров, опиравшихся на идеи физиократов. Указано, что комплексное изучение русской общественной мысли XVIII века возможно на путях анализа преемственности дискурсивных практик.*

Ключевые слова: *история общественной и политической мысли, концепция абсолютизма, неостоицизм XVII века, «смешанное правление», Феофан Прокопович, Самуаэль Пуфендорф, Юст Липсий, Д.М. Голицын, Д.А. Голицын.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.006

Сегодня изучение в широком плане общественной, а в более узком – политической – мысли петровской эпохи следует считать актуальным не только с точки необходимости оценки масштабов влияния западноевропейской политической культуры и литературы, но и с точки зрения историографической ситуации, которая сложилась в исследовании этой темы и выбора тех источников, которые ныне вводятся в научный оборот.

Подлинным расцветом в изучении интересующей нас темы следует считать вторую половину XIX – начало XX вв., когда исследователи ставили задачу рассмотреть общественную мысль эпохи и творчество отдельных её представителей в широком контексте эпохи. Назовём работы Н.П. Павлова-Сильванского, А.Н. Макарова, В.И. Покровского, Н.Д. Чечулина, П.П. Пекарского [*Макаров*, 1923: 370-381; *Павлов-Сильванский*, 1897; *Пекарский*, 1862; *Покровский*, 1885; *Сиповский*, 1905; *Чечулин*, 1894; *Чистович*, 1868]. Это направление ставило задачу максимально полного изучения источников, прежде всего, архивных, которые последовательно вводились в научный оборот.

Опираясь на эти исследования и на собственные изыскания в архивах, А.С. Лаппо-Данилевский смог поставить задачу подготовить обширное исследование «История политических идей в России в XVIII веке в связи с развитием её культуры и ходом ее политики», которое осталось незавершённым. [*Лаппо-Данилевский*, Ф. 113, Д. 76-78]. Отходя от позитивизма и развивая историко-культурное направление исследований, основное внимание он уделял изучению рукописных источников, прежде всего, переводной

западноевропейской литературы, на значение которой в своё время обратил внимание П.П. Пекарский. Нельзя не обратить внимание на то, что подход Лаппо-Данилевского во многом схож с идеями «новой культурной истории Просвещения», развиваемыми Даниелем Рошем, Винченцо Ферроне, Ивом Боренером и др., уделяющих основное внимание социальной и культурной матрице, способствующей культурным трансферам и «трансферам знаний» [Например: *Beaurepaire P.-Y.*, 2011]. Перед исследователем стояла двоякая задача: во-первых, показать, каким образом политические знания проникали в Россию (изучение институтов, служивших «каналами»), а во-вторых, ставил вопрос о том, какие именно политические дискурсы усваивались современниками Петра Великого. Впервые введя в научный оборот огромный пласт источников, он уделил большое внимание интеллектуальным кружкам, учебным заведениям, школьному образованию. Кроме того, даже беглый обзор сочинения А.С. Лаппо-Данилевского показывает, что изучение переводной западноевропейской литературы времени Петра I ставит перед ним, по меньшей мере, два вопроса, а именно: «какие произведения переводили?» и «что из них можно было почерпнуть?». Ответить на эти вопросы А.С. Лаппо-Данилевский в полной мере не смог, как нам представляется прежде всего потому, что само изучение политической мысли эпохи классицизма в Европе в его время только зарождалось. По сути дела, кроме известного сочинения Поля Жанэ, на которое он практически повсеместно ссылается в своей работе, серьёзных исследований в мировой науке не было. [*Janet P.*, 1885]. Исключение составляет, пожалуй, глубокое изучение сочинений юристов «школы естественного права» (Гроций, Пуфендорф, Томмазий), Отто фон Гирке в I томе (части 4 и 5) его монументального сочинения, посвящённого германскому праву юридических лиц, но Лаппо-Данилевский на него нигде не ссылается. [*Gierke O. von*, 1868]. На рубеже XX-XXI вв. в сочинении Синтии Уитакер значительное внимание уделяется формированию представлений о монархии в контексте диалога власти и общества, то есть проблеме развития не столько политической, сколько общественной мысли России XVIII века в широком культурном плане. Новых источников исследовательница почти не привлекала, но, тем не менее, смогла предложить синтез тех исследований, которые были опубликованы ранее. В центре её внимания оказалась в целом общественная мысль, диалог власти и общества, а также *образ* монархии, возникший в русском обществе XVIII века. [*Whittaker Cynthia*, 2003].

Значительным событием в нашей науке стала обобщающая работа «Общественная мысль России», где предпринята попытка изучения темы с позиций интеллектуальной истории и истории развития понятий. Разумеется, в этом контексте переводы сочинений западноевропейских авторов снова оказываются в поле зрения исследователей, которые «особое внимание уделяют изучению политической терминологии и концептов в контексте эпохи, её социальных и культурных особенностей» [Общественная мысль России, 2020: 115]. При этом особенно важным представляется то, что авторы, несмотря на должное внимание к политической мысли, сочли необходимым подробно остановиться на таких категориях как «общественное мнение» и «социальные представления» [Там же: 7]. Иными словами, они в известной

мере предлагают вернуться на новом уровне исследований и, опираясь на анализ более широкого круга источников, к идее А.С. Лаппо-Данилевского, а именно показать, каким образом общественная и политическая мысль в России развивалась, по их словам, в «контексте эпохи».

Прежде чем перейти ко времени преобразований Петра Великого, интересующему нас, представляется целесообразным остановиться на некоторых выводах, сделанных А.С. Лаппо-Данилевским в наиболее завершённой части его работы, которая посвящена предпетровскому времени. Воссоздавая социокультурный контекст идейного развития эпохи и воспользовавшись в том числе и сетевым анализом, он уделил существенное внимание эволюции именно *политической мысли* в России и её источникам в европейской традиции. К примеру, согласно его мнению, в допетровский период сильное влияние «латинской образованности» и, в частности, Св. Фомы Аквинского прослеживается у Симеона Полоцкого (1678) в «Вертограде многоцветном», где очевидно присутствуют цитаты из «De regimine principum» и «Summa theologiae», например, идеи «природной склонности человека к общежитию, к дружбе и взаимопомощи» [*Лаппо-Данилевский*: Ф. 113. Д. 76. Л. 306-308]. Если же случается, что возникает тираническая власть, то она – наказание Божие за наши грехи» [*Лаппо-Данилевский*: Ф 113. Д. 77, ЛЛ. 56-58]. Лаппо-Данилевский также отмечает, что в одной из речей царя Фёдора Алексеевича говорится о том, что Государь творит правосудие перед престолом Всевышнего и должен заботиться об «общественном благе», если есть опасность его разрушения[1]. Учения Цицерона и Аристотеля, как показал исследователь, были широко известны в России, благодаря переводу трактатов (например: Lorichii Loci communes de institutione principum. Magdeburg, 1538; Chokier J. (Thesaurus politicorum aphorismorum, 1625). Идеями католического аристотелизма был пронизан трактат Амвросия Марлиана, каноника римской церкви. Его сочинение было переведено на русский язык черниговским епископом Иоанном Максимовичем в 1708 и напечатано в его епархии под названием «Позор нравоучительный». В этом трактате, в частности, Марлиан утверждал со ссылкой на авторитет Цицерона и Аристотеля, что «князь» (princeps) должен быть в «республике гражданином» и своим примером наставлять подданных [*Marlianii Ambrosii*, 1631. Chap. 2].

Иными словами, путём знакомства с тем, что А.С. Лаппо-Данилевский назвал «польско-латинской образованностью» русская общественная мысль накануне реформ Петра Великого познакомилась с классическими политическими концепциями античности. Продолжая своё исследование и переходя к анализу петровской эпохи, он обратил первостепенное внимание на русскую рукописную книгу (переводы западноевропейских авторов, писавших на политические темы), которая ныне по большей части хранится

[1] Достаточно распространённый тезис в политической традиции католицизма, например, в Польше: «Omnes leges, ... ad commodum rei publicae referre oportet, et eas ex utilitate communi, non ex scriptione, quae in litteris est, interpretari . Cicero. de Inventione. I. 38. В польской юридической и канонической литературе utilitate communi охотно заменяется на выражение: rationi quae pro communi utilitate regni fiunt et discuntur [Volumina legum, 1859: 26].

в фонде № 550 в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Их анализ позволил ему выявить значительный комплекс сочинений, переведённых на русский язык с латинского или с французского языков и принадлежавших перу выдающихся политических мыслителей Европы XVI и XVII веков. Среди них были и сочинения представителей «школы естественного права и прав лиц» (Гроций, Пуфендорф) и их последователей, «Два трактата о гражданском правлении» Дж. Локка, «Государь» Макиавелли, «Рассуждения» («Ricordi») Гвиччардини и др. Среди рукописей встречаются переводы юридических компендиумов с латинского языка, к примеру, сочинение Пюттера и др. А.С. Лаппо-Данилевский справедливо делал вывод о том, что заказчик этой серии переводов на русский язык с латинского старался приобрести систематические познания в области именно политической науки того времени. Более того, ему удалось идентифицировать его личность: князь Дмитрий Михайлович Голицын, который, по мнению современного исследователя С.В. Польского, принадлежал к числу аристократов, «знавших иностранные языки … и активно заказывавших переводы» [Общественная мысль России, 2020: 110] Заметим в скобках, что знание иностранного языка, как правило, избавляет от чтения сочинений в переводе. Наверное, следует задуматься над тем, что переводы эти могли делать для ознакомления с ними лиц, которые иностранными языками не владели.

На основании проведённого анализа А.С. Лаппо-Данилевский делал два основных вывода. Во-первых, «возможно, знакомство с эмпирической школой и пребывание в Италии отразились на желании Д.М. Голицына ограничить самодержавие тайным советом». Во-вторых, он переходил от «научно эмпирической школы и макиавеллизма к договору и естественному праву» [*Лаппо-Данилевский*: Ф. 113 Д. 78. Л. 114, 147, 151]. Кроме того, опираясь на знаменитую фразу Петра I «полиция есть душа государства», он пытается связать её с идеями Кристиана Вольфа и шевалье де Ла Мара, трактат от которого «О полиции» был опубликован во Франции в 1719 году (*Лаппо-Данилевский*: Ф. 113, Д. 77, Л. 118). К этому можно было бы добавить и третий вывод, а именно: петровская эпоха ознаменовалась пристальным интересом к различным направлениям политической мысли, а именно, к макиавеллизму и учениям о естественном праве и договоре, которые представляли собой не что иное, как разрыв с аристотелевой и цицероновой традицией [Histoire de la pensée politique moderne, 1997: 433 и сл.]. На смену последней пришли традиции неоскептическая и неостоическая с идеями «государственного интереса». С.В. Польской обратил внимание на переводы Юста Липсия и Траяно Боккалини, отнеся их, вслед за Фридрихом Майнеке, труды которого датируются концом XIX века (!), к «тацитистам» (поклонникам Тацита) [История общественной мысли России, 2020: 158-161]. При этом, увы, более широкий контекст развития общественной мысли Западной Европы и России оказался за пределами внимания исследователя.

Понятно, что основное внимание в изученном А.С. Лаппо-Данилевском массиве переводной литературы привлекают работы авторитетнейших политических мыслителей XVI-XVII веков. Но, наряду с ними мы встречаем и другие имена. Например:

1. Юстус Липсий. Увещевания и приклады политические (F II 208, 5, 48)[2].
2. Бессель Х.Г. Новоумноженный политического счастия ковач (F II. 68, он же (Q II, 35).
3. Фредро А.М. Наказание нравоучительное или моральное, как подобает жить с немногим народом без повреждения его силы, и любви, и чести (F III. 8).
4. Боккалини Т. Камень опыта политического (F XV. 22).
5. Шредерн В. Казна и переходная комната князя (Q II, 19-20).
6. Кориолан Ф.Ф. О советах и советниках (Q II, 25).
7. Сааведра Д. Образ христиано-политична владетеля (Q II, 36).

В поле зрения А.С. Лаппо-Данилевского, как и современных исследователей вопроса, не попал значительный пласт рукописных переводов. В частности, Сааведры, а также Слейдана (сочинение последнего, однако, упомянуто у Лаппо-Данилевский А.С.: Ф. 113, Д. 76, Л. 121). Какие идеи в них высказывались? Какой отклик они могли получить в России? Иоанн Слейдан (Johannes Sleidanus) в «De statu religionis et reipublici Carolo Quinto Cesare» (1689) прямо указывает на то, что магистрат может легитимно сопротивляться вышестоящему лицу в случае, если тот принуждает подданных «отречься от истины». Ещё более интересно присутствие в переводной литературе сочинений Боккалини и Сааведры. Оба являлись сторонниками идеи, согласно которой «добродетельная аристократия» бесспорно предпочитает «общее благо» благу частных лиц, потому что обладает нравственным превосходством над народом. [цит. по: Histoire de la pensée politique, 1997: 300]. Эти мысли восходили к сочинениям Франческо Гвиччардини, переводы которых присутствуют среди рукописных книг РНБ, что было отмечено ещё А.С. Лаппо-Данилевским. Как известно, Гвиччардини являлся не только сторонником «республиканской свободы», но и поклонником своего рода «меритократии» в своих «Ricordi». Интерес к сочинениям Сааведры, Слейдана и Гвиччардини далеко неслучаен. Все они вместе взятые образуют вполне определённый *политический дискурс*, вдохновляясь идеалом «аристо-монархии», а по сути, идеалом «смешанного правления» (constitutio mixta), развивавшемся в XVII веке и Отманом во «Франко-галлии», и у Иоанна Альтузия [о значении последнего см. классическое сочинение: *Gierke O. von*, 1889]. И эти переводы были заказаны князем Дмитрием Михайловичем Голицыным, одним из самых европейски образованных «верховников». Сходные идеи «смешения» в правлении аристократических, монархических и народных элементов со ссылкой на опыт английской монархии впоследствии появятся в переводной литературе 1740-х годов [Общественная мысль России, 2020: 138–139].

Целесообразно остановиться и на втором выводе, сделанном А.С. Лаппо-Данилевским, относительно «перехода» Д.М. Голицына от «научно-эмпирической школы и макиавеллизма к договору и естественному праву». Первой и, к сожалению, пока единственной попыткой изучения влияния европейских доктрин «естественного права» и «общественного

[2] Указания на ед. Хранения в 550 фонде ОР РНБ.

договора» в эпоху Петра I была студенческая работа Георгия Давидовича Гурвича «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и её западные европейские источники» [*Гурвич*, 1915]. Не повторяя общеизвестных выводов этого сочинения, обратим внимание на два обстоятельства. Первое: особое влияние на взгляды Феофана Прокоповича на власть, суверенитет, договор оказали идеи Самуэля Пуфендорфа, одного из столпов «школы естественного права», который в своих исторических работах прямо указывал, что власть великих князей в России – абсолютная монархия. [указано: *Maslov*, 2014: 32]. От себя добавим, что его главное сочинение – это настоящий компендиум, в котором была предпринята попытка примирить взгляды Гроция и Гоббса. По мысли Гурвича, Феофан в наибольшей мере заимствовал идею Пуфендорфа о pactum summissionis (о котором говорится, в частности, в «De cive» Гоббса), то есть, идею добровольного и безусловного подчинения народа правительству, вследствие чего и возникает суверенная власть. Однако, Г.Д. Гурвич не обратил внимание на то, что Феофан испытал влияние идей абсолютной монархии, которые были популярны в Европе в первой половине XVII века, ограничившись замечанием, что договорная теория происхождения государства и права может быть согласована с концепцией абсолютизма, если исходить из тезиса: omnia protestas a Deo per populum. То есть, народ является своего рода «каналом», по которому власть над подданными транслируется от Бога к монарху. Вот только подобная формула у Феофана нигде не встречается. «Правда воли монаршей во определении наследника державы своей» Прокоповича и, возможно, самого Петра Великого, прямо отсылает к идеям Джованни Ботеро и Фредерика Бонавентуры, утверждавших, что воля государя и «польза подданных» (utilitas subditiis) являются подлинным основанием права и источником законодательства с одной стороны, а с другой, поступающий по своему усмотрению государь est legibus solutus, поскольку во главу угла он ставит «raison d'Etat» («государственный интерес») [*Bonnet*, 2012: 328]. А потому он может назначать наследника по своей воле, что и требовалось доказать Феофану Прокоповичу. Однако же следует иметь в виду, что в самой Западной Европе XVII века единой концепции «абсолютизма» никогда не существовало. С одной из версий, сформулированной Болтоном, Шарроном, Филмером, Бонавентурой, Ботеро и Жаком-Бенигном де Боссюэ, который был старшим современником Феофана Прокоповича и Петра I, заключавшейся в том, что «всякая власть от Бога» (или непосредственно или в качестве власти «отца» над «детьми»), переводная литература в России вообще не была знакома [Histoire de la pensée politique moderne, 1997: 317]. Зато весьма популярна была версия, обоснованная в «Завещании» Ришелье или в сочинениях Юста Липсия и ряда других авторов, переводы которых на русский язык сохранились (и даже в нескольких экземплярах), относящихся к эпохе Петра I[3]. И Липсий, и Ришелье черпали свои идеи, интерпретируя Тацита («Анналы»). В частности, Ришелье подчинял христианскую мораль соображениям

[3] О переводе «Тестамента политического» Ришелье см.: [Общественная мысль России, 2020: 121].

«государственного интереса или блага» и «общественной безопасности» [Там же: 336], а также испытал влияние произведений ряда писателей, например, герцога Анри де Рогана, которые отождествляли «государственный интерес» с «соображениями выгоды» для государя [Там же: 437]. В свою очередь, Юст Липсий, автор Politicorum libri sex (1589) в 4 книге доказывал, что государь вправе прибегать к «малой» или «средней уловке», а также к «honesta fraus» в духе императора Тиберия ради сохранения *стабильности* государства [Там же: 441–442; *Lagrée*, 1994: 94]. Обратим внимание и на то, что идеи Липсия и неостоиков, согласно мнению Герхарда Острайха, «во многом стали идеологией и моралью сильной армии» [*Östreich*, 1982: 50]. Есть определённый соблазн в том, чтобы представить себе Феофана Прокоповича в виде российского Боссюэ, но дело обстояло совершенно иначе. И не только потому, что в его библиотеке отсутствовали труды французского проповедника, хотя определённая идейная перекличка между ними прослеживается [Бугров, 2020: 105]. Дело в том, что в России эпохи Петра Великого интерес вызывала концепция «абсолютной монархии» не в её патерналистской и католической версии, с которой однако же могли познакомиться, в частности, по переводу «Двух трактатов о гражданском правлении» Дж. Локка (аналитический разбор книги Филмера, как известно, содержится в первом трактате), а в версии «умелого государя», который действует на «пользу государства». Pactum summissionis, заимствованный Феофаном у Пуфендорфа, оказывается легитимным именно в силу того, что подданные подчиняются, как бы мы теперь сказали «успешному политику», способному действовать в интересах и во благо государства. Ведь неслучайно он активно полемизировал с Пуфендорфом, отвергая саму идею «смешанного правления» [*Maslov*, 2014: 24–46] – идею, которую Пуфендорф заимствовал в своём компендиуме в том числе и у неостоиков.

Таким образом, сочинения Юста Липсия, широко представленные в переводной литературе, оказывались обоюдоострым оружием в руках тех, кто развивал «абсолютистский» политический дискурс. С одной стороны, Липсий считал, что невежество и склонность народа к бунтам, нестабильность государства, а также, как мы теперь бы сказали, «нестабильность мирового порядка» требуют создания сильного правления в форме монархии, этого древнейшего и совершеннейшего государственного устройства, которое только и может укрепить правление [*Lagrée*, 1994: 81]. Аналогичного мнения придерживался и Феофан Прокопович, выступая против «нестабильности», царящей в республиканских правлениях и осуждая Английскую революцию [ср.: *Maslov*, 2014: 36]. Но в том то и дело, что «поддержание порядка» Липсий отнюдь не мыслил в терминах «полицейского государства», но в терминах стоических в своей сути добродетелей государя (prudentia, justitia, auctoritas), способного предвидеть fatum politicum и предотвратить его последствия. И хотя у него auctoritas и включает в себя forma imperii и potentia imperii (то есть, в собственном смысле слова, силу политики, армии и поддержки союзников), главной опорой auctoritas остаются благочестие (pietas) и милосердие (clementia) государя. Именно по этой причине между реализмом

Макиавелли («что лучше для государя: чтобы его любили или боялись?», «Государь», гл. XVII) и стоическими добродетелями Липсий выбирает «любовь». В его концепции государства главное место занимает обеспечение «мира и порядка», а не «государственного интереса», идея которого ему не была близка [Там же: 95 и 83].

Американская исследовательница Синтия Уитакер предположила, что «возможно, Пётр I и не был кем-либо, способным сподвигнуть на принятие концепции монархии, но в конце его царствования просвещённая элита приняла реформы в качестве фундаментального оправдания абсолютной монархии» [*Whittaker*, 2003: 52]. Это предположение следует уточнить: концепция монархии, обоснованная в «Правде» Феофана Прокоповича, притязала на *оригинальный синтез* современного ему естественно-правового дискурса и иного, связанного с «интересом государства» или «благом государства». Конкуренцию ему составил политический дискурс неостоиков, в частности, Боккалини, Сааведры и близкий к ним дискурс Липсия, который вполне согласовывался с идеей *нравственного авторитета* государя и/или аристократии. И тот факт, что идеи неостоиков и, в частности, Липсия были развиты в обоих политических дискурсах, является интеллектуальным выражением «принятия» элитой реформ. Как нам представляется, возможно, именно поэтому сочинения Юста Липсия привлекли внимание одного из представителей «просвещённой элиты» России – Д.М. Голицына, который заказал один из сохранившихся переводов его сочинений [Общественная мысль России, 2020: 131].

Обратим внимание и на ещё одно обстоятельство: русская общественная мысль за короткое время – первая четверть XVIII века – сумела не только отказаться от представлений о политике, восходящих к Аристотелю и Цицерону в их католической версии, но и, отказавшись от аристотелизма, вполне ознакомиться и усвоить главные направления политической мысли Европы XVI-XVII веков.

Обосновывая взгляд на конкуренцию двух дискурсов, мы не можем согласиться с мнением Синтии Уитакер, давшей весьма приблизительную оценку политических идей Д.М. Голицына: «одни исследователи полагали, что он планировал учредить новый политический порядок с широким политическим участием, и другие же силились представить его прото-либералом» [*Whittaker*, 2003: 70–71]. Вопрос о «протолиберализме» в России отсылает нас к рассуждениям В. Леонтовича, считавшего в своё время, что Екатерина II в целом проводила либеральную политику в отношении дворянства, так как политические обстоятельства не позволяли ей распространить её на иные сословия [*Леонтович*, 1980: 34]. Синтия Уитакер, отчасти соглашаясь с ним, указывала на то, что «если в создании концепции легитимной монархии последователи Петра исходили из идеи наследования и харизмы» (что, заметим, сомнительно), «то Екатерина Великая ввела новую концепцию легитимности, основанную на публичном диалоге с элитой», а также проводила политику с целью укрепить «верховенство права» [*Whittaker*, 2003: 91].

Мысль, высказанная американской исследовательницей, вполне объясняет то, почему Екатерина II так тщательно изучала произведения раз-

личных европейских «философов». Ведь ей приходилось вести диалог с образованной элитой. Сегодня не подлежит сомнению, что разные авторы усваивали идеи философов французского Просвещения, даже таких радикальных, как Руссо («О повреждении нравов в России» М.М. Щербатова содержит многочисленные реминисценции «Рассуждения о науках» Руссо также, как и утопии «старших архаистов») [*Зорин*, 1996: 64]. А, к примеру, сочинения князя Д.А. Голицына вдохновлены произведениями физиократов и содержат неприкрытую критику Монтескье. Позволим себе два примера из наших собственных исследований относительно того, каким образом императрица «осваивала» политические идеи французского Просвещения.

Анализ черновых фрагментов Екатерины II показывает, что во второй половине 60-х гг. XVIII века она была внимательным читателем сочинений преимущественно трёх авторов: Монтескье, Руссо и Ле Мерсье де Ла Ривьера, автора своеобразного теоретического манифеста физиократов под заголовком «Природный и сущностный порядок политических обществ» (1767). В одном из фрагментов на французском языке под заголовком «О тиранах в России» императрица весьма нелестно отзывается о «русской нации по природе своей беспокойной, неблагодарной и полной доносчиков, которые под предлогом усердия ищут наживы». Как исправить этот порок? Ответ: ввести законное правление. Екатерина делает выписки из статьи Руссо «О политической экономии», опубликованной в V томе «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, а именно в той части, которая касается верховенства законов и «общей воли», которую она интерпретирует как волю подданных их соблюдать, а не устанавливать, как утверждал Руссо. Комментируя этот текст, она замечает: «необходима общественная свобода и авторитет (autorité) правительства», которые, в свою очередь, основаны на «естественном и сущностном порядке политических обществ», открытых физиократами [*Zanin*, 2013: 256]. Императрица тщательно конспектирует соответствующую главу из сочинения Ле Мерсье де Ла Ривьера и отмечает: «великое изобилие продуктов [за которое ратовали физиократы – С.З.] не может существовать без великой свободы. Невозможно вообразить себе право собственности без свободы». Эти размышления Екатерины II очевидно входили в противоречие с реалиями России, то есть с установленным в ней крепостным правом. В черновых заметках и подготовительных материалах к «Наказу» она находит решение, указывая на то, что «если государственный интерес или же интерес частного характера порой не позволяет в различных государствах освободить земледельцев из опасения, что земли останутся невозделанными по причине их бегства, то можно найти середину, прикрепив и привязав к земле этих самых земледельцев, оставив у них орудия земледелия» [цит. по: *Zanin*, 2018: 79–94]. В этой фразе обращает на себя внимание возврат к политическому дискурсу эпохи Петра Великого, то есть к идее «государственного интереса» в сочетании с идеей «великого изобилия продуктов» и *политического реализма*. В отношении последнего показательно то, что Екатерина II вполне определённо высказалась против «прожектеров» и «дохтуров», то есть тех лиц, которые,

следуя абстрактным принципам политической науки, создают нереализуемые проекты. [*Екатерина II*, ок. 1766: Ф. 10, оп. 1, Д. 441). На деле она призывала учитывать такие «константы», как «климат», «территория» и «особенности народа» вполне в духе Монтескье, идеи которого логично заняли центральное место в её «Наказе». Означает ли это, что, взяв на себя нелёгкую задачу развития абсолютистского дискурса в новых условиях, императрица смогла создать конструкт, позволявший ей занять лидерские позиции в диалоге с элитой? В свете проведённых нами исследований на этот вопрос нужно ответить отрицательно. Наше внимание привлекла анонимная рукопись, хранящиеся в отделе рукописей РНБ и озаглавленная «Дух «Наказа» её императорского величества императрицы российской», которая вызвала резкую критику со стороны императрицы в переписке с Ф.-М. Гриммом. Нам удалось установить, что её автором был князь Дмитрий Алексеевич Голицын, который насытил её цитатами из сочинений ведущих политических мыслителей Европы века Просвещения, в первую очередь, физиократов, с тем, чтобы указать на то, в рамках какого политического дискурса в действительности развивались идеи императрицы, заимствовавшей мысли Монтескье и др. философов Просвещения. В конечном итоге, встав на позиции «политического прожектерства», он предложил освободить крепостных, переведя их в своего рода «временнообязанное состояние», защитив их права (по примеру Англии) в «разъездных судах», а также доказывал необходимость создания представительных органов власти: поначалу на местах, а затем и в масштабах империи. Обратим внимание и на то, что «прожектерская» форма политического дискурса на рубеже 60–70-х гг. XVIII века активно развивается во французском Просвещении, в частности, под влиянием запроса со стороны Барской конфедерации в Польше.

Таким образом, Екатерина II продолжает, разумеется, в новых условиях, развивать *теоретический* дискурс в рамках концепта «государственного интереса», тогда как Д.А. Голицын, хотя и позиционирует себя как сторонник физиократов, противопоставляет дискурсу императрицы *оригинальный* синтез различных политических в форме «прожектерства», а точнее законченного проекта институциональных преобразований в России [*Занин*, 2021].

В заключении к фундаментальному академическому исследованию проф. А.Б. Каменский заметил, что «в истории общественной мысли России ещё немало лакун, и это ещё одна причина, по которой представленный в данном томе материал не образуют целостной картины» [Общественная мысль России: 546]. Однако же искомая целостность зависит не только от полноты элементов, привлечённых для реконструкции картины, но и в немалой степени от избранного инструментария. В издании под его редакцией встречается важное соображение методологического характера: «Важно помнить, что и в том и в другом случае значение понятия конструируется актором (читателем или переводчиком) и наделяется определённым смыслом на основании его социального опыта и интеллектуального багажа» [Там же: 110]. Но в том то и дело, что первый воспринимается преимущественно сквозь призму второго. Например,

понятие «фундаментальные законы», как замечает автор главы в цитируемом издании, «мало соответствовало практике» в России. Тогда никакого «социального опыта» у автора перевода, то есть «актора», и быть не могло. Вместе с тем, следует учитывать, что сам по себе перевод – это, в первую очередь, внутренняя экзегеза оригинального текста, а потому многое зависело от характера того политического дискурса, в рамках которого он создавался. Например, в Западной Европе понятие «фундаментальные законы» принимало совершенно различные значения: у членов парламента Франции XVII века оно означало «основные кутюмы», у представителей «школы естественного права» – являлось синонимом слова «конституция», а у физиократов это – очевидные законы «природного и сущностного порядка», на вершине которых находится «высшая норма». Поэтому при анализе русской общественной мысли также, как и западноевропейской, следует помнить замечание Квентина Скиннера: «не может существовать история простых идей как таковых, но может существовать только история их различных употреблений (usage), ради которых эти идеи призваны различными акторами в различные эпохи» [*Skinner*: 228–229]. Иными словами, «простые идеи» наполняются содержанием в рамках различных *форм политического дискурса*, главным образом *преемственность* в развитии которых и должна оказаться в центре исследований. Разумеется, важное значение имеет и то, каким образом они проецировались на социум, поскольку «социальный опыт акторов» является не только предметным (то есть, непосредственно данным), а является рефлексивным в том смысле, что реалии социума анализируются ими сквозь призму ценностей, идей, концептов и убеждений, которые вместе взятые и образуют дискурс.

ЛИТЕРАТУРА

Бугров К.Д. Провидение и власть: политическая мысль Феофана Прокоповича // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 1 (196).

Гурвич Г.Д. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и её западные европейские источники. – Юрьев, 1915.

Екатерина II. Заметка, ок. 1766: Ф. 10, оп. 1. Д. 441.

Занин С.В. Конституционный проект князя Д.А. Голицына. Исследования зарубежной истории: сборник статей. Вып. 2. – Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2021.

Зорин А.Р. Ж.-Ж. Руссо и национальная утопия старших архаистов // Новое литературное обозрение. 1996, № 20.

Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с развитием её культуры и ходом её политики. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 113, д. 77.

Леонтович В. История либерализма в России. – Париж, YMCA-Press, 1980.

Макаров А.Н. Учение об основных законах в русской юридической литературе XVIII в. и первой трети XIX в. // Сборник статей по русской истории, посвящённый С.Ф. Платонову. – Петроград, 1923. – С. 370–381.

Общественная мысль России с древнейших времён до середины XX века. Т. 2. – Москва: РОССПЭН, 2020.

Павлов–Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. – Санкт-Петербург, 1897.

Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. – Санкт-Петербург, 1862. 2 тт.

Покровский В.И. А.Д. Кантемир, его жизнь и сочинения. – М. 1885.

Сиповский В.В. Политические настроения в русском романе 18-го века. – Санкт-Петербург, 1905.

Чечулин Н.Д. Проект Императорскаго совета в первый год царствования Екатерины II. – Санкт-Петербург, 1894.

Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. – Санкт-Петербург, 1868.

Beaurepaire P.-Y. La France des Lumières (1715–1789). Paris, Belin, 2011.

Bonnet S. Droit et raison d'Etat. Paris, Classiques Garnier, 2012.

Gierke O. von. Das deutsche Genossenschaftsrecht. Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschft. Berlin, Weidmaunsche Buchhandlung, 1868. Bd. 1.

Gierke O. von. Iohannes Althusius und die Entwiecklung der natürrechtlichen Staatstheorien. Breslau: Maurer, 1889.

Histoire de la pensée politique moderne. Éd. J. H. Burns. Paris, PUF, 1997.

Janet P. Histoire de la philosophie morale et politique dans l'antiquité et les temps modernes. 2-ème edition revue et augmentée.Paris, Lagrange, 1885. 2 T.

Lagrée J. Juste Lipse et la restauration du stoïcisme: étude et traduction des traits stoïciens. Paris, Vrin, 1994.

Marlianii Ambrosii. Theatrum politicum in quo quid agendum sit a pricipe et quid canendum accurate prescribitur. Romae, 1631.

Maslov B. Why Republics Always Fail: Pondering Feofan Prokopovich's Poetics of Absolutism // *Вивліоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*, Vol. 2 (2014).

Östreich G. Neostoicism and the Early Modern State. Cambridge University Press, 1982.

Skinner Q. Visions politiques. Volume 1: Sur la méthode. Genève, Droz, 2018.

Volumina legum: przedruk zbioru praw staraniem XX. Санкт-Петербург, 1859.

Whittaker Cynthia H. Russian Monarchy: Eighteenth-century Rulers and Writers in Political Dialogue. Northern Illinois University Press, 2003.

Zanin S. Utopisme et idées politiques. Visite de Lemercier de La Rivière à Saint-Pétersbourg. Paris, Classiques Garnier, 2018.

Zanin S. Le concept de réforme de Catherine II dans la décennie 1760 // La dynamique du changement politique et juridique: la réforme, Actes du colloque International, Aix-en-Provence, 2013.

Автографы Петра I: чтение технологиями искусственного интеллекта

Т.А. Базарова, Д.В. Димитров, М.Е. Проскурякова, А.В. Сиренов

Аннотация. *Статья посвящена разработке программы машинного чтения рукописей Петра I с привлечением технологий искусственного интеллекта. Почерк Петра I отличается неустойчивостью и представляет трудность даже для специалистов по истории России начала XVIII в. По инициативе ПАО «Сбербанк» и Российского исторического общества с участием специалистов Санкт-Петербургского института истории РАН и Российского государственного архива древних актов был осуществлен проект «Digital Пётр», в ходе которого разработана программа машинного чтения рукописей первого российского императора. Авторы считают, что данное направление следует развивать, чтобы методики машинного чтения можно было применить для архивных документов разных эпох, от Средневековья до Новейшего времени.*

Ключевые слова: *источниковедение истории России, Пётр I, цифровизация архивных документов, автографы российских императоров.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.007

Пётр I не первым из русских государей стал собственноручно писать письма. Традиция царских автографов началась с царей династии Романовых. В нашем распоряжении нет ни одного документа, написанного собственноручно великим князем или царём из династии Рюриковичей. Царский титул на жалованных грамотах, как правило, писал дьяк. Даже в случае личной переписки, как, например, письма Василия III жене Елене Глинской, текст писем писал государев дьяк. Это свидетельствует не о неграмотности правителя (так, известен целый ряд авторских сочинений Ивана IV, но ни одного его автографа!), а об особом отношении к автографу правителя в культуре средневековой России. Ситуация изменилась в XVII в., и Пётр I действовал в рамках этой уже изменившейся парадигмы. Однако автографы Петра I представляют собой яркое явление в культуре России XVII-XVIII вв. В них, с одной стороны, можно увидеть продолжение скорописной традиции: использование выносных (надстрочных) букв, сокращений, связность написания двух графем, одна из которых написана в строке, а другая над строкой, отсутствие пробелов между словами. С другой стороны, для них характерна индивидуальная манера письма, которая существенно затрудняет прочтение [*Богословский*, 2003]. Ещё одна особенность текста Петра I заключается в богатстве лексики и языка петровских писем. Пётр часто использовал иностранные слова, топонимы, узкоспециальные термины, весьма своеобразные метафоры (рис. 1). Поэтому изучение автографов первого российского императора требует не только навыков чтения документов XVII – начала XVIII в., но и глубокого знания исторического контекста.

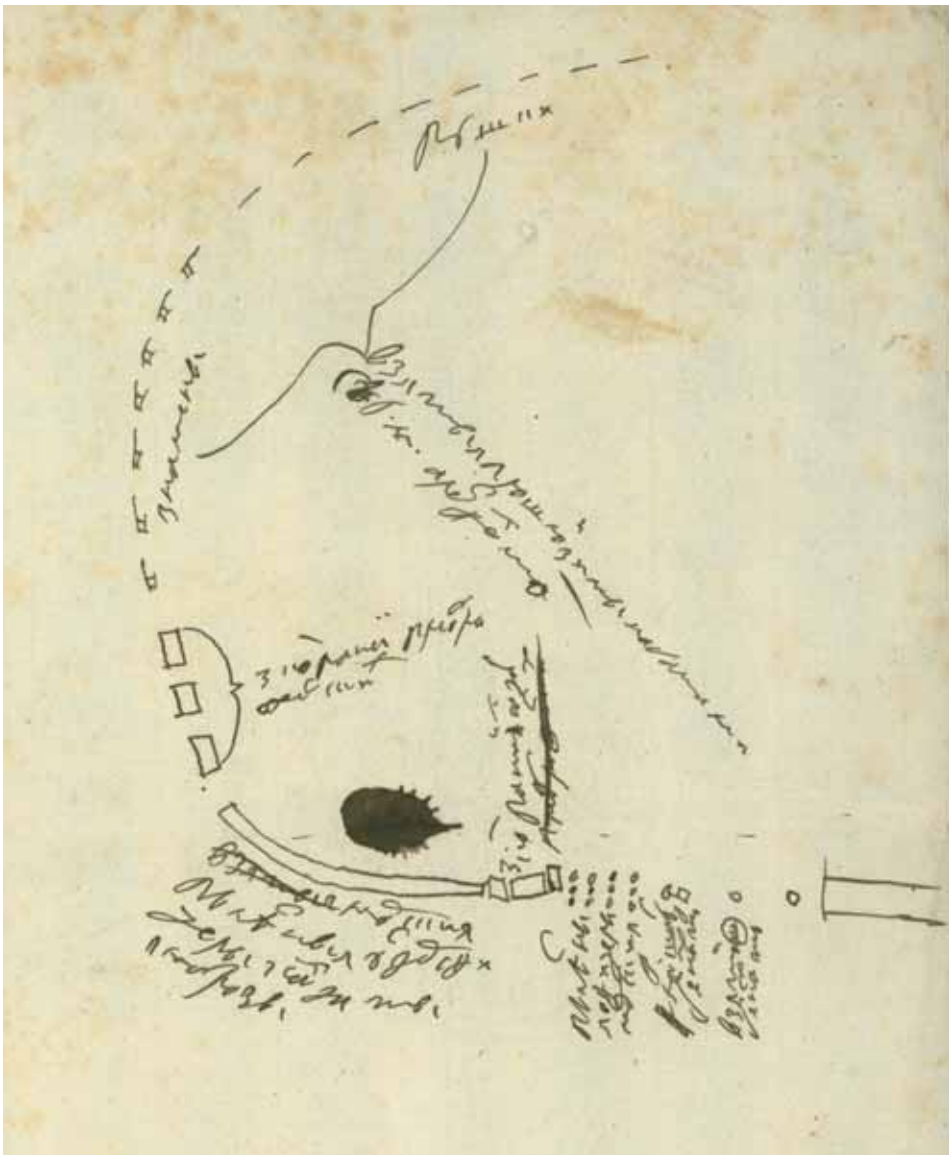


Рис. 1. План войскового парада с участием пленных морских офицеров, шаутбенахта, трофейных знамён и пушек по случаю победы при Гангуте. Автограф Петра I (Архив СПбИИ РАН. Колл. 277. Оп. 1. Д. 11. Л. 1)

До нашего времени сохранился весьма значительный массив – около пятнадцати тысяч документов, написанных или подписанных Петром I, большинство из которых ещё не вошло в широкий научный оборот. Необходимость изучения и публикации эпистолярного наследия первого российского императора учёные осознали уже в середине XVIII в. Г.Ф. Миллер в 1774 г. издал 200 писем государя к фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву (1702–1718 гг.) [Письма Петра Великого, 1774]. Спустя десятилетие

отдельные письма Петра I опубликовали Ф.О. Туманский [Собрание разных записок и сочинений, 1787. Ч. 1] и И.И. Голиков [*Голиков*, 1788. Ч. 1]. Эти публикации ещё нельзя назвать научным изданием писем Петра I. Так, в них почти полностью отсутствовала археографическая легенда. В лучшем случае в предисловии перечислялись государственные архивы и библиотеки, а также частные коллекции, где хранились оригиналы писем Петра I. Например, Г.Ф. Миллер указывал, что письма для печати ему передал Петр Борисович Шереметев. Публиковался текст письма, при этом не указывалось, собственноручно ли его написал Пётр I или только поставил подпись под написанным писарским почерком указом.

В середине XIX в. исследователи стали обращать внимание не только на содержание документов; тогда появились первые опыты научного описания. Новые принципы и подходы к изучению и публикации автографов первого российского императора проявились уже в написанной Н.Г. Устряловым многотомной истории Петра I [*Устрялов*, 1858–1863]. Петровские письма, опубликованные в 1873 г. А.Ф. Бычковым, уже имели заголовки, а также указания на наличие автографа Петра и предыдущие публикации [Бумаги императора Петра I, 1873].

В 1872 г. в России торжественно отмечали 200-летие со дня рождения Петра I. Юбилей побудил учёных обратить более пристальное внимание на эпистолярное наследие первого российского императора. В 1872 г. по инициативе А.Ф. Бычкова была создана Комиссия по изданию писем и бумаг императора Петра Великого, в состав которой вошли видные историки С.М. Соловьёв, Н.А. Попов, К.Н. Бестужев-Рюмин, Е.Е. Замысловский, Н.В. Калачов, А.Е. Викторов. Перед учёными стояла задача выявить, скопировать и опубликовать хранившиеся в различных государственных, ведомственных и частных собраниях письма и бумаги Петра I. За два года до этого аналогичный проект успешно воплотили в жизнь их французские коллеги, которые с 1858 по 1870 г. издали 32 тома автографов императора Наполеона I [Correspondance de Napoléon I, 1858–1870]. Публикация петровского эпистолярного наследия потребовала гораздо больше времени: русские историки сопровождали каждое письмо не только археографическим описанием, но и подробным научным комментарием. Первый том «Писем и бумаг императора Петра Великого» вышел из печати только в 1887 г. [Письма и бумаги императора, 1887. Т. 1]. В него были включены документы за 1688–1701 гг., как написанные писарским почерком и заверенные подписью царя-реформатора, так собственноручные письма и указы Петра I. В предисловии, разъясняя причины задержки публикации первого тома, члены комиссии отметили и «трудность найти лиц, умеющих правильно читать связный и неразборчивый почерк Петра Великого» [Письма и бумаги… 1887. Т. 1: VI]. Подготовка и издание томов велись со значительными перерывами на протяжении более полутора столетий. Основные принципы передачи текста в основном были выработаны ещё в XIX в. Это выделение курсивом выносных букв, заключение собственноручного текста Петра I в кавычки, развёрнутый научный комментарий, публикация документов, связанных с тем или иным петровским письмом.

Всего до революции 1917 г. были опубликованы шесть томов; первый выпуск седьмого тома вышел из печати в 1918 г. [Письма и бумаги… 1918. Т. 7. Вып. 1], а второй – только в 1946 г. [Письма и бумаги… 1946. Т. 7. Вып. 2]. Работа, которая велась медленно и с большими перерывами, не завершена до сих пор. В 2022 г. увидел свет первый выпуск четырнадцатого тома, охватывающий события января – июня 1714 г. [Письма и бумаги… 2022. Т. 14. Вып. 1]. Материалы, относящиеся к последним десяти годам жизни первого российского императора, практически не введены в научный оборот. В связи с этим особую важность приобретает оцифровка и создание единой базы для хранения цифровых копий автографов Петра I, а также использование современных компьютерных технологий для машинного чтения его рукописного наследия.

По инициативе руководства ПАО «Сбербанк» и Российского исторического общества в 2020 г. был начат проект «Автографы Петра Великого: Чтение технологиями искусственного интеллекта», в работе над которым принял участие коллектив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – СПбИИ РАН) и Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА) [*Базарова, Димитров, Потанин, Проскурякова*, 2020; *Базарова, Потанин, Проскурякова*, 2022; *Базарова, Проскурякова*, 2022]. Главной задачей проекта стало создание программного обеспечения для распознавания автографов Петра I и размещение его в открытом доступе в сети «Интернет». В СПбИИ РАН была создана рабочая группа, состоявшая из специалистов по истории Петровской эпохи, а также палеографии и археографии. Её ключевой задачей стал отбор и транскрибирование петровских автографов. Предварительный отбор документов проводился по текстам, опубликованным в т. 7–13 издания «Письма и бумаги императора Петра Великого». В этих томах приведены современные (или близкие к ним) архивные шифры документов за 1708–1713 гг. из собрания РГАДА. Сотрудники РГАДА проводили оцифровку материалов и передавали копии СПбИИ РАН. Члены рабочей группы транскрибировали полученные документы, при этом результаты прочтения каждого текста проходили двойную проверку. Варианты прочтения документов, приведённые в «Письмах и бумагах императора Петра Великого», использоваться не могли. Для обучения искусственного интеллекта требовалось выработать иные принципы передачи текста, которые значительно отличались от требований современной археографии. Необходимо было максимально точно передать все знаки, которые использовал Пётр I. Группа специалистов «Сбербанка», которую возглавили Д.В. Димитров и М.С. Потанин, создали пробный алгоритм с использованием небольшого числа транскрипций (около 90 автографов). На основании первой итерации алгоритма удалось уточнить принципы транскрибирования текста. Они сводились к следующему: а) пробелы между словами расставлялись; б) сокращения слов не раскрывались; в) буквы, написанные над строкой, вносились в строку; г) заглавные буквы не расставлялись; д) знаки препинания и знаки переноса строки не расставлялись; е) использовались вышедшие из употребления буквы «і» и «ѣ»; ж) воспроизводились зачёркнутые слова и строки; з) строки, вписанные вертикально по полю, воспроизводились в конце текста; и) установлены символы для

воспроизведения знаков, которые использовал Пётр I (например, знак креста в круге, который употреблялся им для обозначения места текстовой вставки). При компьютерном наборе текст транскрибировался построчно, а строки нумеровались.

Во время тестирования пробного алгоритма были выявлены две технические ошибки. Первая заключалась в использовании неверного символа для буквы «і»: в некоторых транскрипциях вместо знака из латинского алфавита применялся знак из украинского алфавита. Вторая ошибка произошла из-за разнообразия символов, которые употребляли палеографы при передаче знаков, применявшихся Петром I для обозначения вставки в текст. В многостраничных текстах, которые царь собственноручно правил, он использовал несколько вариантов для знака вставки (не менее десяти; например, косой крест и косой крест в круге). Некоторые из символов использовались в единичных случаях, поэтому способ их передачи заранее не оговаривался. Во время тестирования алгоритма строки с такими символами остались не распознанными: исчез весь текст после неопознанного символа. Поэтому после выявления ошибок весь массив транскрипций был вновь просмотрен, а неверные символы заменены.

После завершения работы с транскрибированием рукописей коллектив перешёл к разметке данных в специализированной программе, доступ к которой предоставили сотрудники «Сбербанка». В программу загрузили фотокопии всех транскрибированных документов (719 страниц). Палеографам необходимо было с помощью ломаных линий отделить одну строку от другой. При этом следовало максимально аккуратно обводить элементы текста, включая буквы, написанные над строкой, и все элементы букв (петли, полупетли и мачты). Это требовалось для того, чтобы программа получила максимально большой набор шаблонов (вариантов написания Петром I букв и цифр) для корректного распознавания текста в будущем. На описываемом этапе к коллективу присоединились аспиранты и магистранты Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Всего были транскрибированы и размечены 10 512 строк, которые составили набор данных, переданных для дальнейшей работы программистам и проведения соревнования на лучшее решение. Соревнование осенью 2020 г. провёл ПАО «Сбербанк» с целью получить другие варианты алгоритма для распознавания автографов и определить различные подходы к решению поставленной задачи.

Разработанный алгоритм распознавания почерка Петра I в некоторой степени моделирует процесс восприятия и анализа зрительной информации человеком. Человек, как правило, не способен обработать информацию с документа сразу, он делает это по строкам, считывая её сверху вниз. Данный принцип заложен и в схему работы используемой нейронной сети.

Изначально происходит поиск строк в оцифрованной рукописи. За этот этап отвечает известная в задачах сегментации изображений нейронная сеть – Mask R-CNN. В данной работе она была специально обучена для сегментации строк, написанных рукой Петра I. Для каждой строки она формирует специальную маску, по которой затем каждая строка вырезается из документа (рис. 2).

Рис. 2. Сегментация изображений нейронной сетью Mask R-CNN

Далее выбирается конкретная и уже вырезанная из документа строка, которая приводится к формату, пригодному для дальнейшего анализа с помощью главной в этой задаче нейронной сети CRNN + CTC Loss.

Затем из изображения строки с рукописным текстом извлекаются полезные для распознавания признаки. За это отвечает специальный блок, состоящий из свёрточных слоёв (Convolutional Layers). Нейронная сеть сама выучивает характерные черты написания тех или иных букв, настраивая нужным образом свои параметры с помощью метода оптимизации – градиентного спуска (рис. 3).

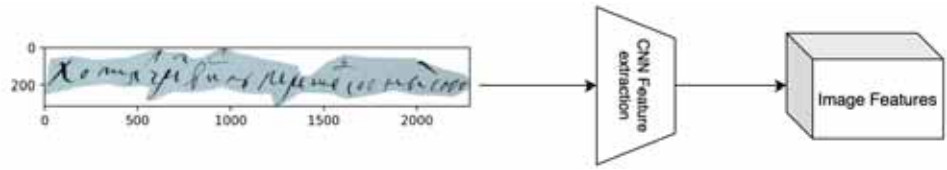


Рис. 3. Схема извлечения полезных для распознавания признаков

Далее каждый выученный признак в виде вектора подаётся на вход соответствующему рекуррентному слою (Gated Recurrent Unit). Рекуррентный слой необходим для представления входных признаков в виде последовательности и распознавания сетью символов в том порядке, в котором они находятся в обучающем тексте. Это важный этап, так как любой осмысленный текст всегда состоит из чёткой последовательности символов.

После обработки рекуррентным слоем каждый вектор передаётся полносвязному слою (Fully Connected Layer) и активационной функции SoftMax, которая возвращает распределение вероятностей на алфавите

из всех допустимых символов с добавлением дополнительного blank-маркера «-». Данный маркер модуль CTC Loss использует для обозначения отсутствия символа в тексте, так как большая часть всех подаваемых на вход последовательностей символов будет по длине меньше максимально возможной. Логика CTC Loss позволяет достаточно быстро выбрать строку, которая наиболее вероятно является транскрипцией текста для входной картинки.

Затем начинается этап по исправлению ошибок с помощью языковой модели. На данном этапе происходит финальное формирование текстовой строки с транскрипцией рукописного текста на входном изображении.

Для этого из сырой строки, полученной на предыдущем шаге, удаляются пустые символы, а также исправляются ошибки при распознавании. Для этого используется языковая модель, обученная на коллекции текстов XVII в. Коллекция была предложена организаторами соревнования GramEval20209. Данная языковая модель может исправлять ошибки, допущенные основной моделью при распознавании, используя знания о словах и языковых формулах, которые употреблялись в XVII в.

Полная аппаратная схема распознавания представляет собой последовательность из нейронной сети, состоящей из нескольких CNN-блоков, за которыми следует модуль рекуррентных слоёв, а затем включается модуль CTC Loss. Такая структура называется CRNN. Количество настраиваемых параметров используемой нейронной сети составило 7 948 733 (рис. 4).

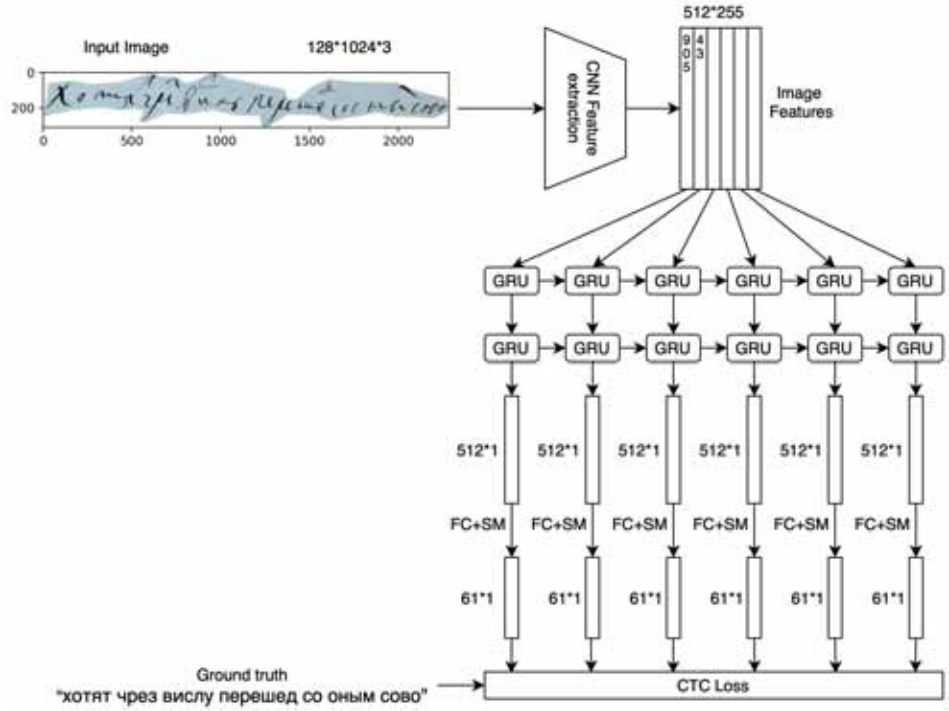


Рис. 4. Полная схема алгоритма

Предложенный алгоритм распознавания можно улучшить с помощью некоторых, разработанных рабочей группой «Сбера», методов аугментации:

- симуляции зачёркиваний (Blots Augmentation[1]);
- генерации новых строк (StackMix[2]).

Необходимость в создании аугментации по симуляции зачёркиваний (Blots Augmentation) появилась в ходе анализа размеченного набора рукописей (рис. 5). Некоторые символы и строки были зачёркнуты и почти не различимы, но разметка у данных символов была.

Рис. 5. Симуляция зачеркиваний в рукописном тексте

При распознавании подобных символов качество работы модели изначально было достаточно низким, поэтому в обучающую выборку были добавлены дополнительные символы, на которых были симулированы подобные зачёркивания (рис. 6).

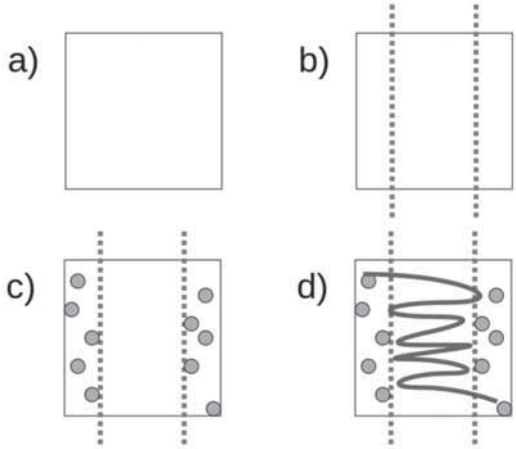


Рис. 6. Графическое описание алгоритма симуляции зачёркиваний
a) определение области зачёркивания; b) определение области для создания точек; c) генерация случайных точек; d) визуализация кривой Безье на основе сгенерированных точек

Для генерации новых строк используется алгоритм StackMix. С помощью генерации новых строк увеличивается размер обучающей выборки для основной модели и тем самым увеличивается качество её работы.

Ниже приведён пример генерации первой страницы книги Дж. Роулинг «Гарри Поттер и Философский камень» почерком Петра I с помощью StackMix (рис. 7).

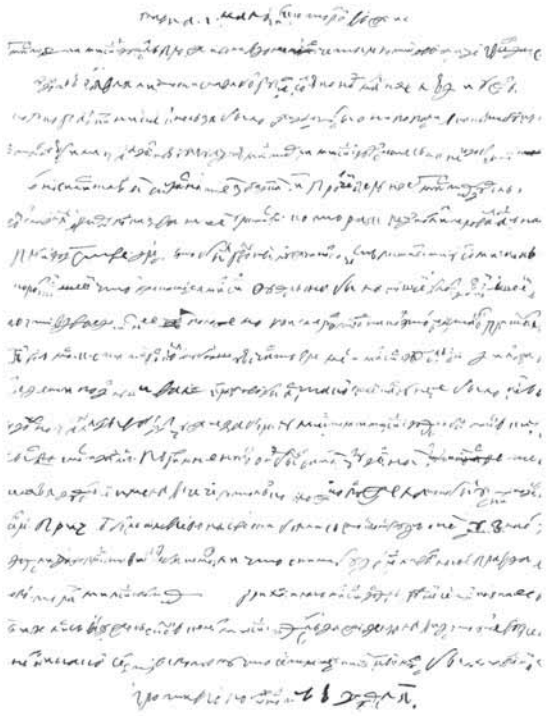


Рис. 7. Генерация первой страницы книги Дж. Роулинг «Гарри Поттер и Философский камень» почерком Петра I

Для оценки качества распознавания используются следующие метрики:

1. CER – character error rate:

$$\mathrm{CER} = \frac{\sum_{i=1}^{n} \mathrm{dist}_c(\mathrm{pred}_i, \mathrm{true}_i)}{\sum_{i=1}^{n} \mathrm{len}_c(\mathrm{true}_i)}$$

Здесь $dist_c$ – это расстояние Левенштейна, подсчитанное для токенов-символов (включая пробелы), len_c – длина строки в символах.

2. WER – word error rate:

$$\mathrm{WER} = \frac{\sum_{i=1}^{n} \mathrm{dist}_w(\mathrm{pred}_i, \mathrm{true}_i)}{\sum_{i=1}^{n} \mathrm{len}_w(\mathrm{true}_i)}$$

Здесь $dist_w$ – это расстояние Левенштейна, подсчитанное для токенов-слов, len_w – длина строки в словах.

3. String Accuracy – метрика, показывающая, сколько полных строк (в процентах) было распознано идеально правильно, то есть полностью без ошибок (включая пробелы):

$$\text{String Accuracy} = \frac{\sum_{i=1}^{n} [\text{pred}_i = \text{true}_i]}{n}$$

В этой формуле используется скобка Айверсона:

$$[x = y] = \begin{cases} 1, & x = y, \\ 0, & x \neq y \end{cases}$$

В формулах выше n – размер тестовой выборки, $pred_i$ – это строка из символов, которую распознала модель на -ом изображении, а $true_i$ – это истинный перевод i-ого изображения, произведённый экспертом.

В таблице 1 показаны значения метрик, которые имеет последняя версия модели.

	Datasets					
	BenthamR0			IAM-B		
	CER, %	WER, %	ACC, %	CER, %	WER, %	ACC, %
base	2.99 ± 0.06	11.8 ± 0.3	52.1 ± 0.8	5.80 ± 0.08	18.9 ± 0.2	29.3 ± 0.4
augs	2.85 ± 0.05	11.3 ± 0.1	52.8 ± 1.0	5.43 ± 0.04	17.8 ± 0.1	30.7 ± 0.5
blots	2.27 ± 0.04	9.5 ± 0.2	57.0 ± 0.4	4.59 ± 0.03	15.0 ± 0.1	36.4 ± 0.5
stackmix	2.08 ± 0.03	9.0 ± 0.1	58.2 ± 0.8	4.90 ± 0.07	16.4 ± 0.2	35.2 ± 0.5
all	**1.73 ± 0.02**	**7.9 ± 0.1**	**61.9 ± 1.1**	**3.77 ± 0.06**	**12.8 ± 0.2**	**43.6 ± 0.6**
	Digital Peter			IAM-D		
	CER, %	WER, %	ACC, %	CER, %	WER, %	ACC, %
base	4.44 ± 0.02	24.3 ± 0.2	43.7 ± 0.5	4.55 ± 0.06	14.5 ± 0.2	35.5 ± 0.7
augs	4.15 ± 0.04	23.0 ± 0.2	45.7 ± 0.4	4.38 ± 0.04	14.0 ± 0.2	36.3 ± 0.6
blots	3.39 ± 0.04	19.3 ± 0.4	51.9 ± 0.4	3.70 ± 0.03	11.8 ± 0.1	42.3 ± 0.6
stackmix	3.40 ± 0.05	19.2 ± 0.3	51.6 ± 0.7	3.77 ± 0.04	12.3 ± 0.1	42.4 ± 0.8
all	**2.50 ± 0.03**	**14.6 ± 0.2**	**60.8 ± 0.8**	**3.01 ± 0.02**	**9.8 ± 0.1**	**50.7 ± 0.3**
	HKR			Saint Gall		
	CER, %	WER, %	ACC, %	CER, %	WER, %	ACC, %
base	6.71 ± 0.18	22.5 ± 0.3	71.1 ± 0.5	4.71 ± 0.05	32.5 ± 0.3	2.2 ± 0.5
augs	6.67 ± 0.24	21.5 ± 0.3	72.2 ± 0.2	4.49 ± 0.11	31.3 ± 0.5	3.4 ± 0.7
blots	7.40 ± 0.26	23.0 ± 0.5	72.6 ± 0.4	4.08 ± 0.03	28.1 ± 0.2	4.6 ± 1.1
stackmix	3.69 ± 0.13	14.4 ± 0.4	80.0 ± 0.3	4.06 ± 0.12	28.8 ± 0.8	6.1 ± 0.8
all	**3.49 ± 0.08**	**13.0 ± 0.3**	**82.0 ± 0.5**	**3.65 ± 0.11**	**26.2 ± 0.6**	**11.8 ± 2.0**

Таб. 1. Значения метрик последней версии модели

где:

- «base» – эксперименты без аугментации;
- «augs» – стандартные аугментации (CLAHE, JpegCompression, Rotate);
- «blots» – эксперименты с разработанной аугментацией HandWrittenBlot;
- «stackmix» – эксперименты с добавлением данных с помощью StackMix;
- «all» – с использованием всех предыдущих аугментаций (аугментации + blots + stackmix).

Исходя из данных Таблицы 1 можно сделать вывод о том, что добавление аугментаций, в том числе и StackMix с Blots Augmentation, позволило увеличить не только качество распознавания текста на датасете (наборе данных) Digital Peter, но и на сторонних датасетах в открытом доступе.

Данная модель была представлена как бейзлайн построчного распознавания рукописного текста Петра I в рамках соревнования AI Journey 2020 [3]. Также модель последней версии лежит в основе веб-сервиса Digital Пётр https://fusionbrain.ai/digital-petr/, который позволяет в режиме реального времени распознавать рукописи Петра I [4]. Данный сервис позволяет как загрузить рукопись для распознавания, так и просмотреть результат уже распознанных рукописей в удобном формате (рис. 8).

Рис. 8. Пример работы сервиса Digital Пётр

Также возможность распознать рукопись Петра I доступна в онлайн режиме на платформе Hugging Face [5].

Для генерации синтетических текстовых данных успешно также используется ScrabbleGAN [6]. Он по аналогии с StackMix позволяет создавать синтетические текстовые данные универсальных по стилю и лексике на основе оригинальных данных. В основе ScrabbleGAN лежит генеративная модель, которая может генерировать изображения рукописных слов с произвольной заданной длинной. Кроме того, данный подход позволяет создавать изображения слов с новой лексикой, написанных почерком, соответствующим почерку из обучающей выборки (рис. 9).

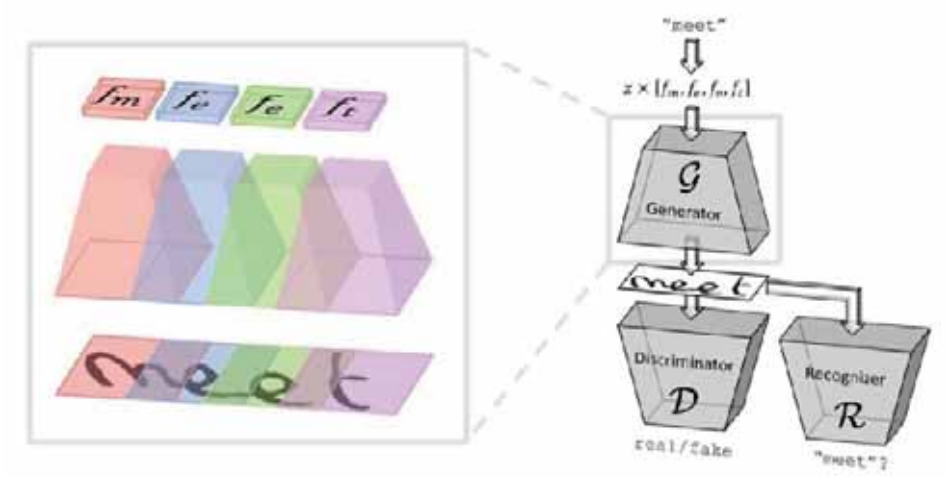


Рис. 9. Генерация синтетических текстовых данных (ScrabbleGAN)

Разработанная и обученная на рукописях Петра I нейронная сеть CRNN + CTC Loss может быть применена не только для распознавания древних рукописей, но и любого рукописного текста в целом без внесения существенных корректировок в архитектуре и в обучении модели. Пример распознавания рукописного текста на основе полученной модели можно увидеть на ресурсе https://huggingface.co/spaces/sberbank-ai/NotebooksRecognition [7].

Во время реализации проекта, посвящённого автографам Петра I, алгоритм протестировали на скорописных документах второй половины XVII в. (транскрибированы и размечены 3500 строк). Искусственный интеллект показал высокую точность распознавания текстов (95,8%). Результатами этой работы в настоящее время нельзя воспользоваться, так как сайт, созданный в рамках проекта «Автографы Петра Великого: Чтение технологиями искусственного интеллекта» рассчитан исключительно на расшифровку петровских рукописей, и при загрузке других документов программа не работает. Однако за время работы над проектом научные сотрудники СПбИИ РАН получили ценный опыт формирования наборов данных, необходимых для обучения алгоритма. Этот опыт может быть использован в будущем для создания новых моделей, ориентированных на машинное чтение текстов различных эпох и алфавитов.

Машинное чтение рукописных текстов разных эпох – перспективное направление развития архивного дела. С одной стороны, оно существенно облегчает доступ к богатому архивному наследию нашей страны для самого широкого круга пользователей, а с другой – позволяет производить быстрый поиск в тексте пространного архивного документа. Можно надеяться, что со временем технологии чтения архивных документов с привлечением искусственного интеллекта станут составляющей государственной программы по оцифровке архивного наследия нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

Базарова Т.А., Димитров Д.В., Потанин М.С. Распознать и транскрибировать. Автографы Петра Великого // Вестник «Воронцово поле». 2020. № 4. – С. 64–71.

Базарова Т.А., Потанин М.С., Проскурякова М.Е. «…Он нисколько не заботился о синтаксисе». Может ли искусственный интеллект прочитать письма Петра Первого? // Родина. 2022. № 6 (Июнь). – С. 112–115.

Базарова Т.А., Проскурякова М.Е. Автографы Петра I: чтение технологиями искусственного интеллекта и создание электронного архива // Историческая информатика. 2022. № 4 (42). – С. 179–190.

Богословский М.М. Пётр Великий по его письмам // Пётр Великий: pro et contra. – СПб., 2003. – С. 1–35 (Электронная библиотека серии «Русский путь: pro et contra»). [электронная статья]. URL: http://russianway.rhga.ru/section/katalog/pyetr-velikiy.html (дата обращения: 25.01.2022).

Бумаги императора Петра I / Изданы акад. А. Бычковым. – СПб., 1873.

Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. – М., 1788. Ч. 1.

Письма и бумаги императора Петра Великого. – СПб., 1887. Т. 1; – Пг., 1918. Т. 7. Вып. 1; – М.-Л., 1946. Т. 7. Вып. 2; – М., 2022. Т. 14. Вып. 1.

Письма Петра Великого, писанные к генерал-фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметеву. – М., 1774.

Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого / Изданное трудами и иждивением Феодора Туманского. – СПб., 1787. Ч. 1.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. – СПб., 1858. Т. 1–3; 1863. Т. 4. Ч. I-II; 1859. Т. 6.

Correspondance de Napoléon I / publ. par ordre de l’empereur Napoléon III. Paris, 1858–1870. Т. 1–32.

[1] https://dl.acm.org/doi/abs/10.1145/3476887.3476892
[2] https://www.computeroptics.ru/KO/PDF/KO46–3/460312.pdf
[3] https://ai-journey.ru/contest/task01
[4] https://fusionbrain.ai/digital-petr/
[5] https://huggingface.co/spaces/sberbank-ai/PeterRecognition
[6] https://arxiv.org/abs/2003.10557
[7] https://huggingface.co/spaces/sberbank-ai/NotebooksRecognition

Новое издание романа А.Н. Толстого «Пётр Первый»: проблемы текста и научного комментария

Г.Н. Воронцова, А.С. Акимова

Аннотация. *В центре внимания авторов статьи новое научное издание романа А.Н. Толстого «Пётр Первый», подготовленное в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН. В процессе работы над ним впервые были сверены и проанализированы все печатные тексты произведения, а также сохранившиеся автографы и авторизованные машинописи, что позволило воссоздать и проследить историю создания романа. Тексты трёх книг «Петра Первого», выбранные в качестве основного источника, были критически прочтены подготовителями, что стало основой для внесения в текст первой книги – 141-го исправления, второй книги – 37-ми исправлений, третьей книги – 16-ти исправлений. В статье проанализированы различные аспекты, связанные с подготовкой текста романа и разделов научного комментария: историко-литературного, текстологического, критического и реального.*

Ключевые слова: *А.Н. Толстой, роман «Пётр Первый», новое издание, текстология, научный комментарий.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.008

«“Пётр” – первый в нашей литературе настоящий исторический роман, книга – надолго»
(Из письма А.М. Горького А.Н. Толстому от 17 февраля 1933 г.)

«Я очень тронут присылкой Вашего “Петра I”. Прочел, вернее, перечел <…> эту гигантскую замечательную эпопею. Я восхищен мощью, неисчерпаемой творческой щедростью Вашего таланта»
(Из письма Р. Роллана А.Н. Толстому от 10 октября 1937 г.)

Тема Петра Первого и его эпохи стала сквозной для творчества русского писателя Алексея Николаевича Толстого. Впервые обратившись к ней в неопубликованном поэтическом наброске «Чёрный всадник» (1909; первоначальное название «Пётр»), писатель закончил свой путь в литературе работой над третьей книгой романа «Пётр Первый». В промежутке между двумя этими точками, отправной и завершающей, были написаны рассказы «Первые террористы (Извлечения из дел Преображенского приказа)» (1918) и «Наваждение» (1918), повесть «День Петра» (1918), пьеса «Пётр Первый» («На дыбе»; 1929), две первые книги романа «Пётр Первый» (1929–1934). Прозвучала Петровская тема и в романе писателя «Хождение по мукам» (1919–1922), положившем начало одноименной трилогии. В прологе к произведению от двухсотлетней истории Петербурга, «чужого всему живому», построенному «точно в бреду, наспех», писатель переходит к его современному состоянию, «напряжённой и озабоченной жизни»,

к разобщению центральной руководящей силы и «духа города», претворённой в «дух разрушения», который «был во всём». Однако то, что в начале романа было выписано как последние дни бытия, на завершающих страницах получает новый импульс и, как следствие, новый вектор развития. Именно к строительству Петербурга, как к грандиозному деянию, апеллирует Иван Ильич Телегин, пытаясь отыскать точку опоры в историческом прошлом страны, когда «опустошена и безлюдна была Россия»: «В эти тяжкие дни к обугленным стенам Москвы, начисто разорённой и выпустошенной и с великими трудами очищенной от воров, к огромному этому пепелищу везли на санях по грязной мартовской дороге испуганного мальчика, Михаила Романова, выбранного <…> в цари московские. А внук этого мальчика, которого силой в Москву на санях притащили, Петербург построил…» [*Толстой*, 2012: 252].

К личности первого русского императора обращался Толстой в своём открытом письме Н.В. Чайковскому, написанном весной 1922 г., примерно за год до его возвращения из эмиграции на родину: «И совесть меня зовёт не лезть в подвал, а ехать в Россию и хоть гвоздик свой собственный, – но вколотить в истрёпанный бурями русский корабль. По примеру Петра» [Переписка А.Н. Толстого, 1989. Т. 1: 309].

К новому для себя жанру, исторической прозе, писатель обратился в первые пореволюционные годы в результате сознательных поисков аналогий современным российским событиям в истории страны. В статье «То, что нам надо знать» (1918) он писал: «Последние годы научили истине: я не знаю даже того, что должно случиться через минуту, через мгновение. Перед моими глазами тёмная, неощутимая как воздух, и непроглядная, как ночь, завеса. Я слышу в этой темноте грузный шаг истории, ураган ревёт во всех снастях, но к какому берегу бежит корабль, что там, куда до боли я всматриваюсь – не знаю. Тогда невольно я обращаюсь назад, гляжу в прозрачную тишину прошедшего» [*Толстой*, 2012: 274].

Временем, в котором Толстой искал «разгадки русского народа и русской государственности» [*Толстой*, 1982: 44], и стала эпоха Петра Великого. На протяжении 1917–1918 гг. были написаны повесть «День Петра», рассказы «Наваждение» и «Первые террористы». И если два последних – всего лишь эскизы, отражающие знакомство с темой, то «День Петра» – веха в художественном творчестве писателя.

Спустя много лет, Толстой признавался, что произведение было написано «под влиянием Мережковского» [*Толстой*, 1986: 201], автора известного романа «Пётр и Алексей» (1904–1905) из трилогии «Христос и Антихрист». Потому и вынесены в нём на первый план повествования проблемы исторического одиночества Петра, несоответствия его преобразований самобытности русского народа: «О добре ли думал хозяин, когда с перекошенным от гнева и нетерпения лицом прискакал из Голландии в Москву <…> Разве милой была ему родиной Россия? С любовью и скорбью пришёл он? Налетел досадный, как ястреб: ишь угодье какое досталось в удел, не то, что у курфюрста бранденбургского, у голландского штатгальтера. Сейчас же в этот день всё перевернуть, перекроить, обстричь бороды, надеть всем голландский кафтан, поумнеть, думать начать по-иному. Чтобы духу не было

противного русского. И при малом сопротивлении – лишь заикнулись только, что, мол, не голландские мы, а русские, избыли, мол, и хазарское иго, и половецкое, и татарское, не раз кровью и боками своими восстановляли родную землю, не можем голландцами быть, смилуйся. – Куда тут. Разъярилась царская душа на такую самобытность и полетели стрелецкие головы» [*Толстой*, 1918: 193].

Но уже в рамках этого популярного для начала XX века взгляда на Петровскую эпоху заметны сомнения автора в его категоричности. В финале произведения Пётр предстаёт у Толстого человеком, на чьи плечи «свинцовой тягой» легло «бремя этого дня и всех дней прошедших и грядущих», взявшим на себя «непосильную <…> тяжесть: одного за всех» [*Толстой*, 1918: 214].

Впоследствии, по мере работы над текстом повести в её различных вариантах, позиция писателя становилась всё более противоречивой, но вместе с тем и более многомерной. Всё ближе оказывался Толстой к признанию исторических заслуг Петра перед русским государством. В романе «Пётр Первый», работа над которым началась в конце 1920-х гг., он сделал попытку, не снимая противоречий, уравновесить два противоположных взгляда на личность и дело Петра Великого, сформированных на протяжении двух веков в недрах русской общественной мысли, что в конечном итоге соответствовало наиболее трезвым концепциям осмысления Петровской эпохи, созданным русской исторической наукой XIX века[1].

Роман «Пётр Первый», структурно объединяющий три книги, был написан в период с 1929 по 1945 гг. Хронологически он охватывает события русской истории с 1682 по 1704 гг. Произведение начинается временем конца правления старшего брата Петра, царя Фёдора Алексеевича, и завершается взятием русскими войсками Нарвы. В поле зрения писателя – борьба за трон Петра и Софьи, эпоха стрелецких бунтов, Крымские и Азовские походы Василия Голицына и Петра I, путешествие царя в Европу в 1697–1698 гг., строительство русского флота и Санкт-Петербурга, начальный период Северной войны.

Все три книги романа были впервые опубликованы в московском журнале «Новый мир» в 1929–1930 гг. (первая книга), 1933–1934 гг. (вторая книга) и 1944–1945 гг. (третья книга)[2]. На протяжении 1930-х гг. две первые книги «Петра Первого» неоднократно переиздавались в издательствах «Прибой», «Федерация», «Издательстве писателей в Ленинграде», Государственном издательстве и др.; входили в состав трёх собраний сочинений Толстого: двух в 15-ти томах (М.; Л.: Государственное издательство, 1927–1931; М.:

[1] Показателен отзыв историка С.Ф. Платонова о повести «День Петра» и рассказе Б.А. Пильняка «Его Величество Kneeb Piter Komondor», который, вероятно, был принят Толстым во внимание при работе над романом «Пётр Первый». В предисловии к своей книге «Пётр Великий. Личность и деятельность» Платонов писал: «И там и здесь “его величество” является грязным и больным пьяницей, лишённым здравого смысла и чуждым всяких приличий». При этом он замечал: «Удивительно, однако, что в наши годы, когда историческая наука достигла уже некоторых точных и бесспорных выводов в изучении так называемой “эпохи Петровских преобразований”, в русской беллетристике, с полною свободою от науки, прежний “образ великого преобразователя” обратился в грубую пасквильную карикатуру, и таким образом длительная добросовестная работа многих учёных исследователей оказалась оставленной в полном пренебрежении» [*Платонов*, 1926: 3].

[2] Одновременно в те же годы третья книга «Петра Первого» печаталась в журнале «Звезда».

Недра, 1929–1930) и одного в 8-ми томах (Л.: Художественная литература, 1934–1936). Целый ряд этих изданий содержит авторскую правку, что свидетельствует о продолжавшейся работе над этой частью романа после её публикации в «Новом мире».

Три книги «Петра Первого», как единое целое, были впервые напечатаны в составе Полного собрания сочинений А.Н. Толстого в 15-ти томах, вышедшего уже после смерти писателя, в 1946–1953 гг. Именно в этом издании под редакцией А.С. Мясникова, А.Н. Тихонова и Л.И. Толстой были заложены основы эдиции произведения во все последующие годы. Текст «Петра Первого» в нём был воспроизведён для первой и второй книг по исправленному автором изданию романа 1937 г. (Л.: Государственное издательство художественной литературы), для третьей книги – по исправленному тексту журнала «Новый мир» [*Толстой*, 1946. Т. 9: 783].

Дело в том, что в 1944 г., уже будучи тяжело больным, Толстой предпринял подготовку нового издания «Петра Первого», куда бы вошли все три книги произведения. С этой целью он решил внести изменения в текст двух первых книг романа, работая с изданием 1937 г. и доведя правку до второй подглавки пятой главы первой книги включительно. Исправления были внесены и в четыре первые главы третьей книги. Именно этот текст и был обнародован в первом посмертном собрании сочинений писателя, став эталонным для всех последующих изданий произведения.

В процессе подготовки нового научного издания романа впервые были сверены и проанализированы все его печатные тексты, как в периодике, так и в отдельных изданиях и изданиях в составе собраний сочинений, а также его сохранившиеся автографы и авторизованные машинописи, что позволило воссоздать историю создания произведения.

Корпус рукописных и машинописных источников романа представляет собой собрание творческих планов, предварительных записей, набросков сцен и эпизодов, черновых и беловых автографов, а также авторизованных машинописей отдельных глав и книг «Петра Первого», гранок и авторских корректур, – которое рассредоточено ныне по нескольким архивохранилищам. Речь идёт о фондах Толстого в Отделе рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и некоторых других.

К числу самых ранних документов относятся черновой набросок финала первой книги романа и черновые автографы фрагментов первой и седьмой глав первой книги, сохранившиеся в составе альбома П.Н. Медведева, главного редактора Ленинградского отделения Гослитиздата в 1930-е гг.

Значение рукописей и авторизованных машинописей чрезвычайно велико для изучения допечатных вариантов текста «Петра Первого», а значит и того пути, который прошёл писатель, работая над образами и характерами героев, сюжетными линиями и композицией произведения. Как правило, в набросках и черновых автографах Толстой лишь намечал общий абрис сцен и эпизодов, диалогов и пейзажных зарисовок, который в дальнейшем насыщался дополнительными очевидными и подтекстовыми смыслами. Художе-

ственная фраза при этом приобретала ту форму, которая более всего соответствовала стилю и интонации повествования. Так, в одном из автографов седьмой главы первой книги романа, в которой речь идёт о начальном этапе строительства русского флота, был абзац: «Азов был взят на другой год. Всю зиму на верфях под Воронежем тысяч тридцать, согнанных со всей России рабочих, спустили суда по иноземным чертежам. Пётр только показался в Москве после азовского невзятия и уехал в Воронеж. С огромными трудностями пришлось доставлять лес и все припасы»[3]. В окончательном тексте седьмой главы, опубликованной в журнале «Новый мир», он приобрёл следующий вид: «После азовского невзятия он только показался в Москве, где все хихикали: “Это тебе, мол, не кожуховская потеха”, – тотчас уехал в Воронеж. Туда со всей России начали сгонять рабочих и ремесленников. По осенним дорогам потянулись обозы» [*Толстой*, 1930: 79].

Хорошо известны приёмы работы Толстого над своими произведениями, в том числе и над романом «Пётр Первый». В одном из интервью 1930-х писатель рассказывал: «Пишу я не быстро: две страницы в день на машинке <…> Машинка мне совершенно необходима, чтобы почувствовать, глядя на печатный текст, что материал как бы отделился от меня, объективировался. Только тогда я могу отнестись к нему критически. А если я пишу от руки, то просто не вижу ошибок, не чувствую стиля» [*Танк*, 1934: 1]. Таким образом, сохранившиеся автографы и авторизованные машинописи дают представление о разных по своей сути этапах работы над текстом «Петра Первого».

Другой особенностью творческой манеры Толстого являлась постоянная, в течение длительного времени работа над своими уже опубликованными произведениями, чему он придавал большое значение. На вопрос, меняет ли он текст при последующих изданиях, писатель отвечал: «Да, сколько изданий – столько и текстов. Некоторые романы (“Чудаки”, “Хромой барин”) по три раза переписывал заново. Брошу переделывать, когда дело пойдёт под гору, но – покуда вижу ошибки, значит ещё расту» [*Толстой*, 1949: 146]. В связи с этим основной источник текста «Петра Первого» выбирался с учётом завершённости работы писателя над книгами романа в том или ином издании.

Было установлено, что работа над первой и второй книгами продолжалась Толстым соответственно до 1933 и 1934 г., до их выхода в свет в Ленинградском отделении Государственного издательства. Эти издания и были приняты в качестве основного источника текста для первой и второй книг произведения. Третья книга «Петра Первого», публиковавшаяся в журналах «Новый мир» и «Звезда» в 1944 и 1945 гг. и оставшаяся незавершённой, в новом издании будет воспроизведена по тексту «Нового мира» без учёта незаконченной правки 1944 г.

Незаконченная авторская правка в издании 1937 года, которая при жизни Толстого не была обнародована и соответственно не стала фактом литературного процесса, описана и проанализирована в научном комментарии. При этом все исправленные тогда писателем ошибки учтены в основном тексте произведения.

[3] ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 255. Л. 1.

После изданий 1933–1934 гг., где зафиксирована последняя авторская правка, две первые книги романа были напечатаны в различных издательствах ещё девять раз. И в каждом из них текст произведения правился редакторами и корректорами. Основным направлением этой правки было освобождение «Петра Первого» от архаизмов, славянизмов, просторечий, что, в совокупности, наносило существенный урон произведению. По этой причине в качестве основного источника они не рассматривались.

Тексты трёх книг романа, выбранные в качестве основного источника, были критически прочтены подготовителями. Их тщательная сверка с предыдущими изданиями, сохранившимися автографами и авторизованными машинописями стала основой для внесения в текст первой книги – 141-го исправления, второй книги – 37-ми исправлений, третьей книги – 16-ти исправлений. Все они направлены на устранение накопившихся в тексте произведения опечаток, которые привели к искажению, либо утрате первоначального смысла отдельных слов и словосочетаний, а также пока ещё немногочисленных случаев неправомерной редакторской и корректорской правки, носившей, как правило, нормативный характер.

Так, до издания 1932 г. в первой книге стрельцы во время бунта кричали: «Выдайте нам Матвеева и Нарышкиных». Во всех последующих изданиях: «Выдайте нам Матвеевых и Нарышкина», – что по смыслу неверно. О царевне Софье в народе говорили: «Правительница Софья спит и видит обвенчаться с Голицыным». Начиная с издания 1932 г. – «Правительница Софья сидит и видит обвенчаться с Голицыным». Или, в одной из сцен с участием Василия Волкова и Александра Меншикова упоминалось: «Но, вскочив за Алексашкой в сени, он <Волков> повис у царского аманта на руке». Слово «амант» Толстой употребил здесь в значении «близкий друг». Однако в 1933 г. в результате ли грубой опечатки, или желания избавиться от слова, которое имеет ещё одно значение – «любовник», – оно трансформировалось в «атаман», что обессмыслило всю фразу.

Во второй книге романа, рассказывая о князе Романе Борисовиче Буйносове, Толстой писал: «Князь Роман Борисович угрюмо поглядел на платье, брошенное с вечера на лавку: шерстяные поперёк полосатые чулки, портки короткие, – жмут спереди и сзади, – зелёный, как из жести, кафтан с галуном». В издании 1934 г., видимо по недосмотру, пропало слово «портки» и замечание «короткие, – жмут спереди и сзади» стало относиться к «шерстяным поперёк полосатым чулкам».

Фраза «Подошли они ночью по льду, выломали монастырские ворота, связали монахов, настоятеля посадили в подвал» лишилась слова «связали», что привело к возникновению нового смысла, не предусмотренного автором.

К числу ошибок относятся также «седые стриженые волосы задвигались <u>под низким лбом</u>» вместо правильного «седые стриженые волосы задвигались <u>над низким лбом</u>», «широко <u>развёл</u> рот» вместо «широко <u>разевал</u> рот», «<u>тёмный</u>, надменный» вместо «<u>томный</u>, надменный», «мерин с большими <u>усами</u>» вместо «мерин с большими <u>ушами</u>», «заревел во все <u>непутные</u> губы...» вместо «заревел во все <u>Нептуньи</u> губы...» и т. п., – исправленные в процессе подготовки текста.

Иногда утрата всего лишь одной запятой приводила к возникновению нового, далеко не всегда корректного смысла. В одном из предложений первой главы первой книги шло перечисление: «Народ валом валил вдоль узкой навозной улицы, – бабы, холопы, посадские, попы». В основном источнике, в издании 1933 г., исчезла запятая между словами «посадские» и «попы», в результате чего возникло неверное словосочетание «посадские попы».

Примером нормативной правки начала 1930-х гг. может служить замена слова «деньгу» – «норовит сунуть деньгу за щёку» – на «деньги», которая не только обедняла текст, но и привела к возникновению нового смысла.

Все эти искажения во всей своей совокупности, а в процессе подготовки текста романа в него было внесено около 200 исправлений, наносили существенный урон произведению, и смыслового, и стилистического характера.

Научный комментарий к «Петру Первому» в новом издании состоит из четырёх больших разделов: историко-литературного, текстологического, критического и реального (примечаний).

Полноценная история создания и публикации текста первой книги романа была бы невозможна без тщательного анализа переписки Толстого с главным редактором журнала «Новый мир» В.П. Полонским, которая носила не только деловой, но и творческий характер. В этих письмах писатель делился с Полонским подробными планами работы над произведением и трудностями их воплощения, высказывал оценки эпохи, о которой шла речь в «Петре Первом», и её героях.

Так, 22 февраля 1929 г. Толстой лаконично сообщал редактору «Нового мира»: «…не писал Вам так давно, потому что готовился к серьёзнейшей и крайне ответственной вещи, – повести о Петре Первом. Теперь я начал её, хотя и с большим трудом, но пишу, и повесть начинает развёртываться так, как я того хотел» [Переписка А.Н. Толстого, 1989. Т. 2: 70]. А уже через два дня, 24 февраля, более подробно знакомил его со своей работой: «Дорогой Вячеслав Павлович, мне кажется, Вы будете довольны “Петром”, – лучшего я не писал. Но это так трудно, что иногда приходишь в отчаяние. Нужно переварить и освободиться <…> от огромного количества матерьяла» [Переписка А.Н. Толстого, 1989. Т. 2: 70].

14 января 1930 г. Толстой писал Полонскому о содержании новых глав первой книги «Петра Первого»: «Конец романа уже видится (т. е. первой книги): это характеристика унылого и бездарного времени правления Нат<алии> Кирилл<овны> и Пётр – весь в потехах, в наслаждениях и влияниях. Я хочу тронуть все слои – купечество, раскольников, разбойничью Русь и начало пролетарьята (Тульский завод Льва Кирилловича) и т. д. Далее – 6-я глава: Азовские походы, 7-я глава – Пётр в Голландии, 8-я глава – последний стрелецкий бунт и казнь стрельцов. На этом оканчивается 17-й век, рухнувший грудой ветхих и пыльных обломков. Обнажаются две основные силы, – западный торговый капитал и порождённые им центростремительные силы внутри России, – фокус Пётр, – абсолютизм, стремящийся захватить монополию на все отрасли жизни. Так начинается 18-й век. Но всё это бесконечно трудно, дорогой Вячеслав Павлович: “чёрт меня занёс в сию проклятую Московщину”…» [Переписка А.Н. Толстого, 1989. Т. 2: 86].

В границах текстологического раздела комментария выборочно представлены наиболее показательные примеры правки текста, начиная с автографов и авторизованных машинописей, а также планы и наброски к произведению из записных книжек Толстого. От издания к изданию прослеживаются характер и закономерности авторских исправлений, что способствует пониманию генезиса произведения.

Как показал анализ, более всего писатель работал над образом главного героя романа. Он последовательно смягчал описания приступов эпилепсии у Петра, вносил коррективы в изображение внешности царя и его поступков. Из текста постепенно исчезали такие выражения как «из маленького рта выбилась пена», «от судороги пена выступила на губах», «срывающийся голос», «Пётр грыз ноготь», сравнение Петра с «оглоблей» и т. п.

Коснулись исправления и лиц из ближайшего окружения Петра. Так, работая над изданием первой книги в издательстве «Прибой» (1930), Толстой скорректировал описание внешнего вида Алексашки Меншикова на именинах у Лефорта – «нагло красивый, длиннолицый, синеглазый», – заменив его на «синеглазый, наглый». В том же издании из характеристики Фёдора Юрьевича Ромодановского писатель убрал слова «богач и великий озорник». Рисуя внешний облик Артамона Сергеевича Матвеева, отказался от ряда снижающих деталей: «Матвеев мотнул квадратной, пего-седой бородой [, *отвислыми книзу щеками*]»; «Сдерживая гнев, трепетавший [*в мешках под глазами*] **в стариковских веках**»[4]. Внешность Бориса Алексеевича Голицына, напротив, дополнил и конкретизировал: «Румяный, с крупным носом, – под глазами дрожат припухлые мешочки, – **от закрученных усов,** от подстриженной**, с пролысинкой,** бородки несёт французскими духами».

Некоторые сцены и эпизоды были переписаны Толстым заново, например:

Город продолжал шуметь площадями и базарами. Казалось, про Софью забыли. Сухаревцы не пришли. Воевать решительно никто не хотел.	Но в городе как будто всё было покойно. Шумели, как всегда, площади и базары. По ночам слышались колотушки сторожей, да кричали петухи. Воевать никому не хотелось. Все, казалось, забыли про Софью, одиноко сидевшую за кремлёвскими стенами.

Уже эти примеры дают представление о том, как шлифовался писателем текст «Петра Первого», что позволило А.М. Горькому написать автору: «… читаю, восхищаюсь, – завидую. Как серебряно звучит книга, какое изумительное обилие тонких, мудрых деталей и – ни единой лишней!» [Переписка А.Н. Толстого, 1989. Т. 2: 203–204].

Особенности критического восприятия романа были обусловлены его многолетней историей создания. Первая книга произведения была написана и опубликована до Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О пере-

[4] Вычеркнутый текст набран светлым курсивом и заключён в квадратные скобки. Вставленный текст набран полужирным прямым шрифтом.

стройке литературно-художественных организаций» (1932), в связи с чем ей досталась изрядная доля и РАППовской, и вульгарной марксистской критики. Представитель последнего направления, Г.Е. Горбачёв, писал, что изображение живых людей в романе «Пётр Первый» стало свидетельством нерешительности Толстого «в выборе между подлинно материалистическим и идеалистическим художественным методом» [*Горбачёв*, 1931: 122], а марксизм писателя лишь фон для повествования о частных судьбах. Ему вторил «напостовец» Н.М. Иезуитов: «…характеристика связи “петровских преобразований” с интересами представителей торгового капитала должна была бы быть едва ли не основным историческим тезисом произведения» [*Иезуитов*, 1931: 23].

Вместе с тем первые отзывы о романе, в основном положительные, порой восторженные, принадлежали критикам русской эмиграции Г.В. Адамовичу, М.А. Алданову и А.П. Ладинскому, что свидетельствовало о том, что начало публикации нового романа Алексея Толстого стало событием не только в СССР. Сам исторический романист, Антонин Ладинский писал: «…с необычайным искусством, с неисчерпаемой изобретательностью <Толстой> передаёт общий ансамбль эпохи, и эта изобразительность почти никогда не граничит с олеографиями исторических романистов средней руки. Каким-то чутьем, каким-то Божьим даром, какой-то исторической дальнозоркостью наделила его судьба» [*Ладинский*, 1930: 247].

В середине 1930-х гг. после Постановления ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» в целом ряде «толстых» московских журналов были развернуты дискуссии, в центре которых предсказуемо оказался роман «Пётр Первый». В дискуссии в «Октябре», которая называлась «Социалистический реализм и исторический роман» (1934), приняли участие историки Г.С. Фридлянд и В.Т. Дитякин, литературные критики А. Лежнев, Д.П. Святополк-Мирский, И.Н. Бороздин, писатель Е.Л. Ланн. В журнале «Литературный критик» с дискуссионными статьями о произведении выступили литературовед Р.Д. Мессер и М.Ю. Левидов.

В 1935 г. состоялось обсуждение «Петра Первого» в Союзе советских писателей, итоги которого подвел Я.Н. Эйдельман в статье, где был представлен широкий спектр мнений о романе. Часть участников дискуссии (В.Р. Гриб, И.М. Беспалов, А. Лежнев, Р.Д. Мессер, М.И. Серебрянский, В.В. Ермилов, Г.И. Серебрякова и др.), по сообщению Эйдельмана, говорили не только о причинах ошибок Толстого, но и отметили «положительную тенденцию его художественного развития» [*Эйдельман*, 1935: 253]. Другие выступавшие – О.М. Брик, М.Ю. Левидов, Г.С. Фридлянд, Я.З. Черняк, В.Б. Шкловский, В.А. Катанян, И.М. Зельцер – «Петра Первого» не приняли. Так, например, Брик говорил: «Это не исторический роман, это лишь фантазия на историческую тему» [*Эйдельман*, 1935: 254]. Он фиксировал отсутствие в произведении идейной концепции, а Петра в романе рассматривал как царя-одиночку, отказывая другим героям в самостоятельности. Левидов называл «Петра Первого» «романом без героя», при создании которого автор увлёкся методом карикатурного

снижения образа, используя физиологические и натуралистические детали, и не показал Петра, «познавшего необходимость преобразований и сумевшего эти преобразования совершить» [*Эйдельман*, 1935: 254]. Шкловский обвинил Толстого в незнании истории России XVII в., её технической оснащённости, в приверженности «традиционной версии о второсортной стране», из которой «не вытекает Октябрьская революция» [*Эйдельман*, 1935: 254][5]. Черняк полагал, что идейная концепция в романе есть, но восходит она к буржуазной историографии. В выборе фактов Толстой идёт за Платоновым, в их освещении – за Соловьёвым, метод снижения, натуралистическое изображение Петра заимствует у К.Ф. Валишевского. Историки Фридлянд и Зельцер оценивали достоверность изображённых в романе исторических фактов. При этом Зельцер признавал, что в романе «мы имеем дело с “логикой развития самих событий”, а не со страстишками псевдо-исторической беллетристики, одетыми в декоративные одежды прошлого» [*Эйдельман*, 1935: 255]. Мессер, «наиболее горячий защитник романа», признавала органичность исторической концепции автора, тогда как другие отмечали её ограниченность, настаивая на том, что Толстой не показал «крестьянского революционного движения эпохи Петра», «не разобрался в противоречиях этой эпохи, не дал в романе тех предпосылок, которые предопределили появление Петра и его преобразования», и обвиняли автора в литературности трактовки образа главного героя [*Эйдельман*, 1935: 254]. При этом все участники дискуссии отмечали, что читателю роман «пришёлся по вкусу», в нём показан переломный период в истории страны, он построен сюжетно, а не хроникально и герои его «даны в связи с определёнными социальными конфликтами эпохи» [*Эйдельман*, 1935: 254]. Требования «методической чёткости», «твёрдой исторической концепции, построенной на фундаменте марксистско-ленинской теории», напрямую связывались с необходимостью завершения произведения «огромного, общественно и художественно очень значительного труда» [*Эйдельман*, 1935: 255].

Всего в процессе работы над научным комментарием было выявлено и проанализировано свыше 70 критических отзывов на произведение.

Кроме того, в поле зрения исследовательского коллектива находились отзывы о романе современников писателя в эго-документах: в дневниках и письмах, адресованных как самому Толстому, так и третьим лицам. К ним относятся: дневниковая запись И.А. Бунина, письма М. Горького и Р. Роллана Алексею Толстому, письма Ф.И. Шаляпина дочери, а также письмо Б.Л. Пастернака одной из своих корреспонденток, Р.Н. Ломоносовой, в котором содержится один из самых ранних откликов на публикацию произ-

[5] Впоследствии, под влиянием третьей книги, Шкловский изменил своё отношение к роману. 20 октября 1944 г. он писал Толстому: «Читаю Вашего “Петра”. У нас в литературе редко изображается любовь и счастье. Мы сразу начинаем с разлук, с неудач. У Вас первая влюблённая книга. Вся Петровская эпоха в основном освещена, как струны солнцем, – любовью <…> У Вас в романе достигнуто то, чего не умеют делать. В нём укрощено описанье – главное зло исторического романа. В романе ощущение времени и вещи кажутся существующими под руками – не столько видимыми, сколько осязаемыми <…> Если Вы сотворите Петра такого же осязаемого, с такой же вольностью освобождения от портрета, то Вы будете победителем в нашей величайшей литературе» [Переписка А.Н. Толстого, 1989. Т. 2: 380-381].

ведения: «…я в восхищенье от Толстовского “Петра” и с нетерпеньем жду его продолженья. Сколько живой лёгкости в рассказе, сколько мгновенной загадочности придано вещам и положеньям, именно той загадочности, которою дышит всякая подлинная действительность. И как походя, играючи и незаметно разгадывает автор эти загадки в развитии сюжета! Бесподобная вещь» [Пастернак, 2005: 375].

Одной из центральных проблем, решавшихся в процессе подготовки нового издания романа, была проблема реального комментирования текста «Петра Первого», что позволило очертить круг источников, которыми пользовался Толстой в работе над произведением. Соответствующий раздел научно-справочного аппарата содержит около двух тысяч откомментированных позиций.

Личная библиотека писателя, которая ныне хранится в Государственном музее истории российской литературы им. В.И. Даля, насчитывает около 200 книг по русской истории XVII-XVIII вв., среди которых целый ряд научных исторических трудов, издания писем Петра Первого и его современников, литература по истории Москвы и Санкт-Петербурга, мемуарная литература, художественные произведения и словари Петровской эпохи. Назовем лишь некоторые: *Брикнер А.Г.* История Петра Великого: в 5 ч. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1882. Ч. 1 и 2; *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого мудрого преобразователя России: в 15 т. М.: Тип. Николая Степанова, 1837–1843; *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях: в 2 т. Т. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1895; Т. 2: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1901; *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 10 кн. СПб.: А. Смирдин, 1851–1853; *Карамзин Н.М.* Сочинения. Т. 8, 9. СПб.: [Б. и.], 1835; *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. М.: Синодальная тип., 1906; *Ключевский В.О.* Курс русской истории: в 3 ч. М.: [Б. и.], 1908–1916; *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 3 кн. СПб.: Вестник знания, 1912–1913; *Орфелин З.* Житие и славные дела Петра Великого самодержца всероссийского. Ч. 1. Венеция: Тип. Димитрия Феодозия, 1772; *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времен. 3-е изд. СПб.: Т-во «Общественная Польза», [Б. г.]; *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого: в 6 кн. с атласом. СПб.: Тип. II-го Отд-ния Собств. Его. Имп. Вел. Канцелярии, 1858–1863; и многие др.

Примерно половина изданий по русской истории XVII-XVIII вв. из библиотеки писателя хранит его многочисленные подчеркивания и пометы, что существенно облегчило работу над научным комментарием «Петра Первого». Сам Толстой о собственных приёмах работы с книгой рассказывал: «Я не пользуюсь обычной картотекой, я просто подчёркиваю те места, которые мне нужны, и запоминаю, что в такой-то книге я должен найти то-то. Затем, когда охвачен весь период чтением, вы сужаете материал. Вы берёте отрезок времени – полгода, год – и смотрите, что в этот период произошло, какие события и какие материалы относятся к этим событиям» [*Толстой*, 1986: 225].

Характер использования источников произведения писателем необычайно разнообразен. Это и введение в текст романа прямых цитат из писем Петра и его окружения, и цитирование подлинных царских указов, и насыщение повествования подробностями событий, реальными персонажами, характерными словами и оборотами русского языка рубежа XVII-XVIII вв.

В основе общей канвы событий и характеристики эпохи в романе лежит целый ряд исторических сочинений. Так, воссоздавая картины первого стрелецкого бунта и годы правления царевны Софьи, писатель в большой мере опирался на труд С.М. Соловьёва «История России с древнейших времён», заимствуя из него не только фактический материал, но и черты исторических лиц, речевые обороты, а также блоки сведений, использованных им при описании быта крестьян, раскольников, спора об обрядовой стороне богослужения. Одновременно аналогичным образом писатель работал с сочинениями И.И. Голикова («Деяния Петра Великого») и Н.Г. Устрялова («История царствования Петра Великого»).

Труды Соловьева и Устрялова привлекались Толстым и для освещения Северной войны: взятия Нотебурга, неудачной осады Нарвы 1700 г. и штурма города в 1704 г. Писатель черпал в этих изданиях сведения справочного характера, такие как даты, состав и расположение войск, имена и чины командующих, названия нарвских бастионов и т. п., а также различные подробности описываемых событий. Читая «Историю» Устрялова, он уделил особое внимание действиям конницы под руководством Б.П. Шереметева, бегству Петра после поражения под Нарвой и его распоряжениям по укреплению Новгорода, а также распространявшимся по Европе слухам о ходе Северной войны. Отмечены Толстым параграф «Опустошение Лифляндии», раздел о взятии Мариенбурга, факты биографии и описание внешности Екатерины, Меншикова, дипломата Иоганна Рейнгольда Паткуля, сведения о найме иностранных шлюзных мастеров и начале строительства «Осударевой дороги» в августе 1702 г.

В работе над образами исторических лиц писатель использовал их биографии из книг: Картина жизни и военных деяний российско-императорского генералиссима, князя Александра Даниловича Меньщикова, фаворита Петра Великого: в 3 ч. М.: Унив. тип., 1809; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого. М.: Тип. Н.С. Всеволожского, 1812. Последнее издание снабжено гравированными портретами Петра I и его сподвижников (Ф.Я. Лефорта, Ф.Ю. Ромодановского, Б.П. Шереметева, Ф.А. Головина и др.), которые также, видимо, были востребованы писателем для создания портретных характеристик персонажей.

Обращался Толстой и к разного рода запискам и дневникам, путевым заметкам и мемуарам. В конспекте своих выступлений начала 1930-х гг. он писал: «Об исторических матерьялах. Мемуары современников Петра, русских и иностранцев. Это – Корб, видевший своими глазами страшные казни стрельцов в Москве. Корнелий де Бруин, объехавший всю Россию. Юлий Юст, Берхольц, князь Куракин, Письма и записки сподвижников Петра, Письма и бумаги самого Петра. Гравюры и зарисовки того времени. И

прочее и прочее»[6]. Во всех трёх книгах «Петра Первого» возможно обнаружить следы таких сочинений, как: *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906; *Гордон П.* Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время его шведской и польской служб от 1655 до 1661 г. и во время его пребывания в России от 1661 до 1699 г. Ч. 1–2. М.: Унив. тип., 1892; *Корнелий де Бруин*. Путешествие через Московию. М.: Имп. общ. истории и древностей рос. при Моск. унив., 1873; Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. СПб.: Тип. Имп. Рос. Академии, 1840; *Крекшин П.Н.* Краткое описание славных и достопамятных дел Петра Великого, его знаменитых побед и путешествий в разные европейские государства. СПб.: Имп. тип., 1788.; *Куракин Б.И.* Гистория о Петре I и ближних к нему людях. 1682–1695 гг. // Русская старина. 1890. № 10. Т. 68.; Архив князя Ф.А. Куракина. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1890–1902; *Туманский Ф.О.* Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Во граде св. Петра: Печ. у Шнора, 1787–1788.

Большое место в романе занимают письма царя Петра, его родных (матери Н.К. Нарышкиной, жены Е.Ф. Лопухиной) и ближайшего окружения (Ф.Ю. Ромодановского, А.А. Виниуса, Е.И. Украинцева, Б.П. Шереметева и др.), опубликованные в изданиях: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I-VII. СПб.: Гос. типография, 1879–1918; Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1879, – а также в томах-приложениях к «Истории» Устрялова и постраничных примечаниях в томах сочинения Соловьёва. Работая с письмами, Толстой выписывал фрагменты и отдельные фразы, а затем использовал их в художественном тексте, добиваясь выразительности повествования.

В качестве примера обратимся к ряду позиций реального комментария.

Во второй главе первой книги, где Толстой рассказывает о расколе русской церкви, есть фраза: «Шесть костяных раскольников, три дня не евши ни крошки, не пивши ни капли, принесли в Грановитую палату аналои, деревянные кресты и старые книги, и перед глазами Софьи и сестёр её, сидевших вокруг трона, лаяли и срамили патриарха и духовенство». Речь здесь идёт о т. н. «прениях о вере», действительно имевших место в Грановитой палате 5 июля 1682 г. Сведения об этом событии писатель почерпнул у С.М. Соловьёва: «С шумом вошли раскольники в Грановитую и расставили свои налои и свечи, как на площади; они пришли утверждать старую веру, уничтожать все *новшества*, а не замечали, какое небывалое новшество встретило их в Грановитой палате: на царском месте одни женщины…» [*Соловьёв*, 1911: 916].

В той же первой книге, в главе пятой, обращает на себя внимание сцена чтения писем, присланных Петру из Москвы:

Он <Пётр> вернулся к окну и ковырял трубку. Виниус с полупоклоном читал:

«…Здравствуй, радость моя, батюшка, царь Пётр Алексеевич, на множество лет… (Пётр повернул к нему изумлённую бровь.) Сынишка твой, Алёш-

[6] ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 241. Л. 1.

ка, благословения от тебя, света моего радости, прошу. Пожалуй, радость наша, к нам, государь, не замешкав… Ради того у тебя милости прошу, что вижу государыню свою бабушку в великой печали… Не покручинься, радость мой государь, что худо писмишко: ещё государь не выучился…»

— Чьей рукой писано?

— Великой государыни Натальи Кирилловны дрожащей рукой невнятно.

— Ну, ты отпиши чего-нибудь… Гамбурских, мол, кораблей жду… Здоров, в море не хожу, пусть не кручинятся… Да чтоб скоро не ждали, слышишь…

Данный небольшой фрагмент базируется на целом ряде документов Петровской эпохи. В нём процитировано реальное письмо царевича Алексея, написанное рукой Н.К. Нарышкиной в 1693 г.: «Здравствуй, радость мой батюшка, Царь Пётр Алексеевич, на множество лет! Сынишка твой, Алёшка, благословения от тебя, света своего радости, прошу <…> Пожалуй, радость наша, к нам, Государь, не замешкав; ради того, радость мой Государь, у тебя милости прошу, что вижу государыню свою бабушку в печали. Не покручинься, радость мой Государь, что худо писмишко: еще, Государь, не выучился» [*Устрялов*, 1858. Т. 2: 405]. Слова Петра «Ну, ты отпиши чего-нибудь… Гамбурских, мол, кораблей жду… Здоров, в море не хожу, пусть не кручинятся… Да чтоб скоро не ждали, слышишь…» восходят к его письму матери от 8 сентября 1693 г., где он извинялся за то, что не все письма к ней написаны им собственноручно, и сообщал: «…Анбурские корабли ещё не бывали» [*Устрялов*, 1858. Т. 2: 405].

Рисуя картины объявления войны Швеции в 1700 г. (книга вторая, глава четвертая), Толстой писал: «Иван Великий гудел над Москвой, — двадцать четыре молодца гостинодворца раскачивали его медный язык. Шло молебствие о даровании победы русскому оружию над супостаты. Сегодня после обедни думный дьяк Прокофий Возницын по древнему обычаю, – в русской шубе, в колпаке меховом, в сафьяновых сапожках, – вышел на Постельное крыльцо (уже зараставшее крапивой и лопухами), внятно множеству сбежавшегося народа прочёл царский указ: идти на свейские города ратным людям войною. Быть на коне всем стольникам, стряпчим, дворянам московским и жильцам и всем чинам, писанным в ученье ратного дела». Сведения об этом событии, а также связанные с ним подробности писатель почерпнул у Устрялова: «19-го августа объявлена война Швеции, по старому обычаю, на Постельном крыльце, царским указом, данным Разряду, в следующих словах: “Великий Государь указал: за многие неправды Свейского короля и в особенности за то, что, во время Государева шествия чрез Ригу, от Рижских жителей чинились ему многие противности и неприятства, идти на Свейские города ратным людям войною с фельдмаршалом и адмиралом Ф.А. Головиным. В полку его быть всем стольникам, стряпчим, дворянам Московским и жильцам, кроме тех Московских чинов, которые писаны в ученье ратного строя”» [*Устрялов*, 1863. Т. 4. Ч. 1: 1-2].

Таким образом, кропотливая работа писателя с источником, с литературой о Петровской эпохе, позволила ему выйти на тот уровень художественно-исторического повествования, о котором М.А. Алданов когда-то написал: «Важных исторических промахов <…> в романе, кажется, нет. Мелкие промахи попадаются <…> Но мелких ошибок не избежать» [*Алданов*, 1930: 491].

ЛИТЕРАТУРА

Алданов М.А. Алексей Толстой. Пётр Первый // Современные записки. 1930. № 43.

Горбачёв Г.Е. Между объективизмом и идеализмом (О «Петре Первом» А.Н. Толстого) // Ленинград. 1931. № 2.

Иезуитов Н.М. Пётр – «европеизатор Руси». Заметки об исторической концепции романа А. Толстого «Пётр Первый» // На литературном посту. 1931. № 10. Апрель.

Ладинский А.П. А. Толстой. Пётр I. Роман. Из-во Петрополис. Берлин 1930 // Числа. 1930. № 2-3.

Пастернак Б.Л. Полное собр. соч.: в 11 т. – М., 2005. Т. 8.

Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. – М., 1989.

Платонов С.Ф. Пётр Великий. Личность и деятельность. – Л., 1926.

Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. – СПб., [1911]. – Кн. 3. – Т. 13.

Танк Е.Т. Новый роман и новый сценарий. В гостях у Алексея Толстого // Литературный Ленинград. 1934. 20 июля.

Толстой А.Н. День Петра // Скрижаль. Сборник первый. [Пг.], 1918.

Толстой А.Н. Пётр Первый // Новый мир. 1930. № 6.

Толстой А.Н. Полное собрание сочинений. – М., 1946. – Т. 9; 1949. – Т. 10.

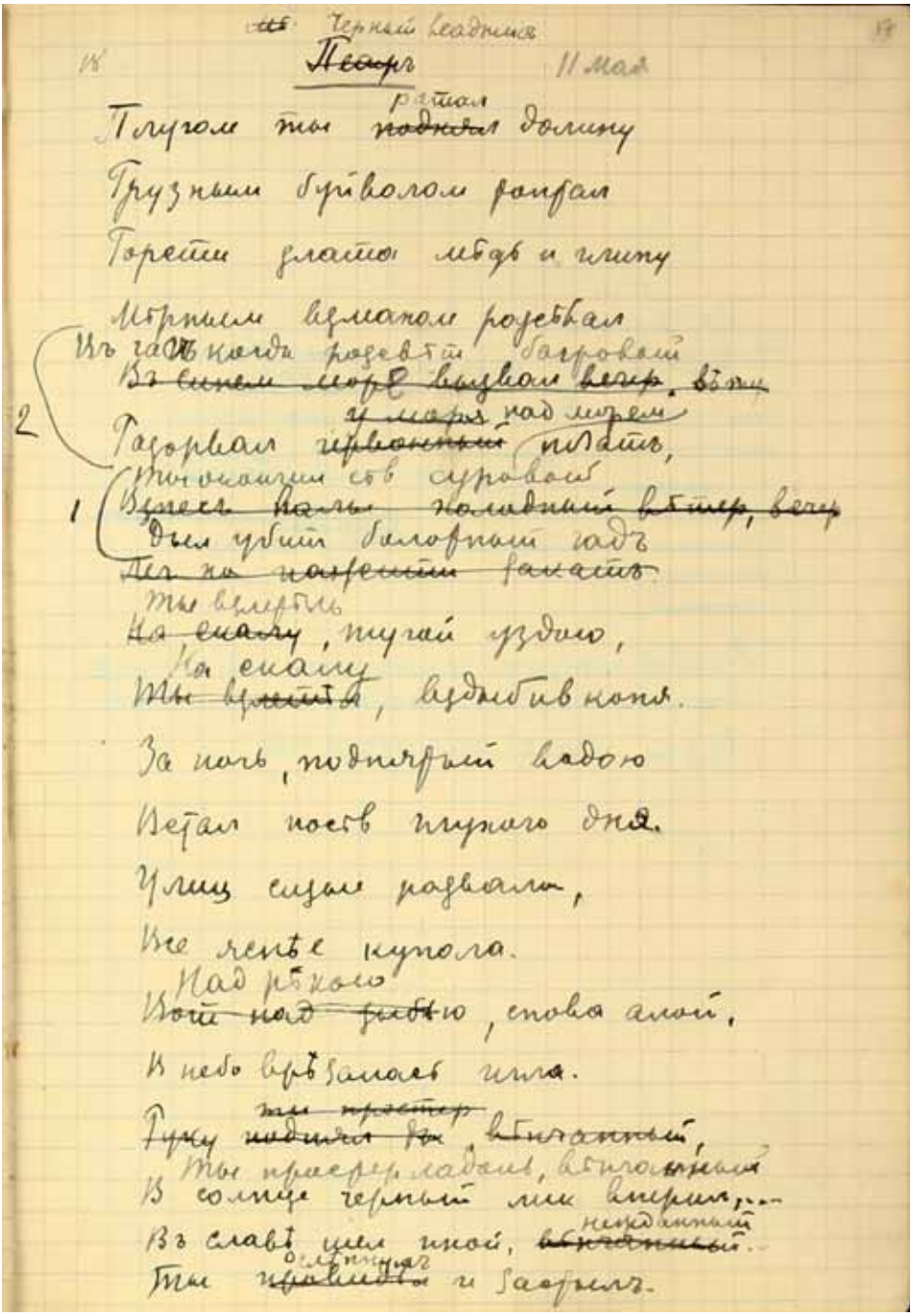
Толстой А.Н. Собрание сочинений: в 10 т. – М., 1982. – Т. 1; 1986. – Т.10.

Толстой А.Н. Хождение по мукам / Изд. подготовила Г.Н. Воронцова. – М., 2012. Серия: Литературные памятники.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого: в 6 т. – СПб., 1858. – Т. 2; 1863. – Т. 4. Ч. 1.

Эйдельман Н.Я. Москва за месяц // Литературный критик. 1935. № 2.

Иллюстрации

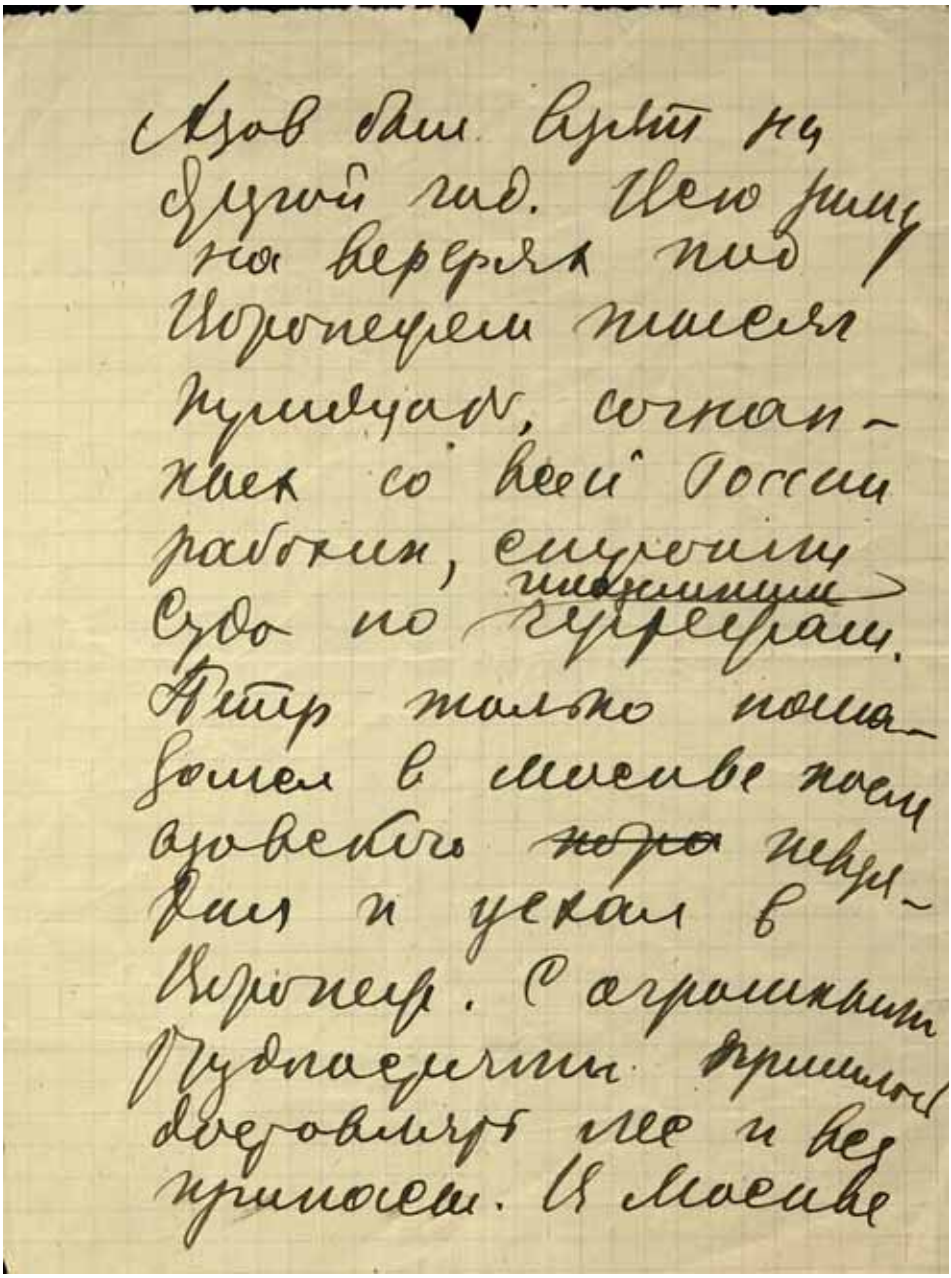


Черный всадник

18 ~~Пеаръ~~ 11 мая

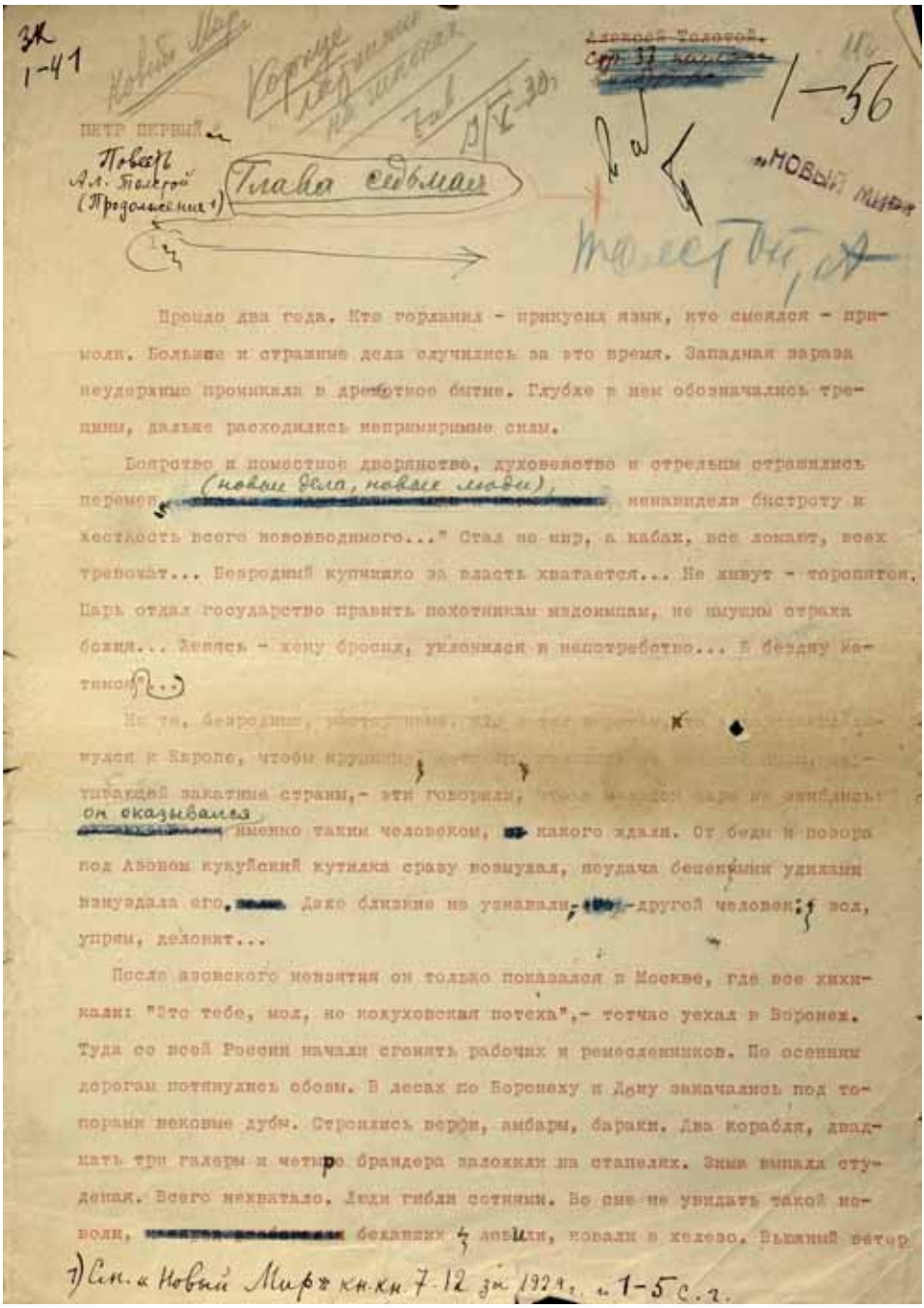
Плугом ты ~~поднял~~ ратал долину
Грузным буйволом роптал
Горсти злата мѣдь и глину
Мѣрным взмахом разсѣвал
Въ часъ когда разсвѣтъ багровой
~~Въ синем морѣ вызвал вечер, вѣтр~~
2 Разорвал ~~червонный~~ у моря над морем платъ,
Ты окончил съ суровой
1 ~~Взнесъ валы холодный вѣтер, вечер~~
Дыл убит болотный гадъ
~~Лег на нажести закатъ~~
Ты взлетѣлъ
~~На скалу~~, тугой уздою,
На скалу
~~Ты взлетѣл~~, вздыбив коня.
За ночь, поднятый водою
Встал посѣв глухого дня.
Улиц сизые развалы,
Все яснѣе купола.
Над рѣкою
~~Вот над рѣкою~~, снова алой,
В небо врѣзалась игла.
~~Руку ты простер~~ ~~поднял ты~~, ~~вѣнчанный~~,
Ты простер ладонь, вѣнчанный
В солнце черный лик вперил,...
Въ славѣ шел иной, ~~вѣнчанный~~ нежданный.
Ты ~~провидѣл~~ ослѣпнулъ и застылъ.

1. Стихотворение А.Н. Толстого «Чёрный всадник».
Черновой автограф в рукописной тетради. 1909 г. (ОР ИМЛИ)



Азов был взят на
другой год. Всю зиму
на верфях под
Воронежем тысяч
тридцать, согнан-
ных со всей России
рабочих, строили
суда по ~~чертежам~~ [illegible].
Петр только поша-
дался в Москве после
азовского ~~пора~~ невзя-
дия и уехал в
Воронеж. С огромными
трудностями пришлось
доставлять лес и все
припасы. В Москве

2. Фрагмент романа «Пётр Первый» со слов «Азов был взят».
Беловой автограф. 1929–1930 гг. (ОР ИМЛИ)



ЗК 1-41

Алексей Толстой.

1-56

ПЕТР ПЕРВЫЙ

Повесть Ал. Толстой (Продолжение 1)

Глава седьмая

«НОВЫЙ МИР»

Толстой, А.

Прошло два года. Кто горланил - прикусил язык, кто смеялся - примолк. Большие и страшные дела случились за это время. Западная зараза неудержимо проникала в дремотное бытие. Глубже в нем обозначались трещины, дальше расходились непримиримые силы.

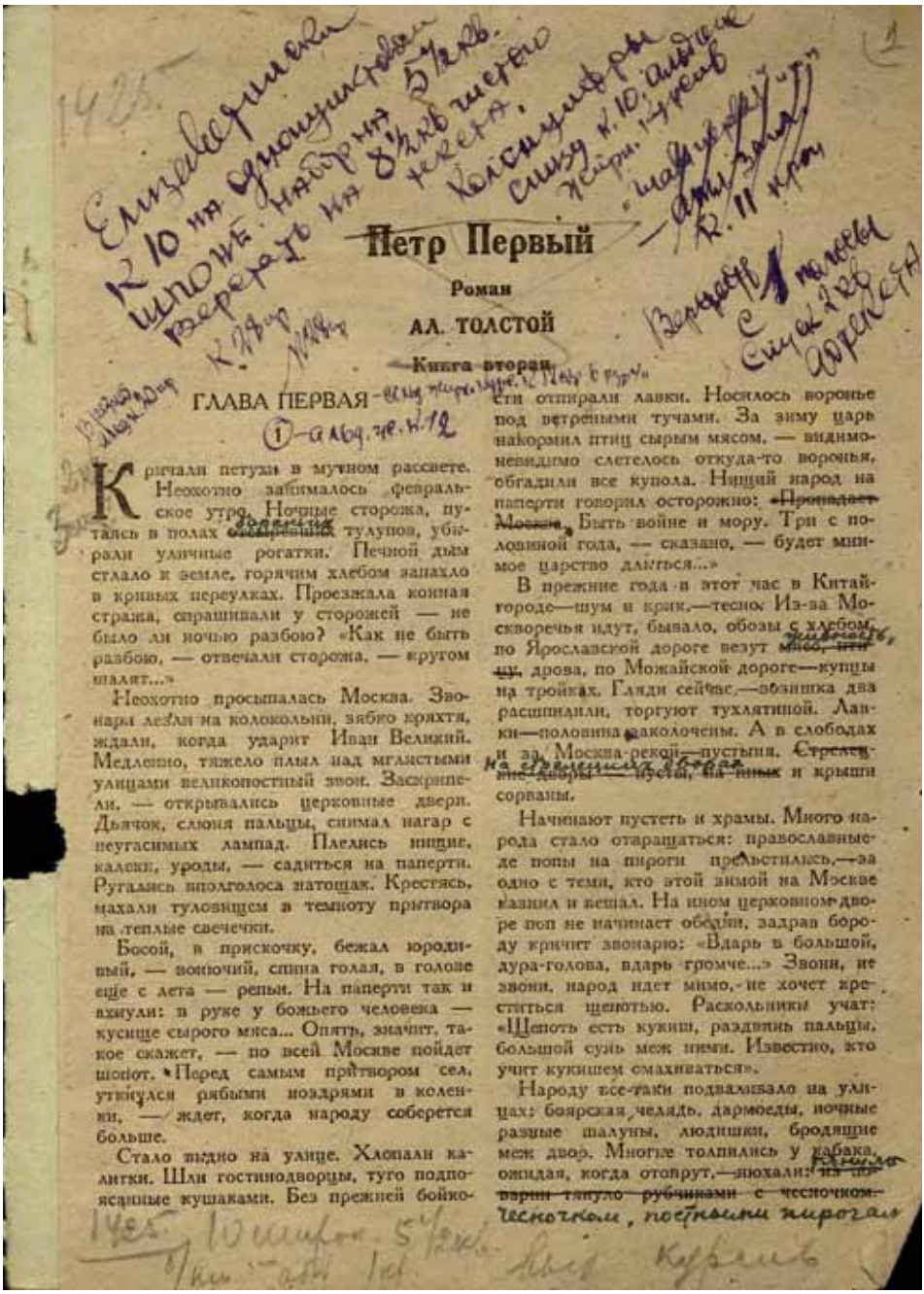
Боярство и поместное дворянство, духовенство и стрельцы страшились перемен (новые дела, новые люди), ненавидели быстроту и жесткость всего нововводимого..." Стал не мир, а кабак, все ломают, всех тревожат... Безродный купчишко за власть хватается... Не живут - торопятся. Царь отдал государство править похотникам мздоимцам, не имущим страха божия... Женясь - жену бросил, уклонился в непотребство... В бездну катимся?...

Но те, безродные, [illegible] нулся к Европе, чтобы [illegible] тывающей закатные страны,- эти говорили, [illegible] он оказывался именно таким человеком, какого ждали. От беды и позора под Азовом кукуйский кутилка сразу возмужал, неудача бешеными удилами взнуздала его. Даже близкие не узнавали, другой человек; зол, упрям, деловит...

После азовского невзятия он только показался в Москве, где все хихикали: "Это тебе, мол, не кожуховская потеха",- тотчас уехал в Воронеж. Туда со всей России начали сгонять рабочих и ремесленников. По осенним дорогам потянулись обозы. В лесах по Воронеху и Дону закачались под топорами вековые дубы. Строились верфи, амбары, бараки. Два корабля, двадцать три галеры и четыре брандера заложили на стапелях. Зима выпала студеная. Всего нехватало. Люди гибли сотнями. Во сне не увидать такой неволи, бежавших ловили, ковали в железо. Вьюжный ветер

1) См. «Новый Мир» кн.кн. 7-12 за 1929 г. и 1-5 с.г.

3. Роман «Пётр Первый». Книга первая. Глава седьмая. Авторизованная машинопись для журнала «Новый мир». 1930 г. (ОР ИМЛИ)



Петр Первый

Роман

АЛ. ТОЛСТОЙ

Книга вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кричали петухи в мутном рассвете. Неохотно занималось февральское утро. Ночные сторожа, путаясь в полах ~~отсыревших~~ дорожных тулупов, убирали уличные рогатки. Печной дым стлало к земле, горячим хлебом запахло в кривых переулках. Проезжала конная стража, спрашивали у сторожей — не было ли ночью разбою? «Как не быть разбою, — отвечали сторожа, — кругом шалят...»

Неохотно просыпалась Москва. Звонари лезли на колокольни, зябко кряхтя, ждали, когда ударит Иван Великий. Медленно, тяжело плыл над мглистыми улицами великопостный звон. Заскрипели, — открывались церковные двери. Дьячок, слюня пальцы, снимал нагар с неугасимых лампад. Плелись нищие, калеки, уроды, — садиться на паперти. Ругались вполголоса натощак. Крестясь, махали туловищем в темноту притвора на теплые свечечки.

Босой, в прискочку, бежал юродивый, — вонючий, спина голая, в голове еще с лета — репьи. На паперти так и ахнули: в руке у божьего человека — кусище сырого мяса... Опять, значит, такое скажет, — по всей Москве пойдет шопот. Перед самым притвором сел, уткнулся рябыми ноздрями в коленки, — ждет, когда народу соберется больше.

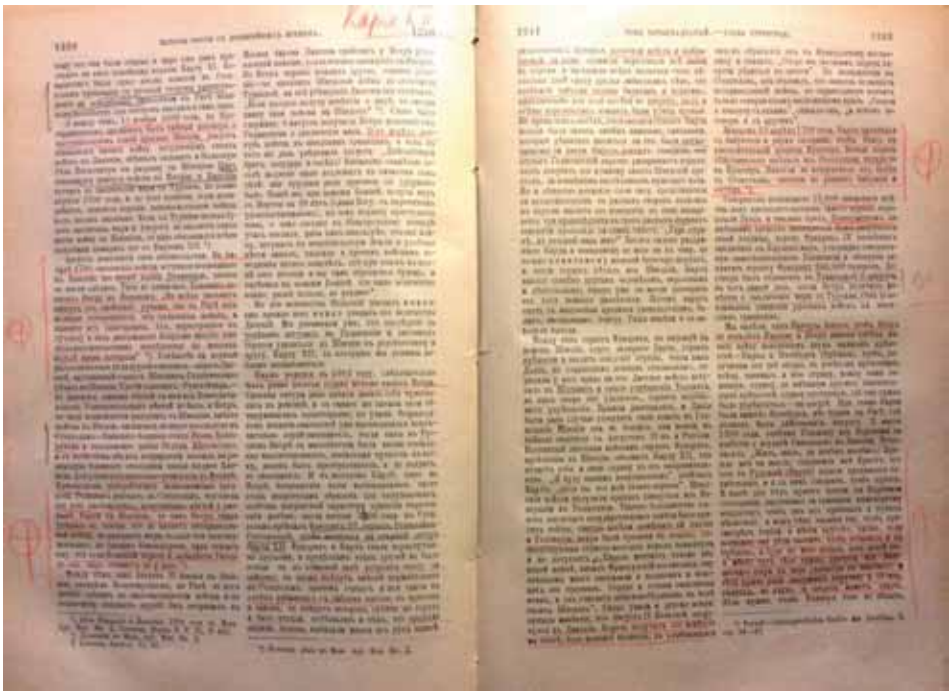
Стало видно на улице. Хлопали калитки. Шли гостинодворцы, туго подпоясанные кушаками. Без прежней бойкости отпирали лавки. Носилось воронье под ветреными тучами. За зиму царь накормил птиц сырым мясом, — видимо-невидимо слетелось откуда-то воронья, обгадили все купола. Нищий народ на паперти говорил осторожно: ~~«Пропадает Москва.~~ Быть войне и мору. Три с половиной года, — сказано, — будет мнимое царство длиться...»

В прежние года в этот час в Китай-городе—шум и крик,—тесно. Из-за Москворечья идут, бывало, обозы с хлебом, по Ярославской дороге везут ~~мясо, птицу~~ живность, дрова, по Можайской дороге—купцы на тройках. Гляди сейчас,—возишка два расшпилили, торгуют тухлятиной. Лавки—половина заколочены. А в слободах и за Москва-рекой—пустыня. ~~Стрелецкие дворы — пусты, на них~~ на стрелецких дворах и крыши сорваны.

Начинают пустеть и храмы. Много народа стало отвращаться: православные-де попы на пироги прельстились,—за одно с теми, кто этой зимой на Москве казнил и вешал. На ином церковном дворе поп не начинает обедни, задрав бороду кричит звонарю: «Вдарь в большой, дура-голова, вдарь громче...» Звони, не звони, народ идет мимо, не хочет креститься щепотью. Раскольники учат: «Щепоть есть кукиш, раздвинь пальцы, большой сунь меж ними. Известно, кто учит кукишем смахиваться».

Народу все-таки подваливало на улицах: боярская челядь, дармоеды, ночные разные шалуны, людишки, бродящие меж двор. Многие толпились у кабака, ожидая, когда отопрут,—нюхали: ~~из поварни тянуло рубчиками с чесночком.~~ чесночком, постными пирогами

4. Роман «Пётр Первый». Книга вторая. Глава первая. Лист журнала «Новый мир» с правкой А.Н. Толстого. 1933-1934 гг. (ОР ИМЛИ)



5. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. 3. СПб.: Тов-во «Общественная Польза», [1911]. С пометками А.Н. Толстого

ЧАСТЬ 2

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН «100-ЛЕТИЕ СССР В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ОСМЫСЛЕНИИ» (7 декабря 2022 г.)

Столетие образования СССР: научная дискуссия историков стран СНГ

А.О. Чубарьян

Аннотация. *В статье, написанной на основе доклада на сессии Общего собрания ОИФН РАН «100-летие СССР в современном научном осмыслении» (7 декабря 2022 г.), даётся представление о существовании различных концептуальных подходов историков стран СНГ к оценке советского периода истории, включая вопросы определения сущности Российской империи относительно отношений её центра с национальными окраинами. Также уделено внимание дискуссионным вопросам о степени самостоятельности национальных республик в различных областях, промышленной индустриализации в национальных окраинах, т. н. голодоморе, репрессиям и др. Делается вывод о необходимости продолжения диалога по этим и другим проблемам с учёными, прежде всего, стран СНГ, а также Евразии, Африки и Латинской Америки, привлекая новые, в том числе и архивные документы.*

Ключевые слова: *империя, образование СССР, постсоветское пространство, Ассоциация директоров институтов истории и архивистов стран СНГ, историки стран СНГ, научная дискуссия.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.009

100-летие образования Советского Союза даёт основание обратиться к истории и судьбе тех национальных территорий, вошедших в состав СССР в 1922 году в виде национальных и автономных республик.

История событий тех лет продолжает сегодня привлекать внимание историков России и тех стран, которые образовались на постсоветском пространстве в начале 90-х годов прошлого века.

В исторической науке этих государств существуют различные концептуальные подходы и критико-исторические оценки. В отношении того периода, когда эти территории были в составе Российской империи, в большинстве стран СНГ историки оценивают его, как колониальное время. Эти характеристики преобладают в учебниках для средней и высшей школы.

Одновременно историки отмечают те преимущества, которые получили народы Закавказья, Средней Азии, Украины, Белоруссии от вхождения в состав Российской империи. Они включились в общее российское экономическое пространство, в течение XIX и начала XX века на территории этих образований возникли национальные объединения, сохранившие свой язык, обычаи и нравы.

Характеристики этих территорий как колониальных и имперских заставляют российских учёных дать современное понимание сущности империи. Очевидно, что в этом плане Российская империя существенно отличается от британской, германской или османской. Практически все перечисленные империи имели свои колонии на заморских территориях. В отличие от них Российская империя формировалась и развивалась на общем сухопутном пространстве. Соответственно иными были и отношения её центра с национальными окраинами.

Новые трактовки и подходы к характеристике империи и соответственно к проблемам сущности колониализма могут составить одно из направлений сотрудничества историков России и государств на постсоветском пространстве, в частности, в рамках Ассоциации директоров институтов истории и архивистов стран СНГ.

Иные подходы существуют и в изучении событий после российской революции 1917-1922 гг., накануне и после образования Советского Союза.

Практически во всех странах СНГ историки отмечают, что в 1918-1920 гг. была провозглашена независимость Азербайджана, Армении, Грузии, государств Центральной Азии (в рамках Туркменистана), а также Белоруссии и Украины. По мнению большинства историков этих государств, в дальнейшем, в 1920-1921 гг., эта независимость была утрачена в результате прихода большевиков из Москвы. Эти утверждения следует, по нашему мнению, скорректировать, отметив, что власть на этих территориях перешла к национальным большевикам. Установление советской власти было завершено к 1922 году. И именно тогда была выдвинута идея создания Советского Союза.

Эти процессы также могут быть темой совместных исследований историков стран СНГ.

В этой связи имело бы смысл оценить и то территориальное размежевание, которое произошло во время образования Советского Союза. Оно было проведено в ряде случаев произвольно, без учёта реальных особенностей и интересов участников договора о создании СССР.

Помимо вопроса о территориальном размежевании было бы целесообразно привлечь внимание историков СНГ к анализу договора 1922 года в целом, истории его подготовки, спорам о его содержании.

Особый интерес в дискуссии между историками стран СНГ привлечён к оценке всего советского периода нашей истории. В большом комплексе проблем можно выделить ряд наиболее важных.

Прежде всего, это вопрос о степени самостоятельности национальных республик в различных областях: экономике, культуре и т. п.

История советского периода – это и оценка экономического развития в 20-30-е годы, промышленная индустриализация в центре и особенно в национальных окраинах.

Эта тема весьма актуальна и сегодня, поскольку в странах СНГ продолжаются дискуссии о том экономическом наследии и потенциале, которые существовали в этих странах после обретения независимости по настоящее время.

В подобных дискуссиях, особенно в странах Балтии, превалирует идея, отрицающая тот вклад в развитие экономики, который осуществлялся из центра в государства Прибалтики.

В подходах к жизни национальных республик важен также вопрос о сохранении их национальной идентичности в составе союзного советского государства. Мы имели достаточно свидетельств о развитии национальной культуры, литературы, искусства в советских республиках.

При рассмотрении всех этих вопросов важно видеть отличия периодов 20-30-х годов и послевоенного времени.

Применительно к 30-м годам следует отметить и голод в Советском Союзе. Совместное обращение историков к этой теме позволит убедительно опровергнуть обвинение, распространённое в украинской историографии, о так называемом «голодоморе», направленном якобы на сознательное уничтожение украинского народа.

Для 30-х годов, как и для послевоенного времени, существует и вопрос о репрессиях. Осуждая их, необходимо говорить также об участии в организации репрессий местных элит в республиках СССР.

Применительно к истории советского времени один из наиболее сложных вопросов состоит в анализе причин распада Советского Союза. Как известно, эта тема служит предметом острых дискуссий, в ходе которых сталкиваются различные точки зрения. Они имеют место как в Российской Федерации, так и в странах постсоветского пространства.

Эти проблемы привлекают внимание многих историков, политологов, общественных деятелей в разных странах. Поэтому целесообразно продолжить диалог по этому вопросу с учёными стран СНГ, привлекая новые, в том числе и архивные документы.

Распад Советского Союза, как и всякой крупной многонациональной державы, – это сложный многофакторный процесс, он включает в себя объективные причины (как долговременного, так и конкретного характера), совокупность экономических, политических и иных обстоятельств, а также и фактор субъективности.

В случае с Советским Союзом важное значение имеет роль национальных образований, т. е. как раз тех территорий, которые образуют современное постсоветское пространство.

Современная ситуация требует формирования нового мирового порядка. Анализом его сущности и перспектив занимаются различные научные и университетские центры во многих странах.

В подобные дискуссии вовлечены и учёные пространства Евразии. Среди них – специалисты из Китая, Индии, стран Азии, Латинской Америки и даже Африки. Разумеется, желательно привлечь к этим обсуждениям заинтересованных учёных из стран СНГ.

Конечно, процесс анализа прошлого опыта, современной ситуации и будущего развития мирового порядка предполагает участие специалистов историков и международников из стран Европы, что в нынешних

условиях практически невозможно. И это усиливает значение всей работы, проводимой в рамках пространства Евразии, Латинской Америки и Африки.

Все отмеченные обстоятельства служат важным аргументом для расширения контактов и углубления сотрудничества историков стран СНГ и учёных стран Азии, Африки и Латинской Америки. Для этого существует большое число различных международных и национальных организаций и объединений.

Уже более двадцати с лишним лет существует международная Ассоциация директоров институтов истории и архивистов стран СНГ. За эти годы прошли десятки заседаний, предложены разнообразные проекты. Представляется, что в рамках упомянутой Ассоциации можно было бы активировать совместную работу по наиболее важным и актуальным проблемам современности.

Проблема устойчивости СССР

А.В. Шубин

Аннотация. *Автор ставит проблему обстоятельств формирования государственной конструкции СССР, которая затем выдержала такие вызовы, как форсированная индустриальная модернизация и Вторая мировая война, но потеряла устойчивость в период Перестройки. Причину такой разительной перемены автор видит в том, что найденная в 1922 году форма национально-государственного устройства оказалась эффективной в условиях индустриальной модернизации, но устарела по завершении создания городского индустриального общества.*

Ключевые слова: *СССР, Ленин, Сталин, модернизация, нациестроительство, устойчивость.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.010

Существует некоторая загадка устойчивости СССР, понимаемой как способность системы к сохранению своих качественных параметров под влиянием внешних воздействий. Эти параметры, общее устройство СССР возникли как результат дискуссий в относительно узком круге большевистского руководства, но пережило такие потрясения, как индустриализация и Великая Отечественная война, а через несколько десятилетий СССР внезапно рассыпался, как карточный домик. Это позволяет поставить проблему столь длительной устойчивости СССР, которая обычно воспринимается как обстоятельство, само собой разумеющееся для 30-70-х годов, но фаталистически отрицается для начала 90-х, применительно к которым часто пишут о фатальной неизбежности распада этого государства. Что было такого в СССР, что делало его прочной конструкцией для первой половины XX века и непрочной для конца столетия?

Причины

Может вызвать сомнение, что государственное устройство СССР вообще было важно, ведь не секрет, что официальные государственные органы выполняли указания структур коммунистической партии. Однако отчасти и партийная структура строилась в соответствии с государственным устройством – создавались ЦК союзных республик, через которые могли управляться области. Это создавало нишу для формирования коммунистических элит со специфическими национальными интересами, национал-коммунизма. К тому же высшее партийное руководство в большинстве своём состояло из государственных деятелей, которые отчасти руководствовались региональными или ведомственными интересами. Так что государственные формы в структуре СССР имели немаловажное значение.

Чем определялось предоставление республикам статуса союзных или автономных? Первоначально – итогами революции и гражданской войны. Задача большевистского руководства заключалась в том, чтобы «умиротворить» национальные интересы настолько, чтобы борьба за создание национальной государственности не получила прежнего влияния. А это зависело

от тех успехов, которых национальные проекты достигли в разных регионах бывшей Российской империи в ходе революции и гражданской войны, когда перед сторонниками строительства национальной государственности (нациестроителями) открылись новые широкие возможности, и произошла эскалация этно-национальных конфликтов между сторонниками соперничающих национальных проектов. Процессы нациестроительства были неизбежным результатом перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному городскому. Этот переход, известный как модернизация, с неизбежностью ведёт к нациестроительству на территориях со смешанным населением, а значит – к столкновениям национальных проектов. Индустриальное общество требует языковой и культурной стандартизации, которую создаёт нация. Этнические общности, не получившие собственной этно-государственной защиты в виде нации, могут быть стёрты процессом культурной стандартизации на территории более успешных национальных проектов.

После Октябрьского переворота 1917 г. и Брестского мира 1918 г. отделение многих «окраин» от России стало реальностью, и большевики решили нейтрализовать или даже «перехватить» национальные стремления, признавая формальную независимость национальных республик, лишь бы они были советскими. В ходе гражданской войны методом проб и ошибок большевики нашли наиболее удачный синтез центростремительных и автономистских стремлений – единая экономика и силовые структуры, но полная поддержка развития национальных культур, если у тех, кто этим занимается, нет политической оппозиционности. При формировании советских республик взаимодействовали и национал-коммунисты, серьёзно относившиеся к задачам распространения национальной культуры на территории своей республики, и равнодушные к этой теме коммунистические политики, для которых создание национальных «буферов» диктовалось конъюнктурой. Их совместными усилиями по дипломатическим причинам и для привлечения на сторону большевиков широких масс, приверженных идеям национальной самостоятельности, были созданы несколько формально независимых советских республик [Подробнее см.: *Шубин*, 2017; *Шубин*, 2020].

Надежды на советизацию Венгрии, Германии и других стран, не входивших в Российскую империю, исключали вступление новых советских республик в состав Советской России (РСФСР), оставляя на повестке дня союз (возможно конфедеративный) и федерацию. Поражения сторонников советской власти в западной и центральной Европе в 1919-1920 гг. отбросило советскую власть в пределы бывшей Российской империи, актуализировав наряду с идеей союза также автономизацию – включение всех советских республик в состав РСФСР. В результате разнообразных перипетий военно-политической борьбы под контролем коммунистов оказались «независимые» Украина, Белоруссия, Грузия, Армения, Азербайджан, Бухара, Хорезм, Дальневосточная республика, а также Абхазия со статусом союзной республики с Грузинской ССР, ряд автономных республик и областей в составе РСФСР и Грузии и др. территориальные единицы.

После завершения революции её итоги должны были быть оформлены в единообразную систему. Принятие решения по поводу формы государственного устройства не могло игнорировать предыдущие успехи национально-

го государственного строительства, если создатели советского государства не хотели сразу же столкнуться с противодействием тех масс, которые ещё недавно поддерживали создание национальной государственности. Часть коммунистических элит (особенно это было заметно в Грузии и Украине) разделяла эти устремления или следовала им под давлением масс. Не были ясны и перспективы распространения системы коммунистических режимов в форме Советской власти в Европе и на Востоке. Это препятствовало, с одной стороны, отождествлению Советского государства с Российским, с другой – лишению формальной независимости тех государств, которые её уже добились, что могло скомпрометировать коммунистов в глазах участников антиимпериалистической борьбы на Востоке.

Эти факторы учитывались в известном споре Ленина и Сталина, когда концепция «автономизации» сменилась моделью союзного государства с ещё одним «этажом» власти над Российской Федерацией [См. например, *Гросул*, 2007]. Таким образом, были определены качественные параметры СССР как государства с наднациональным центром и территриальными составляющими (республиками), возникшими на основе различных национальных традиций, включая российскую, но не отождествлённую с ней.

Достройка

Как известно, Сталин быстро признал идею Ленина. Быстрота принятия решения о создании СССР, а не включения республик в РСФСР, не означает, что сомнения Сталина таким образом были устранены. Однако суть этих сомнений заключалась вовсе не в том, что Сталин выступал как поборник российской державности, как это представляют некоторые авторы [*Жуков*, 2011]. Сталин подписал Декларацию прав народов России с признанием права на отделение от России, именно он был конструктором «буферных государств». Они с Лениным действовали по ситуации, иногда навязывая эту «независимость» местным большевикам, иногда возражая против независимости (даже формальной), где её могли использовать ненадёжные национал-попутчики. Проблема ленинской модели СССР, на которой коммунистическое руководство остановилось в конце 1922 г., заключалась в её нестройности, отсутствии единых принципов организации национальных субъектов, что стало как раз итогом реагирования на неравномерность результатов революции и гражданской войны в разных регионах. СССР состоял из двух федераций (РСФСР и ЗСФСР) и двух республик (УССР и БССР). При этом РСФСР серьёзно превосходила остальные составляющие СССР по размерам, населению и ресурсам, так что все они, кроме разве что Украины, выглядели «довеском» к российско-украинскому союзу. Централизованный характер коммунистической системы управления противоречил этой неравномерности, которая также была очень заметна извне и лишала доверия конструкцию СССР, которую за рубежом воспринимали как Россию плюс несамостоятельные от неё неравноправные территории.

На эти сложности Сталин указывал в записке к коллегам по Политбюро 4 февраля 1923 г.: «Что касается государственного строительства, тут, пожалуй, не всё ещё ясно, или, по крайней мере, не всё ещё приведено в ясность, и, возможно, придётся ввести в конституцию о Союзе республик

некоторые существенные изменения». Политбюро должно определиться по ряду вопросов. «ПЕРВЫЙ ВОПРОС: входят ли наши республики в состав союза через существующие федеральные образования (Р.С.Ф.С.Р, Закфедерация), или самостоятельно, как отдельные государства (Украина, Грузия, Туркестан, Башкирия и др.)». То есть Сталин предлагает новую альтернативу: либо включение Украины в РСФСР (что означало бы фактически возвращение автономизации), либо выведение из состава России Башкирии, Туркестана и, видимо, Татарстана, раздробление России. Ему представляется нелогичной ситуация, когда СССР состоит из разнородных образований – с одной стороны Россия с вкрапленными автономиями, с другой стороны – унитарные Белоруссия и Украина. С одной стороны, прямое вхождение соответствует национальным устремлениям и создаёт более простую двухзвенную систему управления, но тогда нужно разрушить РСФСР и создать русскую республику. Ещё одним решением, о котором Сталин не пишет, но которое напрашивается – создание ещё одной федерации на территории славянских республик Белоруссии (которая тогда была значительно меньше современной) и Украины с возможной федерализацией последней. Тогда СССР станет союзом трёх федераций. В случае создания национальной русской республики придётся урезать национальные республики за счёт русскоязычных районов и городов, и некоторые республики могут потерять свои русскоязычные столицы. Такое решение повлечёт за собой очень сложную организационную перестройку, так что минусы такой двухзвенной структуры перевешивают плюсы. Вторым вопросом, чтобы компенсировать недостатки непрямого вхождения части народов в Союз, Сталин предлагал ввести ещё один орган наряду с ЦИК, где национальности будут представлены не пропорционально численности, а равноправно. Третьим вопросом Сталин предлагал расширить число союзных наркоматов (то есть подчиненных Союзу сфер), включая просвещение, здравоохранение, земледелие и др.[1]

21 февраля на Пленуме ЦК РКП(б) в докладе «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» Сталин озвучил часть этих идей, но не все. В подготовленных им тезисах предлагалось учредить «специальный орган представительства всех без исключения национальных республик и национальных областей на началах равенства». Также Сталин заговорил о политике, которая затем получит наименование «коренизации», предлагая, чтобы «органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов» [*Сталин*, Т. 5: 181-194].

На XII съезде РКП (б) 17-25 апреля 1923 г. Сталин выступил с докладом по национальному вопросу, повторив основные положения своих тезисов и подчеркнув необходимость создания национальной палаты ЦИК, важность ЗСФСР как средства предотвращения межнациональных конфликтов, необходимость привлечения национальных кадров в центральные органы и опасность шовинизма (в том числе русского, грузинского, азербайджанского и узбекского) и недооценки самостоятельности республик в рамках Союза [Двенадцатый

[1] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 156. Л. 105-107.

съезд РКП(б)…, 1968: 479-495]. Но в то время, чувствуя неустойчивость своих политических позиций, Сталин не решился вернуться к постановке вопроса об унификации принципов построения структуры СССР.

6 июля 1923 г. – 31 января 1924 г. была принята первая Конституция СССР, воспроизводившая и конкретизирующая декларацию и договор об образовании СССР. В соответствии со сталинской идеей, в Центральном исполнительном комитете был учреждён Совет национальностей и Союзный Совет как две равноправные части. Характерно, что согласно ст. 15 Конституции союзные и автономные республики в составе РСФСР направляли туда по 5 делегатов, но автономные республики в составе ЗСФСР (Абхазия и Аджария) по одному – как и автономные области. Так что равного представительства, о котором говорил и писал Сталин, не получилось. Статус национальностей зависел не только от самого факта существования автономии, но и от её места в иерархии, связанного с предыдущими событиями гражданской войны, влиянием местного руководства, численностью населения. Совет национальностей как равноправная с Советом Союза палата воспроизводился в последующих конституциях СССР и дожил в итоге до 1991 г., но, учитывая маловластность советского парламента, играл второстепенную роль в политико-управленческой системе СССР до конца 80-х годов, когда всё это снова стало важно.

Гораздо важнее в 20-е годы и позднее оказался вопрос доступа к власти национальных кадров, что напрямую зависело от иерархии народов в многоэтажной конструкции СССР: союз – союзная республика – автономная республика – автономная область и округ. В зависимости от того, к какому этносу повезло принадлежать чиновнику, он мог претендовать на более или менее влиятельные посты в республиках, где его национальность является «титульной». Такой порядок вертикальной мобильности естественно вытекал из модели национальных республик, которой объективно противостояла модель федерации федераций. Но она не получила поддержки, так как противостояла национальным устремлениям части коммунистических элит, проявившимся уже в «грузинском деле» 1922 г. Некоторые исследователи считают, что «политика создания национальных кадров и национальной интеллигенции» создавала «мощные предпосылки для развития национализма» [*Здравомыслов*, 1997: 37]. Однако альтернативой этих «мощных предпосылок» было подавление и растворение национальных культур, что могло вызвать их ожесточённое сопротивление. Подавление национального развития было не меньшей предпосылкой национализма, чем поощрение. Причиной тенденций национализма была не политика коммунистов, а процессы модернизации и нациестроительства, начавшиеся до их прихода к власти.

К вопросу упорядочения иерархии республик путём федерализации Украины или включения её в РСФСР Сталин больше не возвращался. РСФСР так и осталась ассиметричной федерацией с национальными автономиями и русскими регионами без русской республики. Однако в дальнейшем советское руководство пошло по пути повышения уровня сбалансированности СССР с помощью увеличения числа республик. С одной стороны, уменьшалась территория непропорционально большого гиганта РСФСР.

С другой стороны, скромнее становилось место в СССР Украины и Белоруссии, уравнивающихся в статусе с бывшими автономиями и частями федераций, которые теперь также становятся союзными республиками. Этот процесс начался уже в 1924 г. с национально-территориального размежевания в Средней Азии. В 1936 г. с принятием «сталинской конституции» была распущена ЗСФСР, и таким образом национальные республики стали нормой, а ассиметричная федерация РСФСР – исключением. Автономные республики, области и округа в составе союзных республик оказались третьим уровнем иерархии, что ставило их национальные элиты в менее выгодное положение, чем союзные элиты. Разное положение в иерархии обеспечивало и разную степень поощрения и защиты национальных культур.

СССР также стал ассиметричной федерацией, подобной РСФСР. Управленческий центр в Москве давал указания преимущественно русским регионам на тех же основаниях, что и некоторым малым республикам, например, Армении, а некоторыми регионами управлял опосредованно, с помощью аппаратов ЦК и Совнаркомов (Совминов) республик (как на Украине, которая таким образом иногда приобретала существенную управленческую самостоятельность).

Модель СССР была прагматически рассчитана не только на замораживание конфликтов, вызванных нациестроительством, но и на «коренизацию» новой социально-политической системы в национальных средах. «Коренизация» была необходима для форсированного вовлечения в процесс индустриальной модернизации людей, первоначально плохо говорящих по-русски или готовых сотрудничать с коммунистическим режимом при условии поддержки милых их сердцу национальных культур. В итоге национально-государственное устройство СССР стало результатом не «гениального» или «коварного» замысла Ленина или Сталина, а действий и противодействий этно-национальных сил и влияний, на которые реагировало руководство коммунистического режима, выстраивавшего конструкцию СССР.

Модель СССР не только заморозила столкновение национальных конфликтов, но и перенаправила векторы национальных стремлений на общую модернизацию, обеспечила вовлечение в неё широких масс нерусского населения, помогла сплочению советских граждан перед лицом внешних вызовов, включая Великую Отечественную войну. Постепенно происходило формирование наднациональной общности «советский народ», «советского человека». Это надэтническое понятие не является исключительно идеологическим конструктом, оно аналогично понятию «американец» в США, англоязычного выходца из разных этнических сообществ, приверженного некоторому набору ценностей, общих для подавляющего большинства граждан США в середине XX в. Появление такого «американца» стало результатом модернизационного процесса, известного как «плавильный котел».

Модель СССР оказалась оптимальной для задач индустриальной модернизации. В этом секрет её успехов и её краха. Когда задача индустриально-урбанистического перехода была решена, большинство советских людей стало горожанами, причём в значительной массе – горожанами во втором поколении. В результате изменились запросы населения, их представления

о должных отношениях между народами, между человеком и государством, центром и регионами.

Возвращение неустойчивости

Несмотря на вектор социально-экономической унификации СССР и консолидации всех граждан в единый «советский народ», своего рода «сверхнацию», к 80-ым годам СССР по-прежнему представлял собою разнородное образование, в котором существовали индустриальная цивилизация в европейской и североазиатской частях страны, и среднеазиатские общества, только-только выходящие из доиндустриального состояния. Разные стадии развития проходили народы, расположенные вокруг Кавказского хребта. В условиях, когда задачи индустриальной модернизации были решены в ядре системы, население там стало терять интерес и к укреплению русскоязычного «советского народа» как скрепляющего СССР этно-национального фактора. Рост культурных потребностей, интерес к нестандартной культуре мог стимулировать поиск личных «национальных корней». В то же время постиндустриальные тенденции были связаны в большей степени с экстерриториальными, глобальными проблемами. Стабилизация ситуации на периферии СССР стала восприниматься горожанами его ядра как обуза, в то время как в Средней Азии и в районе Кавказского хребта сохранялся потенциал модернизации и нациестроительства. Национально-государственное устройство СССР создавало форму для «размораживания» национальных конфликтов начала века, а господствовавшие в республиках «титульные» элиты смогли всё активнее реализовывать свои собственные интересы в условиях, когда прежние единые для СССР задачи исчезли, а новые ещё не были найдены.

Однако первоначально стремления национальных властных элит не были центробежным явлением (за исключением прежде всего Прибалтики). Москва воспринималась как арбитр в борьбе национальных интересов. Наличие «титульных» привилегий приводило к переходу социальных противоречий между руководством и населением в этническую плоскость – политика проводилась в интересах прежде всего той этнической или клановой группы, которая «стояла у власти». Стали всё чётче намечаться противоречия «коренного» и «некоренного» населения, правящих и «оппозиционных» кланов. При этом нельзя забывать, что большинство народов не имело «своих» республик, и «титульные» кланы стремились к ассимиляции «меньшинств» для облегчения управляемости и укрепления монолитности своих стран. Это создавало ситуацию многосторонних конфликтов, которая в одних условиях могли содействовать распаду государства, а в других – уравновешивать друг друга.

Как только обстановка в стране стала более свободной в ходе Перестройки, межнациональные конфликты вышли на поверхность. Однако это не значит, что в условиях укрепления авторитарного режима эти противоречия не реализовались бы в ещё более разрушительной форме. В период Перестройки центральная власть иногда шла на уступки национальным движениям, но иногда применяла жёсткие силовые меры подавления (арест

комитета «Карабах» в 1988 г., события в Тбилиси в 1989 г. и др.), которые не стабилизировали ситуацию в долгосрочном плане.

Вспышки межэтнического насилия, которые выглядят как зримое свидетельство процесса распада СССР, в действительности не вели непосредственно к такому распаду. На отношения населения к самостоятельности и независимости республик оказывали воздействие не только этно-национальные, но и идейно-политические факторы. Так, в Прибалтике и Молдавии отделение от СССР воспринималось как возможность быстро перейти в западноевропейскую зону капиталистического «процветания». Раскрытие информации о преступлениях коммунистического режима, часто мифологизированное, дискредитировало центр СССР и его легитимность. Упрощённые до наивности надежды на успешное участие республик в глобальном капиталистическом рынке создавали надежды на процветание в случае выхода из СССР. Такие иллюзии воздействовали на массы независимо от этно-национальной принадлежности. Таким образом, устойчивость СССР подрывалась популярностью вестернизации, ставшей оборотной стороной неспособности советского руководства выдвинуть убедительную конструктивную программу движения по некапиталистическому пути и после завершения индустриально-урбанистического цикла модернизации.

Однако все эти и другие факторы, большинство которых не были связаны с национально-государственным устройством СССР, не вели к его распаду фатально. Даже в случае успеха сторонников национальной независимости в отдельных республиках, СССР мог сократиться в размерах, но не разрушиться полностью. Смена социально-культурной ситуации и задач общества, связанная с завершением процесса индустриального перехода в ядре СССР, с неизбежностью требовала поиска новых форм сосуществования народов на пространстве СССР. Он происходил в период Перестройки. Ещё летом 1991 г. республиканские элиты, включая российские, украинские и белорусские, были согласны с моделью Союзного договора, сохранявшего единое государство. Также важно отметить, что противоборствующие политические силы использовали особенности национально-государственного устройства СССР постольку, поскольку это соответствовало сиюминутной обстановке. Шёл революционный процесс, а в нём стороны могут пользоваться легальными институтами и правилами, а могут и ломать их. Если бы государство было устроено иначе, они бы использовали другие особенности этого устройства и исторические прецеденты. Если конституционных полномочий не хватало, в 1990-1991 гг. они так и делали. Достаточно вспомнить, что одним из «обоснований» роспуска СССР в Беловежском соглашении 1991 г. был союзный договор 1922 г. Но основатели СССР не несут за это ответственности – ведь договор 1922 г. давно утратил силу, так как был поглощён конституцией 1924 г. В связи с этим антиисторично было бы считать, что основатели СССР заложили в его конструкцию механизм его распада. Они создавали государственное устройство для определённых задач, а не на веки вечные, само это устройство менялось. События 1991 г. развернулись в качественно новых условиях, противо-

борствующие социально-политические силы находили разные обоснования для своих действий, нашли бы их и при другом государственном устройстве, в том числе, апеллируя к историческому прошлому, реальному или выдуманному. Таким образом, «размороженные» межнациональные конфликты и «национальное возрождение» во главе с региональными, национально окрашенными элитами ослабили конструкцию СССР, но к его разрушению привели, прежде всего, социально-политические, а не этно-национальные факторы [См.: *Шубин*, 2006].

Поиск новых форм сосуществования народов на пространстве республик СССР закончился неудачей. Это касается не только распада СССР, к которому можно относиться по-разному, но и к дальнейшей истории новых независимых государств, не сумевших избежать возвращения к кровавым территориальным конфликтам в эпоху, когда возникли новые возможности для сосуществования на одной территории представителей самых разных культур. Общение людей становится всё более глобальным и экстерриториальным. В этом отношении неудача трансформации СССР в новый союз связана и с неудачей перехода от индустриального общества к следующей фазе общественного развития. Неспособность преодолеть барьер, отделяющий нас от общества будущего, чреват деградацией, возвращением социальных структур уже когда-то преодолённого прошлого. Разворот истории к будущему, если он состоится, требует и поиска новых наднациональных форм, адекватных XXI веку.

ЛИТЕРАТУРА

Гросул В.Я. Образование СССР (1917-1924 гг.). – М.: ИТРК, 2007.

Двенадцатый съезд РКП(б) 17-25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. – М.: Политиздат, 1968.

Жуков Ю.Н. Первое поражение Сталина. 1917-1922 годы: от Российской империи к СССР. – М.: Издательский центр «Аква-терм», 2011.

Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М.: Аспект-пресс, 1997.

Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. – М., 1952.

Шубин А.В. Распад СССР: объективные и субъективные факторы // Распад СССР. – М.: ИВИ РАН, 2006.

Шубин А.В. Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. – СПб.: Питер, 2017.

Шубин А.В. Мировая революционная волна (1918-1923 гг.). Прилив. – М.: «Академический проект», 2020.

Актуальные вопросы изучения советской этнонациональной политики

Д.А. Аманжолова

Аннотация. *Автор рассматривает актуальные вопросы советской этнонациональной политики в контексте достижений современной отечественной и зарубежной историографии. Наряду с важными результатами в исследовании динамики и проблем федеративного строительства, всеобъемлющей модернизации для народов СССР в логике большевистских принципов национального самоопределения и обеспечения фактического равенства анализируются наиболее важные и дискуссионные подходы к углублению представлений о логике, динамике, содержании и значении происходивших в советский период трансформаций. Обращается внимание на специфику формирования и значение советского типа государственности, в т. ч. федеративной конструкции РСФСР как наиболее сложной в СССР, уточнение роли этнополитических элит в переходе от традиции к модерности и обеспечении устойчивости советского государства. Предлагается учитывать амбивалентный характер этносоциальных изменений и особенностей усложнения этноидентичности, а также некоторые существенные аспекты в обсуждении концепта «советский народ», понятий «советизация» и «советскость».*

Ключевые слова. *СССР, этнонациональная политика, традиция, модернизация, этничность, этнополитические элиты, советский народ.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.011

Советская этнонациональная политика давно находится в исследовательском поле историков всего мира. Оценить это наследие и современное состояние историографии основательно – отдельная масштабная задача. Ценный анализ эволюции взглядов учёных СССР об истории федерализма провела Т.Ю. Красовицкая [*Красовицкая*, 2022: 22-62]. Российские историки конкретизируют динамику федерализации на примере союзных, автономных республик и иных форм политического самоопределения, показывают содержание и смысл коренизации, практически все наиболее важные процессы модернизации народов СССР, взаимоотношения руководства и этнополитических элит на разных этапах истории, амбивалентные механизмы и факторы обеспечения межкультурной интеграции и консолидации общества наряду с поддержкой этничности в рамках идеологии интернационализма [*Чеботарева*, 2008: 3-25; *Полынов*, 2008: 3-26; Этнический и религиозный факторы, 2012; *Карпов*, 2017; Этнические элиты, 2017; *Аманжолова*, *Дроздов*, *Красовицкая*, *Тихонов*, 2021; и др.]. Наличные результаты, разумеется, не являются исчерпывающими ответами на разные актуальные вопросы, но расширяют возможности для анализа, высвечивают новые ракурсы и проблемные поля.

За рубежом советская этнонациональная политика обсуждается в рамках подчас полярных подходов. Западные авторы вносят вклад в расширение предметного поля и обновление оценок советского нациестроительства

как опыта империи «позитивной дискриминации», в анализ региональных ситуаций, судьбы национальных меньшинств и интеллигенции, особенно в 1920-1930-е гг. Значительно их влияние на историографию бывших советских республик, но там доминируют идеи представителей т. н. тоталитарной школы, которая, несмотря на низкую продуктивность, оказалась удобна для «деколониального поворота», объяснения современных принципов и проблем развития. СССР как тип государственного устройства признаётся ущербным или как минимум не вполне соответствовавшим потребностям прогресса, альтернативным проектам этноэлит (впрочем, в большинстве тоже федералистским), а его распад – доказательством априорной обречённости большевистского проекта [*Ауанасова*, *Нурпеисов*, 2018: 245, 258; *Кульчицкий*: 2014: 6-16 и др.].

Основные дискуссии о существе многонационального СССР сводятся к нескольким моделям. Он рассматривается как империя, где структура, механизмы и практики легитимировали подчинение центральной власти или как империя «позитивной дискриминации» или «империя наций». Советская «цивилизационная миссия» трактуется как упакованная в марксистско-ленинскую формулу помощь ранее отсталым народам; а национальная политика – как система определения уровней развития и иерархии по сталинской схеме «род – племя – народ – нация», хотя этническое сознание якобы было несовместимо с советским модернизационным проектом и привело к официальному мультикультурализму и креолизации. Но упорядочение «списка национальностей» и этноидентификация граждан СССР не только ускорили расстановку приоритетов самоопределения и усложнение индивидуального самосознания, которое в традиционных обществах далеко не всегда включало этничность или выделяло её как главную. В итоге социальное государство и специфическая имперская политика обеспечили модернизацию и модерность. Москва сформировала современные нации, и народы СССР не идентифицировали свой статус как колониальный [*Gorshenina*, 2021; *Кадио*, 2002; *Hirsch*, 2005; *Мартин*, 2011].

Объективно образование СССР имело колоссальное значение для модернизации народов бывшей империи. Новое государство с его проектом национального самоопределения на основе социального равенства и всеобщего движения к прогрессу обеспечило несомненные позитивные результаты нациестроительства, играющие важнейшую роль по сей день, как показали отечественные учёные. Это – конструирование наций с наделением их своими территориями, формирование экономической базы, урбанизация, изменения социальной структуры традиционных этнических общностей, коренизация органов власти и управления, письменные языки и всеобщее образование, современное здравоохранение, модерная культура. Объективная потребность в развитии регионов и обеспечении целостности страны понуждала непрерывно укреплять сложившиеся и развивать новые интеграционные механизмы. В 1982 г. в единый народнохозяйственный комплекс СССР входило более 400 отраслей экономики, 300 из них – в РСФСР, 200 – на Украине, 100 – в Узбекистане и т. д. В Грузию производились поставки от 100 отраслей экономики всех союзных республик, она же давала продукцию от 82 своих отраслей. Молдавия получала межреспубликанскую про-

дукцию от 93 отраслей из 14 республик и отправляла в другие республики от 72 отраслей. Минский тракторный завод получал комплектующие изделия более чем от 1000 предприятий из других республик. Заказы КАМАЗа обеспечивали 1,5 тыс. предприятий СССР [Народное хозяйство СССР, 1982: 74]. Такие достижения обеспечены тяжелым солидарным трудом многонационального общества на благо всех народов, что служит ценнейшим уроком в условиях подчас беспрецедентной идеализации огосударствленной моноэтничности, хотя она никогда не была гарантией процветания, тогда как межнациональное разнообразие даёт для него огромные возможности. Позитивные результаты многонациональности как фактора экономического и социально-культурного развития СССР сегодня воспринимаются как некая данность, а основной акцент во многих бывших советских республиках переносится на драматические и трагические страницы общего прошлого. Этнизация памяти, исключающая русский народ из числа и жертв, и созидателей, делает её односторонней, необъективной и ущербной.

Советская федерация была результатом адаптации доктринальных установок правящей партии к реальности, учитывающей специфику функционирования государства с его этнорегиональными экономическими, культурными и социальными различиями. В этом плане уместен вывод А.В. Ремнева об имперской географии власти, которая означает создание собственной управленческой среды, когда на нее влияли общие установки и методы властвования, и специфические условия региона [*Ремнев*, 2013]. И проблема совсем не в том, что в сложносоставном государстве отношения между центром и периферией рассматривались как неравенство – якобы оправданное из Москвы и неоправданное из республик, что утверждают Ст. Кульчицкий или Р.Г. Суни [*Кульчицкий*, 2014: 6-16; *Суни*, 2014: 17-40]. Важно отметить, что в Конституции РСФСР 1918 г. не были зафиксированы отличия автономных образований от губерний или их особый юридический статус [Конституция РСФСР, 1918]. Формирование представлений о критериях иерархии этнополитических единиц, условиях изменения их статуса, как и правовое закрепление, происходили в ходе неоднократных обсуждений между представителями центра и этих единиц. Детальную разработку и институциональную основу сложно организованной государственной конструкции обеспечивали непосредственно погружённые в непрерывный процесс взаимодействия секретари ЦК партии и главы системообразующих партийных структур, руководители ЦИК и ВЦИК, их отделов, ведущие наркомы, представители Госплана вместе с наиболее активными национальными лидерами.

Центр осуществлял управленческие и территориальные трансформации с учётом общегосударственных задач социально-экономического развития, совмещая их с принципами самоопределения и достижения цели фактического равенства народов. Впервые создавалась принципиально иная структура – национально-государственные образования, которая не только реорганизовывала наличный багаж, но и давала импульс рождению новых инструментов и системных звеньев, призванных обеспечить устойчивость полиэтничного государства, предложившего собственные политические, идейные, социальные ценности и нормы. Репертуар властных технологий

породил гибкие тактики как центра, так и этнополитических элит. Признание собственной государственности в качестве условия существования и развития обеспечивала мощная притягательная сила доктрины этнического национализма, провоцировала этноэлиты к расширению доступа к власти и ресурсам, установлению официальных культурных институтов. Формирование федеративного облика государства потребовало учитывать сложившиеся межрегиональные, хозяйственные, социально-культурные связи, границы и межэтнические коммуникации. Экономически сильные районы нередко присоединялись к национальным республикам, учитывалось и удобство администрирования. Так, при обсуждении идеи о Русской республике И.В. Сталин в 1923 г. выступил против не из страха перед русским национализмом, как считает Т. Мартин, а в интересах автономий, которые с реализацией такого проекта могли лишиться столичных центров и перспектив развития.

Руководство РСФСР в 1920-е гг. столкнулось с активными попытками лидеров автономий подняться в иерархии «федеративной матрешки». Они использовали сходные аргументы в свою пользу: ссылки на слабость, прежде всего экономическую, для дополнительной помощи центра; просьбы расширить территорию за счёт соседних русских областей и автономий для роста экономики и пролетариата; жалобы на «произвол», давление и «шовинизм» бюрократов из центра и др. Самыми убедительными считались напоминания о декларациях по национальному вопросу, равенстве и справедливости для ранее угнетавшихся народов, укреплении «советских позиций», а также о необходимости примером успехов в нациестроительстве приближать мировую революцию, особенно на границах. Интересы русского народа как объекта национальной политики практически не упоминались.

В конце 1926 г. специальная комиссия во главе с М.И. Калининым обсуждала спорные вопросы федерализации России. По мнению главы ЦИК СССР А.С. Енукидзе, Конституция РСФСР противоречила сложившимся взаимоотношениям между РСФСР и автономиями, а право свободного выхода из федерации в Конституции 1918 г. – «глубочайшая и правильная мысль в свое время». Но включать его для автономий РСФСР сейчас мы «не можем», жизнь нас толкает к централизации, – констатировал он, предлагая точно отразить реалии. Калинин считал: «Наша Конституция даёт автономиям такие права, каких во всем мире никому не дают. Если подойти конкретно к Конституции, то её надо сузить для того, чтобы данные права были использованы полностью. ...протесты, которые сыпятся от Украинской республики, показывают, что наша Конституция может изменяться. ...Совещание националов по этому вопросу предлагает сделать Казакстан союзной республикой. Но вы же знаете, что этот вопрос не пройдёт, ... Главный вопрос стоит так: …как сделать, чтобы те права, которые имеют республики, они могли бы полностью реализовать, т. к. практически жизнь мешает этому.

… являются ли автономные республики государственными или какими-нибудь автономными единицами? Это всё равно, что решать вопрос – был у Адама пуп или нет. Один немец 30 лет думал об этом вопросе и потом решил, что был. …Если мы будем развиваться, если революция на Западе будет расти, то

зачем нам теперь заниматься философским мудрствованием, ... А вопрос надо решить практически. Каким же образом? У нас есть формальные взаимодействия между РСФСР как федерацией и республиками. Они должны быть уточнены, и вопрос надо поставить на практическую почву».

Он обратил внимание на укрепление РСФСР и её автономий в меняющейся федерации, особенно экономическое: «…ведь Казахстан самая лучшая часть нашей республики, а там 90% промышленности местной, в Киргизии 99%, а то и 100% местной промышленности. Вы морочите голову, что у нас 20% государственной промышленности». Украинская промышленность имеет в своей основе союзное значение – сахарная, угольная, металлическая. «И когда говорят, что нас выпотрошили, это ни на что не похоже. И когда вы говорите анекдоты про яйца, которые покупают для РСФСР, то это смешно. …Почему РСФСР занимает худшее положение федерации Союза? Вот коренной вопрос. А вы выступаете в авангарде союзных республик, чтобы потрошить существо Союза, это неправильно. Если бы здесь были украинцы, то они вам бы аплодировали». Глава Госплана России А.М. Лежава поддержал: «существует мнение, будто в РСФСР сосредоточена большая часть промышленности Союза. Это неверно. ...Из этой промышленности 66% падает на долю местной промышленности»[1].

3 марта Политбюро решило упростить советский и хозяйственный аппарат национальных республик и областей. Это не означало сокращения прав субъектов федерации. Освобождавшиеся средства надлежало направить на нужды школ, больниц и местной промышленности. 11 марта комиссия утвердила проект директив для внесения в ЦК ВКП(б). В нём отвергались какие-либо принципиальные изменения в конституционных актах, но предусматривалась модификация работы союзных органов в РСФСР в соответствии с конституциями СССР и России. При обсуждении деталей вскрылись ведомственные разночтения. Лежава считал: «…центр тяжести следует перенести на упорядочение практики наших взаимоотношений между Союзом, с одной стороны, и автономными республиками, с другой». Наркомюст и прокурор РСФСР Д.И. Курский, его заместитель и член комиссии Н.В. Крыленко добивались уточнения прав и полномочий автономных республик. Принципиальным было определить: «составляет ли автономная республика часть федерации, не образуя отдельное государство или АССР является государством с правом выхода», а также связанные с этим их законодательные права и структуру органов управления. Докладывая по итогам дебатов в Политбюро, Калинин отмечал: большинство считает, что «прав у нас у всех более чем достаточно», основной же вопрос – в изыскании мер для их практического использования. Нельзя бесконечно сравнивать права разных субъектов РСФСР, а РСФСР – с УССР и другими союзными республиками. «РСФСР является центральной страной, более общей и ведущей линию на изживание в дальнейшем всякой грани между всеми республиками, поэтому – требовать оформления РСФСР в партийном отношении, ... было бы неправильно»[2].

[1] РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 62. Л. 34-38, 60, 71.
[2] РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 83. Л. 1-2, 14, 33-35.

Среди выводов Комиссии были предложения свести до минимума персональные объединения руководства органами СССР и РСФСР и внутри республик, оставив их только при политической необходимости; отказ от особого ЦК Компартии для РСФСР, но необходимость и целесообразность должности секретаря ЦК по делам РСФСР. Предлагалось ускорить разработку конституций автономных республик с учётом их бытовых национальных особенностей, особое внимание уделить урегулированию взаимоотношений объединённых и необъединённых наркоматов РСФСР и автономных республик[3]. Итак, комиссия пошла навстречу некоторым наиболее принципиальным требованиям автономий. Однако в целом исполнительные власти субъектов федерации, предусмотренные Конституцией РСФСР, в условиях ускоренной модернизации экономики не получили ожидаемого их лидерами расширения прав. В начале 1928 г. вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О расширении прав автономных социалистических советских республик и областей и упрощении порядка прохождения дел, возбуждаемых ими в высших правительственных органах РСФСР»[4].

РСФСР сохраняла особенно сложную структуру, хотя глава Госплана СССР Г.М. Кржижановский, А.С. Енукидзе и многие другие признавали: единообразие в районировании сразу упрощает управление [ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос, 2005: 521-525, 531-534]. Да и националы выступали за оптимизацию. Глава СНК Киргизии Ю. Абдрахманов писал Сталину: «Мы являемся составной частью РСФСР», но «очутились в положении тройного “подданства”» – органам РСФСР, Средней Азии и СССР [*Абдрахманов*, 1991: 74-75, 77]. Комиссия Оргбюро по районированию СССР 31 января 1928 г. признала сложной структуру РСФСР, что удорожало и затрудняло управление, выступая за единообразную систему для всей страны, но с «особыми взаимоотношениями» регионов и автономий. Вскоре Политбюро утвердило условия вхождения автономных республик в состав районированной области (края) на добровольной основе[5]. В апреле 1930 г. СНК СССР разрешил руководству Киргизской АССР обращаться непосредственно в союзные правительство и СТО. Если в 1921 г. в составе РСФСР было 13 автономных республик и областей, то в 1930 – 26. С принятием Конституции 1936 г. территория РСФСР заметно сократилась, было упразднено 7 краёв, стало 17 АССР [ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос, 2005: 532-533; *Круглов*, 2020]. Этнокультурная сложность общества была неустранимой реальностью, не позволяя лишь административными мерами обеспечивать политику национального равенства и модернизационный рывок для всех народов с одновременно заявленным курсом на межэтническую интеграцию. Огосударствление этничности с искусственными границами и разделением народов (Бурятия, Средняя Азия, Северный Кавказ, Украина) создало ловушку национальной государственности и почву для конфликтов.

[3] РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 61. Л. 5, 17-18.
[4] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 165. Л. 5, 9-22.
[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 22. Л. 164.

Федеративная иерархия складывалась в условиях острых дискуссий и объективных противоречий «пересборки» социально-политического пространства, издавна обжитого народами страны в их совместной жизнедеятельности, что, наряду с усилиями власти по обеспечению баланса интересов локального и целого, этнонационального и гражданского, стало важнейшим фактором устойчивости советского государства. СССР, несомненно, опирался на имперский фундамент, неотъемлемой константой которого было этнокультурное разнообразие, а управление им в XX веке стало важнейшей частью внутренней политики, определяя существо власти и социального порядка. Происходил «переход от имперского мировосприятия к советскому при замене форм, но при одновременном сохранении содержательного и смыслового аспекта» [Интериоризация советской модели, 2021: 13], поэтому важно анализировать общество «через описание форм исторического опыта, которые сводили в советском историческом контексте совершенно разных по темпераменту, складу характера, этничности, религиозности и социального происхождения людей и заставляли их вступать в определённые взаимодействия друг с другом и со сложной институциональной инфраструктурой, создаваемой советским государством в разных сферах общественной жизни» [*Голубев*, 2021: 13]. Всеохватные преобразования неизбежно порождали разнообразные коллизии в настройке отношений центра и национальных регионов, урегулирование которых было связано со спецификой сложного общества и выражавших её элит.

Роль этноэлит и их взаимоотношения с политическим руководством страны остаются дискуссионными вопросами. Историки показывают, как в ходе модернизации соединялись усилия основных субъектов политического пространства, причём национальные лидеры целеустремленно встраивались в аппарат власти, дорожили своим статусом, стремились к укреплению позиций и вместе с центром обеспечивали экономическую, социальную и культурную модернизацию. Центр же выступал не только спонсором и распределителем бюджетных средств, но и в качестве третейского судьи регулировал внутриэтнические конфликты и борьбу за повышение статуса субъектов в иерархически организованной федерации, добивался баланса в решении экономических, инфраструктурных, административных, социальных и иных задач, обеспечивал интересы государства как целого.

Контроль за этническим балансом в руководстве национальных единиц стал одним из важных элементов набора установок для функционирования общества. Включение в центральные органы власти, прежде всего в ЦК КПСС, представителей республик обеспечивало «институциональный плюрализм», когда первые секретари ЦК компартий республик становились посредниками между высшей властью и массами. Численное преобладание русских в высшем руководстве СССР не означало усиления внимания к русской этничности, решающим критерием было советское, а не этническое начало. Но, как пишет В. Деннингхаус, собственная программа по национальному вопросу, состоявшая из взаимоисключающих принципов – самоопределения народов и сохранения

централизованного государства, – сыграла с большевиками злую шутку [*Деннигхаус*, 2011: 41-42]. И в конце XX в., когда появились схожие проблемы, мифы автономизма и суверенизации обнаружили свою живучесть, а их реализация, как и прежде, породила амбиции и борьбу элит, наблюдаемую в бывших республиках СССР.

«Вторая эпоха коренизации» реализовалась в рамках негласного соглашения в официальном руководстве. Республиканские лидеры обеспечивали согласованную и взаимовыгодную линию в отношениях с руководством страны, патронируя корректировки в проведении необъявленной коренизации на своей территории. Этносоциологи констатировали сокращение доли русских во всех республиках во второй половине XX в., в отличие от их роста с 1926 по 1939 гг., с увеличением доли коренного населения, а также снижение численности русских в целом (1970 г. – 52,4%, 1989 г. – 50,8%). Принципиальным был рост доли занятых умственным трудом: в 1959 г. только 4 народа имели равную с русскими долю, в 1979 в 6 из 15 титульных этносов союзных республик их доля сравнялась с русскими (эстонцы, грузины, армяне, латыши, казахи); к ним приближались литовцы, украинцы, белорусы. Производственная интеллигенция стала самой многочисленной у большинства народов союзных республик, вместе с научной и гуманитарной формируя умонастроения народа. В партийно-государственном аппарате республик участие русских снижалось, особенно в Закавказье и Прибалтике. «Чем больше накапливался социальный потенциал у национальностей, тем шире становились круги интеллигенции, разнообразнее её профессиональный состав, более высокими социальные и политические запросы» [*Дробижева*, 2012: 346, 348, 350, 352].

Не менее актуальным представляется анализ содержания и трансформации (или якобы потери) этноидентичности, как и т. н. советизации. Культурное разнообразие в рамках управленческих технологий сохранялось, развивалось и адаптировалось в контексте сложносоставных модерностей [*Eisenstadt*, 2002] и идентичностей. Участники советской модернизации, несмотря на явные признаки общности, имели локальную этнокультурную «начинку». Множественность идентификации связана с динамичной культурной сложностью общностей и индивидуумов. Так, татары и башкиры, особенно на северо-западе фронтира, не раз добровольно меняли официально фиксируемую идентичность, сохраняя противоположное самоопределение как личный культурный ресурс. Термин из официального лексикона «татаро-башкиры», предложенный М. Султан-Галиевым в 1920 г., отражал не только фактическую этнокультурную близость двух народов, но и трудности формализации культурных границ [*Горенбург*, 2004: 107-125; *Шефер*, 2010: 109-128].

Традиционные основы этничности адаптировались к социалистическому проекту, сплавлялись с модерными принципами, институтами и практиками реорганизации политической системы и всего социально-культурного пространства страны. Культурный прогресс, индустриальный скачок, урбанизация, развитие науки и техники пересекались с характерными для традиционных обществ иерархическими социальными

отношениями и значимыми для вертикальной мобильности личными связями. Это совмещение происходило всякий раз достаточно оригинально и имело неоднозначные последствия для многоликого сообщества народов, а также для социокультурного и гражданского наполнения их единства в качестве советского народа. Впрочем, и сама модерность толкуется по-разному [*Дэвид-Фокс*, 2020].

Политика «спонсирования» этничности при централизованном контроле в итоге была направлена на утверждение СССР как национального государства. Мартин справедливо полагает, что при этом реализована политика институционализации (огосударствления) этнических меньшинств, поддержки их культур, поощрения этнонационализма, за исключением национализма «господствующей нации» в качестве «великорусского шовинизма» [*Мартин*, 2011]. СССР не разрушал, а создавал нации. Утверждение, что никто не считал себя советским, поскольку советскую нацию создавать не стремились, не соотносится с реальностью. Скорее, при отсутствии сформулированной цели создать советскую нацию вся внутренняя политика, как и сложившееся задолго до СССР сообщество народов и граждан единого для них государства и родины, не могли не обеспечить социальную и межэтническую целостность, что совсем не означало её гомогенность и обезличенность. Советская нация – не только и не столько совокупность национальностей, а согражданство в его сложной и противоречивой динамике.

Как считает Дж. Бурбанк, в СССР «дружба народов» сочеталась с мобилизацией кадров из этнических групп, контролируемых через однопартийную систему и «полицейский контроль», формальное деление государства на национально-государственные единицы. Поскольку практика культивирования национальных различий была основной в имперском управлении, она предлагает учитывать множество форм, в которых власть осуществляется через пространство [*Burbank*, 2018: 11-33]. СССР не означал «простой» переход от империи к конструированию наций и общесоветской надэтнической общности/нации, а наследовал и ещё больше в движении к модерности создавал свои инструменты поддержания разнообразия и управления им, обеспечения новой консолидации общества на социальной и интернационалистской основе.

Дополнительным рычагом политики административного регулирования этнических процессов и межэтнических отношений были национальные советы. Они должны были не только олицетворять политизацию этничности выстраиванием искусственных и не оправданных административных границ и спонсированием этнократической местной бюрократии, но и на низовом, самом приближенном к конкретному человеку уровне зримо воплощать преимущества социализма в удовлетворении партикулярных интересов этносообществ. Однако жёсткий контроль со стороны центра, общая профанация идеи самоуправления, силовой характер модернизации экономики и переформатирования социальной структуры общества лишали любые советы возможностей всерьёз выполнять свои конституционные полномочия. В этнокультурном плане местные советы в системе целенаправленно создаваемых политических

и общественных сетей получили дополнительную нагрузку, наряду с реализацией социально-инженерных проектов формирования советской идентичности (социальное равенство, неприятие частной собственности, коллективизм, светскость и др.), которая опиралась и на приоритеты традиционной культуры – патриархальный общинный уклад, признание авторитарного характера и патерналистской роли государства, сакрализацию власти, терпение, правовой нигилизм, низкий общий уровень образования.

Новая система власти выстраивалась, одновременно формируя декларированные как абсолютно новые принципы социально-политической активности. Глубокая трансформация форм и способов социально-политической активности широких масс предполагала, что прежние модели взаимодействия организованных структур управления (имперских и традиционных внутриэтнических) с различными социальными и демографическими группами населения отвергаются как негодные в политическом, идеологическом и культурно-ценностном смысле. Центральное место отводилось «пробуждению» мощной народной инициативы и самодеятельности, которые должны были при поддержке и под управлением власти создать пространство социальной справедливости, неограниченных для «простого» человека возможностей участия во всех сферах общественной жизни – экономике, управлении, культуре и т. д.

Многочисленные общественные организации, с конца 1920-х гг. встроенные в систему управления, формировали у граждан убеждённость в превосходстве советского строя, невиданных ранее возможностях самореализации. Эти организации стали одним из инструментов стандартизации социального пространства и средством реализации потенциала гражданской активности. Интернационализм подразумевал социальную солидарность и братство людей труда независимо от этнической принадлежности. Этническое «Я» рабочего и крестьянина презентовалось как сила, способная умножить эффективность борьбы против ненавистных эксплуататоров в «родном» – национальном обличье. На межэтнические отношения влиял постоянный рост межкультурных контактов, в том числе в образовании, на производстве, в общественных организациях. Многопоколенные межкультурные коммуникации прирастали новыми практиками надэтнической политики власти. Интернационализм был маркером советской идентичности, что показано российскими историками на примере пропагандистских и культурных практик, а также повседневных социально-бытовых проявлений.

С данным вопросом связаны и споры вокруг концепта «советский народ» и понимания «советскости». Трактовки и оценка исторического значения этих явлений весьма разнообразны. В. Деннингхаус определяет действия большевиков по созданию социалистического многонационального общества и обеспечению лояльности населения в отношении власти как советизацию [*Деннигхаус*, 2011: 629, 643], хотя данный термин использовался вполне конкретно в качестве инструмента утверждения партийного доминирования через систему советских органов власти и управления, обеспечивающих классовый подход и национальное равен-

ство. В конечном счёте в рамках федерации создавалась, осваивалась и модифицировалась новая модель гражданской консолидации общества, получавшей оригинальное воплощение в конкретных этносоциальных средах. Власть опиралась на базовые общегражданские и этнические приоритеты и установки, пластичность и адаптивность способов и моделей поведения и реидентификации этносоциальных, демографических и иных общностей.

Доктрина пересотворения мира на началах социальной справедливости предполагала новые ценностные и институциональные «нормативы» прогресса. Между тем в обществе во внутри- и межэтнических отношениях развивались собственные сложные взаимные связи и зависимости, предпочтения и ориентиры, а принадлежавшие к разным этносообществам граждане организовывали собственную жизнь не только на основе культурной идентификации, а всё больше руководствуясь общегражданскими (национальными), профессиональными, демографическими, гендерными и т. д., и т. п. интересами, ценностями и стереотипами. Жёсткое социальное структурирование общества обусловливало приоритет именно общих установок и ценностей, нежели этнических, которые должны были вписаться в «негомогенное целое» согражданства и в то же время оставаться выделенными. Гарантией «расцвета и сближения» народов, их спонсором и руководителем обязаны были выступать облеченные властью институты. Но многообразная действительность в каждом конкретном случае модифицировала и адаптировала общую схему, изменяя первоначальный замысел. Этнокультурные традиции социальных взаимосвязей и иерархий подчас вполне успешно вписывались в советскую систему, или, наоборот, также успешно обходили её, сохраняя за собой многовековым опытом закрепленные функции и общественную ценность. Сохранялась многослойность идентичности, и у большинства населения постепенно формировалась новая система ценностей, трудовой мотивации, социальных установок. В то же время патерналистский тип ментальности этнической культуры вполне соответствовал доктринальным установкам государства.

Межкультурная интеграция и складывание советской общности стали результатом не только целенаправленных усилий государства, но и многовековой культуры межэтнического взаимодействия и сожительства народов Евразии. При этом власть должна была постоянно добиваться баланса между интеграцией народов и поддержанием различий между ними. Образ человека в его советской идентичности, обретавший самоценность в совокупности предоставляемых властью инструментов самореализации, возвышался благодаря колоссальной роли культурных паттернов. Сами традиционные нравственные ценности, которые неизбежно встраивались в систему идеологических установок и пропагандистских усилий, воспитание и культпросвет, оставались фундаментом морали, индивидуального мировоззрения и межличностных отношений. Это не исключало различных девиаций, в т. ч. в повседневной жизни, бытовых и семейных практиках, межпоколенческих отношениях. Культурная мимикрия под давлением официальной идеологии приобрела массо-

вый характер и становилась стереотипом поведения, при одновременной вере в заявленные властью идеалистические постулаты и стремлении их реализовать. Более того, традиционные ценности любви к Родине в её огромном многоликом воплощении, коллективизма, трудолюбия, взаимовыручки и межэтнического обмена трудовыми и иными практиками, неформального социального контроля и др. оказались адаптированы, встроены в повседневную жизнь людей, независимо от национальности. Доминирование властных рычагов регулирования неформальной сферы жизни обусловило сложный симбиоз нормированной общественной активности, лояльности и пассивного отношения к решению проблем организации труда, быта, досуга, охраны окружающей среды, здоровья и т. д. Внутриэтнические параметры социальности оставались неотъемлемой частью самоидентификации.

Приоритеты конфессиональной, локально-территориальной и сословной самоидентификации постепенно заменялись на общесоветскую идентичность. В ходе социально-экономической модернизации у многих народов впервые появились многочисленные кадры квалифицированных рабочих, научно-технической и гуманитарной интеллигенции. Они формировались в условиях интенсивного межнационального общения. Внутриэтническая автаркия благодаря образованию, индустриализации и интенсивным внутренним миграциям, в т. ч. в условиях эвакуации, замещалась межкультурной интеграцией. Поликультурное наполнение советского гражданства было реальностью, которая постепенно прочно утверждалась в массовом сознании. Советскость как качественная характеристика культурно сложной отличительности получает разнообразные интерпретации [*Орлов*, 2022]. Пластичность исторического явления «советскость», в том числе хронотопическая, проявляющая свою инерционную силу, при негомогенной целостности общества, представляется особенно важной, поскольку позволяет признать некорректными попытки ограничить интерпретации советского/антисоветского жёсткими установками партийных документов [*Болтунова*, *Егорова*, 2022]. В содержание советскости, очевидно, стоит включать и предшествующие СССР системные свойства и ценности поликультурного российского общества, и собственно советские, сосуществовавшие и способные восприниматься подчас как полярные, модели поведения и инструменты адаптации к меняющимся обстоятельствам жизни разных социально-демографических групп, в т. ч. бюрократии, в разные периоды истории СССР.

Система общих социально-политических и культурных институтов и коммуникаций, единая идейно-политическая интерпретация и мифология, общегосударственные символы и ритуалы, сблизившиеся параметры политико-правовой культуры наряду с полиэтничным составом населения многих регионов обеспечивали единство советского народа как политической нации. Его функционирование в условиях Великой Отечественной войны обнаружило и противоречия региональных, социальных и культурных форм гражданского единства. Советский патриотизм предполагал политическую лояльность, а в коммуникативной практике коллективная идентичность формировалась на основе представлений об

особых объединяющих ценностях, образе жизни как предмете общей гордости.

Техническая взаимопомощь и сотрудничество усиливали межкультурную интеграцию специалистов – представителей разных республик и национальностей, росла мультикультурность регионов и смешанных браков (1959 г. – 10,2%, 1979 – 14,9, 1989 г. – 17,5%). Готовность многих людей селиться и жить на территории других республик вместе с представителями других народов, активные миграционные процессы укрепляли навыки позитивного взаимодействия в учебных заведениях, трудовых коллективах, армии. Важную роль играло владение русским языком представителей других национальностей: 1970 г. – 48,7%, 1989 г. – 81,9%. В 1979 г. 16,3 млн представителей разных народов назвали родным русский язык, 61,3 млн одинаково свободно владели родным и русским языком [*Полынов*, 2008: 12; Российская многонациональная цивилизация, 2003: 206; *Вдовин*, 2004: 249; *Уманский*, *Шаболдин*, 1987: 291, 283]. В целом рост вертикальной и горизонтальной мобильности, наряду с господством общекультурных практик, усиливали межэтническое взаимодействие.

СССР обеспечил свою полноценную субъектность в мире и реализовал концепт нации-государства при многонациональном содержании как неизбывной данности. Это не могло не породить множество противоречий и рисков – нациестроительство для всех народов потребовалось совместить с формированием нового гражданства, получившего консолидирующее определение «советский народ». Негомогенность, культурная сложность и пластичность культуры разных социально-демографических групп и этнических общностей в советском народе как динамичной целостности есть проявление нормальности, если не пытаться исходить из неких якобы заданных большевиками параметров создания централизованной, вертикально организованной и идеологически монолитной общности. Даже если изначальный проект подразумевал нечто подобное, власть быстро усвоила невозможность игнорировать реальные противоречия и необходимость определенного баланса разных факторов.

Советская этнонациональная политика представляет интерес с точки зрения преемственности и модификации моделей государственности и управления. Большевистский проект, как и несостоявшиеся этнополитические проекты модернизации начала XX в., был «западническим» по смыслу предлагавшихся рамок прогресса. Практические попытки соединить его идеи с разноликой этносоциальной реальностью выразились в региональных вариациях взаимозависимости и взаимодействия. В СССР состоялась оригинальная, единая и непрерывная во взаимосвязи с прошлым и будущим история регионов, народов и страт как компонентов совместного социально-культурного и политического пространства. При этом версия о «внешнем» характере советской системы вряд ли уместна. Она целенаправленно создавалась представителями всех народов для непосредственного встраивания самоопределившихся субъектов в политические и иные институты федерации, как и интернациональная номенклатура – ключевой актор перехода народов СССР от традиции к

модерности. Местные элиты приобретали влияние не в зависимости от лояльности русскому языку и культуре, а благодаря соединению этнически ориентированной культуры с общесоюзной, при этом русский язык, русская культура и сам русский народ играли фундаментальную роль в обеспечении прочности государства и единства общества.

Советский опыт нациестроительства, несмотря на трагические интернациональные потери вследствие коллективизации, голода и репрессий, стал к тому же отправной точкой масштабных исторических процессов, во многом определивших устремления и перспективы для колонизированных Западом стран и народов. Их освободительная борьба неразрывно связана с примером СССР, и рассуждения о Советском Союзе как империи подчиненных наций, колониальной империи никак не вяжутся с действительностью. Более того, историческая память об антиколониальной сущности СССР составляет ценный потенциал внешней политики и международного имиджа Российской Федерации.

Советский век сыграл решающую роль в формировании востребованной временем социальной структуры всех народов страны, институтов власти и управления, экономики, систем образования, здравоохранения, культуры и других условий, без которых было бы немыслимо существование новых независимых государств после 1991 года. Историческая память многонационального бывшего СССР хранит несомненные достижения национальной политики и Победы советского народа над нацизмом и трагические потери всех народов страны в результате коллективизации и репрессий. Осмысление этого многогранного опыта, совместившего славу побед и горечь утрат, по-прежнему востребовано.

ЛИТЕРАТУРА

Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. – Фрунзе: Кыргызстан, 1991. – 319 с.

Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Красовицкая Т.Ю., Тихонов В.В. Советский национальный проект в 1920-1940-е годы: идеология и практика. – М., 2021.

Ауанасова А.М., Нурпеисов Е.К. Советская власть и скрытая политика неоколониализма и тоталитаризма // 1917 год: исторические судьбы народов Евразии. – Алматы: Эверо, 2018. – С. 245-258.

Болтунова Е.М., Егорова Г.С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». – М.: Издательство «Кучково поле», 2022. – 400 с.

Голубев А.А. Советский человек в футляре и вне его // Новое прошлое. The new past. 2021. № 4. – С. 8-20.

Горенбург Д. Татары в башкиры и обратно: механизмы изменения национальной принадлежности у татар и башкир Башкортостана // Башкортостан в политическом пространстве России: зарубежная политология о соврем. развитии республики / [сост. И.М. Габдрафиков и И.В. Кучумова]; под ред. И.В. Кучумова. – Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2004. – С. 107–125.

Деннигхаус В. В тени «Большого брата»: западные национальные меньшинства в СССР, 1917-1938 гг. – М.: РОССПЭН, 2011. – 727 с.

Дробижева Л.М. Этнодемографические и социальные изменения в жизни национальностей в 1970-1980 гг. // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 344-353.

Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. – М.: НЛО, 2020. – 464 с.

Интериоризация советской модели в традиционных сообществах Бурят-Монголии (1920–1930 гг.) / М.Н. Балдано, В.Ю. Башкуев, П.К. Варнавский, С.В. Кириченко, А.М. Плеханова, А.Н. Соболева, С.В. Хомяков / науч. ред. Б.В. Базаров. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2021. – 416 с.

Кадио Ж. Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национальностей в Российской империи и в Советском Союзе (1897-1939 гг.) // Ab Imperio. 2002. № 4. – С. 177-206.

Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20-30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. – 400 с.

Конституция РСФСР 1918 г. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstl918 (дата обращения: 30.11.2022).

Красовицкая Т.Ю. Федералистские воображения и сценарии, их нюансы и оттенки: историографические искания // Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Костырченко Г.В., Красовицкая Т.Ю. Советская федерация: от империи к модерности. 1917-1941 гг. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. – С. 22-62.

Круглов В.Н. Организация территории России в 1917-2007 гг.: идеи, практика, результаты. – М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 480 с.

Кульчицкий Ст. Статус титульных наций в псевдофедеративной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917-1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920-1950-е годы. Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10-12 октября 2013 г. – М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. – С. 6-16.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 гг. – М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 662 с.

Народное хозяйство СССР. 1922-1982. Юбилейный стат. ежегодник. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 623 с.

Орлов И.Б. Феномен советскости в отечественной историографической традиции // Вестник РУДН. Серия История России. 2022. Т. 21. № 4. – С. 597–607.

Суни Р.Г. Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920-1950-е годы. Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10-12 октября 2013 г. – М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. – С. 17-40.

Полынов М.Ф. Проблемы и противоречия в развитии национальных отношений в СССР в 1970-х – первой половине 1980-х гг. // Общество. Среда. Развитие (TERRA HUMANA). Вып. № 2. 2008. – С. 3-26.

Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX — начала XX вв.: в поисках новых теоретических подходов [Электронный ресурс] // URL:http://zaimka.ru/remnev-siberia/ (дата обращения: 16.08.2018).

Чеботарева В.Г. Сталин и партийно-советские национальные кадры // Вопросы истории. 2008. № 7. – С. 3-25.

Шефер Д.И. Возникновение границы между Татарстаном и Башкортостаном (1920-1922 гг.) // Башкирия/Башкортостан: пространство, политика, механизмы выживания: по страницам зарубежной историографии / Центр этнологического мони-

торинга Исполкома Всемирного Конгр. татар; отв. ред. канд. ист. наук И.М. Габдрафиков; сост. и предисл. канд. ист. наук И.В. Кучумов. – Уфа: Дизайн ПолиграфСервис, 2010. – С. 109-128.

ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. – М.: РОССПЭН, 2005. – 852 с.

Этнические элиты в национальной политике России / Отв. ред. В.В. Трепавлов; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 477 с.

Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства. – М.: Новый хронограф, 2012. – 448 с.

Burbank J. Empire and Transformation: The Politics of Difference // Comparing Modern Empires: Imperial Rule and Decolonization in the Changing World Order. Ed. by UYAMA T. Slavic Eurasian Studies. 2018. No. 33. P. 11-33.

Gorshenina S. Orientalism, Postcolonial and Decolonial Frames on Central Asia // https://m.youtube.com/watch?v=ftWkfZNiG6o&feature=youtu.be (дата обращения: 12.08.2021).

Hirsch F. Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005. 367 p.

Eisenstadt Sh.N. (ed.). Multiple Modernities. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2002. 267 p.

Память о Гражданской войне: казус И.П. Волкова

Н.В. Суржикова, Е.Ю. Лебеденко

Аннотация. *Статья посвящена осмыслению феномена памяти о событиях Гражданской войны в советском обществе. На материалах исследовательского кейса, связанного с историей создания и бытования воспоминаний о Западно-Сибирском восстании 1921 г. И.П. Волкова, показана множественность памяти о Гражданской войне на региональном и локальном уровнях. Продемонстрировано, что каждый новый этап «оттачивания» истории «установления советской власти на Обском Севере» не исключал конкуренции разных локальных нарративов и конфликта локальных нарративов с региональным. Тем самым казус Волкова прежде всего актуализирует проблему адекватной российским реалиям политики памяти, централизованное, директивное формирование которой может иметь лишь ограниченный успех, причём не только применительно к памяти о Западно-Сибирском восстании 1921 г., но и к памяти о Гражданской войне в целом.*

Ключевые слова: *множественность памяти, мемуары, Гражданская война, Западно-Сибирское восстание, травма, советская субъектность.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.012

Несмотря на огромное количество исследований, посвящённых российской Гражданской войне, она продолжает вызывать дискуссии [см., напр.: *Голдин*, 2020; *Колоницкий*, 2019; *Рынков*, 2022; *Smele*, 2016; и др.]. При этом в современных исследованиях однозначно решено, что российская Гражданская война не была противостоянием только лишь «белых» и «красных». Помимо того, она вбирала в себя конфликт «власти» и «общества», социальные конфликты, связанные с кризисом элит, противоборство центробежных и центростремительных сил, этнополитические конфликты с мотивами деколонизации, иностранную интервенцию и повстанческие движения. Вся эта сложность российской Гражданской войны, а именно множественность характерных для неё конфликтов и множественность её «столиц», признанные историографией, неизбежно вызывают вопрос о том, а может ли коллективная память о ней, о российской Гражданской войне, быть монолитной и унифицированной?

На наш взгляд, очевидно, что нет. При этом в поисках ответа на вопрос, что же мешает монолитности и унифицированности коллективной памяти о российской Гражданской войне, мы позволили себе уйти от общих рассуждений на эту тему [см. об этом, напр.: *Бубнов*, 2019; *Головашина*, 2022; *Еремеева*, 2021; и др.], предпочтя тем или иным генерализациям конкретный исследовательский кейс, связанный с памятью о так называемом Западно-Сибирском крестьянском восстании 1921-1922 гг. на Обском Севере (Трактовки этого события, характерные для советской историографии, см.: [*Богданов*, 1961; *Иванов*, 1957; *Шишкин*, 2021]). Сразу отметим, что этот кейс был нами выбран вовсе не потому, что на фоне других событий так называемой «крестьянской революции»

(В. Данилов, Т. Шанин) или «Великой крестьянской войны» (А. Грациози) [см.: *Грациози*, 2001; Крестьянское движение в Тамбовской губернии, 2003; *Соколов*, 2017; и др.] события Западно-Сибирского крестьянского восстания на Обском Севере не так хорошо известны. Выбранный нами казус, – обозначим его в самом общем виде как казус И.П. Волкова, – являясь вроде бы чем-то частным, отсылает, на наш взгляд, к далеко не частным вопросам, позволяющим проблематизировать феномен памяти о событиях Гражданской войны в советском обществе на локальном и региональном уровнях, при том, что советскому обществу многие исследователи по инерции, связанной с бывшим господством в историографии теории тоталитаризма, до сих пор отказывают в самой возможности социальной активности, рассматривая его как общество молчащих манипулируемых объектов. Безусловно, «социальные рамки памяти» (М. Хальбвакс) в советском обществе задавались идеологией. Однако, как известно, действие идеологии не бывает тотальным, равно как и память не бывает «нулевой» [см.: *Хальбвакс*, 2007; *Ассман*, 2014].

***

Более крупное, нежели широко известные Кронштадтский мятеж или «антоновщина», Западно-Сибирское восстание было вызвано аналогичными причинами и прежде всего экономической политикой новой власти. Начавшееся в конце января 1921 г. в северных волостях Ишимского уезда Тюменской губернии восстание довольно быстро охватило территорию Северного Казахстана, Западной Сибири и Зауралья. Обдорск, административный центр Ямала, был занят повстанцами в начале апреля 1921 г., когда основные очаги антибольшевистских выступлений на юге были уже подавлены. События здесь, на «задворках Гражданской войны» (А.А. Петрушин) [*Петрушин*, 2004], не имели большого значения не только для исхода российской Гражданской войны; они не имели большого значения и для исхода Западно-Сибирского восстания. Стоит ли удивляться, что одно из первых известных свидетельств о восстании на территории Обского Севера, – заявление уполномоченного Березовского политбюро А.В. Уфимцева, поданное в Березовский уком РКП(б) летом 1921 г., – походило на хронику локальных событий, среди которых при этом едва ли не главными оказались такие малогероические факты, как немотивированные расстрелы заложников, неорганизованность снабжения революционных отрядов, повальное пьянство и распутство «красных» командиров и т. д., и т. п. [см.: Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П67. Оп. 2. Д. 1. Л. 36-42].

Вместе с тем, этот документ однозначно зафиксировал, что восстание стало заметной страницей локальной и региональной истории. Однако, поддержав в этом А. Уфимцева, большинство авторов в 1920-1930-е гг. подчеркивали значимость и знаковость восстания, апеллируя не только и не столько к местным реалиям. Наоборот, в нарративах, посвящённых восстанию, довольно быстро общим местом стали попытки увязать

его с событиями российской Гражданской войны в целом. Напрямую на это указывалось, в частности, в сборнике воспоминаний, изданном в 1924 г. по решению Березовского уездного комитета РКП(б): *«Гражданская война, происходившая всюду … развернулась достаточно широко и захватила собой даже отдалённые уголки необъятной России... Эта борьба в решающий момент происходила и здесь, на далеком Севере …»* [Сборник воспоминаний о гражданской войне на Севере, 1924: 1].

Примечательно при этом, что, тогда как подавление восстания на Обском Севере продолжало трактоваться не иначе как защита завоеваний Октября, как нечто более важное и значимое, нежели событие местного масштаба, само оно в разных источниках и прежде всего эго-документах 1920-х гг. номинировалось по-разному: «контрреволюционное восстание», «волна бандитизма», «бунты крестьянские», «бандитско-кулацкое восстание» [см.: ГАСПИТО. Ф. 4048. Оп. 1. Д. 11. Л. 1-3 об.; Ф. 4048. Оп. 1. Д. 49. Л. 1-9; *Клыков*, 1922; Красный зверь, 1924; и др.].

Так или иначе, но официальная история Западно-Сибирского восстания на Обском Севере, формировавшаяся на основе истпартовских документальных коллекций, в любом случае не могла быть никакой другой, кроме как историей победителей, рамку которой задавали каноны и языки советского героического нарратива. Это зафиксировал один из первых летописцев восстания на Обском Севере журналист Ф.Г. Копытов, в своём очерке «Тундра в крови (по записям красных партизан)», по сути, впервые попытавшийся решить сразу две задачи: 1) субординировать события собственно восстания, организовав их в общую непротиворечивую картину, и 2) определить место этой картины в галерее предыдущих и последующих исторических событий, уже ставших частью советского исторического мифа [Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 2. Д. 94. Л. 6 об., 39-40].

Примерно таковой история Западно-Сибирского восстания на Обском Севере оставалась и далее [см., напр.: *Россомахин*, 2019: 97-155]. Однако на смену его различным «именам» к середине 1950-х гг. постепенно пришли ставшие общеупотребительными определения «бандитско-эсеровское восстание» и/или «кулацко-эсеровский мятеж», – определения, подчеркивавшие не только межклассовый, но и межпартийный конфликт как основу восстания. Это было прямым следствием тех унификационных процессов в формировании представлений о прошлом страны, которые были связаны с выходом в 1938 г. краткого курса истории ВКП(б). При этом вспоминать о Западно-Сибирском восстании на Обском Севере стало принято едва ли не исключительно по поводу: в связи с юбилеями Октября и Гражданской войны, датами рождения местных партийных и комсомольских организаций и т. д., и т. п. [см., напр.: Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (ТИАМЗ). Ед. хр. по КП № 34689171; ТИАМЗ. Ед. хр. по КП № ТМ-13767/70; ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 69. Л. 31-37; и др.]. Типичный пример таких воспоминаний – воспоминания участвовавших в подавлении восстания бывших милиционеров В.В. Бойцова и В.В. Соколова, написанные в 1941 г. по случаю 20-й годовщины восстановления советской власти в Тобольске: *«Организаторами*

эссеро-кулацкого восстания в 1921 году были контрреволюционные эссеровские организации, кулацкая часть деревни, купцы, торговцы и духовенство. Эти слои населения конечно были недовольны Советской властью и руководством коммунистической партии…» [ТИАМЗ. Ед. хр. по КП № ТМ-13767/44. Л. 1].

В то же время в автобиографиях участников и очевидцев тех событий их характеристики превращались во всё более минималистичные и «стерильные», касаясь преимущественно лишь частных сюжетов и конкретных локаций [ср., напр.: ГАСПИТО. Ф. П135. Оп. 3. Д. 61. Л. 5-6 и Л. 23].

Таким образом, за 30 лет Западно-Сибирское восстание на Обском Севере обрело, казалось бы, своё общее толкование, выдержанное в духе партийно-классового подхода, чему никак не помешала тенденция фрагментации памяти о событиях 1921-1922 гг., обусловленная их полицентричностью. Преодолеть её в некоторой степени удалось только М.Е. Бударину, профессиональному историку, автору вышедшей в 1952 г. книги «Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири» [см.: *Бударин*, 1952: 119-121]. Воссоздать на её страницах некий общий образ восстания автору, однако, удалось во многом благодаря лишь тому, что, пренебрегая разновеликой разноместной конкретикой, он придерживался самой общей событийной канвы восстания.

***

Иосиф Петрович Волков, чьи воспоминания о Западно-Сибирском восстании на Обском Севере, как и большинство аналогичных документов, появились благодаря очередной юбилейной дате, 35-летию событий 1921 года, по советским меркам середины 1950-х гг. был вполне обычным человеком. Его биография такова: родился И.П. Волков (1893-1959 гг.) в Томской губернии, в селении при Змеиногорском руднике. Окончил Томский учительский институт. В 1915 г. мобилизован и вскоре уволен в полугодовой отпуск по болезни. В 1916 г. зачислен юнкером в Иркутское военное пехотное училище, которое окончил с произведением в чин прапорщика. Весной 1917 г. переведён в действующую армию, служил в 199-м Кронштадском пехотном полку. Воевал на Юго-Западном фронте. Активно участвовал в деятельности армейских комитетов. Избран председателем полкового, а затем и корпусного комитета. В феврале 1918 г. демобилизовался. Проживал в Змеиногорске. Летом 1918 г. мобилизован в белую армию. Зачислен курсантом в Томскую радиошколу, которую окончил 1 июня 1919 г. с присвоением звания военного радиотехника. Направлен на службу во 2-й радиодивизион, с 13 июля 1919 г. – начальник Семипалатинской радиостанции. С приходом красных в декабре 1919 г. вместе с радиостанцией переведён в батальон связи 59-й пехотной дивизии. 30 декабря 1919 г. вступил в РКП(б). 7 февраля 1920 г. откомандирован на службу в народный комиссариат почт и телеграфов. Летом 1920 г. направлен в Обдорск для строительства опорной радиостанции для связи региона Карского моря и Сибири. В 1920-1922 гг. И.П. Волков – начальник Обдорской радиостанции, член Обдорского волкомитета РКП(б), с 1921 г. – член Обдорского ревкома и Тобольского северного

военно-революционного комитета. Осенью 1922 г. в рамках партийной чистки из-за конфликта с уездными властями был вынужден сдать свой партийный билет и отправиться на работу на о. Диксон. Затем работал на радиостанциях в Новониколаевске (1923-1925 гг.), Камне (1925-1926 гг.), а также в Туркестане Казахской АССР (с 1926 г.). О местонахождении И.П. Волкова в 1930-1940-е годы ничего не известно, но и репрессии, и война, судя по всему, его лично не затронули. Известно только, что во второй половине 1950-х гг. Волков проживал в г. Каспийске Дагестанской АССР, где впоследствии и умер [см.: Послужной список И.П. Волкова, 2020: 282-285].

Воспоминания И.П. Волкова о событиях Западно-Сибирского восстания в Обдорске и вокруг него были выявлены нами в Государственном архиве в г. Тобольске в ходе вполне себе рутинных архивно-музейных «раскопок», связанных с проектом «Россия 1917 года в эго-документах» [см. об этом: *Суржикова*, 2017]. На время отложив этот источник, мы вернулись к нему в ходе реализации другого проекта, «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX в. в историко-литературном контексте» [см.: Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах, 2021], и с удивлением обнаружили, что воспоминания И.П. Волкова, будучи, казалось бы, типичным оттепельным текстом, каких много, сохранились, как минимум, в трёх редакциях и при том сразу в нескольких архивных и музейных собраниях [см.: *Волков И.П.* Борьба с бандитизмом на Тобольском Севере в 1921 г.: воспоминания участника, Каспийск, 1956 г. // Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62; то же // Музей природы и человека (МПиЧ). Ед. хр. по КП № ХМ-44/2; он же. Воспоминания. Борьба с бандитизмом на Тобольском Севере в 1921 году: в 2-х т. // Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского (ЯНОМВК). Документальный фонд. Инв. № РК-2908; он же. Борьба за власть Советов: в 2-х т. // ЯНОМВК. Документальный фонд. Инв. № РК-2904. Л. 164-339; Воспоминания Иосифа Петровича Волкова // ТИАМЗ. Ед. хр. по КП № ТМ-30611/15; и др.]. Именно это и составило ту самую интригу, которая привела нас в целый ряд архивов и музеев[1], фактически превратив наше исследование в расследование.

Выяснилось, что написать о своём участии в обдорских событиях 1921 г. Иосиф Петрович в ответ на официальное отношение от бюро Березовского уездного истпарта пытался сразу, практически «по горячим следам», летом 1922 г. [ГАСПИТО. Ф. П67. Оп. 2. Д. 1. Л. 43-43 об.]. Однако ни в губернском «Октябрьском сборнике» [Октябрьский сборник, 1922], ни в уездном «Сборнике воспоминаний о гражданской войне на Севере» (см. выше) воспоминания Волкова так и не появились. Как

[1] Среди них: Березовский районный краеведческий музей (Березово, ХМАО – Югра), Государственный архив в г. Тобольске, Государственный архив социально-политической истории Тюменской области, Государственный архив Тюменской области, Государственный архив Югры (Ханты-Мансийск), Музей Природы и Человека (Ханты-Мансийск), Сургутский краеведческий музей, Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, Центр документации общественных организаций Свердловской области (Екатеринбург), Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского (Салехард) и др.

оказалось, они были утеряны автором в ходе его бесконечных переездов с одного места работы на другое, отложившись только в его памяти.

«Источником моих воспоминаний, кроме собственной памяти, послужили тематический план и черновые наброски первой половины мемуаров (до боя в с. Карымкарах), написанные мною в конце 1921 года по свежим материалам и рассказам других участников», – писал И.П. Волков об этом в предисловии к воспоминаниям 1956 г. [ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62. Л. 1 об.].

Что касается последних, то поводом для их создания был юбилей обдорских событий 1921 г. Он виделся важной датой не только И.П. Волкову, но и другим участникам Западно-Сибирского восстания на Обском Севере [см.: ТИАМЗ. Ед. хр. КП № ТМ-30747/2. Л. 1-1 об.].

«В первой половине 1921 года мне выпало на долю быть участником кровавой борьбы с кулацко-эссеровским бандитизмом … на северо-западе Сибири… За 35 лет, прошедших с тех пор, участники событий того времени почти полностью вымерли, письменных документов нашей борьбы не сохранилось, и мне не приходилось встречать каких-либо достоверных материалов об этих событиях в печати. Это побудило меня уже на исходе своей жизни написать эти воспоминания, чтобы сохранить от окончательного забвения кусочек истории борьбы за идеи Октябрьской Революции», – отметил И.П. Волков в самом начале своих воспоминаний, оставляя открытым довольно важный вопрос о том, писались ли они по его личной инициативе или все-таки появились благодаря какому-то импульсу извне [ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62. Л. 1 об.]. Также мы не знаем наверняка, был ли Иосиф Петрович знаком с нашумевшей статьей В. Померанцева «Об искренности в литературе» [см.: *Померанцев*, 1953], при том что в тексте своих воспоминаний Волков, следуя духу названной статьи, особо подчеркнул: *«Я ставил себе единственную литературную цель – рассказать о пережитых и наблюденных событиях чистую правду, не скрывая и теневых сторон нашей тогдашней деятельности»* [ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62. Л. 1 об.].

Однако здесь И.П. Волков явно лукавил. Поведав «чистую правду» о событиях 35-летней давности, он надеялся в первую очередь занять своё законное, как ему казалось, место среди «действительных участников борьбы с бандитизмом», среди героев восстания, и тем самым «оставить после себя какой-то след» [МПиЧ. Ед. хр. по КП № ХМ-44/1. Л. 13].

Так или иначе, но первые семь глав своих воспоминаний И.П. Волков написал довольно быстро – за июль-сентябрь 1956 г., тут же отправив их в Салехард, местному журналисту И.Г. Истомину «для предварительного ознакомления» [см.: ЯНОМВК. Документальный фонд. Инв. № ЯНМ-10354/18. Л. 1]. При этом через И.Г. Истомина же И.П. Волков обратился к другим, ещё живым участникам и свидетелям обдорских событий 1921 г., с просьбой помочь ему воссоздать их максимально полную «правдивую» картину. Так началась не только история бесконечных корректировок первой версии воспоминаний И.П. Волкова, породившая разные варианты текста, но и история формирования его обширной переписки с более чем 30-ю корреспондентами, так или иначе связанными с Западно-Сибирским

восстанием на Обском Севере. Обращаясь к одному из таких корреспондентов, В.Е. Чупровой, И.П. Волков, в частности, писал:

«Осталось описание нашей эвакуации на Маре-Сале и за Урал, но тут мне нужна помощь других участников и свидетелей событий. … Я просил Ивана Григорьевича Истомина… прочитать вам главу об Обдорском восстании, чтобы через других свидетелей проверить, верно ли я описал эти дни. Здесь важно, чтобы кто-нибудь вспомнил фамилии и имена тех бандитов, которые стреляли в нас, и которых мы в последующие дни вылавливали и предавали казни» [ЯНОМВК. Документальный фонд. Инв. № ЯНМ-10354/18. Л. 1-2 об.].

На просьбу Волкова о помощи откликнулся прежде всего Иван Филиппович Филиппов. Член РКП(б) с 1917 г., прошедший через «колчаковские застенки», с начала 1920-х гг. возглавлявший рыбные промыслы в Обдорске и местный продовольственный комитет, в 1921-1922 гг. активно участвовавший в подавлении здесь «кулацко-эсеровского мятежа», репрессированный в 1937 г. по так называемому «углановскому» делу и ещё не реабилитированный (это произойдёт в 1959 г.), он активно искал справедливости, потому И.П. Волков и его воспоминания оказались для И.Ф. Филиппова весьма кстати. Филиппов охотно комментировал и дополнял эти воспоминания, а составленный им план Обдорска и его строений был попросту инкорпорирован в текст [ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62. Л. 103-106, 168-169]. Больше того, именно сотрудничество с И.П. Волковым, вероятно, подтолкнуло И.Ф. Филиппова к написанию собственных воспоминаний, первая редакция которых была окончена к марту 1957 г. *«Я не буду останавливаться на Обдорских событиях, которые достаточно обстоятельно описал в своих воспоминаниях И.П. Волков. Хотел бы только отметить, что товарищ Волков не упомянул о героизме некоторых простых людей…»*, – засвидетельствовал при этом И.Ф. Филиппов, вроде бы, с одной стороны, доверяя воспоминаниям И.П. Волкова, а с другой – не совсем [ТИАМЗ. Инв. № ПДок-12110. Л. 58-59]. И.П. Волкова, однако, подключение И.Ф. Филиппова к работе над его, Волкова, воспоминаниями, только вдохновило и где-то даже окрылило. И это при том, что именно с появлением И.Ф. Филиппова во всей этой истории становится очевидно, что, во-первых, претендовать на роль героев в «борьбе с бандитизмом на Обдорском Севере», помимо И.П. Волкова, вполне мог ещё кто-то, и, во-вторых, у каждого такого претендента могла быть своя, отличная от волковской «правда», своё, неволковское представление о том, что и как происходило на Обском Севере в 1921-1922 гг. Кроме того, причастность И.Ф. Филиппова к воспоминаниям И.П. Волкова обозначила одну из ближайших перспектив развития их текста – перспективу коллективного авторства.

Перспектива эта начала обретать реальные черты сразу, как только И.П. Волков довёл своё повествование о Западно-Сибирском восстании на Обском Севере до событий, в которых он лично не участвовал, – событий «за Уралом», среди которых, с точки зрения победителей, главным была так называемая Ошворская трагедия. Практически полное уничтожение повстанцами в Ошворе в апреле 1921 г. отряда отступавших крас-

ноармейцев и следовавших за ними беженцев, по понятным причинам, вообще было событием практически легендарным, не имевшим ни однозначной датировки, ни точной статистики павших героев, ни тем более их выверенного поименного «мартиролога». Для написания 9-й главы своих воспоминаний, повествовавшей о событиях в Ошворе, И.П. Волков вынужден был использовать материалы уже названного выше журналиста И.Г. Истомина, фактически целиком включив их в свой текст и предварительно заметив: *«Тогда, в 1921 году у меня не составилось в памяти цельной картины происшедшего в Ошворе. Рассказы, передаваемые со вторых и третьих рук … варьировались ... Только сейчас, в 1956 году, получив от салехардского писателя тов. Истомина И.Г. черновую запись рассказов об Ошворе, сделанную им со слов … участников отступления наших отрядов за Урал, я смог припомнить многое из когда-то слышанного и записанного. Привожу эту запись, поскольку большинство подробностей, упоминаемых в ней, подтверждается и моей памятью»* [ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62. Л. 239].

Примечательно, что далее И.П. Волков разбирает эту запись буквально «по кусочкам», пытаясь хоть как-то оценить собранное и обобщённое И.Г. Истоминым, равно как и версию ошворских событий в изложении М.Е. Бударина. Но волковский «анализ», изобилующий оговорками типа «помню из рассказов», «я слышал от многих», «мне говорил сам…» и т. п. [ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62. Л. 243–246], наряду с фактом его личного неучастия в ретроспективных событиях изначально не выглядел убедительно. Наоборот, «ошворская часть» воспоминаний И.П. Волкова, наполненная характерными для устных рассказов о Гражданской войне фольклорными мотивами, вызывала серьёзные вопросы к его претензиям на статус не только полноценного, «действительного» участника Западно-Сибирского восстания на Обском Севере, но и на статус заслуживающего безусловного доверия свидетеля.

В октябре 1956 г. И.П. Волков, доведя своё повествование до одного из судебных заседаний над «бандитами» в августе 1922 г. и своего отъезда из Обдорска на о. Диксон осенью того же года, отправил рукопись мемуаров в Салехард. Уже через месяц, 27 ноября 1956 г., в своей работе их использовала X районная партийная конференция, фрагменты воспоминаний Волкова и приложенные к ним автором в качестве иллюстраций фотографии стали экспонатами окружного музея, именами наиболее достойных героев, упоминавшихся Волковым, были названы улицы города – Гаврюшина, Глазкова, Манчинского… [см.: Участники становления Советской власти и герои гражданской войны на Обском Севере, 1957. См. также: ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. № ЯНМ 10354-27].

Зимой 1956/1957 гг. Иосиф Петрович, воодушевлённый таким успехом, готовит эпилог к своим воспоминаниям, в котором рассказывает о дальнейшей судьбе их героев: А.В. Протасова, П.И. Сосунова, И.Ф. Филиппова и, конечно, своей собственной [см.: ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. по КП № ЯНМ-10354/25. Л. 1-1 об.].

Весной 1957 г. по инициативе Ямальского окружкома материалы И.П. Волкова посылаются в областной центр, в Тюмень, с предложением

опубликовать их в готовящемся к 40-летию Великого Октября альманахе [ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. № НВФ 794. Л. 1]. Однако выяснилось, что в областном центре авторы для этого альманаха – и не только альманаха – уже выбраны, и беспартийному пенсионеру И.П. Волкову места среди них не нашлось. Право рассказать о событиях 1921 г. в Тюменском крае на страницах книги уже было предоставлено бывшему чекисту, а ныне персональному пенсионеру И.Н. Королёву [см.: *Королёв*, 1957: 45-52]. В августе того же юбилейного 1957 года в «Блокноте агитатора», издававшемся Тюменским обкомом, появились воспоминания ещё одного персонального пенсионера союзного значения М.В. Хорохорина [см.: *Хорохорин*, 1957: 1-5].

Полученный на этом фоне от «товарищей» из обкома официальный отказ в публикации его рукописи И.П. Волков прокомментировал довольно сухо: *«Тюменские организации нашли несвоевременной публикацию моих воспоминаний»* [ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. по КП № ЯНМ 10354-14. Л. 1], также сдержанно отреагировав и на пренебрежение к его фотоматериалам, которые *«по всей видимости там … никак не использовали, ибо вернули мне безо всяких комментариев»* [ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. № ЯНМ-10354/27. Л. 1-1 об.].

То, что И.П. Волков при этом был разочарован, очевидно. Но настоящий удар ждал его впереди, в сентябре 1957 г., когда Иосиф Петрович получил разгромную анонимную рецензию на свою рукопись из Тюменского областного книжного издательства. Она была однозначна и в своей однозначности беспощадна: *«Публиковать такие «воспоминания» ни в коем случае нельзя. Из них нельзя извлечь для печати, в частности для альманаха даже небольшого отрывка, который бы с пользой прочитал советский читатель»* [Цит. по: ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. по КП № ЯНМ 10354-10. Л. 3]. По сути, это означало, что не то что в роли героя-участника, но даже в роли очевидца-свидетеля Западно-Сибирского восстания на Обском Севере И.П. Волкова никто рассматривать не собирался.

Мемуарист, однако, соглашаться с этим не спешил. *«Я от критики своего труда не уклоняюсь, но когда изображают его тенденциозно, больше на основании собственных домыслов, то на такую критику считаю долгом ответить»*, – считал И.П. Волков [ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. по КП № ЯНМ 10354-26. Л. 4 об.], уже в декабре 1957 г. действительно подготовив довольно пространный ответ анонимному рецензенту [см.: ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. № НВФ 794]. Кроме того, не желая расставаться с идеей публикации своих воспоминаний и стремясь «застолбить» за собой хоть какое место в истории Западно-Сибирского восстания на Обском Севере, он ищет новое решение этой проблемы. Внесение равносильных капитальной чистке корректив в текст воспоминаний 1956 г.; написание новой, дополнительной главы о гонениях, испытанных «героями» 1921 г. в 1922-1923 гг. [ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. по КП № ЯНМ 10354-26. Л. 5]; активизация переписки с сотрудниками краеведческого музея Салехарда [ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. по КП № ЯНМ-10354/20. Л. 1 об.]; а,

главное, призыв к ещё оставшимся участникам и свидетелям «борьбы с бандитизмом на Тобольском Севере в 1921 году» вспомнить о ней сообща, тем самым создав некую конвенциональную историю Западно-Сибирского восстания на Обском Севере, – все эти усилия И.П. Волкова должны были, как он, очевидно, считал, закрепить за ним роль главного собирателя и хранителя памяти о ретроспективных событиях.

«За два месяца я нашёл в живых, узнал адреса и установил связь ещё с пятью товарищами… Эти обстоятельства дают возможность превратить мои мемуары в труд целой группы участников, а стало быть, соответственно повысить его качество со стороны исторической достоверности. … Мои “Воспоминания” … поехали сейчас в Москву … потом поедут в Ленинград, Красноярск и, может быть, в другие места», – сообщал И.П. Волков в марте 1958 г. в одном из своих писем [ЯНОМВК. Документальный фонд. Ед. хр. по КП № ЯНМ 10354-31. Инв. № ДК-1405. Л. 2 об. -3].

Но, как оказалось, и на это место – место главного эксперта, главного знатока истории «кулацко-эсеровского мятежа» на Обском Севере, – права уже были предъявлены. И предъявил их один из корреспондентов И.П. Волкова, М.В. Хорохорин. Военный комиссар и руководитель продразверстки в Сургутском уезде (1920-1921 гг.), председатель Сургутского уездного ВРК и помощник Главнокомандующего революционными войсками Севера (1921 г.), он, сделав блестящую карьеру, встречал свою старость в Москве в статусе пенсионера союзного значения [подробнее о нём см.: *Лешукова*, 2019: 141-142]. Воспоминания И.П. Волкова Хорохорин разгромил «по всем статьям», став, пожалуй, самым главным критиком автора.

«При написании данной работы важно было объективно отразить ход событий, дать им правильную оценку и показать роль и значение как массы, так и отдельных лиц. Этого пока не получилось… Над воспоминаниями необходимо ещё продолжать работу, устраняя ошибки, неточности, неправильные вывод и оценки…», – категорично заявлял М.В. Хорохорин на страницах своей рецензии на волковские мемуары, посвятив замечаниям и рекомендациям к ним почти 28 листов текста [ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62. Л. 296-322]. При этом, что показательно, разгромная рецензия М.В. Хорохорина в первую очередь была отправлена вовсе не автору воспоминаний. Прежде всего её, призванную «способствовать правильному пониманию событий» и для пущей убедительности дополненную воспоминаниями самого М.В. Хорохорина и его бывшего адъютанта Т.М. Томингаса, получили музеи Тобольска и Ханты-Мансийска [см.: ТИАМЗ. Ед. хр. по КП № ТМ-13767/54. Л. 30-57, 81-103; там же. Ед. хр. по КП № ТМ-13767/56; МПиЧ. Ед. хр. по КП № ХМ-220/26. Л. 1].

Так или иначе, но к сентябрю 1958 г. надежды И.П. Волкова на поддержку «ветеранов революции» растаяли: часть из них предпочла промолчать, а откликнувшиеся на его клич своими воспоминаниями скорее разрушали волковские иллюзии о возможности создания конвенциональной истории обдорских событий 1921 г., нежели подкрепляли их [см.: ГАСПИТО. Ф. П4012. Оп. 4. Д. 7; ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 66]. В 1959 г.

И.П. Волков умер, успев ответить всем своим критикам, но выхода своих воспоминаний так и не добившись.

***

Удивительно, но многочисленные источники засвидетельствовали, что со смертью И.П. Волкова его непризнанные, маргинализированные воспоминания «не умерли». Так, в 1965 г., в год 35-летия Ямальского (Ненецкого) национального округа, в газете «Красный Север» была опубликована серия статей журналиста И.П. Жижелева, для которой воспоминания И.П. Волкова стали базовым источником, успешно конкурировавшим с архивными документами [см.: *Жижелев*, 1965]. Впервые многажды сославшись на рукопись Волкова в открытой печати, И.П. Жижелев тем самым положил начало их активному использованию другими авторами.

Одним из них стал Иона Петрович Доронин, автор вскоре изданной в Свердловске истории семьи Дорониных, «простой крестьянской семьи» из с. Демьянского Тобольского уезда, судьба которой «чрезвычайно наглядно» иллюстрировала «всю глубину корней, из которых выросла Октябрьская революция». *«Глава династии Дорониных – Пётр Степанович, его дети: Фёдор, Стива и её муж Пётр Хотеинков, Клавдия…»*, – среди этих героев книги были и те люди, которые фигурировали в воспоминаниях И.П. Волкова (И.Ф. Филиппов, П.И. Лопарев, П.И. Сосунов, А.В. Протасов и др.), почему И.П. Доронин к ним и обратился [*Доронин*, 1966: 3-4]. Однако, испещрив волковскую рукопись многочисленными пометами [ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62. Л. 243, 248, 252 и др.], Иона Петрович обошёлся без Волкова: в семейной хронике Дорониных он так и не был упомянут ни как автор воспоминаний об обдорских событиях 1921 г., ни тем более как их герой или участник.

Несколько другими героями и участниками обдорские события 1921 г. оказались наполнены и в вышедших в 1970 г. очерках «Над нами полярная звезда», при том что ведущие, главные герои и участники здесь в целом совпадали с волковскими: Манчинский, Глазков, Протасов, Сенькин ... [Над нами полярная звезда, 1970: 53-62, 155-271]. Сам же Волков упоминался в книге лишь в тех её частях, которые были написаны на основе текста его воспоминаний. Так, волковский текст, но только подвергшийся основательной беллетризации, легко узнаётся в очерке журналиста Ю. Зимина «Грозовые дни Обдорска» [Над нами полярная звезда, 1970: 58-59. Ср.: ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62. Л. 108-111].

Ту же самую картину использования волковских воспоминаний, без какой-либо отсылки к ним, зафиксировали мемуары М.С. Канева [Над нами полярная звезда, 1970: 155-271]. При этом Канев, уроженец Обдорска, в 1921 г. находился в Тюмени и Тобольске и потому в события в Обдорске был не посвящён. Утверждая, что знал он о них только из разговоров «с вернувшимися из эвакуации с Ямала Тушкиным, Волковым и другими односельчанами» [Над нами полярная звезда, 1970: 248], мемуарист, однако, лукавил. На самом деле Канев, – а если и не он сам, то правивший его мемуары журналист Истомин, – был безусловно зна-

ком с текстом волковских воспоминаний, чётко придерживаясь в своих мемуарах их русла и фабулы [Над нами полярная звезда, 1970: 248. Ср.: ГАТ. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 62. Л. 34-46].

Очевидно, что, несмотря на многократные обращения к воспоминаниям И.П. Волкова, в той версии истории Гражданской войны на Обском Севере, которая создавалась в 1960-1970-е гг., он был не нужен. Не нужен потому, что это была другая история, в которой на передний план выходили и другие герои. В этой истории волковские правдивость и искренность, его метущиеся человечные герои и неоднозначные трактовки тех или иных трагических событий были просто не нужны. Стоит ли удивляться, что под именем И.П. Волкова его воспоминания, а точнее, их фрагменты, увидели свет только в 1996 г. [*Волков*, 1996].

***

Почему воспоминания Волкова постигла именно такая участь, а не какая-то иная? Почему их автору пришлось за них бороться, и почему он проиграл в этой борьбе? Можно было бы просто сказать, что воспоминания И.П. Волкова не походили на тексты аналогичного жанра и содержания и потому не вписывались в советский миф о Гражданской войне, по сути миф космогонический и безусловно исключительно героический. Но это было бы слишком общим заявлением, которое требует конкретизации. Воспоминания И.П. Волкова оказались слишком сложными. Они, в частности, изначально отличались тем, что объединяли сразу несколько повествовательных моделей, включая в себя в качестве стержня память о событии, основанную, с одной стороны, на собственном опыте мемуариста, а с другой – на передаче свидетельств очевидцев. Иначе говоря, даже в своей основе волковские воспоминания не были односложными. Но вряд ли это было их главной проблемой. Проблема была в том, что основная рамка воспоминаний Волкова была задана не только и не столько коллективной памятью о восстании, памятью победителей. Она была задана прежде всего автобиографическим дискурсом, который позволил «разбавить» героический в своей основе текст фрагментами трагическими. Причём этому вовсе не помешал тот факт, что Иосиф Петрович прекрасно умел говорить по-большевистски, правильно дискурсивно позировать и грамотно использовать маркеры идеологической лояльности.

Попытка И.П. Волкова объединить то, что, с точки зрения советской идеологии, объединить нельзя, интересна не просто сама по себе. Примечательно, что и в тексте воспоминаний, и в их запутанной истории мы видим разного Волкова. То палач, то жертва, то свой, то чужой, то герой или, как минимум, участник, то вовсе не герой и весьма сомнительный свидетель, – все эти превращения происходили не только с Волковым. Они происходили в том числе и с другими людьми в этой истории и вокруг неё. Эта множественность, будучи проявлением неоднородности, неодномерности советского субъекта, порождала ещё и множественность памяти, разных моделей памятования об обдорских событиях 1921 г. Казус Волкова тем самым зафиксировал, что память, имея некую общую

рамку, общее лекало (в частности, лекало героическое), сохраняла свои особенности на индивидуальном уровне.

Но это вряд ли является откровением, поскольку на индивидуальном уровне память подконтрольна лишь до некоторой степени. Казус Волкова показал, что память множественна и на промежуточных уровнях между национальным мифом о Гражданской войне и мифом автобиографическим, а именно на региональном и локальном уровнях. Начав писать свои воспоминания и предложив другим присоединиться к их доработке, И.П. Волков не просто взбудоражил локальное и региональное сообщества или хотя бы какую-то их часть. Волков создал то, за что ранее молчавшее поколение первых советских пенсионеров смогло зацепиться и заговорить. Тем самым он запустил процесс формирования сообщества свидетелей, хотя бы той его части, которая может быть определена как победившие свидетели. При всей зыбкости этого процесса само его начало говорило о возможности переосмысления обдорских событий 1921 г. В советских условиях это, безусловно, не предполагало актуализации контрпамяти, которая бы отвергала доминирующий героический нарратив. Особое, отличное в памяти о Западно-Сибирском восстании на Обском Севере пряталось где-то внутри этого нарратива, заявляя о себе прежде всего через борьбу за роль всеми признанных героев и экспертов. И несмотря на то, что в Ишиме, Кургане, Тобольске, Салехарде и Тюмени эти герои и эксперты уже были, вроде бы, назначены [см.: *Богданов*, 1961; *Гамбаров*, 1957; *Иванов*, 1957; и др.], казус Волкова чётко зафиксировал, что каждый новый этап «оттачивания» истории «установления советской власти на Обском Севере» не исключал конкуренции разных локальных нарративов, с одной стороны, и конфликта локальных нарративов с региональным – с другой стороны. И так как даже на локальном, Салехардском, уровне так и не было сформировано конвенциональной, консенсусной модели событий Западно-Сибирского восстания, а также всеми одобряемой номенклатуры его главных героев, складывание общерегиональной рамки памяти о нём также осталось незавершённым. Может быть, именно в этом и следует видеть причину того, что память о Западно-Сибирском восстании до сих пор менее артикулирована в публичном пространстве, нежели память о Тамбовском восстании? Как нам представляется, такое объяснение вполне может конкурировать с попытками объяснить «забывание» и «забытость» Западно-Сибирского восстания отсутствием здесь фигур масштаба Г. Жукова и М. Тухачевского, а также крупных широко растиражированных романов и иных продуктов массовой культуры [см. об этом: *Кравченко*, 2023: 184-185].

При этом, даже если согласиться с тем, что казус И.П. Волкова был лишь частью так называемого краеведческого бума конца 1950-х – 1960-х гг., только краеведением ради краеведения всё это не стало. Обозначив перспективу формирования сообщества свидетелей, И.П. Волков не просто добился того, что история восстания «зацепилась» за «местность». Посредством Волкова представители локального и регионального сообществ «одомашнили» историю восстания, превратив её из истории «пришлых» в историю «своих». Заставив «местных» свидетельствовать, он дал им возможность заявить о

себе, осознать себя субъектами, агентами, творцами истории. Её использовали немногие, но те, кто использовали, по сути, благодаря истории с воспоминаниями И.П. Волкова, получили шанс восстановить свой прежний социальный статус, вернуть своё доброе имя (хотя бы и на страницах воспоминаний), потерянное или пострадавшее в ходе политических катаклизмов 1920-1930-х гг. (Архип Терентьев, Ефим Дьячков, Иван Филиппов).

Кроме того, «честные», «правдивые» воспоминания И.П. Волкова, не стеснявшегося в описании самых кровавых событий Западно-Сибирского восстания на Обском Севере, – не случайно с подачи одного из современных блогеров волковская рукопись известна под названием «Революции опричник» [см., напр.: *Глазков*], – очевидно, имели значение и как возможность хотя бы частично снять «проклятие памяти». Участникам и свидетелям восстания из числа «местных» Волков с его призывами вспомнить всё и назвать имена всех, и «бандитов», и тех, кто им противостоял, позволил осознать восстание как трагедию, как травму. И поскольку говорить об этом открыто и откровенно было по понятным причинам невозможно, волковское описание обдорских событий 1921 г. со всеми их «теневыми сторонами» стало описанием трафаретным – описанием, задавшим максимальную планку дозволенного любым попыткам говорения о восстании вплоть до середины 1990-х гг. [см., напр.: *Дудников*, 1995]. Трафарет, который раз за разом воспроизводили те немногие, кто заговорил о нём вслед за И.П. Волковым, ожидаемо утратил своё авторство, дав при этом локальному сообществу, даже какой-то его части, возможность сохранить хотя бы «осколки» памяти о Западно-Сибирском восстании как значимом факте «своей», «местной» истории.

В свою очередь, факт возможности читать, обсуждать, дополнять, править, разоблачать и т. д. воспоминания И.П. Волкова, с одной стороны, объективировал субъектность представителей местного сообщества, а с другой – сообщил им эту субъектность, вполне закономерно сформировал запрос на поиск консенсусных героев, свидетелей и экспертов в истории восстания среди «своих», «местных». Конкуренция таких героев, свидетелей и экспертов, апеллирующих к локальному и региональному сообществам и одновременно конституирующих местное и региональное сообщества, не оставляла в региональном и локальном нарративе о восстании места «чужакам». Как результат, сообщество победивших свидетелей, начавшее в какой-то момент превращаться в своеобразную «комиссию правды» (моральное сообщество?), ни И. Волкова, ни М. Хорохорина, ни кого-то ещё из «чужаков» не поддержали, а в качестве акта восстановления исторической «правды» и справедливости «изобрели» и назначили своих, местных героев, свидетелей и экспертов (Доронины, М. Канев).

Таким образом, история воспоминаний И.П. Волкова оказывается интересна не только с точки зрения исследования практик памятования о событиях Западно-Сибирского восстания в частности и российской Гражданской войны в целом. Она оказывается интересна с точки зрения теории травмы и теории фреймов, с точки зрения дискуссий о советской субъективности и советской идентичности. И кто знает, возможно, это

была одна из тех самых историй, которая предвосхитила «тихую архивную революцию», начавшуюся в СССР в конце 1960-х гг., и благодаря которой с её феноменом «отложенного письма» мы продолжаем открывать всё новые и новые свидетельства прошлого. Но прежде всего, и это, вероятно, самое главное, казус И.П. Волкова актуализирует проблему адекватной российским реалиям политики памяти, централизованное, директивное формирование которой может иметь лишь ограниченный успех. В связи с этим мы позволим себе закончить нашу публикацию цитатой из статьи, где, казалось бы, говорится о настоящем, при том что она напрямую касается и недавнего советского прошлого: «*Невозможно представить себе человека, который бы "видел" Россию как целостную картину, в которой сочетается взаимодействие федеральных и локальных мнемонических акторов. Страна настолько велика и разнообразна даже безотносительно к любой политике, что фокус исключительно на "национальной памяти" в России оставляет вне поля зрения исследователя намного больше, чем если речь идет даже о любом крупном и сложносоставном европейском государстве, будь то Испания, Германия, Италия или Франция*» [*Малинова, Миллер, Пахалюк*, 2022: 116].

ЛИТЕРАТУРА

Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. – М., 2014. – 323 с.

Богданов М.А. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа. – Тюмень, 1961. – 112 с.

Бубнов А.Ю. «Гражданская война памяти»: конструирование нарративов о Гражданской войне в России в онлайн-дискуссии // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2019. № 6. – С. 29-43.

Бударин М.Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. – Омск, 1952. – 187 с.

Волков И.П. «Бескровных перемен не бывает» / коммент. А. Созоновой // Красный Север. 1996. 23 июля.

Гамбаров А.Б. А.В. Семаков [1899-1921]. – Тюмень, 1957. – 15 с.

Глазков И. Мятеж в Обдорске 1921 года // Уральский меридиан: [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/incidents/36371277-myatezh-v-obdorske-1921-goda/ (дата обращения – 5.12.2021).

Голдин В.И. Гражданская война в России: Наука в поисках исторической истины // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. – С. 11-20.

Головашина О.В. Между официальными идеологемами и травматическим опытом в представлениях о Гражданской войне // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10. № 5. – С. 1899-1913.

Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933. – М., 2001. – 95 с.

Доронин И.П. Семья Дорониных. – Свердловск, 1966. – 92 с.

Дудников Н.Ф. Мятежный Обдорск. – М., 1995. – 267 с.

Еремеева С.А. Память. Поле битвы или поле жатвы? – М., 2021. – 358 с.

Жижелев И.П. Тревожные дни Обдорска // Красный Север. 1965. 19-26 мая.

Иванов И.А. Борьба за установление Советской власти на Обском Севере (1917-1921 гг.): (материал для лекций и докл.). – Ханты-Мансийск, 1957. – 28 с.

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. – М., 1938.

Клыков А. Ликвидация бандитизма на Севере [Борьба с остатками повстанцев 1921 г., скрывающихся в лесах] // Трудовой набат. 1922. 26 окт.

Колоницкий Б.И. От мировой войны к гражданским войнам (1917? – 1922?) // Российская история. 2019. № 1. – С. 3-24.

Королёв И.Н. Во время кулацкого восстания. Поимка «северного купца» // В борьбе за власть Советов. Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны / под общ. ред. П.И. Рощевского. – Тюмень, 1957. – С. 45-52.

Кравченко А.В. Художественная проза: «Слово на данном отрезке времени является наиболее сильным оружием». Формирование культурной памяти о Тамбовском и Западно-Сибирском восстаниях // Чужими голосами. Память о крестьянских восстаниях эпохи Гражданской войны. – М., 2023. – С. 153-193.

Красный зверь. Северные были: Очерки бандитского восстания 1921 года // Наш край. 1924. № 2. – С. 5-7.

Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917-1918): Документы и материалы / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. – М., 2003. – 477 с.

Лешукова Е.В. «Светлое будущее» по-советски (на примере биографий активных борцов за советскую власть в Ишимском уезде Тюменской губернии) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие. – Омск, 2019. – С. 137-143.

Малинова О.Ю., Миллер А.И., Пахалюк К.А. Региональный аспект политики памяти в России // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. – С. 112-136.

Над нами полярная звезда. – Свердловск, 1970. – 272 с.

Октябрьский сборник / Октябрьская комиссия Тюменского губ. испол. к-та и Губ. к-та РКП. – Тюмень, 1922. – 88 с.

Петрушин А.А. На задворках Гражданской войны. – Тюмень, 2004. Кн. 2. – 271 с.

Померанцев В.М. Об искренности в литературе // Новый Мир. 1953. № 12. – С. 218-245.

Послужной список И.П. Волкова // Шулинин С.В. Западно-Сибирское восстание в Обдорске и волости: события и люди. – Омск, 2020. – С. 282-285.

Россомахин П.А. Бандитизм. 1921 год (Кулацкое восстание в б[ывшей] Тюменской губ[ернии], б[ывшие] Тюменский, Ялуторовский уезды) // Скипина И.В., Щербич С.Н. Павел Афанасьевич Россомахин и его воспоминания о Гражданской войне в Тюменской (Тобольской) губернии (1918-1922). – Тюмень, 2019. – С. 97–155.

Рынков В.М. Завершение Гражданской войны: историография и теория в поисках ответа // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: сборник научных трудов. – Новосибирск, 2022. – С. 371-390.

Сборник воспоминаний о гражданской войне на Севере / Березовский уездный комитет РКП (большевиков); сост. Г. Виноградов [и др.]. – Березов, 1924. – 36 с.

Соколов К. Пламя над Волгой. Крестьянские восстания и выступления в Тверской губернии в конце 1917-1922 гг. – М., 2017. – 255 с.

Суржикова Н.В. Россия 1917 года в отечественных и зарубежных эго-документах // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4. – С. 25-34.

Участники становления Советской власти и герои гражданской войны на Обском Севере // Красный Север. 1957 г. 6 нояб. № 218.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М., 2007. – 348 с.

Хорохорин М.В. За власть Советов! // Блокнот агитатора: Издание отдела пропаганды и агитации Тюменского обкома КПСС. 1957. № 16 (авг). – С. 1-5.

Шишкин В.И. Западно-Сибирское восстание 1921 года: забвение, изучение, мемориализация // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2021. Т. 20 (8). – С. 113-123.

Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах: [коллективная монография] / под ред. М.А. Литовской и Н.В. Суржиковой. – М.; Екатеринбург, 2021. – 408 с.

Smele J.D. The «Russian» Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World. L.; N.Y., 2016. 423 c.

Языковая политика в СССР и России

В.М. Алпатов

Аннотация. *До революции языковая политика в России прежде всего сводилась к распространению русского языка, а функции других этнических языков в той или иной степени ограничивались. После 1917 г. была предпринята попытка построить языковую политику на иной, ранее не осуществлявшейся основе (хотя в какой-то степени, по-видимому, использовался опыт Швейцарии), обеспечивая развитие всех языков государства и лишив русский язык привилегий. Были созданы новые алфавиты и литературные нормы для десятков языков. Однако при этом недостаточно учитывалась необходимость владения всеобщим языком межнационального общения, которым в России мог быть только русский. Поэтому с 1930-х гг. постепенно в центре языковой политики в СССР снова встало распространение русского языка, что сохранилось и в современной России, однако такая языковая политика часто стала осуществляться стихийно, а ситуация со многими малыми языками России ухудшилась.*

Ключевые слова: *языковая политика, развитие языков, равноправие языков, русский язык, языки меньшинств.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.013

Языковая политика в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» определяется как «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве»; она «связана с сознательным воздействием общества на язык» [*Дешериев*, 1990: 616]. Однако представляется, что языковая политика в том или ином виде существует везде, где есть государство, хотя его воздействие не всегда бывает сознательным. Всегда в том или ином государстве одни языки широко распространяются, использование других сознательно или стихийно ограничивается. Языковая политика может идти как бы сама собой через систему образования, бизнес, средства массовой информации, человеческие контакты и т. д. А «идеологические принципы» при этом обязательно присутствуют открыто или скрыто.

В Российской империи сознательная государственная политика в языковой области начала проводиться с 60-х гг. XIX в. До того распространение русского языка осуществлялось в основном стихийно. Но в эпоху «великих реформ» Александра II, когда в ряде других сфер шла либерализация, здесь проводилась политика жесткого обрусения. Безусловно, такая жёсткость была реакцией на польское восстание 1863 г., но, вероятно, играла роль и рационализация государственной политики, которая стала проводиться более целенаправленно. Ограничениям подвергались польский, украинский, грузинский и многие другие языки меньшинств в России. Их использование в школьном обучении, издании газет и др. всячески затруднялось. Например, украинский язык признавался «наречием» (то есть группой диалектов) русского языка и допускался лишь

для «простонародной» литературы; признание его отдельным языком считалось «польской пропагандой».

Однако языковая политика в России различалась в разных регионах. Не было обрусения в недавно присоединенной к империи Средней Азии, а также среди коренного населения Сибири, Дальнего Востока и европейского Севера и горцев Кавказа. Российское законодательство делило подданных империи на полноправных граждан и так называемых инородцев. Считалось, что последние «не доросли» до прав и обязанностей граждан империи, в том числе и до обязанности знать русский язык. По инерции такая жёсткая политика в России велась и при Александре III, и лишь после 1905 г. она начала смягчаться, но было уже поздно.

В России эта политика вызывала протесты и среди народов, языки которых ограничивались в использовании (прежде всего среди их интеллигенции), и среди представителей демократических и революционных движений. Её неприятие выражали в начале XX в. не только большевики. Крупнейший лингвист, левый либерал по взглядам, И.А. Бодуэн де Куртенэ писал: «Не тот или иной язык мне дорог, а мне дорого право говорить и учить на этом языке. Мне дорого право человека оставаться при своем языке, выбирать его себе, право не подвергаться отчуждению от всесторонней употребляемости собственного языка, право людей свободно самоопределяться и группироваться, тоже на основании языка» [*Бодуэн*, 1963: 145]. Но о том же ещё до революции писал и В.И. Ленин: «Русские марксисты говорят, что необходимо: *отсутствие* обязательного государственного языка при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках» [*Ленин*, т. 24: 295]. «Каждому гражданину предоставляется право сноситься с центральными учреждениями государства на своем родном языке. Дело этих центральных учреждений – обзавестись переводчиками со всех языков и на все языки, входящие в состав государства» [*Ленин*, т. 25: 12-13]. Речь шла о том, чтобы отвергнуть привилегии русского языка и расширить функционирование других языков России. Сходные взгляды выражали и другие большевики, в том числе И.В. Сталин в книге «Марксизм и национальный вопрос» (1913).

Что для новой языковой политики можно было взять из опыта других стран? Эталоном считалась Швейцария, где, как и в России, в разных частях государства использовали разные языки: немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Там и сейчас, как и тогда, гражданин, например, франкоязычного кантона имеет право не знать немецкий язык и наоборот, а государственные чиновники обязаны с каждым говорить на его родном языке. Но Швейцария как государство создавалась снизу как союз кантонов (областей с большими правами), где исконно говорили на разных языках. А здесь был поставлен вопрос о целенаправленной государственной политике «полной свободы родных языков».

После Октябрьской революции задача построения нового общества была глобальной и распространялась на все сферы жизни, в том числе и на сферу языка. Коренным образом была пересмотрена языковая политика. Новая власть поставила задачу развития каждого из языков народов

многонационального государства (включая и языки «инородцев», которые были уравнены в правах с остальными). Ведущим органом для решения этой задачи в первые годы после революции (до 1922) был специальный наркомат по делам национальностей (позднее его функции были переданы во ВЦИК). Наркомом был И.В. Сталин. Сейчас эта фигура часто рассматривается вне исторического контекста, в том числе говорят о постоянстве его взглядов и неизменном стремлении к обрусению. Однако его взгляды в разное время были далеко не одинаковы. Во времена Наркомнаца они вполне соответствовали тому, о чём писал В.И. Ленин.

В самые тяжёлые периоды Гражданской войны предпринимались меры по развитию делопроизводства, судопроизводства, школьного обучения, издания книг и газет на малых языках Советской России. Ещё более интенсивной эта работа стала после окончания Гражданской войны и образования СССР. Была поставлена задача добиться того, чтобы каждый гражданин государства мог осваивать высоты мировой культуры, читать Шекспира, Пушкина и Ленина на родном языке. Это была для того времени беспрецедентная задача.

В то же время представления государственных деятелей того времени о языковых процессах были во многом утопическими. Некоторые из них (например, Н.Ф. Гринько) требовали, чтобы каждый коммунист, направленный на работу в национальную республику, отказался от родного (в том числе русского) языка и перешёл на язык, на котором там говорят. Это Гринько доказывал тем, что «пролетариат в области национального вопроса должен быть готов к величайшему самопожертвованию» [Национальные моменты в партийном строительстве, 1923: 40]. Другой видный коммунист Х.Г. Раковский тогда же говорил: «Не будем же мы, как царские жандармы, заставлять грузин изучать русский язык. Это было в царское время, и царское время мы не можем возвратить. Неужели же мы будем заставлять чекистов следить за тем, чтобы инородцы изучали русский язык» [Национальные моменты… 1923: 48-49].

Безусловно, более всех задачи новой языковой политики формулировал нарком по делам национальностей. В 1918 г. он определял задачи государственной политики так: «Никакого обязательного «государственного» языка – ни в судопроизводстве, ни в школе! Каждая область выбирает тот язык или те языки, которые соответствуют национальному составу её населения. Причём соблюдается полное равноправие языков как меньшинств, так и большинств во всех общественных и политических установлениях» [*Сталин*, т. 4: 70]. В том же году: «Школа, суд, администрация, необходимые политические мероприятия, формы и способы проведения общих декретов применительно к национально-бытовым условиям, – всё это на родном, доступном для населения языке» [*Сталин*, т. 4: 89]. В 1921 г.: «Я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская нация, у которой имеется свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном для него языке. Такие же речи раздавались лет пять тому назад об Украине, об украинской нации.

А недавно ещё говорилось, что украинская республика и украинская нация – выдумка немцев. Между тем ясно, что украинская нация существует, и развитие её культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор ещё преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы. Лет сорок тому назад Рига представляла собой немецкий город, но так как города растут за счёт деревень, а деревня является хранительницей национальностей, то теперь Рига – чисто латышский город. Лет пятьдесят тому назад все города Венгрии имели немецкий характер, теперь они мадьяризированы. То же самое будет и с Белоруссией, в городах которой всё ещё преобладают небелорусы» [*Сталин*, т. 5: 48-49]. Показательны такие его слова того же времени: «Для того, чтобы советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт. Только тогда, и только постольку Советская власть, являвшаяся до последнего времени властью русской, станет властью не только русской, но и интернациональной, родной для крестьян и средних слоёв ранее угнетённых национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке» [*Сталин*, т. 5: 241].

Шёл процесс так называемой «коренизации», то есть перевода тех или иных культурных функций (делопроизводство, образование, пресса и др.) с русского на языки союзных и автономных республик и областей. «Коренизация» была совмещена с ликвидацией неграмотности и для ряда языков с преобразованием письменности и языковой нормы. Политика претворялась в жизнь. Прямого сопротивления этому почти не было, однако существовало много объективных трудностей. Из них в полной мере осознавалась лишь одна: недостаточное развитие многих языков, прежде всего, языков бывших «инородцев», часто даже не имевших письменности или имевших письменность, неприемлемую в тех условиях, например, арабскую. Был взят курс на латинизацию письменностей народов СССР.

Развернулась активная деятельность по конструированию письменностей и созданию литературных норм для языков народов СССР, получившая название языкового строительства. К нему были привлечены крупнейшие отечественные лингвисты того времени: Е.Д. Поливанов, Н.Ф. Яковлев и др., учёные с мировым именем, активные сторонники преобразовательного подхода к языку. Поливанов писал в 1931 г., что среди ролей, которые необходимо исполнять лингвисту, есть и роль «языкового политика», то есть прогностика будущего языкового развития. Такой лингвист «владеет (хоть и в ограниченных, пусть, размерах) прогнозом языкового будущего опять-таки в интересах утилитарного языкового строительства (одной из разновидностей «социальной инженерии» будущего)» [*Поливанов*, 1931: 26]. Конструирование алфавитов осуществлялось на высоком научном уровне. К середине 30-х гг. было создано более 70 алфавитов на латинской основе.

«Коренизация» образования и других сфер жизни, как тогда говорили, шла по-разному в разных частях страны, играли роль уровень развития тех или иных языков, наличие или отсутствие традиций и многое другое. Легче всего она шла в Закавказье, труднее всего в Средней Азии, Сибири и на Дальнем Востоке, где всё надо было создавать с нуля. Но сделано было очень много. В резонанс вступили позиция власти, исходившая из стремления развивать все языки, включая самые малые, и деятельность интеллигентов (русских и представителей самих малых народов), многие из которых были энтузиастами и настоящими подвижниками.

Всё это впечатляло. Западный социолингвист С. Крисп писал, что даже самый крайний противник советского строя не может не признать эти достижения [*Crisp*, 1989: 36].

Однако, если недостаточное развитие языка можно было преодолеть, то гораздо труднее было (и в конечном итоге, оказалось невозможным) обойтись без должного удовлетворения потребности взаимопонимания между носителями разных языков. Если до революции «инородцы» могли сохранять свои языки, поскольку их общение с носителями русского языка не было интенсивным, а в годы Гражданской войны по всей стране были нарушены хозяйственные связи, что также делало менее острой проблему взаимопонимания, то с 20-х годов постепенно общение людей разных национальностей становилось всё более значимым. Это происходило и в связи с активной деятельностью партии и государства (идеи об отказе коммунистов от русского языка никогда не были реализованы), и ввиду экономического развития, особенно с началом периода индустриализации.

В 1932 г. академик-китаист В.М. Алексеев писал о «практике СССР», «в которой гражданином мира можно стать и без посредства русского языка» [*Алексеев*, 1932: 54]. Так тогда могли думать многие. Но это была мечта, а не реальность, а смена государственного курса после выдвижения лозунга «построения социализма в одной стране» не соответствовала этой мечте. И несоответствие было не только в политике, но и в повседневности.

Обычные граждане часто понимали объективную ситуацию лучше, чем организаторы языковой политики. Е.Д. Поливанов с горечью описывал в 1927 г. ситуацию в Сталинском коммунистическом университете, где готовили национальные партийно-государственные кадры. В числе прочего его слушателей обучали двум языкам: русскому и «родному», то есть литературной форме какого-либо из языков народов СССР. Они активно осваивали русский язык, но не проявляли интереса к изучению родного языка, не понимая, зачем их заставляют на нём излагать «темы, возвышающиеся над уровнем обывательской беседы». У типичного слушателя университета «в процессе… учёбы языковое мышление на родном языке не участвовало…. Грубо говоря, он получил образование как представитель русского языка, а в качестве представителя родного языка остался… обывателем» [*Поливанов*, 1927: 113-114]. Это наблюдение можно сопоставить с тем, о чём говорили миссионеры, работавшие, например, с аборигенами Австралии: у них обращение в христианство

сопровождалось освоением английского языка, а переводы Библии на аборигенные языки оказывались не востребованными.

Официальные лозунги, однако, тогда оставались прежними, в том числе лозунги борьбы с «великодержавным шовинизмом» как с главной опасностью в национальных вопросах, Сталин подтвердил это на XVI съезде ВКП(б) в 1930 г.: «Требование уничтожения национальных республик и областей в данный исторический период является требованием реакционным». «Уничтожить теперь национальные республики и области – это значит лишить миллионные массы народов СССР возможности получить образование на родном языке, лишить их возможности иметь школу, суд, администрацию, общественные и иные организации и учреждения на родном языке» [*Сталин*, т. 12: 366].

Любопытно и высказывание И.В. Сталина на том же съезде: «Я всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период победы социализма **в мировом масштабе**, когда социализм окрепнет и войдёт в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым» [*Сталин*, т. 13, 4-5]. Однако об «общем языке» говорил не В.И. Ленин, а академик Н.Я. Марр. Вот его высказывание 1926 г.: «Ясное дело, что будущий единый всемирный язык будет языком новой системы, особой, доселе не существовавшей…. Таким языком, естественно, не может быть ни один из самых распространённых живых языков мира» [*Марр*, 1933-1937, т. II: 25]. Впоследствии Сталин, как известно, осудит идеи академика, никак не выделявшего русский язык среди других языков.

Однако в 30-е гг. при сохранении лозунгов реальная языковая политика в СССР стала меняться. Если до того всякая политика в стране, в том числе языковая, рассматривалась как нечто временное перед мировой революцией (в её ожидании уже внедряли латинский алфавит), то теперь идеологические принципы стали иными: СССР превращался из передового отряда мирового пролетариата в «обычное» государство со всеми его атрибутами, в число которых входит и официальный язык.

Первым знаком изменения политики стала неудача попытки латинизации русского языка, предпринятой группой языковедов-энтузиастов во главе с Н.Ф. Яковлевым в 1929-1930 гг. Их проект был хорошим с научной точки зрения, но появился не ко времени. Решением Политбюро он был отклонен, и всякие меры по переводу русского языка на латиницу были признаны недопустимыми. И.В. Сталин, когда-то руководивший новой языковой политикой, теперь понимал, что время изменилось. Однако создание новых алфавитов на латинской основе и «коренизация» до середины 1930-х гг. продолжались.

Окончательное изменение языковой политики в СССР произошло во второй половине 30-х годов. В марте 1938 г. было принято постановление ЦК и Совнаркома «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Согласно ему, во всех национальных школах СССР русский язык вводился как обязательный предмет с первого класса, а многие школы с преподаванием националь-

ных языков закрывались. В предвоенные годы произошёл и переход с латиницы на кириллицу тех языков народов СССР, где перед этим ввели латиницу, которая после этого сохранилась лишь в связи с присоединением к СССР зон распространения литовского, латышского, эстонского и финского языков.

Поэтому с конца 1930-х гг. главным в советской языковой политике, проводимой государством, стало всеобщее распространение русского языка, «второго родного языка», как тогда говорили. Это не означало полного прекращения государственной поддержки большинства других языков (кроме языков народов, подвергшихся репрессиям), но никто уже не ставил вопрос, например, о марийских или эстонских школах за пределами соответствующих союзных республик или автономий.

Языковая политика в СССР иногда как-то менялась, например, обрусение заметно усилилось во времена Н.С. Хрущёва, считавшего, что по мере продвижения к коммунизму будут стираться всякие различия, включая языковые. Однако для большинства населения СССР (не только этнических русских) курс на всеобщее распространение русского языка представлялся вполне естественным и не вызывал протестов. Знание русского языка, безусловно, было в жизни нужным и полезным. Показательно, что когда в 1958 г. в СССР родители получили право выбирать школу для своих детей, то сразу заметно увеличилось число учащихся в русских школах за счёт национальных школ.

В целом советскую языковую политику нельзя оценивать однозначно. От неё, прежде всего, выиграли крупные языки государства (казахский, узбекский, башкирский и др.), которые значительно развились по сравнению с дореволюционным временем. И замедлилось вымирание языков.

Однако национально ориентированные интеллигенты могли быть недовольны форсированным распространением русского языка; где-то, особенно в Прибалтике и Западной Украине, это недовольство имело широкую базу. В 1980-е гг. противоречия вышли наружу. Требования расширения использования языков меньшинств (в том числе предоставления права не знать русский язык) в конце 1980-х гг. стали в союзных республиках первым этапом требования национальной независимости, что для ряда народов осуществилось в 1991 г.

В Российской Федерации, однако, языковая ситуация не могла быть такой же, как в других новых государствах, хотя позиция национально ориентированной интеллигенции в начале 1990-х гг. могла быть сходной. В 1993 г. я слышал от языковеда из Калмыкии, что для этой республики было бы желательно освободиться от русского языка и использовать свой язык дома и английский язык во внешних сношениях, в том числе с Москвой. Но это было нереально. То, что могло (и то с большим трудом) быть возможным в отделившемся от России государстве, не могло осуществиться в пределах России, где языком межнационального общения за отдельными исключениями может быть только русский. Ко времени образования РФ (перепись 1989 г.) нерусское население составляло лишь 18,5%, включая и тех из них, кто владел только русским языком.

Показательно, что не осуществилось требование обеспечить государственные учреждения штатом переводчиков. Законом о языках 25.10.1991 г. было признано право любого гражданина обращаться в любой государственный орган и выступать в нём на своем этническом языке с предоставлением переводчика. Однако реализацию пункта о создании штата переводчиков на общероссийском уровне сначала отложили до 1992-1995 гг., а затем он был исключен из новых версий закона. Россия – не Швейцария!

Общая ситуация конца 80-х – начала 90-х гг. способствовала попыткам расширения функций языков меньшинств, включая образование на этих языках. Но уже к середине 90-х гг. в большинстве национальных районов России после краткого периода языковой нестабильности возобновилось наступление русского языка на малые языки. Оно в основном определялось несознательной языковой политикой на общегосударственном уровне, роль которой в современной буржуазной России снизилась по сравнению с СССР. Однако, если нет целенаправленной политики, то её место занимает стихия, при капитализме рыночная. Законы рынка, как правило, способствуют уменьшению языкового разнообразия и распространению крупных языков. Если в советское время на определённом уровне, иногда искусственно, поддерживалось книгоиздание и выпуск газет и журналов на различных языках, то теперь здесь господствует рынок, а литература на малых языках, как показывает опыт, не может иметь коммерческого успеха. Эта проблема существовала и в советское время, но тогда она смягчалась инерцией политики 20-30-х гг. и нерыночным характером общества.

Безусловно, объективная обстановка в РФ (как и в СССР к концу его существования) работала и работает в пользу распространения русского языка (отвлекаюсь сейчас от вопроса об экспансии английского языка, роль которого в целом ещё несопоставима с ролью русского языка).

По сравнению с другими государствами, образовавшимися на месте СССР, в России было немного языковых войн и острых языковых конфликтов. Однако многие языковые проблемы не решаются. Безусловно, в наиболее трудном положении находятся малые языки, по сравнению с советским временем они всё чаще вымирают. Поддержка малых языков – принципиально нерыночная мера; недаром ей много занимались в СССР, а за рубежом больше всего – при социал-демократических правительствах.

Проблемы знания или незнания тех или иных языков – прежде всего, социальные. Гастарбайтеры, не владеющие языком окружающих, оказываются самыми бесправными и подвергаются нещадной эксплуатации, а их хозяевам выгодно, чтобы они не интегрировались в окружающую среду, в том числе из-за языковых проблем. А женщины Северного Кавказа в значительной степени живут в своём закрытом домашнем мире, в котором не нужен русский язык. В советское время принимались специальные меры по вовлечению женщин в общественную жизнь, теперь этого нет.

И важный фактор – позиция этнических русских. Для них может быть престижен, помимо русского, иностранный язык, но, как правило, не

язык своего меньшинства. И это не специфически российское явление: в США англоязычное большинство так же традиционно относилось к другим языкам. В России любые попытки заставить русскоязычное население овладевать малыми языками своего региона вызывало резко негативную реакцию.

Особо тяжёлое положение сложилось с наиболее малочисленными языками, прежде всего, Сибири, Дальнего Востока и европейского Севера. Сейчас делаются попытки активизировать политику по сохранению этих языков. Время покажет, насколько она эффективна.

И снова встаёт проблема, актуальная ещё в 30-е гг.: как распространение национальных языков сказывается на овладении русским литературным языком. Жалобы на снижение уровня знания русского языка постоянно раздаются, особенно в Татарстане. Но мы живём в единой стране, и без знания русского языка полноценно прожить трудно.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.М. Китайская иероглифическая письменность и её латинизация. – Л.: Институт востоковедения, 1932.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по языкознанию. Т. 2. – М., 1963.

Дешериев Ю.Д. Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е.

Марр Н.Я. Избранные труды. – М.-Л., 1933-1937.

Национальные моменты в партийном строительстве. – Харьков, 1923.

Поливанов Е.Д. Родной язык в национальной партшколе // Вопросы национального партстроительства. – М., 1927.

Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. – М., 1931.

Сталин И.В. Собрание сочинений. – М., 1947.

Crisp S. Soviet Language Planning. 1917-1953 // Language Planning in the Soviet Union. London, 1989.

От Союза ССР к Союзу писателей: становление раннесоветских литературных институций в культурно-политическом контексте 1920-1930-х гг.

В.В. Полонский, Д.С. Московская

Аннотация: *В статье прослеживается сложный путь отечественных литературных институций от революционного порога через эпоху расцвета относительно самостоятельных литературных группировок (приходится на время создания СССР) к победе государственнического централизма в Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций», требовавшем роспуска созданных в 1920-е гг. литературных союзов в пользу единого унифицирующего Союза советских писателей, которому предстояло нивелировать былую плюралистическую чересполосицу разноклассовых и разнонациональных писательских групп. Особое внимание уделяется конкурентной борьбе ВАПП и производных от неё организаций с идеологическими противниками в контексте рыночных реалий НЭПа и внутрипартийных распрей.*

Ключевые слова: *пролетарская литература, попутчики, ВАПП, РАПП.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.014

События Революции и Гражданской войны, приведшие к созданию СССР в конце 1922 г., конечно, могут восприниматься как едва ли не самое яркое проявление свойственной истории нашего Отечества логики тотальных разрывов, разломов и радикальной смены парадигм. Однако всё не столь однозначно. Преемственности с предшествующей эпохой здесь было достаточно, прежде всего – в самой экстремальности целеполаганий.

Для многих деятелей русского дореволюционного модернизма ориентация на полный социальный и культурный коллапс была частью эстетической программы. Революция безжалостно откликнулась на этот глубокий внутренний зов русской культуры акцентированной апокалиптикой. Новая советская литература, отрешившись от «буржуазного наследия» «серебряного века», оставалась, однако, глубоко связанной с её антиутопиями и фобиями, катастрофическими интуициями и чаяниями преображения Человека и Мира. *Труд*, *наука* и *техника* должны были здесь зачастую функционировать как божественные инструменты в эпической песне о рождении Новой Вселенной. А грандиозные планы по скорейшему «окультуриванию» миллионов рабочих и крестьян, связанные с деятельностью поначалу Пролеткульта, а затем Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП) и её наследницы Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), произрастали отчасти из тех же моделей модернистского проектирования, что и некоторые отечественные дореволюционные и очень многие позднейшие западные матрицы обработки тех самых масс, которые Ортега-и-Гасет

назовёт «восставшими». Россия просто была пионером в этом грандиозном деле. Прочему миру пришлось осваивать и адаптировать под себя подобный советский опыт.

И сегодня мы уже явственно понимаем, что эксперименты по постановке раннесоветских площадных парадов главным гуру русского символизма Вяч. Ивановым [*Берд*, 2006] коренятся в его дореволюционных мифорелигиозных штудиях, связанных с культом Диониса, архаичным оргиазмом и хоровой орхестрой, а Андрей Белый в общем-то закономерно планирует в начале 1930-х взяться за «производственный роман» и теорию соцреализма, поскольку рассчитывает, в частности, транспонировать в эти формы свои впечатления от ритма и мистики коллективного труда модернистов-штейнерианцев при строительстве антропософского храма Гетеанум в швейцарском Дорнахе в годы Первой мировой и – позволим себе использовать его символистский идиостиль – запечатлеть в дискурсе советской «переформовки человека» историю инициатического преображения «самосознающей души» [*Лавров*, 2002; *Лавров*, 2007: 279-305; *Спивак*, 2020: 429-442]. В этой же логике – спрятанные, но реконструируемые символистские дореволюционные истоки, скажем, романа «Гидроцентраль» Мариэтты Шагинян [*Лавров*, 2002: 120; *Скорино*, 1975: 224-226] и длинного ряда иных, на первый взгляд вполне ортодоксально-советских, феноменов в культуре конца 1920-х-1930-х годов.

И вместе с тем упомянутый советский опыт был совершенно уникальным. На важнейшую его черту в литературной сфере указывает Вл. Ходасевич в одной из своих статей 1931 г.:

«Будущий исследователь, который поставит своей целью изучить историю литературных течений в СССР, тотчас же столкнется с явлением, в высшей степени для него непривычным, но чрезвычайно важным и представляющим собой как бы ключ, без которого эту историю невозможно ни проследить, ни понять. Он увидит, что наиболее деятельная роль в развитии литературных событий на сей раз принадлежит не отдельным авторам и не писательским группам, но самой *государственной власти*.

<…> Несомненно, что цензурный пресс в СССР действует в настоящее время сильнее, нежели где бы то ни было и когда бы то ни было. Но, во-первых, предварительная цензура введена в СССР только с 1922 года; во-вторых, как бы ни было сильно её действие, глубоко заблуждаются те, кто считает цензуру главным и характерным орудием в литературной политике советского правительства. Цензура действует негативно: она способна многое пресечь, но бессильна создать что-либо. Меж тем литературная интервенция советской власти тем-то и примечательна, что преследует цели вполне активные, творческие» («Литература и власть в Советской России») [*Ходасевич*, 1996: 227-228].

Именно этими целями отмечен сложный путь от революционного порога через эпоху расцвета более или менее самостоятельных литературных группировок (она приходится как раз на время создания СССР) к победе государственнического централизма в Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-ху-

дожественных организаций», требовавшем роспуска созданных в 1920-е гг. литературных союзов в пользу единого унифицирующего Союза советских писателей, которому предстояло нивелировать былую плюралистическую чересполосицу разноклассовых и разнонациональных писательских групп.

Вместе с тем первые полтора десятилетия советской власти отмечены не только подобным плюрализмом, но и вызовом иного порядка, с которым сталкивалась власть: попыткой под крышей не государственных, а *общественных*, и претендующих на *самостоятельность* ассоциаций пролетарских писателей создать грандиозную структуру «массовизации» литературной работы (привлечение к ней едва ли не сотен тысяч рабкоров, селькоров, ударников, начинающих рабоче-крестьянских писателей всех национальностей Союза; причём «массовость» в этой парадигме вытесняет традиционные для эстетики категории «вдохновения», «творчества», «таланта» и т. п.) и агрессивной монополизации сферы идеологии и культурного рынка в интересах победившего класса. Не будем забывать, что на дворе стоял НЭП, и классовая борьба перешла в сферу идеологии.

Степень напора здесь была такова, что государству и даже самому ЦК до поры до времени отводилась роль инстанции, вынужденной пассивно приноравливаться под вапповские/рапповские ветрила. Особенно разгулялись «апповцы» в период внутрипартийной политической борьбы и разгрома троцкизма: именно тогда апогея достигают их кампании по дискредитации и идеологическому шельмованию конкурентов, оказавшихся перед экзистенциальным (чреватым гибелью) выбором – оставаться в лагере «друзей пролетариата» или быть официально признанными его «врагами». На это время приходится борьба сначала с есенинщиной, затем – хлёсткие эскапады против Маяковского, которому не помогло даже вступление в РАПП незадолго до самоубийства.

Общественная и самостоятельная организация обкатывает тоталитарные практики тотального структурирования культурного поля, государство и партия при этом запаздывают, лишь к 1932-1934 гг. им удаётся эту функцию переключить на себя – посредством создания единого Союза советских писателей.

Первой крупной культурной институцией, реализующей сценарии «массовизации» литературной работы, был Пролеткульт, возникший между февралём и октябрём 1917-го. Поначалу его деятельность была направлена на создание широкой сети ячеек просвещения народа. В просветительские проекты Пролеткульта с энтузиазмом включались представители старой, дореволюционной эстетствующей интеллигенции от Брюсова и Гумилева до Вяч. Иванова и Ходасевича. В 1918 г. в ситуации полной разрухи и военного коммунизма по официальным данным в стране были зарегистрированы 147 пролетарских культурных организаций. К 1920 г. они насчитывали уже около 400 000 членов. Но, хотя формально Пролеткульт продолжал существовать до 1932-го, активная фаза его деятельности, по сути, завершилась в начале 1920-х [*Белая*, 2004: 18-23]. Тому были и опосредованные, и прямые причины.

Основная опосредованная причина – несогласованность отвлеченно-радикальных философских идей А.А. Богданова (тектология, «организационная наука», литература как «организация классового опыта») и присных, положенных в основу теории Пролеткульта, с реальными, прагматичными запросами масс и одновременно «консерватизмом» просветительской практики самих просветителей: в составленных многими пролеткультовцами-интеллигентами списках «полезных» пьес или, скажем, номеров для концертов Бетховена, преобладали те же произведения, которые ставили ещё до Революции в кружках и на сценах народных театров.

Прямые же причины были гораздо более осязаемыми:

1. На Первом Всероссийском съезде Пролеткультов (3–12 октября 1920 г.) большевистская фракция осталась в меньшинстве. При этом:
2. Пролеткульт откровенно претендовал на самостоятельность.
3. Ленин и Троцкий с изрядным скепсисом относились к возможности полноценного существования самого феномена «пролетарской культуры».

Идеологу перманентной революции в далекой перспективе виделась культура бесклассового общества, но в ближайшем настоящем он отводил пролетарию лишь роль строителя экономического базиса для надстройки культуры будущего и – разрушителя политических и идеологических структур уходящего буржуазного строя. И недвусмысленно ставил под сомнение способность сотворения пролетариатом своей полноценной сугубо классовой культуры, ценностно равновеликой культуре буржуазно-дворянской:

«Хватит ли у пролетариата попросту времени на создание “пролетарской” культуры? <…> *эпоха социальной революции будет длиться в мировом масштабе не месяцы, а годы и десятилетия – десятилетия, но не века и тем более не тысячелетия. Может ли пролетариат за это время создать новую культуру? Сомнения на этот счёт тем более законны, что годы социальной революции будут годами ожесточённой борьбы классов, где разрушения займут больше места, чем новое строительство»* [*Троцкий*, 1923: 35][1].

В результате постановлением ЦК РКП(б) «О Пролеткультах» от 10 ноября 1920 г. и письмом ЦК от 1 декабря 1920 г. Пролеткульт был организационно подчинён Народному комиссариату просвещения. С критикой организации выступил В.И. Ленин, после 1922 г. её деятельность стала замирать, а дальнейшая судьба проектов «пролетарской культуры» была связана с совсем иными структурами – прежде всего с ВАПП и её производными.

Однако в целом хроника литературной жизни 1921–1922 г. свидетельствует, что после окончания Гражданской войны в первые годы НЭПа на литературной арене блистали писатели, начавшие публиковаться до революции, в большинстве своём выходцы из слоёв интеллигенции – «попутчики»: В. Маяковский, Дм. Фурманов, А. Серафи-

[1] Курсив наш – В.П., Д.М.

мович, М. Цветаева, В. Шишков, Б. Пильняк, Вс. Иванов, К. Федин, Л. Лунц (и прочие будущие «Серапионовы братья»), С. Есенин и др. В авангарде попутчиков выступал неформальный лидер группы «Перевал» А.К. Воронский. Институциализация такого явления, как писатель-интеллигент сменовеховской ориентации, симпатизант Советской большевистской России, была неизбежна, чему и послужило создание в 1921 г. под началом Воронского первого «советского» толстого журнала – «Красная новь».

В 1922 г. на литературную арену вышли молодые писатели-комсомольцы группы «Октябрь» и «Молодая гвардия», заявив о себе как об организаторах «пролетарской литературы». Ещё через четыре месяца, в марте 1923-го, была организована Московская ассоциация пролетарских писателей (МАПП), которая включила в себя «Молодую гвардию», «Октябрь» и «Рабочую весну» и которая меньше, чем через год вошла в созданный ещё «Кузницей» ВАПП – причём таким образом, что подчинила её себе.

Здесь, в недрах обновлённой комсомольскими функционерами ВАПП, появился первый журнал марксистской критики «На посту» (с 1926-го – «На литературном посту») – главный рупор идеологического шельмования инакопишущих, целиком посвящённый борьбе за гегемонию пролетарской литературы и её консолидацию против попутчиков. «Напостовство» окончательно очистило проект пролетлитературы от организационной и идеологической бесформенности, провозгласило «программу» классового сепаратизма и нонконформизма, которые все годы существования будут определять лицо Ассоциации пролетарских писателей как «частной» корпорации в соработничестве с партией и государством.

Для идеологической полемики с Троцким, его сторонниками и последователями у ВАПП были веские основания. Социокультурная ситуация в СССР не имела аналогов ни в прошлом, ни в современности: несущие её конструкции определялись рабочими и крестьянскими массами, самоорганизованными – используем характерный журнально-публицистический сленг 1920-х – в писательские союзы. Именно им, наряду с немногочисленными профессионалами, было уготовано стать постановщиками уникального социального эксперимента, который позволил стране, пережившей войны и революции, где до 80% населения было неграмотным, поднять свой образовательный уровень, указать миллионам путь к идеологическим приемлемым сценариям усвоения образцов мировой культуры, побудить их к собственному творчеству. Массовые, они составили яркий контраст узкогрупповым либо элитаристским «Серапионовым братьям», Лефу, Перевалу, Всероссийскому союзу поэтов (ВСП) и писательской артели «Круг». Так, на Всесоюзной конференции ВАПП в январе 1925 г. были представлены 60 организаций с числом в 2677 членов. В 1928 г. в ассоциации состояли 5000 рабкоров.

Таким образом сразу после Гражданской войны, в формативный период советской государственности, литература стала ареной непрекра-

щающегося классового раздора между двумя основными игроками на культурном фронте – группой писателей-попутчиков во главе с А.К. Воронским, малочисленной, но влиятельной, благодаря своему профессионализму и благосклонности высших партийно-государственных структур, и ВАПП, обладавшей широкой кружковой, ещё пролеткультами заложенной базой, но до сих пор не вызывавшей всё же полного доверия у ЦК партии из-за стремления к организационно-идеологической самостоятельности. Это осложняло положение вапповцев/рапповцев, претендовавших на роль объединителя, создателя новой советской социалистической литературы на классовой, пролетарской, массовой непрофессиональной основе.

Кроме того, возможности объединения препятствовала материальная конкуренция на книжном рынке. В ситуации НЭПа пролетарские писатели экономически проигрывали «попутчикам», представителям старой «буржуазной литературы» и зарубежным авторам. Особенно в частном секторе книгоиздания. Осознав это, руководство ВАПП проявило недюжинные организаторские способности в лоббировании – посредством внедрения разнообразных директивных и даже репрессивных механизмов – собственных интересов на свободном рынке литературы.

С этим связан и тот факт, что требование передать ВАПП право на эксклюзивное обслуживание интересов победившего класса в культурно-идеологической сфере стало определяющим в отношениях руководства Ассоциации с ЦК ВКП(б) и Наркомпросом. На майском 1924 года Пленуме правления ВАПП тезис о том, что «партия не может уже в дальнейшем курировать вопросы художественной литературы, поскольку эти вопросы сложны, новы и не разработаны», повторит Илья Вардин[2]: ВАПП откровенно отодвигала партию и государство от культурного строительства. Курировавший работу литературных институций Отдел печати ЦК ВКП(б) предложил ВАПП создать собственную идеологическую комиссию. Бюро комфракции ответило на это предложение, выставив в секретной докладной записке, адресованной заведующему Отделом печати С.И. Гусеву, финансовые и, что не менее важно, эксклюзивно-статусные условия расчёта на услуги в этой сфере. Как из неё следует, партийная верхушка ВАПП не только оговаривала себе материальное вознаграждение, но и предлагала себя в качестве исполнительного коллегиального органа Отдела печати ЦК, занятого идеологическим цензурированием литературной продукции, предполагая охватить ею не только художественную, издаваемую государственными, в том числе партийно-советскими, и частными издательствами литературу, но также эмигрантскую, не ограничиваясь книгоизданием, но включив также газетную и журнальную периодику от Москвы до Тифлиса[3]. ВАПП хотела поставить на контроль даже текущие библиографические обзоры, литературные хроники и литературоведческие штудии.

[2] *Вардин И.* Тезисы к докладу 6 мая 1924 // ОР ИМЛИ. Ф. 155. ВАПП. Ед. хр. 54. Л. 7.
[3] ОР ИМЛИ. Ф. 155. ВАПП. Ед. хр. 125. Л. 39.

Известное суждение о том, что изгибы и повороты литературной борьбы 1920-х гг. повторяли виляющую в борьбе с оппозициями «генеральную линию» партии, можно уточнить соображениями институционального самосохранения: изгибы и повороты были следствием острой конкуренции на рынке литературного производства. Зигзагоподобные «маркетинговые» ходы ВАПП – от альянсов с Лефом и Литературным центром конструктивистов (ЛЦК) против Воронского до попыток изоляции пролетлитературы и отказа от федерирования, сменившихся активностью по созданию Федерации объединений советских писателей (ФОСП), – объясняются ясным пониманием, что в условиях рыночной экономики главным признаком гегемонии на литературном фронте может быть только «читаемость произведения» [*Авербах*, 1926]. О ней не могло быть речи в 1920–1926 гг., потому что, как справедливо писал Э. Браун, «попутчики по своему образованию, общей культуре и художественным достижениям намного превосходили борющихся пролетариев (пасынков культуры)»[4]. ВАПП не выдерживала экономической конкуренции.

Исход ведшейся открыто с 1922 г. войны ВАПП с профессионалами-попутчиками был предрешён. 13 октября 1927 г. Воронский был снят с редактирования «Красной нови». «Воронский Карфаген», как призывала все эти годы ВАПП, наконец, был разрушен [*Динерштейн*, 2001]. Прошедший в декабре 1927 г. XV съезд партии исключил из своих рядов членов левой оппозиции. Завершилась эпоха, когда у власти стояли революционеры-«отцы». Началась новая страница литературной жизни, время «детей» – яркая страница торжества ВАПП. Это был период перехода от эпохи разрушительно-апокалипсического сознания, интернационализма, мечты о неясном будущем, к культуре, где господствовало цементирующее и ригидное партийно-государственническое начало.

В 1926–1927 гг. ВАПП становится инициатором создания Федерации объединений советских писателей (ФОСП) – собирателем социально неоднородного союза, включающего попутчиков из Всероссийского союза писателей, Лефа, конструктивистов, а также пролетарских и крестьянских писателей (ВАПП и ВОКП). Но новой структуре так и не довелось стать организационной формой для переваривания конфликтов и выработки приёмов мирного сосуществования двух главных претендентов на культурную гегемонию – тех, кто по рождению и воспитанию обладал «образованием, общей культурой и художественными достижениям», и теми, кого в критике того времени могли именовать «пасынками культуры». Всё, что предлагала ВАПП в рамках ФОСП, вело к потере самобытности и самостоятельности попутнических писательских союзов. Таким образом, в годы НЭПа вместо ожидаемого Наркомпросом и поддерживаемого Отделом печати ЦК союза разносословных писательских объединений в Федерации, где главным органом управления является Совет представителей равноправных членов, ВАПП навязал ФОСП структуру партийного типа, окрепшую в годы реконструкции (первой пятилетки), где идеологическое, а с ним и организационное руководство осущест-

[4] *Brown E.J.* The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928–1932. Columbia University Press, New York, 1953, p. 49.

вляет комфракция ФОСП, возглавляемая представителями пролетарской ассоциации.

В 1928 г. дискуссия о принципах объединения ВАПП с региональными пролетарскими ассоциациями выявила основное затруднение, состоявшее в том, что ожидаемая резолюция объединительного Съезда о содействии развитию пролетарской литературы народов СССР может войти в противоречие с руководящими директивами партийных органов союзных республик, для которых заботы о развитии собственных национальных литератур превалировали над ценностями наднационального и надсословного единства общей советской культуры. Кроме того, представители республик не хотели видеть ВАПП в качестве верховного руководящего союзного органа. Особенно резкой в этом плане была позиция украинской стороны. Её представитель на съезде подчёркивал:

«Дело в том, что в украинских условиях, благодаря прошлым великодержавным тенденциям <…> и благодаря историческому развитию Украины как колониальной страны <…> у нас среди интеллигенции даже пролетарской усвоилось недоверие ко всем центростремительным тенденциям и очень глубокое. <…> Предлагаю сначала установить Федерацию советской литературы внутри каждой республики, потом федерировать советскую литературу всех республик. Сейчас Украина рассматривает федерацию как поглощение ВАППом, т. к. ВАПП сейчас всесоюзная организация»[5].

Довод украинской делегации, что для национальных культур политическим куратором являются местные партийные комитеты, подчиняющиеся ЦК, оказался неразрешимой проблемой. ВАПП попыталась её решить в 1928 г. при создании ВоАПП – Всесоюзного объединения ассоциаций пролетарских писателей. Выходом непосредственно для старых вапповцев стало выдвижение на передний план как отдельной организации внутри общей структуры ВоАПП Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). Заметим, что к 1930 г. РАПП уже собрала в себе *многонациональную* пролетарскую организацию и проводила собственную национальную политику, которой отвечал не «наркомпросовский» государственнический, федеративный подход, а партийный принцип демократического централизма. 23 апреля 1932 г. было опубликовано уже упомянутое постановление Политбюро ЦК ВКП(б) («О перестройке литературно-художественных организаций»), требовавшее роспуска созданных в 1920-е гг. литературных союзов. Стало ясно, что для организации всесоюзной советской литературы партии не только не нужна, но своим классовым ригоризмом *мешает* РАПП. С объединением многоязыких и разносословных литератур национальных республик благополучно справится полностью подконтрольная государству и партии единая монопольная структура – Союз писателей, Оргкомитет которого был создан в 1932-м, а первый съезд прошёл в 1934-м. Концепт «советская литература» в его привычном нам смысловом наполнении складывается именно на

[5] ОР ИМЛИ. Ф. 155. ВАПП. Оп. 1. Ед. хр. 278.

трибунах и в кулуарах этого писательского Союза, отвергая классовую основу для объединения – «пролетарскость», за которую все годы НЭПа боролась ВАПП.

Предшествующие попытки структурирования этого феномена в период становления и укрепления советской государственности, отмеченный групповым плюрализмом, классовым «отбором», острой конкуренцией и экспансией пролетарских литературных организаций, были обречены на провал.

Союз писателей СССР унаследовал из опыта ВАПП:

– социальный заказ, или «запланированную литературу», обеспеченную гарантированным потребителем: школами, библиотеками, рабочими кружками;

– установку на массового читателя, прежде всего, школьника и студента, с развитым институтом детской и юношеской литературы;

– настороженное отношение к классическому наследию, требующее доктринально-дидактичной литературной критики и культуры идеологического комментирования;

– национальную политику, отвечающую идеологическим установкам и одновременно способствующую появлению новых национальных писательских кадров;

– организационное строение, повторявшее многонациональную структуру ВоАПП;

– необходимость собственных изданий; собственного издательства; собственного вуза для выращивания новых кадров писателей и литературоведов; сохранение и поддержку с этой целью «низового писателя» в литературных кружках при заводах и фабриках;

– недоверие к писательскому «таланту» и «кабинетному творчеству», любому проявлению автономии литературного производства в целом.

Отныне «другой» институт с прямым, без посредников, новым типом отношений литератора и работодателя был создан в 1934 г. в виде гомогенного массового писательского союза – Союза советских писателей СССР, направляемого непосредственно Политбюро. Вместе с ним канули в Лету ассоциации пролетарских писателей, «генетический код» которых принадлежал к предыдущей эпохе. Однако созданные ими и отработанные в них литературные практики и организационный опыт послужили Союзу писателей СССР «унаследованным настоящим» – долговечной матрицей для институционального развития.

ЛИТЕРАТУРА

Авербах Л. Культурная революция и современная литература // На литературном посту. 1926. № 13–14. С. 1–11.

Белая Г.А. Дон Кихоты революции – опыт побед и поражений: синкретические исследования русской литературы, критики и эстетики 20-х годов. – М.: РГГУ, 2004.

Берд Р. Вяч. Иванов и массовые празднества ранней советской эпохи // Русская литература. 2006. № 2. С. 174–189.

Динерштейн Е.А. А.К. Воронский. В поисках живой воды. – М.: РОССПЭН, 2001.

Лавров А.В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. – М.: НЛО, 2007.

Лавров А.В. «Производственный роман» – последний замысел. А. Белого // Новое литературное обозрение. 2002. № 4 (56). С. 114–134.

Скорино Л. Мариэтта Шагинян – художник. Жизнь и творчество. – М., 1975.

Спивак М.Л. Андрей Белый – мистик и советский писатель. – М.: РГГУ, 2020.

Троцкий Л. Литература и революция. – М.: Красная новь, 1923.

Ходасевич В.Ф. Некрополь. Литература и власть. Письма Б.А. Садовскому. – М.: СС, 1996.

Brown E.J. The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928–1932. New York: Columbia University Press, 1953. P. 49.

История советской литературы в свете текстологии

Н.В. Корниенко

Аннотация. *Статья посвящена текстологическим вопросам богатейшего литературного наследия советской эпохи; выделяются основные этапы истории советской литературы, когда остро ставились эдиционные вопросы и предлагались методологические походы к созданию «Истории советской литературы»; анализ текстологических дискуссий выстроен на материале периодики и фондов Гослитиздата и Союза писателей РГАЛИ.*

Ключевые слова: *текстология, основной текст, история литературы, дискуссии, русская классика, советская периодика, постановления партии, литературная критика.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.015

27 октября 2022 г в Пушкинском Доме состоялась научно-практическая конференция «Наследие русских писателей XX в.: вопросы эдиционной практики»[1]. Конференция собрала текстологов ИРЛИ РАН и ИМЛИ РАН, работающих в группах Собраний сочинений. Мой доклад назывался также, как и тема предлагаемой статьи, правда, с поясняющим общую тему подзаголовком: «Из опыта подготовки тома литературно-критических статей А.П. Платонова 1930-х гг.». Данный том научного Собрания сочинений А. Платонова готовится к выходу в свет [*Платонов*, 2023]. Из прочитанного в ИРЛИ РАН доклада я возьму лишь статистику. При жизни Платонова из написанных им во второй половине 1930-х гг. литературно-критических текстов (нами выявлен 71 текст) были опубликованы 61 статья и рецензия; в посмертных изданиях сборников статей, выходивших в 1970 и 1980 гг. под авторским заглавием «Размышления читателя» (так называлась запрещённая к выходу в свет книга литературно-критических статей писателя 1939 г.), были републикованы 18 текстов в первом издании, 20 – во втором. Эта статистика отражает общую источниковедческую и текстологическую ситуацию с литературным наследием этого советского десятилетия не только Платонова.

При републикации или первой публикации произведений Платонова 1920-х гг. предстояло исключить из текста или заменить на другое имя Л. Троцкого (повесть «Сокровенный человек»); в отношении произведений 1930-х гг. поступили аналогичным способом, правда, теперь уже в отношении Сталина, имя которого или исчезло из текста (повесть «Котлован», пьеса «14 красных избушек» и др.) или заменялось на Ленина и ЦК («Джан»). В отношении литературно-критических текстов второй половины 1930-х гг. ситуация оказалась более сложной и касалась не только сталинской темы в литературно-критических текстах (заменить Сталина на Ленина в статье о Джамбуле или в рецензии на знаменитую книгу «Творчество народов

[1] См. хронику конференции: *Линдеберг О.А.* Наследие русских писателей XX века: вопросы эдиционной практики. Научно-практическая конференция // Русская литература. 2023. № 3. В печати.

СССР» было практически невозможно), но и рецензий Платонова на признанных классиков советской литературы (скажем, ни одна из трёх написанных рецензий на признанного классика советской детской литературы Льва Кассиля не была республикована). К тому же статьи и рецензии, написанные Платоновым в этот период, требовали новой реконструкции литературно-политического контекста, что не вписывалось в общие концептуальные построения советской литературы сталинской эпохи, как они складывались сначала в эпоху «оттепели», а затем и в последующие десятилетия. Так, к примеру, даже в новейшей «Истории русской литературной критики» (2011) утверждается, что Первый Всесоюзный съезд писателей (это август 1934 г.) «поставил точку в дискуссиях 1933–1934 годов. Столь горячих и относительно открытых споров о литературе в советской критике не будет в следующие два десятилетия вплоть до оттепели» [История русской литературной критики… 2011: 269]. Подготовка комментированного издания литературной критики Платонова опровергает это утверждение.

Вопросы создания «Истории советской литературы» ставились уже в 1930-е гг. Сначала за этот государственный заказ отвечала Коммунистическая академия, где в начале 1930-х гг. в Институте литературы и языка (ЛИЯ) обсуждалась общая структура труда, была предложена периодизация советского литературного процесса, шла подготовка первого тома. На первом заседании редколлегии (5 мая 1933 г.) принимается схема трёхтомной истории: т. 1 – «Эпоха военного коммунизма (1917–1921)», т. 2 – «Советская литература эпохи НЭПа», т. 3 – «Советская литература в эпоху социалистической реконструкции и вступления в социализм»[2]. С закрытием Комакадемии (1936) вопросы создания истории советской литературы перешли к Союзу советских писателей (секции критиков и литературоведов), а затем к Институту мировой литературы им. А.М. Горького.

Ещё до закрытия Комакадемии, сразу после Всесоюзного съезда советских писателей (август 1934 г.), на первом совещании критиков и литературоведов при обсуждении большого круга «спорных вопросов» современной литературной критики звучала тема отсутствующей истории советской литературы. По меткому замечанию известного критика А. Селивановского, «тревожное положение», сложившееся в критике, зеркально отражает факт неудачи двухлетней работы института (ЛИЯ) над созданием первого тома «Истории…»; о причинах неудачи критик не говорил: институт «не смог», и всё[3]. В 1935 г. на заседании секции критиков и литературоведов Союза писателей слушали вопрос «Об издании истории русской литературы» (докладчик – литературовед Д. Благой); планировалось том, посвящённый советской литературе, выпустить к 20-летию советской власти[4]. Опять не смогли, и у того было много причин литературно-политического характера.

---

[2] Архив РАН. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 1–20 а. Основные положения этого первого научного проекта «Истории советской литературы» представлены в статье К. Зелинского, см.: *Зелинский К.* Вопросы построения истории советской литературы // Литературный критик. 1935. № 12. С. 5–34.

[3] Стенограмма первого организационного совещания критиков и литературоведов. 25 октября 1934 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 18. Ед. хр. 6. Л. 19–21.

[4] Протокол заседания бюро секции критиков и литературоведов. 19 марта 1935 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 18. Ед. хр. 10. Л. 5–6.

К. Зелинский, один из активных участников всех опытов XX в. по созданию «Истории советской литературы», в письме 1936 г. к руководителю Союза писателей В. Ставскому описал круг задач и нерешённых вопросов в осуществлении данного государственного проекта. С формулировкой задач после писательского съезда, определившего социалистический реализм «основным методом советской художественной литературы и литературной критики» [Первый Всесоюзный съезд советских писателей… 1990: 4], вроде было понятно: «Свою “Историю” я задумал довольно широко с охватом, вернее с привлечением материала главнейших литератур СССР. Задача – дать картину советского литературного процесса за 20 лет, как становление идей и метода социалистического реализма». Казалось бы, пиши данную историю, но тут возникала цепь «трудностей», частично описанных Зелинским: «Одной из главных трудностей, с которой я столкнулся в своей основной работе, была техническая неорганизованность самого литературного материала, трудность получения необходимой информации из республик и отсутствие при всём том справочно-библиографической службы. Это самая запущенная область нашего литературоведения, и “незаметные герои” его – подносчики материала – фактически обретаются в распыленном состоянии где-то на задворках секции критиков. <…> Нельзя, например, по-настоящему писать историю советской литературы, не составив предварительно синхронистического календаря литературы, или не составив для себя тематических графиков, или иных исследований в статистическом разрезе. Все эти работы невероятно трудоемки»[5].

Критик-литературовед обозначил трудности, связанные прежде всего с источниковедческой базой «Истории…», важной как для разработки концептуальных построений, так и истории текстов произведений, созданных в тот или иной исторический период. Выстроить «синхронический календарь» советской литературы в 1930-е гг. было невозможно объективно. Неслучайно, предложенная журналом «Литературный критик» (к юбилею революции) «Хроника советской литературы за двадцать лет (1917–1937)»[6] вызвала жёсткие оценки в печати. Для работы над «Историей…» нужно было срочно утверждать новую периодизацию советского литературного процесса, формировать «правильную» хронику литературной жизни, отобрать главные литературные имена и тексты – всё это задачи не из простых, если учесть, что среди «врагов народа» в 1930-е гг. оказались не только такие ключевые фигуры литературно-политического процесса 1920-х гг., как Л. Троцкий, Н. Бухарин, А. Воронский, Л. Авербах, К. Радек, И. Беспалов, но и значительные писательские фигуры первого советского десятилетия (Б. Пильняк, Н. Клюев, С. Клычков, И. Бабель, В. Зазубрин, О. Мандельштам, С. Третьяков и др.). Среди авторов создаваемой в ИМЛИ истории советской литературы, о работе над которой постоянно сообщала во второй половине 1930-х гг. «Литературная газета», числились те же критики, что вели в тридцатые годы, как и в двадцатые, жестокую литературную борьбу.

[5] Письма писателей и критиков В. Ставскому по творческим вопросам // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 138. Л. 87–89. Письмо от 25 октября 1936 г.

[6] Хроника печаталась в журнале в 1937 г. с 7 по 12 номер.

Институт мировой литературы и Союз писателей вернулись к обсуждению вопросов «Истории…» в оттепельные 1950-е гг.[7] На Втором Всесоюзном съезде советских писателей (1954) тему «Истории русской литературы» затронул в своём выступлении член-корреспондент АН СССР литературовед Д.Д. Благой: «У нас до сих пор нет труда, который дал бы полную картину развития всей русской литературы, нет истории советской литературы. Мы далеко недостаточно изучаем сам процесс литературного развития, закономерности, им управляющие, до сих пор не была ещё разработана периодизация литературы и т. д.» [Второй Всесоюзный съезд советских писателей… 1956: 392]. Одним из достижений советской критической мысли и литературоведения Благой назвал формирование «нового *синтетического* типа критика-литературоведа» [Там же: 390].

Академия начнет выполнять госзаказ на «Историю…» в 1960-е гг. В издательстве «Наука» в 1966 г. выходят библиографический указатель «Советское литературоведение и критика» и «Очерки русской советской журналистики» (1-я книга), а затем начинает публиковаться «История русской советской литературы. 1917–1965» в 4-х томах, под редакцией А.Г. Дементьева, одного из ведущих литературных критиков эпохи «оттепели». 1 том «Истории…» представлял 1920-е гг., 2 том – 1930-е, 3 том – период Великой Отечественной войны и послевоенные годы, 4 том – период «оттепели», 1954–1963. Каждый том включал: статьи, посвящённые общей характеристике литературного процесса, связям с национальными республиками; портреты признанных классиков советской литературы; статьи-обзоры по журналистике и критике; каждый том заключала «Хроника литературной жизни»[8]. Параллельно этому изданию также в ИМЛИ начала создаваться «История советской многонациональной литературы» в 6 томах, под редакцией Л.И. Тимофеева и Г.И. Ломидзе. «Хроника литературной жизни народов СССР за 50 лет (1917–1967)» составила отдельный 6-й том, он выходил под редакцией Н.С. Надьярных, последней заведующей Отделом советской многонациональной литературы ИМЛИ.

В структуре и идеологии обоих изданий была реализована одна из базовых формул доклада Горького на Первом съезде писателей: «Я считаю необходимым указать, что советская литература не является только литературой – русского языка, это – всесоюзная литература» [Первый Всесоюзный съезд советских писателей… 1990: 15]. Метод социалистического реализма был призван стать *объединяющим* всех писателей, как это и записано в принятом на съезде «Уставе Союза советских писателей СССР»: «Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в её революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны со-

[7] См.: *Дементьев А.* Как же строить историю советской литературы? // Знамя. 1955. № 9. С. 185–193; *Зелинский К.* Становление метода социалистического реализма // Дружба народов. 1961. № 1. С. 239–240; *Зелинский К.* Идеи и структура будущего труда // Вопросы литературы. 1961. № 6. С. 49–64; *Благой Д.* Трудности, которые нужно и можно преодолеть // Вопросы литературы. 1961. № 8. С. 61–70 и др.

[8] Выходившая в 1980–1983 гг. «История русской литературы: в 4 т.» (готовилась в ИРЛИ) не включала советский период литературы.

четаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма» [Там же: 712].

Исходя из этих установок, предстояло дать историческое описание русской (и других национальных) литератур СССР.

Главную коллизию ситуации с созданием Истории советской литературы я бы сформулировала так. Литература развивалась так, как развивалась, чаще всего, не ведая о методе соцреализма не только в 1920-е, но и в 1930-е гг., а наука должна была систематизировать и вписать в общую концепцию литературы социалистического реализма всю *разноречивую* литературную реальность, начиная с 1917 г. Лишь замечу, что даже в конце 1930-х гг. вопрос о соотношении текущей литературы с выдвинутой на съезде концепцией литературы социалистического реализма считался далеко не проясненным. Об этом признавался в 1939 г. руководитель Союза писателей А. Фадеев, выступая на представительском форуме по вопросам критики: «Пора, давно пора перейти от общего определения социалистического реализма к конкретной его разработке на основе существующего богатства многонациональной советской художественной литературы. И прежде всего, надо помогать рождению многообразных форм социалистического реализма в искусстве…»[9]. В 1940 г. звучали и вовсе пессимистические умозаключения. Ни критики, ни литературоведы, собравшиеся в Союзе писателей на заседание своей секции, не знали, как в литературу социалистического реализма вписать «Тихий Дон», потому что финал романа и его главный герой (Григорий Мелехов) никак не сочетались с уставной задачей «идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма»; «…многие вряд ли предугадали то, что там написано»; «Безусловно, это самый настоящий положительный герой. Это герой, на стороне которого симпатии читателя. Это реалистический герой… Другое дело – с точки зрения советской власти»; «Роман хорош, превосходен, но не социалистический роман»; «По линии психологической, художественной – сочувствие Григорию. По линии ЧК – Григорий должен быть наказан» и т. п. – признавались критики-литературоведы в мае 1940 г.[10] С воспитательными задачами, возложенными на критику и руководство Союза, также всё обстояло не по написанному в Уставе ССП, стоит только заглянуть в многочисленные стенограммы идущих в Союзе заседаний. Так, к примеру, читается выступление П. Павленко на заседании президиума Союза писателей, посвящённом постановлению ЦК ВКП(б), которым был закрыт журнал «Литературный критик» и упразднена секция критиков ССП: «Мы должны признаться, что мы устали, нам надоело работать в Союзе. Бывают же у людей профессиональные заболевания. Мы притупились немного, может быть, действительно нам пора переизбираться? <…> Я работал много и теперь говорю прямо: надоело, потому что хочется писать. <…> Лучше писать книги, на страшном суде ведь именно это зачтётся. Я представил себе такую вещь: вдруг свалили бы Фадеева и назначили Вишневского, что бы было? Ты, во-первых, залетел куда-нибудь

[9] На заседании президиума с активом. Из речи тов. А. Фадеева // Литературная газета. 1939. 6 мая. С. 5–6.

[10] Обсуждение романа «Тихий Дон» на заседании секции критиков ССП 19 мая 1940 г. [*Кирпотин*, 2006: 427–435].

на два месяца, а потом начал расставлять нас по батальонам (*Вишневский*: А если бы ты был?). Я бы в три недели завалил Союз. Это самая тяжёлая и неблагодарная работа»[11] и т. п.

***

С новым перевалом в истории нашей страны («перестройкой») в повестку дня вновь ставится работа над новой историей советской литературы, теперь уже, правда, в новой формулировке: «История русской литературы XX века в мировом контексте». Замечу, что «История Всемирной литературы: в 9 т.» (1983–1994) осталась без 9 тома, по-простому – без литературы после 1917 г., во многом из-за того, что остановились перед советским периодом русской литературы. С начала 90-х гг. в секторе русской литературы Отдела советской многонациональной литературы (с 1993 г. – Отдел новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья) шла работа над проспектом этого издания. Во многом именно благодаря текстологам и источниковедам (в это время в отделе начали формироваться первые группы по подготовке Собраний сочинений писателей советской эпохи – С. Есенина, В. Маяковского, А.Н. Толстого и Хроники литературной жизни советской России) удалось добиться немыслимого – исключить из государственного плана создание «Истории русской литературы XX века в мировом контексте». Нельзя писать историю литературы без Хроник литературной жизни советской России и эмиграции, без реконструкции на новой источниковедческой основе двух литературных процессов – метрополии и зарубежья, без разработки целого комплекса институциональной проблематики литпроцесса (критики, журналистики, издательств, читателя) и главное – не имея точного представления, с какими текстами мы работаем, когда описываем те же двадцатые или тридцатые и сороковые годы. Всё-таки история литературы – это прежде всего история текстов произведений, из которых она (история) складывается.

Конспективно остановлюсь на истории формирования текстологических принципов издательской политики в отношении текстов произведений советской литературы. В 1920-е и 1930-е гг. текстологическая проблематика текущей советской литературы публично не обсуждалась; решение о публикации оставалось за Главлитом, редакторами журналов, внутренними рецензентами и редсоветами издательств, президиумом ССП, ЦК ВКП(б) и лично Троцким и Бухариным – в 1920-е, Сталиным – в 1930-е гг. О том, что постановка текстологических вопросов назрела, продемонстрировала история издания «Библиотеки избранных произведений советской литературы. 1917–1947», готовившейся к 30-летию революции и советской власти. Планировалось выпустить 100 томов советской классики, каждый том – стотысячным тиражом. За издание отвечали Союз писателей и Гослитиздат. «Личные дела» писателей в фондах Гослитиздата (РГАЛИ, Ф. 613), в которых отложились внутренние рецензии на представленные в юбилейную библиотеку произведения, открыли одну непростую, но очевидную проблему: оказалось, что включать в эту серию без дополнительной редактуры даже про-

[11] Заседание президиума ССП, посвящённое принятому ЦК ВКП(б) постановлению о литературной критике и библиографии. Стенограмма. 17 декабря 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 474. Л. 67–68.

изведения признанных советских классиков («Разгром» Фадеева, «Города и годы» Федина, «Бронепоезд 14–69» Вс. Иванова, повести Сейфуллиной, романы Леонова, Шолохова и др.) невозможно. Начинается очередной этап переписывания и редактирования текстов, где с участием авторов, а чаще – и вовсе без них.

На государственно-политический уровень вопросы издания советской классики были выведены в начале 1950-х гг. Старт обсуждению дала статья в газете «Правда» от 9 января 1952 г., в которой отмечались недостатки в работе издательств, выпускающих «скороспелые, неполноценные произведения»[12]. В специальной статье, посвящённой работе издательства «Советский писатель»[13], отмечался низкий идейный и художественный уровень целого ряда произведений, выпущенных «Советским писателем», критиковалась работа редсовета: «Недостаточно требовательно относятся в издательстве к произведениям, которые могут быть изданы, но требуют дополнительной работы с ними». Перед издательством ставилась задача повысить идейно-художественный уровень выходящих книг»[14].

От постановки в повестку дня вопросов качества изданий «Советского писателя» перешли на более высокий уровень обсуждения: рассмотреть качество редподготовки произведений русских классиков в главном издательстве страны – Гослитиздате (Государственное издательство художественной литературы). Именно на это издательство постановлениями правительства была возложена подготовка изданий собраний сочинений русских классиков XIX в. и 30-томного Собрания сочинений М. Горького (выходило с 1949 г.). С 10 января на страницах «Литературной газеты» и других центральных газет разворачивается широкое обсуждение вопросов текстологии русской литературы[15]. Обсуждение шло с января до конца года. У текстологов русской классики за предшествующие десятилетия накопился большой опыт и колоссальный материал – они и будут главными авторами разворачивающейся текстологической дискуссии, лишь две статьи из опубликованных посвящены изданию классиков советской литературы (Бедного и Фурманова). Открылась дискуссия 10 января статьей старейшего ленинградского филолога А.Л. Слонимского «О редакторском произволе (По поводу академического издания Н.В. Гоголя)», в которой был сформулирован один из основных вопросов текстологии – о выборе основного текста, а также о редакторском произволе в отношении авторской воли. Автор статьи так резюмировал основные положения своеобразного кодекса текстолога, выработанные в исследованиях лучших оте-

[12] О требовательности в художественном творчестве // Правда. 1952. 9 января. С. 1.

[13] Издательство Союза писателей СССР, планы издательства утверждались президиумом ССП.

[14] *Озеров В., Чуканов Н.* Творчески работать над созданием новой книги. Об издательстве «Советский писатель» // Правда. 1952. 9 января. С. 2.

[15] См. публикации в «Литературной газете» за 1952 г.: 10 января – *Слонимский А.* О редакторском произволе (По поводу академического издания Н.В. Гоголя); 8 февраля – *Куриленков В.* Прихоть редакторов и своеволие составителей; 15 июля – *Благой Д., Макогоненко Г., Мейлах В.* За образцовое издание классиков; 14 августа – *Зильберштейн И.* Издание классики – дело всенародного значения; 28 августа – *Чуковский К.* Заметки текстолога; 30 августа – *Бартенев В.* Новое издание сочинений Д. Фурманова; 28 октября – За образцовое издание классики [Письма читателей]; 20 ноября – *Григоренко В.* Еще раз об издании классиков; 11 декабря – *Друзин В., Морозова В.* О принципах издания Собрания сочинений Г. Успенского и др.

чественных текстологов 1920–1930-х гг.: «Глубокое изучение рукописных и печатных источников, строгий учёт исторических и биографических обстоятельств, полная объективность в определении последней авторской редакции, величайшая осмотрительность при внесении каких-либо изменений в прижизненный печатный текст – всё это, в соединении с художественным тактом, характеризует работу лучших советских текстологов». В публикуемых статьях приводились примеры «редакторского произвола», в основном его видели в произвольном выборе основного текста, когда приоритет отдавался ранним редакциям. Обсуждали существующие типы академических и научно-популярных изданий Собраний сочинений классиков и их тиражи (академических – 50 тысяч, научно-популярных – 350–500 тысяч). В том или ином виде практически все выступающие ставили в повестку дня вопрос об упорядочении изданий русских классиков и недопущении грубых ошибок, искажающих авторскую волю.

«Образцовое издание» предполагало создание «стабильного текста» классических произведений: «Подлинным авторским текстом должен считаться, как правило, текст последнего прижизненного издания, вышедшего с ведома автора и при его личном участии»; «Последняя воля автора, последняя прижизненная редакция – вот основной критерий, которым следует руководствоваться при подготовке текстов к изданию». Мы привели базовые положения из коллективной статьи трех авторов, известных исследователей русской литературы XVIII и XIX вв. – Д. Благого, Г. Макогоненко, Б. Мейлаха. Мейлах к тому же являлся автором работ по методологии изучения русской литературы; за монографию «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX-XX вв.» (1947, второе издание – 1951 г.) удостоен Сталинской премии второй степени (1948). Собственной текстологией никто из уважаемых авторов этой статьи, в которой были сформулированы принципы, определившие на десятилетия методологические установки советской текстологии, не занимался. Как ни покажется странным, но коллективный автор, можно сказать, перевёл на высокий идейно-теоретический уровень назревшие эдиционные вопросы прежде всего советской классики. К этому выводу нас подводит хронология дискуссии 1952 г. В «Литературной газете» коллективной статье «За образцовое издание классиков» (15 июля) предшествовала статья В. Куриленкова «Прихоть редакторов и своеволие составителей» (7 февраля), посвященная последним изданиям Д. Бедного. За статьей Куриленкова последовала цепь весьма значимых событий:

– 24 апреля принимается постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «О фактах грубейших политических искажений текстов произведений Демьяна Бедного»;

– В ЦК проходит совещание работников центральных издательств, на котором в свете принятого постановления были подвергнуты критике серьёзные политические и теоретические ошибки, допущенные издательствами и прежде всего Гослитиздатом;

– 9 мая состоится заседание редсовета Гослитиздата «О некоторых задачах работы издательства», посвящённое принятому постановлению;

– 20 мая в редакционной статье газеты «Правда» подводится идеологический фундамент под обсуждение изданий Бедного.

Автор статьи «Прихоть редакторов и своеволие составителей» В. Куриленков не был классическим филологом, а скорее всего, судя по его брошюрам 1950 г. и книге о Д. Бедном (1954), представлял агитпроповскую критику. Некоторые существенные детали к портрету автора статьи дополняет стенограмма редсовета Гослитиздата, из которой можно узнать, что по первоначальным планам издательства именно Куриленков планировался составителем сборника избранных произведений Бедного (к 5-й годовщине со дня смерти поэта), но по настоянию вдовы Бедного был назначен другой. Правда, Куриленков не отошёл от темы и выступил внутренним рецензентом составленного В. Регининым сборника, поддержал состав сборника, указав на ошибки в выборе текстов некоторых произведений; однако редактора тома (Л. Белова) с его замечаниями не ознакомили и т. п.[16] В опубликованной статье было предложено сравнение текстов нескольких произведений Бедного в посмертных сборниках конца начала 1950-х гг. с последним прижизненным изданием 1937 г. К «грубейшим искажениям» авторского текста Куриленков отнёс характерные для Бедного оценки русской истории и русской деревни. В сборнике Гослитиздата 1950 г. известное стихотворение «Смелей» печаталось со строкой «Деревня, царство тьмы и вони / Рванулась к свету и красе…», которая была исправлена в издании 1937 г. на нейтральную характеристику: «Деревня, жившая так бедно …»; в стихотворении «Чудесное письмо» печаталась строка «Деревня старая гнила», исправленная в издании 1937 г. на «Деревня старая жила» и т. п. Подобное «искажение» в знаменитой поэме Бедного «Про землю, про волю, про рабочую долю» вызвало гневную отповедь автора статьи:

«…в 26 главе 3 части у Демьяна Бедного говорится

“Правда” первая была
Жертвой хищного орла…

Составитель и редактор превратили эту точную и ясную справку из боевой истории “Правды” в довольно тусклую сентенцию с неуместным эпитетом:

Первой жертвою орла
“Правда” бедная была…»

Приведя ещё ряд подобных разночтений, сопровождаемых уничижительными характеристиками редактора и составителя сборника, Куриленков делает следующее масштабное заключение: «Союз писателей и Институт мировой литературы не могут стоять в стороне от изданий литературного наследства и должны всерьёз заинтересоваться им. Нельзя пускать на самотёк важнейшее дело популяризации советской классики, нельзя мириться с прихотью и своеволием составителей, с небрежностью и попустительством редакторов».

В партийном постановлении от 24 апреля ситуация, описанная в статье Куриленкова, выведена на новый уровень обобщения и государственно-партийного решения: «Проверкой поступивших в ЦК ВКП(б) материалов установлено, что при составлении и редактировании сборников произведений Демьяна Бедного, изданных Гослитиздатом (“Избранное”, 1950 г.) и Воен-

[16] Стенограмма производственного совещания редакционного отдела Гослитиздата. 9 мая 1952 г. // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 7. Ед. хр. 956. Л. 47, 113.

издатом (“Родная армия”, 1951 г.), допущены произвол и самоуправство в обращении с текстами поэта, в результате чего многие его стихи напечатаны с грубейшими политическими искажениями, доходящими в некоторых случаях до либерально-буржуазной фальсификации текстов Д. Бедного». В постановляющей части перечислялись самые разные формы наказания виновных (составителей, редакторов изданий, директоров Воениздата и Гослитиздата), а Гослитиздату поручалось «выпустить в 1952–1953 гг. собрание сочинений Д. Бедного[17], обеспечив доброкачественную подготовку текстов произведений поэта» [Власть и художественная интеллигенция… 1999: 674–675].

Стенограмма производственного совещания в Гослитиздате представляет богатейший материал к нашей теме, достойный отдельной публикации. Лишь на некоторых выступлениях я остановлюсь. В докладе директора издательства А.К. Котова к уже отмеченным ошибкам в издании Бедного были добавлены новые; политические коррективы вносились и в приведённые Куриленковым примеры. Так, характеристика газеты «Правда» в двустишии из поэмы «Про землю, про волю, про рабочую долю» вызвала следующую оценку Котова: «…слово “бедная” вносит двусмыслицу в это двустишие и совершенно извращает мысль поэта. Чёткость и поэтическая выразительность стихов Демьяна Бедного здесь превращается в поэтическую нечеткость, в политически ошибочные формулировки»[18]. Котов остановился также на общих проблемах подготовки к изданию произведений советских писателей; вот некоторые из них, не потерявшие своей актуальности: позиция наследников и душеприказчиков (ситуация с изданиями Бедного и собраний сочинений В. Вишневского и П. Павленко); неописанность архивов (ситуация с подготовкой собрания сочинений Д. Фурманова); отношение писателей и редакторов (рассказ об обиде Фадеева на редактора «Разгрома», которая допустила написание имени героя романа «Разгром» на украинский манер: «Морозко» вместо «Морозка»); характерная для областных и республиканских издательств произвольность в выборе текста произведения. В связи с последним стоит привести рассказанную Котовым историю с изданием классика и основоположника якутской литературы А.Е. Кулаковского (1877–1926); в феврале 1952 г. специальным решением Якутского обкома партии Кулаковский был запрещён к изданию как «националист»:

«Мы говорили о Демьяне Бедном, это яркий пример. Но я хочу рассказать ещё о следующем. Мне довелось быть в Якутии и заниматься тоже литературными делами. Любопытно, что есть три писателя: Кулаковский, Сафронов, Неустроев[19], писатели реакционные с большим грузом буржуазно-националистических ошибок, защитники якутской культурной автономии. Эти писатели умерли. И вот нашлись товарищи, которые решили восстановить это наследство. Но так как эти писатели реакционные, они решили их приукрасить. Есть издание Кулаковского 1926 года, прижизненное, а люди, которым поручено издавать этого Кулаковского, решили его

[17] Собрание сочинений Бедного в 7 т. выйдет в 1963–1964 гг.

[18] Стенограмма производственного совещания редакционного отдела Гослитиздата. Л. 6.

[19] А.И. Сафронов (1886–1936) и Н.Д. Неустроев (1895–1926) – классики якутской литературы; активные участники литературной жизни советской Якутии 1920-х гг.

поэму “Сновидение шамана”, реакционную, переделать, они и переставили главы, т. е. сделали всё для того, чтобы представить Кулаковского в революционном виде. Вот к чему приводит такой произвол. Он приводит к прямой фальсификации»[20].

Погружаясь в подобные рассказы, порой теряешь причинно-следственную связь. Словами «произвол» и «самоуправство», чаще всего встречающимися в выступлениях на этом собрании, вряд ли можно адекватно описать ситуацию с изданием Бедного. Пожалуй, только заведующий редакцией русской классической литературы В. Григоренко[21] попытался вернуть обсуждение в научное русло, а произносимому всеми выступающими слову «текстология» придать несколько иной смысл, чем в статье Куриленкова:

«Последний прижизненный текст не является панацеей от всех зол. Он становится последним подлинным авторским текстом только тогда, когда критически выверен со всеми печатными и рукописными материалами. Поэтому работа по установлению подлинного авторского текста это – не техническая работа, как обычно смотрят у нас, а это – большая серьёзная научная работа, которая требует от редактора и способности критического анализа, и большой политической чуткости и бдительности»; «…всякое вмешательство редактора в авторский текст может иметь место только тогда, когда это вмешательство по своему существу есть восстановление подлинного текста автора»[22].

Однако даже эта мягкая попытка сказать, что все редакции текста произведений Бедного, включая те, в отношении которых звучали гневные слова о произволе редакторов, являются авторскими, и что текстология не сводится к технической работе по сличению редакций, вызвала жёсткую отповедь заместителя главного редактора издательства С.В. Бортника, который вернул обсуждение в русло партийного постановления:

«…мы встали на путь смазывания всей ответственности за эту ошибку, сваливания нашей вины то на текстологические трудности, которые, само собой разумеется, имеются, то на планирование, то на помещение <…>. Если даже взять текстологическую работу, о которой блестяще говорил В.В. Григоренко, то текстологическая работа – это прежде всего прекрасное знание творчества автора, знание текста, умение справляться с ним политически. Это, несомненно, так. Если мы будем иначе подходить к текстологии, то текстология может превратиться в формальную отписку, в ширму, за которую мы прячемся. Дело не только в текстологии, потому что “деревня из царства тьмы и вони”, конечно, должна была заинтересовать тов. Белова и с точки зрения текстологической; если бы он добросовестно хотел работать, он должен был бы остановиться над этой строчкой, задуматься над ней не только как текстолог, но как редактор, как коммунист. Вот что он должен был сделать. Он не остановился. Он споткнулся на этой строчке, потому что не заметил. Он споткнулся – и споткнулось всё издательство вместе с ним. …политически споткнулся на этом деле. А ведь тов. Белов не первый год в партии, он не политический младенец. Вы видите, что дело не в тек-

[20] Стенограмма производственного совещания редакционного отдела Гослитиздата. Л. 46–47.
[21] Принимал участие в текстологической дискуссии, см. примечание 15.
[22] Стенограмма производственного совещания редакционного отдела Гослитиздата. Л. 74.

стологии и не только и не столько в текстологии, а дело в политической его ответственности, с которой подошел редактор к изданию Демьяна Бедного. Это, во-первых, нам всем и нужно осознать, а то ведь, чего доброго, мы все так и спрячемся в текстологические анналы, и тут чёрт не разберёт, в чём тут действительно дело» (л. 130).

Дело действительно вовсе не в текстологии. Это подтверждают многие издания этих лет. Лишь отмечу, что подготовка нового – «исправленного» издания «Тихого Дона» активно велась именно в 1952 г., а ей предшествовал выход 12 тома Собрания сочинений Сталина (1950) с публикацией в нём письма Ф. Кону по поводу допущенных в романе политических ошибках. Как написано в статье редактора романа К. Потапова, заключающей новое издание романа 1953 г.: «В новом, исправленном издании романа существенные недостатки как в обрисовке Корнилова, так и в освещении боевой революционной деятельности Фёдора Подтелкова и Кривошлыкова устранены» [*Потапов*, 1953: 483].

Издательством Гослитиздата и Воениздатом «допущены произвол и самоуправство в обращении с текстами поэта, в результате чего многие его стихи напечатаны с искажениями, доходящими до либерально-буржуазной фальсификации текстов поэта»; «Советский читатель хочет получить отличные издания произведений классиков и советских писателей; «Деятельность издательств – важнейший раздел идеологической работа»[23], – так резюмировала «Правда» ситуацию с изданиями Бедного.

По вопросам издания Собраний сочинений русской классики XIX века был накоплен большой материал и сложилась авторитетная текстологическая школа, чего нельзя сказать в отношении советской литературы. Проблемы с изданиями советской классики, как мы уже отмечали, нарастали и становились идеологически острыми. Демьян Бедный для разговора на текстологическую тему был выбран не случайно.

История текстов произведений Д. Бедного представляет занимательную историю, на первый взгляд, в большей степени вписанную в контекст партийной жизни и партийной журналистики, чем в историю советской литературы. Но и историю советской литературы трудно представить без фигуры «первого пролетарского поэта». Публикуемые сначала в центральных газетах («Правде», «Известиях», «Комсомольской правде» и др.), а затем в избранных и в издаваемых с 1923 г. собраниях сочинений тексты одних и тех же произведений Бедного постоянно преобразовывались самим автором, чаще всего, исходя из того или иного текущего партийно-политического момента. Первый крупный провал с Бедным случился в 1930 г., когда на опубликованные в «Известиях» фельетоны, одновременно выпущенные Госиздатом тиражом в 100 тысяч экземпляров [*Бедный*, 1930], неожиданно последовало грозное партийное постановление (от 6 декабря 1930 г.) с жёсткой политической оценкой «фальшивых ноток, выразившихся в огульном охаивании “России” и “русского” <…>; в объявлении “лени” и “сидения на печке” чуть ли не национальной чертой русских…» и т. п. [Власть и художественная интеллигенция… 1999: 131]. Ничего нового в этих тек-

[23] За высокую идейность в работе издательств! // Правда. 1952. 20 мая. С. 1.

стах не было. Бедный в очередной раз клеймил русского мужика со всеми его «пороками», клеймил в полном соответствии с идеологическим курсом десятилетия, «Злыми заметками» (1927) Бухарина (1927) и «Годом великого перелома» (1929) Сталина. Однако в официальном пропагандистском дискурсе именно в 1930 г. в течение полугода происходили радикальные изменения, определяемые знаменитыми статьями Сталина весны 1930 г.: «Головокружение от успехов» («Правда», 2 марта), «Ответ товарищам-колхозникам» (3 апреля) и «Постановлением ЦК ВКП(б) о борьбе с искривлением партийной линии в колхозном движении» (15 марта). Партийная критика фельетонов Бедного вписывается именно в этот политический контекст только 1930 г.[24] Это подтверждают и дальнейшие события. Уже в мае 1931 г. на самом высоком уровне отмечается 20-летие литературной деятельности Бедного, широко обсуждается лозунг «одемьянивания поэзии» и т. п. Бедный учёл критику в свой адрес и теперь строго отбирал тексты для новых избранных. Прежних оценок «русского мужика» он не допускал, но в отношении к русской истории и отечественной культуре последовательно отстаивал «новый пролетарский канон» и боролся за его утверждение в стихах и поэмах. Вот, к примеру, как выглядел образ старой Москвы в поэме «Москва» 1932 г.: «Стихи, рожденные борьбой, – / Они – плоды иной ритмовки, / Иной словесной расстановки / И цели явственно иной: / Борьбы с заветной стариной, / Со стариной и той, и этой, / Хотя б и Пушкиным воспетой, / Борьбы – тем самым – с ним самим, / Поскольку к ней он родословно, / Патриотически-сословно Любовью барской был томим. / Москва помещичья, былая, / Эпохи зверя-Николая, / Родною Пушкину была» [*Бедный*, 1935: 124]. Созданный Бедным образ «Москвы старой» вполне вписывался в концепцию новой пролетарской Москвы, к созданию образа которой были призваны в эти годы все деятели культуры.

Звезда успешного поэта закатилась в 1936 г. после знаменитой дискуссии о формализме и натурализме, утвердившей народность как важнейший принцип советской литературы. Требовалось, по образному выражению М. Шагинян, «переставить оси направления нашего творчества» от «я» к «мы[25]; рекомендовалось изжить натурализм (очернение истории и советской действительности) и формализм, который квалифицировался как «уход искусства от народа» и ярчайшее воплощение «вырожденческой» традиции искусства[26]. Официально разрешённые рассуждения о «национальном корне» литературы сопровождаются критикой «безнадежных космополитов» и «отщепенцев», к которым причисляются крупнейшие писатели и художники начала XX века. Прививка народности к стволу советской литературы проходила под жёстким контролем партийно-государственных институтов. Кампания развенчания «первого пролетарского поэта» стала своеобразным итоговым показательным процессом дискуссии о формализме: запрет пьесы «Богатыри» (постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 ноября), публикация в «Правде» (от 15 ноября) статьи председателя Комитета по де-

[24] Подробно об этой ситуации 1930 г. см.: *Корниенко Н.* Пролетарские писатели Андрей Платонов и Демьян Бедный // Альманах литературной студии «Кипарисовый ларец». М., 2012. С. 257-309.

[25] За новую почву. Речь тов. М. Шагинян // Литературная газета. 1936. 20 марта. С. 3.

[26] *Ермилов В.* За народность искусства // *Красная новь.* 1936. № 4. С. 231.

лам искусств при СНК СССР П. Керженцева «Фальсификация народного прошлого (О “Богатырях” Демьяна Бедного)», перепечатка этой статьи в «Советском искусстве» и «Литературной газете», кампания в критике. Если в мае 1936 г., когда торжественно отмечалось 25-летие творческой деятельности Бедного, ведущий советский критик-литературовед В. Кирпотин с пафосом писал об органическом даре Бедного-поэта, у которого «между поэзией и политикой не было и нет противоречия», что его опыт поучителен для всех советских писателей, а его поэзия «проста, народна, нужна народу»[27], то теперь звучали прямо противоположные оценки: издевается над героями русского национального эпоса; изображает крещение Руси «в виде «пьяного шабаша полоумных дуралеев»[28]; «прямая фальсификация истории и пошлая клевета на русский народ, на его историческое прошлое»; «“Вольное” и безответственное обращение с исторической правдой, в корне враждебного принципам реалистического искусства, требованиям социалистического реализма, под знаком которых развивается искусство Советской страны»[29]. Почти двадцать лет так и принято было писать о русской истории, этот канон диалектического и социалистического реализма создавался в полном согласии с установками главного учебника по истории России академика М.Н. Покровского и нашёл воплощение в двадцатые годы не только в творчестве Бедного.

В 1937 г. Бедный, проведя тщательный отбор текстов и их правку, выпустит издание избранных произведений – Собрание сочинений в одном томе. Это последнее прижизненное издание писателя.

В 1952 г. ситуация с обсуждением изданий Бедного выстраивалась как показательная: из неё издателям и не только им рекомендовалось сделать вывод, как нужно относиться не просто к текстам первого советского десятилетия, но и к первым редакциям. В многочисленных обсуждениях вопросов текстологии 1952–1954 гг., включая Всесоюзное текстологическое совещание 1954 г.[30], перед текстологами ИРЛИ и ИМЛИ была поставлена задача создания «стабильного текста» классических произведений. Если для русской литературы XIX в. это была архисложная задача, то для XX века и советской литературы – почти невыполнимая, ибо реальная история этого периода русской литературы выглядит как история постоянно изменяемого и изменяющегося текста произведений. Без реконструкции и описания потока редакций классических текстов вряд ли можно говорить, что здание научной истории литературы будет выстроено на прочном фундаменте.

Казалось бы, с наступлением «оттепели» ситуация могла кардинально измениться, однако в отношении к текстам советской литературы – она изменится в худшую сторону. Замечу, что в замечательном издании 4 выпуска сектора текстологии ИМЛИ («Текстология произведений советской литературы», 1967) речь идёт о «порче» классических текстов произведений

[27] *Кирпотин В.* Политика и поэзия в творчестве Д. Бедного // Литературная газета. 1936. 24 мая. С. 4.

[28] *Керженцев П.* Фальсификация народного прошлого (О «Богатырях» Демьяна Бедного) // Правда. 1936. 15 ноября. С. 3; Литературная газета. 1936. 20 ноября. С. 2.

[29] Извлечь необходимое [Ред. статья] // Литературная газета. 1936. 20 ноября. С. 2.

[30] См.: *Фадеев А.* Некоторые вопросы работы Союза писателей // Литературная газета. 1953. 28 марта. С. 2-4; Дело всенародного значения. Об издании сочинений русских писателей-классиков // Там же. 1953. 11 апреля. С. 1; Против разнобоя в издании классиков // Там же. 1954. 27 мая. С. 2 и др.

только 1920-х гг. – А. Фадеева, Ф. Гладкова, Л. Сейфуллиной, а на дворе на глазах читателей и научной общественности именно в это десятилетие шла тотальная порча текстов 1930–1940-х гг., но о них не принято было говорить, что вписывалось в общую политическую стратегию борьбы с культом личности Сталина и десталинизацией ранее написанных художественных текстов. Эта практика по своей сути мало отличалась от практики 1930–1950- х гг., когда из текстов романов, повестей, поэм о Гражданской войне изымалось или заменялось на другое имя Льва Троцкого. Тогда же по этому поводу Платонов на полях верстки «Сокровенного человека» оставил замечательную ремарку к произведённой им замене «парохода Троцкого» на «пароход Томского»: «…пароход такой есть, а героя нету» [*Платонов*, 2016: 625].

В 90-е гг. для изучения литературы русской эмиграции был создан специальный институт – Дом русского зарубежья. К сожалению, ничего равного в отношении истории русской литературы советского периода не было создано. ИМЛИ остаётся единственным научным учреждением, где в изучении русской литературы советского периода на первое место поставлены вопросы нового источниковедения и текстологии: вышло Полное собрание сочинений С. Есенина, готовятся и выходят тома собраний сочинений В. Маяковского, А.Н. Толстого, А. Платонова, И. Бабеля, научные издания текстов главных произведений М. Шолохова («Тихий Дон», «Поднятая целина»), Вс. Иванова («Бронепоезд 14–69»), разрабатывается рукописное наследие Б. Пильняка, К. Федина. Нами инициированы заявки в серию «Литературные памятники» на произведения А.Н. Толстого, Вс. Иванова, И. Бабеля, Н. Заболоцкого, Л. Леонова, Ю. Олеши, В. Шаламова. В ИРЛИ с 2018 г. начал выходить «Литературный архив советской эпохи» с публикациями неизвестных материалов из государственных и частных архивов, малодоступных фондов и забытых источников. Вопросам текстологии русской литературы XX века посвящены 3 тома «Текстологического временника», это издание выходило под грифами двух наших академических институтов (ИРЛИ и ИМЛИ, в 3-м выпуске к нам присоединился РГАЛИ) и как издание Текстологической комиссии секции языка и литературы ОИФН РАН. Но это лишь начало большого общего дела, имя которому – история русской литературы советской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

Бедный Д. Избранное. – М.: Гослитиздат, 1935.

Бедный Д. Слезай с печки. Памятка ударнику. Госиздат, 1930.

Бедный Д. Собрание сочинений в одном томе. – М.: Гослитиздат, 1937.

Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 / сост. А. Артизов, О. Наумов. – М.: Демократия, 1999.

Второй Всесоюзный съезд советских писателей. 15–26 декабря 1954 года. Стенографический отчет. – М.: Советский писатель, 1956.

Иванов Вс. «Бронепоезд 14–69»: Контексты эпохи. – М.: ИМЛИ РАН, 2018.

История русской литературы: в 4 т. – Л.: Наука, 1980–1983.

История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи. – М.: Новое литературное обозрение, 2011.

История русской советской литературы. 1917–1965. В 4 т. – М.: Наука, 1967–1971.

Кирпотин В.Я. Ровесник железного века. – М.: Захаров, 2006.

Очерки истории русской советской журналистики. 1917–1932. – М.: Наука, 1966.

Очерки истории русской советской журналистики. 1917–1932. 1933–1945. – М.: Наука, 1968.

Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. – М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1934; Репринт: Советский писатель, 1990.

Платонов А. Размышления читателя. Статьи. – М.: Советский писатель, 1970.

Платонов А. Размышления читателя. – М.: Современник, 1980.

Платонов А. Сочинения. Т. 2. 1926–1927. Повести. Рассказы. Сценарии. Статьи. – М.: ИМЛИ РАН, 2016.

Платонов А. Сочинения. Т. 6. 1936–1941. Кн. 3. Литературная критика. Публицистика. – М.: ИМЛИ РАН, 2023 (в производстве).

Потапов К. «Тихий Дон» Михаила Шолохова // *Шолохов М.* Тихий Дон. Кн. 4 / Издание исправленное. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1953.

Советское литературоведение и критика. Библиографический указатель. – М.: Наука, 1966.

Текстологический временник. Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения / отв. редактор Н.В. Корниенко. Кн. 1–3. – М.: ИМЛИ РАН, 2009, 2012, 2018.

Шолохов М. Поднятая целина. Научное издание. – М: ИМЛИ РАН, 2022.

Шолохов М. Тихий Дон. Научное издание: в 2-х т. – М.: ИМЛИ РАН, 2017.

Киноатлас СССР: проект и процесс (1920–1930-е гг.)[1]

И.А. Головнёв

Аннотация. *В статье на материалах не имевшего аналогов в истории научно-кинематографического госпроекта «Киноатлас СССР», реализовывавшегося под эгидой ЦИК, рассматривается опыт конструирования и позиционирования визуальных образов многонародного и разноукладного Советского Союза. Анализируя архивные документы и свидетельства современников, автор прослеживает эволюцию проекта в связи с параллельными процессами в науке, культуре и политике. Делается вывод, что серии большого советского киноатласа, созданные по единой сценарной матрице, отражали изменения в курсе социалистического нациестроительства на рубеже 1920–1930-х гг. и концентрировали внимание общества на прогрессивных явлениях, происходивших при советизации страны.*

Ключевые слова: *Киноатлас СССР, этнографическое кино, национальная политика.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.016

В начале 1920-х гг. стремительно развивавшийся кинематограф стал одним из наиболее активных средств массовой информации и общественной коммуникации внутри молодой страны Советов. Не случайно после ленинского указа о национализации кинематографии 27 августа 1919 г. руководством ЦК партии был взят курс на планомерную монополизацию управления всеми кинопроцессами (тематическое планирование, производство, прокат) в руках единого государственного продюсера. В частности, в 1924 году на XIII съезде РКП(б) было обращено принципиальное внимание органов власти на кинематограф: «кино есть величайшее средство массовой агитации. Задача – взять это дело в свои руки» [*Александров*, 1983: 187]. В результате последовательного огосударствления кинематограф стал эффективным орудием культурной революции, средством формирования образа новой страны на экране, что выразилось, в частности, в расцвете направления так называемых культурфильмов – о народностях и территориях страны.

В 1924–1925 гг. производство фильмов этногеографической тематики стало регулярным для всех крупных государственных кинофабрик, операторы-корреспонденты направлялись в самые удалённые уголки страны, поставляя всё возраставший количественно объём киноматериалов. Правда, в основном эти съёмки либо включались в киножурналы как вспомогательный материал, либо имели на выходе формат кинозарисовок экзотического содержания, не достигающих уровня полноценного фильма. По оценке кинорежиссера А.Н. Терского, «методика производства научных картин до 1926 года была поставлена крайне слабо. Этнографических, действительно, картин не существовало. То, что делалось под этим названием, было случайным материалом, заснятым кстати, имеющим весьма сомнительное от-

[1] Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 21-18-00518, https://rscf.ru/project/21-18-00518/.

ношение к этнографии. Съёмка, как правило, производилась без малейшего согласования с научными силами» [*Терской*, 1930: 69].

Из общего потока кинопродукции этого периода выделялись киноопыты Дзиги Вертова, содержащие этнографические эпизоды. В этом ряду следует упомянуть, во-первых, девятнадцатый номер киножурнала «Киноправда» 1924 г. – данный выпуск «имел заголовок «Пробег киноаппарата Москва – Ледовитый океан», – в него были включены два дальневосточных сюжета: «Морж» и «Эскимосы» [*Шнейдеров*, 1971: 190]. Во-вторых, «Шестая часть мира» (1926) – масштабный киноэксперимент, объединивший кинохроникальные сюжеты ведущих советских операторов, снятые в различных регионах по всему Союзу. Экспериментальная вертовская методология предполагала отношение к документальной реальности как к материалу для монтажного конструирования «киноправды» (термин Дзиги Вертова).

Рис 1. Кадр из фильма «Шестая часть мира» (реж. Дзига Вертов, 1926)

Дальнейший подъём качественного уровня советских культурфильмов пришёлся на конец 1920-х – начало 1930-х гг., что было связано, прежде всего, с появлением серии полнометражных киноработ таких режиссеров как В.А. Ерофеев, В.А. Шнейдеров и А.А. Литвинов.

Владимир Алексеевич Ерофеев (1898–1940), профессионально состоявшись первоначально в области кинокритики, как режиссер дебютировал фильмом «За Полярным кругом» (1927), смонтированным из съёмок полярных областей, выполненных оператором Ф.К. Бремером. Последующие фильмы В.А. Ерофеева – «Памир» (1928), «Афганистан» (1929), «Далеко в Азии» (1933), содержащие этнографические материалы, стали признанными эталонами экспедиционного кино [Владимир Алексеевич Ерофеев... 1998: 10].

Владимир Адольфович Шнейдеров (1900–1973), начав свою профессиональную деятельность кинозарисовками «По Самарканду» (1924), «По Узбекистану» (1924) и др., в 1925 году на основе материалов о советской авиационной экспедиции Москва – Улан-Батор – Пекин – Шанхай – Токио создал кинокартину «Великий перелёт», содержавшую этнографические эпизоды. Но наиболее известными в истории советского этнокино стали фильмы, сделанные им в конце 1920-х гг. – начале 1930-х гг.: «Подножие смерти» (1928) о Памире, «Эль-Йемен» (1929), снятый на юге Аравийского полуострова, и «Два океана» (1933) – о походе по Северному морскому пути ледокола «Александр Сибиряков» под руководством О.Ю. Шмидта [*Шнейдеров*, 1973: 37].

Александр Аркадьевич Литвинов (1898–1977) по праву считается одним из основателей советского этнографического кино. В поисках собственной тематической «ниши» в кинематографе он апробировал себя в многообразных кинопрофессиях (сценарист, организатор производства, актёр, ассистент режиссера и др.). Однако в историю кино А.А. Литвинову было суждено войти именно как первому профессиональному кинематографисту, целенаправленно и последовательно занимавшемуся производством этнографических картин. При этом, отличительной чертой работы А.А. Литвинова явилось то, что в процессе кинопроизводства режиссёр тесно сотрудничал с исследователем Дальнего Востока В.К. Арсеньевым – соавтором серии литвиновских этнофильмов о народах Приморья и Камчатки: «Лесные люди» (1928), «По дебрям Уссурийского края» (1928), «Неведомая земля» (1929), «Оленный всадник» (1931), «Тумгу» (1931), «Оживающий полуостров» (1931) – во-многом определившим исследовательский почерк и всех последующих киноработ А.А. Литвинова [*Головнёв*, 2016: 81].

Рис 2. Кадр из фильма «Лесные люди» (реж. А.А. Литвинов, 1928)

Развитию направления этнокино «снизу» способствовал широкий зрительский интерес, поскольку для многих оно было единственной возможностью совершить кинопутешествие по территориально-огромной и этнически-разнообразной стране. Характерным примером такой общественной поддержки являлись призывы советской прессы: «Газетой был организован общественный просмотр фильма «Лесные люди» А. Литвинова. Редакция «Ур. Раб.» считает, что в момент культурной революции культурфильмы должны служить проводником знаний и культуры в массы и присоединяясь к общему мнению о необходимости широкой популяризации культурфильм, высказывает пожелание о завоевании клубного и деревенского экрана для демонстрации культурфильм» [*Рой*, 1929: 2]. В этой же связи, историк кино Б.А. Альтшулер в своих мемуарах отмечал, что советские культурфильмы «имели большой успех – моральный и материальный, – подолгу держались на экране, и автор этих строк, как и вся студенческая молодёжь тех лет, считал своим долгом видеть решительно все эти фильмы. Они были существенной частью нашей культуры, их содержание становилось предметом бесед и дискуссий» [*Альтшулер*, 1987: 15]. Но очевидно, что подобный бум производства культурфильмов, включая этнографические, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. не случился бы, не будь на то государственного заказа «сверху» – ведь в изучаемый период принципы ведомственного планирования, наряду с остальными производственными сферами, охватили и кинематограф. По замечанию Д.А. Аманжоловой, «визуализация практически сразу стала важной частью репертуара советской национальной политики, мощным инструментом разъяснения, продвижения и закрепления в массовом сознании позитивного образа власти, нацеленной на воплощение в жизнь самых завораживающих замыслов, включая равноправие народов» [*Аманжолова*, 2022: 93].

Известно, что для 1920–1930-х годов в целом был характерен поиск форм новой жизни, сопровождавшийся смелыми экспериментами, в том числе, обменом методами наук и искусств. Эти годы явились знаковыми и в плане методологических поворотов в отечественной этнологии/этнографии. В то время в СССР произошла синхронная актуализация самой науки о народах и визуализации этих знаний в форме этнографического кино. И своеобразной квинтэссенцией научно-исследовательских и фильмо-производственных подходов стал не имевший аналогов в мировой истории проект, запущенный по инициативе ЦИК – «Киноатлас СССР», предполагавший, подхватив исторически сложившийся «числовой символ российской многонародности» [*Головнёв*, 2022: 10], создание 150-серийного киноальманаха о народах и регионах страны. Этнографическая основательность, кинематографическая поэзия и марксистская идеология оказались слиты в этом уникальном явлении.

С одной стороны, кинематографический потенциал в исследовательских целях осваивали учёные, чему отчасти способствовала и академическая установка раннесоветского времени, связанная с поисками и демонстрацией явлений примитивного коммунизма среди малочисленных этнических сообществ. Со времён появления и начального распространения визуальных (кино- и фото-) технологий, о перспективности

их использования в этнографии фрагментарно высказывались многие российские учёные (С.Ф. Ольденбург, Н.М. Маторин, Н.Н. Павлов-Сильванский, В.Н. Харузина, Л.Я. Штернберг и др.), однако подробное теоретизирование в данном направлении и апробация этих разработок места не имели. Несмотря на очевидную научную значимость новой формы народоописания, этнографы первое время воспринимали кинематограф как чуждую технологию. В значительной степени это обуславливалось относительной дороговизной киноаппаратуры, тем, что её трудно было достать, а также сложностью технических процессов (киносъёмки, обработки плёнки, монтажа материалов), требовавших специальных знаний и навыков. Беспримерный всплеск активности учёных в направлении этнографического кино пришёлся на рубеж 1920–1930-х гг. В этот период практически синхронно возникло несколько визуально-этнографических лабораторий под руководством известных исследователей: В.Г. Богораза (Музей антропологии и этнографии), Л.Л. Капицы (Русский музей), Б.М. Соколова и Н.Ф. Яковлева (Центральный музей народоведения). Разрабатывались теоретические вопросы, проводились образовательные курсы, практические семинары, выпускались тематические статьи в научной и кинематографической прессе, создавались экспедиционные фильмы [*Головнёв*, 2020, 2021, 2022]. Однако большинство сгенерированных теоретических разработок так и не были опубликованы, переместившись в архивные хранилища, и сегодня нуждаются в поиске и систематизации. Решение этой исследовательской задачи позволяет изучить «мотивы науки» в развитии этнографического кино в СССР, конкретизировать роли отдельных исследователей в опытах создания нового знания в направлении визуальной этнографии.

В то же время на экзотическом этнографическом поле экспериментировали кинематографисты. Подъём качественного уровня отечественных этнофильмов, пришедшийся на рубеж 1920–1930-х гг., был связан с явлением целой волны советского этнокино, выраженной творчеством таких режиссёров как Д. Вертов, А.И. Бек-Назаров, В.А. Ерофеев, А.А. Литвинов, М.Я. Слуцкий, В.Л. Степанов, В.А. Шнейдеров и др., целенаправленно посвятивших себя созданию экспедиционных фильмов, регулярно работавших в соавторстве с научными консультантами. Сохранившиеся документальные фильмы и смежные материалы, характеризующие процесс их создания, открывают не только информационные картины эволюции тех или иных культурных форм при социализме, но и соответствующий образно-эмоциональный контекст.

Была у этого явления также политическая подоплека – курс национальной политики «коренизации», отвечавший большевистской революционной повестке «о праве наций на самоопределение». Набиравший популярность кинематограф воздействовал на аудиторию значительно сильнее, чем любое другое СМИ, и потому использовался советской властью как эффективное средство для конструирования экранного образа многонародной, разноукладной и прогрессивно развивающейся при социализме страны. Восходящий рисунок этого развития пришёлся на пятилетку культурной революции (1928–1932), когда и был официально пущен проект «Киноатлас СССР»,

ставший мощным импульсом, мобилизовавшим научно-кинематографическое сообщество на совместную деятельность.

В конце 1920-х годов произошла методологическая перестройка как в этнографии, так и в кинематографии. В этот период последовательно были подготовлены и проведены судьбоносные форумы: Всесоюзное партийное совещание по вопросам кино (1928) и совещание этнографов Москвы и Ленинграда (1929). Первое, апеллируя к проблемам квалификации кадров, качества выпускаемой кинопродукции и межотраслевого планирования, ориентировало работников отрасли на сотворчество с учёными, а второе, в свою очередь, значительное внимание уделяло необходимости использования возможностей кинематографа как эффективного исследовательского и популяризаторского ресурса. Резолюции упомянутых совещаний, проведённых по инициативе власти, основные идеи которых были закреплены впоследствии в соответствующих партийных директивах, призывали к объединению усилий специалистов кино и представителей науки как проводников советизации в центре и на окраинах страны.

В годовщину 10-летия Октября в стране актуализировался запрос власти на воплощение образов революции в «крупных формах» – первый круглый юбилей правления требовал от партии большевиков, как убедительной отчётности за пройденный период, так и громких перспективных проектов. В кинематографе таким «большим советским проектом» стал как раз «Киноатлас СССР», официально запущенный по распоряжению ЦИК [Постановление о создании Киноатласа СССР, 1928: 22]. Безусловно, этот проект в том виде, в каком он возник на рубеже 1920–1930-х гг. – продукт исключительно советских реалий, выражавший сплетение позиций идеологии, науки и искусства обозначенного периода. А именно – национализация кинопромышленности, объединение разрозненных киноресурсов вокруг нескольких базовых организаций, переход на плановую экономику и ведомственное объединение усилий специалистов различных сфер деятельности – стали суммой факторов, определившей его рождение как идеологического орудия для применения на культурном фронте советского строительства.

«Киноатлас» разрабатывался усилиями представителей различных ведомств и организаций Советского Союза: Наркомата просвещения (А.С. Рождественский), Государственной академии искусствознания (Г.М. Болтянский, Н.М. Иезуитов, Н.Д. Телешов), Госплана СССР (М.М. Паушкин), а также крупнейших киностудий (В.А. Ерофеев, М.В. Израильсон-Налетный, Б.С. Перес). Ответственность за реализацию проекта первоначально была возложена на Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, куда входили видные общественные и научные деятели (В.Г. Богораз, В.Д. Виленский-Сибиряков и др.). С одной стороны, предполагалось последующее внедрение материалов этого идеологически выверенного кинопособия в систему образования. С другой, в задачи проекта входило визуальное картографирование территорий страны, для чего к проекту были подключены специалисты Института по изучению народов СССР (ИПИН), где создавался в тот период новый печатный этноатлас СССР. Не последнюю роль «Киноатлас» должен был сыграть и в «экспорте революции» за рубеж, что по замыслам проектантов должно было иметь комплексный политико-эконо-

мический эффект. Известно, что кинофильмы из СССР действительно имели значительную популярность и пользовались большим спросом на рынке, являясь выгодным «товаром», распространявшимся советскими торгпредствами по всему миру. Обсуждавшийся предварительно на собраниях Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока проект «Киноатласа» озвучил М.В. Израильсон-Налетный – кинооператор (автор киноочерков «Афганистан» 1921 г., «К берегам Тихого океана» 1927 г. и др.). В его установочном докладе «К вопросу о создании киноатласа СССР» на заседании кино-секции Общества в марте 1928 года, в частности, сообщалось: «До сих пор культур-фильма появлялась без плана, часто без достаточной научной консультации, носила случайный характер. Поэтому, главнейшей задачей в предстоящей работе по строительству культур-фильм является снабжение кинофицированной школы, экранов, фабрик и заводов, будущих деревенских экранов серией фильмовых материалов, построенных с научной консультацией и по плану. Основным материалом этой серии должен стать Кино-Атлас СССР» [Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 645. Оп. 1. Д. 356. Л. 103]. Следует отметить, что консультирование киноработ со стороны учёных в то время было «болевой точкой» для экономически ориентированных кинодеятелей, большинство которых предпочитало дистанцироваться от опеки научных консультантов, считая производство научных фильмов нерентабельным делом [*Терской*, 1930: 21]. В программе же «Киноатласа» звучала актуальная для конца 1920-х гг. года нота ведомственного «сближения» науки и кино для создания образцовых научно-популярных фильмов как наглядных пособий для массового преподавания основ этнографии, географии и экономики различных территорий СССР. Ведь, как видно из деклараций проекта, главным экраном «Киноатласа» должны были стать учебные заведения – базы культурной революции. Заявлялось, что выпуск серий «Киноатласа» будет происходить поэтапно в течение нескольких лет – по примеру издания томов печатной энциклопедии. Другим принципиальным новшеством «Киноатласа» должна была стать плановость производства серий кинопроекта, предполагавшая общность тематических мероприятий и графиков их реализации у научных и кинематографических инстанций. В упомянутом докладе М.В. Израильсона-Налетного были учтены и идеологические установки: «Излишне доказывать, что экран является могущественнейшим средством для внедрения в сознание людей тех или иных людей и представлений, и поэтому ясно, что может дать такой Кино-Атлас для масс трудящихся» [РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 356. Л. 103].

Подобные установки звучали и в кинематографических кругах того времени. В частности, видный идеолог научного кино А.Н. Терской на страницах своего программного пособия «Этнографическая фильма» (1930) декларировал, что сама окружающая реальность буквально пропитана диалектическим материализмом, и кинообъективом, как лупой, её нужно разглядеть и заснять в фильме [*Терской*, 1930: 5]. Основной задачей документального фильма, исходя из марксистской методологии, называлось выявление средствами кино производственных сил и производственных отношений у представителей снимаемой народности. А главным стержнем фильма объ-

являлось хозяйство: «Хозяйство является базисом для юридической и политической надстроек. Вот этот-то базис нам и придётся в первую очередь осветить в нашем фильме» [*Терской*, 1930: 29]. К числу актуальных относились также следующие темы: семья и брак, правовые отношения, классовое расслоение, роль женщины в обществе. А верования и искусство – как надстройка – относились к числу тем второго порядка. Заявлялось, что режиссёр должен охарактеризовать в документальном фильме различные ступени развития того или иного регионального или этнического сообщества, и показать их эволюцию с приходом советской власти [*Терской*, 1930: 13].

Линия создания общей сценарной матрицы наиболее активно дискутировалась среди проектантов «Киноатласа», выстраиваясь в направлении «марксистского» кино-конструирования реальности. Кроме того, особый акцент делался и на установку экономического свойства: «Формы применения Кино-Атласа в деле культурного строительства многообразны. Особенно много даст Атлас деревне, путём ознакомления крестьян-переселенцев с географическими, бытовыми и другими условиями неизвестной им области, что облегчит и упростит переселенческий вопрос, так как даст переселенцам наглядно знакомиться с тем: что их ожидает на новых местах» [РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 356. Л. 103]. В этом смысле серии Киноатласа позиционировались как презентационные фильмы, на которых лежит ответственность по созданию выгодного «образа» того или иного региона. Наконец, декларировались и сугубо коммерческие перспективы проекта: «Весь мир смотрит на победное строительство новых форм жизни в СССР, в его бесчисленных городах, сёлах и деревнях. И тысячи экземпляров драгоценных кино-страниц Атласа могут быть обменены на сырьё, аппаратуру и деньги во всех странах мира» [РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 356. Л. 103]. Предполагалось, что каждая из серий «Киноатласа» будет представлять собой комплексное описание той или иной области СССР, с особым вниманием к этнографическим материалам. В этой связи следует отметить, что этнографические фильмы, к примеру, упомянутых выше режиссеров А. Литвинова, В. Шнейдерова и В. Ерофеева действительно были выгодными экспортными позициями и широко демонстрировались в прокате заграничных стран [*Дерябин*, 1999: 13].

На основании установочного доклада М.В. Израильсона-Налетного были сформулированы информационная записка и «тезисы о Киноатласе». И 27 августа 1928 года эти материалы за подписью руководителем Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока В.Л. Попова были разосланы в ведущие научные и кинематографические организации СССР. В информационной записке, в частности, указывалось на государственный масштаб важности проекта и содержалась просьба к адресатам в максимально сжатые сроки дать экспертное заключение по поводу прилагаемых к записке «Тезисов о Киноатласе» [РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 356. Л. 104]. Данные «Тезисы» начинались обоснованием связи проекта с партийной линией на проведение культурной революции в СССР. Во многом повторяя положения установочного доклада марта 1928 года, августовские «Тезисы» обращали внимание на организационную сторону проекта и его производственную структуру. В частности, предлагалось создание специального межведомственного Комите-

та по реализации «Киноатласа» на базе студии «Совкино», так как: «1) Совкино является наиболее крупным концерном кинопромышленности и обладает значительными средствами на культур-фильму; 2) Совкино по своей конституции должно развивать культурную и просветительскую работу; 3) В Совкино сосредоточены все основные материалы по краеведческим засъемкам, уже проведенным» [РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 356Л. 106]. В «Тезисах» вновь подчеркивалась необходимость сотрудничества с научно-исследовательским цехом, и предлагалось создание при студии «Совкино» научно-методического совета из специалистов по этнографии, краеведению, географии, экономике и др., координируемого руководством кинематографии и Академии наук [РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 356. Л. 106].

Рис. 3. Кадр из фильма «По островам и берегам Баренцева моря» (реж. Л.Л. Капица, 1929)

Ведущие советские киностудии и исследовательские институции развернули соцсоревнование по дальности и длительности киноэкспедиций в различные уголки Союза ССР. Где бы ни рождалась новая национальная республика или область, где бы ни справлялся юбилей таковых – там появлялась научно-кинематографическая группа для съемок новых сюжетов для киноатласа. Материалы, снятые на Дальнем Востоке, Кавказе, в Сибири, становились буквальным открытием окраин страны для населения столиц и центральных областей, и также наоборот – кинопутешествие являлось для многих жителей регионов единственной возможностью увидеть «большую землю». Живые экранные образы поддерживали идеологическое вдохновение, и создавали ощущение сопричастности граждан страны единому делу построения новой жизни по всему Союзу.

Но «Киноатласу СССР» было суждено превратиться из конкретного проекта с одноимённым названием в витиеватый процесс. Растянувшийся на десятилетия, сопровождавший формирование самого Советского Союза, процесс экранного освоения «Шестой части мира» и визуальной перекройки её карты: нанесения на неё новых наименований, территорий и границ.

Так, после стартовых деклараций 1929 г., развитие «Киноатласа СССР» происходило в направлении планирования мероприятий проекта и привлечения соисполнителей. В производственном секторе студии «Совкино» (с 1930 г. – «Союзкино») был разработан пакет сценариев и составлен подробный план съёмок областей «Киноатласа», а также начаты первые съемочные работы. Кроме того, специальные производственные инструкции по реализации проекта были разосланы на ведущие киностудии страны с целью координации кинопроизводственных ресурсов по созданию «Киноатласа» в различных регионах СССР. Однако многие из кооптированных в проект участников в ответ лишь отписывались формальными декларациями о намерениях. В январе 1931 г. на межведомственном собрании о состоянии дел по проекту констатировалось, что в силу экономических причин, связанных с дефицитом кинопленки в «Союзкино», план производства фильмов «Киноатласа» пришлось отменить. Кроме того, надежды вдохновителей проекта на использование архивных и созданных ранее фильмов для включения в «Киноатлас» были также перечеркнуты – из-за несоответствия меняющимся идеологическим стандартам, ранее произведённые фильмы признавались годными только в качестве материала для «вставок». Многочисленные студии Союза, ссылаясь на нехватку кинопленки и укомплектованность собственных тематических планов, всячески открещивались от съёмок фильмов «Киноатласа». Потому в итоговой резолюции январского собрания было принято решение продлить подготовительную стадию проекта и приступить к созданию «Киноатласа» (100–150 фильмов) в 1932 году [РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 356Л. 134]. Негативно сказался на развитии проекта и тот факт, что за исключением деклараций о намерениях, не доставало практической активности по финансированию и запуску в производство фильмов «Киноатласа» со стороны научных учреждений.

По обнаруженным спискам фильмов «Киноатласа» из архива Центрального бюро краеведения СССР наглядно прослеживается динамика развития проекта. Изначально планировалась не съёмка, а составление визуального атласа как сборника уже снятых к тому моменту фильмов, для подбора которых был создан специальный Редакционный совет и открыта подписка на киновыпуски – на манер подписки на тома энциклопедии. По многим названиям первого перечня фильмов (созданных до 1928 года) читается ориентация проекта на формат «кино-туризма»: «Хочешь знать свою страну – будь туристом. По военно-сухумской дороге», «Иностранные туристы в Стране Советов», «Киноочерк туриста», «Путевые засъёмки туриста по маршруту от Нальчика до Батума через Сванетию», «Горный туризм», «Тринадцатидневный поход туристов по Карелии», «Путевые заметки туристов на паруснике по маршруту Нижний – Астрахань» и т. п. [*Коробков*, 1933].

Развитием проекта стала досъёмка киноматериалов в качестве добавления к имеющимся. От киносюжетов об экспедиционных приключениях и

развлекательных туристических кинозарисовок формат развивался в сторону производства полнометражных научно-популярных кинофильмов, комплексно освещавших ресурсы регионов в идеологически выверенном ключе. И в дополненном списке фильмов «киноатласа» (фильмы 1928–1929 гг.) большинство составляли уже не туристические, а научно-популярные, экономико-географические ленты. Из них 2 картины отмечались как эталонные: «Лесные люди» (реж. А.А. Литвинов, консультант В.К. Арсеньев) и «Крыша мира» (реж. В.А. Ерофеев, консультант М.С. Андреев), а сам Владимир Ерофеев вошёл в состав Бюро разработчиков проекта [*Коробков*, 1933]. Вообще, существенное число из картин этого списка уже были сделаны при участии научных консультантов: «В Брянском Полесье» (И.П. Копалин – Б.М. Соколов), «Ворота Кавказа» (Н.А. Лебедев – Х.Д. Ошаев), «В краю лесов, озёр и порожистых рек» (В.А. Воротилов – Л.Л. Капица) «Природа и люди Туруханского края» (Н.А. Струков – В.А. Сытин), «Подножие смерти» (В.А. Шнейдеров – О.Ю. Шмидт) и др.

Рис. 4. Кадр из фильма «Крыша мира» (реж. В.А. Ерофеев, 1928)

В первой половине 1930-х гг. штаб разработчиков «Киноатласа» постепенно переместился из Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока в Центральное бюро краеведения, и проект стал всё более разворачиваться в сторону краеведческого формата. Тогда же были выдвинуты и обновлённые требования, предполагавшие пересъёмку серий альманаха с акцентом на развитие уровня советизации регионов. Так, в списках «Киноатласа СССР» (фильмы, снятые после 1931 г.) появились новые наименования о тех или иных областях Союза: «Камчатка» (1927) Н.Д. Константинова дополнялась картиной «Неведомая земля» А.А. Литвинова (1932); «Страна гольдов» А.И. Бек-Назарова (1930) – работой «О нанайце с реки Тунгуски»

М.Я. Слуцкого (1932); «За Полярным кругом», собранная В.А. Ерофеевым из дореволюционных съёмок Ф.К. Бремера (1927) – картиной «У берегов Чукотского моря» Г.И. Смирнитского (1934) [*Коробков*, 1933].

При рассмотрении этих сюжетов обращают на себя внимание характерные детали: каждая киносерия «атласа» начиналась с карты Советского Союза и с обозначения на ней района и народности его населяющей; киноработы выстраивались по единой сценарной линии, повествуя о «первобытном коммунизме» и переходе к социалистическому строю среди этнических групп, что являлось экранизацией известной партийной формулы о возможности перескока обществ (сообществ) к социализму минуя капитализм; при этом образы традиционного бытования и советских нововведений сопоставлялись в этнокартинах как «тёмное прошлое» и «светлое настоящее» соответственно; наконец, к каждому готовому фильму прикладывались методические рекомендации для презентации: одни – для использования внутри страны, и другие – для применения при показах за границей.

Очевидно, что создание такого визуального атласа стало значимой внешней программой, соединившей в активности видных деятелей науки и кинематографа, во-многом благодаря которой на рубеже 1920–1930-х гг. в российской среде и сформировалось самобытное («почвенное») направление этнографического кино, выразившееся в палитре теоретических и практических опытов, каждый из которых на «крупном плане» отражал специфику поиска матрицы «марксистской этно-фильмы» (термин В.Г. Богораза), а на «общем плане» – эти примеры, собранные воедино, действительно образуют большой этногеографический киноатлас, на страницах которого запечатлены разножанровые образы научно-творческого и идеологического позиционирования «Союза освобожденных Революцией народов» внутри страны и в мире.

Итак, при рассмотрении проекта «Киноатлас СССР» и его отдельных фильмов следует иметь в виду и особенности общественно-политического контекста, в котором происходило реализация данных работ. Ведь советский экран прямо или косвенно отражал силуэты идеологии и культуры своего времени. С одной стороны, эти киноработы являются вкладом в науку, будучи одними из самых ранних кинодокументов по этнографии коренных народностей и географии различных регионов СССР. С другой стороны, в них просматриваются и свидетельства уникального советского эксперимента по нациестроительству [*Тишков*, 2010], выражавшиеся в запечатлённых на плёнке сюжетах устройства социальных институтов и экономических баз, разработки новых транспортных маршрутов и переселенческих проектов – универсальных слагаемых конструирования государственной общности в СССР на рубеже 1920–1930-х гг. Наконец, на примере данных фильмов отчётливо видна отработка советским кинематографом государственной задачи создания привлекательного образа того или иного региона для использования в рамках мероприятий переселенческой политики СССР.

В условиях постоянно поправлявшегося идеологического курса в раннесоветский период, проект «Киноатлас СССР» не был завершён в запланированном объёме. Уже во второй половине 1930-х гг., параллельно с низведением этнографии до уровня вспомогательной исторической

дисциплины, было свёрнуто и производство этногеографических фильмов – киноистории о «первобытных» культурах и «запущенных» (ещё при царизме) регионах стали невыгодной краской в «прогрессивном» образе страны Советов. Развитие этого кинонаправления потеряло поддержку «наверху», а его наработки – стали «полочными». Был «репрессирован» и «Киноатлас» – порождение экспериментов «культурной революции» и создававшийся как пестрая кинокомпозиция многокультурной федерации – он стал представлять конкурентную позицию в условиях складывающейся надэтничной унитарной госструктуры, где проектировались «социалистические по содержанию» и «национальные по форме» культуры. Вынужденно остановились и кино-исследовательские работы внутри направления, что привело к разрыву сложившихся к тому моменту связей учёных и кинематографистов, которые в сопоставимом масштабе не установились и по сей день.

Вышеупомянутый массив материалов, созданных в СССР в 1920–1930-х гг., до сих пор не был введён в мировой научный оборот, а потому оказывался не учтённым в нём. И многие западные так называемые «новации», пришедшие в российскую визуальную этнографию в 1990-е годы, имели успешные аналоги в отечественной науке, к сожалению, забытые или использовавшиеся в ограниченном формате. В этой связи, материалы «Киноатласа СССР» обладают потенциалом как минимум двойного научного открытия. Во-первых, визуальные архивы представляют собой корпус неизученных исследовательских источников, содержащих информативную ценность для широкого спектра гуманитарных дисциплин. Во-вторых, это наследие обнаруживает подробные теоретические, практические и методические рекомендации по созданию этнографических фильмов, формам взаимодействия этнографов с кинематографистами и форматам презентации научных знаний, востребованные в современном исследовательском творчестве.

ЛИТЕРАТУРА

Александров Г.В. Эпоха и кино. – М.: Издательство политической литературы, 1983. – 339 с.

Альтшулер Б.А. Учебный кинематограф: этапы развития. – М.: ВГИК, 1987; Згуриди А.М. Экран. Наука. Жизнь. – М.: Искусство, 1983. – 70 с.

Аманжолова Д.А. «Все вопросы связаны с нашим идеалом советского человека»: кино для народов СССР (1920–1930-е годы) // Исторический курьер. 2022. № 5 (25). С. 92–102.

Владимир Алексеевич Ерофеев (1898–1940). Материалы к 100-летию со дня рождения. – М.: Музей кино, 1998. – 40 с.

Головнёв А.В. Многонародность России: взгляд с Севера // Этнография. 2022. № 4 (18). – С. 6–32.

Головнёв И.А. «Живой музей» и «борьба за культурфильму» Бориса Соколова // Этнография. 2021. № 3 (13). – С. 244–263.

Головнёв И.А. Кино и этнография: концепция Николая Яковлева // Этнографическое обозрение. 2022. № 1. – С. 213–230.

Головнёв И.А. «Лесные люди» – феномен советского этнографического кино // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. – С. 81–96.

Головнёв И.А. «Марксистская этно-фильма» Владимира Богораза // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. – С. 127–144.

Дерябин А.С. О фильмах-путешествиях и Александре Литвинове // Вестник «Зеленое спасение». Вып. 11. – Алматы: Гермес, 1999. – С. 14–24.

Коробков Н. Киноатлас СССР // Советское краеведение. 1933. № 2. – С. 15–20.

Постановление о создании Киноатласа СССР // Бюллетень кинофотосекции РАБИС. 1928. № 3. – С. 22

Рой А. Культурфильму – на клубный и коммерческий экран // Уральский рабочий. 1929. 25 января. – С. 2.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 645. Оп. 1. Д. 356.

Терской А.Н. Этнографическая фильма. – М.: Теакинопечать, 1930. – 187 с.

Тишков В.А. Российский народ. – М.: Просвещение, 2010. – 191 с.

Шнейдеров В.А. Мои кинопутешествия. – М.: Бюро пропаганды советского киноискусства, 1973. – 96 с.

Шнейдеров В.А. Советский экран и народы Севера / Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. – М.: Наука, 1971. – 344 с.

ЧАСТЬ 3

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Фанагория: античная цивилизация на юге России

В.Д. Кузнецов

Аннотация. *Фанагория является одним из крупнейших археологических памятников в России. В её материальной культуре отражаются все специфические черты, присущие древнегреческому полису региона. Поэтому археологические исследования в Фанагории имеют важное значение для реконструкции основных этапов в истории античной цивилизации в Северном Причерноморье. Эти исследования, которые носят мультидисциплинарный характер, осуществляются на нескольких участках – на территории городища (на двух раскопах), некрополе и в акватории затопленной морем части памятника. В процессе изысканий сделано большое количество важных открытий исторического характера, получено огромное число разнообразных археологических артефактов. Все эти находки поступают в Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория», который был открыт в 2014 году на территории древнего памятника.*

Ключевые слова: *Фанагория, классическая археология, Северное Причерноморье, археологические исследования.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.017

Фанагория как отражение античности на юге России

Когда говорят об античной цивилизации на северном побережье Чёрного моря, обычно имеют в виду, прежде всего, три центра – Боспор, Ольвию и Херсонес Таврический. Каждый из них имеет свои особенности. Дорический город Херсонес представляет собой яркий образец эллинской демократии, что, в частности, подтверждается эпиграфическими документами. Ольвия, крупнейший полис в Нижнем Побужье, не менее демократический, чем Херсонес, известен своей обширной хорой и контактами со скифами. Боспор, объединивший в своём составе многие греческие города на берегах Керченского пролива, являлся первым государственным образованием в Северном Причерноморье. Очевидно, что эти характеристики довольно однобоки и крайне поверхностны. В действительности же, все эти эллинские центры с точки зрения материальной культуры, что и изучает археология, представляют собой единый тип древнегреческого города. И с этой точки зрения в каждом из них, как в капле воды, отражаются все характерные черты такого города – будь то урбанизм и архитектура, предметы повседневного быта и искусство и т. п. Поэтому археологическое изучение любого из этих полисов даёт возможность экстраполировать выводы на весь регион. Конечно, в первую очередь, это относится к материальной культуре.

Фанагория в этом отношении не исключение, а скорее, наоборот, – очень яркий пример.

Общая характеристика Фанагории

Фанагория находится на Таманском полуострове около юго-восточного угла Таманского залива. Она является одним из самых больших археологических памятников античного времени в России. Её площадь равняется примерно 60 га.[1] Около трети от общей территории древнего города затоплена морем. Город располагается на двух плато – верхнем и нижнем. С трёх сторон Фанагория окружена огромным некрополем, общая площадь которого в древности превышала 900 га. К настоящему времени зафиксировано, в том числе с помощью аэрофотосъёмки, более 700 курганов, сохранившихся в той или иной степени. Очевидно, что в древности их количество было гораздо бóльшим.

От большинства археологических памятников античного времени Фанагория отличается двумя очень важными обстоятельствами. Первое из них состоит в том, что она до сего времени остаётся свободной от какой бы то ни было застройки. В результате перед исследователем предстаёт городище, сохранившее такой ландшафтный облик, какой оно имело сразу после прекращения жизни на нём. Поэтому относительно легко можно визуально определить границы древнего города, многие черты и особенности его планировочной структуры [*Завойкин, Кузнецов,* 2012]. В частности, на его верхнем плато можно проследить направление некоторых улиц, определяются места подъёмов с нижнего плато на верхнее, фиксируется местоположение некоторых городских ворот и башен.

Второе обстоятельство заключается в том, что в Фанагории сохранилась последовательность культурных напластований от времени основания города до прекращения жизни в нём. В этом её отличие, например, от Херсонеса Таврического, в котором до наших дней остались преимущественно слои средневекового времени. Культурный слой Фанагории местами достигает семи метров.

Все эти характерные особенности памятника позволяют осуществлять на его территории самые разные проекты – археологические (исследование города, в том числе в акватории затопленной части, его некрополя и сельской территории) с использованием комплексного мультидисциплинарного подхода, музейные, образовательные, туристические и т. д.

История изучения

Первые раскопки в Фанагории начались ещё в конце XVIII в., сразу после присоединения Таманского полуострова к России [*Тункина*, 2022: 558–582]. Они продолжались в течение первых двух третей XIX в. и были сосредоточены преимущественно на исследованиях курганов. Основная цель этих работ, осуществляемых археологами из Керчи, Санкт-Петербурга и Москвы, заключалась в поисках ювелирных украшений и произведений

[1] Некоторые исследователи относят к категории крупных городов те из них, которые превышают 40 га [*Hansen*, 2006: 61].

искусства для пополнения Императорского Эрмитажа. Методический уровень этих раскопок был крайне низким, поэтому они нанесли много ущерба как некрополю, так и территории древнего города, где многочисленными траншеями бессмысленно уничтожался культурный слой.

Ситуация изменилась только в 1936 г., когда была создана первая совместная экспедиция ГИМа и ГМИИ под руководством В.Д. Блаватского. Ещё одной заслугой этого исследователя была организация подразделения античной археологии в Институте археологии АН СССР. До этого момента главным центром классической археологии был Ленинград. После окончания Великой Отечественной войны в Фанагорию была организована экспедиция ИА АН СССР под руководством профессора М.М. Кобылиной (1947 г.). С тех пор и до сего дня эта экспедиция продолжает свою работу.

За прошедшие 76 лет Фанагорийская экспедиция прошла несколько этапов. Основными проблемами в советский период, а также в 1990-е годы были ограниченный характер финансирования и дефицит кадров. В отношении последнего отметим, что в поле работали, как правило, только археологи и историки, иногда с участием нумизматов и эпиграфистов. О мультидисциплинарных исследованиях не приходилось говорить. Ситуация изменилась в начале 2000-х годов, когда началось финансирование исследований в Фанагории фондом «Вольное Дело», основателем которого является крупный российский промышленник О.В. Дерипаска. Поддержка академической экспедиции со стороны этого фонда позволила резко интенсифицировать научные исследования. Прежде всего, в составе экспедиции помимо археологов и историков появились представители других научных дисциплин (нумизмат, эпиграфисты, антропологи, археозоолог, медиевист, специалист по ГИС-технологиям, почвовед, подводные археологи и океанологи, ихтиолог и др.). Помимо этого, был построен Научный центр, в котором находятся лаборатории с разнообразным современным оборудованием, научная библиотека, конференц-зал, хранилище для находок, жилые комнаты для учёных. Результаты осуществляемых исследований нашли отражение в следующих публикациях: «Фанагория. Результаты археологических исследований» (8 томов), «Hypanis» (4 тома), «Altertümer Phanagoreias» (Göttingen, 3 тома), «Phanagoria Studies» (Leuven, 1 том), «Фанагория. Научно-популярная серия» (2 тома).

Важнейшим результатом увеличения финансирования стало резкое расширение археологических исследований. В последние два десятилетия на территории городища исследуются раскопы общей площадью 5 000 м^2, на некрополе около 12 000 м^2 и несколько курганов, производится аппаратное обследование морского дна в акватории затопленной части древнего города и раскопки в некоторых её частях, а также обследование сельской территории Фанагории. За это время сделано много самых разных находок и открытий, которые заметно расширили наши знания по истории не только Фанагории и Азиатского Боспора (Таманский полуостров), но и всего северочерноморского региона.

В короткой статье невозможно представить все открытия и находки, которые были сделаны в Фанагории в течение последних десятилетий исследований. Поэтому приходится ограничиваться только лишь общими оцен-

ками, приводить некоторые примеры. Но даже такой подход даёт возможность, как я надеюсь, показать всю важность этого уникального историко-культурного и археологического памятника.

Раскоп «Верхний город»

В течение долгого времени считалось, что культурные слои времени основания Фанагории находились непосредственно на морском берегу. Однако, заложенный в 1975 г. в центре городища на краю верхнего плато небольшой раскоп показал, что город был основан именно в этом месте. С 1995 по 2022 гг. древнейшие слои в этом месте исследовались на большой площади в 3000 м^2 (раскоп «Верхний город»). Результатом стало несколько важных открытий, относящихся к разным периодам истории города.

Характеризуя процесс археологических исследований в Фанагории, следует отметить несколько существенных моментов. Прежде всего, в процессе раскопок открыто огромное количество самых разнообразных артефактов, характеризующих материальную культуру древнего города за полторы тысячи лет его существования. Можно отметить среди них как массовый археологический материал (амфоры, бытовая и кухонная посуда, чернолаковая и краснолаковая керамика, светильники и т. п.), так и индивидуальные находки (надписи на древнегреческом языке, расписная чернофигурная и краснофигурная керамика, монеты, включая золотые и серебряные, обломки мраморных скульптур, терракотовые статуэтки, художественные изделия из металлов и кости, стеклянная посуда, ювелирные украшения и многое другое). Например, коллекция монет (индивидуальные находки и клады) включает в себя более 15 000 экземпляров [*Abramzon, Kuznetsov*, 2021].

Кроме того, анализ скелетов людей из раскопок на некрополе позволяет определять диету жителей Фанагории, их болезни и причины смерти, длительность жизни [*Добровольская*, 2016: 93–109*; Добровольская, Свиркина*, 2018а: 73–87; 2018б]. Исследование костей животных даёт возможность говорить о стаде домашних животных, их процентном соотношении в различные эпохи (коровы, свиньи, овцы, козы, лошади, собаки и т. д.), а также о диких зверях, обитавших в окрестностях города (лиса, заяц, олень, кабан, волк, косуля). Среди птиц можно назвать перепёлок, куропаток, гусей, лысух, чаек, чирков и др. [*Добровольская*, 2013: 192–205]. Костные остатки рыб говорят об употреблении в пищу карповых (лещ, сазан, тарань, кутум), осетровых (русский осётр, севрюга, белуга), судака, щуки, сома, калкана [*Юрцева*, 2016: 353–360].

Анализ почвы позволяет говорить о растительном покрове, господствовавшем в разные исторические эпохи, породах деревьев, климате [*Александровский*, 2013: 108–135]. Подводные изыскания уточняют проблемы, связанные с колебаниями уровня моря, поскольку только археология может дать точные датировки местонахождения морского берега в те или иные периоды истории [*Кузнецов, Ольховский*, 2016].

Все эти находки дают возможность определить относительно полно многогранную картину материальной культуры Фанагории в важнейшие исторические периоды её существования.

Одним из главных открытий на раскопе нужно считать исследование городских стен, которые датируются примерно временем основания города (530–520-е годы до н. э.). Оборонительные укрепления архаического времени известны по раскопкам в крайне ограниченном количестве античных городов (не более семи десятков) в Средиземноморье и Причерноморье [*Frederiksen*, 2011: 121–200]. Фанагорийские стены являются не только одними из самых древних в нашей стране, но и очень оригинальными по своей конструкции. Они представляют собой своеобразные помещения типа башен, поставленных вплотную друг к другу по всему периметру исторического ядра города. Площадь таких «башен», открытых раскопками, колеблется от 11 до 18 м^2. Толщина стен равна 1,1 м [*Кузнецов*, 2021].

Фанагорийские городские укрепления погибли в результате мощного пожара, который уничтожил также и весь город. Археологически катастрофа (которая представляет собой закрытый археологический комплекс) датируется рубежом первой и второй четвертей V в. до н. э. (580–570 гг.). Поверх слоя разрушений в более позднем закрытом комплексе, который относится к 460–440 гг. до н. э., обнаружена совершенно уникальная находка – фрагмент мраморной плиты с персидской царской клинописной надписью. Очевидно, что надпись была поставлена в Фанагорию после катастрофы 480 г. до н. э., которую нужно связывать с захватом города персами. Напомню, что к этому времени относятся завоевательные походы персидского царя Ксеркса в Грецию. Крайне редкое письменное свидетельство одного из античных авторов, Диодора Сицилийского (Diod. 12.31.1), о Северном Причерноморье раннего времени сообщает о важном событии, произошедшем на берегах Боспора Киммерийского (Керченского пролива) в 480 г. до н. э.: здесь к власти пришли некие Археанактиды. После 42 лет (т. е. в 438/7 г. до н. э.) правления им наследовал некто Спартак/Спарток. Это событие совпадает по времени с известным (по сведениям древнегреческого автора Плутарха) походом афинской морской эскадры под руководством Перикла в Чёрное море (Plut. Per. 20). Таким образом, второй пожар в Фанагории, в котором была найдена надпись и который археологически может быть датирован около 440 г. до н. э., совпадает по времени с приходом к власти Спартока и походом Перикла. Очевидно, что афиняне появились в Понте для свержения власти персов, установленной в 480 г. до н. э. [*Кузнецов*, 2022, 141–161].

К этим свидетельствам следует добавить факт находки в слое пожара в Фанагории 480 г. до н. э. уникального клада древнейших на территории России серебряных монет. Такие монеты чеканились на Боспоре Киммерийском в течение примерно 15 лет (494–480 гг. до н. э.) по эгинской весовой системе. После же 480 г. до н. э. чеканка стала производиться по персидской системе [*Кузнецов*, *Абрамзон*, 2020].

Принимая во внимания все эти факты, которые поставляют разнообразные источники – археологические, эпиграфические, письменные и нумизматические, можно уверенно говорить о захвате в процессе греко-персидских войн войсками царя Ксеркса значительной части (если не всего) побережья Понта. Персидское доминирование на этих территориях оказало очень большое влияние на разные стороны жизни греческих городов Причерноморья. Особенно это касается Боспора Киммерийского. В качестве

примера можно привести титулатуру боспорских царей, которая была, по всей видимости, заимствована у персов, а также значительное распространение иранских (персидских) имён на Боспоре.

Ещё одним редким и важным является комплекс находок, связанных с именем царя Митридата VI Евпатора. На протяжении многих лет археологи, работавшие в Фанагории, не могли определить место, где находился акрополь. В процессе исследований в южной половине раскопа «Верхний город» были обнаружены остатки очень большого здания (не менее 700 м^2), погибшего в результате катастрофического пожара. Руины здания, от которого сохранились немногочисленные камни фундаментов, были дополнительно разрушены в более позднее время многочисленными хозяйственными ямами. В процессе раскопок в слое пожара было обнаружено довольно значительное количество монет, в том числе серебряных фанагорийского чекана, а также выпущенных в городах Понтийского царства Митридата Евпатора. Большинство монет находилось в кожаных кошельках, которые были брошены или потеряны во время большого пожара. Они датируются первым веком до н. э. [*Abramzon, Kuznetsov*, 2011: 75–110].

Это открытие позволило связать полученные археологические факты с данными письменной традиции: историк Аппиан (App. Mithr. 108) сообщает о восстании Фанагории в 63 г. до н. э. против Митридата Евпатора. В это время восставшие подожгли акрополь, на котором находились пятеро детей царя. Это сообщение не только уточняет местонахождение фанагорийского акрополя, но и объясняет другие находки, сделанные в процессе раскопок. К ним относится обнаружение в затопленной части города верхней части мраморного надгробия, вторично использованного при сооружении подводного фундамента позднеантичного времени (об этом ниже). Надгробие было поставлено на могиле жены царя Митридата. Отсюда следует, что она находилась вместе с детьми в Фанагории и погибла во время восстания. Аппиан говорит о том, что царь, находившийся в Пантикапее, послал на помощь своей семье военные корабли. В процессе подводных раскопок был обнаружен один из этих кораблей, который был подожжён восставшими жителями Фанагории и затонул недалеко от берега. О принадлежности судна военной флотилии Митридата свидетельствует бронзовый таран, крепившийся на носу, со знаками рода Ахеменидов – полумесяцем и звездой. Датировка корабля первым веком до н. э. подтверждается дендрохронологией.

Приведённый пример является очень редким случаем (наряду с находкой древнеперсидской надписи), когда на основе комплекса археологических, литературных, нумизматических и эпиграфических данных открывается какая-либо важная и крайне интересная страница древней истории.

Раскоп «Нижний город»

У исследователей имеются основания предполагать, что на нижнем плато городская жизнь происходила наиболее интенсивно. По этой причине культурные напластования здесь являются наиболее мощными, достигая, как показывают предыдущие изыскания, семи метров. Это стало одной из причин закладки в 2014 г. нового раскопа именно на нижнем плато. Его пло-

щадь равна 2 000 м^2. В начале работ ожидалось, что средневековый слой не будет превышать двух метров. Однако реальность оказалась иной – он оказался равным примерно четырём метрам. Раскопки на «Нижнем городе» позволили не только уточнить многие аспекты по истории планировки города, его урбанистической структуры, планов и облика жилых домов, материальной культуры города в целом в раннесредневековое время, но и разделить историю Фанагории этого периода на два важных этапа (об этом ниже).

Раскопками в верхних слоях обнаружены жилые кварталы города, которые датируются концом VII – концом IX в. (хазарский период в истории города). Они имеют относительно правильную планировку, ориентированную почти точно по сторонам света. Однако появляются урбанистические элементы, которые нарушают регулярность планировки. Например, заборы, ограждающие дворы, могли выстраиваться не по прямой линии, а по дуге. Улицы довольно широкие, до трёх метров и более. Дома этого времени сложены в технике opus spicatum (т. е. в «ёлочку»). Её можно считать датирующим признаком. Внешние стены домов сооружались из необработанных камней, тогда как внутренние перегородки изготовлялись из сырцовых кирпичей, стоявших на каменных фундаментах из небольших камней. В большинстве случаев крыши сооружались из тростника. Однако редкие находки обломков черепиц говорят о том, что дома зажиточных жителей города могли иметь черепичные крыши.

Размеры домов колеблются от двухкомнатных до шестикомнатных, площадью примерно от 40–50 до 160 м^2. Измерения даны по исследованным зданиям, что не означает отсутствие домов бóльших или мéньших размеров. Комнаты, как правило, небольшие. Самая большая из известных нам равна 20 м^2. В ряде случаев возможно определение функционального назначения помещений – кухни, которые могли служить и для хранения продуктов, «гостиные», спальни. Одним из распространённых типов домов можно считать жилище, состоящее из небольшого входного вестибюля, справа и слева от которого находились по одной комнате [*Кузнецов, Остапенко*, 2019: 153–170].

Многие (если не все) дома имели дворы. Вдоль фасада дома, обращённого во двор, устраивался навес-галерея. Он представляет собой крышу, опирающуюся на деревянные столбы, которым в качестве опоры служили грубо обработанные камни с углублением на поверхности (подпятные камни). Иногда во дворах обнаруживаются колодцы, что, видимо, служит признаком благополучия семьи.

О наличии больших домов и даже дворцов может свидетельствовать такой факт из жизни византийского императора Юстиниана II в период между его двумя восхождениями на престол. В это время (707 г.) он жил в Фанагории вместе со своей женой Феодорой, сестрой хазарского кагана (Theoph. Chron. 704–705). Вряд ли персоны такого уровня удовлетворялись каким-то простым жилищем. Очевидно, что в данном случае речь должна идти о каком-то здании типа дворца.

О размерах города в рассматриваемое время можно говорить лишь предположительно. Весьма вероятно, что полностью было застроено нижнее плато городища, которое занимает площадь несколько более 12 га. Что же

касается верхнего плато, ограниченные раскопки на нём, а также разрозненные находки (например, полностью сохранившиеся пифосы in situ) могут свидетельствовать в пользу полной застройки и этой части города. В таком случае максимальные размеры Фанагории в хазарское время могли достигать 35–37 га.

Культурные напластования, находящиеся ниже описываемого слоя, зафиксированы к настоящему моменту раскопок только в юго-западной четверти исследуемой площади «Нижнего города». Здесь открыты остатки мощного пожара, в котором погибли какой-то хозяйственный комплекс и жилой дом. Остальные кварталы в составе раскопа, в которых должны быть следы этого пожара, будут открыты позднее в процессе исследований.

На основании археологических материалов слой пожара можно в целом отнести к VI в. Однако, сделанные в нём находки позволяют уточнить эту датировку. Речь идёт о золотых солидах Юстиниана I. Один из них отчеканен в 6-й оффицине Константинопольского монетного двора в 545–565 гг. В связи с этим необходимо вспомнить о сообщении Прокопия Кесарийского, который говорит о том, что Фанагория была полностью разрушена какими-то варварами (Procop. De Bello Goth. 8. 5. 28). Этот автор закончил восьмую книгу своего труда в 554 г. Отсюда следует, что открытый раскопками мощный пожар, ставший причиной гибели города, произошёл между 545 и 554 гг. [*Голофаст*, 2021: 53]. После этой катастрофы Фанагория возродилась только примерно в последней трети VII в.

Это событие следует считать рубежным, делящим средневековую историю Фанагории на два этапа: до пожара она была типичным византийским провинциальным городом, после же второй половины VII в. – хазарским. Как уже говорилось выше, с точки зрения материальной культуры изменения коснулись таких аспектов как урбанизм, архитектура и строительная техника (появление кладки «в ёлочку», новая планировка домов), так и типы повседневных бытовых предметов. В отношении последнего специально можно отметить появлением так называемой «салтово-маяцкой» керамики.

В нашем распоряжении имеется свидетельство об участии епископа Фанагории Иоанна в Константинопольском соборе 518 г. [*Голофаст*, 2022: 75]. Этот факт свидетельствует как о довольном раннем появлении христианской общины (не позднее V в.) в городе, так и о существовании собственной епархии. Помимо письменного сообщения мы располагаем и археологическими находками, подтверждающими большую роль христианства в духовной и культурной жизни города. В частности, в слое пожара, уничтожившего Фанагорию в середине VI в., обнаружены разбитая мраморная купель для крещения, обломки мраморного же сигмовидного стола, который использовался в храмах в качестве вспомогательного алтаря, стола для приношений, столешницы в баптистериях [*Голофаст*, 2022: 85]. Кроме того, в процессе раскопок найдены разнообразные кресты, краснолаковая посуда с христианскими символами, а также надгробия с могил христиан с соответствующими надписями.

Все эти факты дают основание для предположения о том, что в непосредственной близости от раскопа «Нижний город» находился кафедральный собор.

Некрополь

Путешественники, в том числе иностранные, посещавшие Таманский полуостров ещё в XVIII – начале XIX в., всегда обращали внимание на огромное количество курганов, сосредоточенных в районе почтовой станции Сенной [*Застрожнова*, 2019: 25]. На этом уже основании возникло обоснованное предположение о том, что именно здесь находятся развалины древней Фанагории [*Герц*, 1870: 260–262].

В настоящее время в результате исследований на территории некрополей, в том числе с использованием аэрофотоснимков, сделанных в разные годы, удалось определить количество курганов, сохранившихся в той или иной степени. Это число колеблется около цифры 700. При этом нужно понимать, что их значительное количество было уничтожено раскопками в течение XIX в.

В течение последних двух десятилетий Фанагорийская экспедиция ИА РАН свои исследования сосредоточила почти исключительно на Восточном некрополе. За это время были вскрыты около 12 000 м^2 и раскопаны 6 курганов (все на Южном некрополе) [*Медведев*, 2013; 330–402; *Ворошилов, Ворошилова*, 2015, 2022; *Ворошилова*, 2018]. Раскопками обнаружены самые разнообразные типы погребальных сооружений, относящихся ко времени от конца эллинизма до раннего средневековья (II до н. э. – V в.). На первый взгляд, выглядит странным отсутствие могил более раннего времени в ближайших окрестностях города (около 1 км от восточной стены). Однако объяснение этому очень простое, которое подтверждается и некоторыми находками: в конце античности и в более позднее время, когда территории вблизи города были заполнены могилами VI-III вв. до н. э., жители стали хоронить своих усопших здесь же, уничтожая погребения предыдущего времени. Несмотря на это, некоторые из них сохранились, что показали раскопки XIX века. И сейчас в этом месте периодически попадаются находки классического времени (амфоры, отдельные предметы).

Типы могил, которые встречаются на Восточном некрополе: простые земляные (в том числе с подбоем), в амфорах (детские и кремации), кувшинах и бронзовых сосудах (кремации), черепичные, сооруженные с использованием сырцовых кирпичей, плитовые («каменные ящики»), земляные склепы, каменные склепы. Господствующий тип захоронений – трупоположение, при наличии довольно распространённого обряда кремации. В процессе раскопок найдены десятки каменных надгробий (преимущественно позднеэллинистического и римского времени), использованных вторично в качестве закладных камней в земляных склепах более позднего времени.

Среди наиболее интересных и важных находок, сделанных на некрополях Фанагории за последнее время, можно назвать два открытия – каменный склеп в так называемой «аллее курганов» (Южный некрополь, 2003 г.) и раскопки кургана «царского ранга» Боюр-Гора на водоразделе к югу от города (на одном гребне, что и знаменитые курганы Большая и Малая Близницы).

Раскопки одного из курганов на Южном некрополе в 2003 г. принесли неожиданный результат – был открыт каменный склеп с уступчатым

перекрытием [*Кузнецов*, 2004]. В отличие от подавляющего большинства других сооружений в такой технике, которые известны, прежде всего, на некрополе Пантикапея, фанагорийский склеп представляет собой в плане круг. Диаметр камеры равен 2,45 м, а высота – 1,38 м. Склеп оказался пустым, поскольку был ограблен ещё в древности. На полу сохранилась только бронзовая пантикапейская монета, которая датируется второй половиной IV в. до н. э.

Огромный курган Боюр-Гора, который находился в 6 км к югу от Фанагории, всегда привлекал внимание археологов как своим местоположением, так и своими размерами. Очевидно, что на высоком водоразделе, в насыпи с сохранившейся высотой до 9 м и диаметром до 95 м мог быть похоронен только представитель из высшего сословия Боспорского царства [*Кузнецов*, *Ворошилов*, *Жуковский*, 2016]. Исследования кургана показали, что он подвергся разграблению ещё в древности. Кроме того, он был частично раскопан в XIX в. И.Е. Забелиным (1870–1872 гг.). Центральное погребение представляло собой каменный склеп, перекрытый брёвнами. Анализ материалов, полученных И.Е. Забелиным и обнаруженных Фанагорийской экспедицией, позволили датировать сооружение второй половиной IV в. до н. э.

Раскопками на некрополе найдено большого количество предметов погребального инвентаря – от простой глиняной посуды до различного рода украшений из стекла, кости, бронзы, драгоценных металлов, полудрагоценных камней и т. д.

Очень важными результатами являются определение диеты древних жителей Фанагории, болезней, которыми они страдали, причин смерти, продолжительности жизни и т. д. Например, продолжительность жизни мужчин в период от III до I веков до н. э. в среднем равнялась 39 годам, тогда как у женщин она колебалась около 34 лет. До пятидесяти лет доживало менее 16% мужчин и менее 6% женщин [*Добровольская*, *Свиркина*, 2018б: 27].

Подводные исследования

Подводные археологические исследования начались в нашей стране ещё в конце 1950-х годов [*Блаватский*, *Кузищин*, 1961; *Блаватский*, *Кошеленко*, 1963]. На новом научном уровне они были возобновлены в 1999 г. [*Кузнецов*, *Ольховский*, 2016]. В течение последних двух десятилетий было произведено аппаратное обследование морского дна в акватории затопленной части древнего города (около 20 га), составлены батиметрическая карта и план аномалий, позволяющие наметить потенциальные для исследований объекты, исследованы крайне редкие подводные фундаменты (ряжи) для портовых сооружений, открыт и изучен военный корабль из флотилии царя Митридата VI, затопленный у берегов Фанагории.

Одной из самых значимых и интересных находок под водой стало открытие подводного фундамента [*Kuznetsov*, *Olkhovskiy*, 2016]. Он был обнаружен примерно в 130 м от полосы прибоя и датируется второй половиной III – первой половиной IV в. н. э. Фундамент представляет собой бревенчатую клетку размерами 35,5 х 7,5 м, заполненную необработанными камнями, а также архитектурными деталями, обломками мраморных статуй и по-

стаментами под них, надгробиями, древнегреческими надписями. Очевидно, что все они использованы вторично. Предположительно, конструкция предназначалась для строительства какого-то портового сооружения типа причала. Такого рода фундаменты, кроме Фанагории, хорошо известны и изучены только в Кесарии (Израиль).

Ещё одной крайне важной находкой под водой стало открытие военного корабля, затопленного во время восстания Фанагории против Митридата в 63 г. до н. э. (о чём кратко говорилось выше). Это древнейшее судно, когда-либо открытое на территории России.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что за последние два десятилетия археологическое изучение Фанагории очень заметно продвинулось вперёд. В результате планомерных раскопок получены многочисленные и разнообразные материалы в области материальной и духовной культуры древнегреческого полиса, который был второй столицей Боспорского государства, располагавшегося на обоих берегах Керченского пролива.

В области урбанистики и архитектуры особенно важны результаты для архаического (VI в. до н. э.), классического (V–IV вв. до н. э.) и средневекового (V–IX вв.) периодов истории города. Если вначале Фанагория представляла собой небольшую апойкию, практически все здания которой были построены из сырцового кирпича, то спустя примерно полтора столетия она превратилась в развитый и типичный во всех отношениях древнегреческий город. В нём были красивые общественные здания и жилые дома, сооруженные из камня, а некоторые храмы – из мрамора. На площадях стояли статуи богов и граждан-благодетелей. В магазинах продавались товары, привезённые из различных частей Средиземноморского бассейна. В ремесленных мастерских изготавливалось всё, что было нужно для повседневной жизни горожан – предметы первой необходимости, орудия труда, оружие, посуда, терракотовые статуэтки, ювелирные украшения и многое другое.

В позднеантичное время Фанагория начала превращаться в важный центр христианства. Уже в начале VI в. город, будучи в составе Византийской империи, получил кафедру. Подпись Фанагорийского епископа Иоанна стоит под документами Константинопольского собора 518 года. Однако Фанагорийская епархия просуществовала недолго – в середине VI века город был разрушен местными варварами, о чём сообщает Прокопий Кесарийский. Последствия этой катастрофы зафиксированы раскопками, в результате которых обнаружены артефакты (мраморные купель и сигмовидный столик, фрагменты интерьера базилики и др.), которые дают основание для предположения о том, что поблизости от раскопа находятся развалины кафедрального собора.

Одним из важнейших результатов деятельности Фанагорийской экспедиции ИА РАН явилось создание в 2014 г. первого в нашей стране государственного историко-археологического музея-заповедника. В его территорию входит полоса земли вдоль берега Таманского залива длиной около 4 км, на котором находится как древнее городище, так и часть некрополя.

Со временем музей-заповедник будет прирастать новыми участками археологического памятника. Одной из важнейших задач учреждения является пропаганда сохранения культурного наследия российского Причерноморья. Музей работает в тесном сотрудничестве с академической экспедицией, участвуя как в раскопках Фанагории, так и в обработке полученных материалов с целью их введения в научный оборот и экспозиции. В настоящий момент важнейшей экспозиционной площадкой является филиал музея, который открыт в Образовательном центре «Сириус» (г. Сочи) на площади в 1 500 кв. м.

Фанагорийскую экспедицию ИА РАН можно с уверенностью считать полигоном для подготовки молодых специалистов не только в области археологии и древней истории, но и в других дисциплинах, которые применяются во время научных исследований, осуществляемых на одном из важнейших историко-археологических памятников России.

ЛИТЕРАТУРА

Александровский А.Л. Почвы Фанагории // Материалы по истории и археологии Фанагории. Вып. 1 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 1). – М., 2013. – С. 108–135.

Блаватский В.Д., Кузищин В.И. Подводные разведки древней Фанагории // Вестник АН СССР. 1961. № 1.

Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А. Открытие затонувшего мира. – М., 1963.

Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. Население Фанагории по материалам позднеантичного некрополя // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. – М., 2015. – С. 16–19.

Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. Золото в погребальном костюме жителей позднеантичной Фанагории // Hypanis. 2022. Том 4. – С. 53–68.

Ворошилова О.М. О склепах Фанагории I-V вв. н. э. // Материалы по истории и археологии Фанагории. Вып. 4 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 7). – М., 2018. – С. 56–76.

Герц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова // Древности. Труды Московского Археологического Общества. 1870. Том 2, вып. 3. – С. 191–322.

Голофаст Л.А. Фанагория IV–VII вв. по сведениям письменных источников и данным археологии // Гипанис. 2021. Том 3. – С. 42–57.

Голофаст Л.А. Христианство в Фанагории. Археологические свидетельства // Гипанис. 2022. Том 4. – С. 69–106.

Добровольская М.В. Археозоологические особенности Фанагории: скотоводство и охота // Материалы по истории и археологии Фанагории. Вып. 1 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 1). – М., 2013. – С. 192–205.

Добровольская М.В. Антропологические материалы из склепов Восточного некрополя Фанагории (раскопки 2013 г.) // Материалы по истории и археологии Фанагории. Вып. 2 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 4). – М., 2016. – С. 93–109.

Добровольская М.В., Свиркина Н.В. Антропологические материалы хазарского времени из Фанагории // Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 3 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 6). – М., 2018а. – С. 73–87.

Добровольская М.В., Свиркина Н.В. Жители античной Фанагории (реконструкция образа жизни по палеоантропологическим материалам). – М., 2018б.

Завойкин А.А., Кузнецов В.Д. Некоторые проблемы археологической топографии Фанагории // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанистики (Боспорские чтения XIII). – Керчь, 2012. – С. 130–146.

Застрожнова Е.Г. Фанагория. История археологического изучения. Конец XVIII – середина XX в. – М.; СПб, 2019.

Кузнецов В.Д. Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием // ПИФК. 2004. Вып. XIV. – С. 94–123.

Кузнецов В.Д. Боспор Киммерийский в 5 в. до н. э. (древнеперсидская надпись из Фанагории) // Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 3 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 6). – М., 2018. – С. 160–185.

Кузнецов В.Д. Архаические стены Фанагории // Гипанис. 2021. Том 3. – С. 111–130.

Кузнецов В.Д. Ксеркс и Понт (Персидская надпись из Фанагории) // Гипанис. 2022. Том 4. – С. 141–161.

Кузнецов В.Д., Абрамзон М.Г. Клад позднеархаических монет из Фанагории (Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 8). – М., 2020.

Кузнецов В.Д., Ворошилов А.Н., Жуковский М.О. Курган Боюр-Гора (предварительная публикация) // Материалы по истории и археологии Фанагории. Вып. 2 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 4). – М., 2016. – С. 279–324.

Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А. Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. 2010. № 1. – С. 393–429.

Кузнецов В.Д., Никитин А.Б. Древнеперсидская надпись из Фанагории // Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 3 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 6). – М., 2018. – С. 154–159.

Кузнецов В.Д., Ольховский С.В. Некоторые итоги подводных исследований в Фанагории (1998–2015 гг.) // Материалы по истории и археологии Фанагории. Вып. 2 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 4). – М., 2016. – С. 325–352.

Кузнецов В.Д., Остапенко С.Н. Урбанистика и домостроительство средневековой Фанагории // ПИФК. 2019. № 1. – С. 153–170.

Медведев А.П. Позднеантичный некрополь Фанагории IV-V вв. (раскопки 2005 г.) // Материалы по истории и археологии Фанагории. Вып. 1 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 1). – М., 2013. – С. 330–402.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). – СПб., 2022.

Юрцева А.О. Кости рыб из Фанагории (раскопки 2006–2013 гг.) // Материалы по истории и археологии Фанагории. Вып. 2 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 4). – М., 2016. – С. 353–360.

Abramzon M.G., Kuznetsov V.D. The Rebellion in Phanagoria in 63 BC (New Numismatic Evidence) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2011. No. 17. P. 75–110

Abramzon M.G., Kuznetsov V.D. Greek Hoards. The Cimmerian Bosporus (Coin Hoards. Vol. XI). Leuven; Paris; Bristol, 2021.

Frederiksen R. Greek City Walls of the Archaic Period. 900–480 BC. Oxford, 2011.

Hansen M.H. The Shotgun Method. The Demography of the Ancient City-State Culture. Columbia – London, 2006.

Kuznetsov V.D., Olkhovskiy S.V. Port Structures of Roman Times in Phanagoria // Managing the Underwater Cultural Heritage. Papers Presented at the Fourth International Congress on Underwater Archaeology (SKYLLIS Suppl. 2016). 2016. P. 60–64.

Иллюстрации

Рис. 1. Общий вид на Фанагорию с воздуха (Научный центр экспедиции в середине кадра)

Рис. 2. Раскопы «Верхний город» и «Нижний город»

Рис. 3. Остатки сырцовой оборонительной стены. Вид с фронта. 6 в. до н. э.

Рис. 4. Фрагмент древнеперсидской царской надписи. 480 г. до н. э.

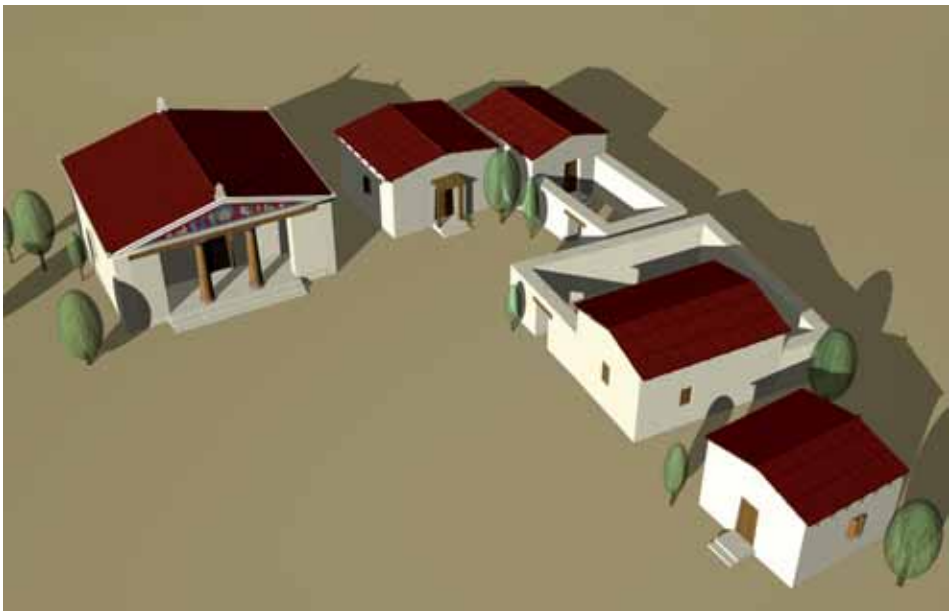


Рис. 5. Жилые дома и храм 6 в. до н. э. Реконструкция

Рис. 6. Расписная ваза с изображением мифологической сцены. Клазомены (М. Азия). 6 в. до н. э.

Рис. 7. Клад серебряных и бронзовых монет

Рис. 8. Семейный склеп. Конец 4 – нач. 5 в.

Рис. 9. Камера склепа с уступчатым перекрытием. Вторая половина 4 в. до н. э.

Рис. 10. Надгробие боспорского всадника. 2 в. до н. э.

Рис. 11. Комплект женского украшения: золотые обшивки воротов платья и накидки. Кон. 4 – нач. 5 вв.

Рис. 12. Расчистка затонувшего корабля при помощи эжектора-грунтососа

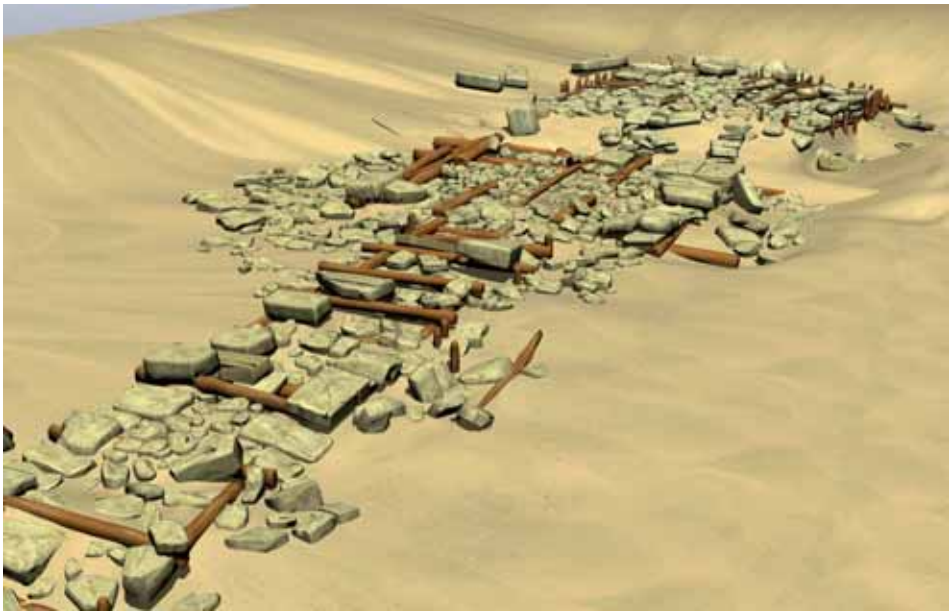


Рис. 13. 3D-модель подводного фундамента (ряжа)

Рис. 14. Древнегреческая надпись о восстановлении стои (портика). 220 г. н. э.

Рис. 15. Ортофотография затонувшего военного корабля из флотилии царя Митридата VI Евпатора. 63 г. до н. э.

О булгарских шейхах – подлинных и мнимых. Казанский шейх Мухаммед-Амин ал-Булгари (ум. около 902/1496–97 гг.) в Тебризе

И.В. Зайцев

Аннотация. *В статье делается попытка на основании сведений рукописи персидского сочинения Нур ад-дина Мухаммада ал-Казвини «Силсила-нама-йи хваджаган-и Накшбанд» (закончена в 1585 г.) пролить свет на раннюю историю тариката Накшбандийа в Поволжье. Согласно данным рукописи, некий шейх Мухаммед-Амин ал-Булгари был уроженцем и жителем города Булгар, который персидский автор конца 1560-х годов отождествляет с Казанью «в царстве татар». Шейх был учеником духовного главы братства Накшбандийа Насыр-ад-дина Убайдуллаха б. Махмуда Шаши, более известного как Ходжа Ахрар-вали (1404–1489). Мухаммед-Амин переселился в Тебриз – столицу государства Ак-Койунлу при султане Рустам-беке (ум. в 1497 г.) – внуке Узун-Хасана. Там булгарский шейх снискал себе известность, скончался и был похоронен. Его деятельность в далёком Тебризе говорит о вовлечённости Булгара-Казани в процессы распространения суфийских братств в XV в. и является следствием созданной Ходжой Ахраром международной структуры братства Накшбандийа.*

Ключевые слова: *Казанское ханство, государство Ак-Койунлу, суфизм, тарикат накшбандийа.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.018

История суфизма в Поволжье и Приуралье до XVIII в., когда в этих землях ведущим стало братство накшбандийа, известна нам мало. Причина этого вполне очевидна – отсутствие источников. «Представляется, – пишет современный историк М. Кемпер, – что суфийская культура Поволжья и Приуралья с позднейшего средневековья вплоть до 18 века находилась под влиянием Йасавийа. Правда, в нашем распоряжении лишь разрозненные факты, которые с трудом дают возможность воссоздания полной картины» [*Кемпер*, 2008. С.131]. М. Кемпер обстоятельно нарисовал картину распространения у нас Накшбандийа-Муджаддидийа через учеников шейха Нийазкули ат-Туркмани в Бухаре и Фаизхана ал-Кабули в Кабуле. У последнего шейха (ум. 1217/1802 г.) обучались самые известные и авторитетные шейхи Поволжья и Приуралья, такие как Вали Мухаммад ал-Каргалый (умер, как и его учитель в 1217/1802 г.), передавший тарика Абд ал-Халику ал-Булгари (ум. в 1279/1862–63 гг.). Учеником последнего был «второй Джафар Булгари» – Джафар б. Салих ал-Кулатки (ум. в 1279/1862 г.), самым известным мюридом которого был одиозный шейх Бахааддин Ваисов [*Кемпер*, 2008: 143–148]. Именно такую цепочку преемственности накшбандийских шейхов Булгара даёт нам манускрипт Отдела рукописей и редких книг НБ КФУ с изложением *сильсиля* накшбандийских шейхов от Пророка Мухаммада. Силсиля от имама Раббани (22 по порядку от Пророка) выглядит так: 23 – Шах Мухаммед Маасум, носящий *лакаб* ал-Васики; 24 – Сибгаталла, носящий *лакаб* Кайум аз-заман; 25 – Санааталла ал-Пишмавари; 26 – хваджа Мухаммед Хасан-Ата Кабули; 27 – мевляна Мухаммед Фейз-хан Кабули; 28 – Вели

Мухаммед ал-Булгари; 29 – мевляна Абд ал-Халик ал-Булгари; 30 – мевляна Джафер ас-Сани ал-Булгари; 31 – Дардманд Дервиш Баха ад-Дин ал-Булгари ал-Казани [Силсиля-йи накшбандийа, л.1].

Итак, как будто бы шейхов-накшбанди в Поволжье до конца XVIII в. не было. Однако в таком авторитетном издании как «Татарская энциклопедия» мы находим безымянную статью о некоем накшбандийском шейхе Мухаммед-Амине, который жил в Булгаре в XV в., «был наставником правителей Булгарии и Казанского ханства. В 1468 составил комментарий к книге «Шифа» («Способный исцелить», 1446). В 1473 в Багдаде написал второй комментарий. В 1483 завершил работу над книгой «Праведный путь, или Благочестивые деяния булгарских шейхов», которая является одним из главных источников сведений по истории волжских булгар» [Татарская энциклопедия, 2008: 313]. Эти сенсационные сведения как будто бы опираются на два источника анонимной статьи: книгу Г.М. Давлетшина «Волжская Булгария: духовная культура. Домонгольский период. X – нач. XIII вв.» (Казань: Татарское книжное издательство, 1990) и русский перевод статьи Хамида Алгара о Зайнулле Расулеве [*Альгар*, 1995][1].

Проверка данных первого источника, однако, показывает, что в нём ничего даже отдаленно похожего на эти биографические сведения о шейхе Мухаммед-Амине и его трудах не содержится. Статья Алгара только упоминает некоего шейха Мухаммед-Амина ал-Булгари, умершего в 1496 г. («Первым накшбандием в Волго-Уральском регионе был, вероятно, Ходжа Мухаммад Амин Булгари, умерший в 902 году по Хиджре (1496 г.).»). Больше Алгар нам ничего об этом шейхе не сообщает.

Таким образом, неизвестный мне автор статьи в «Татарской энциклопедии» сослался на публикации, в которых не было приведённых им сведений о шейхе Мухаммед-Амине. Вместе с тем, он включил в эту статью данные из неназванного им источника, который, впрочем, без труда можно определить. Это так называемый летописный свод «Джагфар Тарихы», давно признанный подделкой второй половины XX в. Согласно описанию Ф.Г.-Х. Нурутдинова, летописный свод «Джагфар Тарихы» был создан по приказу сеида Джагфара секретарём его канцелярии Бахши Иманом в 1680 г. В него были включены «летописи»: «Гази-Барадж тарихы» (1229–1246 годы) Гази-Бараджа, *«Праведный путь, или Благочестивые деяния булгарских шейхов» (1483 г.) Мохаммед-Амина* (выделено мной – И.З.), «Казан тарихы» (1229–1246 годы) Мохаммёдьяра Ву-Юргана, «Шейх-Гали китабы» (1605 г.) Иш-Мохаммеда и многие другие.

Это означает, что безымянная статья в «Татарской энциклопедии» – соединение крупицы правды о существовании в XV в. шейха по имени Мухаммед-Амин ал-Булгари с поддельными известиями о его трудах и деятельности. Этот недобросовестный подлог имел своим результатом утверждение мнения не только о существовании мнимых сочинений булгарского шейха (тема его текстов по медицине продолжила самостоятельную жизнь в трудах Г.М. Давлетшина)[2], но и о его биографии и влиянии на казанских правителей (в честь шейха будто бы назвали казанского хана), которые в изобилии можно найти на просторах интернета[3].

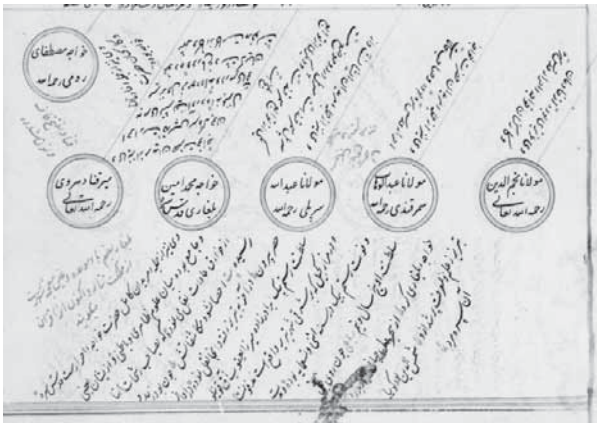
[1] Оригинал: [*Algar*, 1992]. Русский перевод впоследствии дважды переиздавался [*Алгар*, 1998; *Алгар*, 2000].

[2] См., например: [*Давлетшин*, 2006: 393; *Давлетшин*, 2019: 114].

[3] См. https://bulgartimes.hu/BULGAR/Tahallus/15/M/muhamedamin.htm#:~:text=Мухаммед%20Амин%20Аль%20Булгари%20-,Волжско-Булгарского%20царства%20(1438-1584%20гг.)%2C%20писатель.

Вернемся, однако, к статье Х. Алгара. Данные из нее попали потом в научные статьи, посвящённые истории Накшбандийа в Волго-Уральском регионе [*Ямаева*, 2008: 52], но к развитию исследований в этом направлении не привели. Между тем, Х. Алгар был не единственным, кто упоминал булгарского шейха. Почти также кратко о нём написала и Д. Ле Галл в своей книге о распространении тариката Накшбандийа в османском мире во второй половине XV-XVII вв.: шейх Мухаммед-Амин ал-Булгари, ученик Ходжи Ахрара распространял идеи братства в Тебризе [*Le Gall*, 2005: 19].

Оба автора (Х. Алгар и Д. Ле Галл) имели в своём распоряжении один источник – персидское сочинение Нур ад-дина Мухаммада ибн Хусайн ибн Абдалла ибн Пир Хусейн ибн Шамс ад-Дин ал-Казвини «Силсила-нама-йи хваджаган-и Накшбанд». Его рукопись, которая сейчас хранится в Национальной библиотеке Франции, была закончена в 993 г.х. (1585 г.). Переписал её хаджи Мухаммед б. Мухаммед ал-Исфизари с автографа автора 978 г.х. Сочинение представляет собой цепочку духовной преемственности шейхов тариката Накшбандийа от самого хваджи Баха ад-Дина Накшбанда до прадеда автора Хусейна Казвини, который скончался в 973 г.х. в Дамаске [*Blochet*, 1905: 271].



Фрагмент рукописи Нур ад-Дина Мухаммада ал-Казвини

В нём без труда находится раздел о Мухаммед-Амине ал-Булгари. Приведём его целиком (л. 18):

خواجه محمد امین بلغاری قدس سره

بلغار بضم باءموحده وغین معجمه شهر ست

از مملکت تتار واکنون انرا قزان میکویند

وی نیز از جمله مریدان کامل حضرت خواجه احرار ست قدس سره

و جامع بوده میان علوم ظاهری و باطنی و از یشان بصض

ازخوارق عادات نقل می نموده که بصاحب رشحات انها

رسیده بیت احصانشودمکا شفاتش جون بوده خدو

حصر پرون درآخر به تبریزرفته وانجا نقل نموده دراواخر

سلطانت رستم بك برادر زاده میرزا یعقوب اق قوینلو

و در مزار کجیل که بر شرقی شهر تبریز واقع است مدفونست

وفوت رستم بك درسنه اثنی وتسعمایه بوده ومدت

سلطانت او پنج سال ونیم

«Хваджа Мухаммед-Амӣн Булгāрӣ, да освятится тайна его.

Булгар ([пишется] с ба и гайном) город в стране татар, который теперь называется Казань[4].

Он [Мухаммед-Амин, – И.З.] также является одним из совершенных учеников Хваджи Ахрара, да освятится тайна его, вместилищем наук тайных и явных, и по рассказам совершал сверхъестественные чудеса, которые передаёт автор «Рашахат».

Бейт:

احصانشودمکا شفاتش

جون بوده خدو حصر پرون

В конце концов он пришёл в Тебриз и туда переселился в последние годы правления Рустам-бека, племянника мирзы Йакуба Ак-Койунлу, и погребён на кладбище Гаджиль, которое находится на востоке города Тебриза.

Кончина же Рустам-бека случилась в девятьсот втором году [1496–97], правление его продолжалось пять с половиной лет.

Рубаи: Когда покинул сей бренный мир хваджа Мухаммад Амӣн Булгāрӣ, сердца многих пострадали от этого печального события. Тебриз наполнен его божественным знанием, ибо сей праведный муж был словно Шамс ад-дӣн».

Итак, из этого текста становится ясным, что шейх Мухаммед-Амин ал-Булгари был, судя по *нисбе*, уроженцем и жителем города Булгар, который персидский автор конца 1560-х годов отождествляет с Казанью «в царстве татар»[5]. Шейх был учеником духовного главы братства Накшбандийа (девятнадцатого в цепочке преемственности шейхов тариката) Насыр-ад-дина Убайдуллаха б. Махмуда Шаши, более известного как Ходжа Ахрар-вали (1404–1489). Как тут не вспомнить, что по мнению Хисамутдина б. Шарафутдина Муслими (глава «О святых шейхах и великих святых в Булгаре») могила Ходжи Ахрара находится возле города Тубылги (реальная, конечно, не там, а в Самарканде)!

Казвини пишет, что Мухаммед-Амин был знатоком тайных и явных наук (т. е. суфийского знания) и по рассказам совершал сверхъестественные чудеса, которые передаёт автор некого сочинения под названием «Рашахат». Скорее всего, речь идёт о сочинении Фахр ад-дӣна ‘Алия Сафӣ (ум. 1532) – сына известного проповедника Хусайна Вā‘иза Кашифӣ (ум. 1505) – *Рашахāт ‘айн ал-хайāт* («Капли из родника жизни»). Имеется, между прочим, арабский перевод данной книги, сделанный уроженцем Казани шейхом Мухаммадом Мурāдом ибн ‘Абдаллаха ал-Казāнӣ. Кроме того, ещё в XVI в. перевод её на тюрки осуществил Мехмед б. Абд ал-Гани

[4] Эта фраза написана другими чернилами.

[5] Это, кстати, косвенно говорит о том, что известия о взятии Казани московскими войсками в 1552 г. до Казвини не дошли.

аш-Шариф ал-Аббас Трабзони (скончался в 1003/1594 г.): он сделал этот перевод при османском султане Мураде III (в 993/1585 г.). Однако в этом тексте сведений о Мухаммед-Амине нет[6]. Кажется, нет их и в житии Ходжи Ахрара, известном под названием *Манакиб*. Это сочинение содержит запись воспоминаний о Ходже Ахраре и его высказываниях, сделанную неизвестным лицом по материалам, собранным Маулана Шайхом, который в течение многих лет ведал хозяйственными делами в имениях Ходжи Ахрара (ум. между 1504 и 1510 гг.)[7].

Далее Казвини пишет, что шейх пришёл в Тебриз при Рустам-беке. Султан Рустам (ум. в 1497 г.) – пятый султан государства Ак-Койунлу, внук основателя этого государства Узун-Хасана. Его отцом был наместник Багдада Максуд-бек (ум. в 1478 г.). Действительно, султан Йакуб (1464 – 14 декабря 1490) – третий султан государства Ак-Койунлу (1478–1490) доводился Рустаму дядей. Йакуб, по сообщению его панегириста Фазлуллаха ибн Рузбихана Хунджи, и сам очень заботился о том, чтобы удостоится благорасположения и благословения хорасанских шейхов и в особенности их главы, учителя мистиков, «света истины и откровения веры» (*нур ал-хакк ва-л хакикат ва-д-дин*) – Абд ар-Рахмана Джами. Это расположение Йакуб пытался успешно снискать с помощью щедрых пожертвований. И Джами платил султану сочинением хвалебных касыд в его честь [*Фазлуллах Хунджи*, 1987: 75]. Неудивительно поэтому, что ученик Ахрара из далекого Булгара нашёл прибежище именно в Тебризе.

В *рубаи* автор сочинения сравнивает булгарского шейха с Шамс ад-дином Тебрӣзӣ, учителем Джалāл ад-дӣна Румӣ.

Дата кончины казанского суфия в тексте Казвини не указана. И данные Алгара о его смерти в 1497 г. не верны – это даты смерти Рустам-бека. Место упокоения шейха – кладбище Гаджиль до сих пор находится почти в центре современного Тебриза. Сохранилась ли его гробница, я не знаю.

Это, пожалуй, всё, что можно почерпнуть из сообщения Казвини. Нас не должно удивлять, что уроженец далекого Булгара оказался в Тебризе. «Ахрар не только первым создал организационный центр, но и первым основал межрегиональную (и «интернациональную», если такой термин осмысляем для данного периода) организацию – структуру, в корне отличающуюся от слабосвязанных локальных (или региональных) групп с отсутствием установленного взаимодействия» [*Пауль*, 2001: 185].

Существовала ли какая-то связь между шейхом и одноимённым казанским ханом? Ответить на этот вопрос пока невозможно. Творчество хана Мухаммед-Амина и приписываемые ему сочинения дают основания полагать, что хан (или по крайней мере, автор этих текстов) был хорошо знаком с суфизмом. Это «Могжиз-наме» (1515 г.), впервые изданное в 1848 г. (переиздано Масгудом Гайнетдином в 2004 г.) и представляющее собой стихотворное изложение пророческой миссии Мухаммада и ранней истории Ислама, автор которого укрылся под литературным псевдонимом Максуди. Так он себя называет в концовках нескольких *хикаятов* (например, «Рассказе о дочери кадия», «Об Иосифе»).

[6] Ошибся ли Казвини, или же имел в виду какой-то другой текст, мы не знаем. Не спутал ли Казвини булгарского шейха с другим – одноимённым – лицом? В сочинении «Самарат ал-фуад», например, упомянут сын ходжи Ахрара по имени ходжа Мухаммад-Амин.

[7] В Институте востоковедения АН Узбекистана имеется три рукописи *Манакиб* – № 9730, 8237/I и 1883/IV, первая из них частью переписана в XVI в.

Это «Кысса-и Мансур» – поэма о суфии 10 в. Мансуре Халладже (по «Тезкират ал-Авлия» Аттара), изданная по двум спискам в 867 бейтов Раифом Марданов-ым). И, наконец, анонимная поэма в 504 бейта из библиотеки Зайнап Максудовой под условным названием «Гыйлем хакка илтер» – в единственной рукописи, не имеющей начала и конца[8]. Стилистическая близость двух последних текстов к «Могжиз-наме» даёт некоторые основания считать их произведением одного человека. Но был ли это хан Мухаммед-Амин, и в какой степени их суфийское содержание было обусловлено накшбандийским влиянием одноименного булгарского шейха – это вопросы, которые пока остаются без ответа.

РУКОПИСИ

[Силсиля-йи накшбандийа]. Рукопись Отдела рукописей и редких книг НБ ГФУ. Готвальд, № 2870 (4916 араб).

Нур ад-дин Мухаммад ибн Хусайн ибн Абдалла ибн Пир Хусейн ибн Шамс ад-Дин ал-Казвини. «Силсила-нама-йи хваджаган-и Накшбанд». Bibliothèque National de France. Supplément Persan, 1418.

ЛИТЕРАТУРА

Алгар Х. Шейх Зайнулла Расулев – последний великий шейх суфийского братства Накшбандийа в Волго-Уральском регионе // Ватандаш. 1998. № 9.

Алгар Х. Шейх Зайнулла Расулев – последний великий шейх суфийского братства Накшбандийа в Волго-Уральском регионе // Шейх Зейнулла Расули (Расулев) ан-Накшбанди. Избранные произведения. – Уфа, 2000.

Альгар Х. Последний великий шейх суфийского братства Накшбандийа в Волго-Уральском регионе // Татарстан. 1995. № 2.

Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура. Домонгольский период X – нач. XIII вв. – Казань: Татарское книжное издательство, 1990.

Давлетшин Г.М. О духовной культуре населения Казанского ханства и Казани // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений (г. Болгар, 27–30 мая 2004 г.). – Казань: Школа, 2006.

Давлетшин Г.М. Ислам и мусульманская культура в истории тюрко-татар. Учебное пособие. – Казань: КФУ, 2019.

Кемпер М. Суфии и учёные в Татарстане и Башкортостане (1789 – 1889). Исламский дискурс под русским господством. – Казань: Российский исламский университет, 2008.

Татарская энциклопедия. Главный редактор М.Х. Хасанов. Т. 4. – Казань: Институт татарской энциклопедии, 2008.

Пауль Ю. Доктрина и организация Хваджаган-Накшбандийа в первом поколении после Баха'ад-дина // Суфизм в Центральной Азии. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001.

Фазлуллах ибн Рузбихан Хунджи. Тарих-и алам-ара-йи Амини. – Баку: Эльм, 1987.

Ямаева Л.А. Суфийские братства на Южном Урале // Ядкар, 2008, № 1.

Algar Hamid. Shaykh Zaynullah Rasulev: The Last Great Naqshbandi Shaykh of the Volga-Urals Region // Muslims in Central Asia (ed. Jo-Ann Gross). Durham, 1992.

Blochet E. Catalogue des manuscrits persans de la Bibliotheque nationale. Vol.1. Paris, 1905.

Le Gall D. A Culture of Sufism. Naqshbandīs in the Ottoman World, 1450–1700. New York: State University of New York Press, 2005.

[8] Повествует о том, как 7 человек приходят к Али с вопросом о том, что лучше – знание или богатство.

Состав соборных старцев русских монастырей XVI века: региональная специфика[1]

А.С. Усачёв

Аннотация. *Статья посвящена изучению особенностей состава соборных старцев крупнейших русских монастырей XVI в. Рассматриваются региональные особенности формирования сообщества наиболее авторитетных иноков, совместно с игуменом управлявших обителями. Установлено, что в обителях Центра страны (Троице-Сергиев, Иосифо-Волоколамский, Симонов и иные монастыри) среди соборных старцев преобладали представители средних и мелких служилых родов. Состав соборных старцев монастырей Русского Севера (Спасо-Прилуцкого, Соловецкого и др.) был заметно «демократичнее»: среди них доминировали выходцы из местных крестьян и посадских людей. Показано, что наряду с географией служилого землевладения значимую (вероятно, определяющую) роль играли полученный в миру «социальный капитал» инока и особенности климатической зоны, в которой располагался монастырь. Выходцы из служилой среды располагали навыками по управлению крупными вотчинами, которые приносили основные доходы обителям сельскохозяйственного Центра. Монастырям промыслового Севера требовались управленцы, располагавшие иными навыками – прежде всего, по организации промыслов (соляного и иных) и реализации их продуктов.*

Исследование основано на данных хозяйственной документации (актов, приходо-расходных, вкладных, кормовых книг и др.) ряда русских монастырей XVI в.

Ключевые слова: *история России, XVI век, раннее Новое время, история Русской церкви, служилые землевладельцы, социальная история, экономическая история, соборные старцы, Троице-Сергиев монастырь, Кирилло-Белозерский монастырь, Иосифо-Волоколамский монастырь, Соловецкий монастырь.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.019

Элиту Русского государства эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени отличал двусоставный характер. Светский сегмент – политическую элиту, представители которой формировали верхушку Государева двора Боярскую думу, – неоднократно рассматривался в литературе [*Веселовский*, 1969; *Зимин*, 1988; *Кобрин*, 1995; *Назаров*, 2002; *Павлов*, 1992; *Павлов*, 2018; *Станиславский*, 2004; Правящая элита… 2006; *Беляков*, 2011]. Церковный – сообщество руководителей Русской церкви, формирующих главный орган её управления, Освящённый собор, – несмотря на появление ряда работ об отдельных иерархах [*Макарий (Веретенников)*, 2002; *Макарий (Веретенников)*, 2006; *Колобков*, 2004; *Смирнова*, 2016; *Усачёв*, 2018а; *Усачёв*, 2020; *Усачёв*, 2021а; *Усачёв*, 2022в; *Тарасов*, 2019], изучен несравнимо меньше. В первую очередь это касается состава руководителей Церкви – архиереев, настоятелей монастырей и особенно соборных старцев, игравших ключевую роль в управлении монастырями и составляв-

[1] Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 20-18-00218, https://rscf.ru/project/20-18-00218/.

ших особую группу участников Собора. Ниже своё внимание мы обратим на последних и предпримем попытку ответа на вопрос о том, кем в миру являлись соборные старцы, и чем мог быть обусловлен их весьма высокий статус в обителях и в Русской церкви в целом.

Актуальность данного вопроса обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, хотя роль соборных старцев в жизни русских монастырей рассматриваемого периода уже неоднократно отмечалась в литературе [*Зимин*, 1977: 112-122, 153-165; *Романенко*, 2002: 99-103; *Сазонова*, 2011: 99-102], в отличие от архиереев [*Савосичев*, 2020; *Савосичев*, 2021; *Усачёв*, 2022а; *Usachev*, 2022], специально посвящённые им обобщающие работы отсутствуют[2]. Во-вторых, отметим специфику историографической ситуации. Для неё характерна ограниченность региональными рамками: отдельные соборные старцы, биографии которых рассматривались историками, представляют обители Центра страны и частично её Севера (Троице-Сергиев [*Веселовский*, 1947: 177; *Каштанов*, 1974; *Макарий (Веретенников)*, 1995; *Назаров*, 1999], Иосифо-Волоколамский [*Зимин*, 1977: 157-160; *Корецкий*, 1986: 73-106; *Кобрин*, 2008; *Dykstra*, 2006: 207-220; *Усачёв*, 2012] и Кирилло-Белозерский [*Грицевская*, 2014; *Дмитриева*, 2003: 84-88; *Дмитриева*, 2018] монастыри). Соборные старцы большинства обителей Поморья специально не рассматривались[3]. Это значительно «заужает» ракурс рассмотрения этого значимого явления церковной и социальной действительности России XVI в. Ниже, расширив контекст его рассмотрения, мы предпримем попытку выявить основные тенденции в эволюции состава соборных старцев ряда значимых монастырей.

Соборные старцы обителей Сергия, Кирилла и Иосифа

Материалы сравнительно неплохо сохранившихся архивов самых влиятельных обителей рассматриваемого периода – Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского и Иосифо-Волоколамского монастырей – дают возможность определить некоторые основные черты в коллективном портрете их соборного старца. Ядро соборных старцев Троицы составляли выходцы из мелких и средних служилых родов Московского, Переславского, Радонежского, Дмитровского и некоторых других уездов Центра: Айгустовы, Головкины, Заболоцкие, Коровины-Кутузовы, Курцевы, Марковы, Мошнины, Мятлевы, Скрипицыны, Шубины, Шулеповы и иные [*Николаева*, 2009: 67-85]. Сходную картину мы наблюдаем и в обители Иосифа. Ведущую роль в его стенах играли выходцы из того же социального слоя – мелкие и средние вотчинники и помещики Волоколамского, Дмитровского, Рузского и иных уездов, а также Новгородской земли (Ленковы, Нащокины, Полевы, Ржевские, Руготины, Сназины, Ступишины, Турковы

[2] Имеющиеся, прямо скажем, немногочисленные работы по соборным старцам, как правило, имеют географические или хронологические рамки. Т. Дайкстра, уделив особое внимание обители Иосифа, сосредоточился главным образом на рассмотрении взаимоотношений соборных старцев и настоятелей [*Dykstra*, 2008]. Е. С. Целуйкина рассмотрела функции соборных старцев в этой же обители в начале XVII в. [*Целуйкина*, 2020].

[3] Исключение составляют троицкие старцы конца XVI – первой половины XVII в., которые прибыли в подмосковную обитель с Соловков. О них см.: [*Панченко*, 2004; *Французова*, 2010].

и др.) [*Тихомиров*, 1938: 135-136; *Зимин*, 1977: 112-122, 153-165; *Чернов*, 1998: 135-140, 172-182, 193-202; *Dykstra*, 2006: 120-135].

Статус в миру ряда наиболее заметных соборных старцев Кириллова во многом сходен. Среди них мы также наблюдаем выходцев из родов, занимающих, как правило, низшие и средние этажи в служебной иерархии: Братцовых, Брудковых, Булгаковых, Монастыревых, Мотякиных, кн. Шелешпанских и иных [*Никольский*, 2006: 111-134; *Грязнов*, 2019]. Впрочем, отметим и два значимых отличия. Во-первых, судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, лиц соответствующего статуса в Кириллове было заметно меньше, нежели в Троице-Сергиевом и Иосифо-Волоколамском монастырях (об этом см. ниже). Во-вторых, обращает на себя внимание любопытный казус: подавляющее большинство соборных старцев, происходивших из среды землевладельцев, не являлись местными служилыми людьми. Как правило, речь шла о выходцах из Центра, Северо-Запада, Юга и Юго-Запада. Кассиан и Зиновий (Булгаковы), вероятно, происходили из известного рязанского служилого рода Булгаковых-Денисьевых. Родичи Ионы (Мотякина) располагали владениями в Боровском, Вышегородском, Рязанском и Брянском уездах, а также на территории Водской и Обонежской пятин Новгородской земли и Псковской земли. Никодим и Иона (Брудковы) принадлежали в роду, располагавшему владениями в Тверском, Микулинском, Рязанском, Казанском и, вероятно, Дмитровском уездах. Алексей (Айгустов) являлся выходцем из рода, располагавшего владениями в Центре страны (прежде всего, в Переславском уезде). Гурий (Тушин) происходил из связанного с Центром старомосковского рода Морозовых. Источники фиксируют владения родичей Елевферия (Братцова) в Бежецкой пятине Новгородской земли и Юрьевском уезде. Иона (Владимиров) являлся выходцем из рода дмитровских, юрьевских, московских и новгородских землевладельцев. Родичи Иова (Челищева) в этот период располагали владениями под Торопцом. Представители рода Сертякиных, к которому принадлежал Александр, являлись помещиками Шелонской пятины Новгородской земли и Коломенского уезда. К числу известных нам соборных старцев Кириллова, являвшихся выходцами из среды местных землевладельцев, уверенно можно отнести лишь Геласия (Шелешпанского), Иоасафа (Крюкова), Иова (Бурухина), Иону (Лихарева) и Иосифа (Монастырева).

В целом сходную социальную картину мы наблюдаем и в некоторых других значительных монастырях Центра страны, архивы которых, правда, сохранились лишь фрагментарно. Так, в XVI – начале XVII в. в Симоновом среди соборных старцев мы видим Биревых, Голохвастовых, Заболоцких, Кушелевых, Мошниных, Палицыных, Пестовых, Ступишиных, Сущевых, кн. Трубецких, Чириковых [АФЗХ, 1983: № 2, 32, 33, 60, 73, 76, 77, 101, 102, 105, 106, 115, 116, 134, 148, 149, 155, 156, 164, 168–171, 174, 184, 229]. В Чудовом – Вельяминовых, Басаргиных, Мякишевых, Новосильцовых, Руготиных, Топорковых, Торжневых, кн. Щербатовых [ААЭ, 1836: № 7; *Кистерев*, 2003: № 3, 4, 7, 44, 56, 73–75, 79, 80, 88, 93, 94, 99]. В Пафнутьево-Боровском – Карцевых, Наумовых, Паниных, Хитрово, Челищевых [ААЭ, 1836: № 7; Опись, 1918: 360]. Во владимирском Рождественском – Басаргиных,

Масленицких, кн. Ковровых, Марковых, Сущевых, Ушаковых [*Кистерев*, 2000: № 4, 10, 12, 15, 29, 34, 35]. В суздальском Спасо-Евфимьевом – Бутурлиных, Внуковых, Глотовых, Домниных, Измайловых, Коробовых, Корсаковых, Нарбековых, Обрютиных, Сабуровых, Сукиных, Сущевых, Трегубовых, Тыртовых, Хвостовых, Хохловых, Царевских, Черемисиновых, Чернцовых, Шубиных [Акты… 1998: № 6, 14, 17, 25, 54, 57, 59, 67, 68, 72, 77, 111, 114, 115, 124, 125, 128, 129, 134, 143, 164, 170, 188, 193, 197, 233, 234, 236, 268]. В калязинском Макарьевом – Винковых, Грибцовых, Дубровиных, Едигеевых, Кожиных, Носовых, Свербеевых, Синцовых, Суворовых, Судницыных, Сушковых, Сущевых, Тучковых, Хавралевых, Шестовых [Акты… 2007: № 28, 30, 55, 86, 92, 93, 118, 120, 149, 177, 183, 187]. В старицком Успенском – Аплечеевых, Хитровых, Фофановых [Описные книги… 1911: 8, 33, 47]. Как правило, в обителях принимали постриг представители нескольких поколений соответствующих родов на протяжении ряда десятилетий. Например, в Иосифо-Волоколамском монастыре фиксируется не менее 8 иноков, представлявших служилый род Ступишиных [*Давиденко*, 2016: 9-55]. В этот же монастырь от мира ушли и не менее 7 представителей сравнительно небогатого рода волоколамских вотчинников Ленковых [*Дайкстра*, 2007: 260, 266, 277, 290, 291]. В Троице в XVI в. приняли постриг не менее 5 Айгустовых, не менее 4 Головкиных, не менее 5 Заболоцких, не менее 6 Курцевых и не менее 6 кн. Оболенских [*Николаева*, 2009: 173, 176-178, 181, 183, 184].

Данными относительно точного числа соборных старцев соответствующего статуса в миру применительно ко всем этим монастырям мы в настоящее время не располагаем (трудно сомневаться в том, что приводимый ниже перечень неполон). Очевидно лишь, что в случае с этими обителями речь шла о десятках лиц. Тем не менее, даже неполные данные позволяют наметить явственно ощущаемую тенденцию к доминированию в монастырской администрации этих обителей выходцев из соответствующих социальных слоёв. Хотя к ним принадлежали далеко не все насельники, их доля среди соборных старцев была заметно выше, нежели среди братии. Если из среды служилых землевладельцев происходило около четверти иноков Иосифо-Волоколамского монастыря, то среди его соборных старцев их доля была заметно выше (согласно нашим подсчётам около половины; в отдельные периоды, согласно Т. Дайкстра, речь шла почти о 80%) [*Dykstra*, 2006: 121, 122, 133, 134] (подробнее об этом см. ниже). В Троице доля выходцев из соответствующего слоя среди соборных старцев также была велика, порой поднимаясь до 70% и выше. Так, в перечне троицких старцев в акте 1570/71 г. из 7 соборных старцев упоминаются не менее 5 выходцев из соответствующей среды[4], в приговоре об избрании Митрофана троицким архимандритом (1584 г.) из 18 – не менее 13[5]. В некоторых иных обителях Центра страны доля выходцев

[4] Елизарий (Замыцкий), Варсонофий (Замыцкий), Артемий (Мятлев), Иоасаф (Волынский), Порфирий (Барбашин-Шуйский) [Тверские акты… 1896: № 26].

[5] Евстафий (Головкин), Макарий (Писемский), Евфимий и Варлаам (Мещерские), Кирилл (Лыков), Закхей и Иона (Суровцовы), Игнатий (Лодыгин), Гурий (Айгустов), Пафнутий (Марков), Феодорит (Матюнин), Тихон (Чашников), Варлаам (Непейцын) [АЮБ, 1884: № 274].

из соответствующей среды также была высока[6]. Социальный портрет мирян, так или иначе взаимодействовавших с данными монастырями, сходен. Среди вкладчиков и должников обители Иосифа, а также Троицы и Кириллова весьма заметную часть составляли служилые люди «по отечеству» различного статуса [*Зимин*, 1977: 105-111, 122-152; Вкладная книга… 1987; *Николаева*, 2009: 67-81; *Никольский*, 1910: 140-215; *Dykstra*, 2006: 119-148; *Miller*, 2010: 105-137; *Грязнов*, 2019].

Ситуация на Севере страны была иной. С точки зрения статуса в миру насельников и соборных старцев их состав в XVI-XVII вв. был заметно «демократичнее» нежели в обителях Центра страны и в Кириллове. Если в роли основателей монастырей в XV-XVI вв. порой выступали сравнительно знатные лица[7], то среди братии и соборных старцев их почти не было. Из 61 инока Арсениева-Комельского монастыря, упомянутых в его вкладной книге в записях за вторую половину XVI – первую половину XVII в., 28 – крестьяне и бобыли, 11 – горожане (по преимуществу жители Вологды), 7 – священники (в т. ч. овдовевшие), 2 – слуги местных землевладельцев, и лишь 1 являлся помещиком. Итоги привлечения данных по другим монастырям за XVII в. (сведений за предыдущее столетие существенно меньше) дают сходную картину: иноки вологодских обителей происходили преимущественно из местных крестьян, посадских людей и монастырских слуг; «доля феодалов, даже средних и мелких, была крайне незначительна» [*Шамина*, 2003: 143]. В одном из крупнейших монастырей региона – Спасо-Прилуцком – за XVI-XVII вв. выходцев из известных нам служилых родов были единицы[8]. В подавляющем большинстве случаев перечни наиболее авторитетных старцев этого монастыря ничего не сообщают о статусе в миру и фамилиях иноков [Вотчинные хозяйственные книги… 1979: 73, 74, 140, 160, 235 и др.; *Черкасова*, 2022: № 27, 41 (перечни соборных старцев 1582, 1590, 1596, 1597 и 1599 гг.)]. Род их занятий до пострига упоминают лишь некоторые источники. Так, например, источники прилуцкой обители под 1590-1596 гг. фиксируют старца-житника Евфимия Серебряника [Вотчинные хозяйственные книги… 1979: 74; *Дадыкина*, 2011: № 20-26]. Хотя среди иноков встречались «колмогорцы», «новгородцы» или «суздальцы» явно невысокого статуса, в целом преобладали выходцы из дальней и ближней сельской округи обители – крестьяне, солевары, охотники, ямщики и т. д. [*Черкасова*, 2022: 199-202]. Социальный портрет влиятельного инока значимого вологодского монастыря на конец XVII в. хорошо иллюстрирует опись имущества Павлова-Обнорского монастыря 1701-1702 гг. Источник сообщает: «В Павлове монастыре братии. Архимандрит Сергий, родом

[6] Так, в перечне 1590/91 г. из 9 соборных старцев калязинского Макарьева монастыря из среды служилых людей происходили 7 – Никон (Грибцов), Иосиф (Тучков), Матвей (Суворов), Геннадий (Кожин), Адриан (Сушков), Иннокентий (Дубровин), Ферапонт (Хавралев) [Акты… 2007: № 183].

[7] Например, основатель Арсеньево-Комельского монастыря – Арсений – происходил из старого рода Сахарусовых, представители которого служили митрополитам с XV в. [*Веселовский*, 1947: 422-423; *Кузьмин*, 2015: 103]. Корнилий Комельский происходил из знатного рода Ростовской земли Крюковых. Из боярского рода, служившего галичским князьям, вышел Григорий Пельшемский. Подробнее о статусе в миру основателей русских обителей эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени см.: [*Романенко*, 2020: 28-37].

[8] Антоний (Порошин), Иоасаф (Баскаков), Иона (Чайковский), Максим (Лихорев), Олферий (Тарбеев) и некоторые другие [*Черкасова*, 2022: 192, 199].

вологжанин, попов сын, пострижен в Прилуцком монастыре. Бывшей игумен Иосиф, родом вологжанин, церковного дьячка сын, пострижен в Корнильеве монастыре. Келарь монах Иона, родом того ж монастыря крестьянской сын деревни Филина, пострижен в том же монастыре» [*Шамина*, 2010: 85]. Нетрудно заметить, что, во-первых, преобладают местные жители, во-вторых, лица сравнительно невысокого статуса в миру. Невелико было число лиц соответствующего статуса и среди мирян, так или иначе взаимодействовавших с обителями этого региона. Среди упоминаемых в документах XVI-XVII вв. Спасо-Прилуцкого монастыря лиц, которые, не являясь его иноками и слугами, так или иначе, взаимодействовали с ним, преобладают посадские люди Вологды. Основными получателями денежной и хлебной ссуды от прилуцкой обители являлись его крестьяне [*Дадыкина*, 2011: 105, 106]. Судя по данным имеющихся источников, выходцы из военно-служилой среды среди соборных старцев других монастырей региона если и встречались, то крайне редко[9].

Стоит иметь в виду, что в случае с вологодскими монастырями речь идёт о далеко не самых крупных обителях. Численность их насельников была несопоставима с численностью иноков обителей Иосифа, Кирилла (в XVI – начале XVII в. примерно по полторы – две сотни лиц в каждом) и тем более Сергия (на конец XVI в. – от 220 до 300 монахов [*Черкасова*, 2020: 112, 117])[10]. В XVI-XVII вв. число насельников вологодских монастырей составляло от 20-25 монахов (Николо-Озерский монастырь) до 60 (Павлов-Обнорский монастырь) [*Шамина*, 2003: 143]. Численность насельников достаточно крупного приуральского монастыря – хлыновского Успенского – колебалась от 20 (1588 г.) до 40 (1595 г.) – 45 (1601 г.) [*Кустова*, 2020: 660]. Очевидно, что и соборных старцев, происходящих из среды служилых людей «по отечеству», в этих монастырях было существенно меньше. Однако главная обитель Поморья – Соловецкая – была заметно крупнее. Число её насельников перевалило за сотню, порой достигая 136 чел. (1545 г.) [*Усачёв*, 2018в: № 323], т. е. приближалось к численности иноков крупнейших обителей страны. Как обстояло дело со статусом в миру иноков и соборных старцев этого монастыря?

Судя по показаниям имеющихся источников – актов, вкладной и приходо-расходных книг – происхождение основной массы иноков Соловецкой обители в целом соответствовало тому, что мы наблюдаем в вологодских монастырях.[11] Подавляющее большинство монахов происходило из числа лиц сравнительно невысокого статуса – местных крестьян и посадских людей («кемлян», «сумлян», «корелян», «турчасовцев», «двинян» и т. д.) – которые в обитель Зосимы и Савватия могли внести вклад от 2 до 16 руб. (наиболее массовые вклады при постриге) [*Савич*, 1927: 213]. Согласно подсчётам Дж. Споук, выходцы из этой среды составляли не менее 75% от общего числа насельников [*Spock*, 2007: 535]. Эти лица преобладают и сре-

[9] Например, мы их не находим в перечнях соборных старцев Корнильево-Комельского монастыря 1576 г. [Приходо-расходные книги… 1871: 14] и чухломского Покровского монастыря 1597/98 г. [Сборник кн. Хилкова, 1879: № 9].

[10] О численности насельников ряда значимых русских обителей XVI в. см.: [*Усачёв*, 2017: 110, 111].

[11] О персональном и социальном составе иноков и вкладчиков Соловецкого монастыря в XVI в. см.: [*Савич*, 1927: 210–213; *Крушельницкая*, *Тутова*, 2001; *Лобакова*, 2001; *Spock*, 2007].

ди вкладчиков обители, в ряду которых мы находим не так много служилых людей «по отечеству». В первую очередь это относится к первой половине рассматриваемого столетия[12].

Иноков (т. ч. и соборных старцев), происходивших из военно-служилой страты, в Соловецкой обители было сравнительно немного. Согласно нашим подсчётам, из соответствующей среды в XVI в. вышло 6 (включая игуменов) из, по крайней мере, 92 соборных старцев (включая игуменов, строителей и келарей) этого столетия (т. е. 6,5%)[13]. В 30-е – первой половине 40-х гг. XVI в. монастырь возглавлял Алексий, происходивший из сравнительно малозаметного провинциального служилого рода Юреневых. Статус в миру его преемника Филиппа был заметно выше. Он являлся выходцем из сильно размножившегося старомосковского рода Колычевых. Впрочем, хотя некоторые из них в середине – третьей четверти XVI в. входили в Думу, к числу формирующих её состав родов Колычевых отнести нельзя[14]. Речь, без сомнений, шла о «крепком» служилом роде, выходцы из которого, однако, даже не пытались оспаривать первенствующее положение кн. Бельских, кн. Мстиславских, кн. Воротынских, кн. Шуйских, кн. Оболенских, Захарьиных-Юрьевых, Челядниных, Шереметевых и иных, представители которых предпочитали принимать постриг в Новоспасском монастыре, Симонове, Троице и Кириллове. Келарем, а после поставления Филиппа на Всероссийскую кафедру игуменом Соловецкого монастыря являлся Паисий, происходивший из рода Картмазовых – одного из многих сотен сравнительно небогатых служилых родов Новгородской земли. Сходным было и происхождение Назимовых, которых также трудно отнести к верхушке «класса служилых землевладельцев». Из этого рода вышло, по крайней мере, два соборных старца Соловецкой обители – Евфросин и Мисаил. К низшему слою служилых людей Костромского уезда принадлежал Вассиан (Напольский), активная деятельность которого развернулась в конце XVI – первой трети XVII в. [*Крушельницкая*, *Тутова*, 2001; *Лобакова*, 2001]. Это едва ли не все наиболее заметные выходцы из этого социального слоя в рассматриваемый период в Соловецкой обители[15]. Обратим внимание на любопытный факт: Соловецким монастырём с 30-х по 60-е гг. XVI в. последовательно управляло три игумена, происходящих из служилых родов. Нельзя исключить того, что, как и в случае с волоколамской обителью (см. ниже), свою роль сыграли социальные симпатии игуменов: Алексий (Юренев) ратовал за поставление в игумены Филиппа (Колычева), при котором в свою очередь выдвинулся в келари, а потом и в игумены Паисий (Картмазов).

---

[12] О сравнительно небольшом числе и размере вкладов представителей знати в Соловецкий монастырь в первой половине XVI в., например, см.: [*Spock*, 2007: 540, 546].

[13] Подсчитано по: [*Крушельницкая*, *Тутова*, 2001].

[14] Об основных представителях рода Колычевых и их статусе на государевой службе см.: [*Зимин*, 1964].

[15] Помимо Филиппа с Соловецким монастырём был связан ещё один Колычев – Иван (в иночестве – Иоаким). Он фигурирует как «трудник» монастыря под 1596-1600 гг.: в этот период он дал вклад 4 руб. и 20 алтын [Приходо-расходные книги… 2013: 419]. Идёт ли речь о родственнике Филиппа или нет, сказать вряд ли возможно. К числу вероятных выходцев из военно-служилой среды можно отнести и отпрыска подмосковного служилого рода старца Вениамина (Топоркова), упоминаемого под 1597 г. [*Крушельницкая*, *Тутова*, 2001: 38]. Вероятно, выходцем из известного переславского служилого рода являлся упоминаемый под 1583-1600 гг. Иов (Айгустов) [Приходо-расходные книги… 2013: 241, 566].

Для последующего изложения в обобщённом виде представим имеющиеся в нашем распоряжении сведения – накопленные нашими предшественниками, дополненные и уточнённые нами – о соборных старцах, происходивших или, скорее всего, происходивших из соответствующей социальной среды. Оценивая степень полноты приводимых ниже сведений, которые, безусловно, требуют дальнейшей корректировки, обратим внимание на два обстоятельства. Во-первых, речь идёт об обителях, архивы которых за XVI в. сохранились лучше прочих русских монастырей[16]. Сравнительно многочисленные дошедшие акты (счёт им идёт на сотни), приходо-расходные, вкладные и кормовые книги обителей Сергия, Иосифа, Кирилла, Зосимы и Савватия Соловецких содержат сведения о сотнях иноков. Во-вторых, персональным составом насельников этих монастырей уже неоднократно занимались исследователи. Не приходится сомневаться в том, что нашим предшественникам удалось выявить большинство иноков этих обителей (по крайней мере, наиболее заметных) и в целом ряде случаев связать происхождение значительной их части с определённой социальной средой. Для наглядности, приводимые ниже сведения о происходящих из соответствующей среды соборных старцах (включая настоятелей, строителей, келарей и казначеев) XVI – начала XVII в.[17] представим в виде таблицы.

№	**Монастырь**			
	Троице-Сергиев[18]	**Иосифо-Волоколамский**[19]	**Кирилло-Белозерский**[20]	**Соловецкий**[21]
1	Вассиан (Ковезин) (1495–1510/11 гг.)	Иосиф (Санин) (1479–1515 гг.)	Гурий (Тушин) (1478/79–1526 гг.)	Алексий (Юренев) (1534–1548 гг.)
2	Памва (Мошнин) (1506–1520 гг.)	Варлаам (Чемесов) (1479–1515 гг.)	Геласий (Шелешпанский) (1470–80-е – 1511 гг.)	Филипп (Колычев) (1534–1566 гг.)
3	Алексий (Пильемов) (1513–1524 гг.)	Кассиан Босой (1479–1532 гг.)	Иона (Лихарев) (1505 г.)	Паисий (Картмазов) (1553–1568 гг.)
4	Иов (Курцев) (1515/16–1539 гг.)	Феодосий (Звенигородский) (1489–1507 гг.)	Иоасаф (Крюков) (ок. 1532 г.)	Мисаил (Назимов) (1570–1595 гг.)

[16] Сколь-либо значительного числа соборных старцев Спасо-Прилуцкого монастыря из военно-служилой среды нам выявить не удалось.

[17] После имени следуют известные нам даты упоминания в источниках обители соответствующего лица после принятия пострига как в роли инока, так и в роли соборного старца, казначея, келаря, строителя и настоятеля (в данный хронологический диапазон мы не включаем годы проживания вне обители в том случае, если инок в неё не вернулся). Следует иметь в виду некоторые особенности распределения приводимых ниже упоминаний иноков. Как правило, они связаны с активной деятельностью инока в сфере монастырского управления. Нередко между появлением инока в монастыре и её началом проходило какое-то время. Отошедшие от управления монастырём, как правило, в связи с возрастом и состоянием здоровья иноки заметно реже упоминались в источниках или не упоминались вовсе. Таким образом, значительная часть приводимых ниже сведений отражает не весь период пребывания инока в обители, а лишь его «активную» фазу.

[18] Источники сведения: [*Арсений*, 1868; Список погребённых… 1880; *Николаева*, 2009: 173-189]. Сведения уточнялись и дополнялись нами.

[19] Основной источник сведений: [*Дайкстра*, 2007: 248-295]. Сведения уточнялись и дополнялись нами.

[20] Основные источники сведений: [*Никольский*, 2006: 111-134, 402-408; *Дмитриева*, 2003: 317-320; Приходные и расходные книги, 2010: 615-629; *Грязнов*, 2019]. Сведения уточнялись и дополнялись нами.

[21] Источник сведений: [*Крушельницкая*, *Тутова*, 2001]. Дополнения и уточнения наши.

№	Монастырь			
	Троице-Сергиев	**Иосифо-Волоколамский**	**Кирилло-Белозерский**	**Соловецкий**
5	Иона (Белеутов) (1517–1545 гг.)	Павел (Тютчев) (1490–1511 гг.)	Иов (Бурухин) (1538/39 г.)	Вассиан (Напольский) (1574–1575 – 1628/29 гг.)
6	Серапион (Курцев) (1523/24–1551 гг.)	Иона Голова (Пушечников) (1500–1525 гг.)	Алексий (Айгустов) (1538/39 – ок. 1542 гг.)	Евфросин (Назимов) (1582–1597 гг.)
7	Иоасаф (Скрипицын) (1526/27–1555 гг.)	Тихон (Ленков) (нач. XVI в. – 1534/35 г.)	Никодим (Брудков) (1540 (?)-1576 гг.)	
8	Симон (Шубин) (1534-ок. 1557/58 гг.)	Зосима (Ростопчин) (1507 г.)	Сергий (Колачев) (1542/43–1566 гг.)	
9	Гавриил (Башмаков) (1536–1555 гг.)	Вассиан (Ракитин) (1507 г.)	Иона (Владимиров) (1543–1548 гг.)	
10	Иона (Заболоцкий) (1538/39–1556 гг.)	Геронтий (Ракитин) (1507–1525 гг.)	Кассиан (Булгаков) (1549 г.)	
11	Иона (Шелепин) (1539–1549 гг.)	Нил (Полев) (1507–1530(?) гг.)	Иона (Мотякин) (сер. XVI в. – не позднее 1567/68 г.)	
12	Арефа (Тормосов) (1542–1567 гг.)	Тихон (Зворыкин) (1507–1530 гг.)	Антоний (Зайцев) (1566–1577/78 гг.)	
13	Гурий (Кутузов-Коровин) (1547 – до 1574 г.)	Герасим (Курцов) (1511 г.)	Зиновий (Булгаков) (1568–1593 гг.)	
14	Адриан (Ангелов) (1547/48–1563/64 гг.)	Геласий (Суколенов) (1515–1524 гг.)	Александр (Сертякин) (1576–1583 гг.)	
15	Арефа (Корякин) (1549–1551 гг.)	Арсений (Голенин) (1515–1525 гг.)	Елевферий (Братцов) (1580/81–1604 гг.)	
16	Иосиф (Ростопчин) (1549–1551 гг.)	Герасим (Ленков) (1517–1559 гг.)	Иона (Брудков) (1583/84–1603 гг.)	
17	Макарий (Писемский) (1553–1587 гг.)	Дионисий (Звенигородский) (1528–1538 гг.)	Иов (Челищев) (1586 г.)	
18	Дорофей (Сеченый) (1556–1572 гг.)	Филофей (Садырев-Полев) (1530–1561 гг.)	Порфирий (Латынин) (1591 – до 1603 гг.)	
19	Дорофей (Курцев) (1558–1570 гг.)	Трифон (Ступишин) (1533–1563 гг.)	Иосиф (Монастырев) (1595–1607 гг.)	
20	Варлаам (Путятин) (1559–1570 гг.)	Илия (Шершнев) (1542–1556 гг.)		
21	Аникий (Княжнин) (1560 г.)	Гурий (Руготин) (1543–1551 гг.)		
22	Феодосий (Мезецкий) (1560 г.)	Арсений (Плещеев) (1545–1557 гг.)		
23	Артемий (Мятлев) (1560–1574 гг.)	Леонид (Толбузин) (1545–1564 гг.)		
24	Паисий (Мичурин) (1562–1595 гг.)	Иосиф (Кутузов-Коровин) (1549–1566 гг.)		
25	Варсонофий (Замыцкий) (1564/65–1571/72 гг.)	Евфимий (Турков) (1551–1588 гг.)		

№	Монастырь			
	Троице-Сергиев	**Иосифо-Волоколамский**	**Кирилло-Белозерский**	**Соловецкий**
26	Серапион (Воронцов) (1562–1568 гг.)	Герман (Садырев-Полев) (1543/44–1554 гг.)		
27	Евстафий (Головкин) (1569/70–1602/03 гг.)	Арсений (Ржевский) (1555–1575 гг.)		
28	Елизарий (Замыцкий) (1570/71 – до 1588 гг.)	Семен (Воронов) (1555/56 г.)		
29	Боголеп (Дементьев) (1571 г.)	Пимен (Садыков) (1558–1561 гг.)		
30	Порфирий (Барбашин-Шуйский) (1571 г.)	Тихон (Хворостинин) (1558–1575 гг.)		
31	Иоасаф (Волынский) (1571–1573 гг.)	Вассиан (Обобуров) (1559/60 г.)		
32	Евфимий (Мещерский) (1576–1584 гг.)	Иосиф (Молвянинов) (1562–1566 гг.)		
33	Кирилл (Лыков) (1576–1584 гг.)	Тимофей (Чемесов) (1562–1571 гг.)		
34	Закхей (Суровцов) (1578–1587 гг.)	Иона (Осорин) (1563–1576 гг.)		
35	Серапион (Марков) (1580 г.)	Измаил (Сназин) (1563/64–1591 гг.)		
36	Варлаам (Мещерский) (1584 г.)	Варсонофий (Левашев) (1566–1569 гг.)		
37	Варлаам (Непейцин) (1584 г.)	Гурий (Ступишин) (1566–1606 гг.)		
39	Иона (Суровцов) (1584 г.)	Дорофей (Карцов) (1566–1569 гг.)		
39	Пафнутий (Марков) (1584 г.)	Макарий (Ржевский) (1566–1594 гг.)		
40	Феодорит (Матюнин) (1584 г.)	Иов (Мечев) (1568–1581 гг.)		
41	Игнатий (Лодыгин) (1584–1592 гг.)	Феодосий (Плещеев) (1568/69 г.)		
42	Гурий (Айгустов) (1584–1597 гг.)	Феодосий (Пушкин) (1566–1569 гг.)		
43	Тихон (Чашников) (1584–1597 гг.)	Вассиан (Бельский) (1573–1579 гг.)		
44	Мисаил (Безнин) (1598 г.)	Венедикт (Зазиркин) (1573–1591 гг.)		
45		Никандр (Турков) (1573–1588 гг.)		
46		Никифор (Морин) (1573–1593 гг.)		
47		Варлаам (Пузырев) (1574–1581 гг.)		

№	Монастырь			
	Троице-Сергиев	**Иосифо-Волоколамский**	**Кирилло-Белозерский**	**Соловецкий**
48		Герман (Чеглоков) (1574–1591 гг.)		
49		Гурий (Усов) (1575–1582 гг.)		
50		Моисей (Неплюев) (1576–1607 гг.)		
51		Леонид (Недовесков) (1582–1591 гг.)		
52		Ефрем (Нащокин) (1585–1607 гг.)		
53		Мисаил (Безнин) (1586–1597/98 гг.)		
54		Тихон (Ржевский) (1587–1591 гг.)		
55		Герасим (Нелединский) (1588–1591 гг.)		
56		Мисаил (Телегин) (1588–1591 гг.)		
57		Мисаил (Хрипунов) (1594–1595 гг.)		
58		Иона (Ивашев) (1599–1607 гг.)		

Несмотря на очевидную неполноту представленных выше перечней, они показывают любопытное соотношение, которое, судя по приведённым выше данным, отличало эти монастыри на протяжении всего рассматриваемого периода. Число соборных старцев, происходящих из среды служилых людей, в Центральной России несопоставимо больше, нежели в крупнейшей обители Севера. Численность старцев из этого социального слоя в главной обители Поморья – Соловецкой – сравнительно невелика.

Особенно показательна картина по Иосифо-Волоколамскому монастырю. Согласно нашим подсчётам, в его стенах доля соборных старцев, происходящих из соответствующей среды, была выше всего – почти половина от общего числа (58 из 126)[22]. Любопытно и иное соотношение: судя по приведённым выше данным, в этой обители почти половина выходцев из военно-служилой среды (58 из не менее чем 110[23]) в той или иной мере входила в состав мона-

[22] Согласно подсчётам Т. Дайкстра, среди соборных старцев представителей «знати» было 8%, а прочих «землевладельцев» – 28%. Однако следует иметь в виду, что статус весьма значительного числа соборных старцев – 34% – исследователю определить не удалось [*Dykstra*, 2006: 134].

[23] Согласно Т. Дайкстра, из этой среды вышло 94 инока [*Dykstra*, 2006: 121]. Согласно нашим подсчётам, их было не менее 110. Нами в это число включена часть лиц, статус которых Т. Дайкстра определить затруднился или статус которых, согласно его мнению, был иным. Например, историк статус выходца из переславского служилого рода Кассиана Босого, а также отпрыска рода Руготиных Гурия определяет как «служитель» монастыря. Неизвестным счёл Т. Дайкстра происхождение Измаила (Сназина), происходившего из измельчавшего рода тверских бояр (однородцев Собакиных, Нагих и Нащокиных), в XVI в. располагавшего поместьями на территории Шелонской пятины Новгородской земли, а также выходца из радонежского служилого рода Голыгиных Симеона [*Дайкстра*, 2007: 262, 269, 273]. О происхождении Кассиана, Гурия, Измаила и Симеона см.: [*Усачёв*, 2012: 63, 64; *Усачев*, 2021г: 160; *Усачёв*, 2022б; *Кузьмин*, 2014: 310, 311; *Кузьмин*, 2015: 123, 124].

стырской администрации. Иными словами, почти каждый второй выходец из этого слоя, приняв постриг в обители Иосифа, становился её соборным старцем. Это могло быть связано как с социальными симпатиями выходца из соответствующей среды Иосифа Волоцкого, ратовавшего за пострижение «честных мужей» (подробнее см.: [*Усачёв*, 2021в]), и, возможно, кого-то из его преемников, так и с многочисленностью владений служилых людей «по отечеству» в относительной близости монастыря. С известной долей гипотетичности можно предполагать, что в целом в Троице картина могла быть сходной. Однако, учитывая заметно меньшую степень изученности персонального состава её иноков, в данный момент категорически утверждать это вряд ли возможно.

Приведённые выше данные демонстрируют крайнюю незначительность присутствия на Соловках, а также в вологодских обителях в роли соборных старцев выходцев из служилых слоев. В чём причина?

География служилого землевладения

На первый взгляд, ответ очевиден. Центр, а также частично Юг издавна являлись регионами вотчинного, а позднее поместного землевладения[24]. На территории Боровского [*Синелобов*, 2011], Малоярославецкого (Ярославецкого) [*Поздняков*, 1982; *Митрошенкова*, 2004], Волоколамского [*Чернов*, 1998], Дмитровского [*Тихомиров*, 1928; *Бенцианов*, 2010а; *Бенцианов*, 2010б], Коломенского [*Кузнецов*, 1993; *Моисеев*, 2017], Переславского [*Алексеев*, 1966], Романовского [*Демкин*, 1986; *Антонов*, 2007], Ростовского [*Стрельников*, 2009], Угличского [*Ивина*, 1996], Рузского [Рузский уезд, 1997], Рязанского [*Сметанина*, 1982; *Кирпичников*, 2021], Суздальского [*Фомин*, 1982], Тверского [*Сторожев*, 1891–1895; *Лаппо*, 1893], Ярославского [*Киселев*, 1978; Писцовые материалы… 1999; Писцовые материалы… 2000] и иных уездов располагали владениями многие тысячи представителей сотен служилых родов различного статуса.

Ситуация на Севере и особенно в Поморье была иной. С одной стороны, в отдельных уездах Севера частное светское землевладение было достаточно широко распространено. Это, в частности, относится к Белозерскому уезду [*Копанев*, 1951; *Грязнов*, 2019]. На его территории владениями располагало немало землевладельцев (значительную часть из них составляли многочисленные измельчавшие потомки ярославских и белозерских князей). С другой, на территории некоторых других уездов преобладало черносошное и дворцовое землевладение. К их числу относится Вологодский уезд. Массовые поместные раздачи на его территории относятся лишь к последней трети XVI – первой трети XVII в. [*Назаров*, 1968; *Черкасова*, 2013]. Учитывая то, что для установления прочных связей землевладельцев с обителями региона требовалось время, можно полагать, что они могли установиться не ранее последних десятилетий XVI в. Практически на всей территории Поморья преобладало черносошное крестьянство [*Богословский*, 1909–1912; *Швейковская*, 1997; *Швейковская*, 2011]. Впрочем, следует отметить, что к Поморью непосредственно примыкала огромная Новгородская земля, которая в XVI в. располагала самой многочисленной в стране поместной корпо-

[24] Общий обзор географии светского землевладения в рассматриваемый момент см.: [*Рождественский*, 1897; *Рожков*, 1899; *Веселовский*, 1947; Акты служилых землевладельцев… 1997-2008; *Антонов*, 2002].

рацией, составлявшей до $^1/_6$ части всего совокупного состава «класса служилых землевладельцев» (о ней подробнее см.: [*Бенцианов*, 2000]). Несмотря на это, трудно сомневаться в том, что непосредственно на Русском Севере и особенно в Поморье «своих» (местных) служилых людей «по отечеству» было заметно меньше, нежели в Центре страны. С этим, по крайней мере, отчасти и можно связывать то, что, если из обителей Центра (прежде всего, Сергия и Иосифа) из среды служилых людей вышло 12 архиереев[25], то из монастырей Севера и Поморья – лишь 1[26]. Это обусловливалось тем, что, как правило, значительная часть лиц, принимавших постриг, проживала на территории, примыкающей к обители.

Однако такое, подкупающее своей простотой и логичностью, объяснение особенностей формирование социального состава братии и монастырской администрации представляется недостаточным. Принять его полностью можно, лишь игнорируя значимый фактор – возрастание авторитета обители, который в случае с крупнейшими монастырями перерастал региональные рамки. Наиболее значимые монастыри привлекали лиц, которые проживали в иных регионах. Речь, с одной стороны, могла идти о постриге в сравнительно удалённой от места проживания обители. С другой, о внутренних миграциях, в которые были вовлечены и представители черного духовенства [*Усачёв*, 2021г: 150–166]. Социальными «магнитами» являлись те обители, авторитет которых благодаря распространению почитания соответствующих святых на протяжении рассматриваемого периода возрастал. Так, в XV-XVI вв. в связи с расширением ареала прославления Сергия и Никона Радонежских, а также Кирилла Белозерского мы наблюдаем и неуклонный процесс расширения географии проживания вкладчиков и иноков Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей. Например, с последним были тесно связаны несколько поколений потомков стародубских князей Палецких, которых трудно отнести к числу значимых землевладельцев Белозерского уезда[27]. С этим краем не были связаны земельными владениями и кн. Воротынские, также поддерживавшие весьма тесные связи с обителью Кирилла[28]. Кириллов для пострига избрал и стареющий глава Боярской думы кн. И. Ф. Мстиславский[29]. Как уже отмечалось выше, с территории далеких от Кириллова регионов происходила основная часть его соборных старцев. С Троицей так или иначе были связаны представители большинства крупнейших родов титулованной и нетитулованной знати, владения

[25] Ростовский архиепископ Вассиан (Санин), коломенский епископ Вассиан (Топорков), смоленский епископ Гурий (Заболоцкий), казанские архиепископы Гурий (Руготин), Герман (Садырев-Полев), Тихон (Хворостинин), тверские епископы Вассиан (Стригин-Оболенский) и Нил (вероятно, Траханиотов), суздальский епископ Семион (Стремоухов), суздальский, потом полоцкий владыка Трифон (Ступишин), митрополит Иоасаф (Скрипицын), новгородский архиепископ Серапион II (Курцев).

[26] Соловецкий игумен, митрополит Филипп (Колычев). В науке широко распространено мнение о принадлежности выходца из Кириллова суздальского, а затем полоцкого владыки Афанасия к роду кн. Палецких. Есть все основания вслед за Н.К. Никольским утверждать, что эта гипотеза была порождена двумя обстоятельствами – во-первых, неверным прочтением слова «полоцкий», во-вторых, несомненной связью кн. Палецких с белозерским монастырём в XVI в. (неудивительно, что Афанасия нет в записях этого рода в синодиках) [*Никольский*, 2006: 170, 171].

[27] О представителях этого рода и географии их земельных владений см.: [*Сергеев*, 2019].

[28] О географии владений представителей данного рода, а также о круге обителей, с которыми они так или иначе были связаны, см.: [*Юрганов*, 1992; *Беликов*, *Колычева*, 1992: 93-121; *Усачёв*, 2014а; *Шокарев*, 2022].

[29] Подробнее о кирилловской странице его биографии см.: [*Усачёв*, 2011].

которых зачастую располагались далеко от Радонежа [*Николаева*, 2009: 88–98; *Сергеев*, 2014].

Судя по всему, в середине – второй половине XVI в. таким «магнитом» постепенно становился и Соловецкий монастырь. Очевидно, что этому способствовало распространение проставления его основателей Зосимы и Савватия Соловецких (их всероссийское почитание было закреплено на Соборе 1547 г.), а ближе к концу столетия – начало почитания Филиппа (Колычева) (его мощи были перенесены из тверского Отроч монастыря на Соловки в 1591 г.). Нетрудно заметить, что в этот период Соловецкий монастырь начинает притягивать вкладчиков и иноков издалека. Так, известны вклады на Соловки глав Боярской думы кн. И. Ф. Мстиславского и его сына кн. Ф. И. Мстиславского [Архив СПбИИ РАН. Кол. 2. Оп. 1. № 125. Л. 24 об.; Приходо-расходные книги, 2013: 101, 272, 574], земельные владения которых располагались вдали от соответствующего региона (о них см.: [*Лаврентьев*, 2005: 43–87]). Дала вклад – шитую хоругвь – на Соловки мать удельного князя старицкого Владимира Андреевича Евфросиния [Сохраненные святыни… 2001: № 78]. Известны вклады и лиц более низкого статуса, проживающих явно за пределами Русского Севера. Так, слуга Б.Ф. Годунова Измаил Иванов дал вклад в Соловецкий монастырь, где потом и принял постриг. Слуги кн. И. Ф. Мстиславского Фока Четвертой Иванов сын Козин и Петрок Зайцев также дали вклады в соловецкую обитель [Архив СПбИИ РАН. Кол. 2. Оп. 1. № 125. Л. 153, 154; Приходо-расходные книги… 2013: 126, 250]. Например, в рассматриваемый период известны вклады донских казаков и московских пушкарей в главную обитель Поморья [Приходо-расходные книги… 2013: 574]. Судя по катайконимам и антропонимам некоторых иноков Соловецкой обители второй половины XVI в. («Москвитин», «Рушанин», «Коломна», «Новгородец» [*Крушельницкая, Тутова*, 2001: 23, 70, 80, 115, 116, 124]), расширилась и география происхождения её насельников. На это же указывает и наличие среди братии выходцев из числа землевладельцев Костромского уезда[30], Москвы и Подмосковья[31].

Однако в целом состав иноков и соборных старцев Соловецкого монастыря и к концу XVI в. с точки зрения статуса в миру по-прежнему был весьма «худородным». В чём причина? Если в случае с вологодскими обителями, авторитет которых в Русской церкви был сравнительно невысок (ареал почитания вологодских святых был заметно у́же, нежели у московских или белозерских), отсутствие (или незначительность числа) соборных старцев из среды служилых людей отчасти можно связывать с географией их земельных владений, то в случае с Соловецким монастырем такое объяснение вряд ли можно счесть в полной мере удовлетворительным. В поисках ответа обратим внимание на функции соборных старцев.

Функции соборных старцев

Располагавшие высоким – порой весьма – статусом соборные старцы составляли при настоятеле своеобразный совет, совместно с которым он управлял монастырём. По крайней мере, в крупнейших обителях значимая роль соборных старцев закреплялась в специальных договорах настоятеля с братию. Хотя

[30] Вассиан (Напольский).
[31] Вениамин (Топорков) и Иов (Айгустов).

первый известный такой договор относится к 1584 г.[32], судя по упоминанию у С. Герберштейна типологически сходных процедур в Спасо-Хутынском монастыре [*Сигизмунд Герберштейн*, 2008а: 151, 153; *Сигизмунд Герберштейн*, 2008б: 366, 367], эта практика получила распространение не позднее первой четверти XVI в. (информаторы автора «Записок о Московии» возникновение этой практики относили к эпохе Варлаама Хутынского).

Формально главной задачей монастырского «собора» являлся «совет» наиболее авторитетных иноков и настоятеля по духовным делам. Какая-то часть соборных старцев, располагавших сравнительно высоким статусом, выполняла представительские функции. Речь могла идти о находящихся уже в очень преклонном возрасте ушедших на покой настоятелях и архиереях, особый статус которых определяли их прошлые заслуги перед монастырём или Русской церковью в целом[33]. Таких располагавших немалым авторитетом лиц, как правило, было сравнительно немного[34]. Так, в последние годы жизни фактически не выходивший из кельи Кассиан Босой – один из основателей обители Иосифа – до своей смерти продолжал возглавлять перечни соборных старцев монастыря. На втором месте после архимандрита в чудовских актах упоминался и принявший постриг царский духовник Афанасий, который вскоре будет поставлен на Всероссийскую кафедру. В перечнях соборных старцев фигурировали и монастырские священники, окормлявшие братию (их число сравнительно невелико). Исходя из данных доступных нам источников (приходо-расходных книг и иных), можно полагать, что, как правило, их деятельность ограничивалась духовной сферой (включая участие в переписке книг, чаще всего содержащих тексты Св. Писания и богослужебного характера). В центре внимания большинства соборных старцев, судя по характеру их упоминаний в источниках[35], находились иные вопросы – по преимуществу, хозяйственные, административные и финансовые[36].

Участие в избрании настоятеля, управление монастырём в его отсутствие, урегулирование поземельных споров, совершение поземельных и

[32] Этим временем датируется приговор «Освященного собора старцев» Троице-Сергиева монастыря о поставлении в архимандриты Митрофана [АЮБ, 1884: № 274].

[33] Впрочем, некоторые находящиеся на покое настоятели и архиереи, вероятно, пребывающие в сравнительно хорошей форме, порой принимали активное участие в хозяйственной жизни монастыря. К числу таких старцев можно отнести бывшего ферапонтовского игумена Евфимия, который в 1580 г. перешёл в Кириллов и активно включился в его хозяйственную жизнь. Аналогичным образом поступил и бывший игумен перемышльского Шаровкина монастыря Исайя, в близкий период перешедший в эту же обитель. Источники белозерской обители фиксируют и активную деятельность в ней бывшего архимандрита столичного Чудова монастыря Христофора, перебравшегося в Кириллов в конце 1580-х гг. [*Дмитриева*, 2018: 248-252]. Выполняя поручения властей Соловецкого монастыря, активное участие в разъездах по Русскому Северу принимал и сведённый с Ростовской кафедры в 1582 г. Давид [Приходо-расходные книги… 2013: 308].

[34] Впрочем, в этом правиле были исключения. Так, в перечне 1566/67 г. из 9 соборных старцев столичного Симонова монастыря 5 являлись бывшими настоятелями целого ряда обителей – серпуховского Высоцкого (Паисий), Спасо-Андроникова (Иосиф), Саввина Сторожевского (Гурий), Спасо-Ярославского (Ефрем) и, возможно, новгородского Антониева (Паисий) монастырей [АФЗХ, 1983: № 155].

[35] Например, среди переписчиков рукописных книг мы почти не находим соборных старцев (на момент участия в книгописных работах). О персональном составе иноков-писцов в рассматриваемый период см.: [*Усачёв*, 2018б: 201-248].

[36] Например, итоги проведённого Е.С. Целуйкиной анализа функций соборных старцев обители Иосифа начала XVII в. показали, что из 11 руководителей её администрации (включая настоятеля) представительские функции выполняли 2 (настоятель и келарь), в решение духовных дел так или иначе были вовлечены 6, а в решение хозяйственных вопросов (торговых, фискальных и судебно-распорядительных) – все без исключения [*Целуйкина*, 2020: 68].

иных сделок, определение степени платежеспособности крестьян, сбор с них недоимок, установление размеров денежных сборов и повинностей в пользу монастыря, выдача кредитов крестьянам и прочим лицам, выплаты монастырским «детенышам», закупки необходимых обители товаров, реализация произведенной монастырским хозяйством продукции – таков далеко неполный перечень тех дел, которые, судя по данным актов и приходо-расходных книг, чаще всего занимали соборных старцев. Речь, по сути, шла о монастырской администрации. Неудивительно, что «постоянными членами» «собора» являлись строители, келари и казначеи. Ими чаще всего и становились соборные старцы. Нередко, утратив свой формальный статус (келари и особенно казначеи регулярно менялись), они пополняли число «рядовых» соборных старцев, продолжая выполнять те или иные хозяйственные поручения.

Очевидно, что выполнение соответствующих функций требовало от иноков владения специальными навыками. Не менее очевидно и другое – в целом ряде случаев они были получены ими ещё в миру. Учитывая то, что, как правило, известные нам соборные старцы в источниках обителей фиксируются на протяжении 1–10 или несколько большего числа лет[37] (случаев их упоминания в монастырях на протяжении 20, 30 и более лет существенно меньше[38]), можно полагать, что они, как, впрочем, и подавляющее большинство всех прочих насельников принимали постриг в зрелом или даже пожилом по меркам Средневековья возрасте[39]. Очевидно, что соответствующие умения и навыки являлись неотъемлемой частью того «социального капитала» (если следовать терминологии П. Бурдье), с которым они приходили в монастырь. Принимавшие постриг священники пополняли число монастырских клириков[40] и порой, поднимаясь по ступеням церковной иерархии, даже становились архиереями[41]. Уходя от

[37] Из 58 упомянутых выше соборных старцев обители Иосифа 25 (43,1%) фигурируют в её источниках на протяжении 1-10 лет, 15 (25,9%) – от 11 до 20 лет. Среди старцев Троицы примерно такое же соотношение: 21 (47,7%) и 12 (27,3%) соответственно; в Кириллове – 8 (42,1%) и 5 (26,3%).

[38] В источниках обители Иосифа на протяжении 30 и большего числа лет фиксируются 10 (17,2%) соборных старцев из служилой среды. «Стаж» превышающих два десятилетия (до 30 лет) имели 7 (12%). В Троице соответственно 3 (6,8%) и 9 (20,5%); в Кириллове – 3 (15,8%) и 3 (15,8%).

[39] С известной долей гипотетичности можно предполагать, что речь шла примерно о 50-летнем или несколько более значительном возрасте, который для большинства светских лиц ассоциировался со старостью. Подробнее о времени наступлении старости у светских и духовных лиц в этот период в России см.: [*Усачёв*, 2014б].

[40] Это, конечно, не исключало подготовки клириков (дьяконов и священников) непосредственно в монастыре из числа постриженников из иной социальной среды. Например, известно, что в 1593-1596 гг. в Новгород были отправлены старцы Иоасаф, Макарий, Анастасий, Иона и Фирс «ставиться в священницы и в дияконы… дано им денег на розход 30 рублев» [Приходо-расходные книги... 2013: 379]. 18 декабря 1597 г. датируется ставленная грамота ростовского митрополита Варлаама (Рогова) кирилловскому старцу Иоакиму Петрову сыну на поставление в дьяконы [Каталог, 1992: № 396]. Однако трудно сомневаться в том, что значительное число монастырских клириков – рискнём предположить, большинство – соответствующую подготовку получали ещё до пострига.

[41] Очень показательна ситуация со ставленниками, вероятно, происходившего из духовной среды митрополита Симона (1495-1511 гг.), ранее возглавлявшего Троицу. После «наречения» на Всероссийскую кафедру он пригласил на пир ряд близких к нему троицких старцев, помогавших ему в управлении монастырём – Савву, Вениамина (Плещеева), келаря Вассиана (Ковезина), Филиппа Износока и Феогноста (Дубенского) [ПСРЛ, 2006: 289]. Однако ни один из них не был поставлен в архиереи. Ими стали несомненный выходец из духовной среды Серапион (Новгородская кафедра, 1506-1509 гг.) и, вероятно, также происходивший из неё Досифей Забела (Крутицкая, 1508-1544 гг.). Последние самыми близкими к Симону лицами, по-видимому, не являлись, но, судя по всему, в гораздо большей степени соответствовали тем требованиям, которые предъявлялись к кандидатам на замещение вакантных кафедр [*Усачёв*, 2023].

мира, сапожники, портные, лекари, солевары, торговцы, огородники и прочие и в обители выполняли соответствующие функции[42]. Судя по всему, это относилось и к лицам, управлявшим монастырским хозяйством.

Региональная специфика хозяйственной деятельности монастырей

Рассматривая административные по своей сути функции большинства соборных старцев, зафиксируем исключительно важный факт: структура доходов у различных русских обителей рассматриваемого периода различалась, порой весьма существенно. В первую очередь, это обусловливалось спецификой географической среды, окружавшей ту или иную обитель. Она во многом и определяла способ хозяйствования в том или ином регионе.

Основой экономической жизни обителей Центра страны и частично её Севера являлось сельское хозяйство. На протяжении XV и особенно XVI столетий в результате покупок и особенно вкладов значительная часть земельных угодий в Центре страны перешла во владение монастырей [*Веселовский*, 1941]. Крупнейшими землевладельцами Центра являлись Троице-Сергиев, Иосифо-Волоколамский и некоторые иные монастыри. Хотя крупнейшие обители Центра (прежде всего, Троица) и располагали слободами, в которых проживали сотни слуг, в т. ч. и ремесленников (о них, например, см.: [*Арсений*, 1867]), а также порой совершали достаточно крупные торговые операции[43], основную часть доходов приносили земельные владения[44]. К рубежу XVI-XVII вв. Троица располагала более чем 140 тыс. четвертей пашенной земли (в одном поле)[45], обитель Иосифа – 35169[46].

Весьма значительным источником доходов были вклады от представителей политической элиты. Как уже отмечалось выше, с Иосифо-Волоколамским и особенно с Троице-Сергиевым монастырями на протяжении ряда поколений были связаны многие десятки титулованных и старомосковских служилых родов, формирующих Боярскую думу. Среди них были и весьма состоятельные (кн. Воротынские, кн. Мстиславские, кн. Булгаковы, кн. Оболенские и иные). Важнейшими ктиторами расположенных неподалеку от столицы обителей являлись и представители великокняжеского семейства. Например, вклады в Троицу кн. Мстиславских составили 2230 руб., Годуновых – более 1794 руб., Плещеевых – 1400 руб. Только по своему сыну Ивану Иван IV вложил в Троицу 5,5 тыс. руб. [*Кириченко*, *Николаева*, 2008: 104, 105, 123, 133, 136]. Общая сумма вкладов первого русского царя в неё составила не менее 11961 руб. и 25 алтын [*Никольский*, 1910: 159] (также см.: [*Николаева*, 2009: 67–81; *Miller*, 2010: 247]). Обитель Иосифа тоже получи-

[42] Например, см.: [Приходо-расходные книги… 2013: 40, 43, 44, 58, 162, 367, 371, 406 и др.] Так, ок. 1591 г. в Кириллове «старец Евфимий часовик сделал двои часы боевые на большом монастыре» (за выполненную работу во Вкладную книгу был вписан вклад по нем в 50 руб.) [*Никольский*, 1910: 157]. Тимофей Рукавичник, приняв постриг в прилуцкой обители, стал Тихоном Рукавичником [*Черкасова*, 2022: 202].

[43] Например, в приходо-расходных книгах волоколамской обители под 1587/88 г. фигурирует очень крупная сумма – 911 руб. 25 алтын – направленная в Казань на приобретение рыбы [Вотчинные хозяйственные книги, 1978: 237].

[44] О роли и удельном весе промыслов в структуре экономики Центра России в раннее Новое время, например, см.: [*Муравьева*, 1971].

[45] Подробнее о землевладении Троицы см.: [*Черкасова*, 1996; *Черкасова*, 2004].

[46] О землевладении Иосифо-Волоколамского монастыря см.: [*Тихомиров*, 1938; *Зимин*, 1977].

ла от представителей политической элиты немало вкладов, хотя, конечно, они заметно уступали вкладам в обитель Сергия: от Ивана IV – 8263,5 руб., от Федора Ивановича – 1050 руб., от Бориса Годунова – более 3100 руб., от Малюты Скуратова-Бельского и его родичей – более 3000 руб. [*Зимин*, 1977: 123, 125, 130; *Шокарев*, 2023: 152-155]. Хотя в начале XVII в. роль вкладов в структуре доходов волоколамского монастыря несколько уменьшилась, они по-прежнему приносили значительную часть дохода монастырю[47].

Очевидно, что в случае с теми монастырями, основу экономики которых составляло сельское хозяйство, главной задачей администрации было решение вопросов, связанных с покупкой, обменом и управлением весьма значительными по своему размеру земельными владениями, а также по координации деятельности монастырских слуг, счёт которым шёл на сотни[48]. Крупный монастырь-вотчинник остро нуждался в тех, кто ещё в миру получил соответствующие навыки.

В России рассматриваемого периода лица, располагавшие соответствующим опытом, концентрировались главным образом в среде средних и мелких служилых людей «по отечеству», а также измельчавших представителей этого социального слоя, поступавших на службу к более состоятельным лицам. Выходцы из этой страты, управляя своими владениями или владениями своих патронов, а также занимая низшие и средние должности в командовании армией (выше сотенных и полковых голов они поднимались крайне редко) и, что особенно для нас важно, в сфере местного управления (волостелей, наместников и воевод не самых значительных городов), на протяжении своей жизни в миру накапливали тот опыт, который был так необходим обителям, располагавшим крупными вотчинами. Своего рода «классическим» соборным старцем из этой среды являлся инок Иосифо-Волоколамского монастыря Мисаил (Безнин), происходивший из древнего и «крепкого» рода средней руки Нащокиных. Лишь в результате более чем 30-летней службы М.Я. Безнину удалось пробить определяемый его происхождением служебный «потолок» и получить низший думный чин (дворянина). Приняв постриг, Мисаил отдался хорошо знакомой ему административно-финансовой стихии: оттеснив от управления прочих соборных старцев обители Иосифа, он в 1590-е гг. значительно увеличил её доходы[49]. Помимо эффективного управления земельными владениями примером успешного применения полученных в миру навыков являлось активное участие старцев из соответствующей среды в судебных тяжбах. Судя по материалам судебных дел, они очень квалифицированно защищали интересы своих обителей от претензий своих визави в миру. Например, от имени суздальского Спасо-Евфимьева монастыря в 1519–1520 гг. тяжбу за земли с землевладельцем средней руки М.И. Судимантовым вёл его строитель – происходивший из военно-служилой среды Дионисий (Нарбеков) (тяжбу обитель выиграла) [Судебное дело… 1853; Акты… 1998: № 14, 17]. Дионисий «в архимадричо место» успешно защищал имущественные интересы обители и в 1524 г. [Акты… 1998: № 23].

[47] Подробнее о структуре доходов обители Иосифа в этот период см.: [*Целуйкина*, 2022].

[48] Например, только в обители Иосифа к рубежу XVI-XVII вв. их было около 300 чел., в обители Кирилла – примерно на 15% больше [*Целуйкина*, 2021: 162).

[49] О вкладе Мисаила в рост доходов обители см.: [*Целуйкина*, 2022: 148].

Рассматривая статус в миру соборных старцев, обратим внимание на очевидный факт – пострижение целого ряда представителей знати «первой строки», происходивших из родов, формировавших верхушку Государева двора Боярскую думу. Одни принимали постриг добровольно, как правило, на склоне лет, другие – под давлением политических обстоятельств. Среди иноков Троицы мы находим Зосиму (в миру – боярин кн. Дмитрий Федорович Бельский), Варлаама (боярин кн. Василий Немой Васильевич Шуйский), Иону (боярин кн. Михаил Голица Иванович Булгаков), Иону (кн. Иван Андреевич Куракин-Булгаков), Вассиана (Василий Андреевич Шереметев), Иону (боярин кн. Иван Михайлович Шуйский), Сергия (боярин кн. Семен Иванович Микулинский), Арсения (боярин кн. Александр Иванович Воротынский). Среди иноков Кириллова в XVI в. мы видим Вассиана (боярин кн. Василий Иванович Патрикеев), Дионисия (боярин кн. Дмитрий Федорович Палецкий), Иону (боярин Иван Васильевич Большой Шереметев), Иону (глава Боярской думы кн. Иван Федорович Мстиславский), Пимена (кн. Петр Михайлович Щенятев), Иоасафа (боярин Иван Иванович Хабаров), Иоасафа (окольничий Иван Иванович Умной-Колычев), Феодорита (боярин Федор Иванович Умной-Колычев), Стефана («татарский царь» Семион Бекбулатович). В обители Иосифа мы также встречаем лиц знатного происхождения, хотя их и заметно меньше. Среди её насельников, представлявших роды, формировавшие Боярскую думу, можно выделить иноков Нила (в миру – кн. Никита Васильевич Оболенский), Дионисия (боярин кн. Дмитрий Иванович Немой-Оболенский), а также Арсения и Феодосия (Плещеевых).

Закономерен вопрос: а почему представители самых знатных и влиятельных родов страны, делая весьма значительные вклады, приняв постриг, как правило, не играли ключевую роль в сфере монастырского управления[50]? На наш взгляд, ответ кроется в специфике того «социального капитала», который к моменту пострига они накапливали. Возможности его использования в монастыре были весьма ограничены. Для роли управленца монастырским хозяйством бывший воевода Большого полка или новгородский наместник, за которого текущую работу по управлению его собственным хозяйством выполняли лица несравнимо более низкого статуса (нередко измельчавшие служилые люди)[51], не слишком подходил[52]. Судя по всему, представители верхнего этажа Государева двора и сами не стремились к выполнению рутинных обязанностей по управлению монастырским хозяйством. Конечно, знатные и со-

[50] К числу не слишком многочисленных исключений из этого правила можно отнести соборных старцев обителей Сергия – Порфирия (Барбашева-Шуйского) – и Иосифа – Арсения и Феодосия (Плещеевых).

[51] Об этой категории лиц, например, см.: [*Кром*, 2012].

[52] В России раннего Нового времени знатный и влиятельный в миру постриженик обители мог оказывать услуги иного рода. Не являясь келарем или казначеем, «рядовой» старец лично или с помощью оставшихся в миру родичей мог отстаивать интересы монастыря в столице. Например, после принятия пострига в дорогобужском Болдином монастыре В.И. Годуновым – братом Д.И. Годунова, дядей Б.Ф. Годунова и царицы Ирины – этот далеко не самый значимый монастырь был окружён особой заботой царской четы и исключительно влиятельных Годуновых, а его настоятель впервые в истории обители стал архиереем. Об этом см.: [*Баталов*, 1987; *Усачёв*, 2018а].

стоятельные постриженики в обители нередко проживали с максимальным комфортом, располагая просторными кельями (порой несколькими) и «своими старцами» (по сути, слугами). Достаточно вспомнить Послание Ивана IV в Кириллов (1573 г.), в котором он осуждал аристократов за не слишком аскетический образ жизни в обители. Однако трудно себе представить принявшего постриг кн. Бельского, кн. Мстиславского, кн. Воротынского, кн. Шуйского, Шереметева или Захарьина-Юрьева, лично покупающего или продающего за несколько десятков алтын яблоки, зерно, баранов, ведущего длительную тяжбу с мелким вотчинником или взимающего недоимки в несколько алтын с монастырских крестьян[53]. Это было уделом лиц более низкого статуса в миру[54]. Этим, в частности, и обусловливался, на первый взгляд, парадоксальный факт: у постриженников из числа стоящих на принципиально иных ступенях социальной лестницы, но располагавших соответствующей «квалификацией» мелких и средних служилых людей, а также слуг аристократов шансов войти в монастырскую администрацию было гораздо больше, нежели у тех, кому они подчинялись в миру[55].

На Севере ситуация – как в экономическом, так и в социальном плане – была иной. С одной стороны, основные доходы крупнейшему монастырю региона – Кирилло-Белозерскому – приносило сельское хозяйство. Обитель располагала весьма крупной вотчиной, основу которой составляло 25304 четвертей пашенной земли (в одном поле). Её первоначальное ядро находилось на территории Белозерского края, в котором располагались владения изрядно размножившихся потомков местных князей и прочих вотчинников. В результате покупок и вкладов обитель Кирилла приобрела владения и в иных регионах – в Центре страны, а также в Поморье[146]. С другой, в силу того что климатические условия Русского Севера в меньшей степени благоприятствовали земледелию, в структуре доходов обители важное место занимали промыслы. Среди них выделялись добыча и продажа соли, рыбный промысел, а также торговля [*Никольский*, 1910: 110–139, 228–239]. Согласно подсчётам А.Х. Горфункеля, эти промыслы к концу XVI в. в монастырскую казну могли приносить более 80% денежного дохода (значительную часть общего дохода составляли продукты сельского хозяйства). В XVII столе-

[53] К числу отмеченных выше сравнительно немногочисленных исключений из этого правила можно отнести Порфирия (в миру – кн. Петр Иванович Барбашин-Шуйский), который упоминается среди соборных старцев Троицы под 1570/71 г. и 20 апреля 1571 г. Впрочем, о конкретных функциях, которые он выполнял в обители, известные нам источники ничего не сообщают. Возможно, он, не являясь ни строителем, ни келарем, ни казначеем, выполнял представительские функции.

[54] Судя по всему, аналогичным образом дело обстояло и в женских обителях. Как правило, самые знатные постриженицы суздальского Покровского и московского Новодевичьева монастырей управленческой рутиной не занимались. О составе и функциях соборных стариц женских обителей см.: [*Усачёв*, 2021б].

[55] Например, известно, что келарь Троицы первой четверти XVI в. Нифонт в миру являлся холопом одного из кн. Ряполовских. Феодосий (в будущем – хутынский игумен и новгородский владыка) в прежней жизни служил боярину С.И. Воронцову. Волоколамский игумен, а позднее казанский архиепископ Гурий (Руготин) в миру являлся слугой кн. Ивана Пенкова (он непосредственно управлял хозяйством этого потомка ярославских князей).

[56] Подробнее о земельных владениях обители Кирилла см.: [*Никольский*, 1910: 1-110; *Копанев*, 1951; *Горфункель*, 1963; *Дмитриева*, 2003].

тии только солеварение, дававшее ежегодно десятки тысяч пудов соли в год (сумма от её продажи достигала 8 тыс. руб.), приносило свыше 50% всех монастырских доходов [*Горфункель*, 1956: 8]. Менее заметным, но тоже достаточно прибыльным был рыбный промысел. Так, доходы Кириллова в 1620 г. только с умбских ловель от продажи сёмги составили 255 руб. [*Никольский*, 1910: 239].

Оценивая значение промыслов для хозяйственной жизни этого монастыря, следует учитывать, что при всей их значимости у одной из главных обителей страны были и иные важные источники. Помимо упомянутой выше огромной вотчины немалые средства приносили порой очень значительные вклады. От старицкого кн. Владимира Андреевича монастырь получил не менее 575 руб., от Колычевых – 735 руб., от кн. Воротынских – 1370 руб., от кн. Палецких –1425 руб., от Хабаровых – 1450 руб., от Шереметевых – 1864 руб. 40 алтын. Вклады государей были, конечно, ещё значительнее: от Ивана IV – не менее 28,201 руб. (в среднем ежегодно он жертвовал монастырю 850 руб.), от Фёдора Ивановича – не менее 2,183 руб. 11 алтын, от Бориса Годунова – не менее 2,276 руб. с полтиной и 2 алтына. Всего от русских государей за XVI – первую четверть XVII в. монастырь получил не менее 34,645 руб. С учётом прочих вкладов с середины XVI в. по первую четверть XVII в. включительно Кириллов получил не менее 79,358 руб. 6 алтын и 2 деньги (т. е. примерно по 1 тыс. руб. в год) [*Никольский*, 1910: 167–170, 174, 178–180, 186]. По сути, обширные земельные владения и вклады являлись материальным выражением весьма высокого статуса обители, который определялся как общерусским почитанием Кирилла Белозерского, так и давними связями с двором русского государя. У иных обителей, расположенных на Севере, возможности были иными.

Спасо-Прилуцкий монастырь в отличие от обителей Кирилла, Иосифа и тем более Сергия не мог похвастать значительными земельными владениями, которые к тому же располагались бы в различных регионах страны. Почти все его владения были сконцентрированы на территории Вологодского уезда[147]. В конце XVI в. речь шла о 1772 четвертях пашенной земли (в одном поле) [*Черкасова*, 2022: 25]. В силу этого промыслы (прежде всего, добыча и реализация соли) в структуре его хозяйства играли гораздо более заметную роль нежели в хозяйстве Кириллова, располагавшего очень значительными земельными владениями. В конце XVI-XVII в. варницы прилуцкой обители в Тотьме давали от 14,5 до 33 тыс. пудов соли ежегодно, сольвычегодские варницы – от 3 до 10 тыс. пудов, унские – до 27,8 тыс. в год. К началу XVII в. монастырь в Вологде продавал 21–22 тыс. пудов соли ежегодно. В разные периоды вологодская соляная торговля приносила прилуцкому монастырю до 80% доходной части годового бюджета. Монастырь активно занимался и торговлей хлебом. Так, только в 1600 г. он отправил для продажи в Холмогоры 1440 четвертей хлеба [*Прокофьева*, 1959: 28, 29, 51–56, 83, 89, 91] (также см.: [*Черкасова*, 2022: 75–135]).

[57] О размере и географии владений прилуцкой обители см.: [*Дадыкина*, 2011: 379-381; *Черкасова*, 2022: 17-29].

Активное участие в добыче соли и торговых операциях от монастыря требовали налаживания соответствующей транспортной инфраструктуры, которая бы связывала основной массив земель, расположенных вокруг Вологды, с соляными варницами в Соли Вычегодской, Тотьме и на беломорском побережье в Уне. Налаживая её, власти обители активно использовали главное географическое преимущество обители – расположение в самом центре главной торговой артерии страны (на Сухоно-Двинском пути) [*Дадыкина*, 2016: 125, 126; *Черкасова*, 2022: 136–147]. Целый ряд шагов, направленных на создание соответствующей инфраструктуры, предпринимали и власти других монастырей (например, Спасо-Каменного) в этом регионе [*Адаменко*, 2016].

Экзистенциальная значимость соляного промысла для прилуцкой обители определялась не только сравнительно небольшим размером земельных владений, но и ограниченностью иного источника доходов – вкладов. Их размер был несопоставим с тем, что получали обители Иосифа, Кирилла и тем более Сергия. Если для них вклады в несколько десятков рублей («стандартным» являлся вклад в 50 руб. на вечное поминание) являлись нормой, нередки были и более значительные вклады, исчисляемые сотнями рублей, то возможности вкладчиков прилуцкой обители были существенно скромнее. Спасо-Прилуцкий монастырь – далеко не самая значимая обитель страны – находился относительно далеко от столицы в регионе, располагавшем далеко не самой многочисленной и богатой служилой корпорацией. Круг вкладчиков в основном ограничивался местными жителями различного, как правило, не самого высокого статуса[58]. Соответствующим был и размер вкладов – 2, 3, 5 руб. 30 алт. 5 денег, 2 руб. 6 алт. 4 деньги, 1 угорский золотой (последний сразу же был продан монастырскими властями за 40 алтын) [Вотчинные хозяйственные книги… 1979: 325, 326, 330, 331]. Конечно, как и прочие обители, в XVI-XVII вв. прилуцкая являлась одним из многочисленных «государевых богомолий» [*Черкасова*, 2022: 218–225]. Однако её близость к двору и размер даваемых государями вкладов были несопоставимы с крупнейшими обителями. Так, если вклады Ивана IV в Троицу или Кириллов исчислялись многими тысячами рублей, то прилуцкий монастырь от него получил лишь 266 руб. [*Никольский*, 1910: 159]. Невелик и вклад царя Б.Ф. Годунова «на брацкий корм» – 10 руб. [Вотчинные хозяйственные книги… 1979: 359]. Удельный вес вкладов в структуре доходов монастыря наглядно демонстрирует его приходо-расходная книга 1601/02 г.: если поступления с вологодской соляной торговли достигали 53% (1182 руб.) от общей суммы поступлений, то вклады – лишь 5,9% (132 руб.) [*Прокофьева*, 1959: 91].

Располагая сравнительно небольшой вотчиной и получая не самый значительный доход от вкладов, монастырь был вынужден в первую очередь полагаться на реализацию соли. Роль торговли в жизни монастыря была настолько велика, что в его хозяйственных документах на протяжении целого

[58] К числу немногих случаев связи прилуцкой обители со значимыми представителями столичной элиты можно отнести установление корма по кн. Андрее Шуйском, а также вклад кирилловского старца Феодорита (Шереметева) (1 угорский золотой) [Вотчинные хозяйственные книги… 1979: 304, 326].

ряда лет существовала сравнительно редко встречающаяся в подавляющем большинстве прочих обителей должность – «купчина»[59]. Речь шла о лице, которое, не будучи «профессиональным купцом», по поручению монастырской администрации выполняло функции, по выражению А.А. Введенского, «торгового агента» и «коммерческого руководителя» [*Введенский*, 1962: 258, 267][60]. В источниках прилуцкой обители «купчина» соседствует с келарем и казначеем. Нередко казначей и являлся «купчиной»[61]. Судя по характеру упоминаний, «купчина» или «казначей-купчина» являлся одним из наиболее значительных соборных старцев в обители, как правило, занимая в их перечнях 3-е место после игумена и келаря [Вотчинные хозяйственные книги… 1979: 116, 137, 235, 293, 306, 320, 321, 351 и др.; *Черкасова*, 2022: № 41]. Спектр функций «купчины» был достаточно широк. Наряду с торговыми сделками он принимал участие и в выдаче кредитов монастырским крестьянам [*Дадыкина*, 2011: 20].

Весьма значимую роль промыслы – в первую очередь солеварение и рыбный – играли и в жизни иных обителей, находящихся в этой же климатической зоне, в частности, Спасо-Каменного монастыря [*Адаменко*, 2006: 234; *Адаменко*, 2008: 16–17]. Расположенному на Северо-Востоке страны устюжскому Троицко-Гледенскому монастырю солеварение в XVII в. приносило от 30 до 50% всех доходов от продажи монастырской продукции [*Лохтева*, 1958: 104, 105].

Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря имела свою специфику. Она определялась географическими особенностями Поморья. На его территории по климатическим причинам земледелие не являлось основным источником доходов населения[62]. В отличие от обителей Севера и особен-

---

[59] Известны единичные, явно не идущие в сравнение по своей частоте с источниками прилуцкой обители, упоминания «купчин» и иных монастырей, и архиерейских домов. Под 1455-1462 гг. упоминается троицкий купчина-старец Макарий, а под 1461-1466 гг. неназванные троицкие «купчины» [АСЭИ, 1952: № 266, 297]. Во второй половине XV в. упоминаются «купчины» и в Кириллове [АСЭИ, 1958: № 133, 203, 271]. Под 1550/51 г. в столичном Симоновом монастыре среди соборных старцев фиксируется «купчина старец» Иона [АФЗХ, 1983: № 101, 102]. В грамоте с прочетом Ивана IV (август 1564 г.) упомянут «купчина» (правда, явно светское лицо) митрополита Афанасия, который «на ста телегах [зимой на возах. – А.У.] … с митрополичьим хлебом и с солью и со всяким митрополичим запасом» мог беспошлинно передвигаться по стране. При этом уточнено, что речь идёт о вполне «штатной» должности среди митрополичьих слуг («…его купчину Иванка Карпова сына Мешкова ржевитина **или хто по нем иной купчина будет**») [АФЗХ, 1961: Дополнения. № 1, 2] (выделено нами. – А.У.). Очевидно, что в XVI в. лишь продолжалась намеченная не позднее середины XV в. тенденция к участию в торговле (в т. ч. и внешней) Митрополичьего дома (об этом, например, см.: [АСЭИ, 1964: № 10; *Сыроечковский*, 1935: 99]). Новгородский Дом Св. Софии в XVI в. также располагал «купчиной» (в этой роли выступало светское лицо) [*Греков*, 1914: 86].

[60] Подробнее о семантической нагрузке термина «купчина» в источниках XVI-XVII вв. см.: [Перхавко, 2012: 175-178].

[61] Под 1579-1581 гг. в обители упоминается «купчина-казначей» Кирилл, под 1594-1596 гг. – «купчина-казначей» старец Дорофей [*Колычев*, 1925: № 173; Вотчинные хозяйственные книги… 1979: 137, 320, 321; Каталог, 1992: № 269, 270, 323, 372]. Под 1605 г. упомянут казначей-купчина Елинарх, под 1620-1622 гг. – Иосиф, под 1659-1662 гг. – Никон [*Дадыкина*, 2011: № 64, 81, 83, 85, 152, 153; *Черкасова*, 2022: № 76].

[62] Об этом, например, см.: [*Пугач*, 2022]. Очевидная географическая и хозяйственная специфика Поморья с присущей ему «земледельческо-промысловой ориентацией крестьянского хозяйства», отличающей его от основной территории страны, даже даёт основания исследователям «рассматривать Поморье как самостоятельную географо-экономическую единицу». Если в южных и центральных районах Поморья (Тотемский, Устюжский, Вольвычегодский уезды и Устьянские волости) сельское хозяйство играло существенную роль, то в северной его части преобладали промыслы [*Швейковская*, 1997: 7-8].

но Центра Соловецкая по географическим причинам не могла полагаться на сельское хозяйство. Если в Троице-Сергиевом и Иосифо-Волоколамском монастырях промыслы служили дополнением к доходам от земледелия, в Кирилло-Белозерском и Спасо-Прилуцком – одним из основных источников доходов (в случае с прилуцким монастырём – главным), то в Соловецком – по сути, единственным надежным источником существования[63]. Так, в 1620/21 г. промыслы давали монастырю 78% всех доходов (11026,37 руб.). Главным, хотя и не единственным, промыслом являлась добыча и реализация соли. В 1620/21 г. она давала ок. 87% (9590,94 руб.) от всех доходов с промыслов и ок. 68% от общего дохода монастыря [*Иванов*, 2005: 135]. При всей значимости для монастыря иных источников доходов – рыбного промысла[64], производства товаров монастырскими ремесленниками, добычи железа и речного жемчуга, обработки не слишком значительной монастырской пашни – они носили вспомогательный характер [*Савич*, 1927: 93–169, 206, 214, 216]. Впрочем, следует отметить, что заметным источником были и вклады (особенно на пострижение). Порой их доля в структуре доходов доходила до $^1/_6$. Однако поступления от них заметно уступали доходам от промыслов, дававшим до 60% и более общего дохода [*Савич*, 1927: 219; *Борисов*, 1966: 89–90]. Правда, самые крупные вклады пришлись на последнюю четверть XVI в.: в последние годы правления Ивана IV монастырь получил их на общую сумму в 5020 руб., от царя Фёдора –1,5 тыс. руб., от Бориса Годунова –1665 руб. [*Борисов*, 1966: 90].

Ежегодно Соловецкий монастырь добывал многие десятки тысяч пудов соли. Например, одно из крупнейших усолий – Лямецкое – давало монастырю 15460 (1594 г.), 22006 (1596 г.) и 19705 (1598 г.) пудов соли в год [*Савич*, 1927: 130]. К концу XVI в. валовое производство соли на всех соловецких варницах составляло не менее 200 тыс. пудов [*Борисов*, 1966: 87]. Варницы и дворы для хранения соли покупались, а также поступали в обитель Зосимы и Савватия в виде вкладов от зажиточных жителей Поморья [*Савич*, 1927: 135 и др.]. Порой старцы добывали для монастыря соль с тех варниц, которыми они владели в миру. Так, например, в 1571–1574 гг. «дал старец Ферапонт, золотицкой приказщик, двадцать три рубли, соль продал на Колмогорах **своей вари**» (выделено нами. – *А.У.*). Аналогично в это же время поступил и старец Гурий, дав монастырю 20 руб. за проданную соль «своей вари» [Приходо-расходные книги…, 2013: 40, 43].

Добытая монастырем соль поставлялась как на Север, так и в Центр страны и на Северо-Запад. В процесс добычи и транспортировки соловецкой соли были вовлечены многие сотни жителей Русского Севера. Только через Вологду в 1583 г. было продано 42205 пудов соли за 4042 руб. 27 алтын 4 деньги, в 1584 г. – 55662 пуда за 3900 руб. 21 алтын 3 деньги, в 1605 г. – 134060 пудов за 6975 руб. 22 алтына 5,5 денег [*Савич*, 1927: 142–143, 146–148]. К XVII в. Соловецкий монастырь реализовывал

[63] Об особенностях адаптации монастырского хозяйства к климатическим особенностям Русского Севера, например, см.: [*Шамина*, 2006; *Дадыкина*, 2019; *Никонов*, 2020].

[64] О некоторых других промыслах (прежде всего, рыбном) Соловецкого монастыря, связанных с освоением бескрайних просторов Поморья, а также Новой земли, см.: [*Савич*, 1927: 198-206; *Никонов*, 2020: 121, 122, 124, 129, 130, 239-241 и др.].

в Вологде объём соли, который был сопоставим с тем, что поставляли на вологодский рынок Строгановы (например, в 1615 г. они доставили в Вологду 157660 пудов [*Введенский*, 1962: 266]). В Вологде иноки Соловецкой и некоторых других обителей (особенно прилуцкой) являлись серьёзными конкурентами Строгановых. Нередко располагавшие финансовыми льготами и сетью подворий, по сути, являвшихся торговыми дворами, во многих крупных населённых пунктах Севера и Центра страны предприимчивые старцы с помощью своих «торговых агентов» реализовывали соль на территории всей страны. Согласно наблюдениям А.А. Введенского, даже богатейшие промышленники Русского Севера «именитые люди» Строгановы «уклонялись от конкуренции с монастырями». Последние имели заметные преимущества: благодаря связям в столице настоятели ряда монастырей Севера (Соловецкого, Спасо-Каменного, Спасо-Прилуцкого, Кирилло-Белозерского, Николо-Корельского, Корнильева-Комельского и Антониева-Сийского) добивались налоговых льгот на реализацию соли [*Введенский*, 1962: 265–266; *Савич*, 1927: 160; *Адаменко*, 2008: 17]. Так, благодаря хлопотам соловецкого игумена Филиппа (Колычева) монастырь в 1548 г. на несколько лет (до 1555 г.) получил право беспошлинной реализации 10 тыс. пудов соли. В 1590 г. игумен Иаков добился право беспошлинного провоза в Вологду 73 тыс. пудов соловецкой соли ежегодно [*Савич*, 1927: 160, 162].

Очевидно, что в этой ситуации фиксируемые приходо-расходными книгами многочисленные разъезды по хозяйственным делам соловецких старцев являлись, по сути, основой их хозяйственной деятельности (речь шла не только о добыче и реализации соли, но и о закупке необходимых монастырю многочисленных товаров – прежде всего, хлеба и тканей[65]). Активное участие братии в промысловом освоении едва ли не всего Русского Севера, в частности, отразилось в Уставе о монастырском платье 1553 г. В нём специально отмечены иноки, осуществлявшие «дальнюю службу» в интересах обители (в связи с очевидной необходимостью поездок в различные сезоны им полагалось по несколько шуб) [*Лобакова*, 2001: 330].

К концу XVI в. экономическая мощь монастыря уже явно не соответствовала его положению в церковной иерархии. Доходы обители, занимавшей достаточно скромное – на 1598 г. 24-е – место в иерархии, не позднее 1575 г. существенно превзошли доходы главной «кузницы» архиереев XVI в. – Иосифо-Волоколамского монастыря. В 1592 г. доход Соловецкого монастыря составлял 5083 руб. 26 алтын, в то время как серьёзно пострадавшего от нескольких волн мора на рубеже 60–70-х гг. XVI в. Иосифова – 2173 руб. 29 алтын [*Борисов*, 1966: 89, 91].

Очевидно, что в подобной хозяйственной ситуации Соловецкому и отчасти Спасо-Прилуцкому монастырям требовались соборные старцы иного типа нежели те, кто управлял огромными земельными вотчинами обителей Сергия или Иосифа. Северные монастыри в первую очередь нуждались в управленцах, способных к организации процесса

[65] Подробнее о структуре закупок обители см.: [*Иванов*, 2005: 136-145].

добычи, транспортировки и реализации соли, а также рыбы. Требовались предприимчивые старцы с деловой хваткой, знавшие основные торговые пути, располагавшие навыками найма работных людей для добычи и транспортировки соли и взаимодействия со сборщиками таможенных пошлин. Трудно сомневаться в том, что обладателей подобных столь ценных для северной обители навыков стоило в первую очередь искать не в среде служилых людей «по отечеству»[66], а среди причастных к промыслам и торговым операциям зажиточных крестьян и посадских людей Русского Севера. Из этой социальной среды выходили и монастырские слуги. Приняв постриг, они порой пополняли число соборных старцев, по сути, продолжая свою хозяйственную деятельность, но на более высокой административной ступени (об этой категории лиц, например, см.: [*Веселовский*, 1947: 231–243; *Пономарева*, 2002: 83–101; *Дмитриева*, 2003: 140–163]). Вероятно, с этим, по крайней мере, отчасти и можно связывать то, что в администрации соловецкой и вологодских обителей преобладали уроженцы этой территории, располагавшие деловой хваткой и теми навыками, которых не было у представителей «класса служилых землевладельцев» (участие в коммерческой деятельности было нехарактерно для представителей русской знати в отличие от их английских, французских или итальянских визави).

Итоги

Резюмируя, зафиксируем основные факторы, влиявшие на состав соборных старцев крупнейших русских монастырей и Освященного собора в XVI в.

1. Важную роль играл тот «социальный капитал», который к моменту пострига накапливали иноки (уход от мира в относительно раннем возрасте был сравнительно редким явлением). Речь шла не столько о статусе в миру, сколько о практических навыках, которые могли быть полезны обители. Учитывая то, что основной объём хозяйственных работ для крупнейших монастырей выполнялся за их пределами, как правило, не иноками, а зависимыми от них лицами, монастырские власти нуждались в насельниках, располагавших иными навыками. В первую очередь речь шла о лицах, имеющих опыт проведения богослужения (как правило, в этой роли выступали постриженики из среды белого духовенства), а также о тех, кто был способен управлять крупным хозяйством. Последняя группа лиц и составила ядро соборных старцев, большинство из которых коллективно управляло монастырской вотчиной (число священни-

[66] Последние, впрочем, порой также координировали деятельность промыслов, включая добычу и реализацию соли. Например, общеизвестно, что расцвет Соловецкой вотчины, основной доход которой приносил соляной промысел, был связан с фигурой игумена Филиппа (Колычева). Известны представители администрации и иных монастырей, происходящие из соответствующей среды, которые также были вовлечены в промысловую деятельность. Так, например, кирилловский соборный старец (вероятно, строитель) Александр (Сертякин) в начале 1580-х гг. координировал реализацию соли в интересах обители [АИ, 1841: № 212]. Очевидно, что речь шла о не слишком многочисленных исключениях из правила. Статус в миру подавляющего большинства лиц, которые заведовали монастырскими промыслами, был либо низок, либо неизвестен.

ков среди соборных старцев было сравнительно невелико). Взамен уже немолодые насельники получали высокий статус в обители и гарантии относительного своего будущего.

2. Важный штрих на социальный портрет насельника и соборного старца наносило своеобразие природно-климатической зоны, в которой располагался монастырь. Именно оно определяло тип хозяйствования и в конечном счёте состав лиц, управлявших монастырём. В Центре страны и отчасти на Севере основу экономики составляло сельское хозяйство; промыслы носили вспомогательный характер. В силу этого от представителей администрации Троице-Сергиева, Иосифо-Волоколамского и отчасти Кирилло-Белозерского монастырей требовались в первую очередь навыки по управлению крупными вотчинами. Такими навыками в наибольшей мере располагали иноки, происходившие из среды мелких и средних служилых людей. На Русском Севере и особенно в Поморье ситуация была иной. Промыслы – прежде всего, добыча соли и ловля рыбы, а также их продажа – там составляли основу экономики. От соборных старцев Спасо-Прилуцкого и особенно Соловецкого монастырей требовались навыки по организации промыслов, найму работных людей, транспортировке и реализации произведённых товаров. Этими навыками, как правило, располагали проживавшие на этой территории выходцы из среды зажиточных крестьян и посадских людей, жизнь которых до пострига в отличие от служилых людей скудно освещена источниками. Возможно, именно с этим и связано то, что происхождение архиереев, вышедших из обителей Севера и Поморья, как правило, неизвестно[67].

3. Состав насельников и соборных старцев определялся и типом землевладения. Если в Центре страны доминировало частное землевладение (вотчинное и поместное), то на Русском Севере преобладали чёрные и дворцовые земли. Светских землевладельцев там было намного меньше нежели в Центре. Их приток в монастыри из других регионов определялся авторитетом обители. Какая-то часть внутренних мигрантов стремилась принять постриг в тех монастырях, которые независимо от места своего расположения становились общерусскими центрами почитания значимых святых. К числу таких монастырей в XVI в. относились обитель Кирилла и с середины этого столетия – Зосимы и Савватия Соловецких. Ограниченный местными рамками авторитет вологодских святых и центров их почитания мало способствовал притоку в них значительного числа насельников из других регионов.

4. Несмотря на исключительное влияние отдельных старцев, располагавших личными связями среди представителей церковной и политической элиты, для большинства из них существовал определённый «карьерный потолок», ограничивающий возможности их восхождения

[67] Едва ли не единственным исключением из этого правила является вышедший из соловецких игуменов митрополит Филипп (Колычев). С известной долей гипотетичности можно предполагать, что из посадской среды Русского Севера мог происходить пермский епископ Иоасаф (не позднее 1562 г. – не позднее 1569 г.): его сын – Богдан Немой – после кончины отца фиксируется среди «вологжан торговых и всяких людей» [Вкладная книга… 1987: 233]. Возможно, Богдан унаследовал статус отца.

по ступеням церковной иерархии. Приняв постриг, как правило, уже в зрелом возрасте, они не имели возможности пройти многолетнюю подготовку для того, чтобы войти в узкий круг кандидатов на замещение кафедр. Исключение составляли выходцы из среды белого духовенства, «социальный капитал» которых включал в себя основные навыки, необходимые архиерею (прежде всего, знание Св. Писания и основ богослужения). Большинство же соборных старцев в монастыре, по сути, применяло полученные в миру хозяйственные навыки, становясь казначеями, «купчинами», келарями, строителями и заметно реже настоятелями.

5. Несмотря на очевидную невозможность для многих соборных старцев стать настоятелями и тем более архиереями, некоторые из них пользовались определённым влиянием (порой немалым) не только в обителях, но и за их пределами. Особый статус ряда старцев был формализован путём приглашения наиболее влиятельных из них к участию в работе главного органа церковного управления – Освященного собора. Особенности формирования монастырской иерархии, в которой ключевую роль играли близкие к великокняжескому двору обители – в первую очередь Сергия, Иосифа и Кирилла – привели к преобладанию среди данной категории участников Собора в XVI в. выходцев из среды мелких и средних служилых родов (Герасим (Ленков), Иона (Мотякин), Никодим (Брудков), Евстафий (Головкин), Мисаил (Безнин) и др.). Включение в состав Собора в последней трети – конце рассматриваемого столетия представителей вологодских и поморских обителей способствовало некоторой «демократизации» Собора с точки зрения статуса в миру его участников.

ЛИТЕРАТУРА

ААЭ. Т. 2. – СПб., 1836.

АИ. Т. 1. – СПб., 1841.

Адаменко О.Н. Сельское расселение на монастырских землях в XVII веке (по архиву Спасо-Каменного монастыря) // Сельская Россия: прошлое и настоящее (исторические судьбы северной деревни): мат. Всерос. науч.-практич. конф. (Республика Коми, с. Усть-Цильма, 10–13 июля 2006 г.). – М.; Сыктывкар, 2006. – С. 229–236.

Адаменко О.Н. Землевладение и хозяйство Спасо-Каменного монастыря в XV–XVII вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Архангельск, 2008.

Адаменко О.Н. Управление монастырскими промыслами в XVII веке: организация работы, администрирование, контроль и учёт в солеварении // Управление территориями и хозяйствующими субъектами в условиях экономической нестабильности: глобальные вызовы и механизмы развития: мат. науч.-практич. конф. Вологда, 1 декабря 2015 года. – Вологда, 2016. – С. 262–269.

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 1–4 / сост. А.В. Антонов. – М., 1997–2008.

Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, 1506–1608 гг. / сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. – М., 1998.

Акты Троицкого Калязина монастыря XVI века / сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. – М., 2007.

Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XIV-XVI вв.: Переяславский уезд. – М., 1966.

Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века. – М., 2002. (Русский дипломатарий; вып. 8).

Антонов А.В. Землевладельцы Романовского уезда по материалам писцовой книги 1593–1594 годов // Архив русской истории. – М., 2007. Вып. 8. – С. 574–601.

Арсений, иером. Доклады, грамоты и другие акты о служках Троицкого Сергиева монастыря // ЧОИДР. 1867. Кн. 3. – С. 1–95.

Арсений, иером. Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. – СПб., 1868.

АСЭИ. Т. 1. – М., 1952.

АСЭИ. Т. 2. – М., 1958.

АСЭИ. Т. 3. – М., 1964.

АФЗХ. Акты московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). – Л., 1983.

АФЗХ. Ч. 3. – М., 1961.

АЮБ. Т. 3. – СПб., 1884.

Баталов А.Л. О времени построения собора Болдино-Дорогобужского монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1985. – М., 1987. – С. 442–447.

Беликов В.Ю., Колычева Е.И. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI – начале XVII вв. // Архив русской истории. – М., 1992. Вып. 2. – С. 93–121.

Беляков А.В. Чингисиды в России XV-XVII веков. Просопографическое исследование. – Рязань, 2011.

Бенцианов М.М. Дети боярские «наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. – Екатеринбург, 2000. (Проблемы истории России. Вып. 3). – С. 241–277.

Бенцианов М.М. Служилые люди князя Юрия Дмитровского (ч. 1) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010а. № 2(40). – С. 41–55.

Бенцианов М.М. Служилые люди князя Юрия Дмитровского (ч. 2) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010б. № 3(41). – С. 55–68.

Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1–2. – М., 1909–1912.

Борисов А.М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI-XVII веках. – Петрозаводск, 1966.

Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI-XVII вв. – М., 1962.

Веселовский С.Б. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. // Исторические записки. – М., 1941. Вып. 10. – С. 95–116.

Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. – М.; Л., 1947.

Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. – М., 1969.

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. – М., 1987.

Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Книги денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря 1573–1595 гг. – М.; Л., 1978.

Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. – М.; Л., 1979.

Горфункель А.Х. Вотчинное хозяйство и крестьяне Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Л., 1956.

Горфункель А.Х. Рост землевладения Кирилло-Белозерского монастыря в конце XVI и в XVII в. // Исторические записки. – М., 1963. Вып. 73. – С. 219–248.

Греков Б.Д. Новгородский дом св. Софии. Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины. Ч. 1. – СПб., 1914.

Грицевская И.М. Старец Кирилло-Белозерского монастыря Леонид Ширшов и его книжное собрание // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. – СПб., 2014. – С. 201–224.

Грязнов А.Л. Белозерские акты XIV-XVI вв. Исследование и перечень. – Вологда, 2019.

Давиденко Д.Г. Представители рода Ступишиных в церковной жизни России XVI в. // Российская генеалогия. – М., 2016. Вып. 1. – С. 9–55.

Дадыкина М.М. Кабалы Спасо-Прилуцкого монастыря второй половины XVI–XVII в. Исследование. Текст. – М.; СПб., 2011.

Дадыкина М.М. Управляя пространством: организация Спасо-Прилуцким монастырем водных коммуникаций и их структура (XVI-XVII вв.) // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4, № 3. – С. 123–140.

Дадыкина М.М. Монастырское хозяйство и практики обращения с природными ресурсами на Русском Севере, XVI-XVII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. – М., 2019. – С. 459–463.

Дайкстра Т. Иноческие имена в Московской Руси и проблемы идентификации их обладателей (на материале источников Иосифо-Волоколамского монастыря, 1479–1607) // Именослов. Историческая семантика имени. – М., 2007. Вып. 2. – С. 238–298.

Демкин А.В. Феодальное землевладение Романовского уезда в конце XVI в. // Аграрный строй в феодальной России. XV – начало XVIII в.: сб. ст. – М., 1986. – С. 99–120.

Дмитриева З.В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI-XVII вв. – СПб., 2003.

Дмитриева З.В. Старцы-вкладчики Кирилло-Белозерского монастыря (1540–1610-е годы) // Историк и источник: сб. ст. к юбилею Сергея Николаевича Кистерева. – М.; СПб., 2018. – С. 238–255.

Зимин А.А. Колычевы и русское боярство в XIV-XVI вв. // Археографический ежегодник за 1963 г. – М., 1964. – С. 55–71.

Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV-XVI в.). – М., 1977.

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. – М., 1988.

Иванов В.И. Бухгалтерский учёт в России XVI-XVII вв.: историко-источниковедческое исследование монастырских приходо-расходных книг. – СПб., 2005.

Ивина Л.И. Эволюция состава уездного дворянства во второй половине XV – первой трети XVII в. (на примере Угличской земли) // Средневековая и Новая Россия: сб. ст. – СПб., 1996. – С. 354–367.

Каталог древнерусских грамот, хранящихся в Отделе рукописей Российской государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Вып. 1–2: 1269–1612 гг. / сост. Г. П. Енин. – СПб., 1992.

Каштанов С.М. Монастырские документы о политической борьбе середины XVI в. // Археографический ежегодник за 1973 г. – М., 1974. – С. 29–42.

Кириченко Л.А., Николаева С.В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). – М., 2008.

Кирпичников И.А. Рязанская служилая элита в конце XV – первой трети XVII века: дис. … канд. ист. наук. – М., 2021.

Киселев Е.А. Феодальное землевладение Ярославского уезда середины XVI – первой трети XVII в. по писцовым книгам: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1978.

Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI – нач. XVII в. // Русский дипломатарий. – М., 2000. Вып. 6. – С. 90–147.

Кистерев С.Н. Акты московского Чудова монастыря 1507–1606 гг. // Русский дипломатарий. – М., 2003. Вып. 9. – С. 59–234.

Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. – М., 1995.

Кобрин В.Б. Михаил Безнин – опричник, монах, авантюрист // *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избр. труды. – М., 2008. – С. 152–155.

Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. – СПб., 2004.

Колычев А.А. Сборник актов Северного края XVI-XVII в. – Вологда, 1925.

Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV-XVI в. – М.; Л., 1951.

Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. – М., 1986.

Кром М.М. Частная служба в России XVI века // Русское средневековье: Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева. – М., 2012. – С. 422–432.

Крушельницкая Е.В., Тутова Т.А. Старцы Соловецкого монастыря XVI в. по упоминаниям в грамотах ризничной коллекции и другим документам // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. – СПб., 2001. – С. 3–145.

Кузнецов В.И. Из истории феодального землевладения России (по материалам Коломенского уезда XVI-XVII вв.). – М., 1993.

Кузьмин А.В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 1. – М., 2014.

Кузьмин А.В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 2. – М., 2015.

Кустова Е.В. Мир повседневности средневекового приуральского монастыря. – М., 2020.

Лаврентьев А.В. Епифань и Верхний Дон в XII-XVII вв.: очерки истории русской крепости на Куликовом поле. – М., 2005.

Лаппо И.И. Тверской уезд в XVI в. Его население и виды земельного владения (Этюд из истории провинции Московского государства). – М., 1893.

Лобакова И.А. «Устав о монастырском платье» 1553 г. – один из неучтенных источников по истории Соловецкого монастыря времён игуменства Филиппа (Колычова) // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. – СПб., 2001. – С. 320–341.

Лохтева Г.Н. Развитие товарно-денежных отношений в вотчинном хозяйстве XVII века (по материалам Троицко-Гляденского монастыря) // УЗ МГПИ им. Н.К. Крупской. Т. LXXIV: Труды кафедры истории СССР. Вып. 5. – М., 1958. – С. 71–129.

Макарий (Веретенников), архим. Келарь Троице-Сергиевой обители – старец Адриан Ангелов // Альфа и Омега. – М., 1995. № 2 (5). – С. 117–128.

Макарий (Веретенников). Жизнь и труды святителя Макария, митрополита Московского и всея Руси. – М., 2002.

Макарий (Веретенников). Из истории русской иерархии XVI века. – М., 2006.

Митрошенкова Л.В. Малоярославецкий уезд в конце XV-XVIII вв.: историко-географическое исследование. – М., 2004.

Моисеев М.В. Землевладение служилых татар в Коломенском уезде в конце XVI в. (предварительные замечания) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 2(6). – С. 236–247.

Муравьева Л.Л. Деревенская промышленность Центральной России второй половины XVII в. – М., 1971.

Назаров В.Д. Из истории аграрной политики царизма в XVI веке // Советские архивы. 1968. № 3. – С. 106–114.

Назаров В.Д. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. III. Троицкий старец Геннадий Бутурлин // Восточная Европа в исторической ретроспективе: к 80-летию В.Т. Пашуто. – М., 1999. – С. 180–189.

Назаров В.Д. Нетитулованная знать по походному списку Двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV-XVII вв.: сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. – СПб., 2002. – С. 567–582.

Николаева С.В. Троице-Сергиев монастырь в XVI – начале XVIII в. Вклады, вкладчики, состав монашеской братии. – Сергиев Посад, 2009.

Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1, вып. 2. – СПб., 1910.

Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века. Т. 2. Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение. – СПб., 2006.

Никонов С.А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI-XVIII вв. – М.; СПб., 2020.

Описные книги старицкого Успенского монастыря 7115–1607 г. – Старица, 1911.

Опись имущества Пафнутьева Боровского монастыря, отправленного в 1608 году на сохранение в Москву // Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: Материалы изд. Имп. О-вом истории и древностей рос. при Моск. ун-те. Вып. 2: Акты времени правления царя Василия Шуйского. (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.). – М., 1918. – С. 359–363.

Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). – СПб., 1992.

Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. – СПб., 2018.

Панченко О.В. Из истории культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей в первой половине XVII в.: троицкий келарь Александр Булатников // ТОДРЛ. – СПб., 2004. Т. 55. – С. 488–507.

Перхавко В.Б. Средневековое русское купечество. – М., 2012.

Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века. Вотчинные земли. – СПб.,1999.

Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века. Поместные земли. – СПб., 2000.

Поздняков С.В. Служилая корпорация Малоярославецкого уезда и её землевладение во второй половине XVI – первой половине XVII вв. (По писцовым и переписным книгам): автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1982.

Пономарева И.Г. Слуги Троице-Макарьева Калязина монастыря // Архив русской истории. – М., 2002. Вып. 7. – С. 83–101.

Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. (Очерки истории). – СПб., 2006.

Приходные и расходные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601–1637 гг. / сост. З. В. Дмитриева. – М.; СПб., 2010.

Приходо-расходные книги Корнильева-Комельского монастыря 1576–1578 гг. // ЛЗАК. За четыре года. Вып. 5. – СПб., 1871.

Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря 1571–1600 гг. / сост. Е.Б. Французова. – М.; СПб., 2013.

Прокофьева Л.С. Вотчинное хозяйство в XVII веке: По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. – М.; Л., 1959.

ПСРЛ. Т. 26. – М., 2006.

Пугач И.В. Города Русского Севера в первой половине XVII в.: социально-экономический рейтинг // Российская история. 2022. № 1. – С. 67–86.

Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. – СПб., 1897.

Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. – М., 1899.

Романенко Е.В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. – М., 2002.

Романенко Е.В. Основатели монастырей на Руси: их социальный и образовательный статус (XIV-XVII вв.) // Монастырская культура как трансконфессиональный феномен. – М., 2020. – С. 26–41.

Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 годов / сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. – М., 1997.

Савич А.А. Соловецкая вотчина XV-XVII веков. Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем Русском Севере в Древней Руси. – Пермь, 1927.

Савосичев А.Ю. Архиерейский корпус Русской православной церкви во второй половине XV – начале XVI вв. // Novogardia. 2020. № 4(8). – С. 161–179.

Савосичев А.Ю. Архиерейский корпус Русской православной церкви в XVI в. // Novogardia. 2021 № 2(10). – С. 225–247.

Сазонова Т.В. Кирилло-Новоезерский монастырь. Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI-XVII вв. – М.; СПб., 2011.

Сборник кн. Хилкова. – СПб., 1879.

Сергеев А.В. Троице-Сергиев монастырь и княжеская аристократия Московского государства в XVI-XVII вв.: виды и динамика вкладов // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: духовное служение Отечеству: мат. IX междунар. науч. конф. 6–17 окт. 2014 г. – Сергиев Посад, 2016. – С. 132–143.

Сергеев А.В. Политическая деятельность и землевладение княжеской аристократии Московского государства XVI в.: князья Палецкие // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 3 (77). – С. 43–59.

Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии: в 2 т. Т. 1. – М., 2008а.

Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии: в 2 т. Т. 2. – М., 2008б.

Синелобов А.П. Феодальное землевладение Боровского уезда в XIV – первой трети XVII вв. – М., 2011.

Сметанина С.И. Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1982.

Смирнова Д.Д. Новгородский архиепископ Феодосий – видный постриженик Иосифо-Волоколамского монастыря // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 2 (224). – С. 66–74.

Сохраненные святыни Соловецкого монастыря. Каталог выставки. – М., 2001.

Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре, от основания оной до 1880 года. – М., 1880.

Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. – М., 2004.

Сторожев В.Н. Тверское дворянство XVII века. Вып. 1–4. – Тверь, 1891–1895.

Стрельников С.В. Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века. – М.; СПб., 2009.

Судебное дело 1520 года о Матвее Судимантове. – Калязин, 1853.

Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. – М.; Л., 1935.

Тарасов А.Е. Был ли епископ Иоасаф Вологодский игуменом Краснохолмского Антониева монастыря? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). – С. 115–119.

Тверские акты, изданные Тверской ученой архивной комиссией под редакцией Сергея Шумакова. Вып. 1: Акты 1506–1647 гг. – Тверь, 1896.

Тихомиров М.Н. Села и деревни Дмитровского края // Московский край в его прошлом. Очерки по социальной и экономической истории XVI-XIX веков. – М., 1928. – С. 5–34.

Тихомиров М.Н. Монастырь-вотчинник XVI в. // Исторические записки. – М., 1938. Вып. 3. – С. 130–160.

Усачёв А.С. Князь И.Ф. Мстиславский – забытый книжник XVI в.? // Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. Серия «Исторические науки». 2011. № 1. – С. 15–24.

Усачёв А.С. Волоколамский инок Кассиан Босой (ок. 1439–1532 гг.) и его современники // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2(48). – С. 61–74.

Усачёв А.С. Ещё раз о книгах князей Воротынских в XVI в. // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости»: друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина: сб. ст. – М., 2014а. – С. 331–340.

Усачёв А.С. «Старость глубокая» в XIV-XVI вв.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014б. № 1(55). – С. 58–68.

Усачёв А.С. Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // Российская история. 2017. № 5. – С. 97–113.

Усачёв А.С. Вологодский епископ Антоний и Русская Церковь в период борьбы за власть при дворе в середине 1580-х гг. // Российская история. 2018а. № 6. – С. 136–146.

Усачёв А.С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1. – М.; СПб., 2018б.

Усачёв А.С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 2. – М.; СПб., 2018в.

Усачёв А.С. Переславский штрих к биографии митрополита Афанасия (1564–1566) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2(80). – С. 33–45.

Усачёв А.С. Феодосий Вятка – духовник Ивана Грозного: портрет на фоне эпохи // Вестник архивиста. 2021а. № 1. – С. 11–23.

Усачёв А.С. Соборные старицы русских монастырей XVI в. // Исторические записки. – М., 2021б. Вып. 20(138). – С. 21–33.

Усачёв А.С. «Честные и благородные люди» в Русской церкви XV-XVI вв. Особенности самоидентификации // Диалог со временем. – М., 2021 в. Вып. 77. – С. 314–326.

Усачёв А.С. Писцы рукописных книг и внутренние миграции в России XVI века // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2020. – М., 2021 г. Т. 10. – С. 146–197.

Усачёв А.С. Епископат и военно-служилая знать в России XVI в. // Российская история. 2022а. № 4. – С. 3–17.

Усачёв А.С. Происхождение списка Апостола 1570 г. и руководители Русской Церкви XVI в. // История. 2022б. Т. 13, вып. 8 (118) [Электронный ресурс]. URL: https://history.jes.su/S207987840022649–2-1 (дата обращения: 28.04.2023).

Усачёв А.С. Рязанский епископ Иона (1522–1547) и церковная элита в России XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022в. № 2 (88). – С. 60–75.

Усачёв А.С. Летописный рассказ о поставлении на митрополию Симона в 1495 г. и особенности формирования русской церковной элиты // История. 2023. Т. 14, вып. 6 (128). [Электронный ресурс]. URL: https: //history.jes.su/S207987840027127-8-1 (дата обращения: 06.11.2023).

Фомин Н.К. Социальный состав землевладельцев Суздальского уезда // Россия на путях централизации. – М., 1982. – С. 89–94.

Французова Е.Б. Соловецкие иноки в Троице-Сергиевом монастыре в конце XVI – начале XVII века // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). – С. 255–270.

Целуйкина Е.С. Состав Собора и функции соборных старцев Иосифо-Волоколамского монастыря на основании хозяйственных книг начала XVII века // История: факты и символы. 2020. № 3(24). – С. 56–71.

Целуйкина Е.С. Младшие слуги в системе монастырского управления начала XVII в. (на примере Иосифо-Волоколамского монастыря) // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 2. – С. 159–166.

Целуйкина Е.С. Состояние бюджета Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI – начале XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 3. – С. 143–163.

Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV-XVI вв. – М., 1996.

Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI-XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). – М., 2004.

Черкасова М.С. Сельское население Вологодского уезда в конце XVI – первой половине XVII века (системы учёта, типы источников, уровни анализа) // Северо-Запад в аграрной истории России. 2013. № 20. – С. 36–52.

Черкасова М.С. Троицкое монашество XIV-XVII вв.: численность и антропонимия // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. – Сергиев Посад, 2020. – С. 111–123.

Черкасова М.С. Спасо-Прилуцкий монастырь в XVI-XVII вв.: экономика, демография, культура. – Вологда, 2022.

Чернов С.З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в.: структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. – М., 1998.

Шамина И.Н. Из истории вологодских монастырей XVI-XVII века (состав насельников) // Отечественная история. 2003. № 1. – С. 141–154.

Шамина И.Н. Рыболовство в монастырских вотчинах Севера в XVI-XVII веках // Сельская Россия: прошлое и настоящее (исторические судьбы северной деревни): мат. Всерос. науч.-практич. конф. (Республика Коми, с. Усть-Цильма, 10–13 июля 2006 г.). – М.; Сыктывкар, 2006. – С. 213–221.

Шамина И.Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701–1702 годов // Вестник церковной истории. 2010. № 1–2 (17–18). – С. 17–107.

Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. – М., 1997.

Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: Северная деревня конца XVI – начала XVIII века. – М., 2011.

Шокарев С.Ю. «... Бил челом игумену и старцом написати отца в сенаник повседневной». Поминовение Малюты Скуратова и семьи Бельских в Иосифо-Волоколамском монастыре // Canadian-American Slavic Stidies. 2023. Vol. 57. № 1–2. P. 140-168.

Шокарев С.Ю. Коммеморативные практики князей Воротынских в XVI-XVII вв. // Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Вологда – Кириллов, 10–12 сентября 2021 г.). Вып. 2. – Вологда, 2022. – С. 5–22.

Юрганов А.Л. О стародубском «уделе» М.И. Воротынского и стародубских вотчинах в завещании Ивана Грозного // Архив русской истории. – М., 1992. Вып. 2. – С. 34–70.

Dykstra T.E. Russian Monastic Culture: «Josephism» and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607. Munchen, 2006.

Dykstra T.E. Consensus Politics in a Microcosm of Muscovite Society: The Role of Igumen and Elders in Monastic Administration // Die Welt der Slaven. 2008. Vol. 53, № 1. P. 39–59.

Miller D. Saint Sergius of Radonezh, His Trinity Monastery, and the Formation of the Russian Identity. DeKalb, IL, 2010.

Spock J.B. Community Building and Social Identity: Donations to the Solovki Monastery 1460–1645 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2007. Bd. 55, H. 4. S. 534–565.

Usachev A.S. Principles of Staffing the Church Elite in Russia in the 16th Century: The Episcopate // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92, Suppl. 10. P. S991-S998.

Ещё раз о проекте создания Исторического музея в Ленинграде (1939–1941 гг.)

В.Г. Ананьев, М.Д. Бухарин

Аннотация. *В статье на основании архивных материалов, прежде не привлекавших внимания исследователей, рассматривается история организации в Ленинграде в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Исторического музея на базе собраний Исторического отдела Государственного музея этнографии и академического Музея истории науки и техники. Показано, как в итоге проект организации самостоятельного музея по истории России трансформировался в проект создания отдела по истории русской культуры при более крупном музее, в результате чего был создан Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа. Отмечается активная роль, которую сыграл в продвижении проекта Исторического музея директор Государственного музея этнографии Е.А. Мильштейн. Охарактеризовано участие в обсуждении основных акторов, в том числе АН СССР.*

Ключевые слова: *музей, исторический музей, Государственный музей этнографии, Государственный Эрмитаж, Е.А. Мильштейн, М.З. Крутиков.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.020

Как было показано в нашей статье, опубликованной в предыдущем томе «Трудов Отделения историко-филологических наук», в 1940 г. Академия наук СССР принимала довольно активное участие в обсуждении проекта создания в Ленинграде специализированного исторического музея, посвящённого прошлому СССР. В основе фондового собрания музея должны были лежать коллекции расформированного Историко-бытового отдела Русского музея (далее – ИБО) и так и не открытого для публики Музея истории науки и техники АН СССР. Проект, продвигавшийся Е.А. Мильштейном, директором Государственного музея этнографии (далее – ГМЭ), в состав которого и были влиты собрания Историко-бытового отдела, в итоге не был реализован. В апреле 1941 г. на базе намечавшихся в основу Исторического музея предметов был организован Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа [*Ананьев, Бухарин*, 2022].

В обобщающей работе по истории крупнейшего музея России об этом говорится следующим образом: «По воспоминаниям старейшего сотрудника Отдела истории русской культуры В.М. Глинки, ранее долгое время работавшего в ИБО, он вместе с сотрудниками этого отдела М.З. Крутиковым и В.В. Хольцовым обратился к директору Эрмитажа И.А. Орбели с предложением принять в состав музея все коллекции ИБО. И.А. Орбели понял всю серьёзность положения и в свою очередь обратился к Председателю Комитета по делам искусств с просьбой включить ИБО в Эрмитаж и создать на его базе новый отдел – истории русской культуры <...> 26 апреля 1941 года по Государственному Эрмитажу был издан приказ, подписанный директором музея академиком И.А. Орбели: “Во исполнение приказа Председателя Комитета по делам искусств при Совете

Народных Комиссаров Союза СССР в Государственном Эрмитаже создаётся отдел истории русской культуры (ОИРК), охватывающий историю России и русскую культуру от образования славянского государства до 70-х годов XIX века (основание: докладная записка директора Эрмитажа от 26 января 1941 года и телеграмма Председателя Комитета от 3 апреля 1941 года)”» [*Комелова*, 1990: 256, 252].

Примерно так же описывается эта история и в опубликованных относительно недавно воспоминаниях самого В.М. Глинки. В них говорится, что рост исторической экспозиции в ГМЭ вызвал недовольство этнографов, «которые за два года не открыли ни одной новой выставки», директору музея (названному Е.Г. Мильштейном) рост отдела тоже «не показался желательным», тем более что этому начинанию благоволил его репрессированный предшественник. В итоге, в конце 1940 г. М.З. Крутиков и В.В. Хольцов составили записку, в которой «хитроумные авторы» и предложили организовать при Эрмитаже Отдел истории русской культуры на основании коллекции Исторического отдела ГМЭ. Директор Эрмитажа И.А. Орбели охотно согласился с этой инициативой, т. к. она позволяла «выжить» из Зимнего дворца располагавшийся там Музей революции, с которым Эрмитаж вёл давнюю борьбу за площади. В итоге: «Новая докладная записка оказалась на письменном столе академика и, приобщившись к докладу, была отвезена в Москву. Скоро оттуда пришёл приказ о создании нового отдела и переводе его в Эрмитаж» [*Глинка*, 2022].

Материалы, сохранившиеся в Архиве Российского этнографического музея, позволяют несколько скорректировать и уточнить предложенный мемуаристом рассказ, проследить предысторию как решения о создании на базе коллекций Исторического отдела ГМЭ Отдела истории русской культуры Эрмитажа, так и активного включения в процесс обсуждения проекта Исторического музея Академии наук в 1940 г. Эти материалы охватывают хронологический промежуток с весны 1939 г. до весны 1941 г., ярко демонстрируют состав участников процесса обсуждения проекта, использовавшуюся аргументацию и причины, которые привели к сворачиванию планов создания отдельного Исторического музея. Как представляется, прежде эти материалы не вводились в научный оборот, хотя история, о которой они рассказывают, может быть интересна не только в контексте истории музейного дела в России, но и для более объёмного представления об истории исторической науки рассматриваемого периода в её академическом и музейном измерениях.

Как следует из документов, отложившихся в Архиве Российского этнографического музея, директор ГМЭ Е.А. Мильштейн уже в начале 1939 г. начал активную кампанию по поиску авторитетных сторонников идеи создания специализированного исторического музея в Ленинграде. С учётом того, что все соответствующие бумаги содержали его подпись, а сама кампания явно требовала от него активной вовлечённости, едва ли можно полагать, что он был простым исполнителем планов руководителей Исторического отдела. Поиски союзников велись по двум направлениям: как в лагере экспертов-специалистов, так и среди представителей государственной власти.

Первоначально, вероятно, Е.А. Мильштейн рассматривал в качестве возможного сценария создание музея как части системы АН СССР, что было достаточно логичным, т. к., с одной стороны, часть предметов, планируемых в основу фонда, восходила к академическому музею по истории науки и техники, а, с другой стороны, в Ленинграде уже был исторический музей (Музей антропологии и этнографии), находившийся в ведении именно АН СССР.

Уже 2 февраля 1939 г. из ГМЭ в Институт истории АН СССР было направлено письмо с просьбой способствовать рассмотрению вопроса о создании Исторического музея в Ленинграде на заседании Президиума АН СССР (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 749. Л. 27. Далее при цитировании этого дела указываются только листы). Институт соответствующее предложение Президиуму направил (Л. 2, 28), но, не имея из Москвы никаких вестей, Е.А. Мильштейн решил подстраховаться и 24 апреля 1939 г., воспользовавшись поездкой на заседание Президиума АН СССР академика В.В. Струве, директора академического института/музея этнографии, обратился ещё и к нему с просьбой поставить вопрос о музее перед Президиумом (Л. 2). Е.А. Мильштейн не знал, что к этому моменту вопрос уже был рассмотрен в Академии.

Ещё 10 марта 1939 г. в Секретариат АН СССР была направлена записка Академика-секретаря Отделения истории и философии АН СССР видного советского философа академика А.М. Деборина, сопровождавшая пересланные оттуда материалы по организации исторического музея. Академик-секретарь, в целом поддерживая проект и считая целесообразной его поддержку Президиумом, вместе с тем отмечал, что сам лично не считает «целесообразным, чтобы Академия Наук организовала в настоящий момент такой Музей в своей системе. Основные учреждения АН, согласно решению Правительства, должны быть сосредоточены в Москве. Перед АН стоит остро вопрос о переводе ряда академических учреждений из Ленинграда в Москву. При этих условиях организация большого нового Музея в Ленинграде представляется нецелесообразным» (Л. 1). При этом против передачи музею, при какой бы структуре он не был организован, материалов по истории науки и техники, находящихся в распоряжении Академии, А.М. Деборин не возражал. В ГМЭ эта записка поступила только в июне 1939 г., но фактически уже в начале марта этого года планы организовать музей в структуре АН СССР были отвергнуты. От Академии оставалось ждать лишь «идейной» поддержки. Основной акцент следовало сделать на получение поддержки со стороны государственных властей и партийных органов. И здесь Е.А. Мильштейн также развил весьма бурную деятельность.

26 апреля 1939 г. датируются сразу два документа за его подписью, связанные с проектом Исторического музея. Во-первых, им совместно с секретарем Партбюро ГМЭ К.Ф. Кирилловской и заведующим Историческим отделом ГМЭ (собственно – базой будущего музея) М.З. Крутиковым была направлена записка о целесообразности и важности создания Исторического музея на имя секретаря Дзержинского райкома ВКП(б) т. Пономарева, с копиями председателю Ленсовета Попкову и секретарю Горкома ВКП(б) Кузнецову. Во-вторых, на имя последнего от Е.А. Мильштейна и К.Ф. Ки-

рилловской направлен был ещё и запрос о личной встрече для обсуждения данного вопроса, который именовался не иначе как «важной политической задачей» (Л. 3). Принципиально вопрос о создании музея был одобрен Бюро Дзержинского райкома еще 5 января 1939 г. Наркомпрос РСФСР также не возражал, но предлагал ГМЭ самому решить этот вопрос с городскими властями, не желая вмешиваться (Л. 3, 5). Устав ждать ответа от районных властей, руководство ГМЭ решило привлечь к обсуждению проекта и городские.

Понимая необходимость доказывать актуальность идеи создания нового музея в условиях, когда не без труда приходилось добывать средства на содержание уже существующих, авторы записок апеллировали к новой политике в отношении исторической науки и прошлого страны, провозглашённой ещё в 1934 г. постановлением о преподавании гражданской истории в школах. «Исторический доклад» Сталина на XVIII съезде ВКП(б) (1939 г.) и вовсе содержал утверждения о том, что подлинный «ленинец должен живо интересоваться судьбой своей страны, должен быть знаком с законами общественного развития» (Л. 5). Непосредственную помощь в этом знакомстве призван был оказывать «Краткий курс истории ВКП(б)», но, как отмечали авторы записок, «углубленное изучение истории ВКП(б) требует возможно более основательного ознакомления с той исторической обстановкой, в которой зародилась и действовала большевистская партия, а равно и с теми историческими условиями, которые, в свою очередь, создали эту обстановку, т. е. с историей нашей страны в целом» (Л. 5).

Новая «культура истории», пришедшая на смену нигилистической официальной риторике 1920-х гг. в духе утрированных представлений о «школе Покровского», ставила на повестку дня вопрос преподавания и пропаганды исторических знаний – задач, в решении которых музей мог оказаться как нельзя более подходящим инструментом. Таким образом, речь шла не о том, чтобы создать ещё одно академическое учреждение, а о том, чтобы предложить делу государственной важности «незаменимое пособие», «политико-просветительное и научное учреждение, показывающее исторический процесс в живой и наглядной форме, на подлинных конкретных исторических памятниках» (Л. 5). Последнее также важно отметить, т. к. упоминание о подлинниках доказывает признание музейными работниками той важнейшей роли, которую в деле реализации просветительской функции музея играют именно музейные предметы-подлинники, что после проведения Первого всероссийского музейного съезда в декабре 1930 г. было отнюдь не общепринятой и даже не всегда разделяемой руководством музейным сектором точкой зрения. Съезд, призывавший избавиться от «музейного фетишизма» и «безыдейного вещизма», на какое-то время уравнял в статусе подлинные предметы и научно-вспомогательные материалы, иногда отдавая приоритет именно последним. Сейчас идея создания исторического музея хотя и аргументировалась важнейшим политико-просветительным значением этого начинания, но находилась в непосредственной связи с огромным фондом подлинников, которые никак не использовались и не включались в коммуникацию. Авторы записки подчеркивали, что в фондах Исторического отдела ГМЭ хранятся около 250 000 единиц, никак не используемых за

неимением места, кадров и времени, потребных для решения собственных задач ГМЭ (Л. 5). Руководство ГМЭ просило городские власти в положительном ключе решить вопрос о создании нового музея и отвести под него какое-нибудь здание с тем, чтобы дать городу «пособие для осмысления и конкретизации преподавания истории в школе», что приобретало особое звучание, «учитывая роль и значение развития исторической науки в общем культурном росте страны и значение Исторического Музея в деле исторического просвещения масс» (Л. 6).

Едва ли случайным кажется, что похожая аргументация и те же самые примеры внимательного отношения верховной власти «и лично товарища Сталина» к вопросам исторической науки (постановления начала 1930-х гг., доклад на XVIII съезде ВКП(б)) содержатся и в другой бумаге, не датированной, но вероятно относящейся примерно к тому же самому времени. Это докладная записка, направленная в ленинградский Горком ВКП(б) руководителями образовательных структур города. Она подписана заведующей Ленгороно Федоровой и директором Детской экскурсионно-туристской станции Ленгороно Богдановым. В ней также говорилось о необходимости скорейшего решения вопроса о создании исторического музея и выделении ему отдельного помещения (Л. 4–4 об.). Нет оснований сомневаться, что инициатива написания и этой записки исходила из ГМЭ.

В ней на первый план выходили те трудности, которые существовали в Ленинграде в деле увязки преподавания истории в школе и обеспечения её наглядности посредством знакомства с подлинниками музейных собраний. Центральная проблема характеризовалась следующим образом: «Значительная часть курса истории народов СССР изучается в школе “книжно”, “со слов учителя”, без привлечения музейных памятников, экскурсий (в особенности в 8-х и 10-х классах). Это происходит, в частности, потому, что ни один из ленинградских музеев не даёт материала по истории нашей страны феодального периода (до Петра I), ни один музей систематически не отражает истории народов братских союзных и автономных республик или её наиболее важных событий (за исключением конца XIX–XX века в музеях В.И. Ленина, С.М. Кирова и Революции), ни один из музеев не экспонирует тематику, связанную со всеобщей историей периодов капитализма, империализма и периода войн и пролетарских революций» (Л. 4). Авторы записки анализировали потенциальный материал, пригодный для использования при преподавании отечественной истории, таких крупнейших музеев города, как Государственный Эрмитаж, Музей революции и ГМЭ и приходили к неутешительному выводу: «Ленинград – как памятник царизма и победы пролетарской диктатуры и социалистической революции – и его пригородные дворцы-музеи используются школой, но полностью, конечно, задачи иллюстрации исторического курса решить не могут из-за ограниченных возможностей» (Л. 4 об.). Исправить ситуацию и был призван Исторический музей, который мог бы представить на подлинниках историю России с конца XVI в. и вплоть до 70-х гг. XIX в., т. е. того времени, с которого начинает изложение материала Музей революции. Новый музей не только обеспечил бы возможности для «массового проведения

экскурсий для школьников, организацию школьных кружков, самостоятельную работу преподавателей истории в музее, подготовку наглядных пособий и т. д.», но и «связал бы работу пригородных дворцов-музеев и музеев области – Пскова, Новгорода, Грузино и других. Последние получили бы в историческом музее руководящий центр и возможность взаимного обмена материалами» (Л. 4 об.). Не сомневались авторы записки и в возможности дальнейшего пополнения фондов музея за счёт передачи ему предметов из ряда «крупных центров исторических памятников» (Л. 4 об.). Проект таким образом приобретал ещё больший размах и превращался в проект создания не просто исторического музея, но подлинного методического центра своего региона.

Почему же директор ГМЭ был так заинтересован в осуществлении этого проекта? Хотя прямых доказательств тому и нет, но можно предположить, что Е.А. Мильштейн в историческом музее видел для себя гораздо более привлекательное место работы, чем то, что обеспечивал ему ГМЭ. Директор этнографом по образованию не был, он закончил Институт красной профессуры, специализируясь по истории профсоюзного движения в России начала XX в. На эту же тему в марте 1940 г. он защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском коммунистическом политико-просветительском институте имени Н.К. Крупской, где возглавлял кафедру музейного дела и краеведения. В ГМЭ он попал в 1937 г. после увольнения из Махачкалинского горкома [*Долгова*, 2020: 293–297]. Возможно, его активная работа по продвижению плана создания нового музея связана была не только с административным стремлением новоназначенного руководителя избавиться от тяжелого наследства, но и с желанием с нуля и «под себя» создать музейную структуру, тематически близкую его собственным научным интересам и лишённую той проблемной истории, которая характеризовала ГМЭ конца 1930-х гг.

Как бы то ни было, сторонники идеи создания нового музея вербовались, и теперь необходимо было сформировать благоприятное общественное мнение. Надёжнее всего было обратиться для этого к средствам массовой информации. 5 июня 1939 г. в редакцию газеты «Правда» из ГМЭ было направлено письмо под красноречивым заглавием «Ленинграду нужен исторический музей» (Л. 10). Впечатляет уже один перечень лиц, поставивших под ним подписи: директор Государственного Эрмитажа академик И. Орбели, директор Института этнографии АН СССР академик В. Струве, депутат Верховного совета РСФСР народный артист республики орденоносец Н. Черкасов, депутат Верховного совета РСФСР М. Кропачева, режиссёр орденоносец Г. Козинцев, режиссёр орденоносец Г. Васильев, заслуженный деятель искусства орденоносец Н. Акимов, зав.кафедрой истории СССР Института усовершенствования учителей В. Бернадский, директор ГМЭ Е. Мильштейн, зав. Историческим отделом ГМЭ М. Крутиков (Л. 13).

Письмо следовало всё той же логике, которая нашла отражение и в цитировавшихся выше записках. Жанр открытого письма в газету, однако, диктовал некоторую специфику. Так, более заострённо в тексте проводилась тема недопустимости того, что «история великого русского народа,

который в нашей стране играл роль “объединителя национальностей” (Сталин, “Марксизм и национально-колониальный вопрос”, стр. 10) нигде в Ленинграде не показана» (Л. 10). Давалась характеристика наиболее «звёздных» экспонатов двух развёрнутых Историческим отделом ГМЭ выставок – «Реформы Петра I и создание империи помещиков и купцов» и «Дворянская империя XVIII в. и крестьянская война под руководством Пугачева»: манифеста Петра I об измене Мазепы, «Восковой персоны», личных вещей Петра, часов, выполненных механиком-самоучкой И. Кулибиным, работ крепостных художников, подлинной курной избы XVIII в. и др. (Л. 10–11). Указывалось на диспропорцию материала выставленного и хранящегося под спудом, к которому принадлежало, например, и «единственное в СССР собрание предметов по быту рабочих дореволюционной эпохи в количестве около 15 000 номеров» (Л. 11). Отмечались недопустимые условия хранения всех этих предметов в точках, находящихся под контролем разных музеев и зачастую лишённых необходимых для хранения музейных предметов условий (Л. 12). Понимая недостаточность для письма в центральный печатный орган собственно научной и образовательной аргументации, авторы предлагали взглянуть на задачи планируемого учреждения в более широкой перспективе. Они подчеркивали: «Помимо значения Исторического Музея в деле развития исторического просвещения вообще и преподавания истории в частности, такой Музей явится базой для работы целого ряда специалистов: научных работников, преподавателей, писателей и др., в особенности же – для художников, постановщиков и артистов театра и кино. Последние найдут здесь подлинный материал, необходимый для воспроизведения исторического прошлого, отсутствие которого в настоящее время они ощущают очень остро» (Л. 12). Так, наряду с академической и образовательной ипостасями будущего музея, в письме намечена была и ещё одна, связанная с актуализацией исторического наследия посредством современного искусства, в том числе и важнейшего – кино. Это было как нельзя более уместно в годы активной мобилизации кинематографа в деле актуализации героических образов прошлого страны, приходящейся как раз на конец 1930-х – начало 1940-х гг. Актуальность проекта ещё раз подчёркивалась в заключительном параграфе письма: «Рисуя картины угнетения и эксплоатации народных масс со стороны помещиков и капиталистов, этот Музей воспитывает в зрителях чувство ненависти к угнетателям народа. Показывая тяжелое прошедшее, он, по контрасту с ним, подчёркивает светлое настоящее. Знакомя с героическим прошлым нашей родины, он воспитывает советский патриотизм, готовность под знаменем Ленина-Сталина дать сокрушительный отпор внешнему врагу, который попробовал бы посягнуть на советскую страну» (Л. 13). Музей трактовался как пространство формирования аффекта, носящего явно выраженный агрессивный характер: для центральной печати важно было подчеркнуть не только его «светлую», просветительски-академическую сторону, но и то, что он должен и может воспитывать в своих посетителях чувство ненависти, готовность к самопожертвованию, поддерживать образ внешнего врага, а, значит, мобилизовывать общество.

Забегая вперед, скажем, что план привлечь в союзники центральный орган провалился. Когда 1 июля 1939 г. из ГМЭ в «Правду» было направлено ещё одно письмо, уточнявшее, когда же будет опубликовано первое, по разъяснениям, полученным Е.А. Мильштейном при его личной передаче, намеченное к печатанию около 15 июня (Л. 33), ответ на него оказался неутешительным. 5 июля 1939 г. «литсотрудник отдела писем “Правды”» сообщала «т. Мильштейну» кратко и чётко: «Сообщаем, что использовать ваше письмо в печати не смогли» (Л. 34).

Но это будет известно только в июле. В мае же ГМЭ в лице неутомимого директора продолжал вербовку сторонников. 9 мая 1939 г. обращение в Ленинградский горком ВКП(б) с поддержкой идеи создания Исторического музея было составлено в Ленинградском отделении Института истории АН СССР. И. о. зам. директора института С.Н. Валк и учёный секретарь У.А. Шустер вновь вспоминали о тех требованиях, которые партия и правительство предъявляют советской исторической науке, и сообщали, что руководимое ими учреждение всецело поддерживает инициативу ГМЭ по созданию «крупного и самостоятельного Исторического музея, который служил бы важнейшим пособием для изучения истории нашей родины» (Л. 14). 17 мая в Ленинградский горком ВКП(б) было направлено развёрнутое письмо из ГМЭ, суммировавшее и дополнявшее уже известную аргументацию (Л. 16–23).

Уже история обсуждавшихся коллекций трактовалась в этом письме как пример острой политической борьбы: «По инициативе бывшего директора Русского музея художника Гурвича, заботившегося только о расширении своего, художественного, музея, хотя бы ценою ликвидации не менее важного исторического, совокупными усилиями бывшего наркома по просвещению Бубнова и некоторых работников Ленсовета, разоблачённых впоследствии как враги народа (Кадацкий, Каспаров), – Исторический отдел был передан Ленинградскому музею революции. В скором времени вполне выяснилась вся нецелесообразность этой меры, как потому, что тематика Музея революции и Исторического музея отнюдь не совпадают друг с другом, так и по соображениям практического характера ввиду того, что Музей революции не располагал помещениями ни для экспозиций, ни для вещных коллекций Исторического отдела. Целый ряд авторитетных организаций и лиц, а равно и работники Исторического отдела, поставленные в невозможность продолжать свою работу, подняли голос против тяжёлого положения, в котором очутился Отдел в результате этой политики. Видя необходимость что-то предпринять, упомянутые вредители пытались осуществить в отношении Исторического отдела различные меры, которые должны были в конечном счёте привести к ликвидации отдела и к разделу его богатых коллекций между другими музеями. Однако благодаря дружным действиям всех видных работников исторического фронта в Ленинграде и вмешательству тов. Жданова это не было допущено. Исторический отдел был в 1937 г. присоединён к Музею этнографии ...» (Л. 18–19). Создание самостоятельного Исторического музея в рамках такой риторики выводилось на уровень преодоления деятельности (лишь частично разоблачённых) вре-

дителей и восстановления советской справедливости, за которую ратовали «все видные работники исторического фронта» города во главе с «товарищем Ждановым».

Подчёркивая востребованность уже развёрнутых выставок по истории России XVIII в. широкой (в том числе, школьной) аудиторией, авторы записки характеризовали состав ещё не выставленных фондов и их образовательный потенциал. Хотя, как было показано выше, Академик-секретарь Отделения истории и философии АН СССР ещё в марте 1939 г. однозначно высказался против включения планируемого музея в систему Академии, авторы письма, отмечая поддержку своих планов со стороны Академии, указывали, что та «мыслит этот музей либо как составную часть в системе научных учреждений Академии, либо в форме самостоятельного политико-просветительного и научного учреждения» (Л. 21). Следует отметить, что здесь же единственный раз упоминается и о готовности Академии передать проектируемому музею собрание Института истории материальной культуры АН СССР, что позволило бы расширить хронологические рамки представленного в музее материала вплоть до второй половины IX в. (образование Киевского государства) (Л. 22).

Наконец, в завершении письма ставился главный вопрос, в решении которого и необходима была помощь Горкома, – выделение отдельного помещения для музея. В настоящее время часть его фондов хранилась в здании бывшего костёла св. Екатерины на проспекте 25 октября (Невский проспект) («частью запакованными в ящики (мелкие вещи), частью тесно составленные друг с другом (более крупные предметы), что почти исключает возможность работы с ними и создаёт серьёзную угрозу для их сохранности» (Л. 23)). Другая часть всё ещё оставалась в Музее революции и Русском музее («в совершенно недопустимых для хранения музейных предметов условиях» (Л. 23)). Эти музеи не только требовали как можно скорее вывезти мешавшие им предметы, но и взимали по решению арбитражного суда с ГМЭ плату за использование своих помещений, которую последнему приходилось выплачивать из (и без того весьма ограниченных) бюджетных средств.

Вербовка «видных работников исторического фронта» продолжалась и летом. 11 июня 1939 г. датировано письмо в ленинградский горком, подписанное деканом исторического факультета Ленинградского института усовершенствования учителей К. Смирновым (Л. 30–31). Содержательно близкое ко всем приведённым выше документам, оно заканчивалось на высокой ноте: «Истфак Ленинградского института усовершенствования учителей, а вместе с ним, несомненно, и все учителя-историки выражают твёрдую уверенность в том, что в Ленинграде будет основан Исторический музей, достойный города Ленина, удовлетворяющий его культурным запросам и благородной жажде познания прошлого великой страны Советов и отвечающий запросам всех учащихся и учащих города» (Л. 31). Так как копию письма К. Смирнов направил непосредственно в ГМЭ, возвратив вместе с ней переданные ему для ознакомления письма АН СССР и музея городскому руководству (Л. 32), можно не сомневаться, что и здесь главным инициатором был директор ГМЭ.

Аналогично можно объяснить и появление чуть позже, в ноябре 1939 г., обращения в ленинградский горсовет от исторического факультета ЛГУ, подписанного деканом А.Л. Фрайманом и учёным секретарём М.А. Гуковским (14 ноября). Его копия была выдана сотруднику ГМЭ и бережно заархивирована в музее (Л. 38).

Понимая, что наряду с городскими властями жизненно важным будет привлечь к решению актуального вопроса и московское руководство музейным сектором, Е.А. Мильштейн обратился к поиску союзников в столице. Посредником стала народная артистка СССР (1936 г.), звезда Александринского театра Е.П. Корчагина-Александровская, с 1937 г. бывшая депутатом Верховного Совета СССР от избирательного округа музея. 24 мая 1939 г. ей было отправлено письмо за подписями директора, секретаря бюро парторганизации, председателя месткома и заведующего Историческим отделом ГМЭ, в котором всё с той же, уже приведённой выше, аргументацией ставились два вопроса: представление Наркомпроса в Совнарком с предложением об организации музея и выделение музею Ленсоветом специального здания (Л. 25–26). Главная «хара́ктерная старуха» ленинградской сцены не осталась глуха к обращению избирателей и, вероятно, воспользовавшись пребыванием в Москве по делам Верховного Совета обратилась напрямую в Наркомпрос РСФСР. Уже 5 июня 1939 г. (т. е., меньше, чем через две недели, после обращения из ГМЭ) на её имя в московскую гостиницу «Метрополь» направлено было письмо лично от наркома просвещения П.А Тюркина, бывшего сотрудника Леноблоно и Леноблисполкома. Начиналось письмо более чем бравурно: «По вопросу об организации Исторического музея в Ленинграде не может быть двух мнений – Исторический музей в Ленинграде надо создать» (Л. 29). Более того, нарком вспоминал, что «Музею этнографии даны были в этом отношении совершенно твёрдые указания относительно постановки этого вопроса перед ленинградскими городскими и областными организациями, как в отношении выделения помещения под размещение музея <...>, так и в отношении постановки его перед правительством» (Л. 29). В доказательство последнего народную артистку ознакомили с «копией указаний» ГМЭ, подготовленных Наркомпросом ещё 20 марта 1939 г. Указания в деле не сохранились, но, очевидно, это был тот самый документ, который Е.А. Мильштейн охарактеризовал в апрельской докладной записке на имя Кузнецова как «формальную отписку с предложением заняться самим этим вопросом» (Л. 3). Теперь же нарком заверял, что организация исторического музея в Ленинграде была включена комиссариатом в число предложений по развёртыванию сети новых центральных музеев, которые готовились для внесения в Совнарком РСФСР (Л. 29). Эти предложения составили часть сохранившейся в фонде Наркомпроса «Справки о музеях и памятниках, находящихся в ведении Наркомпроса РСФСР». В них действительно говорилось: «По Москве и Ленинграду намечена организация следующих новых музеев – в Москве: Музея старопечатной книги, Музея Н.К. Крупской, географического, музея Маяковского, Н. Островского, Менделеева, музея детского творчества; в Ленинграде: Исторического музея» (ГАРФ.

Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2529. Л. 23). Большая часть этих планов так и осталась нереализованной, однако документ подтверждает реальное участие Наркомпроса в реализации проекта. Возможно, одной из причин было и то, что именно в это время во главе профильного комиссариата стоял человек, перешедший на работу в Москву непосредственно из Ленинграда. Как бывший сотрудник Леноблоно и глава Леноблисполкома П.А. Тюркин мог знать ситуацию с бесхозными историческими коллекциями из первых рук.

Возможно, это подтолкнуло Е.А. Мильштейна 14 сентября 1939 г. напрямую обратиться к наркому с обширной запиской по вопросу об организации исторического музея (Л. 35–37). Как следует из её текста, к этому моменту ГМЭ успел посетить возглавлявший Музейно-краеведческий отдел Наркомпроса В.А. Радус-Зенькович, который также подтвердил готовность комиссариата поддержать создание музея и включить соответствующее финансирование в смету на 1940 г. Кроме упомянутых выше, организованы были ходатайства со стороны Старорусского и Порховского краеведческих музеев. Письмо, не пригодившееся в центральном органе «Правде», было опубликовано 12 августа 1939 г. в главной городской газете «Ленинградская правда» (Л. 35). Принципиально против создания музея никто в органах городской власти не возражал, но, как справедливо замечал Е.А. Мильштейн, главным камнем преткновения оставался вопрос о приискании подходящего помещения.

Идеальное решение вопроса заключалось, конечно, в постройке специального здания, но шансов на него было так мало, что директор ГМЭ даже не вдавался в обсуждение такого варианта. Более реалистичным ему казалось отвести под музей здание, учреждение, занимающее которое, получило бы для себя новый дом. И здесь вновь всё дело упиралось в Ленсовет, т. к.: «Различные варианты перемещения мы, музейные работники, можем предусмотреть в очень ограниченных пределах, так как все возможности в использовании жилфонда и перемещениях учреждений могут быть известны или найдены вновь и организованы лишь самим Ленсоветом» (Л. 36). В качестве возможных локаций автором записки назывались помещения Смольного, бывшего Музея Штиглица, Павловского института, Инженерного замка. В любом случае, решение проблемы зависело от того веса, которое ходатайство будет иметь в глазах Ленсовета, для чего и нужно было обращение из Наркомпроса. В этой связи Е.А. Мильштейн вновь просил наркома направить в Ленсовет письменное обращение по вопросу о выделении здания музею (Л. 36–37), направив копию в ГМЭ с тем, чтобы и музей мог продолжать со своей стороны вести дальнейшую работу по вопросу.

Однако обстоятельства сложились иначе. Руководство музейным сектором страны сменилось. В марте 1940 г. новым наркомом просвещения стал бывший дипломат В.П. Потёмкин, Музейно-краеведческий отдел Наркомпроса вместо В.А. Радусь-Зеньковича возглавил А.Д. Маневский, недавний аспирант Музея революции (1933–1934 гг.) и Государственного исторического музея (1934–1937 гг.), в 1939–1940 гг. работавший в последнем старшим научным сотрудником [*Кудрявцева*, 2012: 9]. Возможная «ленинград-

ская протекция» исчезла. С переменой лиц изменились и приоритеты перспективного плана.

30 сентября 1940 г. Наркомпросом РСФСР был издан приказ о мерах по улучшению работы Государственного исторического музея, предполагавший развёртывание в нём в течении ближайших трёх лет экспозиции по истории России второй половины XVIII – начала XX вв. Уже на 1941 г. намечалось открытие залов по второй половине XIX – началу XX вв. В этой связи сюда планировалось передать ряд предметов из нескольких московских и ленинградских музеев [*Закс*, 1960: 378]. Возможно, этому способствовал карьерный рост бывшего аспиранта и сотрудника музея А.Д. Маневского. Если ещё год назад в Ленинграде озвучивались планы передачи недостающих предметов из ряда музеев страны в планируемый исторический музей, сейчас реальностью стало обратное: передача предметов, намеченных для организации исторического музея в Ленинграде, в московский исторический музей.

В ГМЭ была направлена копия приказа от 30 сентября (Л. 40–41) и короткая записка за подписью А.Д. Маневского (подписанная им не как начальником Музейно-краеведческого отдела Наркомпроса, каковым он также являлся (см.: Л. 41), а как заместителем начальника Управления политпросветработы – вероятно, для большего веса). Записка, датированная 28 октября 1940 г., гласила: «Музейно-краеведческий отдел НКП РСФСР направляет список экспонатов, намеченных для передачи Государственному историческому музею, на основании приказа наркома В.П. Потёмкина» (Л. 39).

Понимая угрозу утраты единства фонда, составившегося в ходе деятельности Историко-бытового отдела Русского музея, которая стала бы реальностью в случае распыления собрания между несколькими музеями, Е.А. Мильштейн ещё раз попытался получить помощь Наркомпроса. 19 ноября 1940 г. он направил В.П. Потёмкину письмо, в котором, напоминая о том, что вопрос создания исторического музея в Ленинграде был решён Наркомпросом в положительном смысле, и всё дело упиралось в инертность Ленсовета при подыскании необходимого помещения, сообщал о текущей ситуации следующим образом: «Ленсовет всегда неизменно признаёт желательность такого музея для Ленинграда, но никаких мер к реализации этого не предпринимает. Наше указание на конкретное здание, пригодное для развёртывания музея, – помещение бывшего Музея Штиглица – Ленсовет не пытается претворить в жизнь, ограничившись лишь беседой с директором Эрмитажа – академиком Орбели, в ведении которого находится это здание. Академик Орбели не возражает против предоставления указанного здания для Исторического музея, при условии передачи ему всего помещения бывшего Зимнего дворца, ныне, кроме Эрмитажа, частично занятого Музеем революции. В ответ на это Ленсовет не попытался убедить Эрмитаж в очевидной для него возможности разместить незначительные, ещё остающиеся в помещении бывшего Музея Штиглица собрания в собственных помещениях Эрмитажа в бывшем Зимнем дворце. Отказываясь на основании указанного заявления директора Эрмитажа рассматривать вопрос о предостав-

лении бывшего Музея Штиглица для развёртывания Исторического музея, Ленсовет не делает никаких других попыток найти какое-либо иное помещение для этих целей и оставляет вопрос без всякого разрешения в перспективе» (Разбивка оригинала на абзацы не сохраняется. Л. 43). В очередной раз директор ГМЭ просил наркома вмешаться и «настоятельно просить» ленинградские власти найти помещение для музея.

В это же самое время, как было показано в нашей предыдущей публикации, к проекту был привлечён и новый заведующий Ленинградским отделением Института истории АН СССР М.В. Левченко, именно осенью 1940 г. обратившийся к Президиуму АН СССР с предложением поддержать проект создания исторического музея на базе коллекций Исторического отдела ГМЭ и собраний, оставшихся от академического Музея истории науки и техник, и ходатайствовать перед Ленсоветом о выделении ему здания [*Ананьев*, *Бухарин*, 2022].

В Академии ещё не знали, что ответ на обращение Е.А. Мильштейна из Наркомпроса, датированный 13 декабря 1940 г., ставил крест на дальнейших планах по созданию в Ленинграде самостоятельного исторического музея. В нём говорилось: «Ленинградский совет и Горком ВКП(б), признавая полезность этого музея и желательность его открытия, не имеют возможности помочь в настоящее время в подыскании необходимого помещения. При таких условиях Наркомпрос РСФСР не считает возможным настаивать на открытии Исторического музея в Ленинграде. Вам необходимо пересмотреть размещение основных отделов в Музее этнографии для выявления возможности расширения площади Исторического отдела и пополнения его экспозиции. Обратить особое внимание на приведение в порядок фондов, находящихся в помещении костёла. Выделение Исторического отдела в самостоятельный филиал не имеет смысла» (Разбивка оригинала на абзацы не сохраняется. Л. 42–42 об.).

Именно в этот момент, вероятно, и начала становиться приоритетной мысль о передаче Исторического отдела Государственному Эрмитажу. Возможно, действительно, именно сами сотрудники Исторического отдела и были её авторами, «перехватив» инициативу у Е.А. Мильштейна.

Крупнейший музей страны к началу 1940-х гг. достаточно активно осваивал материал русской истории и культуры, приобретавший всё большее значение в свете наметившегося патриотического поворота государственной идеологии второй половины 1930-х гг. к образам героического прошлого национальной истории [о повороте см.: *Дубровский*, 2005: 82–93; *Бранденбергер*, 2009]. С 1938 г. в стенах музея функционировала (реэкспонировалась, дополнялась, расширялась) выставка «Военное прошлое русского народа», ставшая одним из самых масштабных выставочных проектов Ленинграда рассматриваемого периода [*Матвеев*, 2014a: 189–193, 200; *Матвеев*, 2014b: 293–295]. Неслучайно работа выставки совпала с признанием на самом высоком уровне наличия в историческом прошлом страны «замечательных генералов старой армии» и «великих русских полководцев», которых «чтит Красная Армия, унаследовавшая лучшие боевые традиции русского солдата» [из доклада начальника Главного политуправления РККА Л.З. Мехлиса на совещании в наркомате обо-

роны 13 мая 1940 г., цит. по: *Дубровский*, 2005: 88]. К началу 1940-х гг. стало очевидно, что Эрмитаж как музей истории мировой культуры не мог не включать разделов, посвящённых истории культуры русской.

В этой связи не вызывает удивления, что апрелем 1941 г. датировано письмо наркому просвещения, подписанное директором и учёным секретарём ГМЭ, в котором аргументировалась целесообразность передачи собрания Исторического отдела музея в Государственный Эрмитаж (Л. 45–46). Это письмо представляет собой сокращённый вариант записки, направленной директором и заведующим Историческим отделом ГМЭ в Ленинградский горком ВКП(б), на сохранившейся в архиве РЭМ копии которой дата не проставлена (Карандашом на первом листе записки под знаком вопроса стоит 1939 г. Это явная ошибка. Л. 7–9). Текстуальная близость позволяет и этот документ датировать примерно тем же самым временем, т. е. началом 1941 г.

В записке отмечалось: «Вещественные накопления Исторического отдела и характер его экспозиционных работ свидетельствуют о том, что отдел не замыкается в рамки исключительно гражданской истории в тесном смысле слова, а содержит, кроме того, как в фондах, так и на выставках весьма большое количество материалов по истории культуры» (Л. 7). Так акцент с выявления значения коллекций как вещественного материала по истории как таковой оказался смещён в сторону их важности как памятников истории культуры, а, следовательно, и вместо проекта музея исторического на повестку дня ставился проект музея по истории культуры, точнее отдела таковой при более крупном музее – Эрмитаже.

Авторы записки подчёркивали не только последние экспозиционные проекты крупнейшего музея, посвящённые прошлому страны, но и наличие материалов по этой теме, хранящихся в его фондах и всё ещё не представленных широкой публике. Объединение коллекций могло бы привести к созданию новых выставок и экспозиций «по истории и истории культуры нашей страны за всё время её существования» (Л. 8). При этом значимость таковых аргументировалась тесной связью русской и западноевропейской культур: «Такая объединённая экспозиция приобрела бы особую ценность благодаря существованию в Эрмитаже как функционирующих уже выставок, так и богатых коллекционных накоплений по истории культуры стран Западной Европы и Востока, оказавших столь крупное влияние на историю нашей родины. Этот материал, в сопоставлении с материалом, относящимся к прошлому СССР, рельефно выявит органическую связь истории культуры нашей родины с историей культуры ряда западно-европейских и восточных стран» (Л. 8). В такой трактовке актуальный патриотизм вполне мирно уживался с отвергаемым космополитизмом, а «столь крупное влияние» шло рука об руку с «органической связью».

В итоге проект признавался «большим и высокополезным делом, выходящим, в известном смысле, из рамок обычной музейной работы и имеющим крупное культурное значение» (Л. 8). В заключении авторы записки сообщали, что в Наркомпросе «в личной беседе» этот вопрос уже был поставлен и просили Горком довести проект до сведения директора Эрмита-

жа «с Вашим заключением по этому вопросу» (Л. 9). Надо полагать, что последняя просьба была формальным дипломатическим ходом и директор Эрмитажа уже был в курсе данной инициативы (как отмечалось в самом начале статьи, его докладная записка в Москву о возможности такого слияния датировалась январем 1941 г.).

Как видим, обстоятельства создания Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа носили более драматичный характер, чем тот, который оказался зафиксирован в историографии. Важным обстоятельством, предшествовавшим реализации этого плана, было оживлённое обсуждение проекта создания в Ленинграде самостоятельного исторического музея, посвящённого прошлому страны. В это обсуждение были вовлечены как академические, так и партийно-государственные круги не только на городском, но и на союзном уровне. Одним из видных акторов была АН СССР. Активность, проявленная в ходе этого обсуждения директором ГМЭ Е.А. Мильштейном, заставляет пересмотреть его роль в судьбе собрания бывшего Историко-бытового отдела Русского музея. Судя по всему, на этапе 1939–1940 гг. он был самым активным ходатаем за создание на базе этих коллекций самостоятельного музея. А так как от своих планов он не отказался и в 1944 г., т. е. уже после создания соответствующего отдела при Государственном Эрмитаже, судя по всему, вариант отдела при более крупном музее удовлетворял его не полностью. При обсуждении проекта основная линия аргументации за создание музея оставалась неизменной, но в зависимости от формата, который приобретало обращение (письмо в партийные органы, письмо в газету, и т. д.), проводилась её корректировка в сторону большей нюансированности. Основным препятствием на пути создания самостоятельного исторического музея оказался исключительно практический вопрос выделения отдельного здания. Определённо, городские власти не рассматривали создание исторического музея в Ленинграде в качестве приоритетной задачи, что, конечно, демонстрирует реальные границы реализации идеологически-пропагандистской программы, которой, казалось бы, проект музея, посвящённого прошлому страны, полностью отвечал.

ЛИТЕРАТУРА

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Академия наук СССР и нереализованный проект создания Исторического музея в Ленинграде в 1940 г. (по материалам Архива РАН) // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2021. – М., 2022. Т. 11. – С. 221–230. DOI: 10.26158/OIFN.2022.11.1.019.

Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). – М., 2009.

Глинка В.М. Воспоминания о блокаде. – СПб., 2022.

Долгова Е.А. Рождение советской науки: учёные в 1920–1930-е гг. – М., 2020.

Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). – Брянск, 2005.

Закс А.Б. Из истории Государственного исторического музея (1917–1941) // Очерки истории музейного дела в России. – М., 1960. Вып. 2. – С. 300–379.

Комелова Г.Н. Отдел истории русской культуры // Эрмитаж. История и современность. 1764–1988. – Л., 1990. – С. 252–274.

Кудрявцева Е.Б. Образование и первые годы существования института // Культурологический журнал. 2012. № 2 (8). См. по адресу: http://cr-journal.ru/files/file/07_2012_11_01_40_1342076500.pdf (ссылка последний раз проверялась 01.04.2023).

Матвеев В.Ю. Эрмитаж «уединённый», или Выставочная мозаика Эрмитажа. Материалы к истории выставочной деятельности музея: выставки в Эрмитаже и в центрах Государственного Эрмитажа. – СПб., 2014. Т. 1: Основной текст.

Матвеев В.Ю. Эрмитаж «уединенный», или Выставочная мозаика Эрмитажа. Материалы к истории выставочной деятельности музея: выставки в Эрмитаже и в центрах Государственного Эрмитажа. – СПб., 2014. Т. 2: Приложения.

Историческая память, нациестроительство и неотрадиционализм в постколониальной Африке южнее Сахары

Д.М. Бондаренко

Аннотация. *В постколониальных странах, в частности, субсахарской Африки, апелляция к историческому прошлому для конструирования национальной идентичности приобретает большое значение. В том числе – в связи с провалом попыток скопировать основанные на европейских теориях и опыте модели политического устройства и потому с обращением к «неотрадиционализму» как идеологической основе, на которой можно пытаться сплачивать граждан вокруг власти в условиях порождённой колониализмом и многократно усиленной трансформациями постколониальной эпохи культурной эклектичности общественного сознания, коллективной картины мира. Неотрадиционные отношения, конечно, не вбирают в себя всё многообразие типов отношений в социально и культурно очень многослойных постколониальных обществах. Однако нельзя не отметить, что сегодня они находят сферы воплощения в общественном сознании и практике, и даже просматривается тенденция к расширению этих сфер.*

Ключевые слова: *историческая память, нация, постколониализм, неотрадиционализм, неопатримониализм, Африка южнее Сахары.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.021

Многие авторитетные авторы писали о важности конструирования истории для становления национального самосознания (см., например: [*Андерсон*, 2001; *Chatterjee*, 1993: 95–115; *Rüsen*, 2005; 2007]). В том числе апелляция к историческому прошлому для конструирования национальной идентичности приобретает очень большое значение в ситуации постколониальности (см., например: [*Jewsiewicki*, 2010; *Bondarenko* et al., 2014; *Bondarenko*, *Butovskaya*, 2019: 21–81; *Berger*, 2015: 84–102, 143–145, 155–178, 197–212; *Mawere*, *Mubaya*, 2016; *Oyeniyi*, 2022]). Там, где создать представление о целостной истории стран, обретших свои границы только благодаря колонизаторам или в которых в постколониальный период резко обострились давние внутренние конфликты, до сих пор не удаётся, как, например, соответственно, в Нигерии [*Okorie*, 2018; *Jaja* et al., 2019] или Бурунди [*Le Pape*, 2005: 220–221], существуют «фрагментированная нация и фрагментированные истории» [*Falola*, *Aderinto*, 2010: 239–264], а этнический национализм успешно конкурирует с национализмом гражданским.

Постколониальное государство имеет обширные возможности для манипулирования исторической памятью граждан во имя достижения национального единства в ситуации, когда прежняя, существовавшая при колониализме, «… идентичность становится сомнительной», и вследствие этого «… повышается ценность памяти» [*Мегилл*, 2007: 138]. Однако в процессе конструирования и последующих трансформаций нации официаль-

ный – освящённый государством и инкорпорированный в утверждаемую им идеологию – дискурс исторической памяти приходит во взаимодействие с её народными дискурсами, которые концептуализируют нацию через своё осмысление прошлого страны – не через усвоение внушаемых всему обществу государством с помощью учебников, СМИ, экспозиций музеев и т. д. образа и содержания национальной истории, а на основе собственной памяти человека и того, что ему говорили старшие родственники, передаваемых в народе из поколения в поколение устных рассказов и т. п. В определении представлений индивида о прошлом его страны, народа, общества большую роль играет то, к какому социальному слою, этнокультурной группе, поколению он принадлежит. Во многом с этим связана гетерогенность народной социальной памяти. Официальная политика памяти стремится внедрить в сознание людей единую концепцию прошлого народа, страны как априорных целостностей; народное же видение истории многообразно, поскольку неоднородно само общество. Таким образом, цельная официальная модель исторического прошлого страны взаимодействует с множеством её народных моделей. Официальная и народные версии истории могут в каких-то ситуациях конфликтовать в сознании людей, требуя сделать выбор в пользу одной из них [*Филиппова, Нора*, 2011: 78–80; *Bevernage*, 2012], а могут сосуществовать в нём, не вызывая у носителей сознания ощущения противоречия, даже если с рациональной точки зрения противоречие между версиями существует (что, конечно, имеет место не всегда).

Так, вследствие неизбежного существования «фундаментально политического импульса, лежащего в основе [культурной] памяти», «память делает культурное политическим, политическое – культурным; память заставляет нынешние конфликты вращаться вокруг вопросов о прошлом» [*Ayers*, 1995: 6]. История никогда не бывает «нейтральной». «Использование памяти для [конструирования] идентичности сообщества… высвечивает саму политическую природу истории и памяти» [*Tallentire*, 2001: 199]. Как писал Э.Л. Айерс, «память более политически заряжена, чем почти всё, о чём историки могут сейчас говорить» [*Ayers*, 1995: 6]. Таким образом, историческая память не может не играть роль в нациестроительстве. Важно не только использование истории и манипулирование ею в различных целях разными акторами, в том числе (но не исключительно) государством. Реальные исторические факты и процессы объективно способствуют или препятствуют образованию наций, могут воздействовать на направления их развития в наши дни. Многие проблемы постколониальных обществ уходят корнями в доколониальную и колониальную историю. Также немало проблем возникло на протяжении уже более, чем полувека их независимой истории. Все они усугубляются сохраняющимся периферийным положением большей части постколониального мира, в особенности Африки, в глобальной мир-системе [*Wallerstein*, 2017].

Д. ЛаКапра пишет об «… основывающей, или основополагающей, травме; травме, которая несёт мощный аффективный заряд и может быть идеологически трансформирована или переоценена», которая создаёт тот или иной народ, порождая его «миф о происхождении» и духовно скрепляя его воедино, и остается с ним навсегда, давая о себе знать периодическими

обострениями [*LaCapra*, 2018: 106]. Если основывающий миф донациональных общностей имел много общего с собственно мифом, можно даже сказать, был его разновидностью (происхождение народов связывалось с деятельностью первопредков, божеств, вымышленных героев, с миграциями, которых на самом деле не могло быть, и т. п.), то основывающий миф наций – в своей основе исторический. В нём находит выражение осознанное или неосознанное стремление к «детравматизации» – преодолению негативных последствий – травматического исторического опыта [*Antze, Lambek*, 1996; *Рюзен*, 2005], попытка обернуть его на пользу рождающейся нации, сделав исторической и духовной точкой отсчета её существования как социокультурной общности. Основывающий миф нации историчен в том смысле, что отталкивается от реальных исторических событий. При этом он упрощает реальную историю, редуцируя многофакторность её хода до одного фактора – национального [*Bell*, 2003: 74–77; 2008: 151–153]. Мифом же его можно называть потому, что эти исторические события «фильтруются» в общественном сознании сквозь сито неразрывной дихотомии «вспоминание – забывание» [*Репина*, 2020: 12], романтизируются и героизируются. В результате формируется героико-патриотическое истолкование истории народа и его места в истории всемирной в рамках её национальной (данной нации) концепции. И истолкование исторических фактов по сути оказывается важнее самих фактов. Основывающий миф фиксирует во времени и привязывает к знаменательным событиям момент рождения нации, эксплицирует приписываемые ею себе как целому и как совокупности индивидов черты и ценности, придающие нации единство.

Для постколониальных народов «основывающая травма», порождающая национальный миф, – безусловно, травма колониализма и его преодоления – борьбы за независимость и деколонизации. В постколониальных странах социальная память и до независимости была не только инструментом внедрения в сознание людей «официального национализма» – колониального [*Beucher*, 2009: 14–38], но и полем идеологической битвы – как между колонизаторами и активистами национально-освободительных движений, так и между африканскими организациями, общественными и политическими деятелями, по-разному видевшими будущее своих народов и стран после свержения колониальных режимов (см., например: [*Loomba*, 1998: 195–203; *Rothberg*, 2013: 372–376; *Keese*, 2015: 220–292]). В ходе этой битвы и возникли идеи о существовании в пределах каждой колонии особой нации с якобы ещё доколониальной единой историей – конголезцев, нигерийцев и т. д., вопреки факту искусственного объединения в рамках большинства колоний множества автохтонных политий и народов, ранее не образовывавших исторических и культурных целостностей.

В постколониальный период, особенно с 1980–1990-х гг., использование исторической памяти приобрело для постколониальных государств чрезвычайно большое значение в связи со ставшим к этому времени очевидным провалом попыток скопировать основанные на европейских теориях и опыте модели политического устройства и потому с обращением к «неотрадиционализму» как идеологической основе, на которой можно пытаться сплачивать граждан вокруг власти в условиях порождённой колониализ-

мом и многократно усиленной трансформациями постколониальной эпохи культурной эклектичности общественного сознания, коллективной картины мира. Как правильно утверждал А. Дирлик, колониализм изменил идентичности колонизированных, и сами апелляции к доколониальным идентичностям порождены колониализмом [*Dirlik*, 2002]. «Лоскутность» идеологии при неизменном сохранении приоритета государства перед личностью стала характерной чертой авторитарных режимов в постколониальных странах [*Нисневич*, *Рябов*, 2016]. Как одно из следствий этого – справедливость слов П. Энглберта не только для Буркина-Фасо, но с естественными в некоторых случаях поправками, для многих постколониальных государств: «Буркинийская государственность, как и других африканских стран, – культурно европейская. Даже культурная политика Санкара (революционера, президента страны в 1983–1987 гг. – *Д.Б.*) никогда не разрешила свои собственные противоречия, акцентируя, с одной стороны, аутентичность местных культур в противостоянии империализму, ... а с другой стороны – насаждая по-европейски спроектированные государство и партийную систему в отдалённейших уголках общества и сталкиваясь лицом к лицу с местными традициями и институтами, заклеймёнными как “феодалы” или “декадентские ценности нашей традиционной культуры”» [*Englebert*, 2018: 143].

Вот ещё хорошие примеры того, как апелляция к автохтонным ценностям использовалась для легитимизации вполне «современной», на самом деле совсем не «традиционной», власти: в Гане в 1966–1979 гг. «главы военных переворотов в обращениях к народу, выступлениях неизменно использовали традиционные символы и образы, элементы ганской традиционной политической культуры, которая, с одной стороны, позволяла им осуждать свергнутые режимы, а с другой – использовалась для того, чтобы направлять народное мнение на поддержку собственных действий» [*Комар*, 1991: 177]. Установившийся также в результате переворота режим С. Доу в Либерии (1980–1990 гг.) тоже опирался не только на силу государственного аппарата и военных; в целях придания режиму легитимности в сознании граждан, его глава и другие лидеры часто публично совершали ритуалы автохтонных религий [*Gershoni*, 2004]. (Либерия никогда не была колонией, но многие черты культуры, в том числе политической, роднят её с постколониальными странами). В наши дни использование «оккультных знаний» в погоне за властью характерно, например, для политиков в Малави [*Steinforth*, 2021: 87–103].

«Современным мифотворчеством порождаются мировоззренческие предпосылки авторитарности власти», когда оно оказывается направленным на мифологизацию образов политических лидеров, инициированную ими самими и их приближенными [*Иорданский*, 1990: 50, 51]. В Того при генерале-президенте Гнассингбе Эйадеме (1967–2005 гг.) провозглашалась задача создания национального единства, а путем её решения – изменение менталитета тоголезцев. Они должны были отказаться от по своей сути сегрегирующего, разделяющего «менталитета колонизованных», который, якобы, и породил главных врагов национального единства – трайбализм и регионализм, и вернуться к по своей природе интегрирующему, объединяющему аутентичному менталитету. Успех же в этой борьбе и как

следствие – достижение национального единства объявлялись возможными только при сплочении народа вокруг Г. Эйадемы – его олицетворения и наиполнейшего воплощения духовной сути [*Alassounouma*, 1981: 1–13; *Toulabour*, 1986].

Ярчайший же пример реактуализации, фальсификации и материализации в различных формах памяти о «традиционном» – доколониальном – прошлом постколониальном государством «лишь с одной целью: упрочения своей власти» [*Винокуров*, 1994: 173] – политика «аутентичности», или «заиризации» Мобуту, в 1974 г. провозгласившего обосновывавший её «мобутизм» официальной идеологией Заира. У Мобуту неотрадиционализм приобрёл законченный и всеобъемлющий вид, вылившись в полноценную официальную идеологию, став открыто провозглашённой и всемерно внедряемой основой существования общества и государства. Характерно, что, декларируя политическое единство и культурную целостность «аутентичной» заирской нации, навязывая обществу её идеологемы и символы (прежде всего – образ Мобуту), «… заирское правительство не сумело выработать… стратегию, которая бы обеспечивала равновесие между государственным и национальным строительством с помощью создания институционных рамок для широкого участия всех этнических групп. Насильственное централизованное государственное строительство и неравноправное распределение экономических и социальных ресурсов между регионами настолько усилили политическое и социальное неравенство между ними, что национальное строительство в Заире оказалось практически невозможным» [*Мирзеханов*, 1990: 142].

Внедрение в общественное сознание целостной неотрадиционалистской идеологии – явление нечастое, но вкрапление отдельных элементов неотрадиционализма в идеологию и практику строительства наций типично для огромной части постколониальных режимов в Африке. Например, получила распространение практика акцентирования государствами фактора «автохтонности» граждан и целых народов, чем должна подчеркиваться их культурная укоренённость в местной почве в противоположность тем, кто не может похвастаться «изначальностью» проживания на своей нынешней территории, в том числе сообществам мигрантам из других стран. Придание автохтонности особого значения выдается за особо важную доколониальную традицию, но это так лишь отчасти: действительно возникнув в доколониальные времена, она во многом изменила своё содержание в колониальный период, будучи поставлена в новый политический контекст – государства в его современном понимании (реинтерпретация старых традиций и изобретение новых традиций, отталкиваясь от старых, было распространённым явлением в колониальных обществах [*Hobsbawm, Ranger*, 1983; *Ranger*, 1994; 2012]). При этом противопоставление «автохтонных» граждан и народов страны «неавтохтонным» явственно противоречит принципам построения национального государства как процесса объединения всех его граждан, однако, отражает существенную разницу между национализмом эпохи деколонизации и нашего времени как, соответственно, «инклюзивным», «включающим» (безоговорочно отождествляющим всех граждан государства и членов нации) и «эксклюзивным», «исключающим»

(позволяющим считать, что можно быть гражданином государства, но не быть членом его нации).

Чаще же всего обращение к неотрадиционализму в идеологиях и практиках постколониальных государств связано с личностями их глав и преследует цель сплотить народы в нации вокруг их фигур. Не случайно многие африканские лидеры вслед за своими предшественниками по всему миру от древности до XX в. эксплуатировали идею о государстве как семье с правителем во главе и официально именовались «отцами нации», апеллируя к характерному для автохтонных культур тяготению к выражению любых отношений в обществе в категориях родства. Так позиционировали себя Г. Эйадема в Того, Д. арап Мои в Кении и др. Патерналистские ассоциации оказываются понятными и хорошо воспринимаются народом и в тех случаях, когда глава государства не провозглашается «отцом нации» официально. Например, они были активно задействованы в предвыборной агитации за Дж. Киквете, когда он впервые выдвигался на пост президента Танзании в 2005 г. [*Phillips*, 2010]. Некоторые главы африканских государств публично демонстрировали обладание символами власти, шедшими из доколониальных времён и связанными с санкционировавшими тогда власть религиями, распространяли мифы о своих якобы восходящей к божествам генеалогии и чудесном рождении, подобно римским императорам, и т. д.

Э. Хобсбаум писал, что создание национальных символов и церемониалов есть изобретение традиции [*Hobsbawm*, 1983]. Именно этим под видом восстановления доколониальных традиций на самом деле занимались и занимаются неотрадиционалистские режимы. Но даже сознательно изобретённая традиция уходит корнями в действительную историю – иначе она не воспринимается людьми и не может прижиться, не может использоваться властью в целях своей легитимизации и как механизм осуществления политики. И, провоцируя воображение людей на вложение в них связанных с прошлым народа смыслов, символы актуализируют их коллективную память. В этой неразрывной связи реальной традиции и изобретенной традиции – суть неотрадиционализма. Политика неотрадиционализма – не обман населения, а эксплуатация не самой традиции прошлого, но её образа, запечатлённого в культурной памяти народа. Как писал П. Шабаль: «В то время как большинство политических лидеров времени получения независимости были скорее новыми, чем “традиционными” элитами, параметры неопатримониальной системы, которую они установили, была многим обязана тому, что можно было бы назвать “традиционными” принципами легитимности» [*Chabal*, 2001: 43], включая высокую степень персонализированности власти.

При такой системе «лидер – это патрон, который рассматривает государство как возможность распределять ресурсы между теми, кто ему предан, т. е. клиентами» [*Falola*, 2003: 120]. Об этом, в частности, на материалах стран Юга Африки пишет Л.Я. Прокопенко [*Прокопенко*, 2011: 37]: «В сфере властных отношений в государствах региона в той или иной степени сохраняются элементы патримониализма, то есть установления личного господства и контроля над государственными службами и использование их возможностей в личных целях. Такая форма политического порядка

позволяет вопреки конституции, праву и этике существовать не только патронажно-клиентельным отношениям, но и коррупции, криминальности. Центральное место в системе патронажно-клиентельных связей занимают связи этнического типа. За исключением ЮАР и Намибии, в странах региона главным для продвижения по карьерной лестнице часто становится принадлежность к этнической группе, представители которой находятся у власти». Возможность распределять ресурсы между администраторами более низких уровней как основа власти верховного правителя не может не напомнить антропологу феномен редистрибуции – явление, характерное для не затронутых модернизацией доиндустриальных обществ. В то же время при сохранении сути этого явления – придания прочности власти верховного правителя благодаря обеспечению лояльности ему правителей более низких уровней – в современном постколониальном обществе уже нет редистрибуции в прямом смысле слова, когда верховный правитель перераспределяет то, что получает в виде податей от подчинённых ему администраторов. Сегодня глава государства скорее распределяет между ними общественный продукт, поступающий к нему напрямую, минуя архаическую систему сбора податей. Так что ныне правильнее говорить о дистрибуции, нежели о редистрибуции, с одной стороны, однако, сохранение самого смысла явления – с другой стороны, позволяет видеть в его сегодняшней модификации типичную и яркую манифестацию неотрадиционализма.

С этим явлением связано то, что, логично для обществ, в которых локальные идентичности (в частности, этнические) превалируют над национальной, в постколониальных странах декларации, а нередко и искренние попытки построить национальные государства оборачивались созданием этнократических режимов, опорой и бенефициарием которых становились политические кланы господствующих народов. Крайние проявления этнократизма режимов – ситуации, когда государства сами развязывают преследования части своих же граждан по этническому принципу и подстрекают к агрессии против них численно доминирующие народы. Один из самых трагических примеров – развязанный по инициативе властей геноцид тутси в Руанде в 1994 г. В качестве же иллюстрации того, что такое этнические политические кланы, приведём обширную цитату, в которой речь идёт о Мадагаскаре, из статьи В.И. Комар [*Комар*, 1991: 178]. Информация обобщена автором на основе публикаций 1970-х – 1980-х гг., однако в данном случае нам важна не актуальность конкретных сведений, а их репрезентативность для иллюстрирования общей сути (безотносительно к частным деталям) самого явления политических кланов в постколониальных странах. «… политическая стабильность в стране зависит от того, какое положение занимают представители этнической группы мерина. Эта народность отличается особой кастовой сплочённостью, и традиционные связи сознательно используются её представителями для влияния на власть, систему социально-экономических отношений, для легитимизации своего положения. Мерина имеют очень влиятельные кастовые организации, верховной властью в которых обладает совет старейшин. Наиболее серьёзные и конфиденциальные формы совещаний этих обществ содержатся в тайне, но есть сведения, что на подобного рода советах обсуждаются важнейшие проблемы жизни

страны и по ним принимаются решения, которые затем лишь формально утверждаются Национальным народным собранием и правительством, а без ведома так называемого “Клуба андриана” не издаётся ни один закон и не назначается ни один высокопоставленный чиновник». Ч. Офобуике применительно к родной Нигерии назвал это явление *godfatherism*, обыграв название знаменитой киносаги о мафии «Крёстный отец» – *The Godfather* [*Ofobuike*, 2017: 63]. Н.Н. Крадин [*Крадин*, 2004: 224] также проводит прямое сравнение патронажно-клиентельных связей в политических кланах в «посттрадиционных государствах» с отношениями в клане главного героя «Крёстного отца» дона Корлеоне.

Политические кланы могут функционировать на уровне не только всего государства, но и отдельных этнических регионов страны (как, например, в Камеруне [*Nyamnjoh*, *Rowlands*, 1998]), быть всецело неформальными или отчасти формализованными, служа ядром политических партий, в том числе «этнопартий» (о последних на примере всей субсахарской Африки см.: [*Elischer*, 2013]; стран Юга Африки [*Прокопенко*, 2011: 202–220]; Южного Судана [*Frahm*, 2014: 252–253]). При этом кланы не всегда строго этничны по происхождению и составу: нередко, как, скажем, в Республике Конго или Бенине [*Высоцкая*, 1999: 51–52; *Bierschenk*, 2006], их фундамент могут образовывать земляческие – региональные – связи, имеющие экономическую основу (впрочем, эти связи также могут включать этнический и/или религиозный компоненты). Некоторые кланы основаны на принципах социально-политической дифференциации и восходят к институтам ещё доколониального общества, включая в кланы наследников его элиты, для которой в колониальные времена была характерна «тактика, используемая для создания союзов между группами с расходящимися интересами, и для того, чтобы заручиться поддержкой требований, выдвинутых правительству и правящей клике, которые были её агентами, [– тактика,] которая в значительной степени опирается на доколониальную ментальную модель политического конфликта» [*Bradbury*, 1968: 249]. Однако в любом случае основания членства в кланах связаны с наличием у людей характерных для нашего времени политических и финансовых инструментов влияния. Многие члены кланов получили эти инструменты по наследству от родственников, обретших их в колониальный период, когда где-то открыто, а где-то завуалированно – с апелляцией к «традициям» – и начала формироваться новая элита; некоторые завладели ими уже в современную, постколониальную, эпоху. Этнические, земляческие и подобные им политические кланы в постколониальных государствах – это современный институт, часто использующий или инкорпорирующий в себя элементы более старых институтов, а не простая «модификация» или «адаптация» в условиях постколониализма каких-либо автохтонных доколониальных институтов. Однако их существованию придаёт смысл сохраняющееся с доколониальных времён явление, которое Л.С. Васильев [*Васильев*, 1982] обозначил как «феномен власти-собственности»: обладание властью открывает доступ к экономическим ресурсам, к богатству, а не экономические возможности позволяют обрести власть. И в странах субсахарской Африки с середины 1960-х гг., когда Ж. Баландье [*Баландье*, 2001: 162] писал цитируемые далее строки, ситуация, по

сути, не изменилась: «Именно участие во власти даёт влияние на экономику, а не наоборот. В этом отношении молодое национальное государство имеет влияние, сравнимое с ролью традиционного государства, так как позиция по отношению к государственному аппарату определяет ещё социальный статус, форму отношения к экономике и материальное богатство». Поэтому политические кланы так прочны, а членство в них буквально бесценно.

Неотрадиционализм, включая неопатримониальную систему властных отношений, при которой межличностные отношения и обусловленные традиционными неписаными нормами патронажно-клиентельные связи сосуществуют и превалируют над отношениями формализованными, обезличенными, определёнными современным правом, которые в этом же обществе устанавливает современное бюрократическое государство, коренится в неуничтоженности при колониализме, несмотря на все произошедшие в тот период колоссальные изменения, но трансформированности – отчасти просто искажённости, отчасти «осовремененности» – донациональных, досовременных социокультурных первооснов африканской цивилизации. Когда рассматривается неопатримониализм как проявление неотрадиционализма в политической сфере, речь в конечном счёте идет о сакрализации власти – её фундаментальном обосновании в доиндустриальных, в том числе доколониальных африканских, обществах, оказывающемся востребованным и в постколониальных государствах ввиду характерной для них несекуляризованности общественного сознания. Это говорит о том, что автохтонные доколониальные картины мира, в которых определённые места занимают люди, общества и власти, по-прежнему актуальны для потомков их создателей. В ситуации несекуляризованности общественного сознания религиозная (или квазирелигиозная) легитимизация власти выглядит естественной, а идеи религиозного характера могут эксплицитно или имплицитно служить основой власти, мотивировать действия её носителей. При такой легитимизации не народ, а высшие силы, можно даже сказать, сам строй бытия – мироустройство – видятся источником и санкцией власти, а правитель оказывается «предстоятелем» перед высшими силами за народ, воплощением миропорядка и живым свидетельством правильного хода вещей в обществе и мироздании, но не демократическим лидером нации, независимо от того, какова формальная политическая система государства. Не инструментальный официальный, но гораздо более глубокий, можно сказать, глубинный, народный неотрадиционализм получает мощный стимул в виде разочарования многих граждан постколониальных стран в попытках осуществления в них модернизации по западному образцу [*Nyamnjoh*, 2000; *Мосейко*, 2001; *Ellis, ter Haar*, 2004; *Willis*, 2013: 219–221]. При этом надо отметить, что немало людей в постколониальных странах одновременно и недовольны результатами модернизации у себя на родине, и не желают неотрадиционализации общества, будучи «и привлечёнными, и раздражёнными западным видением модерна» [*Nyamnjoh, Page*, 2002: 607].

С проблемой сакральности власти и (не)секулярности общественного сознания прямо связана и проблема трайбализма, которую также обоснованно рассматривать в связи с явлением неотрадиционализма. В первые десятилетия после деколонизации во многих странах Африки государства предпри-

нимали попытки лишить традиционных правителей власти (и это несмотря на то, что среди первых глав независимых африканских государств было немало выходцев из семей вождей разного уровня). Однако «традиционные власти» продемонстрировали высокую степень устойчивости, обусловленную не только и даже не столько их практической эффективностью в современных условиях, сколько непреходящей легитимностью в общественном сознании. Ещё раз подчеркнём, что эта легитимность не связана просто с секулярным по сути желанием африканцев отстаивать свою культурную самобытность и в сфере политических институтов. Легитимность автохтонных правителей обусловлена в огромной степени тем, что в сознании их подданных, включая христиан и мусульман, по-прежнему важное значение имеет лежащая в основе африканской культурной традиции идея о связи с предками как залоге благополучия ([*Бондаренко*, 2014: 16]; на материалах Ганы об этом см.: [*Owusu-Mensah*, 2014]; подробно на примере вождей народа мурле в Южном Судане [*Felix da Costa*, 2018]). Даже если современный африканец это не артикулирует чётко, в его не секуляризованном по-западному сознании идущая из глубоко доколониальных времён идея о сакральной связи власти и высших сил, о роли медиатора между людьми и предками как важнейшей функции правителей сохраняется – если не эксплицитно, то имплицитно (на примере акан в Гане подробно см.: [*Kallinen*, 2016]). Современные политические институты и носители заключенной в них власти выполнять эту функцию не могут. Автохтонные правители же есть проявление первооснов историко-культурной и социально-политической традиции африканских народов [*Бондаренко*, 2014]. В рамках обусловленной этой традицией культурной логики то, как африканцы «… воспринимают такие вещи, как “президентство”, “демократия” и “представительство”, абсолютно прямо связано с институтом вождей» [*Kallinen*, 2006: 78].

В связи со сказанным выше логично, что, рассматривая причины сохранения актуальности так называемых традиционных властей, П. Энглберт отмечает в числе прочих причин и неудачи нациестроительства в постколониальных государствах [*Englebert*, 2002: 8–14]. Действительно, признание гражданами законности существования автохтонных институтов не означает отрицания ими легитимности институтов государства, но порождает ситуацию «множественных легитимностей» [*Steinforth, Klocke-Daffa*, 2021: 17–20, 317–431]. В этой ситуации автохтонные институты компенсируют слабость институтов национального государства на локальном уровне (ярчайший пример этого – Сомали после 1991 г. – см., например: [*Hoehne*, 2006: 15–17; *Lewis*, 2008: 93–108; *Richards*, 2009; *Abdullahi*, 2017]). За редкими исключениями (Ботсвана, Танзания) задача эффективной интеграции автохтонных правителей в современную систему государственных институтов с тем, чтобы их влияние и деятельность шли на пользу всей нации, остаётся нерешённой, и проблема трайбализма, таким образом, сохраняет актуальность.

При этом важно понимать, что в постколониальных условиях происходит не прямое восстановление или сохранение доколониальных автохтонных политических институтов, но их дальнейшая трансформация, обусловленная тем фундаментальным фактом, что, как и в колониальные времена, эти

институты не представляют суверенные политии, а встроены в современные (эпох модерна и постмодерна) государства. Показательно в этой связи, что, как некогда колонизаторы, центральные власти некоторых постколониальных африканских государств (в частности, Намибии и Камеруна) в тех же целях удобства управления гражданами и компенсации собственной недостаточной легитимности в их глазах создают институт вождей там, где его раньше не было [*Keulder*, 2010: 160; *Awoh*, 2016]. Возможность стать вождём в обход местных норм получения этого статуса предусматривала и конституция Первой республики в Нигерии [*Кочакова*, 1993: 83]. Таким образом, начавшееся при колонизаторах изменение сути институтов традиционной власти, оснований легитимности и функций её носителей продолжилось и после ухода колонизаторов. В процессе становления и развития постколониального государства «традиционные правители» получают новые важные функции взамен или в дополнение к прежним, их институты обретают взаимонеобходимость и даже неразрывность с государственными институтами, превращаясь в «гибридные» [*Ackermann*, 2012: 11–14; *Albrecht*, 2017]. Так что «традиционность» современных «традиционных правителей» – всего лишь «полуправда» [*Comaroff, Comaroff*, 2018(b): 9].

Носители автохтонной власти проявляли большую способность адаптироваться к меняющимся условиям, начиная с колониального периода и не утратили её в современную эпоху, связанную с попытками политической демократизации и экономической либерализации, оказываясь в состоянии встроиться в новые явления, влиться в новые процессы, одновременно оказывая на них собственное влияние [*Fokwang*, 2005; *Nyamnjoh*, 2014; *Comaroff, Comaroff*, 2018(a)]. «Как и их предшественники (в колониальные времена. – *Д.Б.*), постколониальные вожди продолжают извлекать власть из своей деятельности как посредников между сферами государства и традиции» [*Willis*, 2013: 219]. Но в целом, опять же, как и при колониализме, вожди и короли оказываются в большей мере агентами государства в народной среде, чем представителями народа в государственных верхах. Государство же вынуждено позволять им многое, в том числе подменять государственное право обычным во взаимоотношениях с подданными, потому что автохтонные правители самим фактом своего существования шантажируют его возможностью неповиновения народа, если будут обижены их традиционные лидеры. Ведь подданные продолжают считать связь между собой и традиционными правителями изначальной, определяющей их идентичность и основы жизни, более крепкой и важной, чем связь с государством. Так, отмечая, что в ДРК «… традиционным вождям… местное население доверяет больше, чем центральной власти…» и что «сравнение современной и традиционной власти показывает, что последняя по своему содержанию намного ближе к африканским реалиям», Г.М. Сидорова [*Сидорова*, 2015: 112, 113] подчеркивает, что «традиционная элита продолжает активно участвовать в политическом процессе, а официальные власти, в свою очередь, ищут у неё поддержки в решающие моменты». Показательны итоги попытки камерунского государства времен однопартийности (1966–1990 гг.) официально признать традиционных правителей посредниками между собой и народом и опереться на них во взаимоотношениях с обществом: «традици-

онные власти… опосредовали отношения между государством и обществом и заставляли народ подчиняться воле государства. … В целом это привело к застою, особенно в сельской местности, следствием чего стало отсутствие разрыва (между автохтонной и современной системами управления. – *Д.Б.*) в народном сознании. В результате государство было активно вовлечено в утверждение статичного взгляда на традиционное общество, даже если это не выдерживало критики с точки зрения исторического анализа» [*Jua*, 2005: 124].

Неотрадиционализация культуры говорит о важных долговременных чертах общества. Неотрадиционализация – это случай явления, получившего название «социокультурной инверсии». По определению И.В. Следзевского [*Следзевский*, 1997: 20, 22], «это столкновение и смешение различных ценностных систем, несовместимых, разнокачественных, отражающих разные типы культур…»; в случае постколониальных обществ – автохтонных и западных. И даже не просто смешение, а совмещение, казалось бы, несовместимого, сочетание вроде бы несочетаемого. В качестве примера социокультурной инверсии, связанной с неотрадиционализацией общественно-политических отношений, можно привести Буркина-Фасо в годы правления Б. Компаоре (1987–2014 гг.). В тот период страна превратилась в «республику королей», в которой культивировался миф о доколониальной «империи моси» (основного населения страны) как идеологическом фундаменте и президентской власти, и власти поддерживавших ее традиционных правителей [*Beucher*, 2018].

В то же время неотрадиционализм проявляет себя в разных сферах жизнедеятельности постколониальных обществ и помимо осознанной политики государств, т. к. носители государственной власти просто эксплуатируют, направляя и усиливая, неотрадиционалистские тенденции в них, но не порождая феномен неотрадиционализма как таковой, поскольку во многих незападных вариантах модерна, в особенности африканских, он является атрибутом самих современных культур народов постколониальных стран. Более того: в политическом смысле «низовой» неотрадиционализм, отстаивая локальные социокультурные ценности, может противостоять неотрадиционализму государственных властей, подрывая их усилия по сплочению народа в нацию вокруг себя [*Geschiere*, 2001: 94–101, 105–106]. Одно из следствий того, что неотрадиционализм – явление в постколониальных странах общекультурное, а не узкополитическое, заключается в том, что политическая демократизация в них, приводя к исчезновению одиозных проявлений неотрадиционализма в сфере властвования, не пресекает неотрадиционализм как таковой. Более того, как любое радикальное общественное изменение, демократизация выбивает людей из привычной им жизненной колеи, лишает однозначности и определённости сознание индивидов и масс.

На таком фоне неотрадиционализм не только не исчезает, но, напротив, охватывает всё более широкие слои населения [*Moseiko*, 2006; *Denisova*, 2020: 382]. Неотрадиционные отношения, конечно, не вбирают в себя всё многообразие типов отношений в социально и культурно очень многослойных постколониальных обществах. Однако нельзя не отметить, что сегодня

они находят сферы воплощения в общественном сознании и практике, и даже просматривается тенденция к расширению этих сфер.

ЛИТЕРАТУРА

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М., 2001.

Баландье Ж. Политическая антропология. – М., 2001.

Бондаренко Д.М. Общинность: первооснова историко-культурной и социально-политической традиции субсахарской Африки // Восток. 2014. № 2.

Васильев Л.С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М., 1982.

Винокуров Ю.Н. Преломление традиционных норм общественной жизни в современном политическом процессе в странах Тропической Африки // Африка: культура и общество. Традиции и современность. – М., 1994.

Высоцкая Н.И. Политическая культура и культурная самобытность // Африка: особенности политической культуры. – М., 1999.

Иорданский В.Б. Общественное сознание в Тропической Африке. Три уровня мифологизации действительности // Народы Азии и Африки. 1990, № 4.

Комар В.И. Использование традиций и этнического фактора в государственно-политическом развитии (на примере некоторых стран Африки) // Племя и государство в Африке. – М., 1991.

Кочакова Н.Б. Традиционные институты управления и власти (по материалам Нигерии и Западной Африки). – М., 1993.

Крадин Н.Н. Политическая антропология. – М., 2004.

Мегилл А. Историческая эпистемология. – М., 2007.

Мирзеханов В.С. «Строительство нации»: государство и этнические проблемы в Заире // Африка: культура и общество. Этносоциальные процессы. – М., 1990.

Мосейко А.Н. Кризис идентичности: мифологизация процесса (Россия и Африка – сравнительный анализ) // Человек, этнос, культура в ситуациях общественных переломов. – М., 2001.

Нисневич Ю.А., Рябов А.В. Современный авторитаризм и политическая идеология // Полис. Политические исследования. 2016. № 4.

Прокопенко Л.Я. Новые политические элиты в государствах Юга Африки. – М., 2011.

Репина Л.П. Историческая память и нарративы национальной идентичности. «Практика истории на службе памяти» // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности. – М., 2020.

Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // Цепь времен: проблемы исторического сознания. – М., 2005.

Сидорова Г.М. Африка: война идей и война людей в зеркале Демократической Республики Конго (из дневника дипломата). – М., 2015.

Следзевский И.В. Социо-культурные основания формирования политических мифов // «Мифология и политика». Материалы семинара 21 октября 1997 г. – М., 1997.

Филиппова Е.И., Нора П. История и память в эпоху господства идентичностей (Интервью с действительным членом Французской академии историком Пьером Нора) // Этнографическое обозрение. 2011. № 4.

Abdullahi (Baadiyow) A. Reconstructing the National State of Somalia: The Role of Traditional Institutions and Authorities // State Building and National Identity: Reconstruction in the Horn of Africa. Cham, 2017.

Ackermann A. Cultural Hybridity: Between Metaphor and Empiricism // Conceptualizing Cultural Hybridization: A Transdisciplinary Approach. Berlin – Heidelberg, 2012.

Alassounouma B. La société et l'homme togolais. Lomé, 1981.

Albrecht P. The Hybrid Authority of Sierra Leone's Chiefs // African Studies Review. 2017. Vol. 60, № 3.

Antze P., Lambek M. (eds.). Tense Past: Cultural Essays in Trauma and Memory. N.Y., 1996.

Awoh E.L. Contesting forms of Authority and Local Governance in Cameroon // "Africa: Moving the Boundaries". 39th Annual African Studies Association of Australasia and the Pacific (AFSAAP) Conference, 5–7 December 2016, The University of Western Australia. Abstracts. https://afsaap.org.au/conferences/ perth-2016/. Просмотрено 11.01.2022.

Ayers E.L. Memory and the South // Southern Cultures. 1995. Vol. 2, № 1.

Bell D. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54, № 1.

Berger S. (ed.). Writing the Nation: A Global Perspective. Houndmills – New York, 2015.

Beucher B. La naissance de la communauté nationale burkinabè, ou comment le Voltaïque devint un "Homme integer". P., 2009.

Beucher B. Republic of Kings: Neotraditionalism, Aristocratic Ethos, and Authoritarianism in Burkina Faso // The Politics of Custom: Chiefship, Capital, and the State in Contemporary Africa. Chicago – London, 2018.

Bevernage B. History, Memory, and State-Sponsored Violence: Time and Justice. N.Y. – L., 2012.

Bierschenk T. The Local Appropriation of Democracy: An Analysis of the Municipal Elections in Parakou, Republic of Benin, 2002–03 // Journal of Modern African Studies. 2006. Vol. 44, № 4.

Bondarenko D.M., Butovskaya M.L. (eds.). The Omnipresent Past. Historical Anthropology of Africa and African Diaspora. Moscow, 2019.

Bondarenko D.M., Grätz T., Skalník P. (eds.). Anthropology, History, and Memory in Sub-Saharan Africa. In Memoriam Michel Izard // Social Evolution and History. 2014. Vol. 13, № 2 (Special Issue).

Bradbury R.E. Continuities and Discontinuities in Pre-colonial and Colonial Benin Politics (1897–l951) // History and Social Anthropology. L., 1968.

Chabal P. African Politics in Historical Perspective // Africa 2000. Prague, 2001.

Chatterjee P. The Nation and Its Fragments: Colonial and Postcolonial Histories. Princeton, 1993.

Comaroff J.L., Comaroff J. (eds.). The Politics of Custom: Chiefship, Capital, and the State in Contemporary Africa. Chicago – London, 2018 (a).

Comaroff J.L., Comaroff J. Chiefs, Capital, and the State in Contemporary Africa: An Introduction // The Politics of Custom: Chiefship, Capital, and the State in Contemporary Africa. Chicago – London, 2018(b).

Denisova T.S. The Role of Traditional Leaders in the Political Life of West Africa: The Case of Ghana // The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspective. Cham, 2020.

Dirlik A. Global Modernity?: Modernity in an Age of Global Capitalism // Interventions. 2002. Vol. 4, № 3.

Elischer S. Political Parties in Africa: Ethnicity and Party Formation. N.Y., 2013.

Ellis S., ter Haar G. Worlds of Power: Religious Thought and Political Practice in Africa. L., 2004.

Englebert P. Patterns and Theories of Traditional Resurgence in Tropical Africa // Mondes en Développement. 2002. Vol. 30, № 1.

Englebert P. Burkina Faso: Unsteady Statehood in West Africa. N.Y. – L., 2018.

Falola T. The Power of African Cultures. Rochester, 2003.

Falola T., Aderinto S. Nigeria, Nationalism, and Writing History. Rochester, 2010.

Felix da Costa D. Changing Power among Murle Chiefs: Negotiating Political, Military and Spiritual Authority in Boma State, South Sudan. Nairobi – London, 2018.

Fokwang J. Tribal Innovators? Traditional Leadership and Development in Africa // CODESRIA Bulletin. 2005, № 3–4.

Frahm O. "How a State is Made" – Statebuilding and Nationbuilding in South Sudan in the Light of its African Peers. Ph.D. thesis. B., 2014.

Gershoni Y. Tradition in the Service of a Military Regime: The Case of Liberia // Third International Conference "Hierarchy and Power in the History of Civilizations". Abstracts. Moscow, 2004.

Geschiere P. Issues of Citizenship and Belonging in Present-day Africa // Africa 2000. Prague, 2001.

Hobsbawm E. Introduction // The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Hobsbawm E., Ranger T. (eds.). The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.

Hoehne M.V. Traditional Authorities in Northern Somalia: Transformation of Positions and Powers. Halle/Saale, 2006.

Jaja J.M., Agumagu J. Adagogo-Brown E. Historical Consciousness and Nigerian Political Stability // International Journal of Arts and Humanities. 2019. Vol. 8, № 4 (31).

Jewsiewicki B. Historical Memory and Representation of New Nations in Africa // Historical Memory in Africa: Dealing with the Past, Reaching for the Future in an Intercultural Context. N.Y., 2010.

Jua N. Of Citizenship, Public Spaces and National Imagining in Cameroon // The African Anthropologist. 2005. Vol. 12, № 1.

Kallinen T. "My Solemn Responsibilities to My People": Traditional Rulers and Post-Colonial State in Ghana // Finnish Yearbook of International Law, 2004. 2006. Vol. 15.

Kallinen T. Divine Rulers in a Secular State. Helsinki, 2016.

Keese A. Ethnicity and the Colonial State: Finding and Representing Group Identifications in a Coastal West African and Global Perspective (1850–1960). Leiden – Boston, 2015.

Keulder C. (ed.). State, Society and Democracy: A Reader in Namibian Politics. Windhoek, 2010.

LaCapra D. Understanding Others: Peoples, Animals, Pasts. Ithaca – London, 2018.

Le Pape M. Traitements de l'histoire nationale au Burundi et au Rwanda // Constructions, négociations et dérives des identités régionales dans les États des Grands Lacs africains : approche comparative. Laval, 2005.

Lewis I.M. Understanding Somalia and Somaliland: Culture, History and Society. L., 2008.

Loomba A. Colonialism / Postcolonialism. L. – N.Y., 1998.

Mawere M., Mubaya T.R. (eds.). Colonial Heritage, Memory and Sustainability in Africa: Challenges, Opportunities and Prospects. Mankon, 2016.

Moseiko A.N. Africa: The Hidden Power. Paradoxes of Modernization // Fourth International Conference "Hierarchy and Power in the History of Civilizations". Abstracts. Moscow, 2006.

Nyamnjoh F.B. "For Many are Called but Few are Chosen": Globalisation and Popular Disenchantment in Africa // African Sociological Review. 2000. Vol. 4, № 2.

Nyamnjoh F.B. “Our Traditions are Modern, Our Modernities Traditional”: Chieftaincy and Democracy in Contemporary Cameroon and Botswana // Modern Africa: Politics, History and Society. 2014. Vol. 2, № 2.

Nyamnjoh F.B., Page B. Whiteman kontri and the Enduring Allure of Modernity among Cameroonian Youth // African Affairs. 2002. Vol. 101, № 405.

Nyamnjoh F.B., Rowlands M. Elite Associations and the Politics of Belonging in Cameroon // Africa: Journal of the International African Institute. 1998. Vol. 68, № 3.

Ofobuike C. Resolving Africa’s Socio-political Problems through Democratization. Nigeria in Focus // Democratization’s Trajectory through Change and Continuity in Sub-Saharan Africa. Rome: Eddizioni Nuova Cultura, 2017.

Okorie S.I. History and Nation-Building: The Nigerian Experience // POLAC International Journal of Humanities and Security Studies. 2018. Vol. 3.

Owusu-Mensah I. Politics, Chieftaincy and Customary Law in Ghana’s Fourth Republic // The Journal of Pan African Studies. 2014. Vol. 6, № 7.

Oyeniyi B.A. Colonialism, Coloniality, and Colonial Rule in Africa // Palgrave Handbook of Africa and the Changing Global Order. Cham, 2022.

Phillips K.D. Pater Rules Best: Political Kinship and Party Politics in Tanzania’s Presidential Elections // PoLAR: Political and Legal Anthropology Review. 2010. Vol. 33, № 1.

Ranger T.O. The Invention of Tradition Revisited: The Case of Colonial Africa // Inventions and Boundaries: Historical and Anthropological Approaches to the Study of Ethnicity and Nationalism. Roskilde, 1994.

Ranger T.O. The Invention of Tradition in Colonial Africa // The Invention of Tradition. Cambridge, 2012.

Richards R. Challenging the Ideal? Traditional Governance and the Modern State in Somaliland. Ph.D. Dissertation. Bristol, 2009.

Rothberg M. Remembering Back: Cultural Memory, Colonial Legacies, and Postcolonial Studies // The Oxford Handbook of Postcolonial Studies. Oxf., 2013.

Rüsen J. History: Narration, Interpretation, Orientation. L., 2005.

Rüsen J. How to Make Sense of the Past – Salient Issues of Metahistory //The Journal for Transdisciplinary Research in Southern Africa. 2007. Vol. 3, № 1.

Steinforth A.S. By What Authority? Cosmology, Legitimacy, and the Sources of Power in Malawi // Challenging Authorities: Ethnographies of Legitimacy and Power in Eastern and Southern Africa. Cham, 2021.

Steinforth A.S., Klocke-Daffa S. (eds.). Challenging Authorities: Ethnographies of Legitimacy and Power in Eastern and Southern Africa. Cham, 2021.

Tallentire J. Strategies of Memory: History, Social Memory, and the Community // Histoire sociale / Social History. 2001. Vol. 34, № 67.

Toulabour C. Le Togo sous Eyadéma. P., 1986.

Wallerstein I. The World-System and Africa. N.Y.: Diasporic Africa Press, 2017.

Willis J. Chieftaincy // The Oxford Handbook of Modern African History. Oxf., 2013.

Историческая документология: объект, предмет и задачи дисциплины

В.П. Козлов

Аннотация. *Предлагается новая комплексная научная дисциплина «историческая документология» как комплексное и интегрированное знание о документе, разрабатываемое в рамках документоведения, архивоведения, документального эдиционоведения (археографии), документального источниковедения. Даётся анализ объектов, предметов и задач этих дисциплин, а также их пересечения и частичного совпадения. Историческая документология представлена как знание о документе, его трансформации из оперативного регулятора человеческой жизнедеятельности в носителя частички документальной исторической памяти о ней.*

Ключевые слова: *документоведение, архивоведение, документальное эдиционоведение (археография), документальное источниковедение, историческая документология, документ, документальный исторический источник, документальное свидетельство, архивный документ, ценный документ, документ официального происхождения, документ неофициального происхождения, документ сакрального происхождения, документ «инициативного» документирования, документ «живого» наследия, документ средств массовой информации.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.022

Специальным изучением документа занимаются многочисленные научные дисциплины. Часть их связана с исследованием роли документа в управленческой деятельности, ещё одна посвящена документу как носителю сведений, на основе которых изучается прошлое. И в том, и в другом случаях получены общепризнанные результаты объяснения феномена документа. В российской научной традиции непосредственным изучением документа как интеллектуального продукта традиционно занимаются четыре научные дисциплины: документоведение, архивоведение, археография, документальное источниковедение. Далее мы условно будем называть их дисциплинами документально-источникового цикла. При этом, если первая из них решает задачи проектирования документа и организации работы с ним как инструментом организации человеческой жизнедеятельности, то три последующие призваны обеспечить решение вопросов сохранения, трансляции документа как носителя сведений об этой жизнедеятельности и определения их подлинности и достоверности.

Все названные дисциплины возникли в XVIII в. сначала как набор технических приёмов работы с документом, потом как их технологическое обобщение и, наконец, как теоретическое осмысление основных проблем, входящих в их объект и предмет.

Начнём с самого понятия «Историческая документология». С одной стороны, оно восходит к понятию «Криминалистическая документология», определяемому, например, как «отрасль криминалистики, изучающей закономерности возникновения и движения информации о материальном

носителе данных, средствах, методах и приёмах их исследования в целях установления обстоятельств, имеющих значение для раскрытия и расследования преступлений», или как «действия, связанные с использованием документа» [*Челышева, Сотников, Лутошкин и др.*, 2017]. С другой стороны, в последние десятилетия просто «Документология» всё чаще выступает обозначением «всеобщей теории документа», включая в себя документалистику, информатику, документоведение или даже «общие закономерности создания, распространения, хранения и применения документов» [*Столяров*, 2021:19]. Заметим, что и в том, и в другом случаях речь идёт, как можно понять, преимущественно об изучении оперативной функции документа, т. е. о его роли как инструменте организации человеческой жизнедеятельности, либо о таком уровне философского обобщения термина «документ», которое выступает как абстрактное понятие.

С позиций исследовательских практик дисциплин документально-источникового цикла такой подход не может быть приемлем, поскольку для них характерно изучение документа как социального явления и исторического источника. Именно поэтому представляется, что настало время для интегрированного рассмотрения феномена документа в рамках уже не только традиционных научных дисциплин, а интегрирующего знания под названием «Историческая документология». Поэтому неслучайно среди в основном историков-архивистов, например, Т.И. Хорхординой [*Хорхордина*, 1994: 72–74; *она же*, 1996: 177–192.] и З.И. Двоеносовой [*Двоеносова*, 2016: 36–41], звучали голоса об интегрирующей супердисциплине этих четырёх дисциплин под названием «документологии».

Задача настоящей статьи – предложить интегрированное знание дисциплин документально-источникового цикла в рамках новой научной дисциплины – исторической документологии, складывающейся как знание, объясняющее трансформацию документа из регулятора действительности в носителя памяти об этой действительности. Наш замысел сводится к тому, чтобы попытаться интегрировать документоведческое, архивоведческое, эдиционно-документологическое и документально-источниковое знание в эту единую историческую дисциплину, изучающую механизмы запоминания действительности через её регулирование с помощью документа, формирование особого типа исторической памяти – документальной, её упорядочивания, трансляции и определения её подлинности и достоверности её документальных свидетельств.

Первая задача любой формирующейся научной дисциплины – охарактеризовать её суть, познавательную модель через объект, предмет и принципы исследования объекта и предмета. В нашем понимании объектом дисциплины признаётся нечто целое, реально существующие и обладающее совокупностью определённых признаков и состояний, тогда как предметом выступает один из признаков или состояний объекта. Отвлекаясь от множества нюансов их дефиниций, отметим главное: объект – это некий фрагмент действительности, изучаемый субъектом, а предметом науки является либо определённая часть, сторона объекта, нечто конкретное в объекте, либо его свойства. Рассмотрим такие определения дисциплин документально-источникового цикла в литературе последних десятилетий.

Начнём с документоведения. Из имеющихся его определений мы можем сделать несколько выводов.

Во-первых, общая дефиниция документоведения не отличается совпадением точек зрения на её статус. Большинство (Кушнаренко [*Кушнаренко*, 2006: 148.]; Козловская [*Козловская*, 2010]; Кондратьева [*Кондратьева*, 2010: 24]; Егоров и др. [*Егоров, Слиньков, Карпычева*, 2012: 69]; Кулешов [*Кулешов*, 2012: 211]; Спиридонова [*Спиридонова*, 2014]; Еременко и Усачёва [*Еременко, Усачёва*, 2015: 8]) относят его к числу наук, другие (Булюлина [*Булюлина*, 2001: 5]; Куняев и др. [*Куняев, Уралов, Фабричнов*, 2008: 26.]; Ларин, Плешкевич и др. [*Ларин, Плешкевич, Янковая, и др.*, 2016: 8.]) видят в нём научную дисциплину, третьи (Зиновьева [*Зиновьева*, 2001: 163.]) называют документоведение научным направлением, четвёртые (Митяев [*Митяев*, 1964: 27–37]; Ларьков [*Ларьков*, 2016: 7]; Доронина и др. [*Доронина*, 2023: 7.]) предпочитают вообще не указывать его статус. Особую позицию демонстрирует нам В.Н. Автократов. В коллективной работе [*Автократов, Банасюкевич, Сокова*, 1975: 35–36] он относит документоведение к комплексной интегрированной научной дисциплине, а затем называет его прикладной дисциплиной науки о социальном управлении [*Автократов*, 2001: 92].

Не совпадают и точки зрения относительно сферы компетенции документоведения.

Во-первых, в содержательном смысле подавляющая часть дефиниций распространяет документоведческое знание на абсолютно все документы, создававшиеся и создающиеся человечеством. Иначе говоря, это не только документы официального происхождения, но и, например, документы личного происхождения. Лишь в трёх случаях мы видим ограничение документоведческого знания документами, создающимися в сфере управления (коллективная статья с участием Автократова, его рассуждение в известной монографии и в учебном пособии Л.А. Дорониной с коллективом авторов). Такое расширительное толкование документоведения противоречит утверждениям их авторов о регулирующем характере документоведения в разработке документов и систем документации, ибо невозможно представить, чтобы это регулирование в рамках документоведения могло состояться в отношении документов личного происхождения или, по нашей терминологии, документов сакрального класса, классов «устного документирования», «живого наследия». Никакое нормативное и иное регулирование документов этих классов невозможно. Их создание и функционирование опирается на традиции.

Во-вторых, начиная с К.Г. Митяева, некоторые авторы в дефиниции документоведения старательно обходят вопрос о роли объекта этой дисциплины – документа – в активной организации человеческой жизнедеятельности, сводя её только лишь к «фиксации явлений объективной действительности», «фиксации и передаче информации», «документно-коммуникационной деятельности». Иначе говоря, в таких определениях делается упор только на оперативно-информационной сущности документа, которая к тому же далеко не всегда адекватно отражает объективную реальность. На этом фоне вполне привлекательно выглядит дефиниция документоведе-

ния Н.С. Ларькова как «теоретическое осмысление вопросов, связанных с функционированием документов в обществе», если только отказаться от его широкого понимания документа. И, конечно, очень важно определение Автократова, отнесшего документоведение к дисциплинам науки управления и тем самым подчеркнувшим действенный характер её объекта.

Нетрудно заметить, что, говоря о документоведении, в качестве его объекта многие авторы, во-первых, называют не только документ в его расширительном толковании (Автократов, Кушнаренко, Егоров и др., Кулешов), но и «системы документации» (Сокова, Козловская, Кондратьева), совокупность документов. В последнем случае нет ясности с тем, что такое «совокупность документов», зато совершенно очевидно, что если объектом дисциплины является документ, то «системы документации» есть ничто иное как производное от него, одна из характеристик его особого состояния в период оперативного бытования как инструмента организации жизнедеятельности, и не требуют включения в объект изучения, автоматически подразумевая такую необходимость. Во-вторых, в ряде дефиниций объекта документоведения мы обнаруживаем указания на исключительно прикладной характер этой дисциплины, выражающийся в «…создании, производстве, хранении, распространении и использовании документов, создании систем документации». Как увидим ниже, подчеркивание прикладного характера знания об объекте дисциплины является характерным для всех дисциплин документально-источникового цикла. Наконец, мы должны особо выделить точку зрения Митяева, основателя документоведения, который в её объекте видел исключительно «управленческие документы», т. е. документы официального происхождения.

Справедливости ради заметим, что в определениях предмета документоведения авторы хотя и не едины, но всё же стараются отойти от его толкования как прикладного знания, говоря, например, об изучении «закономерностей развития документации для повышения качества функционирующих систем документационного обеспечения» (Сокова), «создании научного знания о документе в единстве его информационной и материальной составляющих, о закономерностях создания и функционирования документов в обществе» (Кушнаренко, Куняев и др., Егоров и др., Ларьков). На наш взгляд, последнее определение предмета документоведения выглядит вполне убедительно. Однако получение такого научного знания его авторы связывают с документом вообще, а не только с официальным документом, что, как мы уже говорили, принять невозможно.

С учётом проведённого анализа определений документоведения, его объекта и предмета мы видим в нём специальную дисциплину, связанную с социальным управлением, изучающую закономерности, принципы, методы создания официального документа и его оперативное бытование как регулятора жизнедеятельности человека, общества, государства на разных этапах их исторического существования.

И общие дефиниции документоведения, и дефиниции его объекта и предмета за отдельными исключениями обходят вопрос о границах документоведения и архивоведения, являющиеся одновременно границами их объектов и предметов. Более того, в ряде определений дисциплины факти-

чески стирается грань между документоведением и архивоведением, когда, например, в объект первой включаются «процессы создания, обработки и хранения и использования документов». Понятно, что процессы оперативного документирования сопровождаются созданием, обработкой, хранением и использованием документов. Однако в отличие от архивоведения, имеющего дело с обработкой, хранением и использованием ценных документов, в документоведении эти процессы связаны со всеми, ценными и не ценными, документами. На это справедливо указывает одно из приведённых выше определений объекта документоведения: «документ, все документы, независимо от их архивной ценности».

Памятуя наше замечание о границах документоведения и архивоведения, рассмотрим толкования архивоведения, его предмета и объекта.

Говоря о статусе архивоведения, подавляющее большинство авторов её дефиниции относят её к комплексным научным дисциплинам. Такое определение восходит к «Словарю архивной терминологии социалистических стран» [Словарь современной архивной терминологии... 1982: 25], до сих пор сохраняющему свою актуальность. И если понимать под комплексностью объединение разобщённых, но связанных друг с другом сведений, то такой статус архивоведения очевиден. Авторы учебника под редакцией Шумейко [Архивоведение, 2013: 9] специально подчёркивают это, отмечая, что архивоведение объединяет такие «специальные дисциплины» как теория, методика архивного дела, история и организация архивного дела, архивное право, научная организация труда в архивах. Однако комплексность не является каким-то особым признаком только архивоведения. Она характерна, например, для всего комплекса дисциплин документально-источникового цикла. Ничего не даёт в понимании статуса архивоведения и его отнесение просто к наукам [*Шумейко, Козак, Селеменев*,1997: 6]. На этом фоне принципиальным выглядит толкование архивоведения Автократовым [*Автократов*, 2001: 37], отнёсшем его к историческим научным дисциплинам. Как можно понять Автократова, историческую суть архивоведения он видел не в истории самой архивоведческой мысли (история того или иного знания автоматически входит в предмет его изучения), а в изменчивости во времени объекта и предмета его исследования.

Авторы приведённых выше дефиниций почти едины в определении действенного характера архивоведения, которое либо «изучает», либо «разрабатывает», либо «разрабатывает и изучает» сферу своих интересов. Однако сама сфера таких интересов обозначается по-разному. У одних это теоретические, правовые и методические вопросы архивного дела ([Словарь современной терминологии… 1982]; Булюлина [*Булюлина*, 2001: 3]; Левковский [*Левковский*, 2006: 3]; учебник под редакцией Шумейко; Попова [*Попова*, 2014: 4]; Малышева [*Малышева*, 2016: 6]; Раскин и Соколов [*Раскин*, *Соколов*, 2017: 13]), у других – история, организация, теория и методика работы архивов (Шумейко и др.; Шульгина [*Шульгина*, 2014: 7]), у третьих – просто «вопросы, связанные с деятельностью архивов» [*Старостин*, 2005]. Ряд авторов сферу архивоведческого знания связывают с теоретическими, правовыми и методическими вопросами «науки об архивах» (Алексеева и др. [*Алексеева*, *Афанасьева*, *Бурова*, 2007: 3]; Бурова и др. [*Бурова*, *Алексее-*

ва, *Афанасьева*, 2012: 16, 22]; Спичак [*Спичак*, 2018: 7]), теоретическими, методическими, правовыми и др. вопросами научного знания об архивах (Даховник [*Даховник*, 2019: 6.]), научными, правовыми и методическими вопросами архивного дела (Бурова и Ромашин [*Бурова*, *Ромашин*, 2022: 6]), теорией и методикой работы с архивными документами, организационными вопросами архивного дела, его историей (Автократов).

По нашему мнению, все эти определения требуют уточнений. Во-первых, определение научной дисциплины через науку есть ничто иное как классический «круг» с точки зрения терминоведения. Во-вторых, мы видим своего рода «плавающий» характер понимания базовой основы формирования или применения архивоведческого знания: в одних случаях – архивное дело, в других – архивы. Особая точка зрения на этот счёт предложена Автократовым: базовой основой архивоведения он называет не только архивное дело, но и архивные документы.

Уже Д.Я. Самоквасов [*Самоквасов*, 1902. Приложение: 34] говорил «о науке архивоведения». В его труде мы видим два определения этого понятия. Самоквасов пишет о ней как науке, «дающей практические сведения, необходимые для рациональной постановки архивной службы по хранению в порядке и целости, классификации, описанию и изданию подлинных архивных документов, и уничтожению ненужных архивных бумаг». Как видим, в данном случае под архивоведением учёный понимал технологическое архивоведение, определив основной круг её проблематики и даже расширил её до публикации архивных документов. Однако выше Самоквасов говорит о другой науке архивоведения как «науке, имеющей свою специфическую задачу изучения истории архивов, архивного законодательства и истории, и деятельности учреждений, оставивших акты и документы своего делопроизводства». Как видим, оба определения учёного носят больше и даже преимущественно технологический характер.

Нетрудно заметить, что и многие современные определения архивоведения так или иначе повторяют Самоквасова. Они включают в дефиницию ряд сфер деятельности, которые относятся к архивному делу – архивное право, научная организация труда в архивах.

Иначе говоря, по большому счёту в современной литературе нет единого понимания архивоведения как научной дисциплины. Приведённые определения архивоведение как системы теоретических знаний на самом деле в своём большинстве есть ничто иное как определения архивного дела, т. е. прикладного знания об архивном документе и архиве. Это особенно становится ясным при знакомстве с содержанием соответствующих учебников и учебных пособий – там собственно архивоведение есть ничто иное как архивное дело, т. е. технологии работы с архивным документом.

Рассмотрим современные толкования объекта и предмета архивоведения как научной дисциплины.

Объект архивоведения в толковании дисциплины формулируется крайне противоречиво. Мы встречаем включение в него «текста или другой информации» (Попова), ретроспективной архивной информации (Шумейко и др.; Автократов), просто документа (Шульгина [*Шульгина*, 2014: 7-8]; Малышева), документа, хранящегося и подлежащего хранению в архиве (Алексее-

ва), только архивного документа (Бурова и др.,), архивных документов и их копий, хранящихся в архивах, а также комплексов этих документов (Раскин; Даховник), архивного документа или ретроспективной документной информации (учебник под редакцией Шумейко), наконец, архивного дела (Нестерович [*Нестерович*, 2007: 154]; Бурова и Ромашин).

Итак, в определении объекта архивоведения, отвлекаясь от нюансов, мы видим три точки зрения. Первая связывает его с прикладным характером определённой человеческой деятельности, каким является архивное дело, функционирующее на законодательных нормах, правилах, методиках и практических действиях. Вторая основывается на информационном подходе, видя в объекте архивоведения ретроспективную архивную информацию или даже просто информацию. Третья точка зрения видит в объекте дисциплины документ или только архивный документ. Заметим, что ни одна из этих точек зрения, на наш взгляд, не выдерживает критики. Первая носит слишком неопределённый характер. Согласно ей, архивоведение распространяет свою компетенцию, например, на строительство архивохранилищ или коммунальное обеспечение, без чего архивное дело существовать не может. Вторая делает объект архивоведения «бестелесным», словно бы архивоведению безразличен носитель документной информации. Третья точка зрения на фоне двух первых представляет интерес, но из-за неопределённости понимания документа и архивного документа явно нуждается в уточнении.

По большому счёту, отвлекаясь от нюансов, в понимании предмета архивоведения мы обнаруживаем также три точки зрения, Подавляющее большинство авторов (Шумейко и др., Алексеева, Бурова и др., Бурова и Ромашин, учебник под редакций Шумейко, Попова, Раскин, Даховик, Тельчаров [*Тельчаров*, 2020: 9]) видят в нём основные функции архива (комплектование, обеспечение сохранности, использование). Вторая точка зрения связывает предмет дисциплины с архивными документами, находящимися на хранении и подлежащими хранению (Шульгина, Малышева). Третья точка зрения, принадлежащая Автократову, к предмету архивоведения относит архивную информационную среду – первичную и вторичную ретроспективную архивную информацию.

В нашем понимании архивоведение как комплексная прикладная историческая дисциплина представляет собой систему знания, рассматривающего архивный документ как носитель информации, его трансформацию из регулятора человеческой жизнедеятельности в ценный архивный документ, обоснование необходимости сохранения и использования такого документа.

Обращаясь к определению археографии, её объекта и предмета, обратим внимание на представление в литературе о статусе дисциплины. Она называется то «вспомогательной» (Максаков [*Максаков*,1950: 64]; Булыгин [*Булыгин*, 1961]; О.Ф. Козлов [*Козлов О.Ф.*, 1976: 38-39]), то специальной (Варшавчик и др. [*Варшавчик*, *Яковлев*, *Моисеев*, *Черноморский*, 1975: 98], Булыгин [*Булыгин*, 1970]; Черных [Черных, 2003: 42]), то «особой дисциплиной» (Тихомиров [*Тихомиров*, 1962: 11]), то «прикладной исторической дисциплиной» (Леонтьева и др. [*Леонтьева*, *Шорин*, *Кобрин*, 2000: 94]), то «самостоятельной научной дисциплиной» (Ав-

тократов [*Автократов*, 1973: 43]), «научной дисциплиной или наукой» (Шумейко [*Шумейко*, 2002: 90]), просто «дисциплиной» (Степанский [*Степанский*, 1996: 16-25], Хоруженко [Хоруженко, 2014]), «специальной наукой» (Добрушкин [*Добрушкин*, 1992: 7, 9]), просто «наукой» (Степанский [*Степанский*, 1997: 117]). Такой разброс мнений (фактически восемь точек зрения) мы склонны относить не столько на счёт разного понимания статуса археографии, сколько объяснить неопределённостью понимания в наше время вспомогательных и специальных наук исторического познания.

В определении статуса археографии обращают на себя внимание две точки зрения. Первая (Селезнёв [*Селезнёв*, 1974: 12]) характеризовала дисциплину как «область научного знания и специальную историческую дисциплину». Она встретила критику почти сразу после её обнародования. Нечёткость и расплывчатость статуса археографии здесь очевидны. Но если мы допустим, что под областью научного знания автор понимал некий объект познания, то обозначение его познания специальной исторической дисциплиной снимает недоразумения. Ниже мы вернёмся к этому вопросу еще раз.

Вторая точка зрения (Шмидт [*Шмидт*, 2005]) определяла статус археографии не просто как специальной исторической дисциплины, а как дисциплины историко-филологической. Её автор исходил при этом из того, что публикациями документов пользуются не только историки, но и филологи, последние к тому же издают и специальные тексты, нужные им для работы. Такая точка зрения не расширяла, как могло показаться, а сужала понимание археографии. В самом деле, документальными публикациями могут пользоваться не только историки и филологи, но и представители других наук. Например, очевидно, что документальная публикация «Атомный проект СССР» будет интересовать физиков не меньше, чем историков. Кроме того, могут публиковаться научно-технические документы или фотодокументы. Они привлекут внимание инженеров или специалистов в области изобразительного искусства. Иначе говоря, невозможно очертить археографию каким-либо признаком происхождения документов или специализацией их пользователей при их обнародовании. Любая документальная публикация исторична по своей сути и, следовательно, признак историчности входит в её статус автоматически.

В этих определениях мы обнаруживаем и две трактовки археографии – «широкое» и «узкое».

Первая видит в этой дисциплине не только публикацию документов, но и их собирание и описание. Понятно, что ко времени возникновения «широкого» толкования это было оправданным, поскольку архивоведения в России тогда просто не существовало. Но позднейшее развитие архивоведения и архивного дела полностью лишили понятие «археография» той части его содержания, которая связана с собиранием (комплектованием) и описанием документов. Однако устойчивое существование широкого толкования «археографии» является реальностью, хотя и явно требующим уточнения.

Вторая точка зрения рассматривает археографию как обнародование документов, т. е. как всего лишь часть «широкого» понимания дисциплины,

уходя своими корнями ещё в её дореволюционную трактовку как раздела архивоведения.

Показательно, что сторонники того и иного понимания археографии весьма противоречиво характеризуют то, с чем эта дисциплина имеет дело, т. е. её объект. На этот счёт существуют не менее девяти точек зрения: исторические документы (Максаков, Селезнёв), письменные исторические источники (Булыгин, О.Ф. Козлов, Шумейко, Шмидт), текст (Тихомиров), документы (Валк [*Валк*, 1962: 464]), исторические источники (Варшавчик, Степанский, Леонтьева, Хоруженко), документ как исторический источник (Добрушкин), архивные документы (Степанский), памятники (Поздеева [*Поздеева*, 2003: 59]), археографические материалы (Нестерович [*Нестерович*, 2008: 78]). Заметим сразу: некоторые из них или небрежны, или анахроничны. Например, термин «исторические документы» двусмысленен, под ним можно понимать и любые документы прошлого, и документы, имеющие особо важный исторический смысл. Другие, например, «материалы», «памятники» анахроничны. Третьи, на наш взгляд, необоснованно сужают поле деятельности археографии и противоречат существующей практике подготовки документальных публикаций (только «письменные исторические источники», «архивные документы») или её расширяют до неопределённости («исторические источники»). На этом фоне выделяется точка зрения Тихомирова, утверждавшего, что археография занимается «текстами».

Наконец, практически для всех определений археографии независимо от того подразумевают они «узкое» или «широкое» ее понимание, обнаруживаются особые характеристики её задач. Так или иначе, иногда не в совсем отчётливом виде авторы преимущественно видят в ней: а) некий процесс деятельности (Булыгин, Степанский, Поздеева, Шмидт, Нестерович), которая «собирает», «описывает», «издаёт», «публикует» документы, или источники, или памятники; б) «обобщение», «разработку», «анализ», «изучение» неких процессов и результатов деятельности (Валк, Тихомиров, Максаков, Селезнёв, О.Ф. Козлов, Добрушкин, Леонтьева и др.); в) процесс и обобщение всего, что с ним связано (Варшавчик, Хоруженко). Ряд авторов (Каштанов [*Каштанов*, 2003: 67]; Хоруженко) в дефинициях археографии предпочли отказаться от её особых характеристик. Иначе говоря, преобладает деятельный, процессуальный характер дисциплины, т. е. делается упор на прикладной, практический характер археографической работы и лишь иногда указывается в качестве одной из её задач некое теоретическое обобщение прикладной работы по изданию, описанию и собиранию документов.

Констатировав эти принципиально важные наблюдения, заметим, что они все равно не обеспечивают главное – статус археографии не как прикладного знания, а как научной дисциплины. Как уже говорилось выше, характер и своеобразие любой научной дисциплины можно увидеть при рассмотрении её объекта и предмета.

Большинство авторов (Максаков, Булыгин, Тихомиров, Варшавчик, О.Ф. Козлов, Шмидт, Хоруженко) не выделяют ни объекта, ни предмета археографии, другие не называют либо её объекта (Автократов, Леонтьева), либо предмета (Нестерович). Во всех этих случаях авторы, вероятно, исхо-

дили из того, что предложенные ими дефиниции археографии охватывают её объект и предмет.

Зато те из них, кто дополняют свои определения этой дисциплины дефинициями её объекта и предмета демонстрируют нам поразительное разнообразие их трактовок. Объектом археографии называют «ретроспективную публикацию» (Степанский), документальную публикацию (Шумейко), «памятники письменности (Черных, Поздеева), «письменные исторические источники» (Сметанникова [*Сметанникова*, 2015]), археографический материал или «археографическую работу» (Нестерович). Предметом археографии одни авторы называют «теорию и методику научной публикации исторических источников» (Автократов, Степанский), «научную публикацию» (Добрушкин), просто документальную публикацию (Черных) «состав и содержание опубликованных источников (Степанский), историю археографии (Степанский), все виды работ по подготовке документальной публикации (Леонтьева), теорию и практику издания письменных источников (Сметанникова), собирание, описание, издание памятников письменности (Поздеева). Особую точку зрения на предмет археографии имеют Каштанов и Шумейко, пытающиеся объединить в своих определениях теорию, методику, практику подготовки документальных публикаций и историю их подготовки.

Отметим прежде всего несовпадение не столько точек зрения по поводу объекта или предмета археографии, но встречающееся принципиальное расхождение трактовки её объекта и предмета, выражающегося в том, что одни авторы называют объектами то, что у других авторов признается предметами дисциплины. Для нас в этом смысле принципиально важным является оппозиция документа – документальная публикация в определении объект-предмет или предмет-объект. В первом случае речь идёт о некоем состоянии феномена документа, выражающемся в его обнародовании. Иначе говоря, здесь археография рассматривается как особый аспект изучения феномена документа. Во втором случае объектом становится некая цель, связанная с созданием особого информационного продукта с использованием документа. Собственно говоря, уже это своего рода дихотомное понимание объекта и предмета археографии открывает простор для дискуссии.

С учётом сказанного, вероятно, мы должны согласиться с тем, что объектом археографии является документ. И, вероятно, не просто документ, а ценный документ. И не просто ценный документ, а ценный общедоступный, т. е. публичный документ, становящийся таковым в том числе через его документальную публикацию. Таким образом, первым проблемным вопросом после толкования термина «археография» становится понимание терминов «документ», «ценный документ», «публичный документ».

Но если объектом археографии признать ценный публичный документ, то предметом будет текст информации этого документа, во-первых, как определённой системы кодировки информации конкретного документа и, во-вторых, как её интерпретации, т. е. установление в информации бессмысленного, устранение непонятного и уточнение ясного документальных свидетельств. Таким образом, толкование понятия «текст документа»

становится исходным в понимании предмета археографии. В свою очередь задача интерпретации информации документа означает, что она может быть решена в рамках особой формы её трансляции – документальной публикации.

Такой подход ликвидирует противоречие в разных трактовках объекта и предмета археографии. Одновременно он позволяет определить археографию как специальную историческую дисциплину, обеспечивающую через документальную публикацию трансляцию текста ценного документа, становящегося общедоступным, публичным. Такое определение, кстати, даёт возможность понять и предмет документального источниковедения как свидетельство или совокупность свидетельств текста исторического источника, т. е. публичного документа.

Вместе с тем, это определение не решает проблемы «широкого» и «узкого» понимания археографии. Применительно к узкому её толкованию оно в наше время носит ложноориентированный характер, если учесть, что «графио» означает всё же письмо, письменный документ, а «археo» ограничивает хронологию таких письменных документов XVII в., а мы знаем, что современное толкование документа, включая ценный, не ограничивается документом письменным и тем более временем его создания. Учитывая это, мы и предлагали отказаться вообще от термина «археография» в его «узком» понимании и использовать вместо него термин «документальное эдиционоведение» как научной дисциплины, обеспечивающей через документальную публикацию трансляцию текста любого ценного общедоступного документа. Таким образом, мы завершим конфликт между «широким» и «узким» толкованием археографии, оставив сторонникам «широкого» толкования её отстаивание не только в научных, но и в бюрократических кругах.

Теперь посмотрим, как в нашей литературе определяется источниковедение и её объект и предмет. Заметим сразу, что, говоря об источниковедении, почти все авторы согласно имеют в виду не науку о разнообразных источниках, а в первую очередь источниках документальных. Однако этот реальный содержательный смысл термина как «источниковедения документального» нигде не отмечается, а если и каким-то образом указывается, то в ограниченном смысле в отношении письменных документов определённого вида.

Как и в случае с археографией общая дефиниция источниковедения представлена далеко не совпадающими точками зрения. Её статус определяется как «наиболее широкая» из вспомогательных исторических дисциплин (Черепнин [БСЭ. Изд.2. М.,1953]), специальная или вспомогательная историческая дисциплина (авторы учебника 1970 г. [Источниковедение истории СССР X1X – начала XX в.М.,1970: 4]), специальная историческая дисциплина (Стрельский [*Стрельский*, 1968: 53]), наука (Шмидт [*Шмидт*, 1969: 14]; Георгиева [*Георгиева*, 2016: 12]), гуманитарная наука (Медушевская [*Медушевская*, 2008: 352]), гуманитарная дисциплина (Данилевский и др. [Источниковедение: учебное пособие, 2015: 8]), научная дисциплина (коллектив авторов учебника Саратовского ГУ [Источниковедение: задачи, классификация и анализ… 2010: 1]), историческая дисциплина (коллектив авторов учебника 1973 г. [Источниковедение истории СССР, 1973: 3]),

специальная отрасль научных исторических знаний или наука (Варшавчик [*Варшавчик*, 1984 14]; Фофанова [*Фофанова*, 2009: 1]), отрасль исторической науки (Румянцева и Володин [*Румянцева*, *Володин*, 2008]), наконец, как особый метод гуманитарного познания (Данилевский и др. [*Данилевский И.Н. и др*. Источниковедение. Теория. История. Метод... 1998: 21; то же и в издании 2004 г.], Шалаева [*Шалаева*, 2014: 4]). Заметим, что ряд определений источниковедения явно преувеличивает статус дисциплины, относя её к наукам, в первую очередь гуманитарным, или видя в ней особый метод гуманитарного познания.

Больше единства в дефиниции источниковедения мы обнаруживаем при характеристике её авторами познавательного поля дисциплины. На общем фоне отсутствия упоминаний об этом (Данилевский и др., Бокарёв и др. [*Бокарёв*, *Борисова*, *Журавлёв и др.*, 2004: 5], Медушевская, Голиков и Круглова [*Голиков*, *Круглова*, 2012], Шалаева, коллектив авторов учебника 2015 г. [Источниковедение: учебное пособие. 2015: 8.]) сложилась устойчивая традиция видеть в нём исторические источники (Черепнин, Шмидт, коллективы авторов учебника 1973 г. [Источниковедение истории СССР, 1973: 3.], Варшавчик, Румянцева и Володин, Георгиева), просто источники (Стрельский [*Стрельский*, 1968: 53.]; Кабанов [*Кабанов*, 1997: 24-25], Фофанова) или даже только письменные исторические источники (коллектив авторов учебника 1970 г.).

Это поле дополняется рассуждениями о задачах источниковедения. Утверждается, что оно: разрабатывает методы изучения и использования источников (Черепнин, коллектив авторов учебника 1970 г., Грицкевич и др. [*Грицкевич*, *Каунс*, *Ходин*, 2000: 9, 10]), теорию и методы изучения, анализа добывания и использования фактов (Стрельский, коллектив авторов учебника 1973 г.), методы извлечения достоверных сведений из источников (коллектив авторов учебника 2010 г.), теорию, методику, технику и историю изучения источников (Румянцева и Володин), теорию и практику использования источников (Варшавчик, Фофанова), приёмы выявления, изучения и использования источников (Шмидт), изучает типы исторических источников (коллектив авторов учебника 2010 г.), оценивает возможности использования источника (Кабанов).

Иначе говоря, при всей противоречивости дефиниций источниковедения мы обнаруживаем в их части некий особый содержательный смысл, который находит своё развитие в определениях объекта и предмета этой дисциплины ряда авторов.

Но прежде всего обратим внимание на то, что во многих определениях источниковедения отсутствуют дефиниции как его объекта, так и предмета. Иначе говоря, далеко не все авторы согласны с тем, чтобы говорить и об объекте, и о предмете документального источниковедения, полагая достаточным выделить либо только объект, либо только предмет этой дисциплины. Отнесём это на счёт того, что авторы в этих случаях полагали, что объект и предмет или то и другое присутствуют в их общих дефинициях дисциплины, либо стали следствием авторских небрежностей.

Зато несколько дефиниций объекта и предмета дисциплины представляют несомненный интерес. В большинстве дефиниций объект носит отчетливо

выраженный материальный характер. Это либо исторический источник (Грицкевич, Фофанова, Шалаев, Никулин, Русинова, Данилевский и др,. авторы учебника 2010 г.), либо интеллектуальные продукты, либо созданные людьми культурные объекты или произведения, возникшие в процессе целенаправленной человеческой деятельности (Медушевская, Данилевский и др., авторы учебника 2010 г.). Согласно этим определениям, и документ, и документальный источник входят в объект источниковедения.

Вместе с тем значительное число учёных относят исторические источники к предмету источниковедения (Стрельский, Варшавчик, Данилевский и др., Шалаева). Но в целом предмет источниковедения в литературе характеризуется очень противоречиво как теория и практика изучения исторических источников (Шмидт, коллектив авторов учебника 2010 г.); конкретные стороны, свойства и отношения объектов, которые изучаются (Грицкевич и др.); выяснение природы и сущности источников (Фофанова); совокупность произведений как целостный системный объект (Шалаева); система: историческая действительность – исторический источник – историческое знание (Русинова); изучение исторического источника как культурного феномена (Данилевский и др.). Как видим, что за небольшим исключением трактовка предмета источниковедения в литературе выглядит очень неопределенно или во всяком случае требует дополнительных пояснений. Кроме того, в определении предмета источниковедения мы явно обнаруживаем однозначное отсутствие корреляции с понятием объекта как вполне конкретной предметной сущности.

Но замечательно, что несмотря на это, большинство из них видят либо в объекте, либо в предмете источниковедения единую сущность, называя её по-разному: то «историческим источником», то «объектом культуры», то «интеллектуальным продуктом». При этом подчёркивается, что речь идёт исключительно о продукте, создаваемом человеком. Произведения природы (горы, реки, моря, деревья, камни и т. д.) решительно исключаются из числа таких продуктов. Зато едва ли не первостепенное место среди разных предметных интеллектуальных сущностей занимает документальный исторический источник. Это даёт нам основание выделить из источниковедения как познания носителей свидетельств о прошлом любых интеллектуальных продуктов ту её часть, которая может быть названа документальным источниковедением.

Любопытна статистика проанализированных работ.

Статистика определений в литературных источниках дисциплин документально-источникового цикла, их объектов и предметов

Дисциплина	Определение	Объект	Предмет
Документоведение	18	17	13
Архивоведение	18	15	13
Документальное эдиционоведение	20	9	8
Документальное источниковедение	17	10	11
ИТОГО:	73	51	45

Как видим, наибольшую трудность для авторов всех без исключения определений дисциплин документально-источникового цикла представляют формулировки их предметов – именно их они стараются обойти. Анализ показывает их общий и исходный теоретический посыл, связанный с соотношением объекта и предмета каждой из дисциплин, определений четырёх дисциплин архивоведческого цикла, их объектов и предметов.

Если объект каждой из дисциплин – это всегда некая физическая, постоянная и неизменчивая сущность, то предмет – почти всегда некий мыслительный или практический процесс, действие. Предмет выступает не как часть состояния, свойств объекта, а как активная, действенная сторона его изучения, предполагающая постоянное изменение. Если объект всегда независим от исследующего его субъекта, то предмет, наоборот, постоянно формируется и изменяется субъектом. Иначе говоря, предметы названных дисциплин в литературе преимущественно подчеркивают их прикладной характер, с чем невозможно согласиться. Во-первых, объекты и предметы нередко пересекаются, а во-вторых, вне пределов рассмотрения этих дисциплин остаются целые блоки проблемных вопросов, связанных с документом, которые требуют не прикладных, а теоретических разработок. Например, до сих пор остается открытым вопрос о самом определении документа, оно простирается от его широкого толкования как любого интеллектуального продукта, до узкого – как документа официального происхождения. До сих пор можно встретить утверждение, что, например, фотография – это не документ. Нет единства в толковании понятия «ценный документ», «документальный исторический источник», в понимании такого элемента документа как его текст – здесь мы видим включение, с одной стороны, в это понятие даже носителя документа, а с другой – разбивку понятия документ на «текстовой» и «нетекстовой» документы. Уже только эти замечания говорят о том, что теоретическое поле рассматриваемых дисциплин документально-источникового цикла обширно и имеет большие перспективы для разработки.

Приведённые выше определения показывают зоны совпадения, пересечения и расхождения объектов и предметов архивоведения, документального эдиционоведения, документального источниковедения.

Если мы ещё раз вернёмся к понятию объекта в документоведении, архивоведении, документальном эдиционоведении и документальном источниковедении, то увидим, что все его определения так или иначе восходят к понятию «документ» и по существу связаны с различными состояниями документа. В документоведении – это документ официального происхождения. В архивоведении – это архивный документ, т. е. любой документ, утративший своё оперативное значение и хранящийся в архиве. В документальном эдиционоведении – это ценный документ, признанный необходимым быть обнародованным. В документальном источниковедении объектом выступает документальный источник, т. е. общедоступный документ.

Если следовать логике понимания предмета дисциплины в науковедении, то, в документоведении им является официальный документ, утративший и не утративший своего оперативного значения, в архивоведении предметом изучения являются ценные документы, т. е. документы, подлежащие веч-

ному сохранению в силу значимости его определённых признаков, прежде всего содержания, и особенностей носителя для современных и будущих поколений. Соответственно предметом документального эдиционоведения становится текст ценного документа, подлежащего обнародованию, в документальном источниковедении – документальные свидетельства текста документального исторического источника.

Сказанное позволяет нам выстроить системы объектов и предметов дисциплин документально-источникового цикла, включая историческую документологию, следующим образом:

Название дисциплины	**Объект дисциплины**	**Предмет дисциплины**
Документоведение	Официальный документ	Оперативный и архивный официальный документ
Архивоведение	Архивный документ	Ценный архивный документ
Документальное эдиционоведение (Археография)	Ценный документ	Текст ценного документа
Документальное источниковедение	Документальный исторический источник	Документальное свидетельство документального исторического источника
Историческая документология	Документ	Документальная историческая память

Таким образом, объект исторической документологии – любой документ с его двойственной природой может быть оперативным регулятором человеческой жизнедеятельности, с одной стороны, и способностью запоминать эту жизнедеятельность, быть носителем документальных свидетельств о ней, т. е. документ в постоперативных фазах его бытования – с другой. Это любой создающийся человеком документ независимо от его происхождения, вида, значимости для современности и будущего. Именно историческая документология может быть призвана изучать документирование человеческой жизнедеятельности – создание, коммуникацию документов – в качестве одного из феноменов производства интеллектуальных продуктов как специфическом инструменте регулирования жизни в процессе межгосударственных взаимодействий, взаимодействий между людьми, между людьми и государством и запоминания действительности в документе. При изучении документа историческая документология привлекает наблюдения архивоведения для оценки значения такого запоминания в различных документах в процессе формирования документальной исторической памяти как особого типа памяти исторической [*Козлов В.П.*, 2021]. Процесс такого изучения распространяется на трансляцию документальной памяти, принципы и методы которой разрабатываются документальным эдиционоведением в отношении текста ценного документа [*Козлов В.П.*, 2017]. Объект исторической документологии – документ – оказывается шире объектов всех других дисциплин, объектами которых являются либо только официальный документ (документоведение), либо только архивный документ (архивоведение), либо только ценный документ, трансформировавшийся в документальный исторический источник (документальное эдиционоведение, документальное источниковедение).

Предмет дисциплины – документальная память как совокупность неограниченного множества различных типов документальных свидетельств (свидетельство-факт, свидетельство-событие, свидетельство-явление, свидетельство-процесс), зафиксированных в текстах документов [*Козлов В.П.*, 2022: 152–215]. Эта дисциплина призвана устанавливать особенности документирования жизнедеятельности государства, общества, человека, её разных сфер, запоминания их состояний в виде документальных свидетельств, устанавливать достоверность таких свидетельств и подлинность их носителей. Иначе говоря, историческая документология нацелена на решение задач, связанных с обеспечением общества пригодными, т. е. подлинными и достоверными документальными свидетельствами о прошлом. К числу таких задач относятся: 1) изучение во времени эволюции документа как текста, информации и её носителя; 2) исследование трансформации документа в процессе его бытования от создания до обретения состояния покоя и статуса документального исторического источника; 3) рассмотрение документа как элемента определённой документной системы в рамках сферы его происхождения и сферы обращения; 4) анализ взаимодействия документа в стадии его покоя с общественным сознанием как сложившихся текста и документальных свидетельств: 5) рассмотрение существующих и выработка новых методов анализа пригодности документа в познании прошлого.

Предмет исторической документологии лишь пересекается с предметами других дисциплин документально-источникового цикла, в первую очередь документального источниковедения. Нося исключительно когнитивное измерение, он опирается на предметы других дисциплин, существуя в виде текста ценного архивного и опубликованного документов.

Всё это говорит о том, что историческая документология может являться комплексной научной дисциплиной, охватывающей знания других дисциплин документально-источникового цикла. Одновременно историческая документология объединяет в единое целое исследование особой миссии документа как регулятора человеческой жизнедеятельности и носителя документальной памяти о свершившемся при таком регулировании для получения достоверных свидетельств о прошлом. Отсюда вытекает познавательная и институциональная самостоятельность этой дисциплины как комплексного и интегрированного знания, ориентированного в первую очередь на осмысление роли документальной памяти, установление её «полезности» для исследования прошлого через изучение документа как документального исторического источника. В результате взаимодействия познающего субъекта с объектом и предметом исторической документологии рождается «чистое» знание о них. Такое знание даёт возможность воздействовать на объект и предмет в определённых интересах, т. е. осуществлять их регулирование в допустимых и достижимых пределах, демонстрируя прикладной характер этой дисциплины.

Если отвлечься от деталей, то главной задачей исторической документологии является поиск ответов на вопросы: для чего человечеству потребовалось такое изобретение как документ, зачем нужно его сохранение уже как архивного документа, как происходит его трансформация в частичку историко-культурного наследия и трансляция его памяти о прошлом для

обеспечения общественных запросов настоящего и будущего. Ответы на эти вопросы имеют прямое отношение к жизнедеятельности общества, т. к. в их основе находится понимание документальной памяти как особого типа памяти общества о себе в прошлом и признание важности её сохранения и использования в современной и будущей жизни людей. Здесь недостаточно уповать на то, что документы также представляют собой артефакты, здесь речь идёт о доказательстве пользы правдивой истории, которая может быть создана и сегодня, и через тысячу лет только и преимущественно на основе документальной памяти – неизменчивой во времени, непрерывной и разнообразной, как правило, непосредственно фиксирующей происходящее, обладающей высокой степенью неприкосновенности. Историческая документология, таким образом, тесно связана с теорией познания вообще и исторического в частности, противопоставляя постоянно рождающимся новомодным теориям о непознаваемости мира и человека свои аргументы.

Известный философ и циник Средневековья Августин Блаженный говорил о трёх временах: настоящем настоящего, настоящем будущего и настоящем прошлого. В нашем понимании это означает, что автор признавал определяющую роль конструирования, а не реконструкции прошлого. В таком подходе по большому счёту нет места не только документальному историческому источнику, но и любому знанию, связанному с его осмыслением, сбережением и упорядочиванием.

Поэтому сегодня говорить об исторической документологии, значит, демонстрировать непреходящую роль документальных источников в познании прошлого и на этой основе показывать непрерывность времени, запечатлённую в документах, поддерживать общественный оптимизм в отношении будущего и рассудочность в понимании прошлого.

В исторической документологии понятие «документальная память» должно занять ключевое системообразующее место, а принцип документального запоминания может стать важнейшим. Иначе говоря, объяснив и поняв специфику документальной памяти, мы должны в рамках исторической документологии как знания не технологического, а теоретического, выявить особенности её сохранения, организации и трансляции. С позиций исторической документологии надо объяснять, почему рано или поздно утилизируются заводы и фабрики, самолёты и подводные лодки, а их чертежи и все документы, связанные с их созданием, сохраняются? Ответ или ответы на этот вопрос – одна из ключевых историко-документологических проблем. Она так или иначе связана с признанием того, что мир общественный, человеческий в каждое мгновение его состояния не может существовать без документальной памяти.

Историческая документология изучает общепринятые разумные принципы такого сохранения, становящиеся обязательными после их государственного признания, например, в виде специальных рекомендаций и даже правил, а также роль архивов в сохранении, трансляции и трансфере документальной памяти в будущее. При этом историческая документология призвана разрабатывать вопросы необходимого и возможного (достаточного) сбережения и использования документов и документальной памяти. Под необходимым в данном случае понимается совокупность неких общепри-

нятых признаков, свойств, показателей, обеспечивающих объективность формирования и использования документальной памяти. Под достаточным (возможным) имеется в виду признание общепризнанной меры её формирования и использования. Например, в комплектовании архивов принцип необходимого и достаточного связан с репрезентативностью формируемой документальной памяти, в научно-справочном аппарате (НСА) – с обоснованной глубиной и детальностью создающейся вторичной архивной информации, в использовании – с полнотой выявленной архивной информации по теме запроса и т. д.

В любом государстве документальная память формируется и транслируется в условиях её несвободы и свободы, Важно объяснить, что в потоке времени эти две вещи – ничтожны, а часто с высоты времён кажутся выдающимися по своему значению измерителями времени, препятствовавшему свободе документальной памяти. Историческая документология должна показать смысл, причины и последствия этого борения между свободой и несвободой документальной памяти. Например, документальная память активно запоминает пугающие события, в ней обнаруживается отчетливое стремление к подавлению эмоциональной памяти. Очень часто в этом смысле документальная память носит болезненный характер. Это является одним из побудительных мотивов ограничения доступа к свидетельствам о них. Общество, с одной стороны, вынуждено считаться с запретом на доступ к части документальной памяти по соображениям государственной, общественной и личной безопасности, а с другой – то же общество рано или поздно, вернее, обоснованно своевременно, но должно знать о деятельности своих институций и людей прошлого, какой бы она не была. Историческая документология призвана объяснить не только смысл документального запоминания, но и роль документальной памятливости для человека, общества, государства.

Историческая документология определяет возможности обнародования документальной памяти, роль документальной публикации в преодолении её несвободы и в формировании нового знания о прошлом. Степень свободы информации документального источника при его обнародовании определяется в ряде случаев нормативно. Однако имеются её определённые части, обнародование которых связано с соблюдением определённых этических норм. При этом историческая документология исследует взаимодействие документа, документальной памяти с общественным сознанием, включая и ту его часть, которая обычно ассоциируется с государством. Речь идёт о содержательном, а не инфраструктурном взаимодействии. Общественное сознание постоянно востребует документальную память в самых разных интересах. Одновременно и документальная память во многих случаях способна формировать общественное сознание прямо и опосредованно.

Мы постарались показать самостоятельную роль историко-документологического знания в общем комплексе научных дисциплин документально-источникового цикла. В самом широком смысле эта роль связана с исследованием особой миссии документа как носителя документальной памяти о свершившемся, её трансляции и изучения для получения достоверных свидетельств о прошлом. Отсюда вытекает познавательная и ин-

ституциональная самостоятельность этой дисциплины в получении знания, ориентированного на установление «полезности» документальной памяти для исследования прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

Автократов В.Н. Архивоведение в кругу других областей знания //Советские архивы. 1973. № 2.

Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. – М., 2001.

Автократов В.Н., Банасюкевич В.Д., Сокова А.Н. Основные направления развития документоведения // Тезисы докладов и сообщений к теоретическому семинару «Теоретические проблемы документоведения» (март 1975). – М.,1975. – С. 35–36.

Алексеева Е.В., Афанасьева Л.П., Бурова Е.М. Архивоведение: учебник. М., 2007.

Архивоведение. Под ред. Шумейко. – Минск, 2013.

Бокарёв Ю.П., Борисова Л.В., Журавлёв С.В. и др. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. – М., 2004.

Булыгин И.А. Археография. – Советская историческая энциклопедия. Т. 1. – М., 1961.

Булыгин И.А. Археография. – Большая советская энциклопедия. Т. 2. Ч. 2. – М., 1970

Булюлина Е.В. Архивоведение. Учебно-методическое пособие. – Волгоград, 2001.

Бурова Е.М., Алексеева А.В., Афанасьева Л.П. Архивоведение (теория и методика): учебник для вузов. – М., 2012.

Бурова Е.М., Ромашин И.Е. Архивоведение. Теория и методика. Ч. 1: текст лекций. – М., 2022.

Валк С.Н. Судьбы «археографии» //Археографический ежегодник за 1961 год. – М.,1962.

Варшавчик М.А. Историко-партийное источниковедение: теория, методология, методика. – Киев, 1984.

Варшавчик М.А., Яковлев С.А., Моисеев О.В., Черноморский М.Н. Предмет, методы и задачи археографии. (О новом учебном пособии) // Советские архивы. 1975. № 4.

Георгиева Н.Г. Историческое источниковедение: теоретические проблемы: учебник для вузов. – М., 2016.

Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории. Изд. 5, испр. – М., 2012.

Грицкевич В.П., Каунс Б., Ходин С.Н. Теория и история источниковедения. Учебное пособие для студентов заочных отделений гуманитарных факультетов вузов. – Минск, 2000.

Данилевский И.Н. и др. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории. – М., 1998.

Даховник Л.Л. Архивоведение: учебно-методическое пособие. – Севастополь, 2019.

Двоеносова Г.А. Документоведение и документология: теория и методология // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VI Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г. – Екатеринбург, 2016. – С. 36–41.

Добрушкин Е.М. Основы археографии. Учебное пособие. – М.,1992.

Доронина Л.А. и др. Документоведение: учебник и практикум для среднего профессионального образования. Изд. 3. – М., 2023.

Егоров В.П., Слиньков А.В., Карпычева Е.В. Документовед и его профессия. Учебное пособие. – М., 2012.

Еременко В.Т., Усачёва О.И. Документоведение. – Орел, 2015.

Зиновьева Н.Б. Документоведение. Учебно-методическое пособие. – М., 2001.

Источниковедение истории СССР XIX – начала XX в. – М., 1970.

Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. – М., 1973.

Источниковедение: задачи, классификация и анализ источников. Учебное пособие в помощь аспирантам. – Саратов, 2010.

Источниковедение: учебное пособие. Под ред. М.Ф. Румянцевой. – М., 2015.

Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества. Курс лекций. – М., 1997: 24–25.

Каштанов С.М. О предмете и объекте археографии (Некоторые замечания по поводу статьи В.П. Козлова). – Теоретические основы археографии с позиций современности. Материалы дискуссии. – М., 2003.

Козлов В.П. Документальная память в архивоведческом знании. – М., 2018.

Козлов В.П. Документальная память в археографическом знании. – М.,2017.

Козлов В.П. Архивоведение. – М., 2021.

Козлов В.П. Архивоведение, археография, источниковедение как научные дисциплины: размышления о прошлом, настоящем, будущем // Отечественные архивы. 2022, № 1. – С. 24–38.

Козлов В.П. Источниковедение советской истории. – М., 2022.

Козлов О.Ф. К вопросу об определении предмета советской археографии (историографические заметки) // Советские архивы. 1976. № 2. – С. 38–39

Козловская Т.Н. Основы документоведения: учебно-методическое пособие. – Тольятти, 2010.

Кондратьева Т.Н. Документационное обеспечение управления: учебное пособие. – Тюмень, 2010.

Кулешов С.Г. Общее документоведение. Учебное пособие. – Киев, 2012.

Куняев Н.Н., Уралов Д.Н., Фабричнов А.Г. Документоведение. – М., 2008.

Кушнаренко Н.Н. Документоведение. Изд. 7. – Киев, 2006.

Ларин М.В., Плешкевич Е.А., Янковая В.Ф., *Мингалев В.С., Терентьева Е.В., Гавлич М.Л.* Документоведение: учебник для студентов учреждений высшего образования. – М., 2016.

Ларьков Н.С. Документоведение. Учебник. Изд. 3. – М., 2016.

Левковский И.Д. Основы архивоведения. Методические рекомендации к лекционным и семинарским занятиям. – Владимир, 2006.

Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Вспомогательные исторические дисциплины. Учебник для студентов высших учебных заведений. – М., 2000.

Максаков В.В. Археография – БСЭ. Изд. 2-е. Т. 3. – М., 1950.

Малышева С.Ю. Архивоведение. Учебное пособие. – Казань, 2016.

Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. – М., 2008.

Митяев К. Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития // Вопросы архивоведение. 1964. № 2. – С. 27–37.

Нестерович Ю.В. О науковедческом статусе археографии в системе научных дисциплин о документальной информации // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 8. – Мінск, 2007.

Нестерович Ю.В. Проблемы унификации, оптимизации терминологии и построения терминосистемы археографии // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 9. – Мінск, 2008.

Поздеева И.В. Новая концепция эдиционного архивоведения //Теоретические основы археографии с позиций современности. Материалы дискуссии. – М., 2003.

Попова Л.Л. Архивоведение: учебное пособие. – Томск, 2014.

Раскин Д.И., Соколов А.Р. Архивоведение. Учебник для академического бакалавриата. – М., 2017.

Румянцева М.Ф., Володин А.Ю. Источниковедение // Большая российская энциклопедия. Т. 12. – М., 2008.

Русинова Ю.А. Источниковедение новейшей истории России /учебное пособие/ – Екатеринбург, 2015.

Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. Кн. 1. – М., 1902.

Селезнёв М.С. Теория и методы советской археографии. Учебное пособие. – М., 1974.

Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. – М., 1982.

Сметанникова А.В. Археография // Российская историческая энциклопедия. Т. 2. – М., 2015.

Спиридонова У.В. Документоведение: методические указания. – Ярославль, 2014.

Спичак А.В. Архивоведение. Практикум для студентов направления 4603.02 «Документоведение и архивоведение» всех форм обучения. – Нижневартовск, 2018.

Старостин Е.В. Архивоведение // Большая российская энциклопедия. – М., 2005. Т. 2.

Степанский А.Д. Археография – наука о публикации архивных документов // Международная научная конференция «Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего»: Докл. и тез. науч. сообщ., 27–28 нояб. 1997 г. – М., 1997.

Степанский А.Д. Археография: термин, объект, предмет// Отечественные архивы. 1996. № 3. – С. 16–25.

Столяров Ю.Н. Документология // Научные и технические библиотеки. 2021. № 1.

Стрельский В.И. Теория и методика источниковедения истории СССР. – Киев, 1968.

Тельчаров А.Д. Архивоведение. – М., 2020.

Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до XVIII в. – М.,1962.

Фофанова Л.А. Источниковедение. Теория и практика. Краткий курс лекций. – Екатеринбург, 2009.

Хоруженко О. Археография // В кн.: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. – М., 2014.

Хорхордина Т.И. От архивоведения к архивософии // Вестник архивиста. 1994. № 4. – С. 72–74.

Хорхордина Т.И. От архивоведения к архивософии? (К постановке проблемы) // Труды Историко-архивного института. Т. 33. – М.,1996: 177–192.

Челышева О.В., Сотников К.И., Лутошкин Г.Ю. и др. Криминалистика. – СПб., 2017.

Черепнин Л.В. Источниковедение // Большая советская энциклопедия. Изд. 2. – М., 1953.

Черных В.А. Ещё раз об объекте и предмете археографии // Теоретические основы археографии с позиций современности. Материалы дискуссии. – М., 2003.

Шалаева Н.В. Источниковедение. Курс лекций. – Саратов, 2014.

Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедения. Теоретические и методические проблемы. – М., 1969.

Шмидт С.О. Археография // Большая российская энциклопедия. Т. 2. – М., 2005.

Шульгина М.В. Архивоведение: учебное пособие. – Архангельск, 2014.

Шумейко М.Ф., Козак К.И., Селеменев В.Д. Архивоведение Беларуси. – Минск, 1997.

Шумейко М.Ф. О роли и месте археографии … в ряду специальных исторических дисциплин источниковедческого цикла // Крыніцазрауства и спецыяльныя гоістарныя дысцыпліны. Вып. 1. – Мінск, 2002.

Биоархеологические материалы в современной археологии: методические основы исследования и историческое содержание новых данных

М.В. Добровольская

Аннотация. *В статье обсуждаются истоки биоархеологического направления, которое подразумевает контекстуальный анализ палеоантропологических материалов. Естественнонаучные методы изучения материала сочетаются с историческими целями подобных исследований. Реконструкции образа жизни, включая физические нагрузки, состояние здоровья, мобильность, особенности питания, проводимые на индивидуальном уровне, в сочетании с генетической информацией создают перспективу изучения повседневности и микроистории по независимым источникам. Погребальный обряд выражает, в частности, отношение социума к погребённому. Основу для биоархеологических исследований составляют «архивы» палеоантропологических материалов, сохраняющих первичную шифровки и характеристики, приведённые в археологических отчётах. В статье анализируются истоки этого направления, а также его положение в современных междисциплинарных археологических исследованиях.*

Ключевые слова: *биоархеология, контекстуальный подход, история повседневности.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.023

Бурное развитие археологии последних двух-трёх десятилетий далеко не в последнюю очередь обусловлено потоком новых методов, позволяющих фиксировать и изучать памятники и многообразие археологических материалов. Важность этих методов, отмечаемая всеми, обусловлена достоверностью и независимостью получаемых данных. Большинством этих методик владеют специалисты, получившие высшее образование в сфере естественных наук (физики, химики, геологи, биологи, информатики, IT-специалисты и пр.). Очевидно, что высокий профессионализм и качество проводимых исследований являются неоспоримым достоинством этих работ. Переход от полученных результатов к доказательству определённого исторического факта или реконструкции исторического процесса – сфера деятельности профессионального археолога. Для того, чтобы результаты использования новых методов не исчерпывались форматом экспертиз, необходимо взаимодействие представителей различных научных дисциплин на протяжении всех этапов совместной работы. В этой статье пойдёт речь о направлении, получившем название «биоархеоолгическое» в современной мировой археологии, которое сформировалось в последней трети прошлого века, но имеет гораздо более ранние корни в отечественной науке.

Формирование палеоэтнологической школы в России на рубеже XIX-XX вв. связывают с именами профессора Московского университета Дмитрия Николаевича Анучина (1843–1923) и профессора Санкт-Петер-

бургского университета Фёдора Константиновича Волкова (1847–1918) [*Платонова*, 2010: 148–149]. При многих различиях в научном наследии этих учёных несомненна общая черта их творчества: в фокусе их внимания находится человек (социум) и его культурная деятельность в контексте природного окружения. Синтетический, или, как принято сегодня называть, междисциплинарный подход к изучению археологических памятников и всей совокупности их материалов отличали этих исследователей. Возможность такого подхода базировалась на широком и фундаментальном образовании в области гуманитарных и естественных наук. Так, Д.Н. Анучин (выпускник физико-математического и историко-филологического факультетов Московского университета) вошёл в историю науки как создатель университетской географической школы и союза наук антропологии-этнографии-археологии, который впоследствии получил название «анучинской триады». Результатом его деятельности стало появление в 1922 году Антропологического научно-исследовательского института при физико-математическом факультете 1-го Московского университета (современный наследник – НИИ и Музей антропологии МГУ им. Д.Н. Анучина). Выдающиеся ученики Дмитрия Николаевича – В.В. Бунак и Б.С. Жуков – стали его продолжателями. Борисом Сергеевичем была организована комплексная экспедиция, которая позволяла осуществлять сбор и анализ данных и материалов, на основании которых возможно было высказывать доказательные суждения о динамике культурных традиций в контексте средовых условий. Его ученик, выдающийся археолог О.Н. Бадер в мемориальной статье писал: «Наиболее ярко сказался анучинский, широко комплексный подход Б.С. Жукова к изучению истории народов СССР в организации и проведении созданной им Антропологической комплексной экспедиции по Центрально-Промышленной области. В течение целого ряда лет эта экспедиция, в каких бы районах она ни работала, занималась одновременно изучением современного антропологического облика населения, этнографическим изучением его культуры, археологическим изучением его прошлой культуры от позднего железного века до палеолита включительно, палеоантропологией, изучением письменной истории и современных языковых диалектов. Первым крупным опытом в этом направлении явилась Ветлужская экспедиция (1925–1926 гг.). Первый том трудов Ветлужской экспедиции, включавший богатейший антропологический, этнографический и археологический материал, был сдан в печать, но после репрессирования Б.С. Жукова типографский набор был рассыпан. Прекратила своё существование и Антропологическая комплексная экспедиция» [*Бадер*, 1968: 235–236]. Репрессии, коснувшиеся учёных Антропологического института в начале 30-х годов, не позволили в последующие десятилетия развиваться этому направлению.

Плеяде блестящих учеников Ф.К. Волкова – А.А. Миллеру, С.И. Руденко, Г.А. Бонч-Осмоловскому, С.А. Теплоухову, П.П. Ефименко – по мнению Н.И. Платоновой, «мы обязаны, по сути, беспримерным «прорывом», который произошёл в русской археологической науке на исхо-

де последней трети XX в.» [*Платонова*, 2010: 149]. Оставляя в стороне «ранжирование» персональных вкладов учёных, отмечу, что высокий уровень образования в координатах междисциплинарного подхода позволял представителям палеоэтнологической школы работать с широким спектром источников, начиная с полевого этапа, что принципиально изменяло доказательность полноту исследования. Так, в монографической публикации предварительных итогов работ полевого сезона 1947 г. на Втором Пазырыкском кургане [*Руденко*, 1948] автор приводит описания конструкции, структуры погребения, обнаруженных изделий, видов растений, положенных при погребении видов животных, из шкур и кож которых выполнены одежда и некоторые находки и, наконец, антропологическую характеристику расовых и индивидуальных конституциональных особенностей погребённых. Все эти данные используются в выводах книги как факты, подтверждающие гипотезу С.И. Руденко о том, что «древняя культура Алтая скифского времени, яркая и полнокровная, не была изолированной, а жила общей жизнью с родственным ей общескифским культурным миром, во взаимосвязи с передовыми странами того времени и, в первую очередь, с Передней Азией» [*Руденко*, 1948: 60].

В европейских и американских научных школах истории сложения научных школ складывались иначе. Исследователь мезолитических памятников Британии и европейской Атлантики в целом, Сэр Джон Грэхэм Дуглас Кларк (1907–1995) в своих работах опирался не только на описания различных категорий археологических материалов, но и на сведения о видовом составе животных и растений, обнаруженных в культурных слоях, результаты палинологического анализа, позволяющего судить о климате, характеристики почв и пр. Начав активно работать в довоенное десятилетие, он развивает его и в дальнейшем. Его крупное обобщение «Доисторическая Европа. Основы экономики» [*Clark*, 1952] и последующие книги становятся классическими в мировой археологии. Сторонники процессуальной археологии также способствовали совершенствованию методов полевой фиксации материалов, привлечению возможностей естественных наук для более полного отражения содержания культурного слоя памятника. Грэхэм Кларк вводит термин «биоархеология» как изучение костных останков людей и животных из археологических памятников [*Clark*, 1972].

Всего пять лет спустя Джейн Байкстра [*Buikstra*, 1977: 67] представляет новое смысловое наполнение этого термина как научного направления, изучающего останки людей в контексте археологического памятника. В настоящее время в Америке термин «биоархеология» воспринимается именно так. В европейских странах он может трактоваться как изучение всех биологических останков с археологических объектов, так и в более узком смысле, описанном выше. Подводя итог этапу формирования биоархеологии, важно подчеркнуть, что под разными названиями направления, включающие изучение физических останков людей в контексте археологического памятника, становятся составной частью концепций передовых и перспективных форм археологических исследо-

ваний. В Советском Союзе это происходит в 20-е – начале 30-х годов; в Великобритании – в предвоенное десятилетие; в Соединенных Штатах Америки – в 70-е годы прошлого века.

Контекстуальное исследование палеоантропологических материалов в Советском Союзе в 30-е, 40-е, 50-е годы плодотворно развивается в сфере палеолитоведения. В 1940 году выходит первый том «Палеолит Крыма», посвящённый исследованиям грота Киик-Коба [*Бонч-Осмоловский*, 1940], годом позже – «Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба» [*Бонч-Осмоловский*, 1941]. Кончина Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского не позволила ему довести работу до конца, и только в 1954 году под редакцией В.В. Бунака публикуется «Палеолит Крыма. Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба» (*Бонч-Осмоловский*, 1954]. В 1949 году выходит публикация памятника Тешик-Таш с подробным анализом палеоантропологических материалов [Тешик-Таш, 1949] и удостаивается высшей премии страны. В позднесоветский период, вероятно, не было ни одного школьника, который бы не знал скульптурный портрет мальчика из Тешик-Таша, выполненного М.М. Герасимовым.

Также формируется мощное палеоантропологическое направление, развивающее расовогенетические и этногенетические исследования на базе, преимущественно, краниометрической методики. В 1948 году выходит крупнейшая к тому времени сводка отечественных палеоантропологических материалов – обобщение по краниометрии и остеометрии древнего населения страны (Дебец Г.Ф. «Палеоантропология СССР»). В ней изложены основы изучения серий палеоантропологических материалов на основании оценки и описания изменчивости, обосновывается неправомерность индивидуальной типологии и индивидуальных оценок в такого рода исследованиях. В 60-е и 70-е годы в стране выходят обширные труды по этногенезу народов: Алексеев В.П. «Происхождение народов Восточной Европы» [*Алексеев*, 1969], Алексеева Т.И. «Этногенез восточных славян по данным краниологии» [*Алексеева*, 1973], «Происхождение народов Кавказа» [*Алексеев*, 1974], Денисова Р.Я. «Антропология древних балтов. Этногенез латышей (по данным краниологии) [*Денисова*, 1975]. В это же время В.П. Алексеев публикует фундаментальные обобщающие труды по глобальным проблемам расогенеза, изучению антропологического покрова Земли.

Актуальность новых методов, которые бы позволяли исследовать палеоантропологические материалы наряду с другими археологическими вне прямой зависимости от морфологической сохранности материала и его численности, отразились во многих трудах антропологов 70–80-х годов прошлого века, прежде всего, в публикациях В.П. Алексеева. Так, в 1989 году выходит его монография «Историческая антропология и этногенез», в которой рассматривается весь существовавший к тому времени арсенал методов, которые могут быть полезными при разработке проблем исторической антропологии. В частности, там приводится и само определение этого научного направления как «совокупность антропологических наблюдений, из которых можно извлечь историческую информацию» [*Алексеев*, 1989: 117].

Среди многих возможностей изучения человека прошлого В.П. Алексеев делает особые акценты на двух: генетическом и экологическом. Отмечу, что именно эти направления и стали наиболее динамично развивающимися, начиная с 90-х годов, и имеют непосредственное отношение к биоархеологическому подходу, в котором физические останки людей – источник сведений о реалиях их жизни, включая здоровье, происхождение, образ жизни, социальное положение, особенности физической активности и пр.

Экологический аспект исследований человека в контексте археологического исследования приобретает большую актуальность на рубеже 80–90-х годов прошлого века в связи с общей увлечённостью экологическими подходами. И в гуманитарных науках, в том числе. Масштабность открывавшихся перспектив хорошо иллюстрируется цитатой из статьи ведущего антропогенетика того времени Ю.Г. Рычкова: «Экология человека представляется нам попыткой – притом дерзновенной – создать новый язык, столь универсальный, что позволит осуществить целостное описание и постижение феномена человека во всех его ипостасях и во всех связях его собственного мира с миром внешним и беспредельным. Предмет экологии человека может быть понят и обозначен как система связей человека с миром» [*Рычков*, 1991: 67]. Это поистине философское видение предмета было характерным для той яркой исторической эпохи и объединяло представителей многих естественных, общественных и гуманитарных наук в рамках работы Научного совета АН СССР по проблемам биосферы, секции «Экология человека», возглавляемой академиком А.Л. Яншиным. Так, Т.И. Алексеевой высказывалось мнение о невозможности формирования сколь-нибудь ограниченных рамок экологического подхода в изучении человека, в связи с тем, что «экологическое мировоззрение – неотъемлемая часть мировоззрения современного общества» [*Алексеева*, 1991: 89]. К сожалению, драматические трансформации нашей страны в начале 90-х годов не позволили продолжить работу Совета на этом высоком уровне междисциплинарного сотрудничества. Важно, что именно тогда были заложены некоторые теоретические основы контекстуального исследования человека в археологии. В первую очередь, следует упомянуть концепцию антропогеоценоза В.П. Алексеева. В книге «Очерки экологии человека» он видит антропогеоценоз как симбиоз между коллективом, занимающим определённую территорию, и самой этой территорией с её ресурсными возможностями, климатогеографическими и пр. особенностями [*Алексеев*, 1993]. По мнению автора, есть два типа таких ценозов. Один из них «включает в себя» общество, которое живёт и хозяйствует на этой территории. Оно становится частью этой экосистемы. Другой вариант ценоза – созданная антропогенная экосистема, в которой деятельность общества преобразует местную среду в новую экосистему. Очевидно, что эти два описанные крайние варианта – исследовательские конструкты. В реальности любой коллектив преобразует экосистему, и любая экосистема ограничивает деятельность человека. Важно то, что любая из этих систем существует во времени, сопоставимом с несколькими поколениями жителей, то есть

является устойчивой и формируется в результаты культурной (в широком смысле термина) деятельности человека. Особенности расселения, мобильность, традиции получения пищевых ресурсов, плотность населения, эпидемиологическая ситуация, уровень агрессии в группе, формы социального разнообразия – все эти и многие другие характеристики, получаемые на основе ряда методов, могут быть рассмотрены не отдельно, а как части единой системы, созданной культурной традицией. Таким образом, концепция антропогеоценоза создаёт теоретическую базу изучения ряда биологических особенностей человека как результата культурного развития.

Для изучения особенностей образа жизни коллективов прошлого необходимы методы, позволяющие охарактеризовать пол, возраст, состояние здоровья, особенности физических нагрузок, мобильность, пищевые рационы и пр. Развитие этих методов в конце прошлого века, их конструктивная критика стали основой биоархеологических реконструкций. Опытом обобщения таких подходов стала коллективная монография «Историческая экология человека. Методика биологических исследований» [Историческая экология человека… 1998]. В ней нашли отражение описания палеодемографических исследований, системного анализа палеопатологий, маркеров стрессовых состояний, скелетной конституции.

Идентификация проявлений, связанных с патологическими процессами, открыла новое видение человека прошлого. Появилась возможность соотносить состояние здоровья населения с демографической ситуацией, развитием хозяйства, проявлениями социального неравенства, профессиональной занятостью индивидов и пр. Важность таких исследований для истории очевидна. Это – крайне популярное направление в мировой науке [*Рохлин*, 1965; Paleopathology at the Origins of Agriculture, 1984; *Roberts*, *Manchester*, 1995; *Orthner*, 2003; *Buikstra*, *Beck*, 2006; *Fernández*, 2012]. В нашей стране в настоящее время оно представлено научной школой А.П. Бужиловой [см. например, *Бужилова*, 1995, 2005; *Berezina*, *Buzhylova*, 2021; *Karapetian*, 2021]. Благодаря развитию этого направления проводятся исследования, демонстрирующие эффективность изучения распространения инфекций как маркера контактов групп древнего населения, влияния культурной и социальной специфики на распространение заболеваемости в социумах. Исследования на стыке медицины, антропологии и археологии получили новые перспективы с введением палеогеномных исследований.

Большое место в сфере биоархеологических исследований занимают реконструкции питания и мобильности, основанные на изотопном составе ряда химических элементов, входящих в состав белков и минеральных соединений, формирующих скелет. Благодаря этому стало возможным оценить особенности изменения рационов питания представителей различных культур при переходе от присваивающей к производящей экономике [см. например, *Schulting*, 2018], определить роль культурных связей в распространении некоторых сельскохозяйственных растений [*Hanks* et al., 2018; *Бабенко* и др., 2021], выявлять мигрантов первого поколения на индивидуальном уровне и оценивать общий уровень мобильности в

различных группах населения [см. например, *Pospieszny* et al., 2023; *Добровольская, Макаров, Самородова*, 2020; *Croix* et al., 2020]. В настоящее время изотопная тематика в археологии представлена сотнями ежегодных статей, и написание сколь-нибудь полного обзора требует отдельной публикации.

Наиболее популярным методическим направлением, связанным с концепцией биоархеологического исследования, остаётся палеогенетика. Это мировой тренд. Внимание к нему велико, что, в частности, проявилось в присуждении в 2022 году Нобелевской премии по физиологии и медицине профессору Свантэ Паабо за исследования в области геномов вымерших гоминидов и эволюции человека. В основу его работ положены материалы многолетних раскопок памятников среднего палеолита на Алтае, проводимых экспедицией во главе с А.П. Деревянко, М.В. Шуньковым, А.Д. Колобовой.

Интерес к палеогеномным исследованиям в археологии огромен, так как они открывают перспективу выяснения происхождения различных групп населения, воссоздают процессы миграции, изоляции, выявляют структуру брачных связей в обществах прошлого, сопоставляют структуру различных социальных групп и пр. Развитие методик лабораторного анализа и математической обработки открывает уверенные перспективы изучения деградированной ДНК старше 45 тыс. лет [см. например, *Prüfer* et al., 2021].

Между тем, на фоне ярких открытий в сфере палеогеномики возникают проблемы, связанные с различиями в подходах к анализу данных. Так, палеогенетическое исследование может доказывать масштабную миграцию. Но механизмы этой миграции, реальные процессы, с ней связанные, зачастую остаются за бортом исследования, в то время как для археологии, как исторической дисциплины, крайне важна конкретика событий, так как именно она содержит те факты, на которых строится историческое исследование. В связи с этим, вероятно, можно выделить два направления.

Одно в полной мере можно назвать палеогенетическим, так как оно исследует процессы изменения генетического состава населения в пространстве и времени. Другое, вероятно, требует отдельного обозначения, например, – археогенетика. В качестве иллюстрации последнего можно привести примеры двух исследований. Одно – посвящено подробному анализу погребений знаменитого Хвалынского энеолитического могильника [*Anthony* et al., 2022: 22]. Это крупнейший могильник середины V тыс. до н.э. на территории Восточной Европы, включающий 201 погребение, характеризующийся сложной культурой. Авторы сопоставляют сведения о погребальной обрядности, вещевых наборах, данные палеогенетического анализа, антропологии, изотопных исследований. Единицами сопоставления становятся погребения и индивиды. Исследователи выявляют две основные родственные группы, представленные только мужчинами. Происхождение каждой из этих двух линий совершенно различно. Авторы приходят к выводу о том, что Хвалынский могильник представляет культуру слияния двух традиций, интегри-

рующую и сочетающую северные и южные элементы, гибрид, который можно «рассмотреть» в генетических компонентах, краниологических вариантах, сопроводительных вещах и социальных сегментах внутри кладбища. Наиболее пышные захоронения, в которых обнаружены каменные булавы – инсигнии власти, демонстрируют объединение культурных традиций. Таким образом, основная цель исследователей – получить картину культурогенеза. Для этой цели привлекается, в частности, палеогенетический анализ. Причём он используется вместе с другими видами аналитических работ.

Другой пример – статья под названием «Десять тысяч лет эволюции гепатита B» [*Kocher* et al., 2021: 182]. Исследование объединило несколько десятков авторов, что обеспечило сбор более 100 образцов носителей гепатита B (HBV) из различных частей мира. Авторы смогли выявить, что HBV уже широко присутствовал в раннеголоценовое время. Новые линии вируса связаны с расселением неолитических групп по Европе, на протяжении позднего неолита и эпохи бронзы происходит смена двух линий вируса. Современная картина формируется во втором тысячелетии до н. э., и более масштабные изменения не выявляются. Авторы указывают на важность исследования для понимания масштабных исторических событий. Между тем, ничуть не умоляя важности изучения эволюции возбудителя гепатита B, отмечу, что это исследование сложно отнести к историческим. И дело не в методах, а в конечной цели исследования.

Итак, при всем многообразии методических возможностей, биоархеологический подход предполагает контекстуальный анализ палеоантропологических материалов с целью получения исторически значимых сведений.

Это направление в формате конкретных проектов участвовала в выполнении программ Президиума РАН. Так, программа «Культурно-сложные общества: понимание и управление» (2018–2019 гг.) включала проект «Биоархеологические маркеры культурной идентичности в древних и средневековых обществах», ставший опытом получения новой независимой информации о культурно сложных обществах с использованием биоархеологических данных, демографической структуре населения, маркерах качества жизни, составе рационов питания, формах погребальной обрядности.

Один сюжет этого исследования был связан с разносторонним анализом обыденной жизни жителей античной Фанагории. Это исследование стало возможным благодаря участию специалистов – антропологов в работе Фанагорийской археологической экспедиции ИА РАН. Её комплексный характер позволил уделить большое внимание коллекции палеоантропологических материалов из погребений Восточного некрополя. Систематические сборы и описание материалов на протяжении более 10 сезонов обеспечили составление представительной коллекции и дали возможность сохранить её благодаря созданию Научно-культурного центра «Фанагория». Изучение трупоположений и трупосожжений периодов эллинизма, римского и позднеантичного времени позволили выявить черты, характерные для собственно городских некрополей. Представление демографических параметров выборок «фанагорийцев» на широком

сопоставительном фоне выявили высокие для своего времени показатели продолжительности жизни. Это даёт основание нам рассматривать городское сообщество периодов эллинизма и римского времени как античной культуры, которая проникает не только в сферу технологий, искусства, но и формирует сферу обыденной жизни.

Выявлены изменения традиций питания населения при переходе от периода эллинизма к римскому времени. Пищевые ресурсы жителей Фанагории римского времени в большей степени состояли из наземных источников с включением излюбленной сельскохозяйственной культуры кочевого мира – проса. Жители эллинистической Фанагории в большей степени использовали ресурсы моря [*Добровольская, Свиркина*, 2018: 42]. В захоронениях Восточного некрополя первых веков н. э. иногда встречаются индивиды со следами преднамеренной деформации головы. Традиция пеленать голову младенца широко известна в среде позднесарматской культуры, а также у северокавказских алан. В среде жителей Фанагории эта традиция не имела хождения, хотя в редких случаях слабая степень деформации головы отмечалась [*Свиркина*, 2022: 59]. Это также позволяет видеть ограничение хождения традиции в среде горожан, вернее, той части городского населения, которое отражено в захоронениях Восточного некрополя. Обряд трупосожжения, распространённый в метрополии периода империи, здесь встречается редко. Эти наблюдения, основанные на анализе палеоантропологических материалов, свидетельствуют о постоянном процессе культурного взаимодействия в среде этого крупнейшего урбанистического центра Северного Причерноморья.

Другой сюжет объединил комплексные исследования палеоантропологических материалов раннесредневековых памятников Восточной Европы с целью выявления маркеров культурных взаимодействий. В частности, впервые для отечественной археологии представлена большая серия погребальных кремаций, изученных как с точки зрения определения видового и половозрастного состава погребённых, так и реконструкции обряда [*Клещенко, Решетова*, 2019: 40–44]. До недавнего времени кремированные останки оставались, как правило, вне анализа, лишь констатировалось их присутствие. Между тем, разработка новых методов [*Добровольская*, 2010; *Добровольская, Клещенко, Мастыкова*, 2017; *Широбоков, Юшкова*, 2014] позволяет вводить в научный оборот обширный корпус данных о погребальных памятниках первого тысячелетия н. э., почти полностью представленных трупосожжениями в лесной полосе Европы.

В последние годы развиваются и становятся популярными тематические направления биоархеологии. Так, М.Б. Медниковой развивается направление «биоархеология детства». Анализ причин смерти детей, особенности погребальной обрядности, отражающие восприятие этого события в социуме – такое комплексное исследование позволяет приблизится к пониманию того, как осознавалось детство в различных культурных традициях [*Mednikova*, 2018].

При использовании новых методов, основанных на регистрации кратковременных событий в жизни человека по определённым маркерам на скелете, возникает свой «биоархеологический аналог» микроистории. Например,

анализ состава микрослоёв эмали, соответствующих росту зуба, позволяет судить о событиях, сопоставимых с месяцем и даже неделями жизни конкретного человека. Это даёт возможность, например, определить продолжительность периода грудного вскармливания младенца или выявить стрессы, связанные с голодом или короткими миграциями. Так, останки энеолитического обитателя Альп – знаменитого Этцы – были изучены подобными методами, что позволило воссоздать эпизоды его перемещения в альпийских предгорьях.

Основу биоархеологического исследования составляет палеоантропологический материал, контекст которого сохранён не менее чётко, чем любого другого археологического материала. Поэтому так важно, чтобы специалист присутствовал на раскопках. Эта позиция отражена в недавно опубликованном сборнике методик, значимых для работы в полевых условиях [Методика работы... 2020]. На основании собранного в полевых условиях материала возможно создание хорошо документированной коллекции, которая, в конечном счёте, и является базой для проведения биоархеологических исследований.

Коллекции палеоантропологических материалов, составленные таким образом, что их шифры позволяют пользоваться данными полевых археологических отчётов, становятся полноценным архивом. Сохранение этих «палеоантропологических архивов» обеспечивает возможность проведения комплексных работ, примеры которых были приведены выше. Все современные палеогенетические исследования проводятся на материалах таких «архивов». Очевидно, что постоянное развитие и появление методов создаёт перспективу получения всё более разносторонней информации о людях прошлого.

Новые данные с определённостью указывают на то, как значительно культура влияет на биологические особенности популяций человека. Так, одни из наиболее ярких проявлений естественного отбора, которые удалось выявить генетикам, связаны с адаптацией к новым видам пищевых ресурсов (цельное молоко для взрослых, высокая доля углеводов в рационе неолитического населения). Большая часть эпидемий и пандемий является следствием экстремальной миграционной активности, устойчивой повышенной плотности населения и других факторов, обеспечивающих циркуляцию возбудителя.

Контекстуальный анализ палеоантропологических материалов создаёт обширное поле изучения культурного разнообразия прошлого. Регулярно повторяющиеся события жизни, а не редкие эпизоды, остаются запечатлёнными в характеристиках структуры и состава палеоантропологических материалов. Таким образом, биоархеологические исследования существенно расширяют наши возможности в изучении истории повседневности.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (Краниологическое исследование). – М.: Наука, 1969.

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. – М.: Издательство «Наука», 1974.

Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. – М.: Наука, 1989.

Алексеев В.П. Очерки экологии человека. – М., 1993.

Алексеева. Т.И. Этногенез восточных славян по данным краниологии. – М.: Изд. МГУ, 1973.

Алексеева Т.И. Экология человека: мировоззрение или наука // Предмет экологии человека. Часть 1. Ред. А.Л. Яшин. – М., 1991.

Бабенко А.Н., Добровольская М.В., Васильева Е.Е., Коробов Д.С. Реконструкция питания и особенностей хозяйства населения Центрального Предкавказья I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. по данным изотопного анализа коллагена остеологических материалов из могильника Кичмалка II //Археология, этнография и антропология Евразии, 2021, том 49, № 4.

Бадер О.Н. Памяти Бориса Сергеевича Жукова // Советская археология, 1968, вып. 4.

Бонч-Осмоловский Г.А. Палеолит Крыма. Вып. I. Грот Киик-Коба. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1940.

Бонч-Осмоловский Г.А. Палеолит Крыма. Вып. II. Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба. Палеолит Крыма. – М.-Л.: Издательство АН СССР, Выпуск II, 1941.

Бонч-Осмоловский Г.А. Палеолит Крыма. Вып. III. Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба /под ред. и дополн. В.В. Бунака. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1954.

Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). – М.: ИА РАН-РГНФ, 1995.

Бужилова А.П. Homo sapiens. История болезни. – М.: Языки славянских культур, 2005.

Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. Этногенез латышей (по данным краниологии). – Рига: Изд-во «Зинатне», 1975.

Добровольская М.В. К методике изучения материалов кремации // Краткие сообщения института археологии. 2010. Вып. 224.

Добровольская М.В., Клещенко Е.А., Мастыкова А.В. Методика изучения урновых кремаций римского времени – раннего средневековья в юго-восточной Прибалтике // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. – Барнаул: Издательство Алтайский государственный университет, 2017.

Добровольская М.В., Макаров Н.А., Самородова М.А. К оценке мобильности жителей суздальского Ополья X – первой половины XII века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48. № 4.

Добровольская М.В., Свиркина Н.Г. Жители античной Фанагории (реконструкция образа жизни по палеоантропологическим материалам). – М.: КМК, 2018.

Историческая экология человека. Методика биологических исследований / авт.: А.П. Бужилова, М.В. Козловская, М.Б. Медникова. – М.: Старый Сад, 1998.

Клещенко Е.А., Решетова И.К. Палеоантропологические материалы в реконструкциях образа жизни и погребальной обрядности раннесредневекового населения Восточной Европы / Отв. ред. М.В. Добровольская. – М.: ИА РАН, 2019.

Методика работы с палеоантропологическими материалами в полевых условиях / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2020. (Методика полевых археологических исследований. Вып. 11).

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. – Спб.: Нестор-История, 2010.

Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. – М.-Л., 1965.

Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. Результаты работ экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР в 1947 г. Предварительное сообщение. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948.

Рычков Ю.Г. Генетический контекст экологии человека // Предмет экологии человека. Ч. 2. – М., 1991. – С. 67–75.

Свиркина Н.Г. Население Фанагории в III в. до н. э. – V в. н. э. (по палеоантропологическим материалам из Восточного некрополя). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / 2022. ИА РАН: www.archaeolog.ru/media/dissovet/Svirkina_Diss.pdf.

Тешик-Таш. Палеолитический человек / Труды Научно-исследовательского института антропологии. Под ред. М.А. Гремяцкого и М.Ф. Нестурха. – М.: изд. МГУ, 1949.

Широбоков И.Г., Юшкова М.А. Антропологические материалы из коллективных захоронений по обряду кремации и ингумации каменного могильника с оградками Малли (по результатам раскопок 2010 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2014. № 2 (25).

Anthony D.W., Khokhlov A.A., Agapov S.A., Agapov D.S., Schulting R, Olalde I, Reich D. The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River//Praehistorische Zeitschrift, 2022, vol. 97, 22–67. DOI:10.1515/pz-2022–2034.

Berezina N., Buzhilova A. Rare cases of rare diseases: Re-examining early 20th century cases of anencephaly from the collection of the Moscow State University, Russia. International Journal of Paleopathology, Volume 34, 2021, Pages 12–19.

Buikstra J. Biocultural Dimensions of Archeological Study: a Regional Perspective. Jane E. Buikstra, In Biocultural Adaptation in Prehistoric America. Eds by Robert L. Blakely. University of Georgia Press. 1977. P. 67–84.

Buikstra J., Beck L. Bioarchaeology: the contextual analysis of human remains. Academic Press, 2006. 606 p.

Clark, J.G.D. Prehistoric Europe: economic basis. London, 1952.

Clark, J.G.D. Star Can: a case study in bioarchaeology. Addison-Wesley Modular Publications, 1972. Vol. 10.

Croix, Sarah & Frei, Karin & Sindbæk, Søren & Søvsø, Morten. Individual geographic mobility in a Viking-Age emporium—Burial practices and strontium isotope analyses of Ribe's earliest inhabitants. 2020. PLOS ONE. 15. e0237850. 10.1371/journal.pone.0237850.

Fernández P.L. Palaeopathology: the study of disease in the past. Pathobiology. 2012;79(5):221–7. doi: 10.1159/000335165. Epub. 2012. Jun 21. PMID: 22722561.

Hanks H., Ventresca M., Epimakhov A., Razhev D., Privat K. Bronze Age Diet and Economy: New Stable Isotopes Data from the Steppes of Central Eurasia (2100–1700 BC) // Journal of Archaeological Science. 2018, Vol. 97 (18). DOI: 10.1016/j.jas.2018.06.006

Karapetian M. Lumbar spondylolysis in ancient Siberian Eskimo//International Journal of Osteoarchaeology. 2021. Том 31, № 2, с. 316–321.

Kocher, Arthur & Papac, Luka & Barquera, Rodrigo & Key, Felix & Spyrou, Maria & Hübler, Ron & Rohrlach, Adam & Aron, Franziska & Stahl, Raphaela & Wissgott, Antje & Bömmel, Florian & Pfefferkorn, Maria & Mittnik, Alissa & Villalba-Mouco, Vanessa & Neumann, Gunnar & Rivollat, Maïté & van de Loosdrecht, Marieke & Majander, Kerttu & Tukhbatova, Rezeda & Kühnert, Denise. Ten millennia of hepatitis B virus evolution // Science, 2021, 374. P. 182–188. DOI: 10.1126/science.abi5658.

Martin, Debra L., Ryan P. Harrod, and Ventura R. Pérez. Bioarchaeology: An Integrated Approach to Working with Human Remains. New York: Springer, 2013.

Mednikova M. Bioarchaeology of infancy in the context of the early agricultural cultures of Balkans, Caucasus and Near East. 2018.

Ortner, Donald J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. 2003.

Paleopathology at the Origins of Agriculture / M. N. Cohen, G. J. Armelagos. New York, NY: Academic Press, Inc. 1984. 615 p.

Pospieszny Ł, Makarowicz P, Lewis J, Szczepanek A, Górski J, Włodarczak P, et al. Assessing the mobility of Bronze Age societies in East-Central Europe. A strontium and oxygen isotope perspective on two archaeological sites//PLoS ONE, 2023. 18(3): e0282472. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0282472.

Prüfer, K., Posth, C., Yu, H. et al. A genome sequence from a modern human skull over 45,000 years old from Zlatý kůň in Czechia. Nat Ecol, 2021. Vol. 5, 820–825. doi.org/10.1038/s41559–021–01443-x.

Roberts C., Manchester K. The Archaeology of Disease Cornell University Press. 1995. 243 p.

Schulting, R. Dietary Shifts at the Mesolithic–Neolithic Transition in Europe: An Overview of the Stable Isotope Data. 2018. 10.1093/oxfordhb/9780199694013.013.35.

Скалярность в семантике естественных языков[1]

С.Г. Татевосов

Аннотация. *В статье обсуждаются семантика скалярности и её реализация в значении различных выражений естественных языков. Даётся краткая характеристика трёх классов скалярных единиц. Первый класс содержит единицы со скалярным параметром; второй класс – единицы, семантическое представление которых опирается на линейно упорядоченные множества объектов, принадлежащих различным семантическим доменам, – интервалов, событий, возможных миров. Единицы, которые создают пропозиции, связанные отношением асимметричного следования, образуют третий класс. Кроме того, в статье кратко охарактеризованы скалярные пресуппозиции и скалярные импликатуры, а также семантика скалярных модификаторов.*

Ключевые слова: *семантика, скалярность, пресуппозиция, импликатура, межъязыковое варьирование.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.024

1. Общие замечания

Естественные языки оперируют понятиями меры, нормы и сравнения. Отображением этих понятий в языковой системе выступает скалярность – совокупность лексических и грамматических ресурсов языка, позволяющих его носителям описывать количественные отношения и отношения упорядоченности.

Цель этой статьи – охарактеризовать диапазон семантических явлений, для описания которых эмпирически необходимы скалярные структуры. Под скалярными структурами понимаются компоненты значений языковых выражений, которые обращаются к понятию шкалы. Шкала – это множество объектов определённого типа, линейно упорядоченных некоторым отношением.

Понятие шкалы показывает высокий объяснительный потенциал при анализе очень на первый взгляд разнородных явлений: дистрибуции параметрических прилагательных (например, *длинный*) и их дериватов (например, *удлинить*), единиц с отрицательной полярностью (например, *какой-либо)*, модальных выражений (например, *мочь* и *должен*), многих фокусных показателей. Скалярные элементы входят в семантическое представление различных лексических и грамматических морфем, создают скалярные пресуппозиции, скалярные импликатуры и многое другое. Скалярная семантика реализуется в различных областях грамматики – именной, глагольной и сентенциальной и в различных семантических доменах – индивидном, темпоральном, событийном, степенном, модальном. Поскольку свойства ска-

[1] Исследование поддержано грантом РНФ №22-18-00285, реализуемым в МГУ имени М.В. Ломоносова. При написании статьи использовались рабочие материалы проекта, в подготовке которых были задействованы его участники – М.-Э. А. Винклер, А.И. Груздева, В.В. Дьячков, Д.Е. Касенов, Е.В. Кашкин, Д.Д. Мордашова, Р.О. Россяйкин, Ю.В. Синицына, С.Г. Татевосов, И.А. Хомченкова. Автор выражает глубокую признательность всему научному коллективу проекта.

лярных структур решающим образом влияют на семантическую интерпретацию, их следует признать одним из наиболее существенных компонентов языковой компетенции носителей естественных языков.

Ниже мы кратко охарактеризуем основные типы манифестации скалярности в семантике. К ним относятся три основных класса единиц, у которых скалярность встроена непосредственно в семантическое представление. Это:

- единицы со скалярным параметром;
- единицы с линейным упорядочиванием;
- единицы с асимметричным следованием.

У всех этих единиц скалярность входит в ассертивный компонент значения. Кроме них, существуют многочисленные языковые выражения, в которых скалярность представляет собой **пресуппозицию**. Достаточно широкий класс единиц не описывает скалярные структуры непосредственно, однако скалярную природу имеют **ограничения на их дистрибуцию**. Наконец, важнейший компонент скалярного пейзажа – **скалярные модификаторы**, которые изменяют скалярную информацию, введённую другими единицами.

2. Единицы со скалярным параметром

Значение единиц со скалярным параметром содержит указание на положение объекта на определённой шкале. Самый известный класс таких единиц – параметрические прилагательные и наречия, такие, как *горячий* или *быстро* и образованные от них степени сравнения (*горячее, самый горячий*), а также соответствующие конструкции, в частности, сравнительная конструкция (*чай горячее супа*) или эквативная конструкция (*чай такой же горячий, как суп*).

В российской семантике накоплен значительный опыт изучения лексического значения параметрических прилагательных и наречий (в частности, в работах Ю.Д. Апресяна, Е.В. Рахилиной, Т.И. Резниковой, Ю.П. Князева и многих других). Однако магистральное направление исследований таких единиц связано, по-видимому, с другой семантической традицией. Оно использует теоретический аппарат так называемой степенной семантики, которая опирается на идею рассматривать степени как особый род сущностей, отличных от индивидов, событий, временных интервалов, возможных миров и т. д. и занимающий отдельное место в онтологической системе. Степени – компонент абстрактных скалярных структур, с помощью которых формализуется понятие количества, обеспечивается возможность сравнения различных сущностей и т. п.

В этом направлении семантики, возникшем в 70-е годы [*Cresswell*, 1976], параметрические прилагательные и наречия рассматриваются как функции, которые сопоставляют произвольному объекту (индивиду или событию) интервальную степень на шкале, отражающей параметр измерения, – на шкале температуры, шкале скорости и т. п. Например, выражение ‘x горячее y’ сообщает, что проекция *x*-а на шкале температуры расположена выше, чем проекция *y*-а, а ‘x горячий’, – что *x* находится в той области шкалы, которая превышает контекстно-заданный стандарт сравнения для горячих объектов.

Важными вехами в развитии направления были исследования А. фон Штехова [*Von Stechow*, 1984], И. Хайм [*Heim*, 2001], Г. Сассун [*Sassoon*, 2013] и в особенности К. Кеннеди и Л. Макнелли [*Kennedy, McNally*, 2005]. В последней работе предложено важнейшее обобщение о скалярной структуре параметрических прилагательных: их грамматическое поведение определяется тем, образуют ли они закрытую шкалу с минимальным или максимальным значениями (как ‘пустой’, ‘грязный’) или открытую, где ни минимального, ни максимального значения нет (‘длинный’).

Одна из основных проблем в исследовании сравнительных конструкций – семантика сравнительного оператора и межъязыковое варьирование в этой области. Принято считать, что в языках типа русского, где представлен клаузальный стандарт сравнения (*Иван поёт громче, чем (поёт) Мария*), сравнительный оператор можно анализировать как кванторное слово. Его задача – соотнести два степенных множества, задаваемых двумя предикациями – главной клаузой и клаузой, заключённой в стандарте сравнения. Однако существуют языки, не допускающие финитной предикации в качестве стандарта сравнения. В этом случае для семантического анализа требуется совершенно другой сравнительный оператор, имеющий дело не с предикациями, а непосредственно с индивидами. Так происходит, в частности, в языках хинди и урду [*Bhatt, Takahashi*, 2007] или в турецком языке [*Hofstetter*, 2012]. Межъязыковое варьирование в структуре и интерпретации сравнительных конструкций продолжает оставаться одним из самых обсуждаемых в литературе сюжетов. А к анализу компаративов в хорошо изученных германских или славянских языках [*Lechner*, 2001; *Pancheva*, 2006; *Bhatt, Takahashi*, 2011; *Wellwood*, 2019] в последнее время добавляются исследования на материале менее изученных языков [см., например, *Былинина*, 2017; *Berezovskaya*, 2020].

Скалярные структуры можно использовать для описания не только статического положения объекта на шкале, но и изменения этого положения. Это открывает возможности для распространения скалярного анализа на глагольную семантику, в частности, для описания структуры значения глагола, а также значения видовременных показателей. К. Пиньон [*Piñón*, 2008] и К. Кеннеди [*Kennedy*, 2012] предложен скалярный анализ аспектуальной композиции, а О. Каган [*Kagan*, 2015] обсуждает скалярную семантику русских префиксов. Согласно ее подходу, в основе семантики любого префикса – отношение между степенями на шкале. Например, префикс *по-* в глаголе *погулять* сообщает, что степень изменения на шкале времени (т. е. длительность ситуации) достигает величины, меньшей стандарта сравнения, а *под-* в глаголе *подтаять* даёт похожее прочтение, но по отношению к шкале, описываемой глагольной основой (т. е. шкале “талости”). *Пере-* в *перегреть* интерпретируется как ‘объект оказывается выше контекстного максимума на шкале температуры’ и т. д.

Анализ в таком духе возможен не только для «классических» единиц с параметрической семантикой, но и для очень широкого класса других выражений, например, семантики дискурсивных слов, похожих на русское *вообще* или немецкое *überhaupt*. Т. Рохас-Эспонда [*Rojas-Esponda*, 2014], в

частности, предлагает в последнем случае использовать для анализа шкалу возможных дискурсивных топиков (questions under discussion).

Следует, однако, подчеркнуть, что эмпирическое покрытие описываемого подхода пока относительно невелико: исследования, выполненные в его рамках, в основном ограничиваются германскими и романскими языками с единичными вкраплениями материала других языков, а изучение ограничений на типологическое варьирование в этой области пока находится на очень ранней стадии (об интересных образцах межъязыковых обобщений, в частности, см. [*Beck et al.*, 2009; *Bochnak*, 2013]).

3. Единицы с линейным упорядочиванием

Словарное значение единиц этого типа содержит линейно (реже частично) упорядоченные элементы, создающие структуру скалярного типа. Характерный и самый известный пример, на котором мы не будем подробно останавливаться, – выражения с темпоральной семантикой. В частности, для анализа значения видовременных показателей в разных языках используется темпоральная структура [см., например, *Von Stechow*, 2009; *Beck, von Stechow*, 2015], линейно упорядочивающая моменты времени и задающая более сложные отношения для интервалов.

Другой характерный, но менее обсуждаемый в литературе пример, – семантика каузального отношения, которое задействуется в построении лексических каузативных глаголов типа ‘убить’, морфологических каузативов во многих языках или синтаксических каузативов (например, показатель *sase* в японском языке [*Shibatani*, 1973; *Недялков, Сильницкий*, 1969] и значительная последующая литература). Каузальное отношение можно анализировать, опираясь на понятие каузальной цепочки – скалярной структуры, которая представляет собой множество событий, линейно упорядоченных отношением контрфактической зависимости [*Lewis*, 1986].

Наконец, огромную популярность в последние годы приобрело использование упорядоченных множеств возможных миров для анализа модальных показателей со значением возможности и долженствования (‘мочь’ и ‘быть должным’), условных конструкций, предикатов пропозициональной установки. Первопроходцем здесь выступает немецкий семантист А. Кратцер [*Kratzer*, 1977, 1981, 2012], которая внесла очень значительные уточнения в традиционный логико-философский взгляд на модальные выражения как на кванторы по возможным мирам. Она и последующие исследователи показали, что для их адекватного анализа критически необходима скалярная структура, упорядочивающая подвергающиеся квантификации миры по близости к «идеальному» положению вещей с точки зрения того или иного релевантного параметра.

При таком анализе предполагается, что предложения типа *Вор должен сидеть в тюрьме* истинно в том случае, если во всех мирах, в которых законы нашего мира выполняются идеально и которые в прочих отношениях похожи на наш, вор сидит в тюрьме. Скалярная структура – компонент, который называется источником упорядочивания, – позволяет расположить возможные миры на шкале соответствия законам нашего мира. Подход

А. Кратцер развивается и дополняется во многих работах и распространяется на многие другие глагольные категории, например, прогрессив, хабитуалис или будущее [см. в частности, *Krifka et al*., 1995; *Condoravdi*, 2002; *Copley*, 2009; *Hacquard*, 2006; *Portner*, 1998, 2009, 2017 и др.].

4. Единицы с асимметричным следованием

Шкалы с асимметричным следованием известны также как хорновские шкалы [*Horn*, 1989]. Такую шкалу образуют, например, числительные (‘один’, ‘два’, ‘три’ и т. д.). Если верно, что Вася съел три булочки, верно и то, что он съел две булочки, а также одну булочку, но обратное неверно. В литературе имеются гипотезы об анализе граммем числа, предполагающие, что единственное, двойственное… множественное число также образуют хорновскую шкалу. Сюда же относятся системы кванторных слов типа ‘некоторые’ – ‘многие’ – ‘большинство’ – ‘все’, модальные выражения типа ‘мочь’ и ‘быть должным’, союзы ‘и’ и ‘или’. Хорновские шкалы связаны с возникновением и дальнейшей конвенционализацией скалярных импликатур, типичный пример которых – утверждения типа *Пришли некоторые студенты*. Такое утверждение воспринимается как передающее информацию ‘пришли некоторые, но не все студенты’. Иными словами, предложение с низкорасположенным элементом хорновской шкалы ‘некоторые’ приводит к интерпретации, при котором параллельное предложение с высокорасположенным элементом той же шкалы ‘все’ воспринимается как ложное. В литературе [*Fox*, 2007; *Chierchia et al*., 2011] ведётся дискуссия о том, являются ли эффекты такого рода следствием работы прагматического механизма, основанного на постулатах речевой коммуникации П. Грайса или грамматического механизма исчерпывающей интерпретации (англ. exhaustification, экзостификация, [см. Fox, Spector 2018]).

Изучение единиц, образующих шкалы с асимметричным следованием, которые приводят к возникновению скалярных импликатур, в последние десятилетия выделилось в самостоятельную семантическую индустрию, о содержании которой можно составить представление по работам Д. Фокса, Дж. Кьеркиа, Б. Спектора [*Fox*, 2007; *Cherchia et al*., 2011; *Chiechia*, 2013, 2017; *Spector*, 2016]. Особенность обсуждаемых механизмов создания таких импликатур состоит в том, что они не опираются ни на какие частноязыковые факты и тем самым предполагаются универсальными. Языки, однако, различаются в другом отношении: в каких в точности конфигурациях возникают скалярные отношения асимметричного следования. Например, если в языке денотаты именных групп единственного и множественного числа не пересекаются (первые обозначают единичные сущности, вторые – их суммы), отношения асимметричного следования не создаётся. Однако если эти денотаты соотносятся как множество и собственное подмножество [см., например, *Farkas, de Swart*, 2010], возникают условия для появления скалярной импликатуры. Особый случай – те языки, где именные группы в определённых конфигурациях проявляют числовую нейтральность и тем самым взаимодействуют и с семантически единичными, и с семантически множественными группами. Исследование фактов такого рода в межъязы-

ковой перспективе представляется крайне существенным и для более полного понимания механизма, создающего скалярные импликатуры, и для эмпирически адекватного анализа единиц, задействованных в его работе.

5. Единицы со скалярными пресуппозициями

Скалярные пресуппозиции в последние годы привлекают возрастающее внимание исследователей и обнаруживаются у всё более широкого класса языковых выражений. Важнейший и один из самых обсуждаемых в литературе класс примеров – фокусные частицы типа ‘даже’ [*Horn*, 1969; *Крейдлин*, 1975; *Karttunen, Karttunen*, 1977 и значительная последующая литература].

Семантика русской частицы *даже* описывается с помощью понятия шкалы: предложение *Даже Петя сдал зачёт* осмысленно, если пропозиция ‘Петя сдал зачёт’ на шкале вероятности расположена ниже, чем возможные альтернативы – ‘Вася сдал зачёт’, ‘Саша сдала зачёт’ и т. д. Более того, легко увидеть, что скалярная информация возникает именно как пресуппозициональный, а не ассертивный компонент смысла предложений с даже. В предложении *Даже Петя сдал зачёт?* спрашивается, сдал ли Петя зачёт, но не ставится под вопрос информация, что Петя – наименее вероятный кандидат в ряду альтернатив.

Другой пример – прилагательное *целый* в предложениях типа *Сюда приходил не кто-нибудь, а целый министр образования* также создаёт пресуппозицию, указывающую на высокое положение индивида на шкале социальной значимости.

Единицы со скалярными пресуппозициями изучены для разных языков неравномерно. Существует весьма значительная по объёму литература о скалярных фокусных частицах в немецком, французском, греческом языках (соответственно *sogar, même* и *akomi*) и в особенности в английском (*even*). Однако имеется значительный и всё возрастающий объём данных, указывающих на то, что межъязыковое варьирование в этой области огромно [см., например, *Gast, van der Auwera*, 2011]. На данный момент параметры этого варьирования не установлены даже для хорошо изученных языков. Например, русское *даже* при всём поверхностном сходстве с английским *even* обнаруживает систематическое ограничение, иллюстрируемое минимальной парой общих вопросов вида *Will he solve even the easiest problem?* и **Он решит даже (*[ОК]*хотя бы) самую простую задачу?* На данный момент даже для таких примеров нет убедительного объяснения, почему различие проявляется именно в общих вопросах, но отсутствует в большинстве других конфигураций, и следует ли объяснить его через особенности скалярной пресуппозиции в каждом из языков.

6. Единицы с ограничениями на дистрибуцию скалярной природы

Один из самых известных классов выражений, которые проявляют ограничения такого типа, – так называемые отрицательно-полярные единицы, такие, например, как английское *any* или его русские аналоги – *-либо* и *бы то ни было* местоимения. Они невозможны в индикативных утвердитель-

ных эпизодических предложениях, однако допускаются под отрицанием, а также в целом ряде других контекстов, которые Е.В. Падучева называла контекстами снятой утвердительности, ср. *Yesterday, he did not kill any rats* и **Yesterday, he killed any rats*.

История их описания началась ещё в 1960-е годы, однако долгое время скалярный характер наблюдаемых ограничений оставался незамеченным. В успешном развитии этой области решающую роль сыграли два открытия. Первое произошло в 1970-е годы благодаря работам Ж. Фоконье [*Fauconnier*, 1975] и У. Ладусоу [*Ladusaw*, 1979]. Было замечено, что широкий класс отрицательно-полярных единиц допускается ровно в тех контекстах, которые Ж. Фоконье называл скалярно-реверсивными, а У. Ладусоу – контекстами с нисходящим следованием. Например, отрицание создаёт контекст нисходящего следования, когда из утверждения об объемлющем множестве вытекает утверждение о подмножестве: если верно, что *Вася не видел слонов на Кутузовском проспекте*, верно и то, что *Вася не видел белых слонов на Кутузовском проспекте*. Второе важнейшее достижение в анализе таких единиц содержится в книге Дж. Кьеркиа [*Chierchia*, 2013], где предлагается объяснение обобщению Ладусоу. Ключевая идея объяснения состоит в том, что отрицательно-полярные единицы генерируют скалярные альтернативы, которые в любом контексте, кроме контекстов с нисходящим следованием, создают логическое противоречие.

Огромная заслуга в типологическом анализе отрицательно-полярных единиц принадлежит М. Хаспельмату [*Haspelmath*, 1997], который предлагает подробное описание дистрибуции неопределённых местоимений в 26 языках и формулирует обобщения об универсальных ограничениях на неё. Тем не менее ни задача эмпирического описания отрицательно-полярных единиц, ни задача их теоретического анализа окончательно не решена. С эмпирической точки зрения в языках обнаруживаются конфигурации, не учтённые в работе М. Хаспельмата, но важные для понимания дистрибуции отрицательно-полярных единиц (например, контекст рестриктора универсального квантора). С другой стороны, работа Дж. Кьеркиа и его последователей даёт объяснение лишь для дистрибуции относительно небольшого количества отрицательно-полярных единиц из реально засвидетельствованных.

7. Скалярные модификаторы

Скалярные модификаторы изменяют информацию о положении объекта на шкале. Классический тип скалярных модификаторов – единицы типа ‘очень’, которые в сочетании с параметрическими прилагательными и наречиями указывают на более высокую степень реализации скалярной характеристики. Например, если *горячий* указывает на степень обладания параметрическим свойством, достигающую контекстно заданного стандарта, то для *очень горячий* стандарт сдвигается в сторону увеличения. Сюда же относятся и другие многочисленные элементы такого рода – *совершенно*, *абсолютно*, *чуть*, *еле-еле* и их аналоги в других языках. Как правило, такие единицы характеризуют достаточно нетривиальной семантикой, которая

нуждается в исследовании и в рамках конкретного языка, и в типологическом ключе (см., например, [*Rett*, 2008] и цитируемую в указанной работе литературу).

Отдельную группу в этом ряду образуют скалярные модификаторы типа ‘почти’ или маркеры аппроксиматива типа ‘около’. Такие единицы оперируют альтернативами, упорядоченными по близости к заданному значению. Например, *Володя почти написал статью* означает, что пропозиция ‘Володя написал статью’ ложна, однако одна из близкорасположенных альтернатив (например, ‘Володя написал 90% статьи’) истинна. В этом примере основанием для создания альтернатив выступает мереологическая структура прямого дополнения, образуемая прирастающими частями статьи.

Особенность скалярных модификаторов такого типа состоит в том, что скалярный параметр задан эксплицитно: в *очень горячий* он определяется прилагательным *горячий*, а в *почти написал письмо* – дескриптивными свойствами ситуации, обозначаемой глагольной группой. Значительно менее изучены скалярные модификаторы с недоспецифицированным параметром. Например, глагольная морфема *-kala-* в чувашском языке [*Tatevosov*, 2007] сообщает, что некоторый скалярный параметр описываемой ситуации реализуется ниже стандарта, однако характер параметра не задан и может варьировать в достаточно широких пределах, отчасти ограниченных лексической семантикой глагола, контекстной информацией и знаниями о мире. Например, комбинация ‘писать + *kala*’ имеет прочтения ‘писать медленно’, ‘писать мало’, ‘писать небрежно’ и т. п. Можно предположить, что очень многие деривационные показатели в малоисследованных языках (см., например, [Fleischhauer, 2016]), которые в традиционных описаниях понимаются как маркеры «аспектуальных дериваций», наилучшим образом анализируются именно как скалярные модификаторы.

8. Параллелизм

В современной теоретической семантике скалярные явления изучаются в значительной степени независимо друг от друга, вследствие чего теоретические обобщения, стоящие над множеством частных реализаций скалярности, практически неизвестны. Проблема того, каковы регулярные требования и ограничения, которые накладываются на такие структуры в системах конкретных языков, не только не решена, но даже отчетливо не сформулирована.

Не претендуя на полноту, отметим некоторые систематические соответствия между различающимися скалярными явлениями. В частности, скалярные структуры, обсуждаемые в разделах 2–3 (единицы со скалярным параметром и единицы с линейным упорядочиванием) обнаруживают параллелизм сразу в двух отношениях.

Во-первых, и в том, и в другом случае исключительно важную роль играет такой параметр шкалы, как наличие у неё максимального значения. В анализе параметрических единиц этот параметр обычно фигурирует эксплицитно и более того, имеет грамматические проявления. В анализе модальности этот же параметр известен как допущение о пределе [*Stalnaker*,

1984; *Lewis*, 1973]. В литературе высказываются соображения за и против этого допущения, однако решающих эмпирических аргументов, позволяющих считать вопрос решённым, пока не представлено.

Во-вторых, в обоих случаях возникает вопрос о том, какие шкалы могут и какие не могут быть концептуализированы языковыми выражениями. В русском языке, например, есть прилагательное, отражающее степень содержания соли в воде (*очень солёное море*), но нет прилагательного для степени содержания рыбы в водоёме (??*очень рыбное море*). Аналогично, из огромного множества вообразимых параметров, по которым можно было бы определять лучшие из возможных миров, системы конкретных языков используют очень ограниченный набор [см. *Kratzer*, 2012; *Von Fintel*, *Heim* 2018]: деонтический (идеал с точки зрения соответствия нормам), булетический (идеал с точки зрения соответствия желаниям), телеологический (идеал с точки зрения соответствия целям).

Следует констатировать, впрочем, что работа по выявлению параллелизма скалярных структур в семантических доменах и областях естественно-языковой грамматики ещё впереди.

9. Вместо заключения

В этом очерке рассмотрены несколько областей естественно-языковой семантики, для понимания которых необходимы теоретические допущения, опирающиеся на понятие скалярной структуры. В анализе значительного диапазона скалярных явлений в последние годы достигнуты серьёзные успехи. В завершение отметим несколько перспективных областей исследования, которые, как кажется, смогут существенно расширить наши представления о скалярности в языке.

Во-первых, это анализ взаимодействия скалярных структур с разным семантическим статусом (например, единиц, имеющих скалярную пресуппозицию, с модальными выражениями). Во-вторых, это получение нового эмпирического материала о параллелизме структуры шкал в разных доменах (например, в домене индивидов у прилагательных, в домене событий у глаголов и в домене возможных миров у модальных выражений). В-третьих, это изучение зависимости содержания шкалы от семантического и синтаксического типа привязанного к ней выражения. Например, элементы уровня именной группы – прилагательные и степенные модификаторы – обычно привязаны к шкалам, измеряющим физические характеристики индивидов, тогда как элементы уровня предикации, соединяющиеся с пропозициями, используют такие шкалы, как шкала информативности или вероятности. Наконец, это построение более полной суммы обобщений о роли скалярных импликатур, обусловленных соображениями асимметричного следования, в интерпретации классических категорий грамматической семантики (например, прогрессива и перфектива, прямой и непрямой засвидетельствованности, прямой и непрямой каузации, кванторных именных групп).

ЛИТЕРАТУРА

Былинина Е.Г. Сравнительные конструкции // Татевосов С.Г. и др. (ред.). Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект. – М.: Буки Веди, 2017. – С. 448–464.

Крейдлин Г.Е. Лексема даже // Семиотика и информатика. Вып. 6. – М.: ВИНИТИ. 1975. – С. 102–114.

Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций. – Л.: Наука, 1969. – С. 5–60.

Beck, Sigrid and Arnim von Stechow. Events, Times and Worlds: An LF Architecture. In C. Fortmann (Hg.) Situationsargumente im Nominalbereich. Linguistische Arbeiten Bd. 562. Berlin: De Gruyter. 2015. P. 13–46.

Beck, Sigrid, Sveta Krasikova, Daniel Fleischer, Remus Gergel, Stefan Hofstetter, Christiane Savelsberg, John Vanderelst & Elisabeth Villalta. Crosslinguistic variation in comparative constructions. In J. van Craenenbroeck and J. Rooryck (eds.) Linguistic Variation Yearbook, vol. 9. Philadelphia: John Benjamins. 2009. P. 1–66.

Berezovskaya, Polina. Comparing Comparatives. New Perspectives from Fieldwork and Processing. Tübingen: University of Tübingen PhD dissertation. 2020.

Bhatt, Rajesh and Shoichi Takahashi. Direct Comparisons: Resurrecting the Direct Analysis of Phrasal Comparatives. In T. Friedman and M. Gibson, (eds.) Proceedings of Semantics and Linguistic Theory XVII. Ithaca: CLC Publications. 2007. P. 19–36.

Bhatt, Rajesh and Shoichi Takahashi. Reduced and unreduced phrasal comparatives. Natural Language and Linguistic Theory 29. 2011. P. 581–620.

Bochnak, Ryan. Cross-linguistic variation in the semantics of comparatives. Chicago: University of Chicago PhD dissertation. 2013.

Chierchia, Gennaro. Logic in Grammar: polarity, free choice and intervention. Oxford: Oxford University Press. 2013.

Chierchia, Gennaro. Scalar Implicatures and Their Interface with Grammar. Annual Review of Linguistics 3. 2017. P. 245–264.

Chierchia Gennaro, Danny Fox and Benjamin Spector. The grammatical view of scalar implicatures and the relationship between semantics and pragmatics. In P. Portner, C. Maienborn, K. von Heusinger (eds.) Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning. Berlin: Mouton de Gruyter. 2011. P. 297–330.

Condoravdi, Cleo. Temporal interpretation of modals. In D. Beaver, S. Kaufmann, B. Clark, L. Martınez (eds.) The construction of meaning. Stanford: CSLI Publications. 2002. P. 59–88.

Copley, Bridget. The semantics of the future. New York: Routledge. 2009.

Cresswell, Max. The semantics of degree. In B. Partee (ed.) Montague Grammar. New York: Academic Press. 1976. P. 261–292.

Fox, Danny and Benjamin Spector. Economy and embedded exhaustification. Natural Language Semantics 26(1). 2018. P. 1–50.

Farkas, Donka and Henriette De Swart. The semantics and pragmatics of plurals. Semantics and Pragmatics 3. 2010. P. 1–54.

Fauconnier, Gilles. Pragmatic scales and logical structure. Linguistic Inquiry 6.3. 1975. P. 353–75.

Fleischhauer, Jens. Degree gradation of verbs. Düsseldorf: Düsseldorf University Press. 2016.

Fox, Danny. Free choice disjunction and the theory of scalar implicatures. In U. Sauerland and P. Stateva (eds) Presupposition and Implicature in Compositional Semantics. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2007.

Gast, Volker and Johan van der Auwera. Scalar additive operators in the languages of Europe. Language 87–1. 2011. P. 2–54.

Hacquard, Valentine. Aspects of Modality. Ph.D. dissertation. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology. 2006.

Haspelmath, Martin. Indefinite Pronouns. Oxford: Clarendon. 1997.

Heim, Irene. Degree operators and scope. In C. Féry and W. Sternefeld (eds.) Audiatur Vox Sapientiae. Berlin: Akademie-Verlag. 2001. P. 214–239.

Hofstetter, Stefan. Selected Issues in the Theory of Comparison: Phrasal Comparison in Turkish and a Crosslinguistic Perspective on Intensifiers, Negative Island Effects and the Distribution ofMeasure Phrases. PhD dissertation. Tübingen: Eberhard Karls Universität Tübingen. 2012.

Horn, Laurence. A presuppositional analysis of *only* and *even*. In R. Binnick, Аю Davison, G. M. Green, and J.L. Morgan (eds.) Papers from the Fifth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago: Chicago Linguistic Society. 1969. P. 98–107.

Horn, Laurence. A Natural History of Negation. Chicago: University of Chicago Press. 1989.

Kagan, Olga. Scalarity in the verbal domain: The case of verbal prefixation in Russian. Cambridge: Cambridge University Press. 2015.

Karttunen, Frances and Lauri Karttunen. Even questions. NELS 7. 1977. P. 115–134

Kennedy, Christopher. Projecting the adjective: The syntax and semantics of gradability and comparison. New York: Garland Press. 1999.

Kennedy, Christopher. Vagueness and grammar. Linguistics and Philosophy 30. 2007. P. 1–45.

Kennedy, Christopher. Modes of Comparison. Proceedings of CLS 43. 2009. P. 141–165.

Kennedy, Christopher. The composition of incremental change. In Telicity, Change, State: A Cross-Categorial View of Event Structure, ed. Violeta Demonte and Louise McNally, Oxford: Oxford University Press. 2012. P. 103–121.

Kennedy, Christopher and Louise McNally. Scale structure and the semantic typology of gradable predicates. Language 81. 2005. P. 345–381.

Kratzer, Angelika. What ‘must’ and ‘can’ must and can mean. Linguistics and Philosophy 1. 1977. P. 337–355.

Kratzer, Angelika. The notional category of modality. In H.-J. Eikmeyer and H. Reiser (eds.) Words, worlds, and contexts: New approaches in word semantics. Berlin: Walter de Gruyter. 1981. P. 38–74.

Kratzer, Angelika. Modals and Conditionals: New and Revised perspectives. Oxford: Oxford University Press. 2012.

Krifka, Manfred, Jeffry Pelletier, Gregory Carlson, Alice ter Meulen, Gennaro Chierchia, and Godehard Link. Genericity: an introduction. In G. Carlson and J. Pelletier (eds.) The Generic Book. Chicago: University of Chicago Press. 1995.

Ladusaw, William. Polarity sensitivity as inherent scope relation. Ph.D dissertation. Austin: University of Texas at Austin. 1979.

Lechner, Winfried. Reduced and Phrasal Comparatives. Natural Language and Linguistic Theory 19.4. 2001. P. 683–735.

Lewis, David. Causation. Journal of Philosophy 70. 1973a. P. 556–567.

Lewis, David. Counterfactuals. Cambridge: Harvard University Press. 1973b.

Lewis, David. Ordering semantics and premise semantics for counterfactuals. Journal of Philosophical Logic 10. 1981. P. 217–234.

Lewis, David. On the Plurality of Worlds. Oxford: Basil Blackwell. 1986.

Pancheva, Roumyana. Phrasal and Clausal Comparatives in Slavic. FASL 14. 2006. P. 236–257.

Piñón, Christopher. Aspectual composition with degrees. In L. McNally, C. Kennedy (eds.) Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics and Discourse. Oxford: Oxford University Press. 2008. P. 183–219.

Portner, Paul. Modality. Oxford: Oxford University Press. 2009.

Portner, Paul. Mood. Oxford: Oxford University Press. 2017.

Portner, Paul. The Progressive in Modal Semantics. Language 74–4. 1998. P. 760–787.

Rett, Jessica. Degree Modification in Natural Language. PhD dissertation. State University of NewJersey, Rutgers. 2008.

Rojas-Esponda, Tanja. A discourse model for überhaupt. Semantics and Pragmatics 7. 2014. P. 1–45.

Sassoon, Galit. Vagueness, gradability, and typicality: The interpretation of adjectives and nouns. Boston: Brill. 2013.

Shibatani, Masayoshi. Semantics of Japanese causatives. Foundations of Language 9–3. 1973. P. 327–373.

Spector Benjamin. Comparing exhaustivity operators. Semantics and Pragmatics 9. 2016. P. 1–33.

Stalnaker, Robert. Inquiry. Cambridge: The MIT Press. 1984.

Tatevosov, Sergei. Pluractionality vs. discontinuity. Proceedings of the XVII Amsterdam Colloquium. Amsterdam: University of Amsterdam. 2007. P. 217–223.

Von Fintel, Kai and Irene Heim. Intensional Semantics. MIT Lecture Notes. 2018.

Von Stechow, Arnim. Comparing Semantic Theories of Comparison. Journal of Semantics 3. 1984. P. 1–77.

Von Stechow, Arnim. Tenses in Compositional Semantics. In W. Klein and P. Li (eds.) The Expression of Time. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 2009.

Wellwood, Alex. The meaning of More. Cambridge University Press. 2019.

Актуальные вопросы совершенствования графики и орфографии языков Российской Федерации

Д.М. Савинов

Аннотация. *В статье даётся анализ современных графических систем языков Российской Федерации и ставятся вопросы их совершенствования. Основными недостатками существующих алфавитов признаются: 1) отсутствие унификации в обозначении специфических фонем национальных языков; 2) обозначение одной буквой нескольких фонем; 3) употребление одного знака в различных функциях в графических системах разных языков; 4) отсутствие особых букв для «специфических» фонем конкретного языка.*

В статье также выделяются три основные орфографические проблемы: 1) отражение фонетических позиционных чередований на письме; 2) написание сложных слов, которые имеются в большинстве языков (в конкретных орфографических системах может встречаться и слитное, и дефисное, и раздельное написание подобных слов); 3) правописание заимствований, интернациональных слов, прежде всего слов, заимствованных из русского языка или через русский язык.

Ключевые слова: *родные языки, алфавит, графика, орфография.*

DOI: 10.26158/OIFN.2023.12.1.025

В последние годы всё более актуальными становятся исследования в области языковой политики, к которой относят разработку «лингвистических проблем, направленных на то, чтобы управлять языковыми процессами <…>; языковая политика – часть социолингвистики, выход этой науки в речевую практику» [*Беликов*, *Крысин*, 2001: 6]. Языковая политика в современных условиях – это один из основных инструментов, регулирующих развитие функционального потенциала конкретных языков. Она обычно проводится в двух основных сферах: во-первых, в её ведении оказываются все вопросы, связанные с культурой речи, то есть с кодификацией собственно языковых норм литературного варианта национального языка: правил произношения и словоупотребления; во-вторых, она регламентирует область графики и орфографии.

Однако развитие первого направления зачастую ограничивается такой особенностью младописьменных языков, как отсутствие большого разрыва между условно литературным и нелитературными формами национального языка, в частности, невозможностью провести границу между литературной разговорной речью и нелитературным просторечием. Например, в адыгейском языке «отсутствует просторечие, следовательно, нет соответствующей базы для развития разговорной речи как особой языковой системы в пределах литературного языка…» [*Биданок*, 2003: 16]). Следует отметить, что даже в русском языкознании «вопросы разграничения разговорной и просторечной лексики по-прежнему являются дискуссионными», а критерии разграничения соответствующих стилистических помет в словарях русского языка не всегда ясны [*Пестова*, 2022: 19–21]. Очевидно, что во

многих младописьменных языках понятие «норма» зачастую идентично понятию «разговорный узус», который «продолжает выполнять свою извечную функцию естественно-стихийного нормализатора речи и показателя литературного языка» [*Алексеев*, 2000: 3].

Кроме того, некоторые литературные языки (прежде всего литературные языки коренных малочисленных народов России) всё ещё находятся в стадии становления и не приобрели наддиалектный характер, то есть не стали общеупотребительными, общедоступными и общепринятыми на разных территориях распространения. Например, эвенкийский литературный язык, в основу которого положен полигусовский говор южного наречия, до настоящего времени «не стал наддиалектной формой существования языка, носители разных диалектов и говоров одного языка, проживающие в географически отдалённых районах, часто не понимают друг друга» [*Стручков*, 2010: 10]. Очевидно, что в сложившейся ситуации аспекты, связанные с культурой речи и орфоэпией соответствующих языков, остаются зачастую неразработанными, хотя и актуальными «в связи с преподаванием этих языков в школах, средних специальных учебных заведениях и вузах, а также в связи с деятельностью национальных электронных средств массовой информации» [*Бурыкин*, 2000: 151].

Значительно больше исследований посвящено второму направлению: описанию письменных форм конкретных языков, предлагающих усовершенствование их графики и орфографии (например, рутульского, чеченского, эвенского, якутского, адыгских и др. алфавитов, подборку работ на эту тему можно найти в библиотеке www.elibrary.ru). При этом приводимые примеры конкретных предложений по усовершенствованию зачастую производят впечатление их спорадичности и бессистемности. Разумеется, всякое национальное письмо складывается и развивается индивидуально, однако разнообразие сознательно вносимых в алфавит инноваций ограничено и поэтому подвластно типологическому описанию, что позволяет выявить логику в истории реформ письма.

Как известно, переход на кириллический алфавит графики народов СССР во второй половине 30-х годов проходил стихийно и очень быстрыми темпами: «Начавшийся в 1939 г. переход на кириллицу в некоторых местностях осуществили с гигантской скоростью – за три месяца» [*Даудов*, *Мамышева*, 2011: 11]. Это сказалось на отсутствии унификации букв алфавитов, что привело к разнобою при обозначении одинаковых звуков-фонем в близкородственных языках.

Очевидно, каждый алфавит, как кириллический, так и созданный на основе латиницы, должен удовлетворять следующим требованиям:

1. Как можно точнее отражать специфику строя национального языка в его современном состоянии, а также учитывать происходящие языковые изменения, что необходимо для быстрого и лёгкого освоения грамоты на родном языке.

2. Быть максимально унифицированным с алфавитами языков (прежде всего родственных), пользующимися общей графической основой, и учитывать общие черты их фонетического строя.

3. Графическая система, построенная на основе кириллицы, должна способствовать быстрому и лёгкому усвоению русского языка представителями народа, говорящего на соответствующем национальном языке. Например, в эвенкийской графике фарингальный фрикативный [h] принято обозначать кириллической буквой **х**, которая в русском языке обычно обозначает звуки [х] и [х’], что по мнению не только лингвистов, но и методистов в области преподавания родного языка является ошибкой. То же можно сказать и о передаче эвенкийского билабиального согласного [w] кириллической буквой **в**, которая в русском алфавите обозначает губно-зубные звуки [в], [в’], [ф] или [ф’] (в зависимости от позиции), см. [*Афанасьева*, 2007: 12].

По данным научных изысканий, можно выявить несколько главных недостатков существующих алфавитов, первый из которых – отсутствие унификации в обозначении специфических фонем национальных языков. Например, в коми языке переднеязычная альвеолярная палатальная звонкая аффриката [ʒ] обозначается сочетанием букв **дз**, а в близкородственном удмуртском – одной буквой **ӟ**; в коми языке переднеязычная альвеолярная твёрдая звонкая аффриката [ǯ] обозначается сочетанием **дж**, в удмуртском **ӝ**, в коми альвеолярный смычно-щелевой глухой согласный звук [č] передаётся сочетанием **тш**, в удмуртском – **ӵ**. Твёрдость согласного, предшествующего гласному [и], в коми языке передаётся при помощи написания после буквы согласного звука буквы **і**, а в удмуртском – буквы **й** [*Ермушкин*, 1982: 172].

Примеры различия в графическом выражении абсолютно идентичных звуков существуют и в монгольских языках. «Например, в бурятском языке заднеязычный сонант [ŋ] передаётся то буквой **н**, то сочетанием **нг**. Ср. *hан* ˈказна′ и *hангай* ˈказённый′. В калмыцком языке указанная фонема обозначается специальной буквой ҥ» [*Дарбеева*, *Пюрбеев*: 1982: 120]. Следует отметить, что и в том, и в другом языке заднеязычный сонант [ŋ] встречается только в некоторых позициях (в середине и конце слова), а потому его фонематический статус спорен (что, возможно, и нашло отражение в отсутствии специальной буквы в бурятском языке).

Второй недостаток – это обозначение одной буквой нескольких фонем. Самый распространённый случай – в алфавите отсутствует отдельное обозначение долгих и кратких гласных, которые представляют собой отдельные языковые единицы. Например, в мансийском языке есть краткие и долгие гласные фонемы (*ам* ˈя′ и *āт* ˈволос′; *я* ˈну, теперь′ и *я̄* ˈрека′), однако дополнительные знаки для их различения были введены в мансийский алфавит только в начале 80-х годов [*Ромбандеева*, 1985: 3–8].

В эвенкийском языке гласные бывают простыми и долгими, при этом долгота гласного звука имеет смыслоразличительную роль. Однако долгие гласные в практическом эвенкийском письме не обозначаются (обозначаются только в словарях). Хотя Е.Ф. Афанасьева, автор эвенкийского орфографического словаря, считает, что отсутствие обозначения «в графике долготы гласного ведёт к нарушению смысла слова, затрудняет овладение языком», и поэтому соблюдение правила обозначения долготы гласных должно стать «обязательным условием современной графики эвенкийского языка»: *амӣ* ˈотец′ и *āмӣ* ˈспать′; *унэ* ˈрано′ и *ӯнэ* ˈрастаяли′ и т. д. [*Афанасьева*, 2007: 9–10].

Для бурятского и калмыцкого языков, относящихся к монгольским языкам, также характерно противопоставление долгих и кратких гласных. Если в бурятском языке долгие гласные обозначаются удвоением одной и той же буквы, независимо от того, в какой части слова находится долгий гласный звук, то в калмыцком языке долгие гласные передаются удвоенными буквами только в 1-м слоге и одной – в любом не первом: *баатар* (бурятский язык) и *баатр* (калмыцкий язык) ʻбогатырьʼ; *дахуулаха* (бурятский язык) и *дахулх* (калмыцкий язык) ʻвести за собойʼ. Кроме того, в бурятской орфографии нашли последовательное отражение редуцированные гласные, которые в калмыцкой орфографии вообще не отражаются (графическая реализация так называемых «неясных гласных» стала одной из самых актуальных проблем современной калмыцкой орфографии, подробнее см. [*Биткеев*, 1969: 7]).

Третий недостаток: употребление одного знака в различных функциях в графических системах разных языков. Например, буква **h** обозначает фарингальный фрикативный согласный в бурятском языке и увулярный фрикативный согласный в калмыцком языке. Буква **ö** в марийском языке обозначает огубленный гласный переднего ряда среднего подъёма, тогда как в коми алфавите она служит для передачи неогубленного гласного среднего ряда среднего подъёма.

Подобные проблемы есть и в алфавитах адыгейского и кабардино-черкесского языков, которые представляют собой два литературных варианта единого адыгского языка. В адыгейском и кабардино-черкесском алфавитах имеются буквы и диграфы, разные по начертанию, но обозначающие одинаковые звуки и, наоборот, одинаковые буквы и диграфы могут обозначать разные звуки (примеры приведены в таблице).

Адыгейский алфавит	Кабардино-черкесский алфавит	Звуки
жъ	жь	ʐ̩
жь	ж	ʑ
щ	ш	ɕ
шъ	щ	ʂ
шI	щI	ʃʼ

Сегодня учёные Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии обсуждают предложения по унификации соответствующих алфавитов и их усовершенствованию: это «избавило бы грамотных (пишущих и читающих) людей от путаницы в произношении одинаковых звуков в этих языках… Если в адыгейском пишется *щэ* “молоко”, то в кабардино-черкесском это же слово пишется как *шэ* “молоко”, но произношение одинаково с адыгейским *щэ*» [*Гишев*, 2003: 6–7]).

Четвёртый недостаток: отсутствие особых букв для «специфических» фонем языка. Например, современный вариант мокшанского алфавита по набору графем ничем не отличается от русского алфавита, что не позволяет корректно отображать на письме особые мокшанские гласные фонемы /ə/ и

/æ/, не имеющие аналогов в русском языке. Так, фонема /ə/ обозначается в начале слова и в первом закрытом слоге буквой **ъ** (***ъ**рдаз* ˋгрязь′, *м**ъ**рдамс* ˋвернуться′); в середине слова после мягких согласных и шипящих *ж*, *ш*, *ч* – буквой **е** (*тоз**е**р* ˋпшеница′, *куч**е**мс* ˋпослать′); после твёрдых согласных – буквой **о** (*лезд**о**мс* ˋпомочь′). Фонема /æ/ обозначается в абсолютном начале слова буквой **э** (***э**рьхке* ˋозеро′), в середине и конце – буквой **я** (*с**я**вомс* ˋвзять′, *пакс**я*** ˋполе′) [*Митрофанова*, 2012: 61]. Подобный непоследовательный способ передачи языковых единиц (фонем) нельзя признать оптимальным: ещё Л.В. Щерба писал, что «каждый практический алфавит должен и может обозначать только фонемы, а отнюдь не их варианты... для быстрейшего восприятия текста важны те звуковые различия, которые способны дифференцировать слова, а не те, которые лишь механически возникают при артикуляции в зависимости от тех или других условий произнесения» [*Щерба*, 2007: 200–201].

Необходимо отметить, что в дореволюционных изданиях на мокшанском языке использовался кириллический алфавит с дополнительными графемами для обозначения этих специфических фонетических единиц. Так, в издании Святого евангелия от Иоанна 1901 г., подготовленного Н. Барсовым, для обозначения на письме фонемы /æ/ использована лигатура **ѧ**, созданная из соединения букв **я** и **е** (*Нѧзь молемдѧ* «видели, как он шёл», *тѧтяц* «его отец»); для отображения фонемы /ə/ последовательно использовалась буква **ъ**: *яфъдян* «взмахну», *пърдан* «собираю», «прячу». В первые годы послереволюционного развития мордовской письменности из графической системы мордовских языков все дополнительные знаки были изъяты [*Щемерова*, 2012: 60].

Очевидно, что основными задачами в деле унификации графики родных языков народов Российской Федерации можно считать, во-первых, добавление специальных букв в те алфавиты, где специфические фонемы до сих пор не обозначены особыми буквами. Считается, что во многом отсутствие специальных букв при разработке новых кириллических алфавитов в 1930-е гг. связано с тем, что в то время отливка особых букв, отсутствующих в русском кириллическом алфавите, была проблемой. Во-вторых, необходима унификация обозначения общих специфических фонем близкородственных языков, пользующихся единой графической основой (например, унификация алфавитов адыгского языка: создание единой графики для адыгейского и кабардино-черкесского литературных языков).

Особого внимания заслуживает и проблема орфографии родных языков. Следует отметить, что термин «орфография» употребляется по отношению к этим языкам не всегда корректно: орфография устанавливает нормативное написание слова только в тех случаях, когда оно выбирается из ряда возможных с точки зрения законов графики. Однако в большинстве языков, прежде всего в языках коренных малочисленных народов России, нарушения правил правописания обычно связаны либо с недостаточным знанием норм графики, либо с наличием нескольких графических систем. В целом, при описании орфографии языков народов России обычно выделяется три основные проблемы:

1. Отражение фонетических позиционных чередований на письме.

2. Правописание сложных слов, которые имеются в большинстве языков (в конкретных орфографических системах может встречаться и слитное, и дефисное, и раздельное написание подобных слов).

3. Правописание заимствований, интернациональных слов, прежде всего слов, заимствованных из русского языка или через русский язык (в том числе кодификация неологизмов).

Первая проблема – это отражение фонетических позиционных чередований на письме. При массовой разработке алфавитов в 1930-х годах основным принципом графики обычно был фонетический, то есть было максимальное сближение письменной и устной форм речи, что способствовало быстрому распространению грамотности среди носителей конкретных языков. Однако сегодня для многих языков, в том числе из числа языков коренных малочисленных народов, предпочтение фонематического принципа перед фонетическим объясняется не только общетеоретическими соображениями, высказанными теоретиками лингвистики (Р.И. Аванесовым, Е.Д. Поливановым, Л.В. Щербой), но и конкретной экстралингвистической ситуацией, характерной для современных родных языков. Во-первых, сегодня грамотность уже носит массовый характер, в этих условиях фонологический (морфологический) принцип орфографии предпочтительнее, поскольку сохраняется единообразное написание морфемы и не учитывает позиционных чередований (типа оглушений и озвончений согласных звуков, редукции, стяжения, других позиционных мен гласных). Во-вторых, в настоящее время большая часть молодёжи овладевает родными языками практически как иностранными, причём не на слух, а через его письменную форму. Несоответствующая фонологической системе орфография может привести к серьёзному расшатыванию всей системы языка. Особенно быстро подобное случается тогда, когда тот или иной язык постепенно утрачивает сферы своего употребления [*Кошкарева*, 2013: 49].

Вторая орфографическая проблема – это написание сложных слов. Сложение – один из самых распространённых способов словообразования в различных языках, поэтому сложные слова имеются в большинстве языков, распространённых в Российской Федерации. Так, в дагестанских языках вопрос о слитном и раздельном написании сложных слов остаётся наиболее трудным вопросом орфографии, теоретически и практически слабо изученным. «Например, в лакском языке одно понятие зачастую передаётся двумя лексическими единицами, тогда как в русском языке это же понятие обозначается одной лексемой: *дакI дан* ʻободрить′, *ялун бишин* ʻпоручить′ и др.» [*Муркелинский*, 1982: 142–143].

Упорядочение норм правописания сложных слов и их отграничения от словосочетаний является проблемой и для нахских языков: «В настоящее время, когда ведётся соответствующая работа по упорядочению норм орфографии двух письменных нахских языков (чеченского и ингушского), перед участниками этой работы встаёт немало сложных вопросов, связанных с выбором оптимальных вариантов орфографирования сложных слов и соотносимых с ними словосочетаний» [*Сулейбанова*, 2009: 4].

Проблемы правописания сложных слов есть и в тюркском кумыкском языке: «Сложные слова, возникшие в результате лексикализации слово-

сочетаний при их одновременной аффиксации, в настоящее время пишут по-разному (*акь сакьаллы* и *акьсакьаллы*), что является ярким показателем научной необоснованности орфографии сложных слов. Как показывает лексико-грамматическая природа сложных слов данного типа, компоненты их должны писаться слитно» [*Зубаилова*, 2005: 22].

Вариативность, отмечающаяся при написании сложных слов в некоторых языках, нежелательна для орфографии. При этом и в русской орфографической традиции проблема слитных, полуслитных (дефисных) и раздельных написаний сложных слов «была и остаётся сложной и спорной, а практика слитных и дефисных написаний – нередко противоречащей сформулированным нормализаторами рекомендациям» [*Онацкая*, 2005: 3].

Третья проблема орфографии – вопрос о правописании иноязычной лексики, интернациональных слов, прежде всего слов, заимствованных из русского языка или через русский язык. Следует отметить, что в графическом оформлении русизмов зачастую отсутствует единообразие даже в пределах одного языка. Как правило, это обусловлено временем проникновения заимствований.

Так, в бурятской и калмыцкой орфографической системах в целом правописание заимствований из русского языка проводится в соответствии с звуковой структурой соответствующего языка: например, согласные **в, ф, ц, ч, щ, к** русских заимствований заменялись на бурятские согласные **б, п, с, ш, х**, а в калмыцком заменялись только **в, ф, щ**, поскольку **ч, ц** и **к** в калмыцком были. Кроме того, заимствования подчинялись закону гармонии гласных: *фонарь* → *панаар* (бурятский язык) и *панр* (калмыцкий язык); *шкаф* → *ашхаап* (бурятский язык) и *ашкав* (калмыцкий язык); *купец* → *хупеэсэ* (бурятский язык) и *кувц* (калмыцкий язык) и др. Полная звуковая и соответственно орфографическая адаптация соотносится с заимствованиями дореволюционного периода и существовала приблизительно до 30–40-х годов XX века, когда подавляющее большинство населения не были билингвами.

В связи с развитием билингвизма и активным использованием бурятами и калмыками русского языка как средства межнационального общения изменился и тип адаптации: полная адаптация сменилась частичной. Суть её заключается в том, что заимствования перестали подчиняться гармонии гласных, и вокализм сохраняется без изменения, в принципе, новые заимствования сохраняют русскую орфографию в пределах основы слова – с возможным усечением флексии. Интересно, что с этой точки зрения отличаются бурятский язык, с одной стороны, и калмыцкий (а также собственно монгольский) – с другой. В бурятском языке обычно представлена нулевая адаптация, что позволяет полностью сохранить облик заимствованного слова (примеры, *атака*, *база*, *ангина*), хотя качество конечного гласного зависит от качества ударного гласного основы (например, русское *ракета* заимствовано в бурятский язык как *ракетэ*). В калмыцком и монгольском языках конечные гласные подвергаются полному усечению, на конце сохраняются только ударные гласные (примеры: *атака* → *атак*; *база* → *баз*; *ангина* → *ангин*, *ракета* → *ракет*, но *кислотá*, *кафé*) [*Дарбеева*, *Пюрбеев*, 1982: 121–122; *Сономжамцын*, 2015: 13–15].

Правописание заимствованных слов – спорный момент и в якутской орфографии. Заимствованные слова из русского языка обычно подразделяются на три основные группы:

1) давно заимствованные русские слова фонетически и грамматически полностью освоены якутским языком и пишутся в фонетизированной форме (*остуол* ˈстол′, *куорат* ˈгород′, *дьыала* ˈдело′, *бирикээс* ˈприказ′, *оскуола* ˈшкола′);

2) ещё неустоявшиеся в разговорной речи заимствованные слова пишутся в фонетизированной форме или с сохранением русских форм основы (*бизнес – биисинэс*, *съезд – сийиэс*, *рентген – эрэнгиэн*, *музей – мусуой*, *термометр – тэрмэмиэтир*);

3) слова, представляющие общественно-политические, научно-технические понятия и трудно поддающиеся фонетическим нормам якутского языка, пишутся с сохранением русской формы обозначения основы (*архитектура*, *неолит*, *материализм*, *меморандум*, *нацизм*, *полиграфия*, *стрептоцид*).

В соответствии с новым проектом орфографии якутского языка слова, заимствованные из русского языка, должны писаться в фонетизированном виде в том случае, если они широко используются и легко подчиняются законам якутской фонетики. Исключение составляют только научно-технические термины, не распространённые в разговорной речи, они пишутся в форме, в которой они заимствованы, то есть в русском начертании. Иначе говоря, в результате предложенной орфографической реформы останутся только две группы: первая и третья.

Этот проект вызывает недовольство якутской общественности, считающей фонетизацию неустоявшихся в разговорной речи заимствованных слов «искусственной». Однако по мнению учёных, фонетизированное написание «обосновано научными исследованиями и обусловлено языковой практикой – с дореволюционных времён в якутском языке обосновалось более 3 тыс. заимствованных слов» [*Васильева*, 2015: 98–100].

Следует отметить, что сегодня большинство языков народов России имеют алфавиты и считаются письменными, хотя в последнее время появляются также письменные формы отдельных диалектов некоторых языков. Происходит постепенное совершенствование графических систем различных языков. Так, частичная реформа мансийской графики, проведённая в начале 1980-х годов, считается одной из самых удачных реформ графических систем языков малочисленных народов Севера. В частности, проведённая реформа сохранила «для носителей мансийского языка возможность пользоваться ранее вышедшими изданиями, поскольку соблюдённая между графическими системами преемственность оставляет понятной для читателя всю изданную ранее на мансийском языке литературу» [*Бурыкин*, 2000: 154].

Реформа хантыйской письменности связана с переходом на фонематическое письмо, в соответствии с которым каждая буква обозначает одну фонему, и каждая фонема обозначается одной и той же буквой. Последовательно новый алфавит начал использоваться в изданиях Обско-угорского института

прикладных исследований и разработок, расположенного в Ханты-Мансийске. Первая попытка его применения представлена в книге «Сказки народа ханты», которая издана в 1995 году. Более последовательно фонематическое письмо использовано В.Н. Соловар в «Хантыйско-русском словаре», написанном на материале казымского диалекта. «После этого данный принцип написания был успешно реализован как в учебных, так и в научных изданиях, на сегодняшний день опубликовано уже около 10 книг, которые отличаются значительно большим единством написания слов, чем предыдущие издания» [*Кошкарева*, 2013: 61].

Однако новый хантыйский алфавит до сих пор официально не утверждён, и ряд учебных пособий (например, изданных на шурышкарском диалекте хантыйского языка) продолжает сохранять старую систему графики. Кроме того, не все учёные считают хантыйский опыт реформирования системы графики удачным. Так, по мнению А.А. Бурыкина, в результате проведённой реформы хантыйской графики увеличилось «количество знаков алфавита, при этом сам алфавитный порядок букв с большим количеством новых знаков остался без определения. Такая ситуация создала разрыв между графической системой, на которой продолжает вестись обучение, и той системой, которая используется для книгоиздания местными издательствами» [*Бурыкин*, 2000: 156].

Существуют два варианта удэгейского алфавита, один разработан в конце 1980-х годов в Ленинграде, второй – в Хабаровске. На «ленинградском» варианте удэгейского алфавита вышел ряд учебных книг и словарей, авторами которых были А.Х. Гирфанова и Е.В. Перехвальская. Однако в настоящее время большинство учебной литературы издаётся на «хабаровском» варианте удэгейского алфавита, особенностью которого является отражение на письме всех 18 гласных удэгейского языка. В частности, эта графическая система использована в подготовленном учебном пособии по «Литературному чтению на родном (удэгейском) языке» (авторы Д.М. Берелтуева, В.Т. Кялундзюга), а также в сборнике переводной художественной литературы на удэгейском языке (автор В.В. Габова).

Обсуждается реформирование эвенского, саамского и некоторых других алфавитов. Следует отметить, что проблема реформирования графики языков коренных малочисленных народов России напрямую связана с необходимостью совершенствования нормативно-правовой базы в соответствующей области. Так, на федеральном уровне долгое время вообще отсутствовал орган, уполномоченный утверждать графические основы алфавитов языков коренных малочисленных народов. Только в 2021 г. были разработаны Правила утверждения норм языков коренных малочисленных народов Российской Федерации, правил орфографии и пунктуации этих языков (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 7 октября 2021 г.), а затем приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 9 декабря 2021 г. образована Межведомственная комиссия по языкам коренных малочисленных народов Российской Федерации. В 2022 г. также был разработан проект Порядка проведения экспертизы грамматик, содержащих нормы языков коренных малочисленных народов Российской Федерации, правил орфографии и пунктуации этих

языков, который, к сожалению, до сих пор не утверждён (проект размещён на https://regulation.gov.ru/).

В завершение необходимо отметить, что все заинтересованные стороны должны продолжать работу по совершенствованию алфавитов различных родных языков народов Российской Федерации. Необходимо также продолжать работы по совершенствованию орфографии соответствующих языков – унифицировать написание заимствованных слов и неологизмов, терминов и географических названий, уточнить правила и нормы правописания, в частности, вопросы слитного/раздельного написания сложных слов.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев М.П. Культура речи Саха: отклонения от традиционного узуса. Автореф. … канд. филол. наук / Ин-т гуманит. иссл. АН Республики Саха (Якутия). – Якутск, 2000. – 23 с.

Афанасьева Е.Ф. Орфографический словарь эвенкийского языка. – М.: «Дрофа», 2007. – 86 с.

Беликов В.И., *Крысин Л.П.* Социолингвистика. – М., 2001. – 439 с.

Бигданок М.М. Становление норм адыгейского литературного языка. Автореф. … канд. филол. наук / Адыгейск. гос. ун-т. – Нальчик, 2003. – 26 с.

Биткеев П.Ц. Проблемы графики и орфографии современного калмыцкого языка. – Элиста, 1969. – 37 с.

Бурыкин А.А. Изучение фонетики языков малочисленных народов Севера России и проблемы развития их письменности (обзор) // Язык и речевая деятельность. Т. 3. Ч. 1. – СПб., 2000. – С. 150–180.

Васильева Н.М. Из опыта работы по усовершенствованию современной якутской орфографии // Чувашская орфография вчера, сегодня, завтра: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2015. – С. 95–101.

Гишев Н.Т. Сравнительный анализ адыгских языков. – Майкоп: «Качество», 2003. – 283 с.

Дарбеева А.А., *Пюрбеев Г.Ц.* О графике и орфографии монгольских языков народов СССР // Опыт совершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР. – М.: «Наука», 1982. – С. 117–123.

Даудов А.Х., *Мамышева Е.П.* Из истории латинизации национальных алфавитов народов СССР // Вестник СПбГУ. Серия. 2. 2011. Вып. 2. – С. 7–12.

Ермушкин Г.И. Об алфавитах и орфографиях финно-угорских языков (волжская и пермская группы) // Опыт совершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР. – М.: «Наука», 1982. – С. 170–176.

Зубаилова Р.М. Образование сложных слов в кумыкском языке. Автореф. … канд. филол. наук / Дагестанск. гос. ун-т. – Махачкала, 2005. – 25 с.

Кошкарева Н.Б. Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. № 3 (14), 2013. – С. 47–78.

Митрофанова М.Е. Графика // Мордовские языки: энциклопедия / науч. ред. А.Н. Келина, А.В. Чернов. – Саранск, 2012. – С. 61–62.

Муркелинский Г.Б. Дагестанские языки. Об алфавитах и орфографиях // Опыт совершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР. – М.: «Наука», 1982. – С. 140–145.

Онацкая М.И. Становление написания слов в русском письме XVIII – первой половины XIX в. Автореф. … канд. филол. наук / Ин-т русск. языка РАН. – М., 2005. – 25 с.

Пестова А.Р. Стилистические пометы в толковых словарях как отражение лексико-стилистических процессов в русском языке второй половины XX – нач. XXI в. Дис. … канд. филол. наук / Ин-т русск. языка РАН. – М., 2022. – 165 с.

Ромбандеева Е.И. Вопросы совершенствования алфавита, графики и орфографии мансийского языка // Просвещение на Крайнем Севере. Вып. 22. – Л., 1985. – С. 3–8.

Сономжамцын Б.-Э. Фонетико-морфологическое освоение русизмов в монгольских языках. Автореф. … канд. филол. наук / Ин-т языкозн. РАН. – М., 2015. – 24 с.

Стручков К.Н. Функционирование эвенкийского языка в сфере образования Республики Саха (Якутия): Состояние и перспективы. – Новосибирск: «Наука», 2009. – 120 с.

Сулейбанова М.У. Композитное словообразование в нахских языках. Автореф. … канд. филол. наук / Чеченск. гос. ун-т. – Махачкала, 2009. – 34 с.

Щемерова Н.Н. Графема // Мордовские языки: энциклопедия / науч. ред. А.Н. Келина, А.В. Чернов. – Саранск, 2012. – С. 60–61.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – М.: КомКнига, 2007. – 427 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук [в 4-х т.]. СПб., 1836.

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией [в 5 т.]. СПб., 1841-1842.

АРЭМ – Архив Российского этнографического музея.

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV-начала XVI в. [в 3 т.]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952-1964.

АФЗХ – Акты Феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI веков [в 3 ч.]. М.: Институт истории АН СССР, 1951-1961.

АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта Древней России [в 3 т.]. СПб., 1857-1884.

ВАПП – Всероссийская ассоциация пролетарских писателей (1920-1928 гг.).

ВОАПП – Всесоюзное объединение Ассоциаций пролетарских писателей (1928-1932 гг.).

ВОКП – Всероссийское общество (с 1928 г. – объединение) крестьянских писателей (1921-1932 гг.).

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАСПИТО – Государственный архив социально-политической истории Тюменской области.

ГАТ – Государственный архив в г. Тобольске.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

Гослитиздат – название издательства «Художественная литература» в 1934-1963 гг.

ДОИ – цифровой идентификатор объекта (англ. digital object identifier – DOI).

ДРК – Демократическая Республика Конго.

ЗСФСР – Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (1922-1936 гг.).

ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР.

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.

ИВИ РАН – Институт всеобщей истории Российской академии наук.

ИМЛИ РАН – Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук.

ИРЛИ РАН – Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук.

МАПП – Московская ассоциация пролетарских писателей (1923-1932 гг.).

Наркомнац – Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (1917-1924 гг.).

НБ КФУ – Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета.

НКП РСФСР – Народный комиссариат просвещения РСФСР (1918-1946 гг.).

ОИФН РАН – Отделение историко-филологических наук Российской академии наук.

ОР ИМЛИ – Отдел рукописей Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

ПИФК – научный журнал «Проблемы истории, филологии, культуры».

Пролеткульт – культурно-просветительская и литературно-художественная организация пролетарской самодеятельности при Наркомате просвещения РСФСР (1917-1932 гг.).

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. СПб., 1830.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей (1925-1932 гг.).

РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия.

РНБ – Российская национальная библиотека.

СНГ – Содружество Независимых Государств.

СПбИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук.

ССП – Союз советских писателей, Союз писателей СССР или Советский союз писателей (1934-1991 гг.).

СТО – чрезвычайный высший орган РСФСР (с 1923 г. – СССР), отвечавший за руководство хозяйственным строительством и обороной (1920-1937 гг.).

ТИАМЗ – Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник.

ФОСП – Федерация объединений советских писателей (1926-1932 гг.).

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области.

ЯНОМВК – Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агеева Ольга Гениевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории Российской академии наук.

Акимова Анна Сергеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья, учёный секретарь группы Полного собрания сочинений А.Н. Толстого Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук.

Алпатов Владимир Михайлович – академик РАН, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором языков Восточной и Юго-Восточной Азии, руководитель научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания Российской академии наук.

Аманжолова Дина Ахметжановна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории Российской академии наук.

Ананьев Виталий Геннадьевич – доктор культурологии, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Анисимов Евгений Викторович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

Базарова Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, и. о. заведующего Научно-историческим архивом Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

Басаргина Екатерина Юрьевна – доктор исторических наук, заведующая отделом публикаций и выставочной деятельности Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук.

Бондаренко Дмитрий Михайлович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института Африки Российской академии наук.

Бухарин Михаил Дмитриевич – академик РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель центра истории Древнего Востока Института всеобщей истории Российской академии наук.

Бухаркин Пётр Евгеньевич – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований Российской академии наук.

Воронцова Галина Николаевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья, руководитель группы Полного собрания сочинений А.Н. Толстого Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук.

Головнёв Иван Андреевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник центра арктических исследований Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

Димитров Денис Валерьевич – исполнительный директор по исследованию данных ПАО «Сбербанк».

Добровольская Мария Всеволодовна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заведующая Лабораторией контекстуальной антропологии Института археологии Российской академии наук.

Занин Сергей Викторович – доктор исторических наук, абилитированный доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества, медицины и социальных наук, директор Международного гуманитарного института в Самарском государственном медицинском университете, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук.

Зайцев Илья Владимирович – профессор РАН, доктор исторических наук, заместитель генерального директора Государственного музея Востока.

Козлов Владимир Петрович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

Корниенко Наталья Васильевна – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, заведующая отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук.

Кузнецов Владимир Дмитриевич – доктор исторических наук, заведующий отделом классической археологии Института археологии Российской академии наук.

Лебеденко Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Московская Дарья Сергеевна – доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук.

Петров Александр Юрьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник центра североамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук.

Полонский Вадим Владимирович – член-корреспондент РАН, директор Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук.

Проскурякова Мария Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

Савинов Дмитрий Михайлович – профессор РАН, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фонетики Института русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук.

Сиренов Алексей Владимирович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

Суржикова Наталья Викторовна – доктор исторических наук, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Татевосов Сергей Георгиевич – профессор РАН, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Усачёв Андрей Сергеевич – профессор РАН, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета).

Чубарьян Александр Оганович – академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории Российской академии наук.

Шубин Александр Владленович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник центра сравнительно-исторических исследований стран постсоветского пространства Института всеобщей истории Российской академии наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета и Государственного академического университета гуманитарных наук.

Научное издание

ТРУДЫ
Отделения историко-филологических наук РАН
2022

Том 12

Утверждено к печати
Бюро Отделения историко-филологических наук
Российской академии наук
(постановление от 28.06.2023 г. № 29)

Технический редактор: В.Н. Васильева
Корректор: О.С. Говорухина
Оператор: Н.С. Орлов

Подписано в печать 28.11.2023
Формат 70×100/16
Гарнитура Times.
Печ. л. 26,14. Уч.-изд. л. 21,43.
Тираж 300 экз.

Издатель – Российская академия наук

Отпечатано в типографии ООО «Принт».
426035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5.

Издается по решению Научно-издательского совета
Российской академии наук (НИСО РАН) от 31.03.2023 г.
и распространяется бесплатно